ИСТОРІЯ

ВОЙНЫ 1814 ГОДА ВО ФРАНЦІИ

И НИЗЛОЖЕНІЯ

НАПОЛЕОНА I,

ПО ДОСТОВѢРНЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА М. БОГДАНОВИЧА.

ТОМЪ I,

ЗАКЛЮЧАЮЩІЙ ВЪ СЕБѢ

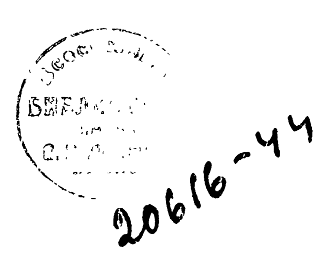
ОПИСАНІЕ СОБЫТІЙ ОТЪ ПРИБЫТІЯ СОЮЗНИКОВЪ НА РЕЙНЪ ДО ЗАКЛЮЧЕНІЯ МИРА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

Печатано съ Высочайшаго соизволенія.

С.-Петербургъ 31 марта 1865 года.



Въ типографіи В. Спиридонова. (Б. Подъяческая № 19.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Зарю свѣтлой надежды встрѣтила Россія при восшествіи на престолъ любимаго внука Великой Екатерины, Александра I. Во цвѣтѣ лѣтъ, уже наученный невзгодами невполнѣ довѣрять людямъ, но не утративъ вѣры въ доброе и прекрасное, Императоръ Александръ посвятилъ первые годы своего владычества преобразованіямъ государственнаго быта. Но, между тѣмъ, на другомъ концѣ Европы, геніяльный воинъ, достигшій побѣдами господства надъ Франціей, не довольствуясь столь высокою долею, возмнилъ повелѣвать всѣми своими сосѣдями. Императоръ Александръ не могъ оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ притѣсненій, совершаемыхъ по праву сильнаго. Онъ предложилъ великимъ германскимъ Державамъ дружно соединиться на общую защиту. Но, къ сожалѣнію, Австрійцы и Пруссаки—братья по происхожденію и языку—были разрознены многолѣтнимъ соперничествомъ. Наполеонъ, пользуясь тѣмъ, обрушился на Австрію. Напрасно Александръ убѣждалъ прусское правительство содѣйствовать Его великодушнымъ усиліямъ; потомки героевъ Семилѣтней войны, считая себя непобѣдимыми, не видѣли разверзтой предъ ними пропасти, остались въ бездѣйствіи и дорого поплатились за преступное равнодушіе къ судьбамъ Германіи. Императоръ Александръ, сдѣлавъ все зависѣвшее отъ Него для Своихъ союзниковъ, истощивъ въ ихъ пользу собственныя средства, заключилъ миръ съ Наполеономъ въ Тильзитѣ.

Соблюденіе условій тильзитскаго трактата было выгодно—какъ для Россіи, такъ и для Франціи, однакоже, несмотря на то, они вскорѣ были нарушены французскимъ правительствомъ. Александръ старался устранить обоюдныя притязанія дипломатическимъ путемъ и предлагалъ войти въ соглашеніе даже тогда, когда Наполеонъ уже переступилъ русскіе предѣлы. «Россія увлекается Рокомъ»—отвѣчалъ завоеватель, гордясь арміями двадцати народовъ. Съ этой минуты Россійскій Монархъ отказался отъ переговоровъ съ Наполеономъ—«пока хотя одинъ вооруженный непріятель оставался на русской землѣ.» Прошло полгода, и..... войска Александра стерли съ лица ея послѣдніе остатки вражескихъ армій. Нетрудно было Императору Александру тогда заключить выгодный миръ. Наполеонъ предлагалъ Ему помириться, еще находясь съ огромною арміей въ Москвѣ. Но когда Пруссія, возставъ противъ общаго притѣснителя, составила первое звено союза германскихъ Державъ, Александръ рѣшился продолжать войну, и отстоявъ честь, славу и независимость Россіи, содѣйствовать освобожденію Европы отъ тяжкаго ига. Французамъ удалось побѣдить Союзниковъ при Люценѣ и Бауценѣ, но обѣ сіи битвы неимѣли никакихъ важныхъ послѣдствій. Наполеонъ, побѣдивъ, но сознавъ свое безсиліе, согласился на перемиріе.

Начались переговоры. Союзники предложили миръ, оставляя Франціи значительную часть ея завоеваній, но Императоръ Александръ, предвидя, что Наполеонъ никогда незахочетъ возстановить въ прежнихъ предѣлахъ глубоко оскорбленную имъ Прусссію, возобновилъ борьбу. Народное побоище подъ Лейпцигомъ открыло Союзникамъ путь къ Рейну; Наполеонъ во второй разъ лишился огромной арміи, и, несмотря однакоже на то, Австрія, довольная одержанными успѣхами, готовилась заключить миръ, оставя общему врагу Рейнъ и Альпы. Нѣтъ сомнѣнія—и Самъ

Императоръ Александръ былъ увѣренъ въ томъ—что Наполеонъ, все еще располагая богатыми средствами, недолго оставался-бы въ покоѣ и вскорѣ предпринялъ-бы возвратить потерянныя имъ владѣнія, внѣ — такъ называемыхъ—*естественныхъ предѣловъ Франціи*. Но, къ счастью Европы, на стражѣ ея стоялъ Александръ.

Подъ Его вліяніемъ начался новый походъ, въ нѣдрахъ самой Франціи, которой легіоны доселѣ безнаказанно вторгались въ другія страны—походъ, рѣшившій судьбу Наполеона. Величайшій полководецъ нашего вѣка совершилъ славныя дѣла и палъ въ неровной борьбѣ. Продолжительное сопротивленіе Французовъ несравненно сильнѣйшимъ Союзникамъ подало поводъ къ ложнымъ сужденіямъ. Приверженцы Наполеона, преувеличивая его подвиги, придавая имъ какое-то сверхъ-естественное магическое значеніе, невходили въ изслѣдованіе обстоятельствъ облегчавшихъ его успѣхи и необъясняли ихъ причинъ. Отдавая должную справедливость искусству нѣкоторыхъ дѣйствій Наполеона въ войну 1814 года, постараюсь по возможности выказать—на сколько способствовали ему ошибки его противниковъ, разногласіе Союзниковъ въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ и вліяніе случая, играющаго столь важную ролю въ военномъ дѣлѣ. Только-лишь вѣрная, безпристрастная оцѣнка всѣхъ этихъ данныхъ можетъ представить въ настоящемъ видѣ міровые факты войны 1814 года, паденія Наполеона и возстановленія Бурбоновъ. На скрижаляхъ Исторіи, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, должны отразиться— и вліяніе этихъ событій на духъ и судьбу народовъ, и степень участія въ дѣйствіяхъ каждаго изъ дѣятелей. На ряду съ военными доблестями Французовъ, надлежитъ показать, до какой степени равнодушія къ общей пользѣ и народной славѣ довело себялюбивое господство Наполеона народъ, стонавшій подъ его желѣзною рукою, и ближайшихъ его сподвижниковъ, осыпанныхъ наградами и милостями. Сча-

стливымъ сочту себя, если мой трудъ сколько-нибудь послужитъ къ разсѣянію ложныхъ показаній, коими враги Россіи мнили затмить славу, пріобрѣтенную цѣною крови храбрыхъ. У насъ нѣтъ горделивыхъ памятниковъ, подобныхъ тѣмъ, коими Французы торжествуютъ дорого имъ стоившее взятіе Севастополя; наши памятники—дѣла нашихъ воиновъ и подвиги добра, совершенные Императоромъ Александромъ: ихъ признали друзья и недруги, и ничто не можетъ изгладить ихъ изъ памяти народовъ. Эпоха покоренія Парижа и перваго парижскаго мира была апогеемъ славы Александра I и стремленія Его ко благу человѣчества. Начиная съ вѣнскаго конгресса, Онъ сталъ убѣждаться на опытѣ, что Его благодѣтельныя намѣренія не могли имѣть ожидаемыхъ Имъ послѣдствій, и вскорѣ принужденъ былъ отказаться отъ Своихъ чистѣйшихъ убѣжденій.

Предположивъ начертать, по возможности, полную картину событій 1814 года во Франціи, я отказался отъ описанія дѣйствій въ Италіи и Испаніи, но неупустилъ изъ вида вліянія ихъ на судьбы Наполеона и Французской Имперіи.

Первый томъ моего сочиненія заключаетъ въ себѣ изложеніе событій отъ перехода Союзныхъ армій на лѣвую сторону Рейна до окончанія войны первымъ парижскимъ миромъ. Во второмъ-же томѣ помѣщены Приложенія, именно: 1) вѣдомости о составѣ и числѣ армій, корпусовъ и отдѣльныхъ отрядовъ, въ различныя эпохи 1814 года; 2) оффиціальныя бумаги и письма; 3) карты и планы, и 4) указанія источниковъ.

Всѣ планы сраженій составлены сходно съ топографическими картами современными войнѣ 1814 года, и, кромѣ того, я, обозрѣвъ поля всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ дѣлъ, старался, по распросамъ у жителей, узнать свойства сихъ мѣстностей во время описанныхъ мною дѣйствій.

Въ числѣ важнѣйшихъ документовъ, помѣщенныхъ въ Приложеніяхъ, долгомъ считаю указать слѣдующіе:

Въ Приложеніи къ главѣ V-й: депешу, найденную у захваченнаго въ плѣнъ передъ сраженіемъ при Ларотьерѣ, полковника Бернара.

Въ Прилож. къ главѣ VI-й: письмо Императора Александра къ Императрицѣ Маріи Өедоровнѣ, послѣ сраженія при Ларотьерѣ.

Въ Прилож. къ главѣ XI-й: записку о дѣйствіи 23-й конной роты полковника Маркова, въ дѣлѣ при Морманъ.

Въ Прилож. къ главѣ XII-й: 1) повелѣнія Императора Александра I и Короля Фридриха-Вильгельма III фельдмаршалу Блюхеру, отъ 13-го (25-го) февраля, изъ Баръ-сюръ-Объ; 2) письмо графа Радецкаго къ князю Волконскому, отъ 28-го февраля, изъ Коломбей.

Въ Прилож. къ главѣ XV-й: письмо принца прусскаго Вильгельма къ генералу Іорку.

Въ Прилож. къ главѣ XIX-й: 1) протоколъ конференціи 29-го генваря н. ст. въ Лангрѣ; 2) Собственноручныя замѣчанія Императора Александра на вопросы предложенные Вѣнскимъ Дворомъ; 3) мнѣніе Государя, о необходимости продолжать войну; 4) протоколъ совѣщанія въ Баръ-сюръ-Объ, 13-го (25-го) февраля, и 5) декларацію о прекращеніи переговоровъ въ Шатильонѣ.

Въ Прилож. къ главѣ XXII-й: слова, сказанныя Императоромъ Александромъ Мих. Өедор. Орлову, при отправленіи его на переговоры о сдачѣ Парижа.

Въ Прилож. къ главѣ XXIII-й: декларацію Императора Александра по вступленіи въ Парижъ.

Въ Прилож. къ главѣ XXIV-й: декретъ французскаго сената о низложеніи (déchéance) Наполеона.

Въ Прилож. къ главѣ XXV-й: письмо Императора Александра къ Королю Людовику XVIII.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Положеніе дѣлъ въ политическомъ отношеніи при открытіи похода во Францію.

СОДЕРЖАНІЕ.

Положеніе Франціи въ концѣ 1813 года.—Наклонность къ миру обѣихъ сторонъ.—Виды Союзниковъ.—Равнодушіе Германіи къ общему дѣлу.—Политика первостепенныхъ Державъ.—Преобладаніе «партіи мира.»—Союзники открываютъ переговоры съ Наполеономъ.—Условія ими предложенныя въ Франкфуртѣ.

Безвыходное положеніе Наполеона.—Чрезвычайныя конскрипціи.—Мѣры принятыя для возбужденія Французовъ къ народнымъ вооруженіямъ.—Разстройство финансовъ и мѣры принятыя для удовлетворенія военнымъ издержкамъ.—Переписка въ слѣдствіе франкфуртскихъ предложеній.—«Партія войны» одерживаетъ верхъ въ Совѣтѣ Союзниковъ.—Декларація 19-го ноября (1-го декабря).—Наполеонъ рѣшается созвать народныхъ представителей.—Адресы Сената и Законодательнаго Собранія.—Негодованіе Наполеона.—Послѣдствія того.

Въ концѣ 1813 года Союзники достигли Рейна. Германія была освобождена отъ Наполеона, и хотя французскія знамена еще развѣвались на стѣнахъ немногихъ крѣпостей, въ тылу Союзныхъ армій, однакоже участь защитниковъ этихъ твердынь не подлежала сомнѣнію: они были обречены гибели и плѣну. Наполеонъ, послѣ сраженія при Ганау, отступивъ за Рейнъ съ остатками многочисленной арміи, не превышавшими семидесяти тысячъ человѣкъ, лишился большей части ихъ отъ тифозной горячки—слѣдствія трудовъ и лишеній послѣдней кампаніи. Конскрипты, высылаемые на пополненіе арміи, не успѣвали замѣщать убылыхъ людей и гибли вмѣстѣ съ старыми солда-

тами. Войнолюбивая Франція, потерявъ цвѣтъ своего народонаселенія въ Россіи и Германіи, жаждала мира. Ближайшіе сподвижники Наполеона, пресыщенные почестями и неимѣвшіе возможности пользоваться пріобрѣтеннымъ ими достояніемъ, перестали мечтать о новыхъ побѣдахъ и славѣ (¹). До 1813 года, Наполеонъ столько же неумѣренно пользовался средствами подвластныхъ ему странъ, сколько и самой Франціи: въ 1812 году, половина его арміи, наводнившей Россію, состояла изъ иностранцевъ, но по отступленіи за Рейнъ у него, кромѣ Французовъ, остались лишь немногіе Поляки—остатки легіоновъ, усѣявшихъ своими костьми Европу отъ Волги до Тага. Союзниковъ у него не было, потому что изъ германскихъ владѣтелей ему преданныхъ, либо находившихъ выгоду поддерживать его владычество, одни бѣжали изъ своихъ столицъ, а другіе торопились пристать къ сторонѣ Союзниковъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, когда у Наполеона не было—ни собственныхъ средствъ для веденія войны, ни надежды на постороннюю помощь, онъ, видя во Франціи общую жажду къ миру, не хотѣлъ однакоже купить его цѣною какихъ-либо важныхъ уступокъ, да ежели-бы и рѣшился на такой миръ, то единственно въ надеждѣ оправиться, собраться съ силами и рано или поздно возвратить все потерянное. Причину тому должно искать въ положеніи счастливаго воина, проложившаго мечемъ себѣ путь къ престолу. Всякая уступка Союзникамъ могла-бы помрачить лучезарное сіяніе прежнихъ побѣдъ его и усилила-бы враждебныя ему партіи во Франціи. Наполеонъ, будучи принужденъ продолжать войну до послѣдней крайности и зная весьма хорошо, что неудачи всѣхъ прежнихъ коалицій противъ Франціи преимущественно происходили отъ разногласія ихъ Членовъ, старался поселить раздоръ между Союзниками. Не надѣясь привлечь на свою сторону—ни Императора Александра, ни вѣрнаго союзника и друга Его, Короля Прусскаго, Наполеонъ питалъ надежду, что родственныя связи его съ Австрійскимъ Домомъ не дозволятъ Императору Францу довести дѣло до крайности, и коснѣлъ въ своемъ убѣжденіи, не смотря на предостереженія Меттерниха, державшаго въ рукахъ

всѣ запутанныя нити политики Вѣнскаго Кабинета. Еще непонятнѣе были-бы надежды Наполеона на Бернадотта, и въ особенности послѣ прежнихъ, весьма недружелюбныхъ отношеній между ними, еслибъ Бернадоттъ самъ не подалъ повода сомнѣваться въ его преданности общему дѣлу коалиціи, своими двусмысленными дѣйствіями въ войну 1813 года ([2]). Отложеніе Мюрата отъ Франціи уже не подлежало сомнѣнію, однако-же не смотря на то, Король Іосифъ, по порученію Наполеона, старался убѣдить своего легкомысленнаго зятя въ неосновательности его поведенія ([3]).

Положеніе Императора Французовъ было безвыходно. Союзники знали, что всякій мирный договоръ съ нимъ былъ не что иное, какъ болѣе или менѣе кратковременное перемиріе, и что Европа не могла надѣяться на прочное спокойствіе, пока Наполеонъ оставался властителемъ Франціи. Надлежало воспользоваться его ослабленіемъ и довершить одержанные успѣхи окончательнымъ ударомъ. Тѣмъ не менѣе однако-же со стороны Союзниковъ проявлялась наклонность къ заключенію мира. Правда—народы сѣверной Германіи, наиболѣе потерпѣвшіе отъ ига, наложеннаго на нихъ Наполеономъ, вооружались усердно, зная, что съ достиженіемъ Рейна еще не было упрочено освобожденіе ихъ отечества, и что слѣдовало довершить дѣло, отстоявъ независимость ихъ братій въ зарейнской странѣ. «Рейнъ—рѣка Германіи, а не граница ея» восклицалъ Арндтъ и повторяли за нимъ его соотечественники. Но люди болѣе осторожные совѣтовали ограничиться одержанными успѣхами и воспользоваться ими для достиженія мира. Еще были свѣжи воспоминанія невзгодъ, понесенныхъ германскими войсками въ революціонныя войны и въ борьбу съ Наполеономъ; еще дымились сожженные города и селенія и на каждомъ шагу въ Германіи встрѣчались лишенные крова, обнищавшіе ея жители.

Ослабленіе Франціи было извѣстно Союзникамъ, но невполнѣ, и прежнее могущество ея, какъ грозный призракъ, устрашая робкихъ, поражало бездѣйствіемъ порывы смѣлыхъ. Геніяльныя способности Наполеона и опасенія всеобщаго возста-

*

нія Французовъ на защиту страны, побуждали многихъ вліятельныхъ лицъ коалиціи предлагать мѣры предосторожности на случай неудачи дальнѣйшихъ дѣйствій. По видимому, вторженіе въ за-рейнскія области требовало укомплектованія Союзныхъ армій и обезпеченія ихъ съ обоихъ фланговъ занятіемъ Нидерландовъ и Швейцаріи. Многіе изъ Союзныхъ генераловъ, недовольствуясь тѣмъ и считая зимній походъ во Францію несбыточнымъ, думали отложить открытіе военныхъ дѣйствій до весны, а между тѣмъ устроить большіе склады запасовъ, приготовить средства къ переправѣ черезъ Рейнъ и ограничиться осадою Майнца. Даже Король Прусскій полагалъ, что вторженіе въ непріятельскую страну необѣщало успѣха и что гораздо выгоднѣе было заключить миръ (4). Двадцати-лѣтнее господство Франціи до того подавило духъ нѣмцевъ, что помыслы многихъ изъ нихъ ограничивались занятіемъ линіи по Рейну. Самъ пылкій пѣвецъ независимости Германіи Теодоръ Кёрнеръ, въ началѣ войны 1813 года, возглашалъ:

«Mit Gott! Einst geht hoch über Feindesleichen
«Der Stern des Friedens auf;
«Dann pflanzen wir ein weisses Siegeszeichen
«Am freien Rheinstrom auf.» (5).

Да и вообще, политика Союзныхъ Державъ склонялась болѣе къ миру, нежели къ войнѣ.

Австрійское правительсто считало Наполеона достаточно ослабленнымъ и надѣялось, при заключеніи мира, получить безпрекословно свои прежнія области въ Германіи и значительную часть Италіи. Къ тому-же—ни Императоръ Францъ, ни полководецъ его князь Шварценбергъ, по личнымъ своимъ качествамъ, не надѣялись играть первостепенной роли на поляхъ битвъ и въ Совѣтахъ европейской коалиціи; напротивъ того—Императоръ Александръ, постоянно дѣлившій съ войсками труды, лишенія и опасности походной жизни, господствовавшій въ совѣщаніяхъ силою слова, покорявшій сердца благодушіемъ и ласковымъ привѣтомъ, былъ безспорно главою Союза, а Король Фридрихъ-Вильгельмъ, будучи соединенъ съ Нимъ неразрывною дружбою, всегда и вездѣ держалъ сторону

Россіи. Русскіе, устоявъ одни на европейскомъ материкѣ противъ завоевателя , покорившаго своему произволу прочія Державы, имѣли первый голосъ въ Ареопагѣ Европы. Въ такихъ обстоятельствахъ, дальнѣйшее продолженіе войны, могшее послужить къ упроченію преобладанія Россіи, казалось опаснымъ Вѣнскому Кабинету. Родство Императора Франца съ Наполеономъ подавало Меттерниху надежду къ заключенію тѣснаго союза съ Франціею, для противодѣйствія Россіи и Пруссіи, и потому Австрійцы были готовы прекратить военныя дѣйствія цѣною всевозможныхъ уступокъ французскому правительству.

Еще болѣе желали мира южно-германскіе владѣтели, члены распавшагося Рейнскаго Союза. Съ одной стороны, они опасались, въ случаѣ возобновленія Германской Имперіи, или раздѣленія Германіи на двѣ части—австрійскую и прусскую, (какъ предлагалъ Штейнъ), потерять верховную власть надъ своими землями, либо лишиться части ихъ при новомъ размежеваніи Европы, а съ другой—ихъ тревожили народныя вооруженія, Tugendbund, и вообще всякое проявленіе духа самостоятельности ихъ подданныхъ. Невозможно было сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти владѣтели, оставляя Наполеона и присоединяясь къ враждебной ему коалиціи, руководились не сознаніемъ стыда повиноваться притѣснителю ихъ отечества, не убѣжденіемъ въ правотѣ дѣла, за которое подвизались Союзники, а желаніемъ сохранить свои владѣнія. По мнѣнію Штейна, надлежало поручить управленію Центральной Коммисіи нетолько области, завоеванныя Союзными войсками, но и вообще земли, принадлежавшія второстепеннымъ германскимъ владѣтелямъ; однакоже всѣ они, за исключеніемъ весьма немногихъ, предупредили угрожавшую имъ опасность, заключивъ, чрезъ посредство австрійскаго правительства, договоры о своемъ присоединеніи къ коалиціи. Вѣнскій Кабинетъ, способствуя германскимъ князьямъ выдти изъ сомнительнаго положенія, въ которомъ они находились по отступленіи французскихъ войскъ за Рейнъ, имѣлъ въ виду пріобрѣсть надъ ними вліяніе, и чрезъ то, не позволить Пруссіи занять первое мѣсто въ Германіи ([6]). Еще до сраженія подъ Лейпцигомъ, 29-го августа

(10-го сентября) Король Баварскій изъявилъ Императору Александру (*) готовность свою пристать къ коалиціи противъ Наполеона, а 26-го сентября (8-го октября) былъ заключенъ въ Ридѣ союзный трактатъ между Австріею и Баваріею, въ послѣдствіи утвержденный Россіею и Пруссіей. На основаніи этого договора, имѣвшаго цѣлью »опредѣлить послѣдующія отношенія германскихъ владѣній,» (für die nachgerige Gestaltung der deutschen Verhältnissen), постановлены слѣдующія условія: Императоръ Австрійскій обязался, за себя и за своихъ Союзниковъ, гарантировать Короля Баварскаго въ полномъ и самостоятельномъ обладаніи всѣми землями, коими онъ владѣлъ до начала войны, а Король обѣщалъ немедленно присоединить свои войска къ австрійской арміи. По секретнымъ условіямъ того-же трактата, Австрія обязывалась, въ случаѣ, ежели-бы отъ Баваріи, при заключеніи общаго мира, отошли какія-либо области, настаивать на полномъ за нихъ вознагражденіи. Императоръ Австрійскій и Король Баварскій взаимно обязались въ продолженіе настоящей войны содержать постоянно въ полѣ—первый 150,000, а второй 36,000 человѣкъ ([7]). Въ деклараціи отъ 2-го (14-го) октября, баварское правительство, исчисливъ подробно всѣ жертвы, принесенныя Баваріей въ пользу Франціи, поставляло на видъ, что Наполеонъ нарушилъ принятыя имъ на себя обязательства—защищать владѣтелей Рейнскаго Союза, и что еслибъ Баварія продолжала, по прежнему, держать его сторону, то подверглась-бы всевозможнымъ бѣдствіямъ, неимѣя возможности принесть ему никакой пользы. Король Виртембергскій Фридрихъ I объявилъ, что Наполеонъ не исполнилъ въ отношеніи къ нему обязанности—защищать его, и что онъ, присоединяясь къ Союзнымъ Державамъ, имѣетъ въ виду обезпечить спокойствіе своей страны ([8]). Король надѣялся, что Союзники, зная его преданность Наполеону, постараются упрочить его расположеніе къ себѣ увеличеніемъ виртембергскихъ владѣній. Но какъ, при свиданіи его съ Со-

(*) Императоръ Александръ и Максимиліанъ Іосифъ I имѣли въ супружествѣ сестръ Великаго герцога Баденскаго.

юзными Государями въ Франкфуртѣ, о томъ не было и въ помннѣ, то онъ счелъ себя въ правѣ непрерывать прежнихъ сношеній съ Наполеономъ и въ февралѣ 1814 года, послѣ побѣдъ его надъ Силезскою арміей, изъявлялъ ему желаніе, чтобы дѣйствія Французовъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и готовность свою снова стать подъ его знамена. Прочіе германскіе князья большею частію также были готовы обратиться на сторону властителя Франціи, и потому Союзники, въ случаѣ неудачи вторженія за Рейнъ, могли подвергнуться неминуемой опасности (9). Дальновидный Штейнъ, прибывъ въ Франкфуртъ 1-го (13-го) ноября, въ то время, когда многіе изъ германскихъ владѣтелей еще не присоединились къ коалиціи, предложилъ устранить ихъ, поручивъ управленіе ихъ землями Центральной Коммисіи. По мнѣнію Штейна, это способствовало-бы извлечь всевозможную пользу изъ средствъ, представляемыхъ сими владѣніями и облегчило-бы существенно будущее устройство Германіи. Но Союзные Монархи не одобрили предположеній Штейна, и вмѣсто того, чтобы предоставить Центральной Коммисіи право распоряжаться судьбами Германіи, ограничили ея дѣятельность наборомъ войскъ и взиманіемъ поставокъ и налоговъ въ земляхъ ввѣренныхъ ея управленію (10). Изъ числа германскихъ князей лишились владѣній немногіе: Король Вестфальскій Іеронимъ братъ Наполеона и малолѣтній племянникъ его Великій герцогъ бергскій; Великій герцогъ франкфуртскій (Дальбергъ) председатель Рейнскаго Союза, удалившійся въ свое констанское епископство; родственникъ его принцъ Лейенскій и преданный Наполеону принцъ Изенбургскій. Ихъ земли были раздѣлены на два управленія (генералъ-губернаторства), франкфуртское и бергское, по примѣру саксонскаго: въ послѣднемъ назначили генералъ-губернаторомъ русскаго генерала, князя Репнина; въ Франкфуртѣ былъ австрійскій генералъ-губернаторъ, сперва принцъ Филиппъ гессенъ-гомбургскій, а потомъ—принцъ рейсскій; въ бергскихъ владѣніяхъ—прусскій генералъ-губернаторъ, сперва государственный совѣтникъ (Staatsrath) Грунеръ, а потомъ—генералъ принцъ Солмсскій (11).

Вообще владѣтели бывшаго Рейнскаго Союза, будучи пре-

доставлены самимъ себѣ, неотличались усердіемъ къ общему дѣлу освобожденія Германіи. Многіе изъ нихъ, нелюбимые своими подданными и недовѣрявшіе имъ, опасались народныхъ вооруженій. Король Виртембергскій не только затруднялъ образованіе ополченія изъ охотниковъ и ландвера, но хотѣлъ арестовать полковника Рюле, занимавшагося ихъ формированіемъ по порученію Центральной Коммисіи; по его повелѣнію, во всей подвластной ему странѣ были отобраны у жителей ружья, и даже запрещено имъ держать у себя пики. Въ такомъ-же духѣ дѣйствовало въ Баваріи министерство Монжеласа; Наслѣдный принцъ, преданный дѣлу Германіи, не имѣлъ никакого вѣса. Ганноверское правительство не озаботилось подать какую-либо помощь волонтерамъ, находившимся въ крайности. Герцогъ Кумберландскій сформировалъ кавалерійскій полкъ, обращая вниманіе преимущественно на то, чтобы всѣ офицеры въ полку были дворяне. Да и вообще, въ Германіи исполнили въ точности свои обязанности, въ отношеніи къ общему дѣлу, только: герцоги—саксенскіе и ангальтъ-дессаускій, князья шварцбургскіе и липпе-бюкебургъ, вольные города Бременъ и Любекъ ([12]).

Изъ всего сказаннаго не трудно вывести заключеніе, въ какой мѣрѣ Союзники могли надѣяться на содѣйствіе освобожденныхъ ими отъ зависимости Наполеону рейнскихъ владѣтелей.

Въ настоящее время воспоминанія о великихъ подвигахъ, совершенныхъ Императоромъ Александромъ и Русскими, изгладились въ памяти народовъ, которые наиболѣе ими воспользовались, но въ 1813-мъ и 1814-мъ годахъ никто въ Германіи не отрицалъ, что изъ всѣхъ Державъ, ополчившихся противъ Наполеона, Россія сдѣлала наибольшія жертвы и нанесла Наполеону наиболѣе чувствительные удары. Преобладаніе завоевателя, послѣ похода въ Россію, поколебалось въ самомъ основаніи; континентальная система и Рейнскій Союзъ разрушились; самая Франція была ослаблена уничтоженіемъ двухъ огромныхъ армій. Нѣкоторые изъ русскихъ генераловъ, соображая, съ одной стороны, что Наполеонъ уже не могъ быть опасенъ для Рос-

сіи, а съ другой — не надѣясь на дружныя усилія Германіи въ пользу общаго дѣла, полагали, что, по успѣшномъ окончаніи войны 1813 года, наконецъ настала для Россіи пора пожать плоды побѣды. И дѣйствительно — Наполеонъ въ то время согласился-бы на удовлетвореніе всѣхъ требованій Императора Александра, не стоившее Франціи никакихъ пожертвованій. Для Германіи уже сдѣлано было Русскими все, чего она имѣла право надѣяться отъ великодушнаго защитника ея независимости; дальнѣйшее-же продолженіе войны, по мнѣнію поборниковъ мира, могло быть вредно для самой Россіи. Завоеваніе Союзниками Голландіи казалось бѣдствіемъ нѣкоторымъ изъ Русскихъ, потому что Англичане стремились присвоить богатыя средства этой страны, и достиженію ихъ цѣли по видимому способствовалъ предположенной тогда бракъ принцессы валлисской съ прицемъ Оранскимъ (въ послѣдствіи — Королемъ) Вильгельмомъ. Императоръ Александръ, твердо убѣжденный въ непрочности мира съ Наполеономъ, считалъ низверженіе его съ престола необходимымъ условіемъ спокойствія Европы; войска и начальники ихъ стремились къ новымъ побѣдамъ, но въ совѣтѣ Русскаго Монарха раздѣляли Его мнѣніе лишь непоколебимый Штейнъ и мстительный Поццо-ди-Борго ([13]).

Готовясь къ новой борьбѣ, Россія надѣялась на содѣйствіе Пруссіи, гдѣ многіе изъ государственныхъ сановниковъ и всѣ военные желали продолженія войны. Блюхеръ и его сподвижники жаждали случая отплатить Французамъ въ Парижѣ за своевольные ихъ распорядки въ Берлинѣ; къ тому-же Пруссія не могла ожидать значительнаго вознагражденія за понесенныя ею потери, пока Наполеонъ владѣлъ лѣвою стороною Рейна. Но хотя Король Фридрихъ-Вильгельмъ сознавалъ истину сего мнѣнія и готовъ былъ дружно содѣйствовать Императору Александру, однако-же полагалъ, что Наполеонъ, дѣйствуя въ собственной странѣ, могъ оказать весьма упорное сопротивленіе, и что не слѣдовало подвергать случайностямъ войны успѣховъ пріобрѣтенныхъ дорогою цѣною ([14]).

Что касается до Англіи, то она была изнурена продолжительною войною, и государственный долгъ ея достигъ чрезвы-

чайныхъ размѣровъ (свыше 600 милліоновъ фунт. стерлинг. или четырехъ тысячъ милліоновъ рублей серебромъ). Въ концѣ 1813 года, великобританское правительство могло и безъ продолженія войны достигнуть предположенныхъ имъ цѣлей: возстановленія законныхъ династій въ Испаніи, Голландіи, Неаполѣ и Піемонтѣ, обладанія важными колоніями, совершеннаго уничтоженія континентальной системы. Въ ноябрѣ 1813 года, англійскія войска, подъ начальствомъ Веллингтона, вторгнулись въ южные департаменты Франціи. Въ то время, прочія Союзныя арміи еще оставались въ бездѣйствіи на Рейнѣ, что̀ подало поводъ Англичанамъ привѣтствовать своего вождя именемъ «освободителя Европы» ([15]). Такимъ образомъ и меркантильныя выгоды, и народная гордость Джона-Буля, были удовлетворены вполнѣ; послѣдующая-же судьба Германіи была нечужда Англіи единственно по тому, что Король Великобританскій владѣлъ Ганноверомъ ([16]).

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что въ Совѣтѣ Союзниковъ преобладала партія мира.

Меттернихъ, весьма хорошо знавшій, что мирные переговоры и прекращеніе войны могли доставить австрійскому правительству значеніе, ускользавшее изъ рукъ его при дальнѣйшемъ продолженіи борьбы съ Наполеономъ, искусно воспользовался благопріятнымъ для него вліяніемъ поборниковъ мира. Изворотливый дипломатъ, являясь сторонникомъ ихъ, выказывалъ умѣренность и безкорыстіе Вѣнскаго Кабинета Нетрудно было предвидѣть, что такую политику станутъ поддерживать всѣ люди нерѣшительные, робкіе, составляющіе большинство всякаго сборища. Отсутствіе Штейна, остававшагося въ Дрезденѣ, гдѣ онъ былъ занятъ до начала (половины) ноября устройствомъ временнаго управленія Саксоніи, также немало способствовало замысламъ австрійскаго министра. Хотя на предложенія сдѣланныя Императоромъ Французовъ, 5 (17) октября, чрезъ графа Мерфельдта, тогда не было дано Союзниками никакого отвѣта, однакоже Меттернихъ, сообразивъ все сказанное при этомъ случаѣ Наполеономъ, рѣшился открыть переговоры. Онъ надѣялся, что завоеватель, ослабленный понесенными потеря-

ми, сдѣлается болѣе сговорчивымъ. Послѣ сраженія подъ Лейпцигомъ, французскій дипломатъ баронъ Сентъ Эньянъ (St. Aignan), захваченный въ плѣнъ казаками полковника Храповицкаго, былъ призванъ въ Франкфуртъ. Тамъ принялъ его князь Меттернихъ, въ присутствіи русскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде и англійскаго министра лорда Эбердина (Aberdeen). Условія мира, сообщенныя Меттернихомъ Сентъ-Эньяну, для доведенія ихъ до свѣдѣнія Наполеона, заключались въ слѣдующемъ:

1) Союзники желали общаго мира.

2) Они были согласны оставить Францію въ естественныхъ предѣлахъ, ограничивъ ее: Рейномъ, Альпами и Пиренеями.

3) Независимость Германіи и возстановленіе династіи Бурбоновъ въ Испаніи были непремѣнными условіями мира.

4) Независимость Италіи и Голландіи, какъ отъ Франціи, такъ и отъ прочихъ Державъ, была признана. Образъ ихъ правленія и границы австрійскихъ владѣній въ Италіи долженствовали быть опредѣлены на основаніи переговоровъ.

5) Со стороны Англіи изъявлена готовность къ важнымъ уступкамъ и къ обезпеченію мореплаванія и торговли.

6) Въ случаѣ принятія этихъ условій Императоромъ Наполеономъ, предполагалось, съ обоюднаго согласія, признать неутральнымъ какой-либо городъ на правой сторонѣ Рейна и пригласить туда, для веденія переговоровъ, уполномоченныхъ всѣхъ воюющихъ Державъ, не прерывая однакоже военныхъ дѣйствій ([17]).

Съ этими условіями, изложенными письменно, баронъ Сентъ-Эньянъ отправился, въ ночи съ 10-го на 11-е ноября н. ст. чрезъ Майнцъ, въ Парижъ.

Незадолго предъ тѣмъ, 28-го октября (9-го ноября), Наполеонъ, возвратясь въ свою столицу, приступилъ къ формированію новой арміи и къ пріисканію финансовыхъ средствъ для продолженія войны. Положеніе Франціи было весьма бѣдственно. Войска, возвратившіяся изъ Германіи, ежедневно ослаблялись повальными болѣзнями; въ Италіи, Вице-король едва удерживался противъ превосходныхъ силъ австрійской ар-

мін, а Мюратъ уже готовился возстать противъ своего отечества; со стороны Испаніи, Веллингтонъ угрожалъ перешагнуть черезъ Пиренеи. Въ самой Франціи, роялисты, республиканцы—всѣ партіи, недовольныя господствомъ Наполеона, но подавленныя его желѣзною рукою, возстали, соединясь въ общихъ усиліяхъ, враждебныхъ ему. Бернадоттъ, зная о томъ, уже не скрывалъ желанія и надеждъ своихъ — сдѣлаться властителемъ Франціи. Посланный имъ, для объясненія по этому предмету, къ Королю Прусскому, маіоръ графъ Калькрейтъ получилъ приказаніе изложить подробно о сношеніяхъ Наслѣднаго шведскаго принца и общей къ нему преданности во Франціи. При этомъ принцъ довольно наивно замѣтилъ, что «дѣйствія его, во все «продолженіе войны, по видимому, нисколько не повредили ему «въ глазахъ Французовъ.» Наслѣдный принцъ, стремясь къ осуществленію своихъ плановъ, полагался на содѣйствіе Императора Александра, хотя Государь неподавалъ къ тому ни малѣйшаго повода. Питая такіе замыслы, Бернадоттъ старался отклонить Союзниковъ отъ вторженія за Рейнъ, которое, по его мнѣнію, могло побудить Французовъ къ поголовному ополченію, и по тому онъ предлагалъ ограничиться объявленіемъ, что война ведется не противъ Франціи, а противъ Наполеона ([18]). При всей несбыточности надеждъ принца, нельзя не замѣтить, что положеніе Французской Имперіи подавало къ нимъ поводъ. Наполеонъ, отвсюду окруженный непріятелями, угрожаемый измѣною, находился въ безвыходномъ положеніи, неимѣя ни войскъ, ни средствъ, для веденія войны. Крѣпости въ Германіи, сильно вооруженныя и занятыя французами, стоили имъ ста сорока тысячъ человѣкъ гарнизонами и огромныхъ суммъ; во Франціи-же, для обороны пограничныхъ пунктовъ, оставались одни лишь депо, да и вооруженіе этихъ крѣпостей было весьма недостаточно. Финансы были истощены столько-же, сколько и вооруженныя силы. Общинныя имѣнія (les domaines communaux), назначенныя для покрытія дефицитовъ 1811-го, 12-го и 13-го годовъ, не находили покупщиковъ. Состояніе народнаго духа неподавало надежды на дружную оборону страны. Войска, по прежнему, были готовы пролить

свою кровь до послѣдней капли, но роптали гласно, сочувствуя общему неудовольствію. Народъ, разочарованный въ непобѣдимости Наполеона, утратившій къ нему довѣріе, убѣдился, какъ можетъ быть пагубенъ произволъ геніяльнаго властителя. Въ продолженіи двадцати лѣтъ Французы вели наступательныя войны, вторгались въ чужія земли, занимали столицы иностранныхъ государствъ пользовались средствами покоренныхъ ими странъ, какъ законною добычею. Теперь—когда настало время расплаты—уныніе овладѣло всѣми. Небыло единодушія, спасшаго Францію въ 1792-мъ и 1800 годахъ Славолюбіе, столь свойственное Французамъ, уступило мѣсто равнодушію къ общему дѣлу и желанію тишины и спокойствія.

Еще при отъѣздѣ Наполеона изъ Дрездена, предъ лейпцигскимъ сраженіемъ, онъ поручилъ своей супругѣ Маріи-Луизѣ истребовать постановленіе Сената на вызовъ конскрипціи 1815 года, въ числѣ ста шестидесяти тысячъ человѣкъ, и, сверхъ того, на чрезвычайный наборъ ста двадцати тысячъ человѣкъ изъ молодыхъ людей, подлежавшихъ конскрипціи въ 1812-мъ, 13-мъ и 14-мъ годахъ и уже уволенныхъ отъ военной службы. Сенатъ, исполняя волю своего повелителя, обнародовалъ требуемые декреты, но осуществить ихъ на дѣлѣ было весьма трудно. Конскрипты 1815-го года, едва достигшіе 18-ти или 19-ти лѣтняго возраста, не могли переносить походныхъ трудовъ и лишеній, и Наполеонъ, убѣжденный въ томъ на опытѣ, вызвалъ конскрипцію 1815 года, единственно съ цѣлью образовать изъ ней гарнизоны и запасныя войска. Что-же касается до ста двадцати тысячъ конскриптовъ прежнихъ лѣтъ, то призывъ ихъ могъ возбудить въ народѣ общее неудовольствіе, и по тому, для облегченія набора, было приказано освободить отъ службы не только женатыхъ, но и всѣхъ, считавшихся необходимыми для своихъ семействъ. Само собою разумѣется—такія ограниченія значительно уменьшили число конскриптовъ: оказалось, что, вмѣсто предположенныхъ ста двадцати тысячъ человѣкъ, можно было набрать не болѣе шестидесяти тысячъ. Чтобы укомплектовать армію, Наполеонъ рѣшился вызвать на службу холостыхъ людей всѣхъ прежнихъ конскрипцій съ

1803-го по 1813-й годъ, въ числѣ до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ, что̀, вмѣстѣ съ предшествовавшимъ наборомъ, должно было доставить болѣе полумилліона конскриптовъ, но этотъ разсчетъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался весьма преувеличеннымъ ([19]).

Наполеонъ, желая побудить Государственный Совѣтъ къ содѣйствію его видамъ, поручилъ Реньò де-Сентъ-Жанъ д'Анжели изложить необходимость чрезвычайныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Подобно тому какъ прежде неудача похода въ Россію была приписана льстецами Наполеона единственно русской стужѣ, подобно тому—Реньò разглагольствовалъ въ Совѣтѣ о «вѣроломномъ» отпаденіи Баваріи, объ «измѣнническомъ» переходѣ Саксонцевъ на сторону Союзниковъ, о безтолковости капрала, взорвавшаго мостъ на Эльстерѣ; онъ старался убѣдить своихъ слушателей въ томъ, что ни Императоръ, ни его маршалы, ни храбрая франрузская армія, небыли виновны въ бѣдственныхъ послѣдствіяхъ войны 1813 года. Описавъ яркими красками опасность, угрожавшую странѣ, ораторъ возгласилъ: «всѣ Французы готовы откликнуться на призывъ отечества. Всѣ они знаютъ, чего должны ожидать отъ дикой мести непріятеля. Чего можемъ надѣяться отъ него, кромѣ гибели или постыднаго мира? Пусть отвсюду устремятся воины Франціи на защиту родины!» Какъ эта рѣчь не оказала сильнаго вліянія, то самъ Наполеонъ продолжалъ: «къ чему скрывать отъ народа правду? Развѣ Веллингтонъ уже не вторгнулся въ южные предѣлы Имперіи? Развѣ не угрожаютъ намъ съ сѣвера войска русскія, съ востока Австрійцы? Какой позоръ! И народъ ещѐ не возсталъ дружно, чтобы изгнать ихъ! Мнѣ нужно 300,000 человѣкъ». Наполеонъ, отложивъ созваніе Законодательной палаты (corps législatif), устранилъ ея участіе въ совѣщаніяхъ о предположенномъ наборѣ, а Сенатъ единогласно постановилъ привести его въ исполненіе ([20]).

Желая сдѣлать войну народною, Наполеонъ употребилъ къ тому всевозможныя средства: убѣжденіе, хитрость и насиліе. Реньè (Regnier), министръ юстиціи и верховный судья (grand juge) Имперіи, разослалъ циркуляръ всѣмъ главнымъ чинов-

никамъ своего вѣдомства, поставляя имъ въ обязанность возбуждать духъ въ народѣ, чтобы ускорить наборъ трехъ сотъ тысячъ конскриптовъ. Наполеонъ, недовольствуясь тѣмъ, приказалъ двадцати семи сенаторамъ и Членамъ Государственнаго Совѣта отправиться въ центральные пункты управленій, для приготовленія жителей, на случай надобности, къ поголовному вооруженію. Эти сановники, въ качествѣ намѣстниковъ Императора, были облечены неограниченною властью. Редакторы періодическихъ изданій получили отъ министерства полиціи приказаніе не только не скрывать, но преувеличивать опасность, угрожавшую Франціи. Для образованія летучихъ отрядовъ, правительство разрѣшило каждому, успѣвшему собрать партію, въ числѣ неменѣе десяти всадниковъ, либо двадцати пѣхотинцевъ, воевать по собственному усмотрѣнію. Появились отряды искателей добычи, подобные разбойничьимъ шайкамъ, въ послѣдствіи грабившіе и убивавшіе Союзниковъ по одиначкѣ, въ тылу ихъ армій, и придавшіе Малой войнѣ дикій, жестокій характеръ, заимствованный Французами въ Испаніи у гверильясовъ. Префекты восточныхъ департаментовъ получили строжайшія предписанія истреблять, при появленіи непріятеля, всѣ средства къ продовольствованію войскъ и задерживать его уничтоженіемъ переправъ, порчею дорогъ, и проч. Приказано было имъ также озаботиться снабженіемъ крѣпостей жизненными припасами, лѣсомъ и другими матеріалами, посредствомъ реквизицій въ окрестной странѣ; тогда-же всѣ полковыя депо были переведены изъ пограничныхъ пунктовъ въ крѣпости второй линіи, которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, приводились на-скоро въ оборонительное состояніе ([21]).

Недостатокъ въ финансовыхъ средствахъ заставилъ Наполеона принять чрезвычайныя мѣры. Не успѣвъ обратить въ ходячую монету общинныя имущества, продажею коихъ предполагалось покрыть дефицитъ прежнихъ лѣтъ, онъ былъ принужденъ замѣнить билетами кассы погашенія долговъ (bons de la caisse d'amortissement) всѣ капиталы французскаго банка и другихъ кредитныхъ учрежденій, и выдать изъ частной своей казны. хранившейся въ кладовыхъ Тюльерійскаго дворца, 63

милліона франковъ. Но какъ, не смотря на то, оказался дефицитъ текущаго года въ 300 милліоновъ, то, для удовлетворенія необходимѣйшимъ расходамъ, Наполеонъ, не имѣя возможности прибѣгнуть къ займамъ, былъ принужденъ увеличить налоги. Прибавка двадцати сантимовъ (процентовъ) къ поземельной подати за 1813-й годъ могла дать 80 милліоновъ, а увеличеніе вдвое налога на движимую собственность -30 милліоновъ; присоединивъ къ тому возвышеніе на одну пятую налога на соль и на одну десятую—косвенныхъ податей, Наполеонъ пріобрѣталъ 120 милліоновъ, которые вмѣстѣ съ Тюльерискимъ сокровищемъ, могли послужить къ уплатѣ неотлагательныхъ издержекъ ([22]). Наполеонъ, опасаясь противорѣчія введенію новыхъ налоговъ со стороны Законодательной Палаты, приказалъ созвать ее не прежде, какъ по утвержденіи постановленій объ этихъ предметахъ Сенатомъ и Государственнымъ Совѣтомъ. Когда-же одинъ изъ Членовъ Совѣта осмѣлился замѣтить, что увеличеніе податей будетъ слишкомъ тягостно, Наполеонъ, прервавъ его рѣчь, сказалъ: «налоги немогутъ быть ничѣмъ ограничены. Если существуютъ законы, полагающіе предѣлъ налогамъ, то такіе законы плохи» ([23]).

Среди усиленныхъ приготовленій къ войнѣ, Наполеонъ узналъ, 2-го (14)-го) ноября, отъ барона Сентъ-Эньяна, объ условіяхъ, предложенныхъ Союзниками въ Франкфуртѣ. Самъ Марè, доселѣ увѣренный въ непобѣдимости своего Государя, поколебался въ сангвиническихъ убѣжденіяхъ и подалъ голосъ въ пользу мира. И дѣйствительно—предложенія Меттерниха могли считаться весьма сносными: Франція, принявъ ихъ, упрочивала за собою границы по Рейну и Альпамъ и могла надѣяться получить въ Италіи владѣнія для Вице-короля и другихъ Членовъ наполеонова семейства. Но Наполеонъ опасался, выказавъ необычайную ему уступчивость, обнаружить слабость Франціи, и къ тому-же онъ, неотличаясь искренностью въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ, подозрѣвалъ Союзниковъ въ намѣреніи усыпить его бдительность; въ особенности-же его тревожило предложеніе—открыть переговоры, непрерывая военныхъ дѣйствій. Все это заставило его продолжать вооруженія

съ усиленною дѣятельностью и отвѣчать уклончиво на предложенныя Союзниками условія. 4-го (16-го) ноября, герцогъ Бассано (Марè) писалъ Меттерниху, что заключеніе мира, могущаго упрочить независимость всѣхъ народовъ на сушѣ и на морѣ, постоянно было цѣлью политики Императора Наполеона, и что онъ согласенъ на открытіе конгреса въ Мангеймѣ ([24]). Какъ общественное мнѣніе во Франціи обвиняло Марè въ неудачѣ пражскихъ переговоровъ, и къ тому-же сей министръ не пользовался расположеніемъ Союзниковъ, то Наполеонъ счелъ нужнымъ назначить на его мѣсто, министромъ иностранныхъ дѣлъ, герцога Виченцскаго (Коленкура); тогда-же генералъ Дарю былъ назначенъ генералъ-интендантомъ на мѣсто Сессака (Cessac) ([25]).

Отвѣтъ Маре на франкфуртскія условія мира, какъ и должно было ожидать, неудовлетворилъ Союзниковъ. Меттернихъ сообщилъ ему, что переговоры о мирѣ могутъ быть открыты только лишь тогда, когда Союзные Монархи будутъ увѣрены въ согласіи Тюльерискаго Кабинета на ихъ предложенія ([26]). Вмѣстѣ съ отзывомъ Марè, сдѣлалось извѣстно въ Франкфуртѣ, изъ постановленій Сената, помѣщенныхъ въ Монитёрѣ 5-го (17-го) ноября, что во Франціи производились сильныя вооруженія. Наполеонъ, выказывая, что онъ еще обладалъ огромными средствами для веденія войны, имѣлъ въ виду побудить Союзниковъ къ большей уступчивости. И дѣйствительно—эта уловка едва не послужила въ пользу «партіи мира.» Генералъ Жомини поставилъ на видъ въ Совѣтѣ Россійскаго Монарха, что ослабленіе Франціи, усиливъ Англію, могло быть опасно для Россіи, а Наслѣдный шведскій принцъ изъявлялъ гласно сомнѣніе въ успѣхѣ за-рейнскаго похода. Но Блюхеръ и Гнейзенау, въ челѣ «партіи войны,» по прежнему стояли твердо на томъ, что слѣдовало неотлагательно вторгнуться за Рейнъ, идти къ Парижу, низложить Наполеона, ограничить Францію по возможности тѣснѣйшими предѣлами и обложить ее значительною контрибуціей. Предложенія, сдѣланныя Союзниками въ Франкфуртѣ, возбудили въ высшей степени гнѣвъ Блюхера, а уклончивый отвѣтъ Наполеона и извѣстія о воору-

женіяхъ его, помѣщенныя въ Монитёрѣ, наконецъ заставили замолчать поборниковъ мира. Очевидно было, что Императоръ Французовъ, отвергая выгодныя для него предложенія, надѣялся на медленность и нерѣшительность Коалиціи, и что еслибы Союзники дали ему время оправиться и собрать новую армію, то не моглибы удержаться на Рейнѣ. Необходимо было предупредить удары грознаго противника вторженіемъ во Францію. Къ тому-же многія обстоятельства тогда способствовали наступательнымъ дѣйствіямъ Союзныхъ войскъ. Сдача сенъсирова корпуса въ Дрезденѣ позволила обратить блокировавшія его войска къ достиженію другихъ цѣлей; корпусъ Бюлова одержалъ блистательные успѣхи въ Голландіи. Въ самой Франціи, Союзники открыли сношенія нетолько съ приверженцами Бурбоновъ, но и съ нѣкоторыми сановниками Наполеона, предвидѣвшими его паденіе и желавшими обезпечить свою будущность при новомъ оборотѣ колеса непостоянной Фортуны. Все это заставило Коалицію продолжать войну. Зная раздоръ и духъ партій, волновавшіе Францію, Союзники объявили, 19-го ноября (1-го декабря), что они ведутъ войну не противъ Франціи, а противъ преобладанія наполеонова, имѣвшаго гибельныя послѣдствія для Европы и самой Франціи; изъявляя желаніе, чтобы Франція была могущественна и счастлива, они объявили, что хотятъ быть также спокойны и счастливы, и что не прежде положатъ оружіе, какъ обезпечивъ будущность Европы прочнымъ миромъ ([27]). Такимъ образомъ, Союзники, разъединивъ Францію отъ ея властителя, сдѣлали первый шагъ къ низложенію Наполеона. Самъ онъ, какъ-бы прозрѣвъ угрожавшую ему опасность, приказалъ своему министру иностранныхъ дѣлъ (*), почти одновременно съ обнародованіемъ помянутой декларации Союзниковъ, написать Меттерниху, что Императоръ Французовъ положительно изъявилъ согласіе на всѣ условія, сообщенныя чрезъ барона Сентъ-Эньяна ([28]). Но уже было поздно: судьба Наполеона долженствовала рѣшиться оружіемъ. Меттернихъ отвѣчалъ, что Союзные Государи съ удо-

(*) Коленкуръ.

вольствіемъ узнали о принятіи Императоромъ Наполеономъ условій, предложенныхъ въ Франкфуртѣ, и что отзывъ французскаго правительства немедленно будетъ доведенъ до свѣдѣнія ихъ союзниковъ ([29]). Такой уклончивый отвѣтъ, очевидно, обнаружилъ намѣреніе Коалиціи продолжать борьбу и заставилъ Наполеона усилить дѣятельность приготовленій къ войнѣ.

Одновременно съ тѣмъ, Императоръ Французовъ, желая побудить общественное мнѣніе къ дружному содѣйствію въ оборонѣ страны, наконецъ рѣшился созвать Законодательную Палату. Но Наполеонъ, при всей своей геніальности, упустилъ изъ вида, что участіе всѣхъ и каждаго въ святомъ дѣлѣ защиты отечества, можетъ быть единодушно только тогда, когда правительство, истощивъ всѣ средства къ достиженію мира, откровенно призываетъ народъ къ оружію Такъ поступилъ его великодушный противникъ—когда Наполеонъ съ полумилліономъ воиновъ перешагнулъ русскіе предѣлы, когда непріятельскія полчища, наводнивъ западныя области государства, двигались къ Двинѣ и Днѣпру, когда завоеватель Европы, проникнувъ въ сердце Россіи, мнилъ поколебать рѣшимость Императора Александра и предлагалъ ему миръ. Наполеонъ, угрожаемый вторженіемъ Союзниковъ во Францію, поступалъ совершенно иначе. Онъ старался скрыть отъ народа, ввѣрившаго ему судьбы свои—и ходъ пражскихъ переговоровъ—и предложенія ему сдѣланныя Союзниками въ Франкфуртѣ. Опасаясь встрѣтить оппозицію въ народныхъ представителяхъ, онъ отложилъ открытіе засѣданій Законодательной Палаты сперва до 2-го, а потомъ—до 19-го декабря н. ст. Эта мѣра имѣла весьма невыгодныя для него послѣдствія. Депутаты, прибывшіе въ Парижъ, принесли съ собою горькое чувство неудовольствій, внушенныхъ чрезвычайными конскрипціями, огромными реквизиціями, тяжкими налогами, произвольными распоряженіями префектовъ—слѣдствіемъ самовластья правительства.

Вездѣ говорили о притѣсненіяхъ, терпимыхъ гражданами, о бѣдствіяхъ, постигшихъ армію въ Германіи, о потеряхъ, понесенныхъ войсками отъ тифа и другихъ повальныхъ болѣз-

*

ней на Рейнѣ. Всѣ приписывали неудачу переговоровъ самому Наполеону. Напрасное пребываніе депутатовъ въ столицѣ, гдѣ они, оставаясь безъ всякихъ занятій цѣлый мѣсяцъ, проводили время въ толкахъ враждебныхъ правительству, оказало весьма невыгодное вліяніе на общественное мнѣніе. Неудовольствіе народныхъ представителей было еще болѣе увеличено тѣмъ, что Наполеонъ, нарушивъ ихъ право—избирать кандитатовъ въ президенты, назначилъ въ эту должность бывшаго верховнаго судью (grand juge) герцога Массу (Ренье), человѣка дряхлаго, совершенно неизвѣстнаго депутатамъ и немогшаго имѣть на нихъ ни малѣйшаго вліянія (30).

Таковы были обстоятельства при открытіи Законодательной Палаты, въ присутстіи Сената и Государственнаго Совѣта, 7-го (19-го) декабря. Наполеонъ открылъ совѣщаніе слѣдующею рѣчью.

«Сенаторы, Члены Государственнаго Совѣта, депутаты въ Законодательное Собраніе!

«Блистательныя побѣды минувшей кампаніи прославили французское оружіе; безпримѣрныя отложенія нашихъ союзниковъ содѣлали безполезными эти побѣды. Все обратилось противъ насъ, и Франція подвергнулась бы опасностіи, еслибы измѣнили ей энергія и единодушіе Французовъ.

«Въ такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, первая моя мысль была—призвать васъ ко мнѣ. Присутствіе и преданность моихъ поддапныхъ необходимы моему сердцу.

«Я никогда неувлекался счастіемъ. Невзгоды немогутъ поколебать меня.

«Неоднократно я даровалъ миръ государствамъ, стоявшимъ на краю гибели. Часть моихъ завоеваній послужила къ возвышенію государей меня оставившихъ.

«Я задумалъ и исполнилъ великія соображенія, клонившіяся къ преуспѣянію и къ счастью Свѣта.... Будучи государемъ и главою семейства, я постигаю, что миръ необходимъ для обезпеченія престоловъ и въ частномъ быту. Въ настоящее время открыты переговоры съ Союзными Державами. Я изъявилъ согласіе на предложенныя ими условія, и потому надѣялся,

что конгрессъ въ Мангеймѣ соберется еще до открытія нашихъ засѣданій, но онъ былъ замедленъ вновь возникшими затрудненіями, которыя не могутъ быть приписаны Франціи.

«Я приказалъ сообщить вамъ подлинные документы, хранящіеся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Вы получите о нихъ свѣдѣніе отъ коммисіи, избранной изъ среды вашей, а Государственный Совѣтъ изложитъ вамъ мои виды по сему предмету.

«Съ моей стороны нѣтъ никакого препятствія къ возстановленію мира. Я знаю и вполнѣ раздѣляю чувства Французовъ; я говорю это по тому, что нѣтъ изъ нихъ никого, кто пожелалъ-бы купить миръ цѣною позора.

«Съ сожалѣніемъ требую отъ моего великодушнаго народа новыя пожертвованія; меня побуждаютъ къ тому необходимѣйшія и высшія пользы страны. Я принужденъ усилить мои арміи многочисленными наборами: переговоры о мирѣ могутъ быть ведены безопасно только при полномъ развитіи вооруженныхъ силъ. Необходимо увеличить сборы податей; мѣры, которыя будутъ вамъ предложены моимъ министромъ финансовъ, сообразны съ установленною мною системою по этой части. Мы обойдемся безъ займовъ, поглощающихъ будущее достояніе народа, и безъ ассигнацій, въ высшей степени враждебныхъ общественному порядку.

«Я доволенъ чувствами мнѣ изъявленными въ настоящихъ обстоятельствахъ народами Италіи.

«Данія и Неаполь остаются вѣрны союзу съ Франціею.

«Республика Сѣверо-Американскихъ Штатовъ продолжаетъ съ успѣхомъ войну противъ Англіи.

«Я призналъ неутралитетъ девятнадцати швейцарскихъ кантоновъ.

«Сенаторы, Члены Совѣта, депутаты департаментовъ въ Законодательное Собраніе!

«Вы природныя орудія престола; вамъ предлежитъ подать примѣръ энергіи, которая увѣковѣчитъ васъ въ грядущихъ поколѣніяхъ. Да не скажутъ наши потомки, что мы пожертвовали высшими пользами страны и покорились велѣніямъ Англіи,

въ продолженіе четырехъ вѣковъ напрасно стремившейся поработить Францію.

«Мои подданные не должны опасаться, чтобы политика ихъ государя когда-либо измѣнила народной славѣ. Съ своей стороны, я увѣренъ, что Французы всегда будутъ достойны себя и меня.»

Наполеонъ, по совѣту Талейрана, приказалъ сообщить дипломатическія депеши, относившіяся къ переговорамъ съ Союзниками, коммисіямъ Сената и Законодательной Палаты, каждая коммисія должна была состоять изъ пяти членовъ. Но постигая вполнѣ опасность этой мѣры, могшей обнаружить, что французское правительство не воспользовалось случаемъ къ заключенію выгоднаго мира, на условіяхъ предложенныхъ Союзниками въ Франкфуртѣ, Наполеонъ сообщилъ коммисіямъ только лишь нѣкоторые документы. Для обсужденія ихъ Сенатъ избралъ изъ среды своей: Талейрана, Фонтана, Сенъ-Марсана, Барбе-Марбуà и Бёрнонвиля,—людей, невполнѣ преданныхъ правительству, но осторожныхъ и неспособныхъ къ какому-либо смѣлому увлеченію. Съ своей стороны, Законодательное Собраніе назначило въ Коммисію, кромѣ своего президента, герцога Массы, слѣдующихъ Членовъ: Ленè (Lainé), знаменитаго адвоката и пылкаго оратора; Ренуара, автора трагедіи les Templiers *(Рыцари храма)*, откровеннаго и честнаго человѣка; Менъ-де-Биранъ (Maine de Biran), ученаго, одного изъ тѣхъ, которыхъ Наполеонъ упрекалъ въ «идеологіи»; наконецъ Флогèрга и Галлуà, неуспѣвшихъ пріобрѣсть большую извѣстность, но отличавшихся умомъ и либеральнымъ направленіемъ.

За тѣмъ обѣ коммисіи отправились къ князю архиканцлеру (Камбасересу). Коммисія Сената, будучи принята имъ 11-го (23-го) декабря, получила отъ самаго Коленкура дополнительныя свѣдѣнія о письмахъ къ Меттерниху, отъ 16-го ноября и 2-го декабря н. ст. Очевидно было, что послѣдній благопріятный случай къ заключенію довольно выгоднаго мира для Франціи былъ упущенъ, и что нельзя было обвинять въ томъ никого, кромѣ самаго Наполеона, но коммисія сдѣлала весьма уклончивое донесеніе о томъ Сенату, который, въ своемъ адресѣ

Императору, также ограничился изъявленіемъ желанія мира, выразивъ общую готовность къ войнѣ: «Если непріятель по прежнему будетъ упорствовать—сказали сенаторы—то мы будемъ сражаться въ защиту отечества между могилами предковъ и колыбелями дѣтей нашихъ» ([31]).

Коммисія Законодательной Палаты была несравненно менѣе сговорчива. Будучи принята, 12-го (24-го) декабря, княземъ архиканцлеромъ и получивъ отъ одного изъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Г. Готерива (Hauterive), свѣдѣніе о ходѣ переговоровъ, коммисія потребовала, чтобы правительство объявило опредѣлительно, какія именно пожертвованія оно предполагало сдѣлать для достиженія мира. Ленѐ, выразивъ мнѣніе о необходимости всевозможнаго напряженія силъ для защиты страны, замѣтилъ, что столь-же необходимо убѣдить народъ въ томъ, что кровь его будетъ пролита въ защиту законовъ, охраняющихъ его благосостояніе, и съ этою цѣлью предложилъ просить Императора о соблюденіи правъ, обезпечивающихъ свободу и безопасность граждапъ Франціи. За тѣмъ Ренуаръ начерталъ мрачную картину походовъ въ Россію и Германію, оправдывалъ отложеніе Баваріи и враждебныя дѣйствія Наслѣднаго шведскаго принца, и даже защищалъ декларацію, обнародованную Союзниками въ Франкфуртѣ, назвавъ ее «воззваніемъ устрашеннаго Свѣта къ народному праву».—«Предлагаемыя намъ предѣлы—сказалъ онъ—Пиренеи, Альпы и Рейнъ, объемлятъ обширное пространство, въ которомъ многія области не принадлежали прежней Франціи, и несмотря однакоже на то, французское королевство занимало въ ряду Державъ почетное мѣсто». За тѣмъ, объявивъ, что лучше навлечь на себя немилость Императора, и даже гнѣвъ его, нежели подвергнуть опасности благосостояніе страны, ораторъ продолжалъ: «не станемъ скрывать истины; наши бѣдствія достигли высшей степени. Торговля уничтожена, земледѣліе и промышленность въ упадкѣ. Со всѣхъ сторонъ угрожаютъ намъ непріятели. Конскрипціи содѣлались невыносимымъ бременемъ. Жестокая, безъ всякой цѣли, война поглощаетъ нашихъ юношей, отрывая ихъ отъ земледѣлія, торговли, художествъ, за-

нятій науками. Пора уже народамъ вздохнуть свободно; пора прекратить безпрестанныя войны, упрочить на твердомъ основаніи престолы и смыть съ Франціи упрекъ въ распространеніи по всему Свѣту бѣдствій войны. Нашему великому Государю предлежитъ честь совершить этотъ высокій подвигъ». Въ заключеніе Ренуаръ предложилъ обратиться къ императому въ слѣдующихъ словахъ: «Государь, при вашемъ коронованіи, вы утвердили присягою обѣщаніе сохранить неприкосновенными естественныя границы Франціи, Рейнъ, Альпы и Пиренеи; мы просимъ васъ исполнить данную вами клятву и будемъ содѣйствовать вамъ въ томъ до послѣдней капли крови. Но сдержавъ вашу клятву, обезпечивъ наши предѣлы, вы не будете имѣть повода, внушаемаго ни честью, ни пользою, къ препятствію вашимъ видамъ и получите возможность пожертвовать всѣмъ для общаго мира и благоденствія.» Г. Готеривъ старался убѣдить Г. Лене, имѣвшаго большое вліяніе въ коммисіи, что объявленіе во всеобщую извѣстность послѣдняго слова переговоровъ было неумѣстно, и наконецъ склонилъ коммисію ограничиться изъявленіемъ, что Франція, войдя въ свои естественные предѣлы, не будетъ домогаться ничего болѣе. За тѣмъ, коммисія, перейдя къ дѣламъ внутренней политики, постановила просить Императора о соблюденіи законовъ, которые нерѣдко были нарушаемы самоуправствомъ агентовъ правительства. Такое требованіе, выраженное въ виду крайней опасности, угрожавшей отечеству, могло обнаружить непріятелямъ Франціи господствовавшіе въ ней раздоры и духъ партій, и по тому, какъ Готеривъ, такъ и самъ архиканцлеръ, сознавая основательность замѣчаній коммисіи, старались отклонить ея Членовъ отъ демонстраціи враждебной правительству; но всѣ усилія обоихъ остались напрасны. Коммисія выразила свое мнѣніе, по сему предмету, слѣдующимъ образомъ: «На основаніи существующихъ постановленій, правитетьство приметъ самыя быстрыя и самыя надежныя средства къ отраженію непріятеля и къ заключенію прочнаго мира. Эти средства будутъ дѣйствительны, ежели Французы убѣдятся въ томъ, что правительство желаетъ единственно мирной славы; что они станутъ проли-

вать свою кровь только лишь въ защиту страны и законовъ, охраняющихъ ихъ благосостояніе. И по тому коммисія считаетъ необходимымъ, одновременно съ принятіемъ неотлагательныхъ мѣръ къ охраненію государства, просить Его Величество о соблюденіи совершеннаго и постояннаго исполненія законовъ, обезпечивающихъ гражданамъ Франціи права свободы, личной неприкосновенности и собственности, а народу свободное пользованіе предоставленными ему политическими правами. Коммисія считаетъ такую мѣру необходимою для возбужденія Французовъ къ защитѣ страны» и проч. ([32]).

Наполеонъ, въ отвѣтѣ Сенату, счелъ нужнымъ снова изложить свои виды. «Теперь идетъ дѣло уже не о томъ, чтобы пріобрѣсть потерянныя нами завоеванія—сказалъ онъ.—Безъ сожалѣнія сдѣлаю пожертвованія на основаніи предварительныхъ условій, предложенныхъ непріятелемъ и принятыхъ мною, но если непріятель неподпишетъ мира на этихъ условіяхъ, будемъ сражаться!» ([33]).

Ежели Наполеонъ былъ недоволенъ адрессомъ Сената, то можно представить себѣ его негодованіе при докладѣ ему герцогомъ Ровиго (*) о содержаніи адресса принятаго въ Законодательной Палатѣ большинствомъ 223-хъ голосовъ противъ 31-го. 18-го (30-го) декабря, была закрыта зала, въ которой собирались депутаты, на слѣдующій день распущено Законодательное Собраніе, а 1-го генваря н. ст. 1814 года, Наполеонъ, допустивъ его Членовъ къ себѣ и выслушавъ обычное привѣтствіе, обратился къ депутатамъ съ грозною рѣчью. «Я призвалъ васъ въ помощь, сказалъ онъ, а вы стали дѣйствовать въ пользу непріятеля: вмѣсто дружнаго содѣйствія мнѣ, вы старались поселить раздоръ. Развѣ вы незнаете, что въ монархіи престолъ и особа государя нераздѣльны?........ Вы разглагольствуете о народѣ: развѣ неизвѣстно вамъ, что я наивысшій его представитель? Меня избралъ онъ четырьмя милліонами голосовъ .... Я болѣе нуженъ для Франціи, нежели Франція для меня..... Невозможно враждовать со мною, невраждуя съ народомъ. Ежели и су-

(*) Савари.

ществуютъ какія-либо злоупотребленія, то время-ли теперь дѣлать мнѣ увѣщанія, когда двѣсти тысячъ казаковъ готовы перешагнуть наши предѣлы? Время-ли затѣвать споры о личныхъ правахъ и неприкосновности ихъ, когда идетъ дѣло о спасеніи политической самобытности и независимости государства? Ваши идеологи хлопочутъ объ охраненіи себя отъ правительства, а вся Фрація требуетъ отъ меня защиты отъ непріятеля. Вы могли изложить свои жалобы въ другое время; я поручилъ-бы разсмотрѣть ихъ Государственному Совѣту, либо занялся этимъ дѣломъ самъ: мы вымыли-бы свое черное бѣлье, въ семьѣ, а не въ публикѣ (c'est en famille, ce n'est pas en public qu'on lave son linge sale). Васъ сбили съ толку люди преданные Англіи. Г. Ленѐ дурной человѣкъ; онъ въ сношеніяхъ съ Бурбонами чрезъ адвоката Десѐза. Поѣзжайте въ ваши департаменты, передайте Франціи, что какъ-бы ни толковали, а ведутъ войну съ нею столько-же сколько и со мною, и что необходимо защищать не меня, а народную независимость. Я стану въ челѣ арміи, вытѣсню непріятеля изъ нашей страны и заключу миръ, несмотря на жертвы, которыя придется принести—какъ выражаетесь вы—моему властолюбію; тогда снова призову васъ къ себѣ, прикажу напечатать вашъ адресъ, и вы сами удивитесь тому, что̀ рѣшились сказать мнѣ въ настоящихъ обстоятельствахъ» ([34]).

Послѣдствіемъ этихъ словъ Наполеона, переданныхъ различно депутатами, недовольными насильственнымъ распущеніемъ Законодательнаго Собранія, было разъединеніе народа съ правительствомъ. Уже непріятели готовились вторгнуться въ предѣлы Франціи, а для противодѣйствія имъ не было ни вещественныхъ средствъ, ни той духовной связи между властителемъ и подданными, которая служитъ болѣе надежною защитою страны, нежели рядъ крѣпостей ограждающій ея предѣлы.

ГЛАВА II.

Театръ войны 1814 года и первоначальное расположеніе наполеоновыхъ войскъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Обзоръ театра войны 1814 года и главныхъ путей дѣйствій.—Расположеніе наполеоновыхъ войскъ въ концѣ декабря н. ст. 1813 года.—Число ихъ вообще.—Бѣдственное положеніе французскихъ войскъ.—Мѣры принятыя Наполеономъ для сформированія новой арміи.—Причины растянутаго расположенія французскихъ войскъ.

Приступая къ изложенію состава вооруженныхъ силъ, размѣщенія ихъ при открытіи военныхъ дѣйствій и плановъ дѣйствій обѣихъ сторонъ, считаю необходимымъ дать понятіе о мѣстности театра войны 1814 года (*).

На этомъ пространствѣ, главные пути, ведущіе отъ Рейна къ столицѣ Франціи, пересѣкаются горными хребтами и теченіемъ нѣсколькихъ рѣкъ, орошающихъ восточныя области государства. Узломъ соединенія горныхъ цѣпей восточной Франціи служитъ высота къ сѣверу отъ Бельфора, именуемая, по круглому виду своей вершины, *альзасскимъ шаромъ* (ballon d'Alsace, у Нѣмцевъ Bolken). Отсюда простираются въ различныя стороны три главныя вѣтви.

Первая, подъ именемъ *Вогезовъ*, пролегаетъ къ сѣверу, образуя черту раздѣла между бассейнами Рейна и Мозеля и при-

(*) *Карта театра войны 1814 года.*

нимая въ самой сѣверной части своей, между рѣками Рейномъ и Гланомъ, названіе *Доннерсберга;* отъ послѣдняго-же горнаго хребта отдѣляется къ западу вѣтвь, которая, обогнувъ истоки Наэ (Nahe), простирается къ Бахараху на Рейнѣ, подъ названіемъ *Гундсрюка* (Hundsrück). Отъ этихъ главныхъ вѣтвей отдѣляются другія второстепенныя, окаймляющія множество притоковъ Рейна и Мозеля. Какъ Вогезы, такъ и отрасли ихъ, представляютъ гранитныя породы волканическаго происхожденія.

Другой горный хребетъ, отдѣляющійся отъ альзасскаго шара къ югу, имѣетъ незначительную высоту до Сентъ-Урсанна (St. Ursanne), откуда, сдѣлавъ поворотъ къ юго-западу, образуетъ величественныя громады, подъ названіемъ *Юры*, и служитъ чертою раздѣла — съ одной стороны Рейна, а съ другой — Дубса и прочихъ притоковъ Роны. Горная система Юры вообще представляетъ нѣсколько параллельныхъ между собою вѣтвей, въ видѣ дугъ, раздѣляющихъ длинныя долины, орошаемыя притоками Рейна и Роною съ нѣсколькими впадающими въ нее рѣками. Почва Юры, большею частію, состоитъ изъ песчаника и извѣстняка; встрѣчаются также алебастръ, асфальтъ, мраморъ, каменный уголь и желѣзная руда. Вершины хребта покрыты лѣсомъ, а въ долинахъ жители разводятъ виноградъ и хлѣбныя растенія.

Третья горная вѣтвь, отходящая отъ общаго средоточія къ сѣверо-западу, достигнувъ окрестностей Мирекура (Mirecourt), поворачиваетъ къ юго-западу и къ югу, подъ названіемъ *Шаролѐскихъ горъ* (de Charolais), образуя связь между Вогезами и Севеннами. До Монтиньи (Montigny) горы незначительны, далѣе-же возвышается окаймленное скалистыми скатами *лангрское платò*. Отъ этой главной вѣтви отходятъ три другія: первая и высшая изъ нихъ отдѣляется близъ Арнѐ (Arnay), пролегаетъ черезъ Сольѐ (Saulieu) къ Шато-Шинонъ, образуетъ, господствующія горы *Морванъ*, служитъ чертою раздѣла бассейновъ Сены и Лоары и оканчивается мысомъ Финистерре. Другая побочная вѣтвь отходитъ близъ Лангра къ сѣверу, вдоль Мааса, сперва въ видѣ холмистой цѣпи, а потомъ зна-

чительныхъ высотъ, подъ названіемъ *Аргоннскаго лѣса* (forêt d'Argonne), и пройдя черезъ Лотарингію, поворачиваетъ къ западу и простирается до морскаго берега. Наконецъ—третья вѣтвь, именуемая *Арденнами*, отдѣляется отъ главнаго хребта близъ истоковъ Мадона, одного изъ притоковъ Мозеля, и разобщаетъ бассейны сей рѣки и Мааса. Какъ Аргоннскій лѣсъ, такъ и Арденнскія горы, не выше 3,500 ф.; но оба эти хребта скалисты, покрыты обширными лѣсами и представляютъ большія затрудненія для движенія войскъ. Часть области Шампаньи (Champagne), въ окрестностяхъ Вердюна, имѣющая известковый грунтъ, бѣдна хорошею водою.

Эта горная система разграничиваетъ бассейны главныхъ рѣкъ съ ихъ притоками, орошающихъ театръ военныхъ дѣйствій. Бассейнъ Рейна лежитъ къ востоку отъ Вогезовъ Изъ долины Рейна можно проникнуть въ долину Мозеля неиначе, какъ перейдя черезъ преграду, образуемую Вогезами и Гундсрюкомъ. Бассейнъ Мозеля, со впадающими въ эту рѣку Мёртою и Сааромъ, находится между Вогезами и Арденнами. Послѣдній горный хребетъ хотя и уступаетъ въ важности Вогезамъ, однакоже можетъ послужить въ пользу для обороны страны. Бассейнъ Мааса простирается между Арденнами и Аргонскимъ лѣсомъ, коего тѣснины также представляютъ выгоды въ оборонительномъ отношеніи. Бассейнъ Сены, съ Обою (Aube), Марною, Уазою (Oise) съ Эною (Aisne), и Іоною (Ionne) съ Арменсономъ (Armençon), лежитъ между лангрскимъ плато̀, Аргоннами и Морваномъ. Наконецъ—бассейнъ Саоны съ Дубсомъ окаймляется Юрою, лангрскимъ плато̀ и шаролѐскими горами.

Отъ средняго Рейна къ Парижу вели, въ концентрическомъ направленіи, четыре главныхъ пути: 1-ый отъ Кобленца, чрезъ Люксамбургъ и Реймсъ. Главными преградами на этомъ пути были крѣпость Люксамбургъ и рѣка Маасъ.—2-й путь велъ отъ Майнца, первостепенной и занятой многочисленнымъ гарнизономъ крѣпости, черезъ сильную крѣпость Мецъ на Мозелѣ, небольшую крѣпость Вердюнъ на Маасѣ, укрѣпленный городъ Шалонъ на Марнѣ и Мо (Meaux).—3-й путь, отъ Ман-

гейма, чрезъ крѣпости Саарлуи, либо Саарбрюкъ на Саарѣ, и далѣе чрезъ Нанси, Туль, Витри на Марнѣ и Сезаннъ.—4-й, служившій Союзникамъ главнымъ путемъ дѣйствій, пролегалъ отъ Базеля, черезъ крѣпостцу Бельфоръ, Везуль, Лангръ, Шомонъ, Баръ–сюръ-Объ, Труà къ переправамъ черезъ Сену (*), и далѣе къ Парижу.—Кромѣ того, Союзныя войска, по занятіи ими Швейцаріи, могли двигаться отъ Невшателя, на Понтарльè, Доль (Dôle), Дижонъ, Жуаньи (Joigny), Санъ (Sens) и Мелюнъ, также къ Парижу.

Въ концѣ декабря н. ст. войска наполеоновы были расположены по лѣвую сторону Рейна слѣдующимъ образомъ:

Викторъ, съ 2-мъ пѣхотнымъ и 5-мъ кавалерійскимъ корпусами, въ числѣ 6,300 человѣкъ пѣхоты и 3,800 человѣкъ кавалеріи, занималъ пространство отъ Базеля до Страсбурга; Мармонъ, съ 6-мъ пѣхотнымъ и 1-мъ кавалерійскимъ корпусами, въ числѣ 13,500 человѣкъ пѣхоты и 3,200 человѣкъ кавалеріи, отъ Ландау до Андернаха; Моранъ, съ 4–мъ пѣхотнымъ корпусомъ, въ числѣ до 16,400 человѣкъ, занималъ Майнцъ и наблюдалъ пространство до Кобленца; 5-й пѣхотный корпусъ, состоявшій всего на все изъ одной дивизіи генерала Альберта, въ числѣ около 4,700 человѣкъ, и 3–й кавалерійскій корпусъ, въ числѣ 2,000 человѣкъ, подъ общимъ начальствомъ генерала Себастіани, находились между Кобленцомъ и Везелемъ; Макдональдъ, съ 11-мъ пѣхотнымъ и 2-мъ кавалерійскимъ корпусами, въ числѣ 11,700 человѣкъ пѣхоты и 2,700 человѣкъ кавалеріи, стоялъ у Нимвегена, наблюдая пространство по Рейну и Ваалу, отъ Везеля до форта Сентъ-Андрè. Генералъ Мезонъ, съ депò 17-й и 24-й территоріальныхъ дивизій, кадрами двухъ дивизій Молодой гвардіи, въ числѣ 12,000 человѣкъ пѣхоты, и восемьюстами всадниковъ, занималъ Бельгію ([1]).

Такимъ образомъ для обороны теченія Рейна, на пространствѣ восьми сотъ верстъ (двухъ сотъ льё), несчитая крѣпостныхъ гарнизоновъ, было неболѣе 65,000 человѣкъ пѣхоты и

(*) Монтерò, Бре (Bray), Ножанъ и Понъ-сюръ-Сенъ.

12,000 человѣкъ кавалеріи. Кромѣ того, въ Парижѣ, Брюсселѣ, Лиллѣ, Люксамбургѣ и Тіонвиллѣ формировались двѣ дивизіи Старой гвардіи, шесть дивизій Молодой гвардіи и три дивизіи гвардейской кавалеріи, всего вмѣстѣ съ артиллеріеій и войсками инженернаго вѣдомства около 28,000 человѣкъ (²). Въ крѣпостяхъ на Рейнѣ и въ Нидерландахъ находилось 56,000 человѣкъ (³). Слѣдовательно число наполеоновыхъ войскъ вообще простиралось до ста шестидесяти тысячъ человѣкъ. Но большая часть ихъ состояла изъ людей, изнуренныхъ военными трудами и лишеніями, либо изъ молодыхъ конскриптовъ, погибавшихъ прежде нежели они успѣвали получить тактическое образованіе. Примѣромъ тому можетъ служить 4-й пѣхотный корпусъ генерала Морана, въ который съ ноября по 15-е декабря н. ст. 1813 года поступило болѣе 18,000 новобранцевъ, но, не смотря на то, наличное число людей непревосходило 16,460-ти. По свидѣтельству Мармона, въ концѣ 1813 года 14,000 солдатъ и почти столько-же гражданъ сдѣлались жертвами эпидеміи въ Майнцѣ. Несмотря на то, что температура вообще стояла выше точки замерзанія, изнуреніе войскъ оказало надъ ними такое-же погубное вліяніе, какое имѣла стужа въ зимнемъ походѣ 1812 года: у многихъ солдатъ отвалились на ногахъ пальцы (⁴). Въ русскихъ войскахъ, чрезвычайная убыль людей весьма часто была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ передвиженій ихъ на значительное разстояніе, облегчаемыхъ въ новѣйшее время перевозкою солдатъ по желѣзнымъ дорогамъ и сплавомъ ихъ по судоходнымъ рѣкамъ. Французскимъ-же конскриптамъ въ 1814 году не доводилось проходить огромныхъ пространствъ, но они, по прибытіи на Рейнъ, содѣлывались жертвами тифозной горячки и другихъ повальныхъ болѣзней, свирѣпствовавшихъ въ войскахъ возвратившихся изъ Германіи.

Такимъ образомъ, укомплектованіе французской арміи весьма затруднялось непомѣрною убылью въ людяхъ. Формированіе кавалеріи, кромѣ того, было неудобно, по недостатку въ лошадяхъ, что̀ заставило Наполеона уменьшить мѣру, положенную для ремонтированія конной артиллеріи до $1^{417}/_{1000}$ метра

(менѣе двухъ аршинъ) и сформировать нѣсколько полковъ, посаженныхъ на малорослыхъ лошадяхъ и вооруженныхъ пиками, въ подражение казакамъ, подъ названіемъ éclaireurs ([5]).

Въ Италіи, доблестный вице-король съ трудомъ удерживался на Адижѣ противъ полуторныхъ силъ австрійской арміи; а въ Испаніи, послѣ сраженія при Витторіи, французскія арміи Сульта и Сюшè мало по малу отступили къ границамъ Имперіи и не могли стать твердою ногою у Пиренеевъ противъ несравненно превосходнѣйшихъ въ числѣ войскъ Веллингтона, поддержанныхъ возстаніемъ жителей Испаніи. Не смотря однакоже на то, Наполеонъ, рѣшась наконецъ отказаться отъ обладанія Пиренейскимъ полуостровомъ, хотѣлъ присоединить къ своей арміи, по крайней мѣрѣ, часть войскъ дѣйствовавшихъ на испанской границѣ и исполнилъ свое намѣреніе, какъ только Союзныя арміи, стоявшія на Рейнѣ, вторгнулись въ предѣлы Франціи.

Наполеонъ, видя, что корпусы, формировавшіеся на Рейнѣ, замѣтно таяли, рѣшился образовать за ними сильный резервъ, коего кадрами долженствовали послужить остатки его гвардіи, въ составѣ двухъ дивизій Старой и Средней гвардіи (гренадеровъ и егерей) и шести дивизій Молодой гвардіи (фузелеровъ, фланкёровъ, стрѣлковъ и волтижёровъ). Эти войска, считавшія въ рядахъ своихъ по отступленіи за Рейнъ едва 12,000 человѣкъ пѣхоты, при коихъ состояло до 4,000 человѣкъ кавалеріи, въ продолженіи полутора мѣсяца усилились до 17,500 человѣкъ пѣхоты и 5,000 кавалеріи, а вмѣстѣ съ артиллеріей и саперами до 28,000 человѣкъ. Какъ въ числѣ ихъ было множество старыхъ солдатъ, способныхъ къ обученію конскриптовъ, то Наполеонъ намѣревался укомплектовать гвардію до 100,000 человѣкъ, поручивъ это дѣло знаменитому артиллерійскому генералу Друо (Drouot), весьма способному и дѣятельному человѣку. На основаніи инструкцій, данныхъ самимъ Наполеономъ, баталіоны, прежде состоявшіе изъ четырехъ ротъ, долженствовали быть приведены въ шести-ротный составъ; предположено было усилить Старую гвардію до восмнадцати, а Молодую до шестидесяти баталіоновъ; вообще, въ числѣ восьми-

десяти тысячъ человѣкъ пѣхоты, а вмѣстѣ съ кавалеріей, артиллеріей, сапёрами и парками—довести до ста тысячъ. Старая гвардія комплектовалась отборными солдатами арміи, а Молодая конскриптами. Обмундированіе и снабженіе оружіемъ людей, покупка лошадей, заготовленіе лафетовъ—все это было поручено неутомимому Друо́, обладавшему многосторонними свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ военнаго дѣла (*). Наполеонъ, полагая, что Союзники останутся на Рейнѣ до весны, надѣялся къ тому времени усилить корпусы, стоявшіе на этой рѣкѣ, до двухъ сотъ тысячъ человѣкъ, что̀ вмѣстѣ съ гвардіей должно было составить трехъ-сотъ-тысячную армію. Кромѣ того, декретомъ 6-го генваря н. ст. 1814 года, опредѣлено выслать на сборные пункты національную стражу, въ составѣ ста двадцати одного батальона ([6]). Но въ ожиданіи того, войска, разсѣянныя на огромномъ протяженіи, немогли остановить Союзниковъ. Наполеонъ весьма хорошо зналъ слабость своихъ вооруженныхъ силъ и во-все не предполагалъ противопоставить наступавшимъ Союзнымъ арміямъ неодолимую преграду. Расположеніе французскихъ войскъ по Рейну имѣло въ виду единственно образовать завѣсу, которая, отдѣливъ непріятеля отъ Франціи, непозволяла ему ни собрать точныя свѣдѣнія о затруднительномъ положеніи Наполеона, ни открыть сношенія съ враждовавшею правительству партіей роялистовъ. И по тому выводъ, сдѣланный нѣкоторыми военными людьми, и въ числѣ ихъ Кохомъ ([7]), о необходимости сосредоточенія силъ французской арміи въ началѣ кампаніи 1814 года, едва-ли основателенъ. Если бы Наполеону и удалось удержать Главную Союзную армію, то вторженіе непріятельскихъ войскъ внутрь страны на прочихъ пунктахъ лишило-бы его средствъ, заключав-

(*) Друо́, немолодцоватый и неловкій человѣкъ, сперва не былъ оцѣненъ, по надлежащему, Наполеономъ, который однако-же, въ послѣдствіи, узнавъ его, отдалъ ему полную справедливость. Однажды, въ концѣ 1813 года, Наполеонъ, указавъ на него и обратясь къ ближайшимъ изъ своихъ сподвижниковъ, сказалъ: «мнѣ нужно было-бы такихъ сто человѣкъ».—«Нѣтъ Государь, вы ошибаетесь; вамъ ихъ нужно сто тысячъ», отвѣчалъ Друо́. Благодарный воинъ послѣдовалъ за падшимъ властителемъ [изъ] Франціи [въ] изгнаніе и былъ губернаторомъ острова Эльбы въ продолженіе пребыванія тамъ Наполеона.

шихся въ потерянныхъ областяхъ, и обнаружило-бы безнадежность и уныніе, тогда господствовавшія во французскомъ народѣ. На сторонѣ Союзниковъ было такое рѣшительное превосходство въ числѣ и качествѣ войскъ, что если-бы они, по прибытіи на Рейнъ, продолжали безостановочно движеніе, то, безъ всякаго сомнѣнія, еще въ концѣ 1813 года, достигли-бы Парижа. Бездѣйствіе ихъ дало Наполеону время сплотить его разстроенную армію, воспользоваться разномысліемъ Союзниковъ и нанести имъ чувствительные удары.

Тѣмъ не менѣе однакоже вторженіе Союзныхъ войскъ въ Голландію, во второй половинѣ ноября, весьма озаботило Наполеона и заставило его обратить туда лучшую часть остатковъ своей арміи. Кромѣ дивизіи Молодой гвардіи генерала Рогè, въ числѣ 6,000 человѣкъ, уже находившейся въ Бельгіи, были посланы къ голландскимъ границамъ еще неуспѣвшія сформироваться двѣ дивизіи Молодой гвардіи, (Бойè и Баррyà). Наполеонъ, сверхъ того, направилъ изъ Трира въ Брюссель дивизію Старой гвардіи Фріана и гвардейскую кавалерійскую дивизію Ляферьèръ-Левекъ, въ числѣ 4,800 человѣкъ пѣхоты и 2,400 человѣкъ кавалеріи; другая дивизія Старой гвардіи Мишеля формировалась въ Люксамбургѣ, а двѣ дивизіи Молодой гвардіи, подъ начальствомъ Нея —въ Мецѣ. Такимъ образомъ, въ началѣ 1814 года, для обороны Рейна, на всемъ пространствѣ отъ Майнца до Базеля, оставались только корпусы Мармона и Виктора, въ числѣ около 20,000 человѣкъ пѣхоты и 7,000 человѣкъ кавалеріи ([8]).

ГЛАВА III.

Составъ, число войскъ и планъ дѣйствій Союзниковъ. Комплектованіе и снабженіе запасами русскихъ войскъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Усиленіе Союзныхъ армій подкрѣпленіями.—Составъ и число войскъ Союзныхъ армій: Главной, Силезской, Сѣверной.—Число Союзныхъ войскъ въ дѣйствующихъ арміяхъ.—Число резервовъ.

Положеніе обѣихъ сторонъ.—Выгоды бывшія на сторонѣ Наполеона.—Планъ дѣйствій Союзниковъ.—Виды Австрійцевъ — Нарушеніе неутралитета Швейцаріи.

Комплектованіе русскихъ войскъ.—Снабженіе ихъ провіантомъ, одеждою, обувью.—Реквизиціи.—Содержаніе госпиталей.—Издержки на содержаніе русскихъ войскъ вообще въ кампанію 1814 года.

Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, истекшихъ со времени прибытія Союзниковъ на Рейнъ, войска ихъ были значительно усилены, какъ выставленными для содѣйствія имъ германскими корпусами, такъ и подкрѣпленіями, прибывшими на укомплектованіе армій коалиціи. Нѣмецкіе владѣтели, привыкшіе носить ярмо наложенное на нихъ Наполеономъ, вооружились, хотя и неохотно, противъ своего *покровителя*. Одновременно съ тѣмъ, изъ Пруссіи, Австріи, Россіи, двигались къ Рейну многочисленные резервы. Русская армія, несмотря на удаленіе отъ источниковъ своихъ средствъ, получила, благодаря дѣятельности Аракчеева, подкрѣпленія вознаградившія съ избыткомъ потерю, понесенную на поляхъ Лейпцига. Войска Барклая де-Толли, прибывшія на Рейнъ, въ концѣ октября, въ числѣ око-

*

до сорока тысячъ человѣкъ ([1]), считали въ рядахъ своихъ, въ началѣ 1814 года, болѣе шестидесяти тысячъ ([2]). Корпусъ Ланжерона, перешедшій черезъ Рейнъ въ числѣ девятнадцати тысячъ человѣкъ и состоявшій всего-на-все, въ началѣ 1814 года, изъ тридцати тысячъ, въ послѣдствіи усилился до сорока тысячъ, а корпусъ Сакена, непревосходившій послѣ сраженія при Лейпцигѣ 10,440 человѣкъ, былъ усиленъ войсками князя Щербатова и подкрѣпленіями прибывшими къ концу 1813 года до двадцати тысячъ ([3]). Владѣтели бывшаго Рейнскаго Союза выставили требуемыя отъ нихъ войска, въ числѣ до 145,000 человѣкъ, которыя, за исключеніемъ баварскаго и виртембергскаго контингентовъ, уже вошедшихъ въ составъ Главной Союзной арміи, были раздѣлены на шесть корпусовъ, приданныхъ къ этой и прочимъ арміямъ. Тогда-же было приступлено къ образованію въ при-рейнскихъ владѣніяхъ ландвера, въ числѣ также около 145,000 человѣкъ ([4]). На эти-же владѣнія была наложена контрибуція въ 44,250,000 франковъ (около 12-ти милліоновъ рублей серебромъ), равнявшаяся годовому ихъ доходу. Эту сумму положено было обратить на содержаніе Союзныхъ армій такъ, чтобы Россія, Австрія и Пруссія получили по 5/17, а Швеція и Ганноверъ по 1/17 всей суммы ([5]).

Подобно тому, какъ въ 1793-мъ году Франція, угрожаемая вторженіемъ европейскихъ полчищъ, выставила несмѣтныя силы, подобно тому—Европа, предводимая Императоромъ Александромъ, рѣшась положить конецъ тяготѣвшему надъ нею преобладанію завоевателя, дружно ополчилась противъ Франціи. Ни одна изъ коалицій, образовавшихся во время французской республики и наполеоновой имперіи, нерасполагала такими силами, какія въ концѣ 1813 года собирались на Рейнѣ. Союзныя войска, не считая армій, дѣйствовавшихъ на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ Италіи, вообще были раздѣлены на три арміи: *Главную*, *Силезскую*, или *Блюхерову*, и *Сѣверную*, но изъ послѣдней участвовала въ за-рейнскомъ походѣ только часть, да и та почти вся вошла въ составъ блюхеровой арміи.

Въ Главной арміи, состоявшей, по прежнему, подъ начальствомъ князя Шварценберга, находились слѣдующія части войскъ:

Австрійскія легкія дивизіи графа Бубны и принца Морица Лихтенштейна; австрійскіе-же корпусы: 1-й, графа Коллоредо; 2-й, принца Людовика Лихтенштейна, и 3-й, графа Гіулая, всего въ числѣ 54,388 человѣкъ съ 224-мя орудіями.

7-й германскій союзный корпусъ (*) (виртемберскій), подъ начальствомъ Наслѣднаго принца виртембергскаго, въ числѣ 14,000 человѣкъ съ 24-мя орудіями.

Войска, состоявшія подъ начальствомъ графа Вреде: (**) австрійскій корпусъ барона Фримона, въ числѣ 9,200 человѣкъ съ 48-ю орудіями; 1-й германскій союзный корпусъ (баварскій), въ числѣ 25,000 человѣкъ съ 76-ю орудіями.

Корпусъ графа Витгенштейна, (***) въ числѣ 21,000 человѣкъ съ 56-ю орудіями.

Австрійскіе резервы, подъ начальствомъ Наслѣднаго принца гессенъ-гомбургскаго, въ числѣ 18,500 человѣкъ съ 100 орудіями. Кромѣ того, при главной квартирѣ состояли: 1) дивизія генералъ-лейтенанта Прогаски (Prohaska), изъ 6-ти ландверныхъ баталіоновъ; 2) резервная артиллерійская дивизія фельдмаршалъ-лейтенанта Рейснера изъ 26-ти резервныхъ артиллерійскихъ и 27-ми мастеровыхъ ротъ, и 3) дивизія генералъ-квартирмейстера Лангенау, изъ 8-ми піонерныхъ ротъ, 800 понтонеровъ и конвойныхъ командъ. Число австрійскихъ войскъ при главной квартирѣ вообще могло простираться до 9,800 человѣкъ.

Русскіе резервы, подъ начальствомъ графа Барклая де-Толли. Пѣхотою резерва командовалъ графъ Милорадовичъ, а кавалеріей князь Голицынъ. Въ составѣ пѣхоты находились: 1) гренадерскій корпусъ, Раевскаго, въ числѣ 10,005-ти человѣкъ съ 32-мя орудіями; 2) гвардейскій корпусъ, подъ началь-

(*) 4-й корпусъ Главной арміи.

(**) 5-й корпусъ Главной арміи.

(***) 6 й корпусъ Главной арміи.

ствомъ Ермолова, въ числѣ 12,950 человѣкъ съ 36-ю орудіями; 3) прусская гвардейская пѣхотная бригада, полковника Альвенслебена, въ числѣ 4,587 человѣкъ; 4) кирасирскій корпусъ и легкая гвардейская кавалерійская дивизія, въ числѣ 8,409-ти человѣкъ съ 16-ю орудіями; 5) прусская гвардейская конная бригада, полковника Ларошъ-Старкенфельса, въ числѣ 1,270-ти человѣкъ съ 8-ю орудіями; 6) русская резервная артиллерія, 58 орудій, съ прислугою 1,267 человѣкъ; 7) войскъ инженернаго вѣдомства 208 человѣкъ.

Казачьихъ полковъ, подъ общимъ начальствомъ графа Платова, 20, и донская казачья рота, въ числѣ до 6,000 человѣкъ съ 12-ю орудіями.

При главной квартирѣ состояло различныхъ русскихъ полковъ и командъ до 1,500 человѣкъ.

Всего-же въ Главной Союзной арміи, при открытіи похода, находилось:

	батал.		эскадр.		орудій		человѣкъ.
Австрійцевъ . .	128	—	157	—	372	—	92,000.
Русскихъ . . .	74(*)	—	99	—	210	—	61,400.
Баварцевъ . . .	30	—	30	—	76	—	25,000.
Виртембергцевъ (**).	15	—	16	—	24	—	14,000.
Прусской гвардіи (***)	8	—	8	—	8	—	5,900.
вообще-же . .	255	—	310	—	690	—	198,300.

Въ послѣдствіи долженствовали присоединиться къ этой арміи: 1) 6-й германскій союзный корпусъ, въ числѣ 4,000 Австрійцевъ и 9,250 человѣкъ прочихъ войскъ съ 16-ю орудіями; 2) 8-й германскій союзный корпусъ, въ числѣ 10,330 человѣкъ съ 16-ю орудіями.

Вообще-же число войскъ Главной арміи, вмѣстѣ съ 6-мъ и 8-мъ германскими корпусами и съ подкрѣпленіями, прибыв-

(*) Нѣкоторые баталіоны и эскадроны были сведены по два въ одинъ. Въ общемъ числѣ войскъ показаны казачьи полки и команды.

(**) Въ послѣдствіи виртембергскій корпусъ былъ усиленъ резервами, въ числѣ отъ 8,000 до 10,000 человѣкъ.

(***) Въ составѣ прусской гвардіи находились баденскія войска: гвардейскій баталіонъ и конная батарея. Въ послѣдствіи прибыли къ ней еще двѣ батареи

шими въ февралѣ къ 4-му (виртембергскому) корпусу, простиралось до 232,207 человѣкъ съ 722-мя орудіями ([6]).

Въ составѣ блюхеровой (бывшей Силезской) арміи находились: русскіе корпусы графа Ланжерона и Сакена и прусскіе Іорка и Клейста.

Корпусъ графа Ланжерона, въ числѣ до 36,000 человѣкъ съ 136-ю орудіями.

Корпусъ Сакена, въ числѣ до 20,000 человѣкъ съ 96-ю орудіями.

Корпусъ Іорка, въ числѣ до 20,000 человѣкъ съ 104-мя орудіями.

Корпусъ Клейста, остававшійся подъ эрфуртскою цитаделью и присоединившійся къ арміи уже въ послѣдствіи, состоялъ въ числѣ до 20,000 человѣкъ съ 112-ю орудіями.

Всего-же въ блюхеровой арміи находилось:

	батал.	эскадр.	орудій.	человѣкъ.
Русскихъ . . .	78(*) —	64 —	232 —	56,000.
Пруссаковъ. . .	68$^1/_2$ —	88 —	216 —	40,000.
вообще-же .	146$^1/_2$ —	152 —	448 —	96,000.

Въ послѣдствіи должны были присоединиться къ блюхеровой арміи корпусы германскаго союза: 4-й (гессенскій) въ числѣ 12,000 человѣкъ съ 32-мя орудіями, и 5-й (Сводный), въ числѣ 9,230 человѣкъ съ 20-ю орудіями

Вообще-же число войскъ блюхеровой арміи, вмѣстѣ съ приданными ей 4-мъ и 5-мъ германскими корпусами, простиралось до 117,230 человѣкъ съ 500-ми орудіями ([7]).

Изъ войскъ Сѣверной арміи участвовали въ походѣ во Францію только корпусы русскій Винцингероде и прусскій Бюлова. Бригада Борстеля (корпуса Бюлова), 3-й германскій союзный корпусъ, и 10,000 англійскихъ войскъ назначены были для занятія Голландіи и Бельгіи; корпусъ графа Вальмодена до конца февраля н. ст. оставался подъ Гамбургомъ, а шведскій и 2-й германскій корпусы приблизились также въ послѣдствіи къ границамъ Франціи.

(*) Нѣкоторые баталіоны и эскадроны были сведены по два въ одинъ.

Корпусъ генерала Винцингероде состоялъ въ числѣ 36,000 человѣкъ съ 132-мя орудіями

Корпусъ Бюлова, въ числѣ 30,000 человѣкъ съ 96-ю орудіями

3-й германскій союзный корпусъ, въ числѣ 23,350 человѣкъ съ 56-ю орудіями.

Вообще-же въ этихъ трехъ корпусахъ состояло до 90,000 человѣкъ съ 284-мя орудіями, а вмѣстѣ съ нидерландскими и англійскими войсками, находившимися въ Голландіи и Бельгіи, до 110.000 человѣкъ

Корпусъ графа Вальмодена, въ числѣ 15,000 человѣкъ съ 32-мя орудіями.

Шведскій корпусъ, въ числѣ 23,000 человѣкъ съ 62-мя орудіями.

2-й германскій корпусъ, въ числѣ 32,900 человѣкъ съ 64-мя орудіями.

Всего-же въ Сѣверной арміи состояло до 180,000 человѣкъ съ 442-мя орудіями (8)

Вообще-же, не считая войскъ, остававшихся назади, было собрано на Рейнѣ и въ Нидерландахъ, во всѣхъ трехъ Союзныхъ арміяхъ:

	батал.	эскадр.	каз. полк.	оруд	человѣкъ.
Русскихъ . . .	193	210	65	574	153,000.
Австрійцевъ . .	128	157	»	372	96,000.
Пруссаковъ . .	120½	146	»	312	75,000.
Германскихъ войскъ.	86	61	»	156	62,350.
Нидерландскихъ .	»	»	»	»	10,000.
Англійскихъ . .	»	»	»	»	9,000.
всего-же .	527½	574	65	1,414	405,350.

Присоединивъ-же къ этимъ войскамъ остальные корпусы германскаго союза и Сѣверной арміи, получимъ общее число дѣйствующихъ силъ, выставленныхъ Союзниками противъ Франціи, со стороны Рейна, до 517,000 человѣкъ съ 1,676-ю орудіями.

Резервы состояли изъ слѣдующихъ войскъ: 1) остальныхъ ландверовъ германскаго союза, въ числѣ около 100,000 чело-

вѣкъ; 2) австрійскаго резерва, 20,000 человѣкъ; 3) арміи генерала Беннигсена, 35,000; 4) арміи князя Лобанова-Ростовскаго 60,000 человѣкъ; 5) 4-го прусскаго корпуса, графа Тауэнцина, 50,000; 6) прусскаго резервнаго корпуса, принца Людовика Гессенъ-Гомбургскаго, въ Вестфаліи, 20,000; 7) корпуса, составленнаго изъ российско-прусскихъ войскъ, блокировавшаго Глогау, 15,000: вообще-же было резервныхъ войскъ до 300,000 человѣкъ (9). Слѣдовательно—число всѣхъ Союзныхъ войскъ, не считая дѣйствовавшихъ въ Италіи и со стороны Пиренеевъ, простиралось свыше 800,000 человѣкъ, при коихъ состояло болѣе 2,000 орудій.

Изъ сравненія силъ обѣихъ воевавшихъ сторонъ оказывается рѣшительное превосходство Союзниковъ надъ Французами, какъ въ числѣ, такъ и въ качествѣ войскъ. Но на сторонѣ Наполеона также были важныя выгоды, которыя отчасти вознаграждали перевѣсъ его непріятелей въ силахъ. Многія крѣпости, находившіяся на путяхъ дѣйствій Союзныхъ армій, заставляли ихъ ослабиться отряженіемъ блокадныхъ корпусовъ. Союзники не имѣли—ни обезпеченныхъ переправъ на рѣкахъ пересѣкающихъ театръ войны, ни опорныхъ пунктовъ, ни складовъ продовольствія, и были принуждены учредить огромные подвижные магазины, для прикрытія коихъ отдѣлялись отъ арміи значительные отряды; по мѣрѣ вторженія въ непріятельскую страну, Союзныя войска удалялись отъ источниковъ своихъ средствъ; жители Франціи, и въ особенности восточныхъ департаментовъ ея, враждебные имъ, скрывали отъ нихъ свои запасы, слѣдили за ихъ движеніями, передавали все замѣченное французскимъ войскамъ, и даже иногда вооружались противъ Союзниковъ; наконецъ—Союзныя арміи, руководимыя несогласными между собою видами Кабинетовъ, весьма часто дѣйствовали нерѣшительно и безъ взаимной связи. Напротивъ того, Наполеонъ, ведя войну въ собственной странѣ и въ сосѣдствѣ своихъ крѣпостей, находилъ въ нихъ подкрѣпленія, оружіе, боевые и жизненные запасы, убѣжище разбитымъ частямъ войскъ и пріютъ раненымъ, больнымъ и усталымъ солдатамъ. Жители открывали для своей арміи спрятанные ими

хлѣбъ и вино, служили проводниками и лазутчиками, выставляли тысячи подводъ для перевозки продовольствія и для передвиженія войскъ. Но всего важнѣе было то, что Наполеонъ, управляя арміей также неограниченно, какъ и страною, устремлялъ дѣйствія своихъ войскъ къ опредѣленной цѣли съ быстротою и рѣшительностью ему свойственными.

Не должно также упускать изъ вида, что неудачи, понесенныя прежними коалиціями, при покушеніяхъ ихъ вторгнуться во Францію, заставляли Союзныхъ дипломатовъ и военачальниковъ смотрѣть съ недовѣріемъ на всякую попытку наступательныхъ дѣйствій. Какъ грозный призракъ, возставали предъ ними воспоминанія—и неудачной экспедиціи въ Шампань, и цѣлаго ряда побѣдъ, одержанныхъ Наполеономъ въ предшествовавшихъ войнахъ. Правда—въ Силезской арміи былъ составленъ планъ дѣйствій, на основаніи котораго предполагалось еще въ половинѣ ноября н. ст. переправиться черезъ Рейнъ у Мюльгейма, нѣсколько ниже Кельна, и вторгнуться въ Бельгію, гдѣ находились значительные оружейные заводы. Пылкій Блюхеръ, не выждавъ соизволенія Союзныхъ Монарховъ на это предпріятіе, выступилъ съ своими главными силами, 26-го октября (7-го ноября), отъ Гиссена къ нижнему Рейну. Но, между тѣмъ, партія мира весьма успѣшно воспользовалась отсутствіемъ Короля Фридриха Вильгельма и Штейна, изъ коихъ первый, послѣ сраженія подъ Лейпцигомъ, уѣхалъ въ Берлинъ, а второй находился, въ качествѣ предсѣдателя Центральнаго Управленія (Central Verwaltung), въ Лейпцигѣ. На Военномъ Совѣтѣ, созванномъ въ Франкфуртѣ Императоромъ Александромъ, въ день выступленія Силезской арміи отъ Гиссена, генералъ Гнейзенау старался доказать необходимость неотлагательнаго наступленія и выразилъ мнѣніе, что предметомъ дѣйствій Союзниковъ долженствовала быть столица Франціи. Кнезебекъ, напротивъ того, полагалъ, что Главной и Силезской арміямъ слѣдовало оставаться на Рейнѣ, «дабы удержать тѣмъ Наполеона у Майнца», между тѣмъ какъ корпусы Бюлова и Винцингероде овладѣютъ Нидерландами. Мнѣніе Кнезебека встрѣтило сильныя возраженія нетолько генерала Гней-

зенау, но и со стороны уполномоченныхъ Оранскаго Дома и англійскихъ военныхъ коммисаровъ, которые, дорожа паче всего завоеваніемъ Нидерландовъ, считали успѣхъ этого предпріятія сомнительнымъ въ случаѣ бездѣйствія Союзниковъ на Рейнѣ. По свидѣтельству самаго Кнезебека, самъ «фельдмаршалъ Vorwärts (*) принялъ участіе въ спорѣ, осыпавъ его самыми жестокими упреками.» На Совѣтѣ не было рѣшено ничего ([10]), однакоже Императоръ Александръ настаивалъ на необходимости энергическаго продолженія войны и предложилъ планъ наступательныхъ дѣйствій, заключавшійся въ томъ, чтобы Главная армія, избѣгая мѣстныхъ преградъ и крѣпостей на пространствѣ между Майнцемъ и Страсбургомъ, вступила во Францію со стороны Швейцаріи; одновременно съ тѣмъ, Блюхеръ долженъ былъ перейти черезъ Рейнъ у Мангейма и дѣйствовать наравнѣ съ Главною арміею, а войска австрійскія въ Италіи и Веллингтонъ—также наступать концентрически къ Парижу. Наслѣдному шведскому принцу было предоставлено завоеваніе Голландіи ([11]). Въ составленіи этого плана дѣйствій принимали большое участіе австрійскіе генералы, и въ особенности генералъ-квартирмейстеръ Главной арміи Лангенау ([12]), однакоже Меттернихъ, надѣясь дать общему дѣлу оборотъ соотвѣтствовавшій видамъ и пользамъ австрійскаго правительства, склонилъ Союзниковъ къ открытію переговоровъ съ Наполеономъ. Одинъ изъ агентовъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, баронъ Сентъ-Эньянъ, попавшійся въ плѣнъ отряду полковника Храповицкаго, былъ посланъ въ Парижъ съ предложеніемъ Наполеону условій мира, на основаніи которыхъ Франція ограничивалась *естественными предѣлами:* Рейномъ, Альпами и Пиренеями, и—какъ будто-бы такой снисходительности со стороны Союзниковъ было еще недостаточно — изъявлялась готовность дать вице-королю принцу Евгенію владѣніе въ Италіи. Еслибы Наполеонъ немедленно согласился на эти предложенія, то удержалъ-бы господство надъ всѣми германскими

(*) «Впередъ!» Такъ звали Блюхера и Пруссаки, и Русскіе, состоявшіе подъ его начальствомъ.

странами, лежащими по лѣвую сторону Рейна и Бельгіею, и въ такомъ случаѣ ничто не мѣшало ему, выждавъ благопріятнѣйшія обстоятельства, снова пріобрѣсти все потерянное. Къ счастью Союзниковъ, Наполеонъ, вѣроятно имѣя въ виду выторговать еще выгоднѣйшія условія мира, либо недовѣряя Союзникамъ, отклонилъ сдѣланное ему предложеніе. Въ послѣдствіи, сознавъ свою ошибку, онъ изъявилъ согласіе на требуемыя уступки, но уже было поздно. Союзники, получивъ свѣдѣнія объ огромныхъ приготовленіяхъ французскаго правительства къ продолженію войны и убѣдившись въ томъ, что бездѣйствіе ихъ могло имѣть весьма пагубныя послѣдствія, рѣшились возобновить наступленіе. Но многіе изъ вліятельныхъ лицъ главной квартиры считали опасными дѣйствія по прямому направленію съ средняго Рейна, гдѣ Союзники, оставя за собою важные укрѣпленные пункты Майнцъ и Кель, встрѣтили-бы естественныя преграды—сперва Вогезы, а потомъ Мозель и Маасъ; въ особенности-же возбуждалъ сомнѣнія ученыхъ стратеговъ тройной рядъ крѣпостей, воздвигнутыхъ Вобаномъ, которыхъ Лангенау насчитывалъ сто три на пространствѣ между Дюнкирхеномъ и Гюнингеномъ ([13]). И потому положено было, чтобы большая часть Главной арміи, обойдя истоки Мозеля и Мааса, двинулась между Вогезами и Юрою къ лангрскому плато́; армія-же Блюхера (бывшая Силезская) должна была направиться прямо отъ средняго Рейна, чрезъ Шалонъ и Витри, и обративъ на себя вниманіе непріятеля, содѣйствовать успѣху наступленія Главной арміи. Маршруты были соображены такъ чтобы къ 15-му января н. ст. Главная армія прибыла къ Лангру, а Силезская къ Мецу. Дальнѣйшимъ предметомъ дѣйствій былъ назначенъ Парижъ, при чемъ обстоятельства долженствовали указать выгоднѣйшее направленіе къ этому пункту. Въ случаѣ, еслибы оказалось удобнымъ обойти непріятеля, выдвинувъ впередъ Главную армію, слѣдовало направиться чрезъ Труа, отрядивъ часть силъ на Орлеанъ, для пресѣченія подвозовъ изъ южныхъ областей къ Парижу. Если-же было-бы выгоднѣе совершить обходъ со стороны Блюхера, то надлежало ему, присоединивъ къ своей арміи корпусы Бюлова и Винцингероде, двинуться къ Парижу

долиною Марны. Корпусамъ Сѣверной арміи, русскому Винцингероде и прусскому Бюлова, слѣдовало наступать отъ нижняго Рейна.

Такимъ образомъ, на основаніи этого плана дѣйствій, предполагалось вторгнуться во Францію на пространствѣ семисотъ верстъ отъ Зюй-деръ-Зее до Юры. Не должно упускать изъ вида, что, за отдѣленіемъ отрядовъ, необходимыхъ для обложенія крѣпостей на путяхъ дѣйствій и для прикрытія сообщеній, Союзники, несмотря на многочисленность войскъ, состоявшихъ въ ихъ распоряженіи, могли направить къ Лангру и Мецу вообще неболѣе двухъ сотъ тысячъ человѣкъ, и что эти силы наступали не на одной высотѣ и были раздѣлены на нѣсколько частей разобщенныхъ между собою естественными преградами. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Наполеонъ воспользовался-бы раздѣленіемъ Союзныхъ войскъ, если-бы могъ гдѣ-либо собрать достаточныя силы ([14]).

Императоръ Александръ не только одобрилъ этотъ планъ дѣйствій, но участвовалъ въ составленіи его, что̀ видно изъ слѣдующихъ словъ Его въ письмѣ къ Наслѣдному шведскому принцу: «Voici le plan que j'ai proposé et sur lequel les autorités militaires autrichiennes et prussiennes sont tombées complétement d'accord.» (Вотъ планъ мною предложенный, съ которымъ австрійскіе и прусскіе генералы совершенно согласились). Въ дѣйствительности-же сей планъ былъ плодомъ соображеній австрійскаго штаба, но былъ измѣненъ Императоромъ Александромъ въ томъ, что: 1) Силезская армія назначена была неотвлекать демонстраціями непріятеля, (какъ предполагалъ Лангенау), а наступать рѣшительно на-равнѣ съ Главною арміей, и 2) предположено довершить завоеваніе Голландіи. Исполненіе предположеній, заключавшихся въ этомъ планѣ дѣйствій, соотвѣтствовало видамъ Вѣнскаго Двора, клонившимся не къ уничтоженію господства Наполеона, а къ завоеванію Италіи. Для этого Австрійцы хотѣли занять Швейцарію и овладѣть важнѣйшими проходами черезъ Альпы, что̀ подавало имъ возможность открыть сообщеніе съ арміей графа Беллегарда, дѣйствовавшею въ Италіи, какъ только удалось-бы ей проникнуть

въ Ломбардію, и угрожать сообщеніямъ находившейся тамъ французской арміи Императору Александру представлены были эти предположенія совершенно въ иномъ видѣ. Австрійскій главный штабъ изъявилъ мнѣніе, что, дѣйствуя такимъ образомъ въ тылъ вице-королю, можно было, по всей вѣроятности, побудить его къ очищенію Италіи, и въ такомъ случаѣ беллегардова армія, двигаясь въ слѣдъ за нимъ, достигла-бы Ліона и вошла-бы въ связь — съ одной стороны съ Главною Союзною арміей, а съ другой — съ арміей Веллингтона ([15]).

Императоръ Александръ, сознавая выгоды вторженія во Францію со стороны верхняго Рейна, нехотѣлъ однако-же нарушить неприкосновенность Швейцаріи. Швейцарія почти всегда оставалась неутральною въ прежнихъ войнахъ между ея сосѣдями, и какъ только, послѣ сраженія подъ Лейпцигомъ, театръ дѣйствій сблизился съ ея границами, Швейцарцы, на чрезвычайномъ сеймѣ созванномъ 18-го ноября н. ст. возобновили объявленіе своего неутралитета и выставили, для охраненія границъ страны, корпусъ, долженствовавшій усилиться до двадцати тысячъ человѣкъ. Наполеонъ немедленно призналъ неутралитетъ Швейцаріи, служившій къ прикрытію доступнѣйшей части границъ Франціи. Но Союзники несчитали себя обязанными уважать неутралитетъ страны, въ которой Наполеонъ на основаніи конституціи, считался посредникомъ (médiateur). Къ тому-же Швейцарія, по договору, заключенному съ Наполеономъ, выставляла во французскую армію до 16,000 человѣкъ войска, и даже въ то самое время, когда на сеймѣ происходили пренія о неутралитетѣ, въ нѣкоторыхъ кантонахъ набирались рекруты для пополненія контингента состоявшаго на службѣ во Франціи. Союзники имѣли право непризнавать неутралитета Швейцаріи и произвести вторженіе въ ея предѣлы, тѣмъ болѣе, что отложеніе Швейцарцевъ отъ Наполеона, вынужденное силою обстоятельствъ, не обезпечивало Союзную армію въ случаѣ, еслибы, послѣ неудачнаго вторженія въ предѣлы Франціи, ей пришлось-бы отступать за Рейнъ. Но Австрійцы, высказывая гласно выгоды занятія Швейцаріи въ военномъ отношеніи, скрывали свои виды какъ на счетъ господства въ

Италіи, составлявшаго постоянную цѣль австрійской политики, такъ и въ разсужденіи Швейцаріи, гдѣ они желали господствовать, измѣнивъ управленіе въ пользу бернской олигархіи. Императоръ Александръ, получивъ свѣдѣніе объ этихъ проискахъ, отъ воспитателя Своего Лагарпа и отъ генерала Жомини, нехотѣлъ и слышать о вторженіи въ Швейцарію. Онъ потребовалъ, чтобы Главная армія перешла черезъ Рейнъ ниже Базеля, въ баденскихъ владѣніяхъ, и оттуда уже направилась къ Лангру. Австрійскіе дипломаты, неосмѣливаясь явно идти противъ воли главы Союза, прибѣгли къ хитрости: нѣсколько Швейцарцевъ, преданныхъ Вѣнскому Кабинету, содѣйствуя его видамъ, пригласили Союзниковъ въ свою страну, подъ видомъ охраненія ея отъ демагоговъ. Опираясь на голосъ этихъ, по всей вѣроятности, продажныхъ людей, Австрійцы поставили на видъ, что, при открытіи зимняго похода во Францію, необходимо было обезпечить сообщеніе арміи съ лѣвымъ берегомъ Рейна занятіемъ базельскаго моста, тѣмъ болѣе, что Французы неразъ нарушали неутралитетъ Швейцаріи, и даже еще недавно, именно въ августѣ 1813 года, французская дивизія Будѐ воспользовалась этимъ мостомъ. Императоръ Александръ хотя и согласился на переправу арміи въ Базелѣ, однако-же съ условіемъ, чтобы неутральная линія была отодвинута отъ швейцарской границы недалѣе одной мили. Австрійцы, небудучи удовлетворены этою уступкою, рѣшились направить Главную армію къ переправамъ на Рейнѣ лежащимъ выше Базеля, откуда, по призыву преданной имъ партіи, могли внезапно вторгнуться въ Швейцарію и занять эту страну, не выжидая опредѣлительнаго согласія Императора Александра. Исполненіе этого замысла было весьма удобно, потому что армія, во всякомъ случаѣ, должна была двигаться вверхъ по Рейну, и что лѣвое крыло ея, направленное къ швейцарской границѣ, состояло изъ австрійскихъ войскъ и находилось въ непосредственномъ распоряженіи князя Шварценберга. Государь, узнавъ о томъ уже въ послѣдствіи, послалъ къ главнокомандующему отзывъ, въ которомъ, изъявляя Свое неудовольствіе, писалъ, что это дѣло причинило Ему одно изъ наиболь-

нихъ огорченій, испытанныхъ Имъ въ продолженіи всей Его жизни ([16]).

Выше уже изложено, какими огромными средствами для укомплектованія войскъ располагали Союзники, при вторженіи во Францію. Хотя часть резервовъ находилась подъ крѣпостями въ тылу Союзныхъ армій, однако-же все еще оставалось неменѣе ста тысячъ человѣкъ для вознагражденія убыли неизбѣжной при веденіи военныхъ дѣйствій, именно: резервная армія князя Лобанова-Ростовскаго, въ числѣ 60,000 человѣкъ, пополняемая рекрутами послѣдняго набора, по манифесту 21-го августа 1813 года ([17]); австрійскій резервъ герцога виртембергскаго, 20,000 и прусско – вестфальскій резервъ принца Людовика гессенъ-гомбургскаго, также 20,000 человѣкъ. Не смотря на значительное разстояніе театра военныхъ дѣйствій отъ мѣстъ расположенія резервной арміи князя Лобанова, русскія войска на Рейнѣ и въ предѣлахъ Франціи были усилены сорока пятью тысячами человѣкъ ([18]). Прочія Союзныя арміи также получили значительныя подкрѣпленія.

Снабженіе огромнаго числа войскъ жизненными припасами было сопряжено съ большими неудобствами. Источниками его служили, большею частью, реквизиціи собранныя во владѣніяхъ бывшаго Рейнскаго Союза и въ завоеванной части Франціи. При многочисленности и разнородности состава армій были неизбѣжны безпорядки имѣвшіе послѣдствіемъ опустошеніе зарейнской страны и возбужденіе ея жителей къ возстанію противъ Союзниковъ. Необходимость учрежденія подвижныхъ обозовъ въ тылу армій нерѣдко заставляла удерживать продолжительное время подводы собранныя на Рейнѣ, что̀ также было сопряжено съ обремененіемъ жителей. Благодушный Русскій Монархъ безпрестанно напоминалъ начальникамъ войскъ о хорошемъ обхожденіи съ жителями, но, не смотря на то, въ дѣлахъ этой эпохи нерѣдко встрѣчаются примѣры противнаго.

По прибытіи на Рейнъ, войска продовольствовались отъ жителей страны, по утвержденному Барклаемъ де-Толли тарифу ([19]); въ мѣстахъ-же мало населенныхъ, на каждомъ этапѣ, или, по крайней мѣрѣ, на тѣхъ пунктахъ, гдѣ предпола-

галось простоять нѣсколько дней, заготовлялись склады провіанта, вина и фуража. Для избѣжанія непомѣрнаго возвышенія цѣнъ на эти продукты, были заключены съ германскими правительствами конвенціи, на основаніи которыхъ мѣстныя управленія были обязаны поставлять войскамъ провіантъ и фуражъ по опредѣленной таксѣ. При сближеніи съ непріятелемъ, люди, имѣя на себѣ четырехъ-дневный запасъ сухарей, довольствовались изъ десяти-дневнаго провіанта, за ними слѣдовавшаго на полковыхъ фурахъ и пополняемаго изъ подвижныхъ магазиновъ; для мясныхъ порцій гнали скотъ за войсками. Иногда, преимущественно-же при отдѣльныхъ отрядахъ, дѣлались фуражировки.

По части обмундированія войскъ, послѣ прибытія главной квартиры въ Франкфуртъ, были сдѣланы два заготовленія. Во 1-хъ, для артиллерійскихъ парковъ, на сборномъ ихъ пунктѣ, въ Нюренбергѣ, устроили депо готовыхъ вещей; во 2-хъ, по требованію графа Витгенштейна, были отпущены интенданту его войскъ, Жуковскому, деньги на покупку суконъ въ Швабіи; но послѣдовавшее вскорѣ послѣ того движеніе арміи во Францію не позволило воспользоваться этими матеріалами, которые большею частью были доставлены уже на возвратномъ походѣ въ Россію, именно въ Торнѣ. По свидѣтельству графа Канкрина, это подало поводъ къ порицанію распоряженій сдѣланныхъ по интендантской части, не смотря на то, что невсегда можно сдѣлать заготовленіе въ большомъ размѣрѣ такъ успѣшно, какъ это дѣлается въ полку, либо въ другой части войскъ. Въ декабрѣ, по прибытіи главной квартиры въ Фрейбургъ-въ-Брисгау, генералъ-интендантъ получилъ повелѣніе доставить какъ можно скорѣе полушубки изъ Праги въ Базель. Но какъ эта доставка не могла быть исполнена ранѣе марта, когда въ полушубкахъ уже небыло-бы надобности, то разрѣшили продать ихъ въ Прагѣ, что̀ и сдѣлано съ большимъ для казны убыткомъ.

По вступленіи во Францію, часть предметовъ для одежды и обуви людей была пріобрѣтена посредствомъ реквизицій, либо покупкою и заготовленіемъ матеріаловъ на сборныхъ пунктахъ

арміи. Сначала мѣстныя французскія управленія исполняли усердно требованія Союзниковъ, но въ послѣдствіи, когда Наполеону удалось одержать нѣкоторые успѣхи и когда чрезвычайное умноженіе госпиталей и обозовъ, вмѣстѣ съ безпорядками, происходившими въ тылу Союзныхъ армій, истощили терпѣніе Французовъ, добровольныя поставки провіантскихъ и коммисаріатскихъ припасовъ сдѣлались затруднительны. Къ тому-же, между Союзниками небыло согласія и каждый заботился только о себѣ: Баварцы нетолько самовольно заняли нѣсколько департаментовъ и хозяйничали въ нихъ, но отказывались принимать въ свои госпитали русскихъ больныхъ. Послѣ сраженія при Монмиралѣ, когда вся Лотарингія наполнилась ранеными и мародёрами Силезской арміи, жители этой области, возбужденные къ возстанію французскими гарнизонами, вышедшими изъ Меца и другихъ крѣпостей, вооружались противъ Союзниковъ и дѣйствовали на ихъ сообщеніяхъ. Не смотря однакоже на то, тайный совѣтникъ Алопеусъ не только успѣлъ собрать для Силезской арміи многіе запасы, но выслалъ въ главную квартиру Большой арміи значительную сумму. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Грюнеръ, управляя среднерейнскою страною, также собралъ большія реквизиціи. Чиновники, высланные отъ корпуса барона Сакена, доставили въ армію, на обратномъ походѣ ея, въ Варшаву, болѣе 80,000 локтей (около 75,000 аршинъ) сукна. Главная-же армія запасалась вещами сперва въ Труа̀, а потомъ въ Гагенау. Генералъ Канкринъ замѣчаетъ, что уступчивость русскаго правительсва къ Союзникамъ, заставляя жертвовать многимъ въ ихъ пользу, иногда затрудняла снабженіе собственныхъ войскъ.

По вступленіи въ Парижъ, Союзныя войска воспользовались небольшими складами французской гвардіи, остававшимися въ городѣ. Въ послѣдствіи, при раздѣлѣ прочихъ непріятельскихъ запасовъ, на долю русскихъ войскъ досталось до 2,500 ружей и до 12,000 киверовъ, которыхъ часть, по волѣ Императора Александра, была возвращена французскому правительству. Въ Парижѣ войска получили часть сапожнаго товара, заготовленнаго въ числѣ 100,000 паръ въ Лейпцигѣ, и

23,000 паръ сапоговъ отличнаго качества, купленныхъ на мѣстѣ по $7^1/_4$ франковъ (около 2-хъ рублей) каждая; кромѣ того отпущены были деньги на покупку лѣтнихъ панталонъ. Благодаря этимъ распоряженіямъ, обмундированіе русской гвардіи было приведено въ такое состояніе, что хотя она и не получила всего слѣдуемаго по положенію, однакоже возбуждала удивленіе Парижанъ; прочія-же войска были кое-какъ одѣты и обуты уже на возвратномъ походѣ, частью въ Кёльнѣ, Мангеймѣ, Раштадтѣ и Гагенау, частью-же на Эльбѣ и Одерѣ.

Содержаніе госпиталей съ перваго шага въ предѣлы Франціи поступило на счетъ страны. При умноженіи числа раненыхъ и больныхъ, и въ особенности у Австрійцевъ, соединенное австрійско-русское интендантство Главной арміи учредило одновременно госпитали на 24,000 человѣкъ; въ Силезской арміи были сдѣланы, на сей предметъ, особыя распоряженія. Русскіе госпитали, большею частью, были устроены въ Вогезахъ, гдѣ раненые пользовались минеральными водами. Французы выказали свойственное просвѣщенному народу попеченіе о больныхъ, которые вообще не терпѣли ни въ чемъ нужды. Но вскорѣ военныя обстоятельсвта заставили интендантство Главной арміи очистить французскіе госпитали и отправить всѣхъ лежавшихъ тамъ въ Германію; большая часть ихъ была отослана съ пособіемъ подвижныхъ магазиновъ; множество больныхъ и раненыхъ стеклось въ Альткирхѣ и Мюльгаузенѣ; жители послѣдняго города оказали большое содѣйствіе въ призрѣніи этихъ несчастныхъ, а благопріятный оборотъ военныхъ дѣйствій позволилъ пріостановить очистку ближайшихъ госпиталей. По сдачѣ Парижа, множество раненыхъ разсѣялось по окрестнымъ селеніямъ, такъ что даже было трудно собрать ихъ; въ послѣдствіи-же французскія мѣстныя управленія чрезвычайно заботились о Союзныхъ госпиталяхъ, и благодаря тому въ ноябрѣ 1814 года весьма лишь немного больныхъ оставалось за границами Варшавскаго герцогства.

Издержки на содержаніе русскихъ войскъ въ 1814-мъ году вообще простирались до 75-ти милліоновъ рублей ассигнаціями, именно:

*

1.	На общія военныя потребности . .	2,547,751	рубл.
2.	На провіантскіе расходы	11,975,452	—
3.	На коммисаріатскіе расходы . . .	49,857,365	—
4.	Австрійскому и прусскому правительствамъ за содержаніе русскихъ госпиталей.	10,403,448	—
5.	Раненымъ офицерамъ третное жалованье не въ зачетъ	81,604	—
6.	Плѣннымъ	6,494	—
	Всего . .	74,872,114	р. [20].

ГЛАВА IV.

Наступленіе Главной и Силезской Союзныхъ армій отъ Рейна къ Объ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Расположеніе Союзныхъ армій въ концѣ ноября 1813 года. Фланговое движеніе влѣво Главной арміи. Императоръ Александръ рѣшаетъ переправу черезъ Рейнъ. — Переправа Главной арміи.—Высочайшій Приказъ по русскимъ войскамъ.—Наступленіе Главной арміи: графа Бубны къ Женевѣ и принца Алоизія Лихтенштейна къ Безансону; Наслѣднаго принца Гессенъ-Гомбургскаго къ Дижону и графа Коллоредо къ Шатильонъ-сюръ-Сенъ; графа Вреде къ Нёшато; Наслѣднаго принца Виртембергскаго къ Лангру; графа Витгенштейна къ Нанси; россійско-прусскихъ резервовъ къ Лангру. Наступленіе передовыхъ корпусовъ Главной арміи къ Баръ-сюръ-Объ.

Блюхеръ и главная квартира Силезской арміи.—Переправа черезъ Рейнъ Силезской арміи.—Воззванія Брюхера къ войскамъ и къ жителямъ страны. Наступленіе Силезской арміи; отряженіе корпуса Іорка для наблюденія за крѣпостями на Мозелѣ и дальнѣйшее наступленіе Блюхера. Занятіе Нанси. Движеніе къ Марнѣ.

Ослабленіе Союзныхъ армій.

Въ концѣ ноября н. ст. 1813 года, Главная и Силезская Союзныя арміи были расположены на Рейнѣ слѣдующимъ образомъ:

Главная армія, вмѣстѣ съ баварскою арміей Вреде, занимала квартиры въ гроссъ-герцогствахъ франкфуртскомъ, гессенъ-дармштадтскомъ и баденскомъ и въ королевствѣ виртембергскомъ. Главныя квартиры Союзныхъ Монарховъ и фельдмаршала князя Шварценберга находились въ Франкфуртѣ, а графа Барклая де-Толли—въ Ашафенбургѣ ([1]).

Бывшая *Силезская армія* была расположена въ нассаускихъ владѣніяхъ, выдвинувъ линію передовыхъ постовъ вдоль Рейна, между Эренбрейтштейномъ и устьемъ Майна. Главная квартира фельдмаршала Блюхера находилась въ Гехстѣ (между Франкфуртомъ и Майнцемъ) (²).

Корпусы *Сѣверной арміи*, русскій генерала Винцингероде и прусскій генерала Бюлова, дѣйствовали въ Нидерландахъ.

Въ такомъ расположеніи оставались первыя двѣ арміи: Главная до 28-го ноября (10 декабря) 1813, а Силезская до 1-го (13-го) января 1814 года.

Какъ только, на основаніи общаго плана дѣйствій, положено было вторгнуться во Францію, корпусы Главной арміи, сдѣлавъ фланговое движеніе влѣво, подошли во второй половинѣ декабря н. ст. къ указаннымъ для нихъ пунктамъ переправы черезъ Рейнъ, на пространствѣ между Шафгаузеномъ и Форъ-Луи (Форъ-Вобанъ) (*). Вмѣстѣ съ фланговымъ передвиженіемъ арміи, главная квартира князя Шварценберга перешла въ Фрейбургъ (**) 29-го ноября (11-го декабря); Императоръ Францъ прибылъ туда-же 3-го (15-го), а Императоръ Александръ 14-го (26-го) декабря. Меттернихъ, желая ослабить вліяніе Россійскаго Монарха на судьбу Европы, покушался склонить Его къ пребыванію въ Франкфуртѣ, гдѣ, по увѣреніямъ австрійскаго дипломата, Онъ могъ, находясь ближе къ мѣсту переговоровъ, управлять ихъ ходомъ. Но Государь, разгадавъ цѣль Своихъ союзниковъ и считая военныя дѣйствія важнѣйшимъ дѣломъ, нежели переговоры о мирѣ, отклонилъ сдѣланное Ему предложеніе и рѣшился сопровождать армію при вторженіи ея въ предѣлы Франціи (³). Россійско-прусскіе резервы, выступивъ съ кантониръ-квартиръ въ вюрцбургскихъ и баденскихъ владѣніяхъ, позже прочихъ войскъ, подошли въ десяти эшелонахъ къ Лёрраху (Lörrach) съ 20-го декабря по 1-е января (съ 1-го по 13-е января н. ст. 1814

(*) Форъ-Луи въ 32 хъ верстахъ ниже Страсбурга.

(**) Фрейбургъ-въ Брисгау

года); главная квартира Барклая де-Толли перешла 18-го (30-го) декабря въ Фрейбургъ, куда, нѣсколько дней спустя, также прибылъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ. Такимъ образомъ, въ то самое время, когда Наполеонъ, считая границы Франціи наиболѣе подверженными опасности со стороны Голландіи, сосредоточивалъ большую часть своихъ войскъ въ Бельгіи, Главная Союзная армія совершила передвиженіе въ противоположную сторону, къ верхнему Рейну. Для противодѣйствія обѣимъ арміямъ, Шварценберга и Блюхера, считавшимъ въ рядахъ своихъ до 280,000 человѣкъ, у Французовъ было неболѣе 27,000 человѣкъ, именно корпусы Виктора и Мильгò (6,310 челов. пѣхоты и 3,830 челов. кавалеріи) въ Альзаціи и корпусы Мармона и Думерка (13,507 челов. пѣхоты и 3,263 челов. кавалеріи) на пространствѣ отъ Ландау до Кобленца. Резервы, собиравшіеся за ними, у Меца и на Марнѣ, немогли быть готовы къ дѣйствіямъ прежде конца января. Ничто не мѣшало Союзникамъ воспользоваться рѣшительнымъ превосходствомъ силъ, уничтожить остатки непріятельской арміи и двинуться къ Парижу.

Но, вмѣсто того, поборники мира возобновили усилія къ замедленію военныхъ дѣйствій. Меттернихъ, зная, что вмѣшательство Австрійцевъ во внутреннія дѣла Швейцаріи поселило въ Императорѣ Александрѣ чрезвычайную недовѣрчивость къ политикѣ Вѣнскаго Двора, желалъ, болѣе нежели когда-либо, окончить какъ можно скорѣе общее дѣло коалиціи мирнымъ путемъ. Тогда-же полученъ былъ въ главной квартирѣ отзывъ Коленкура, въ которомъ онъ извѣщалъ, что Наполеонъ, имѣя въ виду доказать свою готовность къ миру, поручилъ переговоры о томъ ему, французскому министру иностранныхъ дѣлъ, снабдивъ его надлежащимъ полномочіемъ, и что онъ, прибывъ на аванпосты, ожидаетъ тамъ пропуска, чтобы явиться на совѣщаніе съ уполномоченными Союзныхъ Державъ. Меттернихъ обнадежилъ его въ открытіи конгресса, какъ только прибудетъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Кестльри (Castlereagh) (4), и рѣшась сдѣлать послѣднюю попытку къ замедленію военныхъ дѣйствій, предложилъ Союзнымъ Государямъ, чтобы

они вмѣстѣ съ дипломатами остались въ Фрейбургѣ, какъ весьма удобномъ пунктѣ для пребыванія главныхъ квартиръ, въ ожиданіи прибытія Коленкура. Но Императоръ Александръ рѣшительно изъявилъ Свое несогласіе. «Je suis loin de reconnaître les avantages que Vous trouvez à ce Fribourg,—сказалъ Онъ. — Plus nous épargnons de chemin au négociateur français, plus il me semble que nous nous plaçons bien. Avoir fait signer la paix à la France de ce coté du Rhin ou bien de l'autre, au coeur de la France même, ne me paraît nullement indifferent pour les souverains alliés, et une circonstance historique pareille vaut bien la peine de se déplacer.» (Я во-все не признаю тѣхъ выгодъ, которыя, по вашему мнѣнію, представляетъ Фрейбургъ. Чѣмъ болѣе сокращаемъ дорогу французскому уполномоченному, тѣмъ поставляемъ себя въ лучшее положеніе. Заставить Францію подписать миръ по сю сторону, или по другую Рейна, въ нѣдрахъ самой Франціи, сколько мнѣ кажется, не есть одно и то-же для Союзныхъ Государей. Такое историческое обстоятельство стоитъ труда переѣхать съ одного мѣста на другое). Въ тотъ-же день, 26-го декабря (7-го января), Императоръ Александръ отправился изъ Фрейбурга въ Лёррахъ ([5]).

Переправа черезъ Рейнъ была совершена войсками Главной арміи на нѣсколькихъ пунктахъ.

Въ ночи съ 8-го (20-го) на 9-е (21-е) декабря, перешли чрезъ рѣку всѣ австрійскіе корпусы, въ Базелѣ, Кренцахѣ (выше Базеля), Лауфенбургѣ и Шафгаузенѣ; 10-го (22-го) декабря, по полудни, переправились въ Базелѣ баварско-австрійскія войска генерала Вреде; 19-го (31-го) при Merktѣ (Märkt), близъ Гюнингена, виртембергскій корпусъ. Графъ Витгенштейнъ получилъ приказаніе обложить Кель, сохранять сообщеніе между виртембергскимъ корпусомъ и блюхеровою арміей и угрожать непріятелю переправою въ окрестностяхъ Страсбурга. Наконецъ россійско-прусскіе резервы, пройдя нѣсколькими эшелонами чрезъ Фрейбургъ, съ 16-го по 27-е декабря (съ 28-го декабря 1813 г. по 8-е января н. ст 1814 года), сосредоточились у Лёрраха къ 1-му (13-му) января и перешли черезъ

Рейнъ, у Базеля, въ сей-же день, спустя годъ послѣ перехода Русскихъ черезъ Нѣманъ ([6]).

Императоръ Александръ, во время Своего пребыванія въ Фрейбургѣ, отдалъ слѣдующій приказъ по русскимъ войскамъ.

«Воины! Мужество и храбрость ваша привели васъ отъ Оки на Рейнъ. Они ведутъ насъ далѣе: мы переходимъ за оный, вступаемъ въ предѣлы той земли, съ которою ведемъ кровопролитную, жестокую войну. Мы уже спасли, прославили Отечество свое, возвратили Европѣ свободу ея и независимость. Остается увѣнчать великій подвигъ сей желаемымъ миромъ. Да водворится на всемъ шарѣ земномъ спокойствіе и тишина! Да будетъ каждое Царство подъ единою собственнаго Правительства своего властью и законами благополучно! Да процвѣтаютъ въ каждой землѣ, ко всеобщему благоденствію народовъ, вѣра, языкъ, науки, художества и торговля! Сіе есть намѣреніе наше, а не продолженіе брани и разоренія. Непріятели, вступая въ средину царства нашего, нанесли намъ много зла, но и претерпѣли за оное страшную казнь. Гнѣвъ Божій поразилъ ихъ. Не уподобимся имъ: человѣколюбивому Богу не можетъ быть угодно безчеловѣчіе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ; понесемъ къ нимъ не месть и злобу, но дружелюбіе и простертую для примиренія руку. Слава Россіянина низвергать ополченнаго врага, и по исторженіи изъ рукъ его оружія благодѣтельствовать ему и мирнымъ его собратіямъ. Сему научаетъ насъ свято почитаемая въ душахъ нашихъ православная вѣра: она божественными устами вѣщаетъ намъ: *любите враги ваша и ненавидящимъ васъ творите добро*. Воины! Я несомнѣнно увѣренъ, что вы кроткимъ поведеніемъ своимъ въ землѣ непріятельской столько-же побѣдите ее великодушіемъ своимъ, сколько оружіемъ, и соединяя въ себѣ храбрость воина противъ вооруженныхъ съ благочестіемъ христіанина противъ безоружныхъ, довершите многотрудные подвиги свои сохраненіемъ пріобрѣтенной уже вами славы мужественнаго и добронравнаго народа. Вы ускорите черезъ то достигнуть конца желаній нашихъ, всеобщаго мира. Я увѣренъ также, что

начальствующіе надъ вами неоставятъ взять нужныхъ для сего и строгихъ мѣръ, дабы несогласные съ симъ поступки нѣкоторыхъ изъ васъ не помрачили, къ общему вашему прискорбію, того добраго имени, которымъ вы доселѣ по справедливости славитесь» (7).

Совершивъ переправу черезъ Рейнъ, австрійскія войска двинулись впередъ пятью колоннами, частью по дорогѣ ведущей отъ Базеля на Везуль къ Лангру, частью лѣвѣе; россійско-прусскіе резервы слѣдовали за австрійскими корпусами направленными къ Лангру; прочіе-же три корпусы, австро-баварскій генерала Вреде, виртембергскій и русскій графа Витгенштейна, двигались правѣе помянутой дороги. Вообще-же необходимость блокировать крѣпости на путяхъ дѣйствій и другія второстепенныя цѣли весьма усложнили наступленіе девяти колоннъ Главной Союзной арміи.

Наступленіе первой колонны, графа Бубны, отъ Базеля къ Женевѣ и второй, принца Алоизія (Людовика) Лихтенштейна, отъ Базеля чрезъ Понтарлье къ Безансону.

Эти колонны, состоявшія изъ легкой дивизіи графа Бубны и 2-го корпуса князя Алоизія Лихтенштейна, направились отъ Базеля, въ авангардѣ арміи, къ Берну. По занятіи этого города, 11-го (23-го) декабря, графъ Бубна получилъ повелѣніе отрядить бригаду Шейтера къ Понтарлье (Pontarlier), гдѣ она, вмѣстѣ съ дивизіей Алоизія Лихтенштейна, расположась на Дубсѣ, должна была прикрывать съ фланга вторженіе прочихъ колоннъ. Самъ-же Бубна, съ другою своею бригадою и съ частью 2-го корпуса (*), двинулся къ Женевѣ, для занятія этого важнаго пункта, что́, въ случаѣ успѣшнаго наступленія австрійскихъ войскъ дѣйствовавшихъ въ Италіи, могло обезпечить ихъ связь съ Главною Союзною арміей. Французскій генералъ Іорди (Iordy), съ 3,200 человѣкъ линейныхъ войскъ и національной гвардіи находившійся въ Женевѣ, готовился оборонять городъ, но въ то самое время, когда подошли Австрій-

(*) Бригада генерала Цехмейстера, дивизія фельдм.-лейтен Грега (Greth); два баталіона полка Рейссъ-Грейцъ; одинъ баталіонъ полка Фогельзанга.

цы, съ нимъ случился ударъ. Артиллерійскій генералъ Монфоръ (Montfort) неотважился принять начальство надъ гарнизономъ, а префектъ баронъ Капель (Capelle) бѣжалъ изъ Женевы: въ такихъ обстоятельствахъ, оборона плохо укрѣпленнаго города сдѣлалась невозможною. 18-го (30-го) декабря, французскія войска поспѣшно выступили изъ Женевы, по дорогѣ въ Шамбери, и заняли позицію у Рюмильи (Rumilly). Австрійцы, немедленно занявъ городъ, нашли тамъ огромную военную добычу: болѣе ста осадныхъ орудій, 30 полевыхъ, 15 зарядныхъ ящиковъ и ручнаго оружія на тысячу человѣкъ пѣхоты; въ плѣнъ захвачены генералы Іорди и Монфоръ.

Графъ Бубна могъ-бы столь-же легко овладѣть Ліономъ, вторымъ городомъ Франціи, для обороны коего небыло принято никакихъ мѣръ, но получивъ отъ князя Шварценберга повелѣніе направиться къ Полиньи (Poligny), чтобы сохранить связь съ лѣвымъ крыломъ Главной арміи, немедленно туда выступилъ съ большею частью своихъ войскъ; генералъ Цехмейстеръ съ особымъ отрядомъ получилъ приказаніе охранять Женеву и овладѣть фортомъ л' Еклюзъ, прикрывавшимъ доступъ къ этому городу со стороны Ліона, а полковнику Зимбшену, отряженному еще прежде изъ Лозанны вверхъ по Ронѣ, поручено овладѣть проходами черезъ Сенъ-Бернаръ и Симплонъ, чтобы прервать сообщенія французской арміи, дѣйствовавшей въ Италіи ([8]). Генералъ Цехмейстеръ овладѣлъ фортомъ л' Еклюзъ съ 7-ю орудіями, опрокинулъ французскій отрядъ, стоявшій на пути къ Шамбери, и вступилъ въ сей городъ 8-го (20-го) января; полковникъ Зимбшенъ занялъ Симплонъ и Сенъ-Бернаръ, отразилъ непріятеля наступавшаго со стороны Италіи, 20-го и 21-го декабря (1-го и 2-го января н. ст. 1814 года) и взорвавъ часть дороги, ведущей изъ Аосты къ Сенъ-Бернару, расположился въ городѣ Тононѣ (Thonon) на Женевскомъ озерѣ, но всѣ усилія его вооружить жителей окрестной страны въ пользу ихъ законнаго государя, Короля Сардинскаго, неимѣли успѣха. Войска-же, состоявшія подъ непосредственною командою графа Бубны, достигнувъ рѣки Дубса, обратились къ Ліону, гдѣ въ то время находился французскій

генералъ Мюнье (Musnier) съ 4,000 человѣкъ, въ числѣ коихъ было неболѣе 1,700 человѣкъ регулярныхъ войскъ. 6-го (18-го) января, графъ Бубна подошелъ къ городу, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ ввечеру того-же дня занялъ-бы Ліонъ, еслибы ему была достовѣрно извѣстна слабость французскаго гарнизона. Но какъ число войскъ отряда графа Бубны не превышало 4,000 человѣкъ, а между тѣмъ безпрестанно приходили извѣстія о сближеніи непріятельскихъ колоннъ, двигавшихся, по распоряженію маршала Ожерò, съ различныхъ сторонъ, къ Ліону,—то графъ Бубна, неотваживаясь вступить въ многолюдный городъ, коего жители могли принять участіе въ дѣйствіяхъ, отвелъ свои войска 9-го (21-го) къ Макону, Бургу (Bourg-en-Bresse) и за рѣку Энъ (Ain), и обратилъ все свое вниманіе исключительно на приведеніе въ оборонительное состояніе Женевы ([9]).

Второй-же австрійскій корпусъ, принца Алоизія Лихтенштейна, по достиженіи Понтарлье́, двинулся къ Безансону, для совокупнаго дѣйствія съ 2-ою легкою дивизіей принца Морица Лихтенштейна и съ резервами Наслѣднаго принца Гессенъ-Гомбургскаго противъ сей крѣпости. Союзники надѣялись, что нечаянное появленіе значительныхъ силъ подъ стѣнами Безансона побудитъ коменданта къ сдачѣ, но не успѣвъ въ своемъ покушеніи, оставили корпусъ Алоизія Лихтенштейна для блокады Безансона, а бригаду Шейтера подъ зàмкомъ Сентъ-Андрѐ близъ Салена (Salins) ([10]).

Наступленіе третьей колоны Наслѣднаго принца Гессенъ-Гомбургскаго отъ Лауфенбурга и Шафгаузена къ Безансону, потомъ къ Дижону, и четвертой колонны графа Коллоредо отъ Лауфенбурга къ Дижону, и далѣе къ Шатильонъ-сюръ-Сенъ.

По переправѣ черезъ Рейнъ 2-й легкой дивизіи принца Морица Лихтенштейна у Лауфенбурга и австрійскихъ резервовъ у Шафгаузена, войска эти, состоявшія подъ общимъ начальствомъ принца Гессенъ-Гомбургскаго, двинулись, за исключеніемъ дивизіи Біанки, на Аарбургъ, Бернъ и Невшатель, къ Безансону. Когда-же оказалось, что этою крѣпостью нельзя

было овладѣть такъ легко, какъ предполагали Союзники, тогда Наслѣдный принцъ Гессенъ-Гомбургскій, оставя бригады Кобурга и Бека, 2-го австрійскаго корпуса, и гренадерскую бригаду Вейгеля (Weigel) съ кирасирскимъ полкомъ эрцгерцога Франца, подъ общимъ начальствомъ принца Алоизія Лихтенштейна, у Безансона, двинулся 30-го декабря (11-го января) влѣво отъ этой крѣпости на Доль и приказалъ стоявшему близъ Саленъ генералу Шейтеру обложить Оксоннъ (Auxonne); для содѣйствія-же ему были отряжены изъ резерва гренадерскій баталіонъ Бергера и кирасирскіе полки герцога Альберта и Наслѣднаго принца. Остальныя войска резерва и 2-я легкая дивизія, выступивъ отъ Доля на Грай (Gray), прибыли 7-го (19-го) января въ Дижонъ, куда въ то-же время подошелъ отъ Невшателя и 1-й австрійскій корпусъ графа Коллоредо. Затѣмъ послѣдовало предписаніе князя Шварценберга, заключавшее въ себѣ слѣдующія распоряженія: 1) фельдмаршалъ-лейтенанту барону Вимпфену, съ его дивизіей (1-го корпуса), гренадерскимъ баталіономъ Бергера и кирасирами Альберта и Кронпринца (резервнаго корпуса), обложить Оксоннъ; 2) генералу Фюрстенветеру, съ гренадерскими баталіонами Чарноцкаго и Оклонсіа и Лотарингскимъ полкомъ занять Дижонъ; 3) остальнымъ дивизіямъ 1-го корпуса (графа Гардегга и принца Видъ-Рункеля), резерва (гренадерской Гогенлоэ (*) и кирасирской Ностица) и 2-й легкой дивизіи Морица Лихтенштейна, подъ общимъ начальствомъ графа Коллоредо, выступить, 13-го (25-го) января, изъ Дижона къ Шатильону-на-Сенѣ (**), гдѣ и примкнуть къ лѣвому крылу арміи; 4) Наслѣдному принцу Гомбургскому поручено командованіе всѣми войсками, оставленными между Саоною и Дубсомъ ([11]). Бригада-же Шейтера, по смѣнѣ ея подъ Оксонномъ войсками Вимпфена, 18-го (30-го) января, была послана, чрезъ Бонъ (Beaune), къ Шалону-на-Саонѣ, для подавленія народныхъ вооруженій, возбужденныхъ въ окрестностяхъ этого города генераломъ Леграномъ ([12]).

(*) Бывшей Траутенберга, умершаго отъ горячки въ Швейцаріи.

(**) 2-я легкая дивизія, по достиженіи Шатильонъ-сюръ-Сенъ, была отряжена на Тоннеръ къ Оксерръ (Auxerre) для временнаго обложенія этой крѣпости.

Наступленіе пятой колонны, графа Гіулая, отъ Базеля черезъ Солотурнъ къ Билю, и потомъ на Везуль къ Лангру.

3-й австрійскій корпусъ графа Гіулая и гренадерская дивизія Біанки, переправясь у Базеля (по другимъ свѣдѣніямъ— у Лауфенбурга), двинулись въ головѣ корпусовъ, направленныхъ по главному пути дѣйствій. Корпусъ Гіулая сперва шелъ на Солотурнъ къ Билю (Biel), а потомъ повернулъ вправо на Порентрюи (Brundrutt) и Монбельяръ (Mompelgard) къ Везуль, куда прибылъ 26-го декабря (7-го января). Два дня спустя, авангардъ его, подъ начальствомъ генерала Гехта (Hecht), появился подъ Лангромъ, но будучи встрѣченъ превосходными силами пѣшей и конной гвардіи Наполеона, отошелъ и занялъ позицію вблизи города у Шатенѐ и Монлодо́нъ (Montlaudon). Маршалъ Мортье, возвратясь съ дивизіей Фріана изъ Бельгіи въ Лангръ, оттѣснилъ, 2-го (14-го) января, передовые посты австрійскаго отряда, но неотважился отдалиться отъ Лангра. Съ своей стороны, Гіулай, сосредоточивъ большую часть своихъ силъ, атаковалъ непріятеля 5-го (17-го января. Какъ въ тоже самое время корпусъ Наслѣднаго принца Виртембергскаго, угрожая обходомъ съ лѣваго фланга маршалу Мортье, могъ отрѣзать его отъ прочихъ французскихъ войскъ, то непріятель неотважился оставаться долѣе въ Лангрѣ и отошелъ къ Шомону. Гіулай, замѣтивъ отступленіе Французовъ, занялъ Лангръ и захватилъ тамъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ и двѣнадцать орудій. Два дня спустя, Мортье, угрожаемый одновременно наступленіемъ Гіулая, Наслѣднаго принца Виртембергскаго и Вреде, сосредоточенныхъ между Лангромъ и Нёшато́, отступилъ къ Баръ-сюръ-Объ и получивъ подкрѣпленія, занялъ позицію впереди сего города. Въ тотъ-же день, 7 (19) января, корпусъ Гіулая расположился у Шомона, а прибывшая къ нему въ помощь русская 3-я кирасирская дивизія стала между Шомономъ и Лангромъ, у Роланпона.

Фельдмаршалъ-лейтенантъ Біанки, переправясь чрезъ Рейнъ, немедленно обратился къ Бельфору и содѣйствовалъ баварскому корпусу въ обложеніи этой крѣпости, а потомъ, 28-го декабря (9-го января), получилъ приказаніе идти на усиленіе 3-го

австрійскаго корпуса къ Везулъ, и далѣе къ Лангру, куда прибылъ 6-го (18-го) января ([13]).

Наступленіе шестой колонны (австро-баварскаго корпуса) графа Вреде отъ Базеля на Сенъ Діей къ Нёшато (Neufchateau).

Эта колонна, состоявшая изъ баварскаго корпуса, австрійской дивизіи генерала отъ кавалеріи Фримона и австрійскаго-же партизанскаго отряда полковника Шейблера, усиленнаго двумя казачьими полками, перешла черезъ Рейнъ въ Базелѣ 10-го (22-го) декабря. Графъ Вреде тогда-же обложилъ крѣпость Гюнингенъ съ правой стороны рѣки войсками вюрцбургскаго контингента, а съ лѣвой—шестью баталіонами дивизіи Беккера. (Прочія войска этой дивизіи заняли Базель). Дивизія Деламотта была направлена къ Порентрюи, дивизія Рехберга къ Бельфору, отрядъ Шейблера, и за нимъ войска Фримона, къ Кольмару. Въ тотъ-же день, Вреде, обозрѣвъ укрѣпленія Гюнингена, назначилъ пункты для заложенія батарей и ускорилъ переправу баварскаго осаднаго парка ([14]). Гарнизонъ, состоявшій изъ 3,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Пинó (Pinau), оборонялся упорно. Генералъ Рехбергъ, обложивъ 12-го (24-го) крѣпостцу Бельфоръ, занятую также 3,000 человѣкъ, потребовалъ сдачи, но комендантъ полковникъ Легранъ Legrand), отказавъ въ томъ, сдѣлалъ 16-го (28-го) сильную вылазку, которая однакоже была отражена съ урономъ. Вслѣдъ (за тѣмъ, большая часть дивизіи Деламотта направилась къ Бельфору, между тѣмъ, какъ генералъ Деруà, съ тремя баталіонами и нѣсколькими эскадронами, занялъ безъ сопротивленія Порентрюи и 13-го (25-го) овладѣлъ фортомъ Бламонъ съ тринадцатью орудіями и довольно значительными военными запасами.

Въ ожиданіи успѣха осадъ Гюнингена и Бельфора, графъ Вреде расположилъ, для прикрытія блокадныхъ отрядовъ, дивизію Фримона у Мюльгаузена, и потомъ выдвинулъ ее по дорогѣ къ Кольмару. Находившійся въ авангардѣ отрядъ Шейблера былъ атакованъ у Сенъ-Круà, 12-го (24-го) декабря, генераломъ графомъ Мильгó (Milhaud) съ драгунскою дивизіей Колларта (Collaert) и опрокинутъ съ урономъ; въ числѣ уби-

тыхъ былъ казачій полковникъ Ельмурзинъ, а въ числѣ раненыхъ самъ Шейблеръ ([15]).

Переправа корпуса Кронпринца Виртембергскаго и прибытіе къ Бельфору дивизіи Біанки, обложившей эту крѣпость, способствовали графу Вреде продолжать наступленіе. Оставя бригаду Цоллерна подъ Гюнингеномъ, онъ выступилъ, 21-го декабря (2-го января н. ст. 1814 года), съ остальными войсками, къ Кольмару, откуда на слѣдующій день генералъ Мильгó, послѣ стычки съ авангардомъ дивизіи Фримона, отступилъ на Сентъ-Мари-о-минъ (S-te-Marie-aux-mines). Маршалъ Викторъ получилъ отъ Наполеона приказаніе оборонять проходы черезъ Вогезы, но хотя его корпусъ въ декабрѣ былъ усиленъ семнадцатью или восмнадцатью тысячами рекрутъ, однакоже, будучи принужденъ усилить гарнизоны Ландау, Страсбурга, Шлетштадта, Бризаха, Гюнингена и Бельфора, ([16]) считалъ въ рядахъ своихъ, какъ и прежде, не болѣе 9,000 человѣкъ. Опасаясь быть отброшеннымъ къ Страсбургу, онъ приказалъ кавалеріи Мильгò и своей пѣхотѣ отступать на Мольсгеймъ къ Савернѣ (Zabern), гдѣ онъ хотѣлъ собрать весь свой корпусъ и удержать наступленіе Союзниковъ, въ ожиданіи соединенія съ корпусомъ Мармона. Но когда Силезская армія достигнувъ рѣки Саары, разобщила французскіе корпусы, оборонявшіе верхній и средній Рейнъ, и въ то-же время Вреде заставилъ Мильгó, вмѣсто движенія на Шлетштадтъ, обратиться къ Мари-о-Минъ, тогда Викторъ, уже не надѣясь сосредоточить силы у Саверны, оставилъ тамъ, для наблюденія за корпусомъ графа Витгенштейна и для снабженія провіантомъ Пфальцбурга, только два полка почетной гвардіи (gardes d'honneur), а съ прочими войсками отошелъ на Мюцигъ къ Бакарату (Baccarat), гдѣ онъ предполагалъ присоединить къ своей пѣхотѣ кавалерію Мильгò.

Отступленіе Виктора разстроило общій планъ постепенной обороны, предположенной Наполеономъ; Союзники получили возможность безпрепятственно дебушировать въ долину Мозеля. Императоръ Французовъ, выразивъ маршалу свое неудовольствіе, приказалъ Фріану съ Старою гвардіей перейти отъ

Намюра къ Реймсу, и потомъ къ Лангру, а герцогу Вальми (Келлерману) поспѣшно выслать къ Нанси 1-ую дивизію легкой пѣхоты (voltigeurs), въ числѣ 5,200 человѣкъ, тогда формировавшуюся въ Саарлуи, которая, вмѣстѣ съ четырьмя стами всадниками, прибывшими изъ главнаго ремонтнаго депо и двумя батареями, составила особый корпусъ подъ начальствомъ Нея ([17]).

По обложеніи Шлетштадта, Ней-Бризаха и Гюнингена войсками 2-й баварской дивизіи генерала Беккера, графъ Вреде, получивъ 28-го декабря (9-го января н. ст. 1814 года), отъ князя Шварценберга предписаніе идти къ Лангру, немедленно выступилъ съ остальными силами корпуса на Сентъ-Мари-о-Минъ. Викторъ, съ своей стороны, желая оттѣснить Союзниковъ, двинулся впередъ тремя колоннами, по направленіямъ на Эпиналь, Рембервиллеръ и Сенъ-Діей (Diey). Послѣдняя колонна, состоявшая изъ пѣхотной дивизіи Дюгема (Duhesme) и драгуновъ генерала Леритьè (L'Heritier), встрѣтилась 29-го декабря (10-го января) съ войсками бригады Деруа; сначала авангардъ Баварцевъ былъ оттѣсненъ отъ Сенъ-Діей къ Сентъ-Маргаритъ, но потомъ, получивъ подкрѣпленіе, овладѣлъ мѣстечкомъ С. Діей и опрокинулъ Французовъ за Мёрту (Meurthe). Генералъ Дюгемъ, потерявъ множество убитыми и ранеными и болѣе 200 человѣкъ плѣнными, отступилъ къ Рембервиллеру. Со стороны Баварцевъ убиты: одинъ штабъ-офицеръ и 11 нижнихъ чиновъ; ранены: генералъ Деруà, маіоръ Пфеттенъ (смертельно), три оберъ офицера и 76 нижнихъ чиновъ ([18]).

Полковникъ Трейберъ, принявъ начальство надъ бригадою Деруà, выдвинулъ передовые посты по дорогамъ, ведущимъ къ Раонъ л'Этапъ и Брюйеръ. 1-го (13-го) января, графъ Вреде съ главными силами корпуса расположился въ Сенъ-Діей. Какъ еще за два дня до того Наслѣдный принцъ виртембергскій разбилъ непріятеля при Эпиналѣ, то Французы, очистивъ Люневиль и Нанси 2 го (14-го), отступили за рѣку Мозель къ Туль. Передовые отряды баварскаго корпуса, высланные къ Нанси и Люневилю, донесли, что жители вездѣ встрѣчали Союзниковъ съ радостью, и что всѣ покушенія вооружить ихъ

оставались напрасны. Но Вреде не послѣдовалъ за своимъ авангардомъ къ Нанси, потому что князь Шварценбергъ, узнавъ о движенія Силезской арміи по направленію къ этому городу, предписалъ баварскому корпусу повернуть къ Нёшато (Neufchateau). 4-го (16-го), графъ Вреде выступивъ изъ Сенъ-Діей, на слѣдующій день открылъ сообщеніе съ Блюхеромъ, а 7-го (19-го), прибывъ въ Нёшато, сталъ съ дивизіями Рехберга и Деламотта на правомъ крылѣ Главной арміи; австрійская дивизія Фримона, расположенная у Коломбей-ле-бель-фамъ, сохраняла связь баварскаго корпуса съ Силезскою арміей ([19]).

Наступленіе седьмой колонны, принца Виртембергскаго, отъ Меркта (Märkt), близъ Гюнингена), на Энсизгеймъ, Ремиремонъ и Эпиналь, къ Лангру.

Наслѣдный принцъ виртембергскій, переправясь черезъ Рейнъ, какъ выше сказано, 19-го (31-го) декабря, у Меркта, по мосту на судахъ, двинулся для поддержанія баварскаго корпуса къ Энсизгейму, откуда спустился внизъ по Рейну двумя колоннами, къ Дессенгейму и Сенъ-Круà (St. Croix). Вслѣдъ за тѣмъ, виртембергскія войска обложили 23-го декабря (4-го января н. ст.) Ней-Бризахъ, но когда, нѣсколько дней спустя, Наслѣдный принцъ получилъ отъ князя Шварценберга предписаніе идти чрезъ Ремиремонъ (Reimersberd) на соединеніе съ главными силами арміи, тогда блокада Бризаха была поручена баварскимъ войскамъ, а виртембергскій корпусъ выступилъ по указанному направленію. 28-го декабря (9-го января н. ст.) авангардъ его достигъ Ремиремонъ, откуда долженъ былъ направиться на Пломбьèръ (Plombières) къ Вовиллеръ (Vauvillers). Но какъ при такомъ движеніи оставался въ сторонѣ Эпиналь, гдѣ пролегала одна изъ удобнѣйшихъ дорогъ чрезъ Вогезы, а между тѣмъ пришло извѣстіе отъ графа Платова о перехваченной депешѣ маршала Виктора къ генералу Кассаню (Cassagne), изъ коей обнаружилось движеніе одной изъ французскихъ колоннъ на Эпиналь, то Кронпринцъ рѣшился уклониться отъ даннаго ему маршрута и повернуть на Эпиналь, чтобы вытѣсить оттуда непріятеля.

Дорога отъ Ремиремонъ къ Эпиналь пролегаетъ по долинѣ

Мозеля, стѣсненной съ обѣихъ сторонъ скалистыми горами, поросшими лѣсомъ; въ сосѣдствѣ-же Эпиналя долина рѣки нѣсколько расширяется. Городъ окруженъ господствующими надъ нимъ значительными высотами. Маршалъ Ней, находившійся въ Нанси, узнавъ, что въ Эпиналѣ появились казаки, послалъ туда бригаду Руссò и триста человѣкъ кавалеріи, подъ начальствомъ генерала Дювиньò (Duvigneau), приказавъ имъ занять городъ, чтó и было исполнено. Но когда подошелъ къ Эпиналю авангардъ виртембергскаго корпуса, усилившійся тремя казачьими полками, подъ начальствомъ генералъ-маіора Грекова 8-го, тогда непріятель былъ оттѣсненъ, 29-го декабря (10-го января н. ст.), къ Шармъ. Маршалъ Викторъ, уже отступившій къ Раону, рѣшась сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы остановить Союзниковъ, двинулъ впередъ свои войска, (какъ уже сказано), тремя колоннами: дивизію Дюгема съ драгунами л'Эритье (L' Heritier) къ Сенъ-Діей, драгуновъ Бриша къ Рембервиллеру, а генерала Кассаня (Cassagne), съ его бригадою и тремя стами человѣкъ кавалеріи, къ Эпиналю. Послѣдняя колонна заняла городъ, но вслѣдъ за тѣмъ Наслѣдный принцъ виртембергскій, 30-го декабря (11-го января), повелъ общее наступленіе: правая колонна, подъ начальствомъ генерала Штокмайера, двинулась по правой сторонѣ Мозеля къ эпинальскому лѣсу; средняя, фельдцейгмейстера графа Франкемона, по лѣвому берегу Мозеля, а лѣвая, генерала Іета (Iett), на селенье Ксертиньи (Xertigny). Генералъ-маіоръ Грековъ, съ своимъ казачьимъ отрядомъ, по распоряженію Платова, былъ направленъ на дорогу, ведущую изъ Эпиналя въ Шармъ, для дѣйствія въ тылъ непріятелю ([20]). Генералу Дерингу (Dering) съ 2-мъ пѣхотнымъ полкомъ, посланному по правому берегу Мозеля, поручено сохранять связь между правою и среднею колоннами.

Генералъ Дерингъ, подойдя къ городу, по оврагу между древнимъ зáмкомъ и высотою влѣво отъ него лежащею, завязалъ съ непріятелемъ упорное дѣло и на плечахъ его ворвался въ ближайшую улицу. Какъ, по всей вѣроятности, Французы тогда уже получили свѣдѣніе о наступленіи къ городу зна-

чительныхъ Союзныхъ силъ, то, нерѣшаясь долѣе удерживаться въ своей позиціи, стали поспѣшно отступать къ Шармъ. Генералъ Грековъ 8-й, успѣвшій занять селеніе Таонъ (Thaon) въ тылу непріятеля, опрокинулъ французскую кавалерію и захватилъ въ плѣнъ шесть офицеровъ и множество нижнихъ чиновъ. Непріятельская пѣхота проложила себѣ оружіемъ путь отступленія къ Шармъ, но артиллерія виртембергскаго корпуса и отряда Кайсарова, направясь по боковымъ дорогамъ, провожала Французовъ выстрѣлами до самой ночи и устлала тѣлами ихъ все пространство отъ Таона до Иней (Igney); число плѣнныхъ захваченныхъ Союзниками простиралось до пяти сотъ; собственная-же потеря ихъ была незначительна (21).

По занятіи Эпиналя, Наслѣдный принцъ виртембергскій, предоставя баварскому корпусу графа Вреде сохраненіе связи между Главною и Силезскою арміями, продолжалъ двигаться по прежнему направленію. 1-го (13-го) января, виртембергскій корпусъ прибылъ въ Бенъ (Bains), 2-го (14-го) въ Вовиллѐръ, два дня спустя въ окрестности Бурбоннъ ле-Бенъ, а 5-го (17-го) въ Монтини-ле-Руа (Montigny-le-Roi). Такимъ образомъ было совершено соединеніе его съ главными силами князя Шварценберга тогда стоявшими между Лангромъ и рѣкою Саоною (22).

Наступленіе восьмой колонны, графа Витгенштейна, отъ Форъ-Луи на Гагенау и Саверну къ Нанси.

Выше уже сказано, что графу Витгенштейну было поручено: обложить Кель, наблюдать берега Рейна отъ устья рѣки Неккара до Бурггейма (Burgheim) близъ Альтъ-Бризаха, сохраняя связь съ одной стороны съ арміей Блюхера, а съ другой—съ корпусомъ Вреде, и навести мостъ на Рейнѣ противъ Зельца, для чего откомандирована къ нему австрійская 10-я понтонная рота. Графъ Витгенштейнъ, прибывъ съ своею главною квартирою въ Офенбургъ, 10-го (22-го) декабря, сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 1-й пѣхотный корпусъ, князя Горчакова, занялъ тѣсныя квартиры въ окрестностяхъ Офенбурга; 2-й пѣхотный корпусъ, принца Евгенія Виртембергскаго, съ полками Лубенскимъ гусарскимъ и казачьимъ Иловайскаго

12-го, обложилъ Кельское мостовое прикрытіе; для наблюденія за берегами Рейна, на пространствѣ отъ Мангейма до Келя, разставлены казачьи полки Власова и Ярославскій, подъ начальствомъ 4-го класса графа Мусина–Пушкина, и для поддержанія его расположенъ въ Раштадтѣ Гродненскій гусарскій полкъ; пространство-же отъ Келя до Альтъ-Бризаха наблюдалъ полковникъ князь Любомирскій съ казачьимъ Чернушкина полкомъ, поддержаннымъ Ольвіопольскими гусарами, стоявшими въ Эгтенгеймѣ; генералъ-маіоръ Сеславинъ, съ тремя эскадронами Сумскихъ гусаръ и съ казачьимъ Ребрикова полкомъ, отправленъ для развѣданія о непріятелѣ на лѣвую сторону Рейна. Такимъ образомъ, графъ Витгенштейнъ, съ двадцатью тысячами человѣкъ, въ числѣ коихъ до 1,200 прибывшихъ изъ резервной арміи не имѣли ружей, долженъ былъ наблюдать теченіе Рейна на протяженіи 25-ти милей (175-ти верстъ), гдѣ непріятель могъ дебушировать изъ Мангейма, Форъ-Луи и Келя ([23]).

Князь Шварценбергъ предполагалъ, чтобы войска Витгенштейна устроили переправу черезъ Рейнъ у Плиттерсдорфа, противъ Зельца, но графъ Витгенштейнъ, найдя тамъ мѣстность неудобною для построенія моста, предпочелъ переправиться у Форъ-Луи. Деревня Селлингенъ (Söllingen), лежащая на правой сторонѣ Рейна, соединяется плотиною съ островомъ, на которомъ построенъ Форъ-Луи (прежде Форъ-Вобанъ), укрѣпленіе отчасти разрушенное въ эпоху революціонныхъ войнъ. Этотъ островъ соединенъ другою гатью съ островомъ Газенъ-Копфъ (Hasenkopf), далѣе-же, на лѣвомъ берегу Рейна, находился прямо противъ Форъ–Луи горнверкъ Эльзасъ (fort Elsace). Графъ Витгенштейнъ, узнавъ, что эти укрѣпленія находились въ довольно–хорошемъ состояніи, но что непріятель необратилъ должнаго вниманія на ихъ оборону, рѣшился навести тамъ мостъ, чтобы одновременно съ переправою овладѣвъ фортами, пріобрѣсти опорный пунктъ для дальнѣйшихъ дѣйствій. 4-я дивизія генерала Пышницкаго, стоявшая у Бишофсгейма, была стянута къ Раштадту, а кавалерія генералъ-лейтенанта графа Палена къ Штольгофену. Предполагалось

устроить мостъ съ 20-го на 21-е декабря (съ 1-го на 2-е января н. ст. 1814 года) и на слѣдующій день перевести всю 4-ую дивизію на лѣвую сторону Рейна, но это неудалось, потому что ни одного изъ понтоновъ, на кои были посажены егеря 4-го полка, не могли причалить къ острову Форъ-Луи; нѣкоторые изъ нихъ были снесены внизъ быстрымъ теченіемъ къ нейгейзельской косѣ, на лѣвомъ берегу рѣки, а другіе, въ темнотѣ, сбившись съ надлежащаго направленія, возвратились къ правому берегу. Но въ слѣдующую-же ночь, русскіе егеря переправились на ближайшій островъ, обратили въ бѣгство занимавшіе его французскіе посты и овладѣли укрѣпленіями Форъ-Луи и Форъ-Эльзасъ. Всѣ эти успѣхи были одержаны съ потерсю неболѣе 40 человѣкъ. За тѣмъ, наведя понтонные мосты на обоихъ рукавахъ Рейна, графъ Витгенштейнъ перевелъ черезъ рѣку сперва два казачьихъ полка, потомъ 4-ю пѣхотную дивизію и кавалерію графа Палена. 22-го декабря, было совершено на лѣвомъ берегу Рейна торжественно благодарственное молебствіе Богу силъ, приведшему русскія знамена на Рейнъ, въ собственные предѣлы Франціи. Храбрый Паленъ, съ своею кавалеріей ([24]), усиленною 2-мъ баденскимъ драгунскимъ и двумя казачьими полками, немедленно двинулся черезъ Гагенау (Hagenau), по направленію къ Саверпѣ, на дорогу изъ Страсбурга въ Парижъ. Князю Горчакову, съ 1-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, полками Лубенскимъ гусарскимъ и казачьимъ Иловайскаго 12-го и шестью орудіями конной роты № 23-го, была поручена блокада Келя. 4-я пѣхотная дивизія и 1-й баденскій драгунскій полкъ расположились въ Форъ-Луи и впереди этого пункта, у Решвега и Друзенгейма, а 3-я пѣхотная дивизія у Лихтенау, чтобы служить резервомъ, какъ войскамъ переправившимся за Рейнъ, такъ и блокадному корпусу князя Горчакова ([25]). Жители за-рейнской страны не были нисколько устрашены появленіемъ Союзниковъ; при вступленіи войскъ графа Палена въ Гагенау, всѣ лавки были открыты и граждане продолжали свои обычныя занятія. Но вслѣдъ за тѣмъ ихъ весьма встревожило требованіе, чтобы всѣ чиновники мѣстнаго управленія присягнули по формѣ прислан-

ной изъ главной квартиры князя Шварценберга ([26]). Это распоряженіе, сдѣланное безъ вѣдома Императора Александра, было отмѣнено; тѣмъ не менѣе однакоже оно, вмѣстѣ съ безпорядками, неизбѣжными при вторженіи въ непріятельскую страну разноплеменныхъ войскъ, подало поводъ жителямъ къ неудовольствію противъ Союзниковъ и способствовало Наполеону возбудить возстаніе въ восточныхъ департаментахъ Франціи.

По занятіи войсками графа Палена Саверны, 26-го декабря (7 го января н. ст. 1814 года), были посланы отряды по дорогамъ къ Пфальцбургу, Васселонъ и Гохфельдену; 4-я пѣхотная дивизія, за исключеніемъ двухъ егерскихъ полковъ, поступившихъ въ авангардъ Палена, расположилась въ Гагенау, 3-я пѣхотная дивизія въ Форъ-Луи, одинъ изъ баденскихъ пѣхотныхъ полковъ—у Лихтенау, въ резервѣ. Вслѣдъ за тѣмъ войска графа Витгенштейна приступили къ бомбардированію Пфальцбурга и къ обложенію Ландау и горныхъ фортовъ Альзаціи. Когда-же прочіе корпусы Главной Союзной арміи двинулись къ Мозелю и Маасу, князь Шварценбергъ предписалъ Витгенштейну оставить для обложенія помянутыхъ крѣпостей только необходимое число войскъ, а съ остальными идти къ Маасу, на правомъ крылѣ Главной арміи. Графъ Витгенштейнъ поручилъ блокаду Страсбурга и Келя баденскимъ войскамъ графа Гохберга, оставя при нихъ на-время 5-ю пѣхотную дивизію генерала Мезенцова; князь Горчаковъ съ частью 14-й дивизіи обложилъ крѣпости: Ландау, Бичъ, Лихтембергъ, Пюцельштейнъ (Petite-pierre) и Пфальцбургъ. Графъ Паленъ, съ своею кавалеріей и съ егерскою бригадою полковника Степанова (*), немедленно двинулся по дорогѣ къ Нанси; въ авангардѣ его шелъ партизанскій отрядъ генералъ-маіора Сеславина; принцъ Евгеній Виртембергскій съ дивизіей Пышницкаго, достигнувъ Саверны 5-го (17-го) января, оставался тамъ до 9-го (21-го), а графъ Витгенштейнъ, съ одною изъ бригадъ Гельфрейха, Ингерманландскимъ драгунскимъ полкомъ и 6-ю легкою артиллерійскою ротою 1-го пѣхотнаго корпуса, также

(*) 4-й и 34-й егерскіе полки

остановился въ Гагенау. Войска его корпуса выступили изъ Саверны въ слѣдъ за авангардомъ тремя эшелонами: сперва 9 (21) принцъ Виртембергскій съ 2-мъ корпусомъ, 10-го (22-го), главная квартира графа Витгенштейна съ казачьимъ полкомъ Иловайскаго 12-го и съ отрядомъ генералъ-маіора Ридигера (*) а на слѣдующій день генералъ-маіоръ Гельфрейхъ, съ двумя полками его дивизіи, Ингерманландскимъ драгунскимъ полкомъ, шестью орудіями конной № 23-го и шестью легкой № 27-го роты. Такимъ образомъ генералъ-лейтенантъ графъ Паленъ съ авангардомъ отдѣлился отъ ближайшаго къ нему эшелона войскъ витгенштейновыхъ на нѣсколько переходовъ (27).

Наступленіе девятой колонны (россійско-прусскихъ резервовъ) отъ Базеля къ Лангру.

Въ самый день русскаго Новаго года, 1-го (13-го) января 1814 года, перешли черезъ Рейнъ, по каменному мосту въ Базелѣ, россійско-прусскіе резервы. Императоръ Александръ, выѣхавъ 26-го декабря (7-го января н. ст.), изъ Фрейбурга въ Шафгаузенъ, прибылъ оттуда, 30-го декабря (11-го января н. ст.), въ Леррахъ, и на слѣдующій день въ Базель, гдѣ оставался до 4-го (16-го января. Императоръ Австрійскій переѣхалъ изъ Фрейбурга въ Базель, а Король Прусскій —въ Леррахъ 31-го декабря (12-го января).

Въ продолженіе пребыванія Императора Александра въ Базелѣ, прибыла къ Нему депутація вѣнскаго магистрата съ изъявленіемъ «чувствъ благодарности, удивленія и уваженія къ Августѣйшему Союзнику ихъ Государя жителей столицы Австрійской Имперіи.» Императоръ Александръ, принявъ весьма благосклонно депутатовъ, отвѣчалъ на ихъ привѣтствіе слѣдующимъ образомъ: «Господа депутаты города Вѣны! Мнѣ весьма пріятны ваши поздравленія. Провидѣніе доставило нашему оружію большіе успѣхи. Намъ остается совершить еще многое. Но залогомъ счастливой будущности служитъ самое наше единодушіе восторжествовавшее надъ всѣми препятствія-

(*) Гродненскій гусарскій полкъ, баталіонъ Селенгинскаго полка, два орудія конной роты № 23-го, половина казачьяго Власова полка

ми. Ни время, ни обстоятельста, не въ силахъ поколебать союзъ мой съ вашимъ Государемъ, и если, по окончаніи великой борьбы, предпринятой на пользу общую, Судьба приведетъ меня въ вашу столицу, то сочту прекраснѣйшимъ для себя зрѣлищемъ изъявленія общаго восторга при встрѣчѣ обожаемаго вами Государя, моего друга и сподвижника. Я буду восхищаться вдвойнѣ согласіемъ моихъ непоколебимыхъ политическихъ правилъ съ задушевными чувствами моего сердца. Прошу васъ, господа, передать эти увѣренія вашимъ согражданамъ и выразить мое постоянное желаніе благополучія жителямъ Вѣны» ([28]).

Какъ австрійская дивизія генерала Біанки, обложившая Бельфоръ, была назначена идти къ Везуль, въ подкрѣпленіе 3-му корпусу графа Гіулая, то князь Шварценбергъ предписалъ Барклаю де-Толли смѣнить эту дивизію войсками изъ русскихъ резервовъ. Обложеніе Бельфора было поручено генералъ-лейтенанту Чоглокову съ тремя полками 1-й гренадерской дивизіи (*), одною легкою артиллерійскою ротою и однимъ казачьимъ полкомъ. Тогда-же, по требованію Шварценберга, 3-я кирасирская дивизія генералъ-лейтенанта Дуки съ однимъ казачьимъ полкомъ была послана въ подкрѣпленіе дивизіи Кренневиля, двигавшейся въ головѣ австрійскаго корпуса Гіулая, и соединилась съ симъ корпусомъ 4-го (16-го) января у Файль-Бильо (Fayl-Billot), къ югу отъ Лангра. Графу Платову, у коего, за раскомандированіемъ казачьяго отряда, оставалось пять полковъ, въ числѣ около 2,000 человѣкъ, приказано идти отъ Эпиналя на Мирекуръ и Нёшато, сохраняя связь между Главною и Силезскою арміями. Всѣ-же прочіе россійско-прусскіе резервы, обойдя Бельфоръ, сосредоточились къ 5-му (17-му) января въ окрестностяхъ Везуля, куда двинулись также и войска генерала Чоглокова, сдавъ блокаду Бельфора австрійской бригадѣ генерала Шефера (Schäfer) (**). Главная квартира

(*) С. Петербургскій, Таврическій и Перновскій полки.

(**) Эта бригада находилась въ 6-мъ германскомъ корпусѣ, сперва подъ начальствомъ Мечери, а потомъ Шефера.

Барклая де-Толли, остававшаяся съ 3-го (15-го) января въ Люрѣ, была переведена 5-го (17-го) въ Поръ-сюръ-Саонъ (Port sur Saône), а 9-го (21-го) въ Лангръ ([29]).

Наступленіе передовыхъ корпусовъ Главной Союзной арміи къ Лангру, и далѣе къ Баръ-сюръ-Объ.

Въ тотъ самый день, когда россійско-прусскіе резервы собирались въ окрестностяхъ Везуля, 5-го (17-го) января, небольшой французскій арріергардъ, оставленный маршаломъ Мартье въ Лангрѣ, былъ атакованъ, (какъ уже сказано), войсками графа Гіулая и захваченъ со всѣми находившимися при немъ двѣнадцатью орудіями. Въ это время Викторъ уже отступилъ за Мозель, на соединеніе съ корпусами Нея и Мармона, и противъ передовыхъ войскъ Главной Союзной арміи оставался только слабый корпусъ Мортьѐ. Князь Шварценбергъ, успѣвъ между тѣмъ собрать у Лангра и Нёшато три Союзныхъ корпуса, направилъ ихъ 7-го (19-го) января съ различныхъ сторонъ противъ маршала, который могъ противопоставить ему только двѣ дивизіи, одну пѣхотную и другую кавалерійскую. Корпусъ Гіулая съ 3-ю русскою кирасирскою дивизіей двинулся по прямой дорогѣ отъ Лангра къ Шомону; Наслѣдный принцъ виртембергскій на Бурбоннъ и Монтиньи, а Вреде отъ Нёшато въ обходъ непріятеля. Мортье, занимавшій позицію впереди Шомона, несмѣливаясь выждать сближеніе Союзниковъ, оставилъ позицію и самый городъ и отступилъ къ Баръ-сюръ-Объ (Bar-sur-Aube). Тамъ присоединилась къ нему дивизія Мишеля; такимъ образомъ сосредоточивъ 8,000 человѣкъ пѣхоты и 2,100 человѣкъ кавалеріи отборнаго войска, Мортье рѣшился дать отпоръ Союзникамъ, и съ этою цѣлью выслалъ къ. Коломбѐ-ле-дёзъ-Эглизъ генерала Летора съ 2,400 человѣкъ. Шварценбергъ не только не тревожилъ непріятеля при отступленіи его къ Бару, но остановился на нѣсколько дней въ Лангрѣ, чтобы выждать прибытіе корпуса графа Витгенштейна. Корпусъ принца Виртембергскаго занялъ Шомонъ, корпусъ Гіулая расположился между симъ городомъ и Лангромъ, графъ Вреде двинулся отъ Нёшато къ Клефмону, корпусъ графа Кол-

лоредо и австрійскій резервъ прибыли въ Дижонъ; летучіе отряды графа Платова и генералъ-маіора князя Щербатова были направлены черезъ Жуанвиль и Баръ-сюръ-Сенъ къ Оксерръ (Auxerre), для прикрытія арміи съ лѣваго фланга и для набѣговъ къ Санъ (Sens) и Фонтенебло.

Передовые корпусы Главной арміи оставались въ занятомъ ими расположеніи до 11-го (23-го) января, съ тою цѣлью, чтобы дать этимъ войскамъ необходимый отдыхъ послѣ переходовъ, совершенныхъ въ ненастное время по дурнымъ дорогамъ, преимущественно-же, чтобы выждать, пока сблизятся корпусъ Витгенштейна и блюхерова армія. Россійско-прусскіе резервы, перейдя 10-го (22-го) января въ окрестности Лангра, оставались тамъ включительно до 16-го (28-го). Императоръ Александръ, выѣхавъ изъ Базеля, 4-го (16-го), прибылъ къ Монбельяръ 5-го (17-го), въ Везуль 7-го (19-го), въ Файль-Бильò 9-го (21-го) и въ Лангръ 11-го (23-го) января. Король Прусскій, оставя Базель 8-го (20-го), пріѣхалъ въ Везуль на слѣдующій день и въ Лангръ 13-го (25-го), а Императоръ Австрійскій, отправясь изъ Базеля 10-го (22-го), прибылъ въ Везуль 11-го (23-го) и въ Лангръ 14-го (26-го) января.

Въ продолженіе пяти-дневнаго бездѣйствія Союзниковъ, Мортье, присоединивъ къ своимъ войскамъ дивизію Христіани и нѣкоторыя другія подкрѣпленія, сосредоточилъ въ окрестностяхъ Баръ-сюръ-Объ около 16,000 человѣкъ съ 50-ю орудіями. Авангардъ его, подъ начальствомъ Лефора, въ составѣ 4-хъ баталіоновъ и 4-хъ эскадроновъ съ 6-ю орудіями, по прежнему, стоялъ у Коломбе-ле-дёзъ-Эглизъ. Предвидя нападеніе по обѣ стороны Обы, маршалъ расположилъ часть своего корпуса, для поддержанія авангарда, по правую сторону Обы, на высотахъ, за однимъ изъ притоковъ сей рѣки, а деревню Фонтенъ (Fontaine), по лѣвую сторону Обы, занялъ войсками дивизіи Мишеля.

12-го (24-го) января, Союзники двинулись противъ непріятеля, по обѣ стороны Обы: Наслѣдный принцъ виртембергскій повелъ фальшивую атаку на Коломбей, а Гіулай направился на Лаферте-сюръ-Объ, по лѣвую сторону рѣки, къ се-

ленію Фонтенъ. Авангардъ Летора былъ принужденъ отступить на Линьоль къ Рувре (Rouvrè), гдѣ и присоединился къ дивизіи Фріана, стоявшей на лѣвомъ крылѣ корпуса Мортьè; Наслѣдный принцъ послѣдовалъ за нимъ, но былъ отраженъ огнемъ двадцати-пушечной французской батареи. Одновременно съ наступленіемъ принца, Гіулай, въ 11 часовъ утра, повелъ атаку, на селеніе Фонтенъ. Французы встрѣтили его сильною канонадою батарей съ праваго берега Обы и нанесли австрійскимъ войскамъ значительный уронъ. Генералъ Мишель, замѣтя разстройство наступавшихъ колоннъ, перевелъ свою первую бригаду, стоявшую на правомъ крылѣ, черезъ рѣку, по каменному мосту, и атаковалъ стремительно Австрійцевъ. Но храбрые полки Игнатія Гіулая и Маріасси, въ головѣ гіулаевыхъ войскъ, поддержанные еще четырьмя полками, изъ коихъ два ударили непріятелю во флангъ, опрокинули Французовъ за Объ. Сраженіе продолжалось съ полудня до шести часовъ вечера. Непріятель, несмотря на усилія Союзниковъ овладѣть мостомъ у Фонтенъ, удержался въ позиціи занятой имъ у Баръ-сюръ-Объ, но не отважился остаться на ней и отошелъ въ ночи къ Вандёвръ, и далѣе къ Труà, оставя арріергардъ у Маньи-ле-Фушè (Magny-le-Foucher). На слѣдующій день, 13-го (25-го) января, корпусъ Гіулая занялъ Баръ-сюръ-Объ, а принцъ виртембергскій расположился у Коломбей. Уронъ каждой изъ сторонъ въ дѣлахъ при Коломбей и Баръ-сюръ-Объ простирался до 2,000 человѣкъ ([30]).

Въ концѣ 1813 года, когда Союзники, достигнувъ береговъ Рейна, оставались въ бездѣйствіи, главная квартира Силезской арміи представляла зрѣлище воинственнаго настроенія; самъ Блюхеръ, въ челѣ партіи, жаждавшей продолженія борьбы за независимость Европы, не скрывалъ своихъ убѣжденій: по его мнѣнію, слѣдовало неотлагательно перейти черезъ Рейнъ, вторгнуться въ предѣлы Франціи и устремиться къ Парижу. Многіе считали такую цѣль дѣйствій недосягаемою, полагая, что вступленіе Союзниковъ во Францію могло побудить ея жителей къ поголовному вооруженію. Наслѣдный шведскій принцъ, ав-

стрійскіе дипломаты и другія вліятельныя лица совѣтовали оставаться на зимнихъ квартирахъ въ долинѣ Рейна и выждать послѣдствія переговоровъ открытыхъ съ французскимъ правительствомъ. «За чѣмъ—говорили они—предоставлять на волю слѣпаго случая судьбу Европы въ такое время, когда одержанные успѣхи подаютъ вѣрную надежду заключить выгодный миръ?» Но къ счастью народовъ, стонавшихъ многіе годы подъ игомъ завоевателя, Союзные Монархи, Императоръ Александръ и Король Фридрихъ-Вильгельмъ, думали иначе. Они были готовы на миръ, но не иначе, какъ обезпечивъ свободу и благоденствіе Европы, и хотя не отказывались отъ конгресса для совѣщанія объ условіяхъ мира, однакоже не хотѣли прекращать военныхъ дѣйствій. Самое развитіе въ огромномъ размѣрѣ вооруженныхъ силъ коалиціи не позволяло Союзникамъ долѣе оставаться въ бездѣйствіи. Продовольствіе армій, расположенныхъ вдоль теченія Рейна, требовало несмѣтнаго количества припасовъ и съ каждымъ днемъ содѣлывалось болѣе и болѣе затруднительно. Извѣстіе о значительныхъ вооруженіяхъ, предпринятыхъ Наполеономъ разсѣяло надежды на миръ и ускорило вторженіе во Францію. Положено было: одновременно съ наступленіемъ Главной арміи со стороны Швейцаріи чрезъ Лангръ, корпусамъ Бюлова и Винцингероде двинуться съ нижняго Рейна, а Блюхеру, съ бывшею Силезскою арміей, усиленною въ послѣдствіи прусскимъ корпусомъ Клейста, дѣйствовать въ промежуткѣ между Главною арміей и корпусами Сѣверной, находившимися въ Нидерландахъ. Императоръ Александръ, по соглашенію съ Императоромъ Австрійскимъ, Королемъ Прусскимъ и княземъ Шварценбергомъ, предоставилъ Блюхеру-оставя часть войскъ для обложенія Майнца, двинуться отъ Каубе, на Триръ, Саарлуи, и далѣе, влѣво отъ Меца, либо переправиться черезъ Рейнъ выше Майнца и дѣйствовать чрезъ Кайзерслаутернъ и Сааргеминъ, стараясь, во всякомъ случаѣ, сохранять связь съ Главною арміей ([31]).

Силезской арміи предстояло преодолѣть чрезвычайныя затрудненія: на среднемъ Рейнѣ непріятель могъ собрать наиболѣе войскъ, и отступивъ внутрь страны, удерживаться за рѣ-

кою Мозелемъ, между крѣпостями Мецомъ, Тіонвилемъ, Люксамбургомъ, Лонгви и Вердюномъ. И потому наступленіе по пути дѣйствій, предоставленному блюхеровой арміи, могло быть успѣшно только въ такомъ случаѣ, еслибъ непріятель, не ожидая его, былъ отвлеченъ къ верхнему Рейну. Съ этою цѣлью, Блюхеръ, имѣя въ виду затаить свои намѣренія подъ покровомъ обычной ему откровенности, не переставалъ, въ кругу близкихъ къ нему лицъ, жаловаться на невольное бездѣйствіе свое въ Гёхстѣ, а потомъ, какъ будто примирясь съ своею участью, выказывалъ совершенную беззаботность, и даже, 4-го (16-го) декабря, въ годовщину своего рожденія, когда ему минулъ 71 годъ, бодро танцовалъ на балѣ, данномъ въ Висбаденѣ офицерами іоркова корпуса. Пока еще не былъ рѣшенъ походъ во Францію, онъ отклонялъ приглашенія жителей Франкфурта перенести главную квартиру Силезской арміи въ ихъ городъ, говоря, что «не хочетъ отдыха.» Но 13-го (25-го) декабря онъ переѣхалъ въ Франкфуртъ, объясняя передвиженіе своей главной квартиры тѣмъ, что «ужъ если пришлось отдыхать на зимнихъ квартирахъ, то онъ отдохнетъ въ Франкфуртѣ» (da er nun doch einmal den Winter auf der Bärenhaut liegen müsse, so solle es in Frankfurt geschehen). Тогда-же, по распоряженію генералъ-кригсъ-коммисара Силезской арміи, были созваны депутаты при-рейнскихъ областей, для совѣщанія о расположеніи войскъ на зимнихъ квартирахъ и о поставкѣ для нихъ жизненныхъ припасовъ Многіе французскіе чиновники, съѣхавшіеся изъ различныхъ германскихъ владѣній въ Франкфуртъ и задержанные тамъ, были отпущены въ Майнцъ, что̀ послужило къ распространенію слуховъ о бездѣйствіи Блюхера. А между тѣмъ въ глубочайшей тайнѣ дѣлались приготовленія къ переправѣ арміи, въ ночи на Новый годъ, на трехъ пунктахъ, именно: у Мангейма, Каубе и Кобленца. Въ одномъ изъ писемъ Блюхера на родину, отъ 29-го декабря н. ст. находимъ: Nach Frankreich gehe ich von hier, und den ersten Januar mit Tagesanbruch passire ich mit der ganzen Armee den Rhein; zuvor aber will ich mit meinen Waffenbrüdern in diesem stolzen Strome alle Knetschaft abwa-

schen, und als freie Deutsche wollen wir der grosser Nation, die jetzt die fromme geworden ist, Gebiet betreten. Als Sieger, aber nicht besiegt, kehren wir zurück, und wenn der ehrenvolle Frieden erkämpft ist, dann soll unser Vaterland uns dankbar empfangen. Wie wohl wird es uns thun, bei der Rückkehr, von Gattinnen, Vätern, Müttern, Kindern, Schwestern und Brüdern mit Freudenthränen empfangen zu werden.» (На разсвѣтѣ 1-го января перехожу со всею арміей черезъ Рейнъ, но прежде хочу съ моими сослуживцами смыть до-чиста рабство въ этой гордой рѣкѣ, и тогда, какъ свободные Германцы, вступимъ во владѣнія Великой націи, нынѣ присмирѣвщей. Мы возвратимся побѣдителями, а не побѣжденными, и когда завоюемъ славный миръ, тогда Отечество насъ встрѣтитъ съ благодарностью. Какое счастье можетъ сравниться съ нашимъ, когда отцы, матери, жены, дѣти и сестры обнимутъ насъ съ слезами радости).

Въ концѣ декабря н. ст. въ то время, когда по-видимому все вниманіе Блюхера было обращено на удобнѣйшее занятіе зимнихъ квартиръ, войска его двинулись къ пунктамъ, избраннымъ для переправы черезъ Рейнъ: корпусъ Сакена къ Мангейму, войска графа Сенъ-Пріеста (ланжеронова корпуса) къ Кобленцу, а самъ Блюхеръ, съ корпусомъ Іорка и съ остальными войсками графа Ланжерона, къ Каубе ([32]).

Для переправы корпуса Сакена былъ избранъ пунктъ при устьѣ рѣки Неккара, по которой можно было удобно сплавить суда и понтоны. Противъ этого пункта Французы построили большой редутъ, окруженный рвомъ, палисадами и засѣками, и занятый нѣсколькими стами человѣкъ съ шестью орудіями. Въ ночи съ 19-го на 20-е декабря (съ 31–го декабря на 1-е января) прибыли къ устью Неккара войска Сакена; въ головѣ ихъ генералъ-маіоръ Зассъ, съ 8-мъ и 39-мъ егерскими полками и съ Бѣлостокскимъ пѣхотнымъ полкомъ, первый переправился на лодкахъ черезъ Рейнъ; за нимъ слѣдовалъ генералъ-маіоръ Талызинъ 2-й, съ 11-мъ и 36-мъ егерскими полками: войска эти атаковали непріятеля и овладѣли редутомъ съ находившимися въ немъ четырьмя 18-ти-фунтовыми

пушками и двумя гаубицами; захвачены въ плѣнъ семь офицеровъ и до трехъ сотъ нижнихъ чиновъ; остальные побиты. Со стороны Русскихъ уронъ вообще простирался до 200 (по другимъ свѣдѣніямъ — до 300) человѣкъ; въ числѣ убитыхъ былъ командиръ Бѣлостокскаго полка подполковникъ Щолоковъ; въ числѣ раненыхъ: командиръ 39-го егерскаго полка полковникъ Ахлестышевъ и Бѣлостокскаго полка маіоръ Никитинъ. Вслѣдъ за тѣмъ австрійской службы маіоръ Живковичъ немедленно приступилъ къ наводкѣ понтоннаго моста и окончилъ эту работу къ шести часамъ вечера. Остальныя войска Сакена переправились въ тотъ-же день на лѣвую сторону Рейна. Король Прусскій былъ свидѣтелемъ этого дѣла и перешелъ черезъ рѣку вмѣстѣ съ русскими войсками, которыя привѣтствовали Союзника и друга ихъ Государя громкими восклицаніями. На слѣдующій день, корпусъ двинулся къ Вормсу, гдѣ захвачено болѣе 200 человѣкъ больныхъ Французовъ и до 800 ружей немедленно разданныхъ безоружнымъ людямъ, прибывшимъ изъ Резервной арміи. Генералъ-маіоръ Карповъ 2-й, встрѣтясь съ непріятелемъ у селенія Муттерштадта, опрокинулъ восемь эскадроновъ и взялъ въ плѣнъ 25 офицеровъ и 200 нижнихъ чиновъ, а генералъ-маіоръ принцъ Биронъ, двинувшись съ россійско-прусскимъ партизанскимъ отрядомъ къ Альцей (Alzey), для открытія сообщенія съ войсками графа Ланжерона и генерала Іорка, атаковалъ Французовъ, захватилъ шесть офицеровъ и болѣе ста рядовыхъ и отбилъ около четырехъ сотъ новыхъ ружей, посланныхъ изъ Майнца въ Мецъ ([33]).

Довольно трудно объяснить, почему Блюхеръ назначилъ для переправы наибольшей части своихъ войскъ окрестности Каубе. Утвердительно можно сказать, что если-бы непріятель оборонялъ тамъ переправу, то Союзники не успѣли-бы перейти черезъ Рейнъ. Тѣснина отъ Вейзеля до Каубе можетъ удобно быть обозрѣваема и обстрѣливаема съ высотъ лѣваго берега рѣки; Французы, бросивъ въ мѣстечко Каубе нѣсколько гранатъ и зажегши его, непозволили-бы Союзникамъ подойти къ рѣкѣ, а лѣвый берегъ ея весьма скалистъ, что̀ затрудняло дебу-

шированіе войскъ на противоположный берегъ. Но изъ обозрѣнія, сдѣланнаго наканунѣ переправы однимъ изъ офицеровъ прусскаго генеральнаго штаба, оказалось, что въ ближайшихъ пунктахъ, Бахарахѣ и Обервезелѣ, было неболѣе нѣсколькихъ сотъ Французовъ и что непріятель вò-все не ожидалъ здѣсь переправы. Быть-можетъ сіе обстоятельство и заставило Блюхера предпринять переправу у Каубе.

19-го (31-го) декабря, корпусъ Іорка расположился въ этомъ мѣстечкѣ и деревняхъ лежащихъ позади Каубе и Гоарсгаузена (Goarshausen). Войскамъ наистрожайше было приказано, чтобы ни одинъ изъ солдатъ не показывался на берегу. Около полуночи Іоркъ подвелъ къ самой рѣкѣ 8-ю бригаду Гюнербейна съ двумя ротами егерей; кавалерія и артиллерія сей бригады, усиленныя семью эскадронами и 3-ю конною ротою, расположились въ вейзельской тѣснинѣ. Тогда-же было приготовлено множество лодокъ; въ полночь прибыли русскіе понтонеры и немедленно приступлено къ наводкѣ моста. Одна 12-ти фунтовая батарея подъѣхала къ берегу у Каубе; четыре 12-ти фунтовыхъ орудія были выдвинуты на позицію нѣсколько выше, у Гуттенфельса. Несмотря на шумъ, неизбѣжный при передвиженіяхъ войскъ, все оставалось спокойно на лѣвомъ берегу Рейна. Въ половинѣ третьяго сѣли въ лодки двѣсти Бранденбургскихъ фузелеровъ, подъ личнымъ начальствомъ графа Бранденбурга. Солдаты высадились близъ караульнаго дома таможенной стражи, гдѣ горѣла свѣча; по прежнему, все было тихо, но когда солдаты, несмотря на запрещеніе, огласили лѣвый берегъ Рейна громкимъ ура, раздались выстрѣлы изъ караульни и было ранено нѣсколько фузелеръ и жителей, добровольно служившихъ имъ проводниками. Непріятель, въ числѣ четырехъ сотъ человѣкъ съ нѣсколькими орудіями, устремился изъ Бахараха и Обервезеля на встрѣчу высадившимся войскамъ, но послѣ небольшой перестрѣлки отступилъ. Одинъ изъ преслѣдовавшихъ его отрядовъ занялъ Бахарахъ, а другой—Обервезель.

Въ 9 часовъ утра, уже былъ наведенъ мостъ на рукавѣ Рейна, шириною въ полтораста шаговъ, между правымъ бере-

гомъ его и небольшимъ островомъ Пфальцомъ (*), для чего было употреблено 27 понтоновъ. Два орудія и два эскадрона гусаръ, перешедшіе по мосту, были немедленно переправлены на паромахъ на лѣвый берегъ, а между тѣмъ пѣхоту перевозили на лодкахъ весь день, при радостныхъ восклицаніяхъ жителей страны, встрѣчавшихъ войска съ музыкою и пѣснями. Въ четыре часа по полудни, когда уже былъ почти совершенно готовъ другой мостъ отъ Пфальца къ лѣвому берегу, на 41-хъ понтонахъ, длиною въ 240 шаговъ, якоря были снесены сильнымъ напоромъ теченія рѣки и мостъ разорванъ ([34]). Не прежде слѣдующаго утра, 21-го декабря (2-го января), удалось снова навести его; за тѣмъ перешли черезъ Рейнъ остальныя войска Іорка и на другой день—корпусъ Ланжерона ([35]).

Одновременно съ прочими войсками Силезской арміи, 8-й русскій корпусъ подошелъ къ Кобленцу. Графъ Сенъ-Пріестъ въ ночь на Новый годъ н. ст. переправилъ на судахъ бригады генераловъ Бистрома 2-го и Карпенка, которые овладѣли непріятельскимъ редутомъ, противъ устья рѣки Ланы, съ находившимися въ немъ четырьмя чугунными орудіями, не смотря на упорное сопротивленіе непріятеля, и въ четыре часа торжественно вступили въ Кобленцъ, при шумныхъ кликахъ жителей. Генералъ Дюрюттъ съ своею дивизіей отступилъ къ Гундсрюку, съ потерею семи орудій и пятисотъ человѣкъ, захваченныхъ въ плѣнъ; въ городѣ оставался французскій госпиталь съ 1,100-ми больныхъ и раненыхъ. На площади стояла воздвигнутая Французами, по случаю занятія ими Москвы, колонна съ надписью: «A Napoléon le Grand. An 1812, remarquable par la campagne contre les Russes.» (Великому Наполеону, во славу похода 1812 года). Полковникъ Магденко, назначенный комендантомъ Кобленца, оставилъ памятникъ неприкосновеннымъ, приказавъ помѣстить подъ хвастливою надписью слѣдующія слова: «Vu et approuvé par nous, commandant russe à Coblence en 1814 ([36]).

По переходѣ черезъ Рейнъ, Блюхеръ, въ приказѣ по арміи.

(*) Ширина острова не превышаетъ 120-ти шаговъ

напомнивъ своимъ войскамъ совершенные ими подвиги, указывалъ имъ цѣль дальнѣйшихъ дѣйствій—побужденіе непріятеля къ миру и требовалъ отъ нихъ хорошаго обхожденія съ жителями страны и соблюденія строжайшей дисциплины. Въ воззваніи-же къ жителямъ онъ сказалъ: «я перевелъ Силезскую армію черезъ Рейнъ, чтобы возстановить свободу и независимость націй, для достиженія мира. Императоръ Наполеонъ, присоединивъ къ французской монархіи Голландію, часть Германіи и Италію, объявилъ, что онъ не уступитъ ни одного селенія изъ этихъ завоеваній даже въ такомъ случаѣ, еслибы непріятель появился въ виду Парижа. Противъ этого объявленія, противъ этихъ началъ, ополчились всѣ европейскія державы. Если вы намѣрены защищать такія начала, то станьте въ ряды Наполеона и испытайте свои силы въ борьбѣ противъ праваго дѣла, столь очевидно покровительствуемаго Провидѣніемъ. Если-же вы этого нехотите, то найдете у насъ себѣ защиту Я буду охранять ваше имущество. Пусть обитатели городовъ и селеній остаются спокойно въ домахъ своихъ, пусть всѣ чиновники продолжаютъ исполнять порученныя имъ обязанности. Со вступленіемъ Союзныхъ войскъ прекращаются всякія сношенія жителей края съ французскимъ правительствомъ. Нарушители этого приказанія, какъ виновные въ измѣнѣ Союзнымъ Державамъ, будутъ предаваемы военному суду и подвергнутся смертной казни (37)».

Какъ изъ перехваченной непріятельской депеши оказалось, что Мармонъ получилъ приказаніе сосредоточить войска и занять позицію у Кайзерслаутерна, то Блюхеръ рѣшился тамъ предупредить его. Съ этою цѣлью, оставя Ланжерона съ большею частью его корпуса для обложенія Майнца и графа Сенъ-Пріеста съ его войсками для занятія Кобленца, Блюхеръ съ корпусомъ Іорка двинулся на Крейцнахъ и Кузель по направленію къ Саарбрюку, между тѣмъ какъ корпусъ Сакена и за нимъ 9-й корпусъ Олсуфьева получили приказаніе идти отъ Мангейма къ Кайзерслаутерну. Но по достиженіи окрестностей Санктъ-Венделя, 27-го декабря (8-го января н. ст.), Блюхеръ узналъ, что Мармонъ уже отступилъ за Саару къ Саарбрюку

*

и присоединилъ къ своему корпусу войска Рикара и Дюрютта, прибывшія отъ Кобленца. Немедленно были сдѣланы распоряженія къ переправѣ черезъ Саару и къ нападенію на непріятеля 30-го декабря (11-го января), но Мармонъ, у котораго было неболѣе 11,000 человѣкъ ([38]) противъ 25,000 Союзниковъ, будучи обойденъ съ обоихъ фланговъ, отошелъ къ Мецу, 31-го декабря (12-го января). Побѣги въ его войскахъ усиливались по мѣрѣ отступленія внутрь страны. На другой день, 1-го (13-го) января, у него оставалось въ сорока восьми баталіонахъ 6,000 человѣкъ; 11-й гусарскій полкъ, состоявшій большею частью изъ Голландцевъ, разбѣжался и увелъ своихъ лошадей. Мармонъ, поручивъ оборону Меца генералу Дюрютту, оставилъ ему нѣсколько кадровъ и всѣхъ конскриптовъ собранныхъ въ крѣпости, поставилъ на валахъ до ста орудій, снабдилъ гарнизонъ продовольствіемъ, а самъ, расположась за Мозелемъ, приказалъ уничтожить мосты у Понтъ-а-Муссона и Фруара; но послѣдній, по оплошности Французовъ, былъ оставленъ въ цѣлости, что̀ заставило маршала, послѣ отступленія Нея и Виктора къ Вокулёръ и Коммерси, отойти, 6-го (18-го) января, за Маасъ, къ Вердюну и Санъ-Мигіель. Мармонъ, усиливъ по возможности оборону Вердюна, предполагалъ защищать переправу черезъ Маасъ; какъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней шелъ довольно сильный дождь, то вода въ рѣкѣ значительно поднялась, и по тому непріятель надѣялся остановить наступленіе Союзниковъ, но маршалъ Викторъ и здѣсь не озаботился о разрушеніи мостовъ выше Вокулёра. Блюхеръ, пользуясь тѣмъ, оставилъ корпусъ Іорка для наблюденія за французскими крѣпостями на Мозелѣ, Мецомъ, Тіонвилемъ и Люксамбургомъ, а самъ двинулся далѣе. 2-го (14-го) января, отрядъ принца Бирона Курляндскаго занялъ Нанси ([39]), а 5-го (17-го) Блюхеръ вступилъ въ сей главный городъ Лотарингіи, расположивъ войска Сакена и Олсуфьева между Нанси и Шато̀-Салинъ (Chateau Salins). Донося объ этомъ успѣхѣ Императору Александру, Блюхеръ писалъ: «Считаю себя «счастливымъ, повергая къ стопамъ Вашего Императорска-«го Величества ключи Нанси, перваго изъ занятыхъ Союз-

«ными войсками *добрыхъ* городовъ старинной Франціи, поль«зующагося правомъ посылать своего мера на коронацію фран«цузскихъ государей.» Государь отвѣчалъ: «Очень радъ, что именно вамъ была предоставлена слава занять первымъ одинъ изъ *добрыхъ* городовъ старинной Франціи. Быстротою вашихъ движеній вы пріобрѣли новыя права на признательность Союзныхъ Монарховъ. Вамъ извѣстно всегдашнее участіе Мое въ вашихъ успѣхахъ, и Мнѣ пріятно повторить вамъ нынѣ изъявленіе Моихъ чувствованій».

Несмотря на глубокую ненависть Блюхера къ Французамъ, онъ старался внушить въ нихъ довѣренность къ себѣ. По словамъ его, Союзники вовсе не были враждебны Франціи и вели войну единственно съ Наполеономъ, котораго паденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и миръ, не подлежали сомнѣнію. Нерѣдко случалось ему отпускать плѣнныхъ Французовъ, при чемъ обыкновенно онъ изъявлялъ гласно, что вскорѣ также разойдется вся наполеонова армія. Это заставляло многихъ конскриптовъ, и даже старыхъ солдатъ, оставаться дома, въ надеждѣ скораго окончанія военныхъ дѣйствій. Жители, въ началѣ похода, когда въ Союзныхъ войскахъ соблюдалась строжайшая дисциплина, принимали ихъ весьма радушно, но въ послѣдствіи движенія значительныхъ силъ по одному и тому-же направленію истощили средства страны и дѣла приняли иной оборотъ ([40]).

Въ Нанси, при поспѣшномъ выступленіи оттуда французскихъ войскъ, остались нѣсколько сотъ плѣнныхъ Испанцевъ, которые, изъявивъ готовность свою сражаться въ рядахъ Союзниковъ, были сформированы въ четыре роты, подъ начальствомъ генерала Сотомайоръ ([41]).

При отступленіи за Маасъ, Викторъ оставилъ въ Туль, городѣ обнесенномъ валомъ со рвомъ, нѣсколько сотъ человѣкъ, надѣясь замедлить тѣмъ наступленіе Союзниковъ. Генералъ-маіоръ графъ Ливенъ 3-й, съ 10-ю пѣхотною дивизіей, получивъ приказаніе овладѣть этимъ пунктомъ, атаковалъ непріятеля двумя колоннами, по дорогамъ отъ Нанси и Войда (Void, на дорогѣ изъ Туля въ Баръ-ле-Дюкъ), и овладѣлъ городомъ, 8-го (20 го) января. Въ плѣнъ захвачены 4 офицера и 400

нижнихъ чиновъ. Четыре орудія, 800 ружей и большое количество военныхъ припасовъ достались въ добычу побѣдителямъ ([42]).

По взятіи Туля, Блюхеръ, оставя корпусъ Іорка, по прежнему, на Мозелѣ, для наблюденія за крѣпостями оставленными въ тылу арміи, двинулся, съ войсками Сакена и Олсуфьева, къ Маасу. Пользуясь оплошностью Виктора, оставившаго въ цѣлости мосты на этой рѣкѣ, авангардъ сакенова корпуса, состоявшій изъ кавалеріи генералъ-лейтенанта Ланскаго и пѣхоты генералъ-лейтенанта князя Щербатова, переправился на лѣвую сторону Мааса и устремился чрезъ Линьи къ Баръ-ле-Дюку, но встрѣтивъ тамъ сильное сопротивленіе, повернулъ къ Сенъ-Дизье, 12-го (24-го) января; остальныя-же войска Сакена и корпусъ Олсуфьева, двинувшись черезъ Гондрекуръ, въ тотъ-же день, прибыли къ Жуанвилю и вошли въ связь съ Главною арміей, которой передовыя войска находились въ окрестностяхъ Шомона ([13]).

Такимъ образомъ несбылись надежды Наполеона удержать Союзниковъ, на маршѣ ихъ отъ Рейна внутрь страны; причинами тому были: несогласіе въ дѣйствіяхъ французскихъ маршаловъ Мармона и Виктора, а также малочисленность и плохое качество ихъ войскъ. Солдаты, неполучавшіе уже нѣсколько мѣсяцевъ жалованья, голодные, плохо одѣтые и обутые, встрѣчаемые непріязненно своими соотечественниками, позабыли, что перенесеніе трудовъ и лишеній столь-же славно для воина, сколько и неустрашимость въ бою. На переходѣ викторова корпуса отъ Баккарата къ Нанси, по гололедицѣ, до трехъ сотъ кавалерійскихъ и артиллерійскихъ лошадей, неподкованныхъ, какъ-бы слѣдовало на шипы, переломали ноги. Чтобы подковать по надлежащему остальныхъ, нужно было всего 15.000 франковъ, и—казалось-бы—маршалъ могъ-бы пожертвовать изъ собственныхъ денегъ эту небольшую сумму. Но онъ предпочелъ потребовать ее отъ жителей Нанси; городской магистратъ отказалъ въ томъ и не прежде собралъ требуемыя деньги, какъ въ то время, когда были арестованы меръ и его помощники ([14]).

Наступленіе Силезской арміи отъ Рейна къ Марнѣ, совер-

шенное въ 14 дней на пространствѣ болѣе трехъ сотъ верстъ, было несравненно быстрѣе, нежели наступленіе Главной арміи отъ Рейна къ Обѣ, потребовавшее 24 дня для перехода двухъ сотъ двадцати верстъ. Не смотря на то, что Союзники не встрѣтили нигдѣ рѣшительнаго сопротивленія, и что потери ихъ въ дѣлахъ были ничтожны, обѣ арміи значительно ослабились въ численномъ отношеніи. Причиною тому была необходимость отряжать войска для занятія пройденной страны и для обложенія оставленныхъ въ тылу крѣпостей. За отдѣленіемъ ихъ оставалось въ готовности встрѣтить непріятеля: 1) *изъ Главной арміи:* Русскихъ 35,000 человѣкъ (резервы Барклая де-Толли); Австрійцевъ 20,000 человѣкъ (корпусъ Гіулая и войска состоявшія при корпусахъ Наслѣднаго принца виртембергскаго и генерала Вреде); Пруссаковъ 6,000 человѣкъ (пѣхотная и конная гвардейскія бригады); Виртембергцевъ 13,000 человѣкъ; Баварцевъ 17,000 человѣкъ, всего-же около *90,000 человѣкъ изъ 200,000 переправившихся на лѣвую сторону Рейна;* 2) *Силезской арміи:* Русскихъ *отъ 26,000 до 27,000 человѣкъ* (корпусъ Сакена и войска Олсуфьева съ подкрѣпленіями къ нимъ прибывшими отъ Резервной арміи князя Лобанова-Ростовскаго) *изъ 75,000 человѣкъ*, считавшихся въ корпусахъ Сакена, Ланжерона и Іорка въ началѣ похода: слѣдовательно Союзники, по достиженіи Марны и Обы, могли противопоставить непріятелю не болѣе 115,000 человѣкъ ([15]).

Обратимся къ мѣрамъ принятымъ Наполеономъ для прегражденія Союзникамъ пути къ Парижу.

ГЛАВА V.

Прибытіе Наполеона на театръ военныхъ дѣйствій.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мѣры принятыя Наполеономъ для обороны Франціи.—Планъ дѣйствій его.—Образованіе резервовъ.—Призывъ національной гвардіи —Передвиженіе части войскъ съ Пиренейскаго полуострова на главный театръ войны.—Сосредоточеніе силъ у Шалона.

Отъѣздъ Наполеона изъ Парижа.—Прибытіе его въ Шалонъ.—Число и расположеніе войскъ обѣихъ сторонъ.—Разобщеніе Союзныхъ войскъ.—Разногласіе Союзниковъ.—Мнѣнія Кнезебека и Гнейзенау.—Мнѣніе Императора Александра.

Открытіе конгресса въ Шатильонѣ.—Основанія предстоявшихъ переговоровъ.

Предположенія Наполеона.—Наступленіе Блюхера отъ Жуанвиля къ Бріеннѣ.—Предположенія его.—Дѣло при Сенъ-Дизьё.—Новый планъ дѣйствій Наполеона.—Наступленіе его къ Бріеннѣ.—Мѣры принятыя Блюхеромъ.—Мѣры принятыя Шварценбергомъ.

Положеніе Наполеона при вторженіи Союзниковъ въ предѣлы Франціи было весьма опасно: несмотря на всѣ усилія его собрать новую армію, вооруженныя силы Французовъ, и въ числѣ, и въ качествѣ, уступали ихъ противникамъ; Данія, Голландія и Рейнскій Союзъ отложились отъ Франціи; Мюратъ, позабывъ, что сіяніе вѣнца его было блѣднымъ отблескомъ короны Императора Французовъ, готовился измѣнить своему благодѣтелю; въ самой Франціи, народъ, подавленный бременемъ конскрипцій и налоговъ, жаждалъ мира, желая пріобрѣсть его какою-бы то ни было цѣною. Въ такихъ обстоятельствахъ На-

полеонъ, потерявъ надежду на сохраненіе своего преобладанія въ Европѣ и предположивъ сосредоточить силы къ сторонѣ Рейна, откуда угрожала ему наибольшая опасность, старался помириться съ Испанцами, чтобы перевести на восточную границу государства сто тысячъ человѣкъ превосходнаго войска, дѣйствовавшихъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Съ этою цѣлью онъ предложилъ Королю испанскому Фердинанду VII-му, тогда находившемуся плѣнникомъ въ Валансè (Valançay), свободу и возвращеніе отнятаго у него престола. Наполеонъ требовалъ отъ Фердинанда только разрыва съ Англичанами и удаленія ихъ арміи изъ Испаніи; прочія-же условія, предложенныя Королю, заключались: въ очищеніи Французами испанскихъ крѣпостей, размѣнѣ плѣнныхъ, всепрощеніи испанскимъ подданнымъ, принявшимъ сторону Франціи (afrancesados), и въ обязательствѣ не уступать Англіи никакой изъ испанскихъ колоній. По принятіи всѣхъ этихъ условій Королемъ Фердинандомъ (1), освобожденіе его долженствовало послѣдовать немедленно по утвержденіи заключеннаго съ нимъ договора временнымъ правительствомъ Испаніи (2).

Въ комитетѣ, созванномъ Наполеономъ для начертанія мѣръ къ оборонѣ Франціи (comité de défense), нѣкоторые предлагали ограничиться задержаніемъ непріятельскихъ армій, избѣгая рѣшительныхъ сраженій и дѣйствуя на фланги и въ тылъ непріятелю отдѣльными корпусами, въ числѣ по пятнадцати или двадцати тысячъ человѣкъ, на сѣверѣ—со стороны крѣпостей, лежащихъ на Мозелѣ и Маасѣ, а на югѣ—отъ горнаго хребта разобщающаго бассейнъ Роны отъ бассейновъ Іоны (Yonne) и Лоары. На основаніи этого плана дѣйствій, предполагалось, чтобы государственное управленіе было независимо отъ обладанія Парижемъ, и чтобы занятіе столицы непріятельскими войсками имѣло какъ возможно менѣе вліянія на успѣхъ общей обороны страны.

Наполеонъ неодобрилъ сего плана: пожертвованіе восточными департаментами и даже самою столицею государства казалось слишкомъ тягостнымъ завоевателю, побѣдоносно прошедшему изъ конца въ конецъ почти всю Европу, да и самая

система оборонительной войны несогласовалась съ обычнымъ способомъ его дѣйствій. Онъ рѣшился, несмотря на скудость своихъ средствъ, идти на встрѣчу вторгнувшимся арміямъ и дать новый оборотъ дѣлу побѣдою. Предвидя опасность угрожавшую Парижу, онъ изъявилъ намѣреніе обнести полевыми укрѣпленіями высоты господствующія симъ городомъ: на основаніи рекогносцировокъ произведенныхъ въ тайнѣ опытными инженерами, оборонительный комитетъ предполагалъ построить нѣсколько люнетовъ и редутовъ на главныхъ возвышеніяхъ и у входовъ въ предмѣстья. Но Наполеонъ, опасаясь, чтобы такія работы невозбудили въ парижанахъ тревожныхъ опасеній, предпочелъ ограничиться сооруженіемъ у заставъ деревянныхъ построекъ (тамбуровъ) съ бойницами и амбразурами. Матеріалы для этихъ укрѣпленій были собраны скрытно вѣдомствомъ путей сообщеній (corps des ponts et chaussées) и все подготовлено такъ, чтобы можно было, въ случаѣ надобности, перевезти ихъ на указанныя мѣста и построить предположенныя укрѣпленія.

Наполеонъ, недовѣряя парижскимъ гражданамъ, неохотно рѣшался на призывъ національной стражи къ участію въ оборонѣ столицы. Братъ Наполеона, бывшій Король Испанскій, находившійся тогда въ Парижѣ подъ именемъ Короля Іосифа, былъ назначенъ, въ качествѣ Императорскаго Намѣстника, главнокомандующимъ народной вооруженной силы, а герцогъ Конеліано (Монсей) его начальникомъ штаба (major-général), но въ инструкціяхъ данныхъ Наполеономъ его брату безпрестанно проявляется недовѣрчивость къ національной стражѣ и желаніе отстранить ее отъ дѣйствительной службы (épargner l'embarras de sa mise en activité). Королю Іосифу также было ввѣрено начальство надъ 1-мъ военнымъ округомъ (1-re division militaire). Въ Парижѣ находились главныя депо дѣйствующей арміи: 30 баталіонныхъ кадровъ линейныхъ войскъ и 22 кадра Молодой гвардіи, изъ коихъ четыремъ, приведеннымъ въ комплектный составъ, вмѣстѣ съ однимъ баталіономъ Старой гвардіи, было поручено содержаніе дворцовыхъ карауловъ. Для снабженія кавалеріи лошадьми, въ числѣ до десяти тысячъ,

было учреждено въ Версали центральное депо, подъ командою генерала Русселя; пріобрѣтеніе лошадей покупкою и реквизиціями шло съ такимъ успѣхомъ, что каждые три дня можно было отправлять въ армію по тысячѣ всадниковъ. Артиллерію предполагалось усилить ста орудіями находившимися въ Шалонѣ, восьмидесятью изъ Бордо и пятидесятью изъ Бреста; матеріальная часть ея была довольно исправна, но въ прислугѣ оказался недостатокъ, что̀ заставило перевести изъ Шербурга въ Парижъ четыре роты морскихъ канонеровъ (matelots canonniers); тогда-же приказано обучать дѣйствію при орудіяхъ воспитанниковъ политехнической школы, инвалидовъ уволенныхъ въ отставку и ветerановъ четырехъ гвардейскихъ баталіоновъ, постоянно остававшихся въ Парижѣ.

Одновременно съ образованіемъ резерва надлежало собрать армію. Неожиданное вторженіе Союзниковъ, успѣвшихъ занять четвертую часть древней Франціи, лишило Наполеона многихъ людей и запасовъ, на которые онъ разсчитывалъ. Добавочныя конскрипціи 1812, 1813 и 1814 годовъ, вмѣсто ожидаемыхъ 120,000 человѣкъ, дали всего 80,000, а конскрипціи прежнихъ лѣтъ не болѣе 30,000 человѣкъ. Всѣ эти новобранцы были отправлены частью въ депо, находившіяся въ Бельгіи, частью на усиленіе корпусовъ Макдональда, Мармона и Виктора; нѣкоторые изъ нихъ поступили въ армію, формировавшуюся въ Ліонѣ, для преграждeнія доступовъ изъ Швейцаріи и Савоіи; другіе собирались въ Парижѣ, либо образовали резервы для армій, дѣйствовавшихъ въ Испаніи. Недостатокъ въ людяхъ заставилъ составить баталіоны въ 400 человѣкъ вмѣсто предположеннаго по штатамъ числа 840. Наполеонъ полагалъ, что въ баталіонахъ, сформированныхъ изъ конскриптовъ, слѣдовало имѣть неболѣе трехъ сотъ человѣкъ. Эта идея нѣсколько разъ имъ выражена въ его письмахъ къ Королю Іосифу. Для сформированія двухъ резервныхъ дивизій, подъ начальствомъ генерала Жерара, были назначены 34 баталіона изъ депо, ближайшихъ къ Парижу: одна изъ нихъ, генерала Дюфура, въ составѣ 13-ти баталіоновъ, немедленно поступила въ корпусъ маршала Мортье, а другую собиралъ съ большимъ трудомъ

генералъ Гамелинѐ (Hamelinaye) въ Труà. Въ то-же время, генералъ Пажоль формировалъ въ Мелюнѣ, изъ депо войскъ дѣйствовавшихъ въ Испаніи, двѣ бригады: одну драгунскую и одну конно-егерскую, а графъ Бордесуль въ Мо четыре бригады: кирасирскую, драгунскую, уланскую и конно-егерскую. Желая вознаградить малочисленность и плохое качество своей пѣхоты значительнымъ числомъ орудій, Наполеонъ собралъ въ Венсенѣ (Vincennes) множество артиллеристовъ, взятыхъ изъ крѣпостей, конскриптовъ, лошадей, упряжи и проч., чтò дало ему возможность имѣть отъ четырехъ сотъ до пятисотъ орудій.

Несмотря однакоже на изумительную дѣятельность Наполеона, мѣры имъ принятыя очевидно были недостаточны для противодѣйствія европейской коалиціи, и по тому онъ нашелся въ необходимости призвать часть національной стражи къ содѣйствію арміи, готовившейся встрѣтить Союзниковъ. Наполеонъ поручилъ префектамъ въ Бургони, Пикардіи, Нормандіи и Бретани выслать изъ ввѣренныхъ имъ департаментовъ отборныя роты національной стражи на сборные пункты: Парижъ, Мо, Монтерó и Труà; другія роты, вызванныя изъ Альзаса и Франшконтѐ, должны были занять тѣснины въ Вогезахъ. Еслибы можно было воспользоваться войсками, дѣйствовавшими въ Испаніч, то вооруженныя силы Франціи увеличились-бы восьмидесятью или даже ста тысячами превосходныхъ солдатъ, но переговоры объ очищеніи Пиренейскаго полуострова замедлились, и потому Наполеонъ, предписавъ маршаламъ Сюшѐ и Сульту изготовиться къ походу на другой театръ войны, ограничился высылкою изъ арміи перваго 12,000 человѣкъ къ Ліону, а изъ арміи втораго 15,000 къ Парижу. Для скорѣйшаго-же передвиженія войскъ, были приготовлены на пути ихъ слѣдованія подводы ([3]).

Наступленіе Главной арміи князя Шварценберга на Лангръ къ Шомону, обнаруживъ намѣреніе Союзниковъ вторгнуться во Францію со стороны Швейцаріи, заставило Наполеона измѣнить первоначальныя его распоряженія. Старая гвардія, двигавшаяся въ Бельгію, была обращена къ Шалону; а для обороны Бельгіи назначена была одна лишь дивизія Молодой

гвардіи генерала Роге, да и ту предполагалось оставить тамъ только лишь до сбора на сѣверо-восточной границѣ Франціи другихъ войскъ. Баталіоны Молодой гвардіи, формировавшіеся въ Мецѣ, поступили подъ начальство маршала Нея. Войска маршаловъ Мортье, Виктора, Мармона и Нея, въ числѣ 60,000 человѣкъ, должны были задерживать непріятеля въ долинахъ Сены, Обы и Марны; Макдональдъ съ 15,000 человѣкъ получилъ приказаніе направиться на соединеніе съ главными силами съ рѣки Мааса къ Шалону, параллельно движенію Блюхера; маршалу Ожеро предписано собрать въ Ліонѣ кадры, конскриптовъ, національную стражу, и присоединивъ къ нимъ 12,000 человѣкъ, долженствовавшихъ прибыть отъ Сюше, сформировать особую армію и дѣйствовать противъ войскъ, наступавшихъ со стороны Женевы; самъ Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа въ Шалонъ 13-го (25-го) генваря, выславъ туда за нѣсколько дней предъ тѣмъ до 7,000 человѣкъ съ 32-мя орудіями ([4]).

За два дня до отъѣзда изъ Парижа, Наполеонъ поручилъ управленіе государственными дѣлами супругѣ своей Маріи-Луизѣ, придавъ ей въ тайнѣ для совѣта принца архиканцлера Камбасереса. Король Іосифъ долженъ былъ содѣйствовать ей и даже принять на себя регентство въ случаѣ отбытія ея изъ столицы. Готовясь сосредоточить регулярныя войска, и по необходимости ввѣряя національной гвардіи защиту своего семейства отъ анархистовъ и роялистовъ, Наполеонъ призвалъ въ Тюльери главныхъ начальниковъ народнаго ополченія и принялъ ихъ, имѣя возлѣ себя Императрицу Марію-Луизу, державшую на рукахъ двухъ-лѣтняго принца, Короля Римскаго, Наслѣдника Французской Имперіи. «Я ѣду на защиту васъ и вашихъ семействъ, чтобы изгнать непріятеля, вторгнувшагося въ наши предѣлы, сказалъ онъ —Оставляя вамъ въ залогъ все, что имѣю драгоцѣннѣйшаго послѣ Франціи, мое семейство, ввѣряю его вашей чести.» Эти трогательныя слова произвели восторгъ во всѣхъ присутствовавшихъ ([5]).

13-го (25-го) генваря, Наполеонъ, оставя жену и сына, которыхъ не суждено было ему болѣе видѣть, прибылъ на слѣ-

дующій день утромъ въ Шалонъ. На пути ему попадались толпы жителей и солдатъ, уходившихъ внутрь страны. Шалонскіе граждане, устрашенные слухами о сближеніи къ ихъ городу Союзныхъ войскъ, встрѣтили его громкими восклицаніями: vive l' Empereur! (да здравствуетъ Императоръ!), но вмѣстѣ съ тѣмъ изъявляли желаніе отмѣны тягостныхъ налоговъ: à bas les droits réunis! ([6]). Бертье и старый герцогъ Вальми, формировавшій резервы, ожидали его въ Шалонѣ. Довольно трудно опредѣлить въ точности число французскихъ войскъ тогда собранныхъ въ окрестностяхъ этого города, какъ потому, что безпрестанно подходили подкрѣпленія и отдѣлялись отряды, такъ и по неопредѣлительности вѣдомостей о состояніи французской арміи. На основаніи наиболѣе достовѣрныхъ свѣдѣній, находились: *въ центрѣ, близъ Витри*, корпусы: 2-й Виктора, 6-й Мармона, гвардія Нея и кавалерійскіе корпусы 1-й Думерка и 5-й Мильгò, въ числѣ 41,303-хъ человѣкъ съ 120-ю орудіями (*); *на правомъ крылѣ, у Труа и Арси*, подъ начальствомъ маршала Мортье, гвардія и одна изъ дивизій такъ называемаго парижскаго резерва, въ числѣ 20,566 человѣкъ; *на лѣвомъ крылѣ, на маршѣ отъ Намюра къ Шалону*, подъ начальствомъ маршала Макдональда, корпусы: 5-й Себастіани, 11-й Макдональда, 2-й кавалерійскій Эксельмана и 3-й кавалерійскій Арриги, въ числѣ 9,143 человѣкъ, всего-же 71,000 человѣкъ съ 200 орудіями, въ числѣ коихъ: пѣхоты: 129 баталіоновъ, 48,281 человѣкъ; кавалеріи: 135 эскадроновъ, 15,879 человѣкъ; артиллеріи и проч. 6,852 человѣка ([7]).

Въ продолженіи цѣлой недѣли, предшествовавшей прибытію Наполеона въ дѣйствующую армію, онъ посылалъ къ своимъ маршаламъ предписанія, которыя, какъ и должно было ожидать, оказались неисполнимы. Предлогомъ несвоевременному пребыванію его въ Парижѣ была необходимость ускорить формированіе резервовъ; дѣйствительною-же причиною то, что онъ,

(*) Въ числѣ ихъ была дивизія Дюфура, сформированная генераломъ Жерардомъ въ Арси-сюръ Обь, а также нѣкоторыя части войскъ, прибывшія изъ Парижа.

предвидя необходимость отступленія внутрь страны своихъ разобщенныхъ войскъ, хотѣлъ принять надъ ними начальство не прежде, какъ по сосредоточеніи ихъ и прибытіи резервовъ, что подавало ему возможность, съ перваго шага на театрѣ войны, перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Несмотря на огромное превосходство Союзниковъ въ числѣ и качествѣ войскъ, ихъ разбросанное расположеніе облегчило дѣйствія великаго полководца. 14-го (26-го) генваря, въ тотъ самый день, когда онъ пріѣхалъ въ Шалонъ, Союзныя войска были расположены слѣдующимъ образомъ: 3-й австрійскій корпусъ Гіулая, въ числѣ 12 тысячъ человѣкъ, у Баръ-сюръ-Объ; корпусъ Наслѣднаго принца виртембергскаго, 12 тысячъ человѣкъ, у Коломбе-ле-дёзъ-Эглизъ, въ 15-ти верстахъ отъ Баръ; корпусъ Вреде, 27 тысячъ человѣкъ, у Клефмонъ (Clefmon), въ 50-ти верстахъ отъ Коломбе; резервы Барклая де-Толли, до 35 тысячъ человѣкъ, у Лангра, въ разстояніи около 60-ти верстъ отъ Коломбе; прочія войска Главной арміи находились еще далѣе отъ передовыхъ корпусовъ, именно: корпусъ графа Витгенштейна у Вокулёръ; кавалерія его, подъ начальствомъ графа Палена, у Донжё (Donjeux), къ югу отъ Жуанвиля; 1-й австрійскій корпусъ графа Коллоредо у Баньо (Bagneux), въ 35-ти верстахъ къ югу отъ Шатильона-сюръ-Сенъ; 2-й австрійскій корпусъ принца Алоизія Лихтенштейна у Безансона; 2-я австрійская легкая дивизія принца Морица Лихтенштейна у Оксерра; австрійскіе резервы Наслѣднаго принца гессенъ-гомбургскаго въ Дижонѣ; 1-я австрійская легкая дивизія близъ Ліона, въ Шамбери и Женевѣ. Главныя квартиры Союзныхъ Монарховъ находились въ Лангрѣ, а князя Шварценберга въ Шомонѣ. Изъ войскъ бывшей Силезской арміи, 9-й пѣхотный корпусъ Олсуфьева, въ числѣ 6-ти тысячъ человѣкъ, вмѣстѣ съ главною квартирою Блюхера, въ Жуанвилѣ; кавалерія генерала Ланскаго, 2,500 человѣкъ, у Сенъ-Дизье; Сакенъ съ 18-ю тысячами человѣкъ у Дулеванъ ([8]). Корпусъ Іорка, не успѣвъ въ своихъ покушеніяхъ противъ крѣпостеи на рѣкѣ Мозелѣ, двигался отъ Понт-а-Муссонъ къ Сенъ-Мигіель ([9]). Вообще-же обѣ Союзныя арміи были растянуты отъ праваго до лѣваго

крыла ихъ общаго расположенія на сорокъ нѣмецкихъ милей (280 верстъ), да и по направленію ихъ пути дѣйствій разобщены такъ, что, за исключеніемъ корпусовъ Гіулая, Кронъ-принца виртембергскаго, Сакена и Олсуфьева, всего до 50-ти тысячъ человѣкъ, прочія войска не могли принять участія въ первоначальныхъ дѣйствіяхъ. Суровая погода заставляла располагаться по квартирамъ, и только лишь передовые посты стояли на бивакахъ ([10]).

Князь Шварценбергъ, перенеся свою главную квартиру, еще 6 (18) генваря, въ Лангръ, оставался тамъ цѣлую недѣлю. Достиженіе войсками Главной арміи лангрскаго плато казалось многимъ изъ вліятельныхъ лицъ крайнимъ предѣломъ дѣйствій, перейдя за который, по ихъ мнѣнію, Союзники, вмѣсто пріобрѣтенія какихъ-либо выгодъ, подверглись-бы неминуемой опасности. Они полагали, что занятіе ихъ войсками значительной части владѣній древней Франціи было достаточно для побужденія Наполеона къ миру. Императоръ Францъ и Меттернихъ опасались преобладанія Россіи, возвышенія Пруссіи и народныхъ движеній въ Германіи, до того, что готовы были возвратиться къ франкфуртскимъ предложеніямъ. Оставя Наполеона властителемъ Франціи, съ естественными границами ея, Рейномъ и Альпами, и уступивъ Вице-королю принцу Евгенію часть Италіи, Австрійцы предполагали возобновить союзъ съ Французскою Имперіею для противодѣйствія Россіи. Чтобы привлечь на свою сторону прочихъ участниковъ коалиціи, Меттернихъ, съ обычною ему изворотливостью, старался убѣдить ихъ въ пользѣ составленныхъ имъ предположеній. Напротивъ того, Король Прусскій былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что Европа не могла наслаждаться прочнымъ миромъ, пока Наполеонъ оставался на престолѣ. Тѣмъ не менѣе однакоже удалось Меттерниху склонить въ свою пользу прусскаго государственнаго канцлера Гарденберга, да и между прусскими генералами нашлись жаркіе поборники его видовъ. Генералъ-адъютантъ Короля Фридриха-Вильгельма Кнезебекъ, считавшійся большимъ стратегомъ, потому что ему приписывали составленіе плановъ дѣйствій русской арміи въ 1812-мъ году и

Союзной арміи во вторую кампанію 1813 года, полагалъ, что не должно было переходить за Лангръ. По словамъ его: «Наступленіе Наполеона отъ Смоленска къ Москвѣ нанесло ему вредъ; тоже самое будетъ съ нами, если двинемся къ Парижу.» Эти идеи были подробно развиты въ мемуарѣ составленномъ Кнезебекомъ. Подобный взглядъ совершенно согласовался съ идеями Меттерниха. Гораздо труднѣе было австрійскому министру убѣдить въ основательности своего мнѣнія англійскихъ дипломатовъ, Каткарта и Эбердина, но и это наконецъ удалось ему: послѣдній, находясь на вечерѣ у Меттерниха въ Везулѣ, гдѣ зашла рѣчь о мемуарѣ Кнезебека, изъявилъ мнѣніе, что «недостойно было-бы Англіи отказаться отъ условій, ею самою предложенныхъ во Франкфуртѣ.» Генералъ сэръ Чарльсъ Стюартъ, братъ англійскаго перваго министра лорда Кестельри, также поддерживалъ Меттерниха. По видимому Англичане съ одной стороны хотѣли предупредить преобладаніе Россіи, а съ другой—страшились упрека оппозиціи въ напрасномъ продолженіи войны и неудовольствія своего народа, стонавшаго подъ бременемъ налоговъ и огромнаго государственнаго долга. Прибывшіе вслѣдъ за тѣмъ въ главную квартиру, лордъ Кестельри и графъ Мюнстеръ несогласовались между собою. Первый желалъ мира, а второй продолженія войны. Что-же касается до Русскихъ, то графъ Нессельроде и нѣкоторые изъ генераловъ тоже пристали къ мнѣнію Меттерниха. Дипломаты южногерманскихъ владѣній постоянно держали его сторону. Такимъ образомъ поборниками рѣшительныхъ дѣйствій противъ Наполеона явились только Императоръ Александръ, Штейнъ, Мюнстеръ и Поццо ди-Борго. Русскій Монархъ былъ твердо увѣренъ въ несовмѣстности спокойствія Европы съ владычествомъ наполеоновымъ во Франціи; Штейнъ, раздѣляя это убѣжденіе, желалъ паденія Наполеона, какъ очистительной жертвы за всѣ страданія и оскорбленія, перенесенныя отъ него Германіей; Мюнстеръ полагалъ, что переговоры съ Наполеономъ ослабляли вліяніе партіи французскихъ роялистовъ, преданной Союзникамъ, а Поццо ди-Борго руководился, какъ и прежде, родовою ненавистью къ Бонапартамъ. Извѣстія, достав-

ленныя въ главную квартиру Швейцарцемъ Лагарпомъ, бывшимъ наставникомъ Императора Александра, объ упадкѣ духа въ Парижѣ и о готовности Талейрана и другихъ вліятельныхъ лицъ содѣйствовать паденію Наполеона, утвердили Россійскаго Монарха въ Его намѣреніи. Въ Силезской арміи господствовало обычное ей воинственное настроеніе. «Der Kerl muss herunter!» постоянно твердилъ Блюхеръ ([11]). По мнѣнію главнаго изъ его сподвижниковъ, генерала Гнейзенау: «еслибы Союзники перешли черезъ Рейнъ немедленно по прибытіи въ долину сей рѣки, то могли-бы, пользуясь упадкомъ духа и смятеніемъ непріятеля, овладѣть важнѣйшими крѣпостями и безостановочно достигнуть Парижа. Не смотря на то, что Французамъ дано было два мѣсяца для сформированія арміи, успѣхъ наступленія Союзниковъ, и теперь, какъ и прежде, не подлежалъ сомнѣнію, принявъ во вниманіе: во 1-хъ. плохое состояніе французской арміи; во 2-хъ, недостатокъ оружія во Франціи, непозволявшій быстро формировать войска, и въ 3-хъ, неудовольствіе противъ Наполеона, господствовавшее въ Парижѣ.... Знаю, какъ далеко расхожусь я во мнѣніяхъ съ учеными военными людьми (Kriegskünstler), но не менѣе знаю и то, что уклоненіе отъ военныхъ правилъ часто бываетъ полезнѣе, нежели соблюденіе ихъ.»—«Willkommen vor Paris wenn wir nur wollen.» (стоитъ только пожелать намъ, и мы будемъ въ Парижѣ), писалъ Гнейзенау въ заключеніе своего мнѣнія ([12]).

Генералу Гнейзенау не удалось однакоже убѣдить Кнезебека въ необходимости рѣшительнаго наступленія. По словамъ ученаго стратега, «дѣло, за которое сражались Союзники, было столь важно, что неслѣдовало жертвовать имъ хвастливому стремленію побывать въ Парижѣ.» (Die Sache für die wir fechten ist viel zu gross, als das sie je übereilt, oder einer blossen Gloriole geopfert werden sollte—nach Paris zu gehen). Онъ полагалъ, что Союзники, достигнувъ лангрскаго плато̀, должны были открыть переговоры, чтобы по крайней мѣрѣ узнать, гдѣ расположены французскія войска, и выиграть двѣ недѣли ([13]). Очевидно, что такой мнимый выигрышъ былъ вреденъ для

Союзниковъ и могъ послужить въ выгоду Наполеону (11). Мюффлингъ, пользуясь дружбою съ Кнезебекомъ и надѣясь имѣть на него большее вліяніе, нежели соперникъ его Гнейзенау, также старался убѣдить его въ необходимости рѣшительныхъ дѣйствій. Какъ Гарденбергъ, Кнезебекъ и близкіе къ нимъ люди считали генерала Гнейзенау и его поборниковъ за людей «восторженныхъ,» «непрактическихъ,» то Мюффлингъ счелъ нужнымъ увѣрить Кнезебека, что они неувлекались никакими мечтами. «Я полагаю, писалъ онъ, что, не смотря на всѣ слухи о неудовольствіи Французовъ къ Наполеону, войска ихъ будутъ сражаться, и даже съ успѣхомъ, если мы станемъ дѣйствовать ошибочно. Но я столько-же увѣренъ, сколько въ своемъ существованіи, что успѣхъ зависитъ отъ быстроты нашихъ дѣйствій. Парижане потеряли голову; недадимъ имъ времени опомниться.... идемъ впередъ! Чего страшиться намъ? Еслибы даже мы неодержали побѣды, то можемъ прервать бой, съ тѣмъ, чтобы черезъ два дня возобновить его усилясь резервами. Если вы нерѣшаетесь ввести въ дѣло всю армію, то позвольте фельдмаршалу (Блюхеру) идти въ авангардѣ и атаковать непріятеля. Отвѣчаю за успѣхъ.... Пріѣзжай къ намъ на нѣсколько дней, добрѣйшій Кнезебекъ (bester Knesebeck); право не будешъ раскаиваться въ томъ.... Я охотнѣе готовъ атаковать непріятеля подъ Шалономъ, нежели въ то время, когда мы его атаковали подъ Лейпцигомъ. Наши солдаты теперь въ десять разъ лучше, а Французы въ десять разъ хуже.... Если Союзные Монархи желаютъ имѣть подъ ружьемъ лишнихъ 200,000 человѣкъ, то стоитъ только объявить, что возстановлена будетъ династія Бурбоновъ и что все нѣмецкое народонаселеніе отойдетъ къ Германіи. Вся Лотарингія возстанетъ за насъ....

«Повторяю тебѣ, любезный Кнезебекъ, Французская Имперія—въ нашихъ рукахъ. Пусть Шварценбергъ идетъ прямо къ Парижу, предоставя фельдмаршалу окончить дѣло съ шалонскою арміей, и усиливъ его, на всякій случай, войсками Вреде..... ручаюсь въ успѣхѣ. Наполеонъ упалъ во мнѣніи народа и войска. Французскіе офицеры даже не признаютъ въ немъ

*

военныхъ способностей. Изъ Парижа пишутъ: «онъ спитъ ежедневно по двѣнадцати часовъ.» Хотя я самъ и не вѣрю тому, однакоже думаю, что такіе слухи предвѣщаютъ le commencement de la fin. (начало конца).

«Законодательному сословію сказалъ онъ: Vous êtes vendus à l'Angleterre (Вы продали себя Англіи).

«Въ продовольствіи не будетъ недостатка. На пространствѣ между Ландау, Саарлуи и Триромъ такъ много запасовъ, что ихъ станетъ на полгода Силезской арміи.

«Еслибы оказалось нужнымъ овладѣть Мецомъ и Люксамбургомъ, то пусть придетъ Тауэнцинъ съ нѣсколькими осадными орудіями,» и проч.

«P. S. Главная квартира нашей арміи завтра перейдетъ въ Бріеннъ. Ежели хотите пріобрѣсти расположеніе Французовъ, то—совѣтую вамъ—не требовать отъ нихъ никакихъ контрибуцій. Они до мерзости скупы (die Kerls sind schmutzig geizig), и ничто не обрадовало ихъ такъ, какъ обѣщаніе фельдмаршала—не налагать на нихъ никакихъ поборовъ» (15).

Эти доводы нисколько не измѣнили упрямыхъ убѣжденій Кнезебека, который, 15 (27) генваря, снова изложилъ свое мнѣніе Союзнымъ Монархамъ, дипломатамъ и генераламъ главной квартиры, въ запискѣ, поданной отъ имени Короля Прусскаго, но въ дѣйствительности составленной самимъ Кнезебекомъ. По прежнему онъ домогался увѣрить всѣхъ и каждаго, что слѣдовало достигнуть цѣли войны—независимости европейскихъ государствъ—преимущественно мирнымъ путемъ, открывъ переговоры съ Наполеономъ, и что дальнѣйшее наступленіе къ Шалону и Труà не могло доставить никакихъ положительныхъ выгодъ Союзникамъ и было сопряжено съ большими затрудненіями, какъ въ отношеніи къ продовольствованію войскъ, такъ и къ охраненію ихъ сообщеній. Лангенау, съ своей стороны, подалъ обширный мемуаръ, въ которомъ, прославляя выборъ пути дѣйствій «къ единственному слабѣйшему пункту французскихъ войскъ» и быстроту дѣйствій Союзниковъ (*).

(*) Войска Главной Союзной арміи, при наступленіи отъ Базеля къ Лангру прошли кругомъ около полуторы нѣмецкой мили (10-ти верстъ) въ сутки.

онъ излагалъ мнѣніе, что Главная армія, оставаясь на позиціи у Лангра, была совершенно обезпечена отъ обходовъ съ фланговъ, продовольствовалась на счетъ непріятельской страны и могла угрожать впереди лежащимъ «совершенно открытымъ» областямъ Франціи. За тѣмъ, выказавъ опасности дальнѣйшаго наступленія, онъ сдѣлалъ довольно странный выводъ, что Союзники подъ Парижемъ находились-бы въ такомъ положеніи въ какомъ была французская армія подъ Лейпцигомъ. Во всякомъ случаѣ, писалъ онъ въ заключеніе своего мемуара, необходимо обсудить и взвѣсить: должна-ли Союзная армія оставаться въ занятомъ ею расположеніи, чтобы дать время резервамъ и войскамъ, дѣйствующимъ на флангахъ театра войны, приблизиться къ главнымъ силамъ, или сойти съ господствующихъ высотъ на равнину и подвергнуть участь войны бою, послѣдствія коего не могутъ быть заранѣе опредѣлены въ точности.

По всей вѣроятности Шварценбергъ и его совѣтники не были убѣждены столь шаткими доводами, да и вообще все то, на что̀ опирались они въ военномъ отношеніи, служило имъ только предлогомъ къ достиженію политическихъ видовъ австрійскаго правительства, несогласныхъ съ видами Россіи и Пруссіи. Императоръ Александръ, справедливо недовѣряя Меттерниху, отклонилъ его предложеніе—прервать военныя дѣйствія и открыть переговоры съ Французами. По мнѣнію Государя «невозможно было опредѣлить —достигнута-ли цѣль войны, пока война еще не была окончана. Послѣдствія ея зависятъ отъ успѣха дѣйствій. Союзники должны стремиться къ уничтоженію вооруженныхъ силъ непріятеля. Причины его слабости въ настоящее время заключаются: во 1-хъ, въ упадкѣ духа его войскъ; во 2-хъ, въ несовершенствѣ тактическаго образованія новобранцевъ, и въ 3-хъ, въ плохой дисциплинѣ французской арміи. Эти обстоятельства могутъ измѣниться, если Союзники станутъ медлить и дадутъ непріятелю время оправиться. Слѣдовательно—вѣрнѣйшимъ средствомъ къ успѣху Союзниковъ есть продолженіе дѣйствій съ наивозможною быстротою и рѣшительностью.» Какъ Меттернихъ, Кестельри и многіе изъ Союзныхъ

дипломатовъ и генераловъ упорно отстаивали противное мнѣніе, то Императоръ Александръ наконецъ объявилъ, что въ случаѣ необходимости онъ будетъ продолжать войну съ одними Русскими безъ помощи другихъ Державъ, и обратясь къ Королю Прусскому, спросилъ его, на что̀ онъ рѣшился? Фридрихъ-Вильгельмъ, поколебленный убѣжденіями Гарденберга и Кнезебека, изъявилъ сомнѣніе въ успѣхѣ войны, однакоже опредѣлительно обѣщалъ содѣйствовать Россійскому Монарху. Австрійское-же правительство было принуждено слѣдовать примѣру своихъ союзниковъ.

Оставалось сдѣлать нѣкоторыя уступки поборникамъ мира, домогавшимся продолженія переговоровъ веденныхъ во время пребыванія главной квартиры въ Франкфуртѣ. Положено было, одновременно съ дальнѣйшими военными дѣйствіями, открыть конгрессъ въ Шатильонѣ-на-Сенѣ. Императоръ Александръ съ большимъ лишь трудомъ изъявилъ Свое согласіе на эту полумѣру, которая могла возвысить клонившееся къ паденію значеніе Наполеона, и приказалъ русскому уполномоченному на шатильонскомъ конгрессѣ, графу Разумовскому не заключать мира безъ особеннаго на то разрѣшенія. 16 (28) были опредѣлены условія и порядокъ переговоровъ въ Шатильонѣ. Положено ихъ вести вообще, отъ имени всей Европы, ограничить Францію предѣлами 1792 года и устроить размежеваніе европейскихъ государствъ безъ участія въ томъ Наполеона, а также невдаваться ни въ какія обѣщанія на счетъ между-народнаго права на морѣ. Германія должна была состоять изъ независимыхъ владѣній, соединенныхъ общимъ постояннымъ союзомъ; Швейцаріи условлено дать прежнія границы, признавъ ея независимость; Италію —раздѣлить на самостоятельныя государства, которыя разобщали-бы Францію отъ австрійскихъ владѣній; Испанію—въ прежнихъ предѣлахъ ея, возвратить Фердинанду VII-му; Голландія, съ расширенными предѣлами, должна была образовать независимое государство подъ властью Дома Оранскаго. Положено, чтобы Французы очистили всѣ крѣпости въ уступленныхъ ими областяхъ и немедленно вывели гарнизоны изъ Бельфора, Гюнингена и Безансона; наконецъ—

изъявлено согласіе, чтобы возвращены были Франціи потерянныя ею колоніи. Веденіе переговоровъ было поручено: графу Разумовскому, графу Стадіону, Гумбольдту, а со стороны Англіи Каткарту, Стюарту и Эбердину, которымъ въ продолженіе нѣкотораго времени содѣйствовалъ Кестельри; со стороны-же Франціи былъ уполномоченъ — давно уже ожидавшій открытія конгресса въ Шатильонѣ—Коленкуръ ([16]).

Такимъ образомъ, Союзники, по настоянію Императора Александра, рѣшились продолжать наступленіе, а войска Блюхера безостановочно двигались къ Обѣ. Но Наполеонъ предупредилъ своихъ непріятелей. По прибытіи въ Витри, онъ предполагалъ немедленно двинуться съ арміей, собранною въ окрестностяхъ сего пункта противъ ближайшихъ корпусовъ князя Шварценберга и разбить ихъ прежде, нежели прочія Союзныя войска могли подоспѣть къ нимъ въ помощь. О наступленіи Блюхера, съ войсками Сакена и Олсуфьева, опередившаго Главную армію, Наполеонъ неимѣлъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Готовясь устремиться съ главными силами. въ числѣ 40,000 человѣкъ, на путь дѣйствій Союзниковъ къ Шомону и Лангру. онъ предписалъ: герцогу Вальми (Келлерману) собрать отряды національной стражи и нѣкоторыя другія войска въ Шалонѣ и занять переправы на Марнѣ; Макдональду, съ 10,000 человѣкъ отступавшему къ Шалону, остановиться тамъ съ тою-же цѣлью; Мортье, съ 12,000 человѣкъ гвардіи стоявшему въ Труà, перейти къ Арси-сюръ-Объ и соединиться съ 8,000 человѣкъ дивизіи Дюфура, состоявшими подъ начальствомъ Жерара; а генералу Пажолю, съ двумя бригадами кавалеріи и съ нѣсколькими тысячами національной стражи, охранять въ тылу арміи переправы на Сенѣ и Іоннѣ. Занявъ переправы на Марнѣ и Сенѣ, вдоль коихъ двигались Союзныя арміи Блюхера и Шварценберга, и теченіе Обы между этими рѣками, Наполеонъ надѣялся нетолько удержать непріятелей на путяхъ ведущихъ къ Парижу, но и разбить ихъ войска по частямъ. Тогда-же было приступлено къ укрѣпленію на-скоро Суассона, Мо, Шалона, Витри, Ножана и Труà. На всемъ пространствѣ между рѣками Эною (Aisne) и Луарою были произведены обозрѣнія, съ

тою цѣлью, чтобы избрать наивыгоднѣйшія оборонительныя позиціи. 14 го (26 го) генваря, Наполеонъ выступилъ отъ Витри къ Сенъ-Дизьè ([17]).

Въ это самое время, Блюхеръ, съ корпусомъ Сакена и войсками Олсуфьева, въ числѣ 26,000 человѣкъ, двигался отъ Жуанвиля къ Бріеннѣ, оставя авангардъ Ланскаго ([18]) у Сенъ-Дизьè, частью для наблюденія пути, ведущаго чрезъ Витри къ Шалону, частью для того чтобы выждать корпусъ Іорка, получившій предписаніе прибыть къ Сенъ-Дизьè 16-го (28-го) генваря. Прочія войска Блюхера блокировали крѣпости, оставленныя въ тылу Силезской арміи, либо двигались отъ Рейна на соединеніе съ главными силами ([19]).

14 (26) генваря, Блюхеръ, получивъ свѣдѣніе объ отступленіи Мортье послѣ дѣла при Баръ-сюръ-Объ къ Труà и о расположеніи прочихъ французскихъ войскъ у Витри, вывелъ изъ того заключеніе, что непріятель не успѣлъ еще сосредоточить свои силы, и потому прусскій полководецъ рѣшился продолжать наступленіе, надѣясь, совокупно съ Главною арміею, опрокинуть всѣ непріятельскія войска, стоявшія на путяхъ къ Парижу, и овладѣвъ столицею Франціи, рѣшить участь войны ([20]). Князь Щербатовъ, съ своимъ 6-мъ корпусомъ и Бѣлорусскимъ гусарскимъ полкомъ, двинулся по проселочной дорогѣ къ Жифомонъ; графъ Ливенъ съ 11-мъ корпусомъ достигъ мѣстечка Суленъ; корпусъ Олсуфьева расположился у Дулеванъ; отрядъ генерала Ланскаго оставался у Сенъ-Дизьè. На слѣдующій день, 15 (27), 6-й корпусъ князя Щербатова перешелъ чрезъ Лемонъ въ Пужи; 11 й корпусъ Ливена въ Лемонъ, главныя квартиры Блюхера и Сакена въ Бріеннъ, а корпусъ Олсуфьева въ Тремилй ([21]).

Таково было положеніе блюхеровой арміи, когда Наполеонъ атаковалъ ближайшій къ нему отрядъ Ланскаго. Утромъ 15 (27), кавалерія Мильгò застигла въ расплохъ русскихъ гусаръ, а слѣдовавшая за нею дивизія Дюгема (корпуса Виктора) бросилась на пѣхоту, отступавшую къ Сенъ-Дизьè, опрокинула егерей и заняла городъ Самъ Наполеонъ вступилъ въ Сенъ-Дизьè въ 9-мъ часу при громкихъ восклицаніяхъ жителей и выслалъ

отряды для преслѣдованія Русскихъ по дорогамъ къ Жуанвилю и Эклеронъ; прочія-же войска его, именно: корпуса Мармона и Виктора, кавалерія Думерка и Мильгò и три дивизіи Молодой гвардіи расположились впереди города (22).

Наполеонъ, получивъ отъ жителей и плѣнныхъ точныя свѣдѣнія о растянутомъ расположеніи блюхеровыхъ войскъ, рѣшился измѣнить свой планъ дѣйствій и вмѣсто того, чтобы продолжать движеніе во флангъ Главной Союзной арміи, счелъ болѣе выгоднымъ обратиться кратчайшимъ путемъ отъ Сенъ-Дизьè въ тылъ войскамъ Блюхера, находившимся въ окрестностяхъ Бріенны. Съ этою цѣлью 16 (28) двинулись французскія войска нѣсколькими колоннами: гвардія вмѣстѣ съ главною квартирою отъ Сенъ Дизьè на Эклеронъ къ Монтіерандеру (Montier-en-Der); маршалъ Викторъ, съ своимъ корпусомъ и кавалеріей Мильгò, по жуанвильской дорогѣ до Ражекура, а потомъ на Васси; дивизіи Рикара и Дюфура, стоявшія въ окрестностяхъ Витри, подъ общимъ начальствомъ Жерара, шли правѣе гвардіи, по дорогамъ къ Бріеннѣ и Лемону. Войска-же 6-го пѣхотнаго и 1-го кавалерійскаго корпусовъ, подъ общимъ начальствомъ Мармона, были расположены по прежнему у Сенъ-Дизьè, получивъ приказаніе слѣдовать за движеніемъ парковъ, оставя арріергардъ для прикрытія съ тыла наступленія арміи (23).

Движеніе французской арміи по проселочнымъ дорогамъ, служившимъ единственно для возки лѣса, было необыкновенно затруднительно; къ тому-же пошелъ дождь. Орудія увязали въ грязи и были вытаскиваемы съ помощью жителей и обывательскихъ лошадей. Войска прибыли въ Монтіерандеръ уже ночью. Мармонъ двинулся на слѣдующій день сперва по дорогѣ къ Жуанвилю, а потомъ вправо на Васси, оставя у Сенъ-Дизьè только дивизію Лагранжа (24). Тогда-же главныя силы продолжали наступленіе къ Бріеннѣ и появились въ окрестностяхъ этого города около двухъ часовъ по полудни.

Донесеніе Ланскаго о дѣлѣ при Сенъ-Дизьè и отступленіи его отряда по жуанвильской дорогѣ, и потомъ на Васси, полученное въ главной квартирѣ Силезской арміи въ ночи съ

15 (27) на 16 (28), не заставило Блюхера измѣнить предположенное имъ наступленіе за Объ. Онъ только счелъ нужнымъ предложить Гіулаю и Кронъ-принцу виртембергскому сблизиться съ нимъ и потребовалъ отъ генералъ-адъютанта графа Палена, шедшаго съ своимъ авангардомъ въ нѣсколькихъ переходахъ впереди корпуса графа Витгенштейна и прибывшаго въ то время къ Эклансъ, близъ Траннъ, чтобы онъ присоединился къ Силезской арміи. Генералу Ланскому приказано было наблюдать дороги ведущія въ Жуанвиль и Сенъ-Дизьè; прочія-же войска остались въ прежнемъ расположеніи, частью у Пужи и Лемона, частью у Бріенны, что̀ подвергало ихъ опасности быть отброшенными отъ прочихъ Союзныхъ корпусовъ. Но когда, 17 (29), около полудня, съ передовыхъ войскъ высланныхъ за Объ, представили Блюхеру перехваченнаго казаками французскаго полковника генеральнаго штаба Бернара, посланнаго Наполеономъ къ маршалу Мортье, съ повелѣніемъ примкнуть къ правому флангу французской арміи, тогда Блюхеръ, уже не сомнѣваясь въ наступленіи Наполеона и не считая возможнымъ удержать его, предположилъ выждать у Бріенны присоединеніе сакенова корпуса и отойти на позицію у Траннъ, и далѣе къ Баръ-сюръ-Объ, гдѣ онъ надѣялся соединиться съ ближайшими корпусами Главной арміи. Предписаніе, посланное Сакену — объ отступленіи къ Бріеннѣ—немогло быть исполнено прежде прибытія непріятеля къ сему городу. Въ ожиданіи сближенія сакеновыхъ войскъ, малочисленный корпусъ генерала Олсуфьева былъ усиленъ войсками графа Палена, который, подойдя 14-го (26-го) къ Эклансъ, предполагалъ продолжать движеніе за Объ къ Пиней, но получивъ приглашеніе Блюхера—содѣйствовать ему, сперва остановился на правой сторонѣ Обы, а потомъ, 17-го (29-го), прошелъ черезъ Бріенну къ Лассикуръ и расположилъ тамъ свою кавалерію, для прикрытія флангового марша сакеновыхъ войскъ, двигавшихся тогда отъ Лемона къ Бріеннѣ. Ему-же былъ подчиненъ генералъ-маіоръ князь Щербатовъ, прибывшій отъ Главной арміи съ 4-мя казачьими полками, въ числѣ 900 человѣкъ, которые, будучи усилены Чугуевскимъ уланскимъ полкомъ съ четырьмя

конными орудіями, стали у Мезьеръ на дорогѣ, ведущей отъ Монтісрандера къ Бріеннѣ ([25]).

Распоряженія Блюхера, сдѣланныя тогда уже, когда Наполеонъ готовился атаковать его, были несвоевременны. Между тѣмъ Шварценбергъ, получивъ въ ночи съ 16-го (28-го) на 17-е (29-е) генваря, въ Шомонѣ, извѣстіе о дѣлѣ при Сенъ-Дизье, счелъ положеніе ввѣренной ему арміи, несмотря на превосходство своихъ силъ надъ непріятельскими, весьма опаснымъ, и хотя въ главной квартирѣ Союзниковъ не было никакихъ свѣдѣній о прибытіи Наполеона на театръ войны, однакоже нисколько не сомнѣвались въ томъ. Опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Рейна, главнокомандующій обратилъ болѣе вниманія на обезпеченіе отъ обхода праваго фланга своей арміи, нежели на содѣйствіе Блюхеру: корпусамъ Витгенштейна и Вреде, въ числѣ болѣе 40,000 человѣкъ, было предписано идти къ Жуанвилю; корпусамъ Гіулая и Кронъ-принца виртембергскаго, всего до 30,000 человѣкъ, собраться между Баръ-сюръ-Объ и Шомономъ, а корпусъ графа Коллоредо, прибывшій въ Шатильонъ-сюръ Сенъ, получилъ приказаніе остановиться тамъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій ([36]).

ГЛАВА VI.

Сраженія при Бріеннѣ и Ля-Ротьерѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мѣстность у Бріенны.—Расположеніе блюхеровыхъ войскъ.—*Сраженіе при Бріеннѣ.* Отступленіе Блюхера и расположеніе его войскъ у Траннъ.—Расположеніе арміи Наполеона у Ля-Ротьеръ и мѣры имъ принятыя для преграждения Союзникамъ путей къ Парижу.—Современное расположеніе корпусовъ Главной Союзной арміи.—Распоряженія князя Шварценберга для содѣйствія Блюхеру.

Диспозиціи князя Шварценберга, Блюхера и Барклая де-Толли къ бою при Ля-Ротьерѣ.—Мѣстность у Ля-Ротьера.—Расположеніе французскихъ войскъ на позиціи. Наступленіе Союзниковъ. *Сраженіе при Ля-Ротьерѣ.*—Послѣдствія этого сраженія.—Отступленіе Французовъ.

Мѣстечко Бріеннъ, гдѣ Наполеонъ получилъ первоначальное военное образованіе (*), лежитъ на скатѣ высоты, которой господствующій пунктъ къ сѣверо-западу отъ мѣстечка, занятъ замкомъ съ довольно значительнымъ паркомъ и обширными виноградниками, покрывающими склоны возвышеній вдоль рѣки Обы до селенія Лемона. Окрестности-же Бріенны въ прочія стороны представляютъ равнину ограниченную съ востока ажуйскимъ лѣсомъ.

17-го (29-го) генваря, около полудня, въ то время, когда Блюхеръ наконецъ убѣдился въ наступленіи противъ него значительныхъ непріятельскихъ силъ и послалъ приказаніе кор·

(*) Въ Бріеннѣ находилось нынѣ уже несуществующее военное училище.

нусу генерала Сакена немедленно перейти отъ Лемона къ Бріеннѣ, самое мѣстечко и выходы изъ него на дороги ведущія къ Монтіерандеръ и Баръ-сюръ-Объ были заняты пѣхотою 9-го русскаго корпуса генералъ-лейтенанта Олсуфьева, въ числѣ 5,000 человѣкъ съ 24-мя орудіями; впереди-же, на большой равнинѣ между селеніемъ Мезьеръ и лѣскомъ прикрывающимъ часть дороги отъ Лемона къ Бріеннѣ, расположилась кавалерія генералъ-лейтенанта графа Палена въ числѣ до 2,000 человѣкъ; состоящій подъ начальствомъ его генералъ-маіоръ князь Щербатовъ, съ своимъ казачьимъ отрядомъ, Чугуевскимъ уланскимъ полкомъ и четырьмя конными орудіями, сталъ у Мезьеръ; главная квартира Блюхера находилась въ замкѣ, откуда можно было обозрѣвать довольно большое пространство. Отрядъ генералъ-лейтенанта Ланскаго двигался отъ Суленъ черезъ Шомениль на присоединеніе къ арміи (1).

Въ два часа по полудни, кавалерія Лефевръ - Денуэтта и Мильгò, выйдя изъ ажуйскаго лѣса, атаковала близъ Мезьеръ отрядъ князя Щербатова и заставила его податься назадъ по направленію къ Бріеннѣ. Тогда Блюхеръ, имѣя въ виду удержать мѣстечко, съ потерею коего былъ-бы отрѣзанъ отъ него корпусъ Сакена, приказалъ состоявшимъ въ отрядѣ Палена 4-му и 34-му егерскимъ полкамъ стать впереди Бріенны, на дорогѣ изъ Лассикура; самъ-же Паленъ съ своею кавалеріей двинулся на Пертъ въ правый флангъ непріятеля, но будучи атакованъ превосходными въ числѣ войсками Нансути и Мильгò, сталъ отступать къ Бріеннѣ. Въ ожиданіи прибытія сакенова корпуса, приказано было Олсуфьеву оборонять городъ; артиллерія его, отданная Блюхеромъ въ распоряженіе генералъ-маіора Никитина, была выставлена впереди на позицію, такъ, что 15-я батарейная рота примкнула правымъ флангомъ къ мезьерской дорогѣ, а прочія двѣнадцать орудій стали уступомъ лѣвѣе 15-й роты. Около четырехъ часовъ по полудни, большая часть войскъ Сакена, совершивъ фланговое движеніе къ Бріеннѣ, расположилась впереди мѣстечка, и только еще не успѣлъ отойти за Бріенну большой прусскій паркъ, тянувшійся отъ Лемона подъ прикрытіемъ сакенова аррієргарда.

Какъ атаки непріятельской кавалеріи были отражены Паленомъ, а французская пѣхота еще не успѣла выдти изъ лѣса, то Наполеонъ, приказавъ выдвинуть нѣсколько батарей, громилъ русскія войска, и въ особенности тѣ, которыя двигались отъ Лемона. Въ продолженіе этой канонады, графъ Паленъ, открывъ фронтъ батарей расположенныхъ впереди города, перешелъ на правое крыло и соединилъ тамъ на равнинѣ всю кавалерію, именно: свою, сакенова корпуса состоявшую подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Васильчикова 1-го, князя Щербатова, а также прусскій партизанскій отрядъ принца Бирона (*).

Наполеонъ, желая, во чтобы то не стало, выгнать пѣхоту Олсуфьева изъ мѣстечка, зажегъ его нѣсколькими гранатами, но какъ русскія войска оставались непоколебимо на своей позиціи, а день уже склонялся къ вечеру, то непріятель повелъ общую атаку: войска Нея въ двухъ колоннахъ устремились на мѣстечко; дивизія Дюгема (корпуса Виктора) двинулась лѣвѣе нихъ, а особая колонна генерала Шатò, знавшаго въ подробности окрестную мѣстность, была назначена для овладѣнія бріеннскимъ зàмкомъ; тогда-же вся французская кавалерія собралась на правомъ крылѣ общаго расположенія, вѣроятно для угроженія арріергарду Сакена еще неуспѣвщему отойти за мѣстечко. Войска Нея кинулись на 15-ю батарейную роту, овладѣли двумя орудіями и ворвались въ городъ; а двинувшіеся одновременно съ ними въ атаку французскіе драгуны едва-было не захватили въ плѣнъ самаго Сакена; конвой его былъ изрубленъ и генералъ-квартирмейстеръ его корпуса, полковникъ графъ Рошешуаръ убитъ. Но наступленіе Французовъ было остановлено искуснымъ дѣйствіемъ русской артиллеріи. Генералъ Никитинъ, по приказанію Сакена, взявъ изъ резерва двадцать четыре батарейныхъ орудія, поставилъ ихъ параллельно мезьерской дорогѣ и открылъ огонь во флангъ непріятелю, что

(*) Принцъ Биронъ былъ отряженъ отъ корпуса Клейста съ 5-ю эскадронами въ числѣ отъ 600 до 800 человѣкъ, (а именно: два эскадрона 2-го Силезскаго гусарскаго, два эскадрона Силезскаго Національнаго гусарскаго и одинъ егерскій эскадронъ Неймаркскаго драгунскаго полка).

заставило Французовъ отступить съ большимъ урономъ и бросить захваченныя ими орудія. Тогда-же графъ Паленъ, со всею кавалеріей имъ собранною вправо отъ Бріенны, кинулся на пѣхоту Виктора и опрокинулъ ее въ глазахъ Наполеона, который самъ здѣсь подвергался величайшей опасности. Русская кавалерія захватила восемь орудій, но успѣла увезти только пять.

Фельдмаршалъ, желая обозрѣть расположеніе непріятеля до наступленія ночи, отправился на высоту у за̀мка и прибылъ туда незадолго предъ тѣмъ, когда подошла колонна генерала Шато̀. Стрѣлки, двигавшіеся впереди этой колонны, найдя незанятымъ русскою пѣхотою подходъ со стороны Лемона, ворвались въ за̀мокъ, въ верхнемъ этажѣ коего тогда находились Блюхеръ и Гнейзенау. Прусскіе генералы были–бы захвачены, еслибы нѣсколько выстрѣловъ некстати сдѣланныхъ Французами не заставили Блюхера подумать о собственномъ спасеніи. Но положеніе его было весьма затруднительно: считая сраженіе на сей день оконченнымъ, онъ отослалъ своихъ лошадей въ мѣстечко, гдѣ можно было найти лучшія конюшни, нежели въ строеніяхъ за̀мка; Гнейзенау распорядился такимъ–же образомъ. Къ счастью однакоже еще не успѣли отвести лошадей, когда раздались выстрѣлы на дворѣ за̀мка. Блюхеръ и Гнейзенау, поспѣшно вскочивъ на коней, спустились съ горы въ мѣстечко, и получивъ свѣдѣніе отъ одного изъ конвойныхъ казаковъ о вторженіи туда Французовъ, повернули вправо по небольшой улицѣ. Какъ Блюхеръ не торопился уходить и ѣхалъ шагомъ, то Гнейзенау, напомнивъ ему о близости непріятеля, спросилъ его: «Не ужели вы хотите, чтобы васъ съ «торжествомъ ввезли въ Парижъ.» Блюхеръ далъ лошади шпоры и прибылъ къ войскамъ. Генералъ Сакенъ также едва не попался въ руки непріятелю и былъ обязанъ своимъ спасеніемъ только тому, что французскіе драгуны ворвавшіеся въ мѣстечко промчались по улицѣ, не замѣтивъ его, что̀ дало ему возможность выбраться въ поле и прискакать на позицію занятую его войсками. Въ это время прусскій паркъ, двигавшійся отъ Лемона къ Діенвилю, подвергался большой опасности. Блю-

херъ, имѣя въ виду прикрыть его, рѣшился сдѣлать послѣднее усиліе: «Der Kerl soll nicht in meinem Bett schlafen» (не пущу молодца на свою постелю) сказалъ онъ. Генералу Олсуфьеву было приказано овладѣть зàмкомъ, а Сакену послать сильную пѣхотную колонну по главной бріеннской улицѣ для очищенія мѣстечка. Обѣ атаки были поведены уже въ десять часовъ вечера. Сраженіе возобновилось съ чрезвычайнымъ ожесточеніемъ и продолжалось до полуночи. Наконецъ—Французы были выбиты изъ пылавшихъ строеній мѣстечка, (*) но удержались въ зàмкѣ. Блюхеръ, вò-все неимѣвшій намѣренія продолжать бой до послѣдней крайности, прекратилъ атаки и далъ отдыхъ своимъ войскамъ.

Потери каждой изъ сторонъ убитыми и ранеными въ дѣлѣ при Бріеннѣ простирались до 3,000 человѣкъ; въ плѣнъ взято по нѣскольку сотъ человѣкъ; въ числѣ плѣнныхъ находились: тяжело раненый начальникъ блюхерова конвоя капитанъ Гейденъ и комендантъ главной квартиры маіоръ графъ Гарденбергъ (сынъ австрійскаго министра). Со стороны Французовъ убитъ контръ-адмиралъ Бастъ, командовавшій одною изъ бригадъ дивизіи генерала Деку; ранены тяжело Деку и Лефевръ-Денуэттъ, легко—принцъ невшательскій (Бертье) ([2]).

Упорное сопротивленіе русскихъ войскъ, по сознанію самихъ Французовъ, поставило ихъ армію въ затруднительное положеніе. Въ главной квартирѣ Наполеона полагали, что Блюхеръ, получивъ въ ночи подкрѣпленія, возобновитъ бой на слѣдующее утро, и что, въ случаѣ пораженія Французовъ, имъ пришлось-бы отступать по дурнымъ дорогамъ еще болѣе испортившимся отъ наступавшей оттепели ([3]). Но опасенія непріятеля были напрасны.

Блюхеръ, рѣшась прекратить сраженіе, отдалъ незадолго до полуночи слѣдующую диспозицію:

«Послѣ полуночи, корпусъ Олсуфьева выступаетъ по дорогѣ ведущей къ Баръ-сюръ-Объ и располагается на бивакахъ

(*) 28-мъ и 32-мъ егерскими полками, подъ командою подполковника Бланова, поддержанными Псковскимъ пѣхотнымъ полкомъ.

за Арсонвалемъ. Въ два часа, пѣхота корпуса Сакена, очистивъ Бріенну, двигается по той-же дорогѣ до Боссанкура и располагается тамъ на бивакахъ.

«Кавалерія остается впереди Бріенны и прикрываетъ отступленіе пѣхоты, которое должно быть совершено по возможности въ тишинѣ. Если-же непріятель завтра утромъ возобновитъ нападеніе, то кавалерія отступитъ на высоты у Транна, вслѣдъ за пѣхотою.

«Раненыхъ отправить въ Баръ-сюръ-Объ, куда также отвезти захваченныя у непріятеля орудія.

«Главная квартира въ Арсонвалѣ». (¹)

Въ три часа по полуночи, когда русскія войска успѣли нѣсколько отдохнуть и когда уже были отправлены назадъ обозы, фельдмаршалъ съ пѣхотою и артиллеріей двинулся къ Траннѣ и расположилъ тамъ корпусъ Сакена на выгодной позиціи, правымъ флангомъ къ селенію Экланcъ, а лѣвымъ къ рѣкѣ Объ; корпусъ Олсуфьева сталъ въ резервѣ за Арсонвалемъ, гдѣ находилась главная квартира Блюхера. Кавалерія выступила отъ Бріенны въ 11 часовъ утра, тогда уже, когда непріятель, занявъ мѣстечко сильно пѣхотою, выслалъ впередъ кавалерію и открылъ канонаду. По отступленіи къ Траннѣ, кавалерія расположилась впереди пѣхоты, у подошвы высотъ занятыхъ корпусомъ Сакена: на лѣвомъ крылѣ Паленъ, на правомъ—Васильчикомъ, еще правѣе—казаки и партизаны. Французская кавалерія приблизилась къ русской, завязалась сильная канонада, но въ сумерки непріятель отошелъ къ Ля-Ротьеру (⁵). Наполеонъ, перенеся свою главную квартиру въ бріеннскій замокъ, занялъ селенія Діенвиль, Ля-Ротьеръ и Шомениль, а прочія войска поставилъ у Бріенны. Въ такомъ расположеніи оставался онъ болѣе двухъ сутокъ, пока былъ атакованъ войсками Блюхера, усиленными частью Главной Союзной арміи. Военные писатели старались объяснить бездѣйствіе столь дѣятельнаго полководца невѣдѣніемъ о направленіи принятомъ Союзными войсками. Говорятъ, будтобы онъ полагалъ, что Главная армія двигалась къ Оксерру, и хотѣлъ обрушиться на Блюхера, но, по всей вѣроятности, единственною причиною

нерѣшимости Наполеона была малочисленность его арміи сравнительно съ огромными силами, которыя состояли въ распоряженіи Союзниковъ. Расположеніе между путями ведущими къ Парижу по долинамъ Сены и Марны давало Наполеону возможность предупредить непріятеля, куда-бы онъ ни направился, и по тому онъ считалъ достаточнымъ, занявъ главными силами центральную позицію на Обѣ, поддерживать ими попеременно отряды расположенные у Труа и Шалона. Какъ послѣ дѣла подъ Бріенною можно было преимущественно ожидать наступленіе Союзниковъ къ Труа, то Наполеонъ предполагалъ собрать тамъ наиболѣе войскъ, и съ этою цѣлью предписалъ: маршалу Мортье съ Старою гвардіей оставаться въ Труа; генералу Гамелинѐ (Hamelinaye), формировавшему 2-ую резервную дивизію въ Труа, усилить ее до восьми тысячъ человѣкъ, а генералу Жерару, съ 1-ою резервною дивизіей, расположиться у Пиней, на дорогѣ изъ Бріенны въ Труа: вообще-же подъ начальствомъ Мортьѐ предполагалось собрать отъ 28-ми до 30-ти тысячъ человѣкъ, кромѣ 15-ти тысячъ человѣкъ превосходнаго войска, ожидаемыхъ изъ Испаніи. Присоединивъ къ этимъ сорока тысячамъ человѣкъ сорокъ тысячъ собранныхъ у Бріенны и Сенъ-Дизьѐ, Наполеонъ могъ сосредоточить до восьмидесяти тысячъ человѣкъ противъ Главной союзной арміи; оборона-же теченія Сены и Іоны (Ionne), по прежнему, была поручена генералу Пажолю съ частью резервовъ. Тогда-же было послано маршалу Макдональду вторичное предписаніе —идти съ ввѣренными ему войсками къ Шалону; Наполеонъ, присоединясь къ нему съ своими главными силами, могъ сосредоточить противъ Блюхера до 50-ти тысячъ человѣкъ; а для обороны теченія Марны, герцогъ Вальми (Келерманнъ) долженъ былъ собрать національную гвардію въ Мо, Ла-Фертѐ-су-Жуàръ и Шато-Тіери, заградить баррикадами мосты и приготовить для арміи съѣстные запасы. Наполеонъ, предполагая весьма основательно, что, при оборонѣ страны отъ Союзниковъ наступавшихъ съ различныхъ сторонъ, ему придется не разъ двигаться между Обою и Марною, предписалъ оградить Сезаннъ палисадами и устроить

тамъ значительные магазины и склады военныхъ запасовъ. Наконецъ, приказано, на всякій случай, возобновить разрушенный мостъ у Лемона ([6]). Но всѣ эти основательныя распоряженія могли быть успѣшны только лишь въ такомъ случаѣ, еслибы Союзники дѣйствовали, по прежнему, медленно и несвязно.

По отступленіи къ Траннъ, Блюхеръ предполагалъ отойти еще далѣе на Баръ-сюръ-Объ, чтобы соединиться съ войсками Главной арміи, но Наслѣдный принцъ виртембергскій, обозрѣвъ позицію у Траннъ еще 17-го (29-го) генваря, изложилъ фельдмаршалу ея выгоды и вызвался занять высоты у Мезонъ своимъ корпусомъ тогда стоявшимъ у Баръ-сюръ-Объ, чтобы обезпечить корпусъ Сакена отъ обхода съ праваго фланга. Блюхеръ, и безъ того уже неохотно рѣшавшійся на дальнѣйшее отступленіе, былъ легко убѣжденъ доводами Наслѣднаго принца. Положено было оставаться у Траннъ ([7]). Прочія Союзныя войска, 18-го (30-го), занимали слѣдующее расположеніе: корпусъ Кронъ-принца виртембергскаго между Арсонвалемъ и Мезонъ; корпусъ Гіулая между Баръ-сюръ-Объ и Вандёвръ; корпусы Вреде и Витгенштейна въ окрестностяхъ Жуанвиля; корпусъ Коллоредо подходилъ къ Шатовиленъ; россійско-прусскіе резервы находились частью между Баръ-сюръ-Объ и Шомономъ, частью за Шомономъ; корпусъ Іорка занялъ Сенъ-Дизьè ([8]).

Въ главной квартирѣ Шварценберга, стоявшей въ Шомонѣ, весьма безпокоились о Блюхерѣ, несмотря на то, что онъ, еще находясь при Бріеннѣ, въ три часа по полудни, посламъ одного изъ своихъ адъютантовъ въ Шомонъ, съ извѣстіемъ, что «онъ надѣется удержаться въ своей позиціи и что, по всей вѣроятности, непріятель отступитъ въ ночи съ поля сраженія.» Полагали, что «опрометчивый рубака» (Haudegen) Блюхеръ подвергъ ввѣренныя ему войска совершенному истребленію и толковали, какъ-бы его выручить изъ бѣды, если это было возможно, изъявляя готовность содѣйствовать ему, хотя-бы пришлось купить его спасеніе дорогою цѣною ([9]). Напротивъ того, Шварценбергъ, коснѣя въ убѣжденіи, что наступленіе Фран-

*

цузовъ къ Бріеннѣ было лишь демонстраціей и что главныя наполеоновы силы двигались къ Жуанвилю, оставилъ тамъ корпусы Вреде и графа Витгенштейна; прочія войска Главной арміи также были обречены бездѣйствію, въ ожиданіи болѣе точныхъ свѣдѣній о непріятелѣ. Несмотря на прибытіе Императора Александра и Короля Прусскаго въ Шомонъ, въ ночи съ 17-го (29-го) на 18-е (30-е) генваря, на Военномъ Совѣтѣ, собранномъ въ ихъ присутствіи, было рѣшено сосредоточить на слѣдующій день у Баръ-сюръ-Объ только корпусы Гіулая и Кронъ-принца виртембергскаго: слѣдовательно изъ всѣхъ войскъ обѣихъ Союзныхъ армій могли принять участіе въ дѣйствіяхъ противъ Наполеона неболѣе 50,000 человѣкъ. Но на слѣдующій день, 19-го (31-го), положеніе дѣлъ измѣнилось. Союзныя арміи сблизились между собою: корпусъ принца виртембергскаго расположился у Мезонъ, на правомъ крылѣ общаго расположенія; корпусъ Гіулая, достигнувъ селенія Арсонваль, получилъ приказаніе стать на лѣвомъ крылѣ; россійско-прусскіе резервы вмѣстѣ съ главною квартирою Барклая де-Толли находились между Баръ-сюръ-Объ и Коломбей (Colombey-les-deux-églises); Вреде выступилъ отъ Жуанвиля, чтобы вмѣстѣ съ графомъ Виттенштейномъ атаковать Французовъ у Васси; когда-же Витгенштейнъ, занявъ безъ сопротивленія это мѣстечко, извѣстилъ графа Вреде объ отступленіи непріятеля по дорогѣ къ Витри, тогда Вреде, знавшій, что главныя силы Наполеона были собраны у Бріенны, рѣшился, вопреки данному изъ главной квартиры предписанію, повернуть на Суленъ, чтобы принять участіе въ предстоявшемъ сраженіи. Съ этою цѣлью, онъ перешелъ къ Дулевант и выдвинулъ свой авангардъ къ селенію Суленъ (Soulaines), сильно занятому французскими войсками. Графъ Витгенштейнъ, получивъ, по занятіи Васси, отъ князя Шварценберга вторичное предписаніе—содѣйствовать корпусу Іорка въ занятіи Сенъ-Дизьѐ и Витри, выступилъ по указанному направленію, а казачій отрядъ Иловайскаго 12-го—выслалъ на Монтіерандеръ, для связи съ главными силами арміи. Отрядъ генералъ лейтенанта графа Палена, получивъ предписаніе присоединиться къ корпусу, двинулся отъ

Траннъ на Экланс къ Суленъ, и встрѣтясь тамъ съ непріятелемъ сильно занимавшимъ это мѣстечко, расположился противъ него на бивакахъ. Казачій отрядъ князя Щербатова, поступившій подъ начальство генералъ-маіора Сеславина, а равно отрядъ графа Платова, находившійся въ окрестностяхъ Санъ (Sens), были назначены для партизанскихъ дѣйствій ([10]).

Положено было на слѣдующій день, именно 20-го генваря (1-го февраля), атаковать Наполеона въ занимаемой имъ позиціи, у Ля-Ротьера. Главное начальство надъ всѣми войсками собранными для нападенія было предоставлено Блюхеру. Австрійскіе писатели славятъ великодушіе Шварценберга, уступившаго своему сопернику честь побѣдить Наполеона, но, по всей вѣроятности, Блюхеръ былъ обязанъ тѣмъ не Шварценбергу, а Союзнымъ Монархамъ, желавшимъ, чтобы командовалъ арміей полководецъ уже успѣвшій ознакомиться съ мѣстностью поля сраженія. Да едвали и самъ Шварценбергъ гонялся за опасною честью сразиться съ Наполеономъ.

Для нападенія на непріятельскую позицію, были подчинены Блюхеру, кромѣ войскъ Сакена и Олсуфьева, еще корпусы Гіулая и Кронъ-принца виртембергскаго, всего-же до 50,000 человѣкъ, а для поддержанія ихъ приказано гренадерскому корпусу съ 2-ою и 3-ею кирасирскими дивизіями занять позицію у Траннъ, какъ только войска Сакена и Олсуфьева двинутся противъ непріятеля. Остальные резервы Барклая де-Толли, именно: двѣ русскія гвардейскія, 1-я кирасирская и легкая гвардейская кавалерійская дивизіи и прусская гвардія, должны были стать впереди Баръ-сюръ-Объ и служить резервомъ для Блюхера, при движеніи его къ Бріеннѣ, либо для Вреде и графа Витгенштейна направленныхъ въ обходъ непріятельской позиціи. Кромѣ того, корпусъ графа Коллоредо получилъ приказаніе занять Вандёвръ ([11]).

Отъ высотъ у Траннъ до селенія Ронѐ (Ronay) простирается равнина, ограниченная съ сѣвера рѣкою Вуарою, текущею по низменной, въ зимнее время топкой мѣстности, съ востока болотистымъ ажуйскимъ ольховникомъ, морвиллѐрскимъ платò (plateau de Morvillers) и больёскимъ лѣсомъ (forêt de

Beaulieu), а съ запада теченіемъ рѣки Объ и бріеннскимъ паркомъ (*). Важнѣйшія переправы черезъ Объ на этомъ пространствѣ находились въ Лемонѣ, Радонвильѐ и Діенвилѣ.

Въ то время, когда Союзники готовились атаковать Наполеона, войска его были расположены слѣдующимъ образомъ: генералъ Жераръ съ 7,500 человѣкъ стоялъ на правомъ флангѣ у Діенвиля; Викторъ, съ дивизіями Дюгѐма и Шатò, въ числѣ до 6,000 человѣкъ, занималъ центръ позиціи, у Ля-Ротьеръ, и лѣвое крыло ея, у Ля-Жибери; Мармонъ, съ дивизіей Лагрàнжа, всего до 5,000 человѣкъ, стоявшею подъ прямымъ угломъ съ прочими войсками, находился у селеній Шомениль и Морвильѐ; во второй линіи за войсками Виктора и Мармона построилась кавалерія, въ числѣ около 8,000 человѣкъ; резервъ, расположенный впереди Бріенны (Brienne-la-Vieille), состоялъ изъ 10,000 человѣкъ гвардейской пѣхоты подъ начальствомъ Нея. Кромѣ того до 800 человѣкъ кавалеріи (gardes d'honneur) были отряжены къ Лемону для охраненія строившагося тамъ моста. Вообще-же, по свидѣтельству французскихъ писателей, у Наполеона было до 40,000 человѣкъ (28,000 пѣхоты, 9,000 кавалеріи, 3,800 артиллеріи) ([12]), но, по всей вѣроятности, число французскихъ войскъ, вмѣстѣ съ прибывшими къ нимъ подкрѣпленіями, превышало 50,000 человѣкъ.

Со стороны Союзниковъ, несмотря на безполезное отряженіе значительной части войскъ Шварценберга для обезпеченія главныхъ силъ отъ обходовъ, (корпуса графа Витгенштейна, долженствовавшаго, вмѣстѣ съ корпусомъ Іорка, двигаться на Витри, и корпуса графа Коллоредо направленнаго на Вандѐвръ), было собрано противъ Наполеона, вмѣстѣ съ корпусомъ Вреде двигавшимся на Суленъ, до 107,000 человѣкъ ([13]), именно:

Корпусы Сакена и Олсуфьева	22,000 чел.
Корпусъ Гіулая	12,000 —
Корпусъ Наслѣднаго принца виртембергскаго.	14,000 —
Корпусъ Вреде	25,000 —
Россійско-прусскіе резервы.	34,000 —

(*) *Планъ сраженія при Ла-Ротіерѣ, 20 генваря (1 февраля) 1814 года.*

Такое значительное превосходство въ силахъ непобудило однако-же князя Шварценберга къ неотлагательному наступленію. Въ продолженіе всего утра 19-го (31-го) онъ оставался въ Шомонѣ, а потомъ, отправясь по дорогѣ ведущей въ Баръ-сюръ-Объ, остановился въ Коломбей. Союзные-же Монархи выѣхали изъ Шомона 29-го генваря (1-го февраля н. ст.) на разсвѣтѣ и вмѣстѣ съ Шварценбергомъ прибыли въ полдень на позицію у Траннъ. Въ тоже время, войска, назначенныя для нападенія на непріятеля, двинулись нѣсколькими колоннами, которыя, постепенно развертываясь, построились къ бою въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) *На лѣвомъ крылѣ*, войска австрійскаго корпуса графа Гіулая, стоявшія близъ Обы, насупротивъ селенія Іессейнъ (Iessein), направились къ Діенвиль.

2) *въ центрѣ*, войска Сакена наступали двумя колоннами: 11-й корпусъ генералъ-лейтенанта графа Ливена 3-го по большой дорогѣ на Ля-Ротьеръ, а 6-й корпусъ генералъ-лейтенанта князя Щербатова правѣе, на одной высотѣ съ войсками графа Ливена; въ резервѣ за ними слѣдовали войска 9-го пѣхотнаго корпуса генералъ-лейтенанта Олсуфьева и кавалерія генералъ-адъютанта Васильчикова 1-го.

Для связи между войсками центра и праваго крыла служили казачій отрядъ генералъ-маіора Карпова 2-го и прусскій легкій отрядъ принца Бирона Курляндскаго.

3) *правая колонна*, изъ корпуса Наслѣднаго принца виртембергскаго, наступала отъ Эклансъ чрезъ лѣсъ на Жибери.

4) Генералъ отъ кавалеріи графъ Вреде съ своимъ корпусомъ двигался *въ особой колоннѣ* на Шомениль и Морвильè.

5) Гренадерскій корпусъ, съ 2-ою и 3-ею кирасирскими дивизіями, подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи Раевскаго, составлялъ общій резервъ находившійся за центромъ.

6) Остальные резервы (россійско-прусская гвардія и резервная артиллерія, подъ начальствомъ Великаго Князя Константина Павловича и генерала отъ инфантеріи Милорадовича) стояли у Арсонваля, въ 10-ти верстахъ отъ Ля-Ротьера и въ 16-ти отъ Бріенны.

7) Корпусъ фельдцейхмейстера графа Коллоредо, прибывъ въ два часа по полудни къ Вандёвръ, получилъ приказаніе двинуться на-перерѣзъ дороги ведущей отъ Діенвиля чрезъ Пиней къ Труа̀ (14).

Число всѣхъ этихъ Союзныхъ войскъ простиралось до 130,000 человѣкъ, а за исключеніемъ россійско-прусской гвардіи и корпуса Коллоредо, неучаствовавшихъ въ нападеніи на непріятельскую позицію, до 90,000 человѣкъ (15), изъ коихъ было:

Русскихъ	40,000	чел.
Австрійцевъ	20,000	—
Пруссаковъ	1,000	—
Виртембергцевъ	12,000	—
Баварцевъ	17,000	—

Чтобы доставить Союзнымъ войскамъ шести различныхъ Державъ (*) возможность распознавать своихъ отъ непріятелей, приказано было всѣмъ, отъ генерала до солдата, имѣть на лѣвомъ рукавѣ бѣлую повязку, что̀ впослѣдствіи было принято Французами за манифестацію въ пользу Бурбоновъ.

Въ часъ по полудни, Союзная кавалерія, прикрывавшая наступленіе пѣхотныхъ колоннъ, отошла во вторую линію; тогда-же всѣ войска, назначенныя для атаки непріятельской позиціи, развернулись въ боевой порядокъ.

Корпусъ Гіулая, въ баталіонныхъ колоннахъ, на пространствѣ между большою дорогою, ведущею отъ Баръ-сюръ-Объ къ Ля-Ротьеръ, и рѣкою Обою, двинулся къ Діенвилю. Приближаясь къ Уніенвилю, Гіулай предпринялъ овладѣть тамошнимъ мостомъ: съ этою цѣлью, генералъ-маіоръ Пфлюгеръ, съ полками эрцгерцога Людовика и Вюрцбургскимъ, двумя эскадронами легкоконнаго полка Кленау и четырьмя орудіями, атаковалъ непріятеля, перешелъ черезъ мостъ, занялъ селеніе, и двинувшись далѣе по лѣвой сторонѣ Обы, опрокинулъ Французовъ къ Діенвилю. Но овладѣніе этимъ пунктомъ представляло

(*) Въ составѣ Союзныхъ армій, кромѣ исчисленныхъ войскъ, находился баталіонъ баденской гвардіи.

чрезвычайныя затрудненія. Войска генерала Рикара (Ricard), назначенныя для обороны Діенвиля, были расположены такъ, что два баталіона и три эскадрона стояли на гребнѣ высотъ лѣваго берега Обы, два баталіона близъ праваго берега у церкви, а остальные въ резервѣ позади селенія, образуя съ прочею пѣхотою праваго крыла исходящій уголъ. Всѣ ближайшія къ берегу строенія были заняты стрѣлками, которые огнемъ своимъ обороняли переправу черезъ мостъ загроможденный повозками, бочками и бревнами. Одновременно съ атаками по лѣвому берегу двинулась дивизія принца Гогенлоэ-Бартенштейна, противъ Діенвиля по правой сторонѣ Обы. Двадцать четыре батарейныхъ орудія открыли сильную канонаду по селенію и войскамъ расположеннымъ между Діенвилемъ и Ля-Ротьеромъ. За тѣмъ пошли въ штыки полки Маріасси и Игнатія Гіулая, поддержанные прочими войсками дивизіи, но всѣ многократныя усилія Австрійцевъ овладѣть Діенвилемъ долго неимѣли успѣха. Французы нетолько удерживались въ селеніи, но выслали изъ резерва на лѣвую сторону рѣки значительную массу пѣхоты съ нѣсколькими орудіями, что̀ заставило Гіулая отрядить въ помощь Пфлюгеру фельдмаршалъ-лейтенанта графа Френеля, съ остальными полками дивизіи Маріасси, частью кавалеріи и шестью орудіями. Непріятель былъ окончательно отброшенъ къ Діенвилю, но удержался въ этомъ селеніи до 11-ти часовъ ночи ([16]).

Въ самомъ началѣ сраженія, Императоръ Александръ, прибывъ на высоту у Траннъ, приказалъ Блюхеру послать русскую кавалерію въ атаку на непріятельскія батареи. Генералъ Васильчиковъ 1-й съ дивизіей Ланскаго помчался впередъ, но не будучи въ состояніи перейти черезъ весьма топкую мѣстность, былъ принужденъ замедлить движеніе подъ сильнымъ огнемъ французскихъ орудій, и будучи атакованъ кавалеріей Пирѐ, Кольбѐра и Гюйо̀, отступилъ. Замѣтивъ неудачу кавалеріи, Государь приказалъ Сакену выслать всю артиллерію его корпуса противъ непріятельской позиціи; но начальникъ артиллеріи генералъ-маіоръ Никитинъ доложилъ корпусному командиру, что передвиженіе орудій, по вязкости грунта, было

весьма трудно и что не оставалось ничего болѣе какъ идти на позицію съ половиною артиллеріи, взявъ подъ нее нужное число лошадей отъ прочихъ орудій. Фельдмаршалъ, по личном докладѣ ему о томъ генерала Никитина, одобрилъ его предложеніе—оставить 36 орудій на траннскихъ высотахъ, а съ прочими 36-ю выѣхать на позицію. Подъ батарейныя орудія впрягли по 10-ти лошадей, подъ легкія—по 6-ти, подъ ящики—по 5-ти; прислуга была также усилена, отъ оставленной назади артиллеріи, частью людей, которые съ шанцовымъ инструментомъ отправились впередъ для проложенія переѣздовъ черезъ канавы и топкія мѣста. За тѣмъ, Никитинъ, посадивъ прислугу на орудія, быстро помчался впередъ, приблизился къ непріятелю на разстояніе хорошаго пушечнаго выстрѣла, развернулъ свои батареи по обѣ стороны большой ля-ротьерской дороги и открылъ огонь. Непріятель, замѣтивъ, что русская артиллерія, опередивъ прочія войска, оставалась безъ прикрытія, хотѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Генералъ Нансути съ гвардейскою кавалеріей направился противъ батарей Никитина, но будучи принужденъ двигаться по весьма вязкой мѣстности и понеся большой уронъ отъ дѣйствія русской артиллеріи, обратился назадъ въ совершенномъ разстройствѣ ([17]). Въ тоже время, на встрѣчу непріятелю пошелъ густой снѣгъ при довольно сильномъ вѣтрѣ, не позволявшій Французамъ ничего видѣть на самомъ близкомъ разстояніи. Русская пѣхота, пользуясь этими обстоятельствами, двинулась впередъ, съ барабаннымъ боемъ и музыкою, а Днѣпровскій полкъ съ пѣснями. Графъ Ливенъ, съ своимъ корпусомъ, поддержаннымъ Ахтырскими, Маріупольскими и Александрійскими гусарами, подъ начальствомъ генералъ-маіора Васильчикова 2-го, атаковалъ Ля-Ротьеръ; князь Щербатовъ устремился правѣе его, а войска Олсуфьева съ остальными двумя полками 2-й гусарской дивизіи сначала слѣдовали въ резервѣ, а потомъ двинулись правѣе Щербатова; еще правѣе наступали 3-я драгунская дивизія генералъ-маіора Панчулидзева и прусскій отрядъ принца Бирона. Непріятель сопротивлялся упорно, однакоже войска Сакена успѣли овладѣть частью селенія до церкви. Наполеонъ,

замѣтивъ отступленіе викторовыхъ войскъ, послалъ къ нимъ въ помощь маршала Удино съ дивизіей Молодой гвардіи генерала Ротенбурга, а самъ повелъ дивизію Мёнье въ подкрѣпленіе лѣвому крылу. Съ своей стороны, Блюхеръ, вмѣстѣ съ начальникомъ своего штаба, генераломъ Гнейзенау, кинулся туда, гдѣ кипѣлъ самый отчаянный бой—къ Ля-Ротьеру. «Vorwärts, Kinder!» (впередъ, ребята!) взываетъ герой къ русскимъ войскамъ; тогда-же, по распоряженію Барклая де-Толли, 2-я гренадерская дивизія стремится бѣгомъ въ помощь войскамъ сражающимся у Ля-Ротьера ([18]).

Первоначальный важный успѣхъ въ сраженіи при Ля-Ротьерѣ суждено было одержать русской кавалеріи. Генералъ Васильчиковъ 1-й, послѣ первой неудавшейся атаки, отойдя съ своими гусарами назадъ, возобновилъ въ половинѣ четвертаго нападеніе съ обѣими своими дивизіями, опрокинулъ кавалерію Пирè, Кольбера и Гюйò, несмотря на движеніе ему во фланги—съ одной стороны дивизій Лефевръ-Денуэтта и Паца, а съ другой драгуновъ Бриша, прорвалъ непріятельскія линіи и вмѣстѣ съ княземъ Щербатовымъ овладѣлъ двадцати-четырехъпушечною батареей, заставя прикрывавшія ее войска отступить къ Старой-Бріеннѣ (Brienne-la-Vieille). При этой атакѣ въ особенности отличились Маріупольскій гусарскій и Курляндскій драгунскій полки.

По взятіи большой батареи, князь Щербатовъ послалъ 18-ю дивизію въ помощь корпусу Ливена продолжавшему штурмовать Ля-Ротьеръ. Генералъ Сакенъ, поддержанный этими войсками, съ содѣйствіемъ корпуса Олсуфьева, 2-й гренадерской дивизіи и австрійской бригады Гриммера, отряженной Гіулаемъ уже въ семь часовъ вечера къ Ля-Ротьеру, овладѣлъ этимъ селеніемъ, отбилъ три орудія и взялъ въ плѣнъ большую часть дивизіи Дюгèма.

Какъ въ это время на правомъ крылѣ Союзниковъ графъ Вреде одержалъ столь-же рѣшительные успѣхи, то Наполеонъ, уже ненадѣясь удержаться на занятой имъ позиціи, обратилъ вниманіе исключительно на прикрытіе отступленія своихъ войскъ. Съ этою цѣлью, онъ приказалъ кавалеріи генерала Мильгò

замедлять по возможности наступленіе праваго крыла Союзниковъ, выслалъ Нансути съ гвардейскою кавалеріей по направленію отъ Старой-Бріенны къ Ля-Ротьеру и поручилъ маршалу Удинò съ гвардейскою дивизіей Ротенбурга снова овладѣть этимъ селеніемъ.

Войска Ротенбурга подошли къ Ля-Ротьеру уже ночью, въ тотъ самый моментъ, когда генералъ Кольбѐръ удачною атакою опрокинулъ и вогналъ въ это селеніе ближайшую къ нему русскую колонну. Маршалъ Удинò, пользуясь этимъ успѣхомъ, приказалъ Ротенбургу овладѣть Ля-Ротьеромъ. Французы, встрѣченные градомъ пулей, несмотря однакоже на то, ворвались въ селеніе и дошли до церкви, но будучи атакованы Астраханскимъ и Малороссійскимъ гренадерскими полками, въ резервѣ коихъ слѣдовали остальные полки 2-й гренадерской дивизіи, полки Олсуфьева и австрійская бригада Гриммера, были принуждены отступить ([19]).

На правомъ крылѣ блюхеровыхъ войскъ, Наслѣдный принцъ виртембергскій двинулся чрезъ экланскій (больёскій) лѣсъ, занятый нѣсколькими французскими баталіонами. Генералъ-маіоръ Штокмайеръ, съ баталіонами егерскимъ № 9-го и легкимъ № 10-го, выбилъ непріятеля изъ лѣса и оттѣснилъ его къ высотамъ у селенія Жибери, гдѣ расположены были Французы въ значительныхъ силахъ. Плохія дороги, по которымъ шли войска принца, непозволили ему провезти значительное число орудій въ слѣдъ за передовыми войсками; тѣмъ неменѣе однакоже онъ, желая воспользоваться первоначальнымъ успѣхомъ, приказалъ Штокмайеру немедленно атаковать Жибери четырьмя баталіонами своей бригады, съ содѣйствіемъ пѣхотнаго полка герцога Вильгельма и четырехъ эскадроновъ полка герцога Людовика. Не смотря на выгодное положеніе селенія и высотъ занятыхъ сильными французскими батареями, войска Штокмайера, въ третьемъ часу по полудни, взяли съ боя Жибери. Маршалъ Викторъ, чувствуя вполнѣ важность этого пункта, (овладѣвъ коимъ, Союзники обезпечивали связь между войсками центра и праваго крыла), бросился впередъ съ одною изъ своихъ бригадъ, поддержанною нѣсколькими батареями,

которымъ принцъ могъ отвѣчать огнемъ одной лишь конной батареи. Невзирая на то, храбрые Виртембергцы удерживались въ селеніи, при чемъ въ особенности отличились 2-й и 7-й пѣхотные полки подъ начальствомъ генерала Деринга. Принцъ виртембергскій, не надѣясь однакоже превозмочь непріятеля, поручилъ генералу Толю испросить у Блюхера подкрѣпленіе. По мнѣнію Толя, занятіе высотъ у Жибери, составлявшихъ ключъ непріятельской позиціи, должно было оказать первостепенное вліяніе на успѣхъ боя. Но Блюхеръ и Гнейзенау, напротивъ того, полагали, что, овладѣвъ Ля-Ротьеромъ и прорвавъ въ центрѣ растянутую линію противника, можно было скорѣе и вѣрнѣе рѣшить участь сраженія. И дѣйствительно—еслибы, по взятіи этого селенія, были немедленно устремлены резервы по направленію къ Бріеннѣ, то значительная часть французской арміи могла быть отрѣзана ([20]). Но этого несдѣлали, а, между тѣмъ, войска принца Виртембергскаго подвергались большой опасности. Генералъ Толь, получивъ отказъ въ просимыхъ имъ подкрѣпленіяхъ, отправился къ Императору Александру, и вслѣдъ за тѣмъ, по личному распоряженію Государя, въ пять часовъ по полудни, была послана въ помощь Блюхеру 1-я гренадерская дивизія, съ тѣмъ, чтобы одна бригада двинулась вправо для содѣйствія принцу виртембергскому. Прибытіе русскихъ гренадеръ способствовало принцу не только удержаться въ Жибери, но и овладѣть съ боя Пти-Мениломъ. Какъ тогда-же войска Вреде двинулись къ Шомснилю, а Сакенъ опрокинулъ непріятеля за Ля-Ротьеръ, то принцъ, обезпеченный съ обоихъ фланговъ, немедленно выслалъ свою кевалерію по направленію между Пти-Мениломъ и Ля-Ротьеромъ и правѣе Пти-Мениль. Полки драгунскій Наслѣднаго принца и конно-егерскій принца Адама, ударивъ въ лѣвый флангъ опрокинутаго непріятеля, отбили 11 орудій и вмѣстѣ съ войсками Сакена преслѣдовали Французовъ къ Бріеннѣ ([21]).

Графъ Вреде, какъ выше сказано, на основаніи общей диспозиціи отданной княземъ Шварценбергомъ, долженъ былъ двинуться на Монтіерандеръ; но дѣятельный баварскій полко-

водецъ, желая принять участіе въ бою противъ французскихъ войскъ находившихся въ окрестностяхъ Бріенны, направился по утру 20-го генваря (1-го февраля) отъ Дулеванъ на Суленъ и послалъ донесеніе о томъ князю Шварценбергу. Приблизясь къ выходу изъ лѣса, по которому пролегала дорога на протяженіи около 6-ти верстъ, графъ Вреде узналъ, что отрядъ графа Палена, ночевавшій близъ Суленъ, выступилъ на соединеніе съ корпусомъ Витеншттейна, направленнымъ отъ Васси къ Сенъ-Дизьѐ, и что непріятель занималъ сильно селенія Суленъ и Морвильѐ. Генералъ Фримонъ, двигавшійся съ австрійскою дивизіей Гардегга въ авангардѣ колонны, достигнувъ выхода изъ лѣса, съ уланскимъ полкомъ Шварценберга и 3-мъ егерскимъ баталіономъ, выслалъ уланъ для развѣданія о непріятелѣ. Командовавшій ими, полковникъ Менгенъ застигъ одну изъ французскихъ батарей, двигавшуюся отъ Морвильѐ къ Шоменилю по весьма вязкой глинистой мѣстности, разогналъ прикрывавшую ее кавалерію и отбилъ четыре орудія. Между тѣмъ маршалъ Мармонъ, получивъ еще въ 8 часовъ утра повелѣніе Наполеона —перейти со ввѣренными ему войсками отъ Морвильѐ къ Шоменилю, неуспѣлъ совершить этого фланговаго движенія и перевелъ туда только часть своего корпуса, а прочими силами занявъ Морвильѐ и платò позади сего селенія, открылъ канонаду изъ сорока орудій противъ войскъ выходившихъ изъ лѣса. Несмотря однакоже на сильный огонь французскихъ батарей и на многократныя атаки кавалеріи Думерка, Союзники быстро построились къ бою. Обозрѣвъ непріятельскую позицію, графъ Вреде сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: нѣсколько баталіоновъ австрійской дивизіи Гардегга, баварская бригада Габерманна (Habermann) и кавалерія Дица (Dietz) были назначены для нападенія на Морвильѐ; австрійская дивизія Сплени и баварская бригада Деруà должны были устремиться правѣе Шомениль и обойти непріятеля занимающаго это селеніе, баварская дивизія Рехберга—атаковать его съ фронта, а прочія войска—двигаться въ резервѣ.

Въ самомъ началѣ боя, четыре баталіона дивизіи Рехберга атаковали бригаду Жобера (Jobert) у мызы Бовуаръ и опро-

кинули непріятеля къ Шоменилъ. Вслѣдъ за тѣмъ 1-й баталіонъ Шеклеровъ и 1-й 7-го баварскаго полка ударили въ штыки на Французовъ занимавшихъ Шомениль и въ четыре часа по полудни выбили ихъ изъ селенія, при чемъ былъ смертельно раненъ командиръ 7-го полка, полковникъ Родтъ. Наполеонъ, зная важность этого пункта, поспѣшилъ, съ одною изъ дивизій Молодой гвардіи, генерала Мёнье, въ помощь Жоберу. Но уже ничто не могло удержать Союзниковъ. Мармонъ, отчаясь въ успѣхѣ, воспользовался густою мятелью и отправилъ въ Бріенну часть своей артиллеріи и собственный обозъ, въ которомъ находился его маршальскій жезлъ ([22]). Непріятель, преслѣдуемый австро-баварскою конницею (именно: 3-мъ и 4-мъ баварскими конно-егерскими и гусарскимъ эрцгерцога Іосифа полками), потерялъ множество людей и три орудія.

По взятіи Союзниками Шомениля, положеніе Мармона у Морвильè сдѣлалось весьма опасно; войска его, очистивъ селеніе, отошли къ ажуйскому лѣсу. Наполеонъ, опасаясь, чтобы Союзники не обошли его позицію съ лѣваго фланга, направилъ къ Морвильè часть дивизіи Мёньè съ восемью орудіями. Но генералъ Фримонъ, по занятіи селенія, немедленно выставилъ двѣ батареи, которыя заставили замолчать французскую артиллерію. Пользуясь тѣмъ, кавалерія Дица и гусарскій эрцгерцога Іосифа полкъ кинулись на непріятеля, отбили семь орудій и взяли кромѣ того другія семь, увязшихъ въ грязи при поспѣшномъ отступленіи Французовъ. Самъ Наполеонъ, стоявшій возлѣ батареи захваченной австрійскими гусарами, едва непопался въ плѣнъ ([23]).

Наполеонъ, получивъ свѣдѣнія о неудачахъ понесенныхъ его войсками на лѣвомъ крылѣ и въ центрѣ позиціи занятой Французами, сдѣлалъ распоряженія къ отступленію. Генералъ Друò получилъ приказаніе обратить въ пепелъ Ля-Ротьеръ, чтобы задержать Союзниковъ. Гвардія, подъ начальствомъ Нея, немедленно отошла по дорогѣ къ Лемону; прочія-же войска отступили эшелонами съ лѣваго фланга. Мармонъ, пройдя черезъ ажуйскій лѣсъ, расположился впереди Бріенны, на соеди-

пенія дорогъ ведущихъ изъ Морвилье и Суленъ. Викторъ отвелъ свои войска за мызу Бёнье (Beugnè); Удино отошелъ къ Бріеннѣ; Жераръ снялся съ позиціи у Діенвиля уже въ двѣнадцатомъ часу ночи и отступилъ внизъ по Обѣ. Кавалерія Мильго прикрывала прочія войска ([24]).

Уронъ Французовъ въ сраженіи при Ля-Ротьерѣ простирался вообще до шести тысячъ человѣкъ и 63-хъ орудій ([25]). Въ числѣ убитыхъ былъ генералъ Маргё (Marguet), въ числѣ смертельно раненыхъ генералъ Форрестье, легко раненъ Лефевръ-Денуэттъ, въ плѣнъ захваченъ генералъ Мерленъ. Потери Союзниковъ вообще были также неменѣе шести тысячъ человѣкъ, въ числѣ коихъ до 4,000 Русскихъ. Убиты: командиръ Глуховскаго кирасирскаго полка маіоръ Кривоносовъ и командиръ 28-й легкой роты подполковникъ Бендерскій; ранены: генералъ-лейтенантъ графъ Ливенъ и генералъ-маіоры: Ставицкій, Кологривовъ, Никитинъ и князь Вадбольскій ([26]).

Императоръ Александръ, узнавъ поздно вечеромъ объ окончательномъ удержаніи русскими войсками Ля-Ротьера, обнялъ радостно привезшаго это извѣстіе блюхерова адъютанта графа Ностица, говоря: «скажите фельдмаршалу, что онъ увѣнчалъ всѣ прежнія свои побѣды». На слѣдующій день, встрѣтясь съ Сакеномъ, Государь сказалъ ему: «вы побѣдили не только внѣшнихъ, но и домашнихъ враговъ своихъ», (намекая тѣмъ на немилость Свою, постигшую Сакена въ 1807-мъ году по наговорамъ Беннигсена). Блюхеръ, Шварценбергъ и Барклай де-Толли, получили лично изъ рукъ Государя золотыя шпаги съ алмазами и лаврами; Сакену, получившему за нѣсколько дней предъ тѣмъ, въ награду за переходъ черезъ Рейнъ, 50,000 рублей, пожалованъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго; Наслѣдному принцу виртембергскому, графу Вреде, генералу Васильчикову и князю Щербатову — орденъ Св. Георгія 2-й степени, а графу Ливену орденъ Св. Александра Невскаго ([27]).

Не смотря на то, что Союзники не преслѣдовали непріятеля при отступленіи его къ поля боя и невполнѣ воспользовались одержанною побѣдою, сраженіе при Ля-Ротьерѣ имѣло

весьма важныя послѣдствія. Одинъ изъ главныхъ виновниковъ успѣха, Сакенъ, въ заключеніе своего донесенія объ этомъ дѣлѣ, писалъ: «въ сей достопамятный и великолѣпный день, Наполеонъ пересталъ быть опаснымъ врагомъ человѣческаго рода, и Александръ можетъ сказать: Я даю Свѣту миръ». И дѣйствительно — хотя уронъ въ людяхъ былъ одинаковъ съ обѣихъ сторонъ, однакоже менѣе чувствителенъ для Союзниковъ, нежели для Наполеона обладавшаго несравненно меньшими средствами. Къ тому-же потеря Наполеономъ перваго генеральнаго сраженія въ предѣлахъ Франціи должна была оказать сильное моральное вліяніе, какъ на войска понесшія пораженіе, такъ и на жителей страны, недовольныхъ чрезвычайными конскрипціями и налогами.

Положеніе французской арміи, послѣ проиграннаго сраженія, непозволяло Наполеону оставаться у Бріенны, тѣмъ болѣе, что въ тылу его находилась рѣка Объ съ немногими переправами. 21-го генваря (2-го февраля), на разсвѣтѣ, войска его отошли черезъ мостъ у Лемона на лѣвую сторону рѣки, и только лишь 6-й и 1-й кавалерійскій корпусы, подъ общимъ начальствомъ Мармона, сперва оставались близъ селенія Пертъ, а потомъ отступили, по дорогѣ ведущей отъ Бріенны въ Витри, къ Ронѐ (Ronay), за рѣку Вуару. Кавалерія Мильгѐ была оставлена въ арріергардѣ, впереди Бріенны, по обѣ стороны дороги въ Суленъ. Недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ заставилъ Французовъ оставить множество раненыхъ въ дымящихся развалинахъ Бріенны ([28]).

Союзные Монархи, прибывъ рано утромъ на поле сраженія, приняли мѣры для преслѣдованія непріятельской арміи. По занятіи Бріенны, послѣ довольно слабой канонады, въ восемь часовъ утра, войска Наслѣднаго принца виртембергскаго были направлены къ Лемону, а корпусъ графа Вреде къ Ронѐ. Мармонъ сперва оставался у Пертъ (Perthes), чтобы привлечь на себя вниманіе Союзниковъ и облегчить отступленіе главныхъ силъ, а потомъ, медленно отойдя за Вуаръ, приказалъ разломать мосты на этой рѣкѣ и расположилъ войска на высотахъ за селеніемъ Ронѐ. Позиція, имъ занятая, прикрытая

болотами и разливами Вуары, была весьма выгодна. Союзныя войска двинулись противъ непріятеля двумя колоннами: лѣвая, состоявшая изъ дивизій Гардегга и Ламотта и кавалерійской бригады Фирегга, подъ непосредственнымъ начальствомъ графа Вреде, направилась по большой бріеннской дорогѣ къ мосту у Ронѐ, а правая, изъ дивизій Сплени и Рехберга, подъ командою генерала Фримона, правѣе большой дороги. Наступавшій въ головѣ лѣвой колонны, 3-й австрійскій егерскій баталіонъ перешелъ черезъ мостъ, но, будучи атакованъ превосходными силами, возвратился на лѣвую сторону рѣки съ потерею двухъ сотъ человѣкъ; вслѣдъ за тѣмъ, Французы разобрали хотя и несовсѣмъ мосты на рукавахъ Вуары; обойти - же непріятеля вбродъ, по мѣстности вязкой, покрытой тонкимъ слоемъ льда небыло возможности. Въ продолженіе двухъ часовъ, войска Рехберга покушались переправиться черезъ рѣку. Императоръ Александръ и Король Прусскій сопровождали ихъ подъ градомъ пулей. Вреде упрашивалъ Государя удалиться, но убѣдясь, что всѣ его представленія были напрасны, сказалъ «Мнѣ ничего болѣе неостается, какъ самому уѣхать отсюда». Наконецъ, когда уланскому Шварценберга полку удалось обойти непріятеля съ лѣваго фланга и баварская пѣхота возобновила усиленное нападеніе съ фронта, Мармонъ былъ принужденъ сняться съ своей позиціи. Густая мятель, непозволявшая продолжать стрѣльбу, скрыла отступленіе непріятеля къ Доммартенъ (Dommartin). Графъ Вреде получилъ отъ князя Шварценберга предписаніе идти къ Лемону. Вечеромъ Союзные Монархи возвратились въ бріенскій зâмокъ совершенно опустошенный послѣ происходившаго въ немъ побоища ([29]).

Въ тотъ-же день, Ней, съ двумя дивизіями Молодой гвардіи и съ кавалеріей Мильгò, прикрывъ отступленіе прочихъ войскъ черезъ Лемонъ, перешелъ въ слѣдъ за ними на лѣвую сторону Обы, сжегъ мостъ, и открывъ сильную канонаду, непозволилъ преслѣдовавшему его Наслѣдному принцу виртембергскому возобновить переправу. Пользуясь тѣмъ, всѣ французскія войска, за исключеніемъ корпуса Мармона, отступили по дорогѣ ведущей въ Труà, къ селенію Пиней ([30]).

ГЛАВА VII.

Наступленіе Главной Союзной арміи послѣ сраженія при Ля-Ротьерѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Разобщеніе Союзныхъ армій.—Общій планъ дѣйствій Союзниковъ.—Бездѣйствіе Главной арміи.—Сосредоточеніе наполеоновыхъ войскъ у Труà и Арси.—Наступленіе Главной арміи.—Приготовленія Наполеона къ оборонѣ позиціи при Труà.—Состояніе французской арміи.—Обстоятельства замедлившія наступленіе Союзниковъ. — Намѣреніе князя Шварценберга — обойти непріятеля съ праваго фланга.

Планъ дѣйствій Наполеона. Отступленіе французскихъ войскъ къ Ножану.—Диспозиція князя Шварценберга къ нападенію на непріятеля у Труà.—Распоряженія Императора Александра въ Труà.—Мѣры принятыя Шварценбергомъ. Причины его бездѣйствія. Расположеніе главныхъ силъ большой Союзной арміи на кантониръ квартирахъ и наступленіе передовыхъ корпусовъ и отрядовъ.

Положеніе Наполеона по прибытіи его въ Ножанъ и мѣры имъ принятыя. Отряженіе Виктора и Удино съ частью арміи на Сенѣ.

Наступленіе авангардовъ графа Витгенштейна и графа Вреде. *Дѣло при Ардюссонѣ*. Отступленіе Виктора на правую сторону Сены. — Распоряженія Шварценберга.—*Взятіе Санъ* (Sens) Кронпринцемъ виртембергскимъ.—*Оборона Ножана* Бурмономъ.—Извѣстіе о пораженіи Олсуфьева. Отряженіе генерала Дибича для открытія связи съ Блюхеромъ.—Занятіе графомъ Витгенштейномъ и графомъ Вреде переправъ на Сенѣ и дальнѣйшее ихъ наступленіе. *Дѣло при Кютерель*. Отступленіе французскихъ войскъ къ Нанжису.—Взятіе графомъ Платовымъ Немура.

Отступленіе Виктора и Удино за рѣку Іеръ (Ières) и соединеніе ихъ съ Макдональдомъ.—Колебанія Союзниковъ. Положеніе Главной арміи.

Послѣ сраженія при Ля-Ротьерѣ, Союзники, упустивъ изъ вида непріятеля, не имѣли вѣрныхъ свѣдѣній о принятомъ имъ направленіи. Донесенія отрядовъ, посланныхъ для развѣданія на лѣвую сторону Обы, были неопредѣлительны. Гене-

ралъ-маіоръ Сеславинъ писалъ, 21-го генваря (2-го февраля), изъ Пиней, что непріятель, по всей вѣроятности, отступаетъ на Витри ([1]). Но вслѣдъ за тѣмъ графъ Ожаровскій, направленный съ легкою гвардейскою дивизіей черезъ мостъ у селенія Доланкура къ Пиней, донесъ, что у Вилліеръ (Villiers) онъ наткнулся на непріятельскій кавалерійскій отрядъ и отбросилъ его къ Пиней, но найдя въ этомъ мѣстечкѣ прибывшую отъ Лемона французскую пѣхоту съ двумя тысячами кавалеріи и шестью орудіями, остановился ([2]). Между тѣмъ съѣхались въ бріеннскомъ замкѣ Императоръ Александръ, Король Фридрихъ-Вильгельмъ, князь Шварценбергъ, фельдмаршалъ Блюхеръ и графъ Барклай, для совѣщанія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Тамъ рѣшено было заранѣе предположенное въ австрійскомъ главномъ штабѣ разобщеніе Союзныхъ армій. Успѣхъ сраженія при Ля-Ротьерѣ, въ которомъ участвовала только часть ихъ силъ, непозволялъ сомнѣваться въ окончательномъ торжествѣ Коалиціи. По видимому стоило только идти какъ возможно быстрѣе къ Парижу, и для преодолѣнія препятствій на пути къ сей столицѣ не было никакой надобности двигаться сосредоточенными силами, которыхъ продовольствованіе представляло большія затрудненія Къ тому-же оба главнокомандующіе желали дѣйствовать отдѣльно, каждый по-своему. Положено было, чтобы Главная армія продолжала наступать по долинѣ Сены, на Труа, къ Парижу, а Блюхеръ двинулся въ долину Марны и присоединивъ къ войскамъ Сакена и Олсуфьева корпусы Іорка, Клейста и Ланжерона, направился по лѣвой сторонѣ рѣки къ Парижу. Для сохраненія связи между арміями назначили сперва корпусъ графа Витгенштейна, а потомъ казачій отрядъ генералъ-маіора Сеславина, (бывшій прежде подъ командою генералъ-маіора князя Щербатова), но въ послѣдствіи и сей небольшой отрядъ получилъ предписаніе перейти на лѣвый флангъ Главной арміи и направиться къ Луарѣ: ([3]) такимъ образомъ для сообщенія между Союзными арміями не было оставлено никакихъ войскъ. Это упущеніе не могло-бы имѣть никакихъ вредныхъ послѣдствій, еслибы Союзники, послѣ побѣды при Ля-Ротьерѣ, преслѣдовали безостановочно французскую армію, но они были

задержаны, съ одной стороны, у Роне, упорнымъ сопротивленіемъ маршала Мармона, а съ другой, у Лемона, уничтоженіемъ моста, сожженнаго Неемъ по отступленіи прочихъ наполеоновыхъ войскъ на лѣвую сторону Обы, что заставило Кронпринца виртембергскаго и Гіулая оставаться у берега этой рѣки (⁴) въ ночи съ 21-го на 22-е генваря (съ 2-го на 3-е февраля). Послѣдующія-же дѣйствія Главной арміи, (какъ будетъ изложено), отличались медленностью и нерѣшительностью. Графъ Коллоредо подошелъ 21-го генваря (2-го февраля) еще рано утромъ отъ Вандёвръ (Vandoeuvres) къ Діенвилю, но вмѣсто того, чтобы двинуться на перерѣзъ отступавшему непріятелю, къ Труа, донесъ князю Шварценбергу о прибытіи своемъ къ помянутому пункту, испрашивая распоряженіе—куда идти ему – и извѣщая главнокомандующаго, что, на основаніи всѣхъ собранныхъ свѣдѣній, дорога отъ Діенвиля черезъ Пиней къ Труа непроходима для артиллеріи. За тѣмъ, получивъ отъ князя Шварценберга разрѣшеніе двигаться къ Труа по дорогѣ изъ Вандёвръ, графъ Коллоредо выступилъ туда уже по полудни, сперва отойдя къ Вандёвръ, слѣдовательно пошелъ назадъ, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать непріятеля. Въ тотъ-же день, Барклай де-Толли, имѣя отъ Шварценберга предписаніе идти съ россійско-прусскими резервами отъ Траннъ черезъ каменный мостъ у Доланкура, и далѣе на Вандевръ къ Труа, направилъ, вмѣсто того, гренадерскій корпусъ съ 2-ою и 3-ею кирасирскими дивизіями на діенвильскій мостъ къ Пиней, по той самой дорогѣ, которую графъ Коллоредо считалъ непроходимою для артиллеріи; войска эти, со всѣми находившимися при нихъ орудіями, въ числѣ коихъ было много батарейныхъ, прибыли ввечеру къ Вилліеръ (близъ Пиней). Остальные-же резервы, гвардія и 1-я кирасирская дивизія, отойдя отъ Траннъ къ Доланкуру, перешли тамъ черезъ Объ и двинулись къ Вандёвръ, гдѣ столкнулись съ войсками Коллоредо, который, получивъ въ десять часовъ изъ главной квартиры извѣстіе о слѣдованіи русскихъ резервовъ по одному съ нимъ пути и приказаніе идти безостановочно къ Труа, чтобы очистить имъ мѣсто, уже не имѣлъ на то времени. Часть его

корпуса успѣла къ ночи придти въ Вандёвръ; прочія-же войска растянулись и вмѣстѣ съ артиллеріей собрались тамъ уже на слѣдующій день, въ шесть часовъ утра. По прибытіи русской гвардіи къ Вандёвръ, войска столпились между собою; большая часть ихъ была принуждена провести ночь въ сильную мятель на бивакахъ подъ голымъ небомъ (5). Корпусы Гіулая и Кронпринца виртембергскаго, подойдя (какъ выше сказано) къ Лемону, приступили въ ночи къ постройкѣ тамъ моста; корпусъ графа Вреде расположился позади ихъ у Бріенны. Корпусъ графа Витгенштейна сталъ между Сенъ-Дизьè и Витри; отрядъ генералъ-лейтенанта Палена, въ день сраженія при Ля-Ротьерѣ, перешелъ къ Шаванжъ, а на слѣдующій день къ Жиньи (Gigny), гдѣ соединился съ отрядомъ генералъ-маіора Ридигера, (6) и выслалъ разъѣзды къ Витри. Отрядъ генералъ-маіора Иловайскаго 12-го преслѣдовалъ непріятеля отъ Мезьера черезъ Ронè (7).

22-го генваря (3-го февраля) большая часть наполеоновой арміи сосредоточилась у Труà, гдѣ вмѣстѣ съ главною квартирою расположилась Старая гвардія; а прочія войска (Молодая гвардія, корпусъ Виктора, обѣ дивизіи парижскаго резерва генераловъ Дюфура и Гамелинè, кавалерія Мильгò и почетная гвардія Дефранса) стали впереди Старой гвардіи, по правую сторону Сены, между Труà и Пиней; корпусъ Мармона прибылъ въ Арси и соединился тамъ съ кавалерійскою дивизіей Бордесуль (division provisoire), въ числѣ 1500 человѣкъ, прибывшею за трое сутокъ предъ тѣмъ изъ Мо (Meaux), а дивизія Рикара стала у Обетерръ (Aubeterre), между Арси и Труà (8).

Извѣстіе, доставленное въ главную квартиру Союзниковъ графомъ Ожаровскимъ — объ отступленіи наполеоновой арміи къ Труà — заставило князя Шварценберга, 22-го генваря (3-го февраля), направить значительную часть ввѣренной ему арміи въ слѣдъ за непріятелемъ. Корпусы Гіулая и Кронпринца виртембергскаго получили приказаніе идти на Лемонъ къ Пиней; графъ Коллоредо съ частью своего корпуса занялъ Люзиньи; русскіе гренадеры съ 2-ою и 3-ею кирасирскими дивизіями

прибыли къ Бревонъ, близъ Пиней, а гвардія и главная квартира Барклая де-Толли въ Люзиньи; графъ Витгенштейнъ, получивъ приказаніе идти на Лемонъ къ Арси, перешелъ къ Монтіерандеръ; авангардъ его, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Палена, двинулся черезъ Сентъ-Уэнъ (St. Ouen) къ Гранвилю, по направленію на Арси; а генералъ-маіоръ Иловайскій 12-й, съ своимъ казачьимъ отрядомъ, чрезъ Рамерю, также къ Арси. Казачій отрядъ графа Платова, двигаясь къ Фонтенебло̀, переправился черезъ Іоннъ у Вильнёвъ-ле-Руа и встрѣтясь съ сильнымъ непріятельскимъ отрядомъ, высланнымъ изъ Версали, опрокинулъ его и захватилъ въ плѣнъ болѣе 80-ти человѣкъ, а отряженный отъ него съ партіей къ Монтаржи гвардіи капитанъ Бергманъ освободилъ 450 Испанцевъ, въ числѣ коихъ было болѣе 400 офицеровъ (9). Главныя квартиры Императора Александра и князя Шварценберга перешли въ Вандёвръ, а Императоръ Австрійскій и Король Прусскій оставались въ Баръ-сюръ-Объ. Два дня спустя гвардія, а равно и всѣ главныя квартиры, перешли въ Баръ-сюръ-Сенъ (10). Наполеонъ, съ арміей въ числѣ болѣе 40,000 человѣкъ, оставался у Труа̀. (*) Рѣшась оборонять сей городъ до послѣдней крайности, онъ занялъ передовыми войсками мостъ у Гильотьѐръ (Guillotière) на Барсѣ (Barse), а равно Арси, и приказалъ разрушить всѣ прочіе мосты внизъ по теченію Обы (11).

Отступленіе Наполеона, послѣ проиграннаго сраженія, къ Труа̀, поразило ужасомъ жителей сего города. Какъ магазины тамъ находившіеся были почти пусты, то, въ ожиданіи продолжительной обороны, всякой скрывалъ свои запасы, и войска едва успѣли получить суточную дачу хлѣба. Такое равнодушіе къ защитникамъ отечества имѣло самыя пагубныя послѣдствія. Молодые солдаты, изъ коихъ состояла большая часть арміи, видя себя обреченными всевозможнымъ лишеніямъ, стали оставлять ряды, въ которыхъ прежде столь храбро сражались; въ продолженіи нѣсколькихъ дней ушло болѣе ше-

---

(*) Карта пространства между Ланомъ (Laon), Труа̀ и Парижемъ.

сти тысячъ человѣкъ Тогда-же было получено извѣстіе объ отложеніи Мюрата, усилившее въ войскахъ и въ народѣ мрачную безнадежность. Всѣ ожидали спасенія Франціи единственно отъ шатильонскаго конгресса ([12]).

Къ счастью Французовъ, князь Шварценбергъ, изъ желанья совершенно разъяснить обстоятельства, (что̀ въ войнѣ почти невозможно), потерялъ случай воспользоваться побѣдою при Ля-Ротьерѣ и далъ Наполеону время оправиться. Графъ Барклай де-Толли также «полагалъ нужнымъ, для прикрытія фланга «и тыла фельдмаршала Блюхера, оставить генерала Раевскаго «(съ гренадерскимъ корпусомъ) въ прежнемъ расположеніи «(близъ Пиней), пока неполучится вѣрнѣйшее извѣстіе о на«правленіи непріятельскихъ силъ» ([13]). Къ тому-же войска, собранныя у Бріенны и Лемона, между Обою и Вуарою, именно корпусы Гіулая, Кронпринца виртембергскаго и графа Вреде, терпѣли во всемъ недостатокъ, столпившись въ опустошенной мѣстности и не имѣя возможности переправиться черезъ Объ. Всѣ сваи постояннаго деревяннаго моста до самой воды были сожжены; навести пловучій мостъ было нельзя, потому что Французы истребили суда въ окрестностяхъ Лемона, а сооруженію моста на козлахъ препятствовала быстрота теченія рѣки. Наконецъ, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ возобновить разрушенный мостъ, рѣшились послать за австрійскимъ понтоннымъ паркомъ оставленнымъ у Шомона. Но для доставки оттуда понтоновъ къ Лемону потребовалось нѣсколько дней, и по тому корпусы Гіулая, Кронпринца виртембергскаго и графа Вреде двинулись къ Діенвилю и перейдя тамъ черезъ Объ, были направлены къ Пиней. Довольно странно, что никому прежде о томъ не пришло въ голову, и хотя Раевскій съ русскими гренадерами и кирасирами прошелъ по этой дорогѣ, однакоже она все еще считалась непроходимою въ австрійской главной квартирѣ, вѣроятно по тому, что князь Шварценбергъ не имѣлъ вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что̀ происходило въ резервахъ Барклая де-Толли ([14]).

Наконецъ 24-го генваря (5-го февраля), къ вечеру, главныя силы большой Союзной арміи успѣли стянуться въ ок-

рестности Пиней: корпусъ графа Коллоредо съ дивизіями Біанки и 2-ою легкою сталъ между Люзиньи и Труà; корпусъ Гіулая у Жеродè (Gerodet), влѣво отъ Пиней; корпусъ Кронпринца виртембергскаго у Мутье-Амей (Moustier-Amey), за Люзиньи; корпусъ графа Вреде у Вандёвръ; гренадерскій корпусъ съ двумя кирасирскими дивизіями у Люзиньи; гвардія, съ главными квартирами Союзныхъ Монарховъ, князя Шварценберга и графа Барклая де-Толли, расположилась на тѣсныхъ квартирахъ въ Баръ-сюръ-Сенъ. Корпусъ графа Витгенштейна перешелъ къ Ронè (Ronay), и въ слѣдующую ночь—къ Пиней; графъ Паленъ, оставя на правой сторонѣ Обы половину казачьяго полка Власова, двинулся къ Арси, откуда Мармонъ, по приказанію Наполеона, отступилъ къ Мери. Вслѣдъ за тѣмъ, Паленъ возобновилъ разрушенный непріятелемъ арсисскій мостъ и перешелъ на лѣвую сторону Обы, оставя по прежнему на правомъ берегу, у Саронъ, ниже Англюръ, половину казачьяго Власова полка ([15]); такимъ образомъ, для связи между Главною и бывшею Силезскою арміями было оставлено всего нѣсколько сотъ казаковъ, что̀ очевидно несоотвѣтствовало важности даннаго имъ порученія.

Князь Шварценберъ, желая избѣжать затрудненій сопряженныхъ съ нападеніемъ на позицію прикрытую рѣками Барсою и Сеною, предпринялъ обойти непріятеля частью силъ съ праваго фланга, по дорогѣ ведущей изъ Баръ-сюръ-Сенъ въ Труà, и для этого назначилъ корпусъ графа Коллоредо съ дивизіями Біанки и принца Лихтенштейна. Корпусъ Кронпринца виртембергскаго долженъ былъ наступать по дорогѣ изъ Баръ-сюръ-Объ, корпусъ Гіулая—между дорогами въ Баръ-сюръ-Объ и Пиней, корпусъ Вреде—двигаться въ резервѣ обоихъ предыдущихъ; а гвардія, гренадеры и кирасиры—въ резервѣ войскъ направленныхъ по дорогѣ изъ Баръ-сюръ-Сенъ ([16]).

Наполеонъ, съ своей стороны, желая развѣдать о силахъ и расположеніи Союзниковъ, приказалъ 24-го генваря (5-го февраля) маршалу Мортьè съ Старою гвардіей двинуться отъ Труà по дорогѣ ведущей въ Баръ-сюръ-Сенъ. Передовыя вой-

ска дивизіи Біанки были опрокинуты, но вслѣдъ за тѣмъ, по приказанію Наполеона, Мортье съ гвардіей возвратился въ Труа. Графъ Коллоредо, замѣтивъ отступленіе непріятеля, послалъ дивизію Біанки впередъ по баръ-сюръ-сенской дорогѣ, а самъ атаковалъ генерала Жерара у Гильотьѐръ, но былъ отраженъ съ урономъ трехъ сотъ человѣкъ и будучи тяжело раненъ въ ногу, сдалъ начальство надъ 1-мъ австрійскимъ корпусомъ фельдмаршалъ-лейтенанту Біанки ([17])

Князь Шварценбергъ, не смотря на тройное превосходство своихъ силъ надъ непріятельскими, менѣе помышлялъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ, нежели объ охраненіи отъ обхода собственной арміи. Демонстрація Наполеона по баръ-сюръ-сенской дорогѣ была припята въ австрійскомъ главномъ штабѣ за начало общаго движенія французскихъ войскъ на Баръ-сюръ-Сенъ къ Лангру, имѣвшаго цѣлью пресѣчь сообщенія Главной Союзной арміи. Для противодѣйствія тому, князь Шварценбергъ рѣшился направить противъ непріятеля съ фронта, по дорогѣ изъ Вандёвръ къ Труа, только лишь корпусъ Кронпринца виртембергскаго и къ Арси корпусъ графа Витгенштейна; всѣ-же прочіе корпусы Главной арміи должны были перейти черезъ Сену выше Труа и двинувшись къ Іоннѣ, обойти непріятеля съ праваго фланга; вмѣстѣ съ тѣмъ, было предложено Блюхеру обойти его съ лѣваго фланга. «Если-же—писалъ Шварценбергъ—непріятель прорвется въ промежуткѣ между нашими арміями, то потеряетъ сообщеніе съ Парижемъ и подвергнетъ опасности свои фланги» ([18]). Такимъ образомъ Союзный главнокомандующій совершенно разобщилъ Главную армію отъ блюхеровой, нисколько не заботясь о взаимной между ними связи, и даже въ послѣдствіи приказалъ правофланговому своему корпусу, графа Витгенштейна, вмѣсто предписаннаго ему движенія къ Арси, направиться на Пиней ([19]).

Но еще князь Шварценбергъ не успѣлъ приступить къ предположенному имъ обходу, когда Наполеонъ отступилъ отъ Труа къ Ножану.

Получивъ отъ маршала Макдональда извѣстія о движеніи

Блюхера въ долину Марны и о занятіи Шалона корпусомъ Іорка, Наполеонъ отказался отъ обороны Труа. Онъ рѣшился, пользуясь разобщеннымъ положеніемъ Союзныхъ армій, отойти къ Ножанъ, выждать тамъ прибытіе подкрѣпленій изъ Парижа и Испаніи, и оставя часть арміи противъ Шварценберга, обратиться на Блюхера, для охраненія своихъ сообщеній и для прикрытія своей столицы ([20]). При этомъ, по всей вѣроятности, онъ принялъ въ разсчетъ и личныя свойства Союзныхъ главнокомандующихъ: предпринимая наступленіе противъ Блюхера, онъ надѣялся, что Шварценбергъ не рѣшится идти быстро и безостановочно къ Парижу.

25-го генваря (6-го февраля), Мармонъ, съ своимъ корпусомъ и съ кавалеріей Думерка и Бордесуль, перешелъ отъ Мери къ Ножанъ; туда-же двинулись еще наканунѣ отъ Труа всѣ прочія наполеоновы войска, кромѣ дивизій Мишеля, Дюфура. Гамелинѐ и кавалеріи Бриша, подъ общимъ начальствомъ Мортьѐ, оставленныхъ для прикрытія отступленія арміи у Труа, и небольшаго отряда Нея у Мери ([21]).

Извѣстіе объ отступленіи французскихъ войскъ было прислано въ главную квартиру генералъ-маіоромъ Сеславинымъ, который, находясь съ своимъ казачьимъ отрядомъ у Сенъ-Бенуа на Сенѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Труа, замѣтилъ съ тамошнихъ высотъ движеніе Французовъ по ножанской дорогѣ и еще 24-го генваря (5-го февраля) донесъ о томъ Толю ([22]). Но, по всей вѣроятности, доставленіе этого извѣстія въ главную квартиру чрезвычайно замедлилось, или во̀-все не было получено княземъ Шварценбергомъ. Иначе нельзя объяснить его диспозицію на 25-е генваря (6-го февраля), отданную въ такомъ смыслѣ, будтобы Наполеонъ съ главными силами все еще оставался на позиціи у Труа. Графъ Витгенштейнъ получилъ приказаніе послать легкій отрядъ на Сенъ-Бенуа, для обхода непріятеля съ лѣваго фланга, а съ главными силами корпуса двинуться прямо къ Труа. Наслѣдному принцу виртембергскому съ 4-мъ корпусомъ поручено овладѣть мостомъ на Барсѣ, у Гильотьеры, съ содѣйствіемъ 3-го корпуса Гіулая, который долженъ былъ идти че-

резъ Бурантонъ въ тылъ французскимъ войскамъ обороняющимъ гильотьерскій мостъ и вмѣстѣ съ 4-мъ и 6-мъ корпусами открыть сильную канонаду противъ Труà. Фельдмаршалъ-лейтенанту Біанки, съ 1-мъ корпусомъ и съ 2-ою легкою австрійскою дивизіей, приказано наступать по дорогѣ ведущей изъ Баръ-сюръ-Сенъ къ Труà и обойти непріятеля съ праваго фланга. Наконецъ, 5-му корпусу графа Вреде и резервамъ назначено собраться за прочими войсками и быть въ готовности къ дѣйствіямъ. Войска получили приказаніе на случай штурма запастись лѣстницами и фашинами ([23]).

Но вскорѣ за тѣмъ, Союзный главнокомандующій, убѣдясь окончательно въ отступленіи главныхъ силъ Наполеона, отложилъ предположенныя дѣйствія до слѣдующаго дня. Мортье, пользуясь тѣмъ, собралъ, 26-го генваря (7-го февраля), еще до разсвѣта, свои передовые отряды къ Труà, отправилъ назадъ всѣ обозы остававшіеся въ городѣ и отошелъ спокойно по ножанской дорогѣ. Наслѣдный принцъ виртембергскій, съ пятью эскадронами и бригадою Штокмайера, двинулся за нимъ въ слѣдъ, занялъ Труà, въ восемь часовъ утра, и хотя не настигъ непріятеля, однакоже захватилъ въ плѣнъ до восьмисотъ отсталыхъ и дезертировъ ([24]). Отступленіе безъ боя съ позиціи у Труà оказало на французскія войска пагубное вліяніе. Солдаты шли молча, либо спрашивали другъ друга: «Да гдѣ-же мы остановимся?» Конскрипты, еще несвыкшіеся съ суровыми требованіями дисциплины, въ продолженіи стоянки въ Труà обижали своихъ хозяевъ, и потому многіе изъ жителей города готовы были встрѣтить Союзниковъ какъ избавителей. Императоръ Александръ, получивъ донесеніе князя Шварценберга объ отступленіи непріятеля, приказалъ князю Волконскому написать ему слѣдующій отзывъ: «Его Величество поручилъ мнѣ благодарить васъ за донесеніе о взятіи Труà. Императору не угодно, чтобы ваша главная квартира была учреждена тамъ сегодня, и Онъ предлагаетъ вамъ тотчасъ послать нарочнаго къ Кронпринцу виртембергскому, съ строгимъ повелѣніемъ по возможности щадить городъ и содержать въ немъ величайшій порядокъ. Мѣра сія кажется Его Величеству тѣмъ болѣе

нужною, что, по увѣренію здѣшнихъ жителей, городъ Труа былъ вчера ограбленъ Французами, и по тому хорошее поведеніе нашихъ войскъ можетъ оказать большое вліяніе на духъ народа и убѣдить его въ томъ, что мы намѣрены поступать иначе» ([25]). Такъ соединялъ Благословенный Монархъ требованія дальновидной политики съ чувствами милосердія и человѣколюбія, обычными Его сердцу!

27-го генваря (8-го февраля), на другой день по занятіи Союзными войсками Труа, Императоръ Александръ прибылъ изъ Баръ-сюръ-Сенъ въ сей городъ. Тамъ представились Государю почетные жители, прося Его, отъ имени своихъ согражданъ, возстановить Бурбоновъ. Императоръ принялъ депутатовъ благосклонно, но совѣтовалъ имъ повременить изъявленіемъ своихъ чувствъ, могущимъ навлечь на нихъ мщеніе наполеонова правительства. «Прежде чѣмъ помышлять о Бурбонахъ, надобно побѣдить Наполеона,» сказалъ Онъ. Не взирая на глубокій смыслъ этихъ словъ, депутаты надѣли бѣлыя кокарды, а одинъ изъ нихъ явился съ крестомъ ордена Св. Людовика, что̀ тогда подъ смертною казнью было запрещено во Франціи. Еще во время пребыванія Государя въ Лангрѣ, нѣкоторые изъ старинныхъ дворянъ просили дозволенія вооружить легіонъ волонтеровъ въ пользу прежнихъ Королей своихъ. Императоръ изъявилъ на то Свое согласіе, но только съ условіемъ—формировать легіонъ въ областяхъ незанятыхъ Союзными войсками. «Мы пришли сюда не за тѣмъ, чтобы дать Короля Франціи—сказалъ Онъ.—Мы хотимъ только знать желанія Французовъ; пусть они выскажутся, но неиначе какъ внѣ черты занятой нашими войсками, дабы не подумали, что общественное мнѣніе находилось подъ вліяніемъ Союзныхъ армій.» Императоръ Александръ устранялъ отъ себя всякое вмѣшательство во внутреннія дѣла Франціи, предоставляя рѣшить Судьбу страны, покоренной Союзниками, народу нетерпѣливо сносившему владычество своего повелителя ([26]).

Такая умѣренность главы Коалиціи, Государя, который одинъ лишь изъ всѣхъ европейскихъ Вѣнценосцевъ устоялъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, тѣмъ болѣе замѣчательна, что

послѣ побѣды при Ля-Ротьерѣ занятіе Союзниками Парижа казалось несомнѣннымъ. По видимому, Императоръ Александръ былъ озабоченъ только тѣмъ, чтобы медленность дѣйствій князя Шварценберга не подала Блюхеру возможности вступить первымъ въ столицу Франціи. По этому поводу Государь, наканунѣ Своего отъѣзда изъ Баръ-сюръ-Сенъ въ Труа, писалъ Блюхеру: «Я долженъ предупредить васъ, Господинъ Фельдмаршалъ, что, по соглашеніи съ Е. В Королемъ, Мы положили, какъ только Союзныя арміи подойдутъ къ Парижу, размѣстить войска въ окрестностяхъ сей столицы, а не въ самомъ городѣ. Я желаю даже, чтобы они не вступали въ Парижъ, пока Король и Я не прибудемъ, и чтобы туда вошли первыми тѣ корпуса, которые придутъ съ нами.... Политическія соображенія величайшей важности того требуютъ» ([27]).

По занятіи Труа, князь Шварценбергъ приказалъ всѣмъ ввѣреннымъ ему войскамъ расположиться на тѣсныхъ квартирахъ въ окрестностяхъ этого города и принялъ для охраненія своей арміи такія мѣры предосторожности, какія обыкновенно принимаются при оборонительныхъ дѣйствіяхъ, растянулъ свои войска для прикрытія фланговъ и выслалъ отряды въ различныя стороны. Причиною тому, кромѣ ошибочной системы дѣйствій австрійскаго главнаго штаба, оказавшей столь пагубное вліяніе прежде на многія изъ событій войны 1813 года, было разногласіе видовъ Союзныхъ Державъ. Императоръ Александръ и Король Прусскій считали независимость Германіи и Европы подверженною опасности, пока Наполеонъ, оставаясь на престолѣ, не лишился возможности возмущать общее спокойствіе. Лордъ Кестельри и прочіе государственные люди Англіи также считали паденіе Наполеона сообразнымъ общей цѣли дѣйствій Союзниковъ, но только въ такомъ случаѣ, когда за тѣмъ послѣдовалобы возстановленіе Бурбоновъ. Напротивъ того, Вѣнскій Кабинетъ нежелалъ низложить съ престола династію Наполеона, однакоже, несмотря на то, лордъ Кестельри думалъ, что Императоръ Францъ и Меттернихъ охотно согласятся на

сверженіе Наполеона и его сына въ пользу Бурбоновъ. Въ февралѣ графъ д'Артуа (въ послѣдствіи Карлъ X-й) прибылъ во Францію, но на него никто необращалъ вниманія, и всѣ покушенія принца сблизиться съ Союзными Монархами не имѣли успѣха. Желая помочь ему, англійскій первый министръ лордъ Ливерпуль далъ знать чрезъ Кестельри принцу Меттерниху, что графъ д'Артуа былъ уполномоченъ своимъ братомъ (Людовикомъ XVIII), въ случаѣ возстановленія Бурбоновъ, согласиться на миръ, ограничивъ Францію предѣлами 1789 года. На этотъ отзывъ Меттернихъ замѣтилъ: «и такъ вопросъ приведенъ въ ясность; посмотримъ, что̀ скажетъ народъ» (Voila la question bien placée, et nous verrons ce que la nation en dira). Этотъ уклончивый отвѣтъ выражалъ только то, что возстановленіе Бурбоновъ, по взаимному соглашенію Союзныхъ Монарховъ, было предоставлено самой Франціи, но Кестельри понялъ слова Меттерниха иначе, и полагалъ, что Союзные Монархи были расположены въ пользу Бурбоновъ. Напротивъ того, Императоръ Александръ весьма часто выказывалъ равнодушіе къ отжившей королевской династіи и готовъ былъ предпочесть имъ даже Бернадотта, несмотря на двуличныя дѣйствія его въ 1813 и 1814 годахъ. По свидѣтельству Штейна, во время пребыванія главной квартиры въ Труа̀, шло дѣло о регентствѣ Маріи-Луизы вмѣстѣ съ Бернадоттомъ, въ качествѣ попечителя, въ продолженіе малолѣтства наполеонова сына.

Меттернихъ, искусно пользуясь разногласіемъ Союзниковъ, постепенно успѣлъ увлечь лорда Кестельри на сторону «партіи мира.» Ему удалось увѣрить довѣрчиваго англійскаго дипломата, будтобы Императоръ Александръ, стремясь къ Парижу, былъ побуждаемъ единственно желаніемъ удовлетворить Свое личное честолюбіе. Еще 30-го генваря н. ст. Кестельри писалъ къ лорду Ливерпулю: «по моему мнѣнію, въ настоящее время, намъ всего опаснѣе рыцарское (chevaleresque) настроеніе Императора Александра. Въ отношеніи къ Парижу, его личные виды не сходятся, ни съ политическими, ни съ военными соображеніями. Онъ кажется только ищетъ случая

вступить въ челѣ своей блистательной гвардіи въ Парижъ—по всей вѣроятности, чтобы противопоставить свое великодушіе опустошенію собственной столицы. Онъ неможетъ допустить мысли объ успѣшномъ ходѣ переговоровъ, могущемъ обмануть его ожиданія,» и проч.

Подъ вліяніемъ такихъ идей Кестельри вскорѣ убѣдился въ томъ, что условія предложенныя Союзниками въ Шатильонѣ были слишкомъ неумѣренны и могли возбудить во Франціи якобинское движеніе. За тѣмъ, Меттернихъ, поставя на видъ— съ одной стороны, равнодушіе Французовъ къ королевской династіи, а съ другой виды Россійскаго Государя на Польшу, побудилъ лорда Кестельри содѣйствовать заключенію мира на условіяхъ болѣе сносныхъ для Наполеона.

Таково было положеніе Союзниковъ въ политическомъ отношеніи, когда Императоръ Александръ получилъ отъ русскаго посла въ Лондонѣ, графа Ливена депешу, въ коей онъ, описывая свои разговоры съ принцемъ-регентомъ и съ лордомъ Ливерпулемъ, извѣщалъ, что оба они считали прочный миръ съ Наполеономъ невозможнымъ, и что, по ихъ мнѣнію, Россійскій Монархъ долженъ былъ довершить дѣло ввѣренное Ему самимъ Промысломъ, не обращая вниманія на усилія Меттерниха къ заключенію преждевременнаго мира. Императоръ Александръ, получивъ это извѣстіе. и считая себя въ правѣ говорить отъ имени Англіи, подобно тому, какъ доселѣ Онъ говорилъ отъ имени Россіи и Пруссіи, настаивалъ, чтобы Союзники усилили свою военную дѣятельность, а переговоры въ Шатильонѣ считали второстепеннымъ дѣломъ. Но всѣ дипломаты, кромѣ Штейна, Поццо ди-Борго и Гумбольдта, были инаго мнѣнія; въ особенности-же Кестельри, настроенный Меттернихомъ, возставалъ противъ требованія Государя—побудить штабъ князя Шварценберга къ большей дѣятельности (d'imprimer plus d'activité à l'état major du Prince Schwarzenberg). Даже Гарденбергъ, вмѣстѣ съ Меттернихомъ и Кестельри, изъявилъ согласіе на заключеніе перемирія: такимъ образомъ, впервые, со времени заключенія Калишскаго договора, возникло разномысліе Берлинскаго Кабинета съ Импе-

раторомъ Александромъ (*). Нѣкоторые изъ поборниковъ мира излагали въ пользу своего убѣжденія весьма странные доводы, какъ наприм. невозможность управлять огромнымъ, волнующимся Парижемъ, и т. п. Дѣйствительною-же причиною, побуждавшею Австрійцевъ къ бездѣйствію, было полученное княземъ Шварценбергомъ тайное повелѣніе—не переходить на правый берегъ Сены (**). Легко вообразить, какъ затруднительно было ему исполнять такую инструкцію, находясь въ челѣ арміи, которой лишь часть состояла изъ австрійскихъ войскъ, и дѣйствуя подъ глазами Императора Александра, нарушавшаго Своими распоряженіями систематическое бездѣйствіе Союзнаго генералисимуса. Шварценбергъ, подчиняя стратегическіе разсчеты себялюбивой, односторонной политикѣ Вѣнскаго Двора, прибѣгалъ ко всевозможнымъ уловкамъ и предлогамъ, жаловался на плохія дороги и дурную погоду, преувеличивалъ невозможность продовольствовать армію, необезпечивъ по надлежащему подвозовъ, и т. п. Только такимъ образомъ удавалось оставаться въ бездѣйствіи Союзному вождю, отъ котораго зависѣло окончить войну рѣшительнымъ ударомъ и избѣжать потерей понесенныхъ Союзниками въ послѣдующее время ([28]).

Съ 26-го по 28-е генваря (съ 7-го по 9-е февраля) Главная Союзная армія занимала слѣдующее расположеніе: 4-й корпусъ Кронпринца виртембергскаго на дорогѣ ведущей въ Санъ (Sens), у Сенъ-Либо̀ (St. Liebault); авангардъ его у Вильмо̀ръ (Villemaure); 5-й корпусъ графа Вреде на пожанской дорогѣ; авангардъ его у Сенъ-Мартенъ; 3-й корпусъ Гіулая въ окрестностяхъ города Труа̀, занятаго двумя австрійскими баталіонами и двумя баталіонами Преображенскаго полка; главныя квартиры Союзныхъ Монарховъ и князя Шварценберга въ Труа̀; 2-я легкая дивизія принца Лихтенштейна по дорогѣ

(*) По этому поводу, Государь сообщилъ, 3 (15) февраля, Союзнымъ Державамъ Свое мнѣніе. (См. XIX-ю главу: *Шатильонскій конгрессъ*).

(**) Рѣка Сена у Мери дѣлаетъ изгибъ почти подъ прямымъ угломъ, и по тому армія двигающаяся прямо къ Парижу должна, переправясь черезъ сію рѣку въ Труа̀, перейти снова на правую сторону ея ниже Мери.

въ Оксонъ (Auxon); 1-й корпусъ Біанки и резервы между Труà и Санъ; 6-й корпусъ графа Витгенштейна между Бодемонъ и Мери, гдѣ были возобновлены мосты разрушенные Французами; авангардъ его, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Палена ([29]), получивъ 28-го генваря (9-го февраля) приказаніе двинуться отъ Мери по дорогѣ къ Ножану, достигъ Мезьѐръ; генералъ-маіоръ Лисаневичъ, съ его кавалеріей, атаковалъ непріятеля у Ромилли (Romilly) и опрокинулъ его за рѣчку Желаннъ (Gelanne); а полковникъ князь Любомирскій, съ Ингерманландскимъ драгунскимъ полкомъ и съ половиною казачьяго Власова 2-го полка, былъ высланъ для наблюденія на правую сторону Сены. Въ тотъ-же день вечеромъ было получено въ главной квартирѣ посланное изъ Мери, въ два часа по полудни, письмо генералъ-маіора Бартоломея, съ извѣстіемъ, что отряженный на правую сторону Сены къ Сарронъ (Sarron) полковникъ Власовъ 2-й выслалъ партіи къ Вилленоксъ и Ножанъ, что въ Вилленоксъ открыты значительныя непріятельскія силы, и что, по словамъ жителей, тамъ находился самъ Наполеонъ, изъ чего обнаруживалось его намѣреніе идти на Блюхера ([30]).

Наполеонъ, отступивъ за Сену къ Ножану, усилился тамъ подкрѣпленіями высланными изъ Парижа, въ числѣ коихъ были превосходныя войска прибывшія изъ Испаніи. Разстройство французской кавалеріи заставило Наполеона переформировать ее въ четыре корпуса: 1-й графа Бордесуль, 2-й графа Сенъ-Жерменъ, 5-й графа Мильгò и 6-й графа Вальми. Эта кавалерія, въ числѣ до 12,000 человѣкъ, находилась подъ общимъ начальствомъ графа Груши ([31]).

По прибытіи въ Ножанъ, Наполеонъ приказалъ тотчасъ привести этотъ городъ въ оборонительное положеніе и приготовить все нужное для взрыва моста, въ случаѣ еслибы Союзники овладѣли городомъ. А, между тѣмъ, безпрестанно приходили съ разныхъ сторонъ неблагопріятныя извѣстія: уже вся Бельгія занята Союзниками; Іоркъ, вытѣснивъ изъ Шалона Макдональда, преслѣдуетъ его по дорогѣ къ Эпернѐ; Блюхеръ, со всѣми своими войсками, готовится идти къ Парижу. Тогда-

же полученъ отъ Коленкура протоколъ конференціи 26-го генваря (7-го февраля), заключавшій въ себѣ условія предложенныя Союзными уполномоченными на шатильонскомъ конгрессѣ: они требуютъ, чтобы Франція была ограничена своими древними предѣлами. Всѣ приближенные Наполеона поражены уныніемъ; онъ самъ долго колеблется въ нерѣшимости— какой отвѣтъ дать Коленкуру, и наконецъ поручаетъ герцогу Бассано (Марè) написать ему, чтобы онъ сперва уступилъ Бельгію, а потомъ уже при-рейнскія области, потому что Бельгію можно было снова пріобрѣсть въ послѣдствіи, подвергаясь только разрыву съ Англіею и морской войнѣ, а, напротивъ того, всякая попытка къ возвращенію потерянныхъ при-рейнскихъ владѣній повела-бы къ общей европейской войнѣ; впрочемъ—разрѣшеніе на эти уступки было дано въ неопредѣленномъ смыслѣ и подвергнуто обсужденію государственнаго совѣта (conseil privé) въ Парижѣ (32).

Положеніе Наполеона было таково, что онъ могъ ожидать отъ Союзниковъ большей уступчивости лишь въ такомъ случаѣ, когда удалось-бы ему одержать надъ ними какіе-либо успѣхи. Огромное превосходство Главной арміи не подавало къ тому нималѣйшей надежды; оставалось испытать счастіе въ борьбѣ съ Блюхеромъ; къ тому-же, судя по прежнему образу дѣйствій князя Шварценберга, можно было надѣяться, что онъ будетъ задержанъ на Сенѣ, какъ, напротивъ того, ничто не мѣшало рѣшительному Блюхеру устремиться безостановочно впередъ и овладѣть Парижемъ, что̀ имѣло-бы весьма важныя послѣдствія нетолько въ военномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Таковы были обстоятельства, побудившія Наполеона идти въ помощь Макдональду противъ Блюхера, оставя для задержанія Главной Союзной арміи на Сенѣ часть силъ, подъ начальствомъ Виктора и Удино̀.

Войска эти, въ числѣ 36,000 человѣкъ, были расположены слѣдующимъ образомъ: маршалъ Викторъ, съ своимъ 2-мъ корпусомъ, парижскимъ резервомъ, генерала Жерара, и 5-мъ кавалерійскимъ корпусомъ Мильго̀, въ числѣ около 10,000 человѣкъ, занималъ Ножанъ и Понъ-сюръ-Сенъ; маршалъ Уди-

ню съ 7-мъ корпусомъ (составленнымъ изъ дивизіи Ротенбурга и двухъ дивизій Леваля и Буйе де-Ребеваля, прибывшихъ изъ Испаніи), въ числѣ 15,000 человѣкъ, стоялъ у Провенъ (Provins) и занималъ мостъ у Бре (Bray): Пажоль съ нѣсколькими эскадронами наблюдалъ теченіе Сены между Бре и Монтеро, гдѣ стоялъ Пактò съ 6,000 человѣкъ плохо вооруженной національной стражи; впереди Монтеро былъ поставленъ генералъ Делóртъ (Delort) съ 800 человѣкъ кавалеріи. У Понъ-сюръ-Іонъ находился Монбрёнъ съ 1,000 человѣкъ національной стражи и съ 600 человѣкъ кавалеріи; въ городѣ Санъ (Sens) Аликсъ съ 2,400 человѣкъ, наконецъ, на правомъ флангѣ оборонительной линіи, въ Оксеррѣ (Auxerre), небольшой отрядъ генерала Моро [34].

Самъ-же Наполеонъ, рѣшась идти въ долину Марны, съ 6-мъ корпусомъ Мармона, дивизіями Деку и Мёньè, гвардіей и кавалерійскими корпусами 1-мъ Бордесуля и 2-мъ Сенъ-Жермена, въ числѣ 29,500 человѣкъ [34], выступилъ съ гвардіей, 28 генваря (9-го февраля), изъ Ножана къ Сезаннѣ, приказавъ идти туда-же войскамъ Мармона и Нея, и извѣстилъ Макдональда о движеніи своемъ ему въ помощь [35].

Обратимся къ дѣйствіямъ князя Шварценберга.

Еще 28-го генваря (9-го февраля), авангардъ генералъ-лейтенанта графа Палена отбросилъ передовыя войска маршала Виктора отъ Ромилли за рѣчку Желаннъ, а дивизія Гардегга (Hardegg), двигавшаяся въ головѣ корпуса Вреде, по дорогѣ изъ Труà, также опрокинувъ непріятеля, достигла Сенъ-Мартенъ и вошла въ связь съ войсками Палена. Въ слѣдующую ночь, Викторъ, притянувъ къ своимъ главнымъ силамъ авангардъ, расположилъ ввѣренныя ему войска за рѣчкою Ардюссономъ (Ardusson). Позиція на высотахъ лѣваго берега этой рѣчки, образующей въ нижней части своего теченія довольно широкій каналъ отъ селенія Ла-Шапель до впаденія въ Сену, была весьма выгодна. Но едва лишь успѣлъ расположиться на ней парижскій резервъ, какъ замѣтили наступленіе отъ Сенъ-Мартенъ передовыхъ войскъ графа Гардегга. Маршалъ Викторъ тотчасъ приказалъ сдѣлать перемѣну фронта: правый флангъ его войскъ сталъ у

Маконъ, а лѣвый позади Сентъ-Обенъ (St. Aubin); (*) кавалерійская дивизія Пирѐ была выдвинута для прикрытія праваго крыла къ Сентъ-Обенъ; селеніе Ла-Шапель сильно занято пѣхотою; лѣвѣе его, за каналомъ, поставлено нѣсколько орудій; прочія батареи расположены впереди фронта войскъ.

Графъ Паленъ, подойдя 29-го генваря (10-го февраля) къ непріятельской позиціи, занялъ пѣхотою небольшой лѣсъ (bois de l'étoile), овладѣлъ замкомъ Ла-Шапель и открылъ канонаду во флангъ линіи Французовъ; нѣсколько конныхъ орудій, высланныхъ впередъ подъ прикрытіемъ Гродненскихъ гусаръ, стали дѣйствовать во флангъ дивизіи Пирѐ и заставили ее отступить. Тогда-же князь Шварценбергъ и графъ Радецкій прибыли на поле сраженія. Главнокомандующій, принявъ непосредственно командованіе войсками, приказалъ Гардеггу атаковать непріятеля со стороны Сентъ-Обенъ, а Палену—поддерживать это нападеніе. Пѣхота Гардегга, въ баталіонныхъ колоннахъ, построенныхъ въ двѣ линіи, имѣя впереди фронта нѣсколько батарей, а по флангамъ кавалерію, усиленную Ольвіопольскимъ и двумя казачьими полками, двинулась внизъ по рѣчкѣ Ардюссону, но немогла оттѣснить превосходнаго въ числѣ непріятеля. Съ другой стороны, графъ Паленъ атаковалъ на правомъ берегу Ардюссона войска прикрывавшія мостъ у Ла-Шапель. Полковникъ Фонъ-Визенъ съ 4-мъ егерскимъ полкомъ овладѣлъ этимъ селеніемъ; а графъ Паленъ, пользуясь одержаннымъ успѣхомъ, направилъ огонь своихъ батарей во флангъ и тылъ непріятелю и заставилъ его отступить къ городу, впереди коего на высотахъ французскія войска заняли новую позицію. Въ ночи, маршалъ Викторъ отошелъ на правую сторону Сены, поручивъ оборону Ножана генералу Бурмону съ 1,200 человѣкъ ([36]).

Князь Шварценбергъ, нестолько распоряжавшій сколько увлеченный наступленіемъ своихъ передовыхъ корпусовъ, отдалъ въ тотъ-же день диспозицію, на основаніи которой было

(*) *Планъ дѣлъ въ окрестностяхъ Ножана, 29 и 30 генваря (10-го и 11-го февраля) 1814 года.*

назначено: корпусамъ Витгенштейна и графа Вреде занять городъ, *если онъ оставленъ непріятелемъ;* въ противномъ-же случаѣ, атаковать городъ 31-го генваря (12-го февраля), если его занимаетъ слабый непріятельскій арріергардъ, и ограничиться наблюденіемъ, если у Ножана стоятъ значительныя силы французской арміи. Корпусу Кронпринца виртембергскаго было предписано занять 31-го генваря (12-го февраля) квартиры въ окрестностяхъ Санъ; за нимъ должны были стать россійско-прусскіе резервы на пространствѣ вправо отъ дороги ведущей изъ Труà въ Санъ; а 1-й и 3-й австрійскіе корпусы влѣво отъ сей дороги; наконецъ австрійскимъ резервамъ (гренадерамъ и кирасирамъ) предписано расположиться на кантониръ-квартирахъ у Оксонъ (Auxon) ([37]).

Вникая въ смыслъ этой диспозиціи, нельзя сомнѣваться въ намѣреніи австрійскаго главнаго штаба—парализировать дѣйствія большой Союзной арміи (*). Не говоря уже о медленности предположенныхъ дѣйствій, мы видимъ, что предъ самою встрѣчею съ непріятелемъ половина арміи, (именно корпусы графа Витгенштейна, Вреде, Кронпринца виртембергскаго и одна австрійская гренадерская дивизія) въ числѣ до 70,000 человѣкъ, растянулась отъ Ножана чрезъ Санъ до Оксона, на протяженіи ста верстъ, и была разобщена почти на такое-же разстояніе отъ блюхеровой арміи, а другая (корпусы Гіулая, Коллоредо и резервы), всего до 80,000 человѣкъ, была разбросана по кантониръ-квартирамъ. Станемъ-ли удивляться тому, что, не смотря на огромное превосходство въ силахъ Союзной арміи, она немогла надѣяться на успѣхъ дѣйствій противъ Наполеона, умѣвшаго столь искусно пользоваться ошибками своихъ противниковъ?

Впрочемъ—распоряженія князя Шварценберга, какъ и должно было ожидать, судя по разногласію видовъ руководившихъ Союзниками, немогли вполнѣ исполнится. Наслѣдный принцъ виртембергскій, вмѣсто того, чтобы переходить какъ-бы ощупью изъ однихъ кантониръ-квартиръ въ другія, рѣшился взять

(*) *Карта театра войны 1814 года*

штурмомъ Санъ. Еще за нѣсколько дней предъ тѣмъ графъ Платовъ покушался овладѣть этимъ городомъ, но будучи отбитъ, обратился на орлеанскую дорогу, къ Куртенè и Монтаржи ([3]).

Санъ лежитъ на правомъ берегу Іонны, у впаденія въ нее рѣки Ванны. Городъ окруженъ прочными каменными стѣнами, сооруженными еще во времена Римлянъ, и глубокимъ рвомъ. Кругомъ простираются предмѣстья и многіе сады обнесенные оградами. На обоихъ рукавахъ Іонны, образующихъ къ западу отъ города островъ Св. Маврикія (isle St. Maurice), построены каменные мосты; къ югу пролегаютъ лощины орошаемыя рѣкою Ванною, а къ востоку и сѣверу отлогія высоты. Всѣ пять заставъ ведущихъ въ городъ были заграждены палисадами и завалами. Гарнизонъ, въ числѣ 2,000 человѣкъ, находился подъ начальствомъ генерала Алликса.

29-го генваря (10-го февраля), подошелъ авангардъ виртембергскаго корпуса къ Санъ. Генералъ Штокмайеръ, съ первыми баталіонами 9-го егерскаго и 10-го легкаго полковъ, овладѣлъ безъ сопротивленія предмѣстьями лежащими на дорогахъ въ Труà и Бре (Bray) и потребовалъ отъ генерала Алликса сдачу города, но получилъ рѣшительный отказъ. Какъ малочисленность авангарда непозволяла предпринять штурмъ, то Наслѣдный принцъ ограничился удержаніемъ занятыхъ предмѣстій и принятіемъ мѣръ на случай непріятельской вылазки. Кавалерія была расположена на дорогахъ изъ Бре и Понъ-сюръ-Іоннъ. На слѣдующій день, около полудня, когда стянулись къ Санъ всѣ войска 4-го корпуса, Наслѣдный принцъ открылъ сильную канонаду по обоимъ воротамъ, но не успѣлъ разбить ихъ; бомбардированіе города изъ полевыхъ гаубицъ произвело пожаръ, однако-же вскорѣ огонь былъ потушенъ. Тогда Наслѣдный принцъ рѣшился, выждавъ прибытіе двѣнадцати-фунтовой батареи, приступить къ пробитію пролома, а, между тѣмъ, приготовить мѣсто для брешь-батареи, въ разстояніи около двухъ сотъ шаговъ отъ городской стѣны. Въ продолженіи времени, покуда производилась эта работа, начальникъ корпуснаго штаба, австрійскій

полковникъ графъ Латуръ (Latour) нашелъ небольшой входъ въ коллегіяльный домъ, примыкавшій къ валу. Желая воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, Наслѣдный принцъ повелъ одновременно двѣ фальшивыя атаки на заставы, со стороны Труа и Понъ-сюръ-Іоннъ, и дѣйствительную на коллегіяльное строеніе. Принцъ Гогенлоэ-Кирхбергъ, съ австрійскою ротою и съ 4-мъ пѣхотнымъ полкомъ, подошелъ незамѣтно къ небольшимъ воротамъ. Піонеры тотчасъ разломали ихъ и пробили отверстіе въ три фута въ стѣнѣ незадолго предъ тѣмъ сооруженной за входомъ. Генералъ Алликсъ послалъ большую часть гарнизона на встрѣчу піонерамъ ломившимся въ коллегіяльный домъ; возгорѣлся упорный рукопашный бой; Французы оборонялись отчаянно, однакоже Союзники овладѣли строеніемъ и захватили много плѣнныхъ, въ числѣ коихъ былъ раненый начальникъ алликсова штаба, полковникъ Аллеманъ (Allemand). Несмотря на то, что Виртембергцы были принуждены пробираться въ строеніе по-одиначкѣ, и по тому не могли вскорѣ построиться во дворѣ коллегіяльнаго зданія, они покушались выдти оттуда на улицу въ городъ. Но для этого надлежало имъ прорваться чрезъ крѣпкія ворота съ желѣзною рѣшеткою, за которою стояла непріятельская пѣхота, между тѣмъ какъ изъ всѣхъ ближайшихъ домовъ Французы встрѣтили ихъ градомъ пулей. Наконецъ, когда большая часть пѣхоты Гогенлоэ, успѣвъ собраться, проникла въ городъ, и въ то же время ворвались туда—генералъ Штокмайеръ съ 10-мъ легкимъ полкомъ чрезъ понъ-сюръ-іоннскую заставу и полковникъ графъ Липпе съ егерями 9-го полка чрезъ боковыя ворота труаской заставы, Алликсъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ моста на рѣкѣ Іоннѣ, очистилъ городъ и отступилъ на островъ Св. Маврикія. Полки 4-й пѣхотный и 9-й егерскій преслѣдовали непріятеля до самаго моста, но остановились, узнавъ отъ жителей, что подъ нимъ были устроены мины. Въ ночи генералъ Алликсъ отошелъ къ Понъ-сюръ-Іоннъ и присоединилъ къ своимъ войскамъ стоявшія тамъ бригады. Уронъ каждой изъ сторонъ простирался до 300 человѣкъ ([39]).

Вслѣдъ за тѣмъ Союзники овладѣли переправами на Сенѣ.

Маршалъ Викторъ, будучи принужденъ оставить позицію впереди Ножанъ, поручилъ оборону этого города генералу Бурмону, съ кадрами трехъ пѣхотныхъ полковъ, въ числѣ 1,200 человѣкъ, а самъ, съ 2-мъ пѣхотнымъ и 5-мъ кавалерійскимъ корпусами и съ парижскимъ резервомъ, расположился, 30-го генваря (11-го февраля), въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ножана, на дорогѣ въ Провенъ (Provins). Городъ Ножанъ былъ приведенъ наскоро Бурмономъ въ оборонительное положеніе, въ домахъ продѣланы бойницы, улицы заграждены баррикадами, наконецъ—мыза Бельведеръ, впереди труаскаго предмѣстья, обращена въ укрѣпленный постъ и занята особымъ отрядомъ.

Генералъ-лейтенантъ графъ Паленъ, съ авангардомъ корпуса графа Витгенштейна, атаковалъ Ножанъ, но былъ отбитъ; прибывшая къ нему въ помощь австрійская дивизія Гардегга также неуспѣла овладѣть городомъ, коего часть сдѣлалась добычею пламени. Упорный бой продолжался до самой ночи. Въ числѣ убитыхъ находился командиръ 25-го егерскаго полка полковникъ Ветошкинъ. Генералъ Бурмонъ, тяжело раненый, сдалъ начальство надъ отрядомъ полковнику Вуаролю (Voirol) (40).

Сообразно диспозиціи князя Шварценберга, русскіе резервы назначены были поддерживать войска направленныя къ Іоннѣ, да и вообще Союзный главнокомандующій, желая согласить полученную имъ отъ своего Двора инструкцію—не переходить на правую сторону Сены — съ настоятельнымъ требованіемъ Императора Александра—дѣйствовать рѣшительно, предполагалъ направить главныя силы арміи чрезъ Санъ и Фонтенебло̀, но когда 30-го генваря (11-го февраля), въ пять часовъ по полудни, прибылъ въ Труа̀ посланный на-канунѣ Блюхеромъ изъ Феръ-Шампенуаза, генералъ-маіоръ графъ Виттъ, съ извѣстіемъ о пораженіи Олсуфьева при Шампоберѣ тогда Государь рѣшился устремить главную массу силъ чрезъ Сезаннъ въ тылъ Наполеону. Какъ Шварценбергъ упорно оставался при прежнемъ намѣреніи наступать на Фонтенебло̀, то австрійскія войска, непосредственно отъ него зависѣвшія,

продолжали двигаться къ рѣкѣ Іоннѣ, а прочія, разобщаясь по мѣрѣ наступленія отъ Австрійцевъ, получили приказаніе идти къ переправамъ на Сенѣ (11). Генералъ-квартирмейстеръ баронъ Дибичъ, съ отрядомъ, составленнымъ изъ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи и гренадерскихъ полковъ Аракчеевскаго и Екатеринославскаго, подъ начальствомъ генералъ-маіора Княжнина 2-го, былъ направленъ на Планси, какъ для точнѣйшаго развѣданія о непріятелѣ, такъ и для связи между войсками Блюхера и корпусомъ графа Витгенштейна. Вслѣдъ за тѣмъ, всѣ россійско-прусскіе резервы были передвинуты въ окрестности Мери, куда 31-го генваря (12-го февраля) перешла главная квартира Барклая де-Толли.

Въ тотъ-же день, графъ Витгенштейнъ и Вреде, стянувъ еще наканунѣ главныя силы своихъ корпусовъ къ Ножану и зная уже о пораженіи Олсуфьева подъ Шампоберомъ, рѣшились овладѣть переправами на Сенѣ, чтобы сдѣлать диверсію въ пользу блюхеровой арміи. Съ этою цѣлью, графъ Вреде смѣнилъ бригадою Мальо (Maillot), рехберговой дивизіи, войска Гардегга, приказавъ имъ расположиться въ резервѣ у Сентъ-Обѣнъ, и самъ рано утромъ прибылъ къ Ножану, чтобы возобновить нападеніе на сей городъ. Когда-же онъ, изъ сдѣланнаго имъ вмѣстѣ съ графомъ Витгенштейномъ обозрѣнія, убѣдился въ силѣ непріятельской позиціи, тогда счелъ нужнымъ, для избѣжанія напрасныхъ потерей при атакѣ города, отрядить дивизію Деламотта къ селенію Бре (Bray), чтобы возобновить тамъ мостъ и обойти съ фланга непріятеля стоявшаго у Ножана; дивизія Сплени была расположена у мѣстечка Тренель (Trainel), откуда, смотря по обстоятельствамъ, могла поддерживать нападеніе на Ножанъ, либо на Бре. Графъ Витгенштейнъ, съ своей стороны, послалъ генерала Ридигера съ особымъ отрядомъ (12) къ Понъ-сюръ-Сенъ, гдѣ, между тѣмъ, по его-же приказанію, былъ наведенъ пловучій мостъ, для переправы черезъ Сену и для обхода съ лѣваго фланга непріятеля занимавшаго Ножанъ. Войскамъ-же собраннымъ противъ Ножана было приказано довольствоваться удержаніемъ занятыхъ предмѣстій, и потому во весь день дѣло ограничива-

лось канонадою и перестрѣлкою. Къ вечеру Баварцы выбили непріятеля изъ города и кинулись къ мосту, но были остановлены взрывомъ, при чемъ погибло нѣсколько человѣкъ съ обѣихъ сторонъ. Войска защищавшія Ножанъ отступили, по приказанію маршала Виктора, по дорогѣ въ Провенъ. Причиною тому была переправа Баварцевъ у Бре, откуда національная стража бѣжала на другую сторону Сены. Графъ Вреде, перенеся свою главную квартиру въ Бре, немедленно приказалъ приступить къ починкѣ разрушенной Французами части моста, а между тѣмъ переправились на судахъ—сперва стрѣлковая рота 7-го линейнаго полка, а потомъ еще три батальона. Дивизія Рехберга была переведена къ Бре. Трехъ-дневная оборона Ножана, стоившая Французамъ 400 человѣкъ, а Союзникамъ, по крайней мѣрѣ, втрое болѣе, дѣлаетъ величайшую честь, какъ Бурмону и сподвижникамъ его Вуаролю и Ривіеру, такъ и малочисленному гарнизону, защищавшему открытый городъ противъ несравненно превосходныхъ силъ ([43]).

Отрядъ генерала Ридигера, переправясь у Понъ-сюръ-Сенъ, двинулся къ Вилленоксъ ([44]).

На слѣдующій день, 1-го (13-го) февраля, Союзники продолжали наступленіе по правую сторону Сены.

Графъ Витгенштейнъ, съ главными силами своего корпуса, двинулся отъ Ножана къ Понъ-сюръ-Сенъ, перешелъ тамъ чрезъ Сену и къ вечеру прибылъ въ Вилленоксъ; авангардъ его, подъ начальствомъ графа Палена, направясь кратчайшимъ путемъ отъ Вилленоксъ къ Провенъ, достигъ Лешель (Lechelle), а генералъ Ридигеръ, съ головными войсками авангарда, двинулся чрезъ Монъ-ле-потьè къ Сордюну, на большой дорогѣ изъ Ножана въ Провенъ, откуда непріятельскій аррьергардъ отступилъ по дорогамъ къ Доннемари и Нанжису. Тогда-же приступлено къ построенію у Ножанъ моста на судахъ найденныхъ во множествѣ у этого города ([45]).

У селенія Бре былъ исправленъ мостъ инженеръ-маіоромъ Беккеромъ (Becker) въ 4 часа утра, а въ 5 часовъ перешелъ по немъ весь 5-й корпусъ графа Вреде. За тѣмъ были сдѣланы распоряженія къ наступленію по дорогѣ въ Провенъ, по

тогда-же получено извѣстіе о появленіи непріятеля на дорогѣ изъ Доннемари (Donnemarie) и о занятіи имъ селенія Сенъ-Совёръ, въ двухъ верстахъ отъ Бре. Оказалось, что это были войска маршала Удино̀, который, съ дивизіей Ротенбурга и съ прибывшею изъ Испаніи бригадою Готьѐ, спѣшилъ къ Бре, чтобы соединиться съ Пажолемъ и непозволить Союзникамъ тамъ переправиться, либо оттѣснить переправившіяся войска ихъ на другую сторону Сены. Графъ Вреде тотчасъ направилъ дивизію Деламотта на встрѣчу Французамъ къ Сенъ-Совёръ, а фельдмаршалъ-лейтенанта Сплени съ двумя кавалерійскими полками къ Эверли (Everly), для прикрытія дороги въ Провенъ. Генералу Фримону, который долженъ былъ подойти около полудня съ дивизіями Рехберга и Гардегга, приказано было — направить поспѣшно первую по дорогѣ на Доннемари и расположить другую въ промежуткѣ между дорогами ведущими въ Провенъ и Доннемари, у селенія Лезъ-Ормъ (Les-Ormes).

Непріятель, атакованный дивизіей Ламотта у Сенъ-Совёръ, отступилъ съ урономъ къ Кютерель и занялъ весьма выгодную позицію у этого селенія, на высотахъ впереди Доннемари. Графъ Вреде, подойдя къ Кютерель, построилъ на противолежащемъ возвышеніи дивизію Деламотта, выслалъ стрѣлковъ къ селенію и обозрѣвъ непріятельскую позицію, убѣдился, что фронтальная атака на нее была сопряжена съ большими потерями. Чтобы избѣжать ихъ, Вреде послалъ начальника своего штаба, генералъ-маіора графа Антона Рехберга, съ баталіономъ 8-го линейнаго полка, поддержаннымъ шестью эскадронами подъ начальствомъ полковника Крахта, занять селеніе Люизетѐнъ (Luisetaines) на лѣвомъ флангѣ непріятельской позиціи. Удино, замѣтивъ это движеніе, послалъ въ Люизетѐнъ три баталіона съ тремя орудіями; съ своей стороны, Вреде усилилъ Рехберга двумя баталіонами съ нѣсколькими орудіями, что̀ дало Баварцамъ возможность оттѣснить лѣвое крыло Французовъ на высоты у Доннемари, но маршалъ Удино̀ продолжалъ удерживаться въ Кютерель.

Около четырехъ часовъ по полудни, прибыла на поле сраженія дивизія генералъ-лейтенанта Рехберга и появились на

дорогѣ изъ Провенъ дивизіи Гардегга и Силени. Графъ Вреде тотчасъ рѣшился атаковать непріятеля всѣми силами, выдвинулъ нѣсколько батарей для обстрѣливанія позиціи у Кютерель и приказалъ 11-му линейному полку штурмовать это селеніе; но получивъ извѣстіе о появленіи сильной французской колонны противъ его праваго фланга, ограничился отряженіемъ къ Люизетѣнъ еще двухъ баталіоновъ съ полубатареей. Удино̀, хотя и былъ усиленъ прибывшею отъ Провенъ частью корпуса Виктора, однакоже отступилъ въ ночи съ 1-го (13-го) на 2-е (14-е) февраля къ Нанжису, гдѣ въ три часа утра соединились войска обоихъ маршаловъ. Баварцы зорко слѣдили за непріятелемъ и въ два часа утра заняли Доннемари, гдѣ было захвачено въ плѣнъ до 500 человѣкъ. Кромѣ того, въ дѣлѣ при Кютерель, Французы потеряли убитыми и ранеными отъ 500 до 600 человѣкъ; въ числѣ тяжело раненыхъ находился генералъ Готьѐ (Gauthier); уронъ Баварцевъ простирался до 300 человѣкъ ([46]).

Отрядъ генерала Дибича, 1-го (13-го) февраля, занялъ Сезаннъ и тамъ захватилъ въ плѣнъ 80 человѣкъ наполеоновой гвардіи, а на слѣдующій день, 2-го (14-го), прибылъ въ Монмираль и завязалъ съ непріятелемъ занимавшимъ сей городъ жаркую перестрѣлку. Корпусъ графа Витгенштейна оставался въ Вилленоксѣ; корпусъ Вреде у Доннемари; корпусъ Кронпринца виртембергскаго перешелъ къ Бре; 1-й австрійскій корпусъ Біанки къ Монтеро̀, откуда отрядъ Пажоля, вмѣстѣ съ отступившими отъ Понъ-сюръ-Іоннъ войсками Алликса, четырьмя тысячами человѣкъ національной стражи генерала Пакто и кавалеріей Делорта отброшенною назадъ казаками Платова, отошелъ по дорогѣ къ Мелюну и расположился у Шатлѐ. 3-й австрійскій корпусъ Гіулая сталъ между Понъ-сюръ-Іоннъ и Вильневъ (Villeneuve-la-Guiard); австрійскій резервъ Ностица у Санъ; россійско-прусскіе резервы въ окрестностяхъ Понъ-сюръ-Сенъ, куда перешли главныя квартиры Императора Александра, Короля Прусскаго и Барклая де-Толли; главная-же квартира князя Шварценберга была перенесена въ Ножанъ ([47]).

Еще накануне около полудня было получено отъ Блюхера извѣстіе о неудачномъ боѣ корпуса генерала Сакена, поддержаннаго частью іорковыхъ войскъ, у Монмираля и объ отступленіи его на Вифоръ. Но и это не побудило Союзнаго вождя къ большей дѣятельности. Говорятъ, будтобы причиною тому былъ распространившійся въ Главной арміи слухъ объ отступленіи Наполеона, послѣ неудачнаго для него дѣла съ Блюхеромъ подъ Этожемъ къ Парижу, и о намѣреніи его принять тамъ рѣшительное сраженіе. Этого слуха было достаточно, чтобы убѣдить генерала Лангенау въ отступленіи Наполеона къ Мелюну и заставить князя Шварценберга принять мѣры поразившія бездѣйствіемъ Главную Союзную армію. Графъ Витгенштейнъ, съ своимъ корпусомъ, перешелъ 3 (15) февраля отъ Вилленоксъ къ Провенъ ([48]); авангардъ его, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Палена ([19]), достигъ Мезонъ-Ружъ, на половинѣ разстоянія между Провенъ и Нанжисъ, а генералъ-маіоръ Ридигеръ, съ главными войсками авангарда, дошелъ до Нанжиса. Графъ Вреде, съ 5-мъ корпусомъ, остался у Доннемари, выдвинувъ баварскую дивизію Деламотта къ Нанжису; 4-й корпусъ Кронпринца виртембергскаго сталъ въ нѣсколькихъ эшелонахъ между Бре и Монтеро; 1-й австрійскій корпусъ Біанки направился отъ Мо̀нтеро, по лѣвому берегу Сены, къ Фонтенебло. Графъ Платовъ, съ нѣсколькими казачьими полками и ротою донской артиллеріи, двинувшись въ обходъ на Куртенѐ и Эгрвиль, подошелъ къ Немуру, обложилъ этотъ городъ и на слѣдующій день, 4 (16), овладѣвъ имъ, захватилъ 4 орудія и взялъ въ плѣнъ болѣе 600 человѣкъ. Уронъ со стороны его отряда непревышалъ 30-ти человѣкъ. О покореніи Немура Платовъ донесъ Государю рапортомъ слѣдующаго содержанія: «Всемилостивѣйшій Государь! Съ побѣ-«дою при Немурѣ, частію вѣрныхъ войскъ В. И. В. пріобрѣ-«тенною, осмѣливаюсь принести всеподданнѣйшее поздравленіе. «Да возблистаютъ побѣдоносныя знамена Всемилостивѣйша-«го Государя новою славою на стѣнахъ гордой столицы въ «побѣжденіе враговъ Свѣта Именемъ Пресвѣтлѣйшаго моего «Государя и Отца» ([51]).

Графъ Платовъ, чтобы исполнить данное ему Государемъ порученіе, освободить содержавшагося въ Фонтенебло плѣнникомъ Папу, двинулся къ этому городу, но уже Папа былъ увезенъ оттуда за два дня до прибытія казаковъ. Отрядъ Сеславина, устремясь еще лѣвѣе, достигъ Бонъ (Beaune), на дорогѣ изъ Монтаржи (Montargis) въ Орлеанъ, и испортилъ Орлеанскій каналъ, не зная о повелѣніи Императора Александра сохранить въ цѣлости сей каналъ, служащій для доставленія съѣстныхъ запасовъ изъ южныхъ департаментовъ Франціи въ Парижъ ([52]).

Бездѣйствіе главныхъ силъ Большой арміи было тѣмъ болѣе несвоевременно, что непріятель немогъ оказать имъ рѣшительнаго сопротивленія. Викторъ и Удино, сознавая свое безсиліе, отступили, въ ночи съ 2-го (14-го) на 3-е (15-е) февраля, съ разрѣшенія Короля Іосифа, за рѣку Іеръ (Ières). Наполеонъ, получивъ донесеніе Виктора объ опасности угрожавщей Парижу, приказалъ Макдональду, тогда формировавшему въ Мо (Meaux) свой разстроенный корпусъ, немедленно идти въ помощь войскамъ оставленнымъ противъ Главной Союзной арміи. Такимъ образомъ французскіе маршалы соединились съ макдональдовымъ корпусомъ, 3-го (15-го), въ довольно выгодной позиціи за рѣкою Іеръ. Правый флангъ ихъ оборонительной линіи былъ осаженъ назадъ и имѣлъ за собою позицію у Вильнёвъ-сенъ-Жоржъ (Villeneuve St. Georges), которую самъ Тюрень считалъ превосходною для небольшой арміи, а лѣвый былъ направленъ въ ту сторону, откуда могъ придти Наполеонъ. Здѣсь, въ разстояніи сорока верстъ отъ Парижа, расположились французскія войска слѣдующимъ орбазомъ: корпусъ Виктора на лѣвомъ крылѣ, у Шомъ (Chaulmes), примыкая правымъ флангомъ къ сенартскому лѣсу, а лѣвымъ къ Фонтенѐ (Fontenay); корпусъ Удино, въ центрѣ, на большой дорогѣ изъ Провенъ къ Парижу, у Гинь (Guignes), а корпусъ Макдональда, на правомъ крылѣ, у Солѐръ (Solers). Число ихъ вообще, вмѣстѣ съ подкрѣпленіями прибывшими изъ Парижа, простиралось до 40,000 человѣкъ, Генералъ Пажоль съ своимъ небольшимъ отрядомъ, отступилъ чрезъ Мелюнъ, сохраняя сооб-

щеніе слѣва съ Макдональдомъ и справа чрезъ Корбель (Corbeil) съ Шарпантьѐ, стоявшимъ, съ двумя дивизіями Молодой гвардіи сформированными въ Парижѣ, у Эссонн, на лѣвой сторонѣ Сены ([53]).

Союзники, вмѣсто того, чтобы воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ непріятеля, заботились только о собственномъ охраненіи, и колебаясь въ нерѣшимости, напрасно теряли драгоцѣнное время. 3-го (15-го) февраля, были получены въ главной квартирѣ князя Шварценберга двѣ депеши отъ генералъ-лейтенанта Дибича. Въ первой изъ нихъ, 2-го (14-го), изъ Маклонѐ (Maclonay), близъ Монмираля, генералъ Дибичъ доносилъ, что слухи объ отступленіи Наполеона къ Парижу оказались ложными. «Я самъ видѣлъ, писалъ онъ— «довольно большія колонны, кои отъ Монмираля тянулись къ «Шампоберу, и кажется, что Наполеонъ, прогнавъ Сакена за «Марну, поворотилъ большую часть войскъ своихъ къ Блю- «херу» ([54]). Вслѣдъ за тѣмъ, Дибичъ писалъ, 3 (15), въ $8^1/_4$ часовъ утра, изъ Маклонѐ, что распросы плѣнныхъ подтвердили посланное имъ наканунѣ свѣдѣніе о движеніи Наполеона къ Шалону; по словамъ ихъ: «у Императора Французовъ было «неменѣе 60,000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ отъ 10,000 до «12,000 человѣкъ прибывшихъ изъ Испаніи; а Сакенъ и Іоркъ «отступили за Марну, и уничтожили мостъ у Шато-Тіери, но «Наполеонъ приказалъ возстановить его, изъ чего можно заключить, что Союзники ушли далѣе» ([55]). Эти свѣдѣнія побудили Союзныхъ Монарховъ и князя Шварценберга, на Военномъ Совѣтѣ собранномъ въ Ножанѣ, рѣшить, чтобы корпусы Витгенштейна и Вреде двинулись къ Сезаннъ, и далѣе къ Феръ-Шампенуазъ, либо Соммесу, частью для того, что-бы выручить (degagiren) Силезскую армію, «въ особенности-же чтобы прикрыть движеніе Главной арміи къ Арси и Труа» ([56]). Но прежде еще, нежели можно было приступить къ исполненію этихъ распоряженій, въ полночь съ 3-го (15-го) на 4-е 16-е), пришло новое донесеніе Дибича, отправленное имъ изъ Маклонѐ, 3-го (15-го) въ часъ по полудни, о возвращеніи Наполеона съ Старою гвардіей, послѣ дѣлъ при Жанвильѐ и

Этожѣ, въ Монмираль и о движеніи главныхъ силъ его къ Ла-Фертè-су-Жуàръ ([57]). Императоръ Александръ, получивъ это извѣстіе, тотчасъ отправился вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ въ Ножанъ, къ князю Шварценбергу, и заставъ его спящимъ, разбудилъ фельдмаршала, удивленнаго неожиданнымъ прибытіемъ Россійскаго Монарха. Государь сѣлъ на кровать его и сообщивъ ему полученныя извѣстія, изъявилъ мнѣніе, что слѣдовало собрать всю армію, либо, по крайней мѣрѣ, большую часть ея, у Провенъ, но, по настоянію главнокомандующаго и генерала Лангенау, было, напротивъ того, рѣшено, по измѣнившимся обстоятельствамъ, пріостановить передвиженіе корпусовъ Главной арміи къ Сезаннѣ, Арси и Труà, оставя всѣ войска въ занимаемыхъ ими позиціяхъ, (alle Armee-Corps aufs neue ihre inne gehabten Stellungen einnehmen), до полученія достовѣрныхъ свѣдѣній о движеніяхъ непріятеля и донесеній Блюхера о времени, когда онъ можетъ собрать свои войска и дѣйствовать въ связи съ Главною арміей; а въ ожиданіи того, примкнуть Главную армію правымъ флангомъ къ Сенѣ, имѣя предъ фронтомъ рѣку Іонну; корпуса-же 3-й, 4-й, 5-й, и 6-й, оставить впереди, расположивъ ихъ такъ, чтобы, въ случаѣ надобности, они могли отойти за Іонну и соединиться съ резервами ([58]).

Расположеніе Главной арміи, отъ Мери до Фонтенебло и отъ Нанжисъ до Санъ, было весьма растянуто и столь-же неудобно для обороны, сколько и для рѣшительнаго наступленія. А, между тѣмъ, Наполеонъ дѣйствительно обратился въ помощь войскамъ отступившимъ за рѣку Іеръ и уже былъ близко. Но прежде изложенія событій послѣдовавшихъ въ долинѣ Сены, необходимо объяснить дѣйствія, происходившія на другихъ пунктахъ театра войны, сперва корпуса Іорка противъ Макдональда, а потомъ Блюхера—противъ Наполеона.

ГЛАВА VIII.

Наступленіе Іорка и Блюхера въ долину Марны.

СОДЕРЖАНІЕ.

Порученіе данное Іорку при движеніи Блюхера къ Бріеннѣ.—Наступленіе Іорка къ Сенъ-Мигіель.—Опасное положеніе его корпуса.—Занятіе имъ Сенъ-Дизье и движеніе къ Витри.—*Дѣло при Ла-Шоссе.*

Отступленіе Макдональда къ Шалону.—Мѣры имъ принятыя для обороны этого города.—Наступленіе прусскихъ войскъ къ Шалону —Бомбардированіе Шалона.—Переговоры.—Сдача Шалона и отступленіе Макдональда.—Занятіе прусскими войсками Витри.

Движеніе Блюхера отъ Бріенны въ долину Марны —*Дѣло при Судронѣ.*—Занятіе Союзниками Витри.—Открытіе сообщенія съ Іоркомъ.—Прибытіе корпусовъ Клейста и Капцевича.—Планъ дѣйствій Блюхера.—Разобщеніе его арміи.

Въ началѣ (въ половинѣ) генваря, по занятіи передовыми войсками Силезской арміи Понтъ-а-Муссонъ и Нанси и по отступленіи Нея, Виктора и Мармона за Маасъ (*), Блюхеръ рѣшился, опередивъ Главную армію, двинуться далѣе съ корпусомъ Сакена и войсками Олсуфьева, въ числѣ отъ 27,000 до 28,000 человѣкъ; корпусъ-же Іорка, съ русскою кавалеріей генералъ-лейтенанта Бороздина 2-го ([1]), всего до 20,000 человѣкъ, получили назначеніе обложить Саарлуи, Люксамбургъ, Тіонвиль и Мецъ, и овладѣть какою-либо изъ сихъ крѣпостей, занятыхъ новобранцами, открывъ сношенія съ жителями, или «посредствомъ штурма, хотя-бы такое предпріятіе было сопряжено съ потерею тысячи человѣкъ, и даже болѣе.» Въ случаѣ-

---

(*) См. Главу IV-ю.

же, еслибы оказалось невозможнымъ овладѣть помянутыми крѣпостями, было предписано: поручить блокаду Люксамбурга и Тіонвиля генералу Рёдеру съ кавалеріей Клейста, до прибытія его корпуса, а блокаду Меца—кавалеріи Бороздина; самъ-же Іоркъ долженъ былъ двинуться на Сенъ-Мигіель (St. Mihiel), въ слѣдъ за Блюхеромъ (2).

Распоряженія Блюхера поставили Іорка въ весьма непріятное положеніе. Покушенія овладѣть сильными крѣпостями не обѣщали ни малѣйшаго успѣха; обложеніе Меца и Тіонвиля съ обѣихъ сторонъ Мозеля требовало раздѣлить корпусъ на нѣсколько частей, которыя были-бы лишены сообщенія между собою по неимѣнію мостовъ, судовъ и понтоновъ. Число войскъ въ корпусѣ, вмѣстѣ съ неуспѣвшимъ еще присоединиться Восточно-Прусскимъ полкомъ, непревышало 20,000 человѣкъ (3). Въ такихъ обстоятельствахъ, едва-ли было основательно требовать, чтобы Іоркъ, при самомъ открытіи труднаго похода, пожертвовалъ «тысячу человѣкъ и болѣе» для дѣйствій, коихъ успѣхъ былъ крайне сомнителенъ. Генералъ Іоркъ, нежелая возложить отвѣтственность въ такомъ предпріятіи на подчиненныхъ ему генераловъ, рѣшился убѣдиться лично въ возможности даннаго ему порученія. Рекогносцировки имъ произведенныя удостовѣрили его, что всякое покушеніе овладѣть помянутыми крѣпостями было напрасно, а временное обложеніе ихъ могло повести къ раздробленію корпуса и не позволило-бы сосредоточить большую часть его прежде 16-го (28-го) генваря.

Въ главной квартирѣ Блюхера ожидали совершенно иныхъ послѣдствій отъ дѣйствій іоркова корпуса. Успѣшное покореніе Бюловымъ крѣпостей въ Голландіи подавало многимъ надежду, что французскіе коменданты нигдѣ неокажутъ упорнаго сопротивленія. Полагали, что Іоркъ несдѣлалъ всего, что̀ могъ сдѣлать: «генералъ Іоркъ—по словамъ Мюффлинга—проѣхался «отъ одной крѣпости къ другой и раздалъ вездѣ визитныя кар-«точки» (4). Послѣ этихъ неудачныхъ покушеній, Блюхеръ, отказавшись отъ нечаянныхъ нападеній на крѣпости, приказалъ Іорку, оставя для наблюденія за ними казачьи отряды и

*

часть подкрѣпленій слѣдовавшихъ къ арміи, двинуться къ Витри. У Саарлуи былъ оставленъ одинъ изъ прусскихъ ландверныхъ кавалерійскихъ полковъ, подъ начальствомъ маіора Биберштейна; генералъ-маіоръ Рёдеръ (Röder), съ частью кавалеріи клейстова корпуса, наблюдалъ за Люксамбургомъ и Тіонвилемъ, а генералъ-лейтенантъ Бороздинъ, съ полками Митавскимъ и Новороссійскимъ драгунскими и 2-мъ и 4-мъ Украинскими казачьими, въ числѣ отъ 1700 до 1800 человѣкъ, обложилъ Мецъ (5).

Генералъ Іоркъ, желая пріобрѣсть хорошее расположеніе жителей, воздерживался отъ реквизицій, коими столь неумѣренно пользовались Французы во все продолженіе наполеоновыхъ войнъ, и самъ за все платилъ наличными деньгами. Во время квартированія въ Понтъ-а-Муссонъ, гдѣ Іоркъ стоялъ въ зáмкѣ одного изъ французскихъ генераловъ, онъ потребовалъ при отъѣздѣ счетъ издержкамъ для заказаннаго имъ для себя обѣда на 20 приборовъ и получилъ отъ метръ-д'отеля въ отвѣтъ, что съ него не возмутъ ничего, и что хозяинъ считаетъ большою для себя честью пребываніе у него въ домѣ знаменитаго генерала Іорка. Но суровый Іоркъ, зная, что этотъ самый французскій генералъ, въ 1806-мъ году, находясь въ Берлинѣ, занималъ квартиру въ королевскомъ дворцѣ, потребовалъ къ себѣ метръ-д'отеля и сказалъ ему: «Конечно—я могу «и имѣю право нетолько занять этотъ зáмокъ, но разорить его «до основанія, (niederzureissen und Salz auf die Stätte zu «streuen), потому что вашъ генералъ имѣлъ дерзость помѣ«ститься въ берлинскомъ королевскомъ дворцѣ, какъ будтобы «въ своемъ домѣ, но я хочу показать всему Свѣту различіе «между прусскимъ и французскимъ генералами, и по тому «требую счетъ.» За тѣмъ приказано было выдать метръ-д'отелю двойную сумму (6).

Какъ въ главной квартирѣ 1-го прусскаго корпуса было получено вторичное предписаніе Блюхера (отъ 25-го генваря н. ст. изъ Гондрекура), объ ускореніи движенія къ Витри, то генералъ Іоркъ, прибывъ, 15-го (27-го), въ Сенъ-Мигіель, около полудня, тотчасъ выслалъ оттуда графа Генкеля (Henkel) съ

передовыми войсками авангарда къ Баръ-ле-Дюкъ, гдѣ надѣялись найти русскія войска. Ротмистръ Остенъ, съ 50-ю человѣками кавалерійскаго ландвера, шедшій въ головѣ генкелева отряда, прибывъ туда уже въ сумерки, въѣхалъ въ городъ со всею своею партіею, встрѣтилъ на торговой площади спѣшившуюся кавалерію, опросилъ ее и хотя не получилъ никакого отвѣта, однакоже, не обративъ на то вниманія, приказалъ своимъ людямъ слѣзть съ лошадей и отправился въ управленіе мера (mairie). Тамъ нашелъ онъ до двадцати французскихъ офицеровъ, хлопотавшихъ о квартирныхъ билетахъ столь усердно, что они вовсе незамѣтили его присутствія. Пользуясь тѣмъ, Остенъ незамѣтно вышелъ изъ комнаты, пробрался къ своимъ солдатамъ и тихомолкомъ приказалъ имъ сѣсть на коней. Но уже въ городѣ трубили тревогу, кавалерія спѣшила заградить путь прусскому отряду, пѣхота стала у выхода въ поле, а стрѣлки заняли домà на улицахъ. Несмотря однакоже на то, храбрый Остенъ пробился сквозь непріятелей и присоединился къ отряду Генкеля, потерявъ 17 человѣкъ. Самъ онъ былъ раненъ.

Извѣстіе объ этой стычкѣ, полученное Іоркомъ 16-го (28-го утромъ, удостовѣрило его въ занятіи непріятелемъ Баръ-ле-Дюка. Изъ рекогносцировки, сдѣланной по направленію къ сѣверу, оказалось, что сильный непріятельскій корпусъ (маршала Макдональда) прошелъ чрезъ Клермонъ; извѣстно было также, что Мармонъ отступилъ отъ Вердюна и находился въ Шалонѣ, и что Наполеонъ, прибывъ туда 13-го (25-го), отправился на слѣдующій день въ Витри; а по свидѣтельству жителей, 15-го (27-го), со стороны Сенъ-Дизьè слышна была сильная канонада. Положеніе іоркова корпуса, считавшаго въ рядахъ своихъ не болѣе 17,500 человѣкъ (7), было крайне опасно: будучи отрѣзанъ отъ Блюхера, онъ находился между наполеоновою арміею и французскими крѣпостями; жители страны, доселѣ остававшіеся равнодушными свидѣтелями борьбы войскъ, были возбуждены прибытіемъ Наполеона и его воззваніями. Казалось — требуемое имъ поголовное вооруженіе готово было осуществиться. Селенія, оставленныя ихъ обитателями, были

совершенно пусты; поселяне укрывались въ лѣсахъ, угоняли туда свой скотъ, прятали запасы, нападали на отсталыхъ либо на небольшіе отряды Союзныхъ армій, убивали солдатъ въ домахъ своихъ: возгоралась народная война.

Въ такихъ обстоятельствахъ, генералу Іорку слѣдовало, какъ можно поспѣшнѣе, открыть сообщеніе съ прочими Союзными войсками Неимѣя о нихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, можно было только предполагать, что ближе всѣхъ находился корпусъ графа Витгенштейна; при переправѣ отряда графа Генкеля черезъ Маасъ, у Гама (Ham), находящійся тамъ бродъ оказался неудобнымъ для артиллеріи, что̀ заставило Іорка, 16-го (28-го) генваря, послать туда только кавалерію авангарда и резерва, которой было предписано слѣдовать за войсками Генкеля прямо къ Баръ-ле-Дюку; пѣхота-же съ артиллеріей получила приказаніе переправиться черезъ Маасъ въ Коммерси, 15 верстъ выше Гама, и двигаться по дорогѣ въ Линьи (Ligny). Какъ Баръ-ле-Дюкъ былъ очищенъ Французами, то Генкель занялъ его безъ сопротивленія. Въ тотъ-же день, 16-го (28-го), получено было извѣстіе о дѣлѣ происходившемъ на-канунѣ у Сенъ-Дизьѐ и отступленіи оттуда отряда Ланскаго. Генералъ Іоркъ, по достиженіи 17-го (29-го) Линьи, получивъ достовѣрныя свѣдѣнія о занятіи Сенъ-Дизьѐ восемью тысячами человѣкъ маршала Мармона, условился съ графомъ Витгенштейномъ, стоявшимъ въ Жуанвилѣ, атаковать непріятеля совокупными силами; 18-го (30 го), въ 10 часовъ утра, прусскій корпусъ двинулся двумя колоннами къ Сенъ-Дизьѐ; а въ 3-мъ часу подошелъ къ городу самъ Іоркъ съ лѣвою колонною, въ которой находились три пѣхотныя бригады и резервная кавалерія, и тотчасъ атаковалъ непріятеля, не выждавъ прибытія своей правой колонны. Командовавшій французскими войсками генералъ Лагранжъ, получивъ приказаніе идти отъ Сенъ-Дизьѐ къ Бріеннѣ, отступилъ поспѣшно и былъ преслѣдованъ столь настойчиво, что не успѣлъ сорвать мостъ на Марнѣ. Восточно-Прусскіе фузелеры захватили одно орудіе и множество плѣнныхъ, а кавалерія продолжала наступленіе по бріеннской дорогѣ. Генералъ Іоркъ имѣлъ намѣреніе идти къ

Бріеннѣ, но 19-го (31-го) въ два часа утра пришло отъ графа Витгенштейна извѣстіе о полученномъ имъ изъ главной квартиры предписаніи—соединиться съ корпусомъ Іорка въ Сенъ-Дизьè и вмѣстѣ съ нимъ идти къ Витри. Какъ такое распоряженіе согласовалось съ послѣдними приказаніями Блюхера, о которомъ небыло никакихъ позднѣйшихъ свѣдѣній, то генералъ Іоркъ выслалъ 19-го-же (31-го), въ первомъ часу по полудни, 1-ю бригаду генерала Пирха въ авангардъ къ Витри, притянулъ обратно отъ Васси къ Сенъ-Дизьè свою кавалерію и на слѣдующій день, 20-го генваря (1-го февраля), выступилъ съ главными силами корпуса къ Витри. Различныя одно другому противорѣчившія распоряженія, присланныя къ Іорку изъ штабовъ обѣихъ Союзныхъ армій, замедлили сборъ его корпуса къ Витри до слѣдующаго дня ([8]). Генералъ Іоркъ покушался овладѣть укрѣпленнымъ мѣстечкомъ Витри, но встрѣтивъ сильное сопротивленіе, ограничился обложеніемъ его, а, между тѣмъ, отъ плѣнныхъ было получено свѣдѣніе, что Макдональдъ, прибывъ въ Шалонъ, выслалъ генерала Себастіани съ авангардомъ, въ числѣ до 6,000 человѣкъ, къ Ла-Шоссè, на половинѣ дороги отъ Витри къ Шалону. Генералъ Іоркъ, съ своей стороны, рѣшился 22-го генваря (3-го февраля), оставя бригаду Пирха для наблюденія за Витри, атаковать непріятеля прочими силами у Ла-Шоссе. Утромъ въ пять часовъ, подошелъ Юргасъ съ восемью эскадронами своихъ драгунъ къ Ла-Шоссè; графъ Генкель, съ шестью эскадронами ландвера и Лейбъ-фузелернымъ баталіономъ, стоялъ противъ занятаго непріятелемъ селенія Ольнè (Aulnay); вскорѣ въ слѣдъ за драгунами прибылъ Кацелеръ съ семью эскадронами авангарда, за которыми слѣдовали еще шесть; полковникъ Варбургъ съ пѣхотою авангарда оставался назади ([9]). Еще до разсвѣта на французскихъ бивакахъ раздались звуки трубъ и слышно было передвиженіе артиллеріи и войскъ. Прусская кавалерія тотчасъ построилась къ бою въ двѣ линіи, кинулась на встрѣчу непріятелю и послѣ нѣсколькихъ атакъ, быстро слѣдовавшихъ одна за другою, опрокинула его къ Ла-Шоссè, а пѣхота авангарда выбила Французовъ изъ этого селенія и заставила ихъ отсту-

пить за рѣчку Муавръ (Moivre), съ потерею 3-хъ орудій, 7-ми зарядныхъ ящиковъ, одного знамени національной стражи марнскаго департамента и нѣсколькихъ сотъ плѣнныхъ (10).

Генералъ Іоркъ, стянувъ подъ вечеръ къ Ла-Шоссè весь свой корпусъ, кромѣ бригады Пирха, остававшейся у Вертю, сдѣлалъ распоряженія къ общему нападенію на другой день, либо къ преслѣдованію, въ случаѣ отступленія Французовъ. Въ 10 часовъ ночи, передовыя прусскія войска, замѣтивъ, что непріятель снялся съ занятаго имъ берега Муавры, двинулись за нимъ въ слѣдъ, остановились въ полночь на нѣсколько часовъ, а потомъ, выступивъ еще до разсвѣта, подошли къ Шалону, 23-го генваря (4-го февраля) въ 9-мъ часу утра.

Городъ Шалонъ былъ окруженъ высокими стѣнами и частью — глубокимъ рвомъ; всѣ главныя улицы были заграждены баррикадами, а заставы прикрыты прочными тамбурами. На высотахъ лѣваго берега Марны, господствующихъ надъ равниною къ югу отъ города, Французы поставили двѣ 12-ти-фунтовыя батареи. Предмѣстье Сенъ-Меми (St. Memmie), на дорогѣ изъ Витри, сильно заняли пѣхотою. Большая часть кавалеріи генераловъ Арриги (герцогà Падуанскаго) и Эксельмана была переведена на лѣвую сторону рѣки; Келлерманъ (герцогъ Вальми) съ парками отошелъ по дорогѣ къ Эпернè, и тогда-же было приказано истребить всѣ мосты, паромы и суда между этимъ городомъ и Шалономъ. У Макдональда вообще было отъ 10,000 до 12,000 человѣкъ.

Генералъ-маіоръ Кацелеръ, приблизясь съ авангардомъ къ городу, потребовалъ сдачи и получивъ отказъ, ворвался съ своими фузелерами, въ 11 часовъ утра, въ предмѣстье Сенъ-Меми, выбилъ оттуда непріятеля и вышелъ въ слѣдъ за нимъ на площадку съ аллеями, отдѣлявшую предмѣстье отъ городскаго рва, но будучи встрѣченъ перекрестнымъ огнемъ трехъ орудій поставленныхъ у заставы Св. Іоанна и двѣнадцати-фунтовыхъ батарей съ лѣваго берега Марны, былъ принужденъ отступить сперва въ предмѣстье, а потомъ на мызу. Здѣсь близъ выхода въ поле, храбрые фузелеры оборонялись противъ сильнѣйшаго непріятеля нѣсколько часовъ. Въ продолженіе этой

перестрѣлки, прибылъ Іоркъ, а къ четыремъ часамъ по полудни стянулись почти всѣ прочія войска 1-го прусскаго корпуса. Обозрѣвъ кругомъ городъ, генералъ Іоркъ нашелъ близъ Реймсской заставы обвалъ въ стѣнѣ и рѣшился повести штурмъ съ этой стороны войсками 8-й бригады принца Вильгельма, въ подкрѣпленіе коему была назначена 7-я бригада Горна. Но для избѣжанія штурма и напрасной потери людей, положено было бомбардировать городъ въ слѣдующую ночь. Генералъ Іоркъ, приказавъ поставить на высотѣ близъ мѣльницы 12-ти-фунтовую батарею и восемь гаубицъ, послалъ графа Бранденбурга парламентёромъ въ городъ, съ требованіемъ сдачи и съ угрозою бомбардированія. Генералъ Себастіани, исправлявшій должность коменданта, объявилъ Бранденбургу, что будетъ данъ отвѣтъ изъ восьмидесяти орудій.

Генералъ Іоркъ приказалъ бомбардировать городъ Въ сумерки былъ открытъ огонь съ двѣнадцати-фунтовыхъ и гаубичныхъ батарей и въ то-же время Восточно-Прусскіе полки возобновили нападеніе на предмѣстье Сенъ-Меми. Отъ нѣсколькихъ удачно попавшихъ гранатъ произошли пожары. Перестрѣлка-же въ Сенъ-Меми постепенно слабѣла; Іоркъ, желая узнать причину тому, послалъ туда начальника своего штаба полковника Валентини, который, прискакавъ на мѣсто побоища, нашелъ, что солдаты открыли неожиданно два большихъ погреба съ шампанскимъ, приняли его за отличное бѣлое пиво, и опорожнивъ нѣсколько тысячъ бутылокъ, подверглись обычному дѣйствію коварнаго напитка: одни изъ нихъ продолжали штурмовать домà съ бутылкою въ рукѣ, другіе стрѣляли двойными зарядами, иные лежали въ сладкомъ снѣ подъ градомъ пулей, либо продолжали пить, оставя заботу объ угрожавшей имъ опасности. Получивъ донесеніе Валентини, Іоркъ приказалъ смѣнить провинившіеся полки бригадою Горна.

Въ полночь, когда въ прусскомъ корпусѣ уже оказался недостатокъ и въ артиллерійскихъ зарядахъ, и въ патронахъ, съ передовыхъ постовъ донесли о прибытіи парламентёра. Іоркъ приказалъ принять его. Явилась депутація, состоявшая изъ мера и почетнѣйшихъ гражданъ, въ сопровожденіи инженернаго пол-

ковника, который объявилъ, что герцогъ Тарентскій (Макдональдъ), снисходя на просьбу шалонскихъ жителей, приказалъ ему отправиться вмѣстѣ съ депутатами муниципалитета. За тѣмъ, меръ продолжалъ рѣчь полковника, прося о пощадѣ города и увѣряя, что маршалъ далъ слово очистить его въ 7 часовъ слѣдующаго утра. Генералъ Іоркъ отвѣчалъ, что «онъ воюетъ не съ мирными гражданами Шалона, а съ маршаломъ Макдональдомъ, и по тому готовъ заключить съ нимъ договоръ о выступленіи изъ города его войскъ.» Такимъ образомъ, по прихоти Судьбы, довелось Макдональду вести переговоры о сдачѣ защищаемаго имъ города съ Іоркомъ бывшимъ за тринадцать мѣсяцевъ предъ тѣмъ у него подъ начальствомъ. Какъ прибывшій съ депутатами полковникъ неимѣлъ никакого полномочія, то генералъ Іоркъ, по убѣдительнѣйшей просьбѣ гражданъ, послалъ съ ними въ городъ графа Бранденбурга, требуя: «во 1-хъ, немедленно очистить Реймское предмѣстье; во 2-хъ, выступить изъ города въ семь часовъ, и въ 3-хъ, оставить городъ и учрежденные въ немъ магазины въ такомъ состояніи, въ какомъ они находятся въ настоящее время.» Маршалъ гордо отвергалъ предложенныя ему условія, но былъ принужденъ покориться необходимости. Французскіе передовые посты немедленно отошли назадъ, а войска 8-й бригады принца Вильгельма заняли Реймское предмѣстье. На слѣдующій день, въ семь часовъ утра, раздался громовый ударъ. Это былъ взрывъ каменнаго моста на Марнѣ, по приказанію Макдональда. Іоркъ, узнавъ о такомъ явномъ нарушеніи Французами заключеннаго ими договора, тотчасъ вступилъ въ Шалонъ, но остановился у разрушеннаго моста, гдѣ противоположный берегъ рѣки былъ сильно занятъ стрѣлками Макдональда, для прикрытія отступленія его войскъ. Какъ въ то–же самое время пришло извѣстіе о занятіи Витри войсками Пирха, то генералъ Іоркъ предписалъ ему идти лѣвымъ берегомъ Марны къ Шалону, чтобы облегчить переправу корпуса. Но арріергардъ Макдональда, не выждавъ прибытіе прусской бригады, отступилъ въ сумерки, въ слѣдъ за прочими войсками, по дорогѣ къ Эпернѐ. Туда-же направился выступившій изъ Витри отрядъ генерала Монмари (Montmarie).

Въ награду за покореніе Шалона и Витри, Іоркъ получилъ австрійскій военный орденъ Маріи Терезіи ([11]).

24-го генваря (5-го февраля), въ тотъ самый день, когда генералъ Іоркъ овладѣлъ Шалономъ, Блюхеръ съ корпусами Сакена и Олсуфьева уже находился въ окрестностяхъ этого города.

На Военномъ Совѣтѣ Союзныхъ Государей и полководцевъ, собранномъ въ бріеннскомъ замкѣ, 21-го генваря (2-го февраля), было рѣшено, для облегченія продовольствованія войскъ, двинуть войска къ Парижу по двумъ направленіямъ. Одновременно съ наступленіемъ Главной арміи по долинѣ Сены, Блюхеръ, на основаніи общей диспозиціи, долженъ былъ: «приблизиться къ Марнѣ для поддержанія дѣйствій корпуса Іорка на Шалонъ» ([12]). По достиженіи-же войсками Блюхера Марны и по соединеніи его съ Іоркомъ, предполагалось, чтобы онъ, усилясь корпусами Клейста и Ланжерона, двинулся на Мо къ Парижу. Такое раздѣленіе силъ, способствуя удобнѣйшему снабженію обѣихъ армій средствами страны, не подвергало ихъ никакой опасности, еслибы, съ одной стороны, князь Шварценбергъ, не упуская изъ вида непріятеля, разстроеннаго въ бою при Ля-Ротьерѣ, не далъ ему времени оправиться, а съ другой—Блюхеръ наступалъ по возможности сосредоточенными силами. Въ такихъ обстоятельствахъ, Наполеонъ, вмѣсто того, чтобы обратиться съ главною массою силъ противъ Блюхера, нашелся-бы въ необходимости оставить ихъ для прикрытія Парижа отъ Большой Союзной арміи, а еслибъ онъ съ главными силами пошелъ противъ Блюхера, то не могъ-бы нанести ему большаго вреда и подалъ-бы случай князю Шварценбергу достигнуть Парижа.

21-го генваря (1-го февраля), Блюхеръ, получивъ приказаніе идти въ долину Марны, тотчасъ выступилъ съ войсками Сакена и Олсуфьева, въ числѣ 20,000 человѣкъ, по указанному направленію и на слѣдующій день прибылъ къ Сентъ-Уэнъ (St. Ouen). (*) Какъ легко было предвидѣть, что Макдональдъ

(*) Карта пространства между Лаономъ (Laon), Труа и Парижемъ.

будетъ искать соединенія съ Наполеономъ, то Блюхеръ двинулся 23-го генваря (4-го февраля) на перерѣзъ французскому корпусу, къ Феръ-Шампенуазу, отрядивъ Олсуфьева къ Соммесу, гдѣ пересѣкаются дороги отъ Витри къ Сезаннѣ и отъ Арси къ Шалону. На слѣдующій день, казачій полкъ, посланный для наблюденія за крѣпостцею Витри съ лѣваго берега Марны, доставилъ извѣстіе о движеніи непріятельской колонны изъ Витри по направленію къ Ватри. Это былъ отрядъ генерала Монмари съ большимъ паркомъ, для прикрытія коего Макдональдъ послалъ изъ Шалона кавалерію Эксельмана. Блюхеръ, имѣя въ виду отрѣзать непріятеля, направилъ свои войска двумя колоннами: Олсуфьева отъ Соммесу къ Ватри, а Сакена отъ Феръ-Шампенуазъ къ Судронъ (нѣсколько лѣвѣе Ватри). Какъ войскамъ послѣдняго, и въ особенности его кавалеріи выдвинутой по сезаннской дорогѣ, надлежало сдѣлать переходъ болѣе двадцати верстъ, то прибытіе ихъ замедлилось и Французы успѣли-бы уклониться отъ встрѣчи съ Русскими и присоединиться къ главнымъ силамъ Макдональда, еслибы не были принуждены остановиться у Бюсси-д'Эстрè (Bussy d'Estrée), чтобы покормить лошадей парка. Пользуясь тѣмъ, Сакенъ настигъ непріятеля въ сумерки и открылъ огонь изъ нѣсколькихъ орудій. Со втораго выстрѣла взлетѣлъ одинъ изъ французскихъ ящиковъ, а быстрое наступленіе егерей 10-й пѣхотной дивизіи довершило смятеніе и безпорядокъ въ паркѣ. Два орудія, тридцать зарядныхъ и патронныхъ ящиковъ, множество другихъ повозокъ и болѣе двухъ сотъ плѣнныхъ достались въ руки побѣдителямъ. Только лишь наступившая ночь спасла непріятеля отъ совершеннаго пораженія и способствовала ему уйти къ Берже́ръ и присоединиться къ ближайшимъ войскамъ Макдональда стоявшимъ близъ Вертю ([13]).

Въ слѣдующую ночь пришло въ главную квартиру Блюхера извѣстіе отъ Іорка о переговорахъ его съ маршаломъ Макдональдомъ и сдачѣ Шалона. Получивъ, въ слѣдъ затѣмъ, свѣдѣніе о занятіи прусскими войсками Витри, фельдмаршалъ приказалъ привести это мѣстечко въ оборонительное положеніе и снабдить его небольшимъ гарнизономъ. 25-го генваря (6-го

февраля), открыты были непріятельскіе арріергарды на обѣихъ дорогахъ ведущихъ отъ Шалона къ Парижу. Одна изъ нихъ, большая почтовая, пролегала по лѣвому берегу Марны до Шато-Тіери, потомъ переходила по каменному мосту на правый берегъ и продолжалась по немъ до Ла-Фертѐ-су-Жуаръ, гдѣ снова переходила на лѣвую сторону рѣки; другая, проселочная, постоянно шла лѣвымъ берегомъ Марны до Ла-Фертѐ и далѣе до Трильпора. Обѣ онѣ были вымощены камнемъ и весьма удобны для движенія войскъ. По первой дорогѣ отступали главныя силы Макдональда, а по второй только небольшая часть его корпуса (остатки отряда Монмари).

Генералъ Іоркъ, по занятіи Шалона, приказалъ возобновить взорванный непріятелемъ мостъ, а въ то-же время стягивались войска и снабжался паркъ отбитыми у Французовъ зарядами. 26-го генваря (7-го февраля) Союзники продолжали преслѣдовать Макдональда, который еще наканунѣ отошелъ къ Эпернѐ. Большіе обозы и парки, находившіеся при его корпусѣ, замедляли его отступленіе, и по тому Блюхеръ надѣялся, направя корпусъ Сакена по проселочной дорогѣ на Монмираль, предупредить непріятеля въ Ла-Фертѐ-су-Жуаръ и отрѣзать ему отступленіе, между тѣмъ какъ Іоркъ будетъ преслѣдовать его съ тыла по большой дорогѣ. Подобныя дѣйствія, будучи исполнены съ надлежащею быстротою, повели-бы къ уничтоженію макдональдова корпуса, либо, по крайней мѣрѣ, къ овладѣнію всѣми находившимися при немъ парками и обозами. Вмѣсто того, Блюхеръ, получивъ донесенія о предстоявшемъ прибытіи корпусовъ Клейста и Капцевича въ окрестности Вертю, остался тамъ въ ожиданіи ихъ, съ войсками Олсуфьева, и тѣмъ нетолько ослабилъ Сакена, но лишилъ себя возможности распоряжать своевременно дѣйствіями своихъ корпусовъ.

28-го генваря (9-го февраля) прибыли къ Вертю корпусы Клейста и Капцевича.

Корпусъ Клейста, послѣ сраженія при Лейпцигѣ, былъ оставленъ для обложенія Эрфурта; когда-же, на основаніи

конвенціи, заключенной 8-го (20-го) декабря 1813 года Клейстомъ съ эрфуртскимъ комендантомъ дивизіоннымъ генераломъ д'Альтономъ, гарнизонъ, очиствъ городъ, отступилъ въ цитадели Петерсбергъ и Циріаксбургъ, прусскій корпусъ получилъ назначеніе—присоединиться къ блюхеровой арміи дѣйствовавшей во Франціи. Генералъ-лейтенантъ Клейстъ, оставя въ Эрфуртѣ отрядъ генералъ-маіора Ягова, въ составѣ пятнадцати баталіоновъ, восьми эскадроновъ, одной батареи и одной піонерной роты ([14]), выступилъ 6-го генваря н. ст. съ остальными войсками, въ числѣ 14,000 человѣкъ ([15]), къ Кобленцу, переправился тамъ черезъ Рейнъ и оставя назади 9-ю бригаду генералъ-маіора Клюкса, съ приказаніемъ соединиться у Трира съ высланнымъ туда прежде отрядомъ генералъ-лейтенанта Рёдера, двинулся далѣе обоими берегами Мозеля съ 10,000 человѣкъ ([16]). За тѣмъ, обойдя крѣпости Тіонвиль и Мецъ, корпусъ Клейста продолжалъ движеніе черезъ Коммерси къ Шалону, прибылъ туда 26-го генваря (7-го февраля) и перешелъ къ Вертю 28-го (9-го февраля) ([17]).

Генералъ-лейтенантъ Капцевичъ, находившійся подъ Майнцемъ, прибылъ съ 8-ю дивизіей и резервными полубаталіонами своего корпуса къ Вертю также 28-го генваря (9-го февраля) ([18]).

Въ это время Силезская армія занимала слѣдующее расположеніе: Сакенъ съ 16,000 человѣкъ, прибывъ наканунѣ въ Монмираль, остался тамъ дневать, выдвинувъ авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Васильчикова, къ Ла-Фертè-су-Жуàръ; Іоркъ съ 18,000 человѣкъ стоялъ у Дорманъ; авангардъ его, подъ начальствомъ генералъ-маіора Кацелера, атаковалъ наканунѣ арріергардъ Макдональда, состоявшій изъ дивизіи генерала Брейера (Brayer), на высотахъ позади Дорманъ, и потомъ смѣнившій брейеровы войска отрядъ Монмари, у Крезанси. Непріятель отступилъ къ Шато-Тіери, взорвавъ мостъ на Марнѣ. На слѣдующій день, 9-го февраля н. ст., Кацелеръ, наведя мостъ на судахъ выше разрушеннаго Французами, преслѣдовалъ непріятельскій арріергардъ къ Ла-Фертè,

а Васильчиковъ, прибывъ по дорогѣ изъ Монмираля, вогналъ въ этотъ городъ стоявшія впереди его дивизіи Брейера и Молитора и отбилъ у нихъ три орудія. Но Макдональдъ, усиленный двумя тысячами конскриптовъ, отразилъ русскія войска и на слѣдующій день, уничтоживъ за собою мосты въ Ла-Фертè и Трильпорѣ, отступилъ къ Мо, гдѣ присоединились къ его корпусу 8,000 человѣкъ національной стражи. Одновременно съ движеніемъ Іорка къ Дорманъ и Сакена къ Монмиралю, прочія войска Блюхера остались далеко назади, именно: Олсуфьевъ съ 4,000 человѣкъ у Шампобера; Клейстъ съ 8,000 человѣкъ у Вертю; Капцевичъ съ 6,000 человѣкъ между Вертю и Витри. Слѣдовательно блюхерова армія, въ числѣ 50,000 человѣкъ, была растянута на 70 верстъ ([19]).

Союзный полководецъ, не имѣя возможности руководить дѣйствіями Сакена и Іорка, долженъ былъ дать имъ опредѣлительную инструкцію на случай встрѣчи съ превосходными силами непріятеля. Такая предосторожность была тѣмъ болѣе необходима, что высланные по дорогамъ къ Ла-Фертè-Гошè и Вилленоксъ, для открытія сообщенія съ графомъ Витгенштейномъ, казаки Карпова не успѣли исполнить даннаго имъ порученія, и по тому Блюхеръ, не имѣя достовѣрныхъ свѣдѣній ни о Главной арміи, ни о непріятелѣ, не могъ считать себя обезпеченнымъ отъ нечаяннаго нападенія.

И дѣйствительно —въ то самое время, когда Блюхеръ мечталъ о наступленіи къ Парижу, Наполеонъ готовился нанести ударъ Силезской арміи.

ГЛАВА IX.

Дѣла при Шампоберѣ, Монмиралѣ, Шато-Тіери, Вошанѣ и Этожѣ (*)

СОДЕРЖАНІЕ.

Краткое описаніе мѣстности между Сеною и Марною.—Движеніе Наполеона къ Сезаннѣ.—Предписанія данныя Сакену и Іорку.—Движеніе Наполеона къ Шампоберу.—Движеніе Блюхера съ корпусами Клейста и Капцевича къ Феръ-Шампенуазъ —*Дѣло при Шампоберѣ.*

Отряженіе Мармона у Этожа и движеніе Наполеона къ Монмиралю.—Движеніе Блюхера къ Бержѣръ (близъ Вертю). Движеніе Сакена отъ Ла-Ферте-су-Жуаръ къ Монмиралю. Движеніе Іорка ему въ помощь отъ Шато-Тіери.—*Дѣло при Монмиралѣ.* Ночное отступленіе обоихъ Союзныхъ корпусовъ черезъ Вифоръ. *Дѣло при Шато-Тіери.* Отступленіе Союзниковъ за Марну. Отряженіе въ слѣдъ за ними маршала Мортьѐ. Положеніе Союзныхъ войскъ.

Наступленіе Блюхера противъ Мармона.—Прибытіе Наполеона къ Монмиралю.—*Дѣла при Вошанѣ, Жанвильѐ и Этожѣ.*

Отступленіе Блюхера къ Шалону и сосредоточеніе его арміи. Потери его вообще.—Отряженіе большей части французской арміи въ долинѣ Марны и движеніе Наполеона къ Мо. Выступленіе Блюхера отъ Шалона къ Мери.

Дѣйствія отряда Дибича въ долинѣ Марны.

Замѣчанія на дѣйствія обѣихъ сторонъ.

По отступленіи отъ Труà къ Ножану, Наполеонъ, съ частью своей арміи, обратился противъ Блюхера. Переходъ изъ долины Сены въ долину Марны, по тому направленію, по которому онъ рѣшился двинуться, былъ весьма затруднителенъ. Пространство между этими рѣками можетъ быть раздѣлено по-

---

(*) Карта для поясненія дѣлъ при Шампоберѣ, Монмиралѣ, Шато-Тіери, Вошанѣ и Этожѣ.

перечною чертою отъ Мери или Планси, чрезъ Феръ-Шампенуазъ, до Эпернè, длиною около 60-ти верстъ, на двѣ части совершенно различныхъ свойствъ. Мѣстность къ востоку отъ помянутой черты есть волнообразная равнина, имѣющая мѣловую почву, голую, неспособную къ земледѣлію, населена бѣдно и не представляетъ никакихъ средствъ къ содержанію войскъ, но удобна для ихъ движенія; здѣсь пролегала лучшая изъ поперечныхъ дорогъ, соединяющихъ долину Сены съ долиною Марны, именно та, которая ведетъ отъ Арси-на-Обѣ къ Шалону. Напротивъ того, западная часть полосы пролегающей между помянутыми рѣками имѣетъ плодоносную почву и хорошо населена, но гориста и пересѣчена многими преградами. Рѣки Большой-Моренъ (Grand Morin) и Малый-Моренъ (Petit Morin), впадающія въ Марну, текутъ отъ востока къ западу по болотистымъ долинамъ; въ особенности-же обширныя болота встрѣчаются въ верхней части Малаго-Моренъ у Сенъ-Гондъ. На этомъ-же пространствѣ пролегали довольно большіе лѣса. Поперечныхъ дорогъ между долинами Сены и Марны здѣсь было три, именно: 1) изъ Эпернè, черезъ Вертю и Феръ-Шампенуазъ, въ Планси; 2) изъ Эпернè, черезъ Шампоберъ либо Монмираль, и далѣе на Сезаннъ и Вилленоксъ, въ Ножанъ, и 3) изъ Мо, на Куломьè и Провѣнъ, въ Ножанъ; но всѣ эти дороги, чрезвычайно грязныя въ зимнюю пору, были почти непроходимы (¹)

28 генваря (9-го февраля) всѣ французскія войска, выступившія съ рѣки Сены противъ Блюхера, въ числѣ 30,000 человѣкъ, собрались въ Сезаннѣ (*), куда въ слѣдующую ночь перешла главная квартира Наполеона. Нѣсколько казачьихъ полковъ генералъ-маіора Карпова, стоявшіе въ Сезаннѣ, отступили къ Монмиралю, на присоединеніе къ войскамъ Сакена, который, считая себя совершенно обезпеченымъ со стороны Сезанны непроходимостью долины Малаго-Моренъ, принялъ появленіе французскихъ войскъ за партизанскій набѣгъ. Между тѣмъ, французская артиллерія съ большимъ лишь трудомъ

(*) Глава VII-я.

успѣла прибыть изъ Вилленоксъ въ Сезаннъ. Далѣе-же дорога считалась совершенно неудобною для обозовъ. Въ разстояніи около восьми верстъ отъ Сезаннъ, у Сенъ-При (St. Prix), она проходитъ чрезъ сенъ-гондскія болота, окаймляющія верховье рѣки Малый-Моренъ; за ними возвышается плато̀, по которому пролегала вымощенная камнемъ дорога изъ Шалона, чрезъ Этожъ, Шампоберъ и Монмираль, въ Мо ([2]). Еще накануне, 27-го генваря (8-го февраля), Мармонъ съ дивизіей Лагранжа и кавалеріей Думерка перешелъ отъ Сезанны къ Шаптону (Chapton) и занялъ мостъ у Сенъ-При. Но какъ половина артиллеріи и всѣ обозы его корпуса оставались въ Сезаннѣ, то маршалъ, не надѣясь перевесть ихъ по весьма неудобной дорогѣ на Сенъ-При къ Шампоберу, и опасаясь тамъ встрѣтить превосходныя силы Союзниковъ, отошелъ назадъ 28-го генваря (9-го февраля) къ Сезаннѣ, куда, между тѣмъ, прибыли и прочія войска Наполеона. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Мармономъ, дорога отъ Сезанны къ Монмиралю была еще хуже той, которая вела къ Шампоберу, и потому онъ предложилъ идти на Ла-Фертѐ-Гошѐ (La-Ferté-Gaucher) къ Мо, чтобы соединиться тамъ съ Макдональдомъ ([3]). Но Наполеонъ, убѣдясь изъ донесенія Мармона, что небыло явной невозможности пройти къ Шампоберу, рѣшился двинуться туда со всею арміею. Приказано было собрать съ окрестной страны лошадей и приглашены жители содѣйствовать передвиженію войскъ черезъ топи между Сезанною и Сенъ-При. Въ продолженіе ночи сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія къ предстоявшему походу ([4]). Между тѣмъ Олсуфьевъ получилъ съ передовыхъ своихъ постовъ, стоявшихъ у Сенъ-При, извѣстіе о наступленіи по сезаннской дорогѣ сильной непріятельской колонны; но въ слѣдъ за тѣмъ, когда войска Мармона ушли назадъ, кратковременное появленіе ихъ было оставлено безъ надлежащаго вниманія, и даже неозаботились уничтожить мостъ на Маломъ-Моренъ, у Сенъ-При. Получивъ донесеніе Олсуфьева, фельдмаршалъ предписалъ Сакену оставаться 29-го генваря (10-го февраля) у Монмираля и наблюдать за непріятелемъ къ сторонѣ Сезанны, а въ случаѣ наступленія противъ него превосход-

ныхъ силъ, отступить вмѣстѣ съ генераломъ Іоркомъ за Марну. Но посланному съ этимъ приказаніемъ адъютанту Мюффлинга, поручику Герлаху, генералъ Гнейзенау поручилъ сказать Сакену, что какъ онъ можетъ получить точнѣйшее свѣдѣніе о непріятелѣ появившемся у Сезанны, то, въ случаѣ, ежели съ этой стороны не будетъ предстоять опасности, онъ можетъ продолжать движеніе къ Ла-Фертè-су-Жуаръ. Генералу Іорку была отправлена копія съ инструкціи данной Сакену съ приказаніемъ—соображать съ нею свои дѣйствія ([5]).

Съ разсвѣтомъ 29-го генваря (10-го февраля) выступилъ отъ Сезанны къ Сенъ-При Мармонъ съ 1-мъ кавалерійскимъ и 6-мъ пѣхотнымъ корпусами; за ними слѣдовали прочія наполеоновы войска. При движеніи черезъ болота Малаго Моренъ, люди увязали въ грязи и теряли обувь, лошади едва могли передвигать ноги, колеса орудій углублялись по-ступицу, но крестьяне и лошади ихъ выручили артиллерію, и французскія войска, изнемогавшія отъ усталости, но ободренныя присутствіемъ своего Императора, раздѣлявшаго съ ними труды этого необычайнаго перехода, наконецъ достигли моста у Сенъ-При. Фортуна, какъ будто-бы забывшая на–время своего любимца, оказала ему явное покровительство. Если-бы Наполеонъ отъ Сезанны направился къ Монмиралю, то встрѣтился-бы тамъ съ корпусомъ Сакена и едвали–бы могъ дебушировать на платò. Напротивъ того, двинувшись къ Шампоберу, ему нетрудно было превозмочь сопротивленіе небольшаго отряда Олсуфьева, неимѣвшаго при себѣ кавалеріи, и потому лишеннаго возможности развѣдывать о непріятелѣ. У генерала Олсуфьева, въ такъ называемомъ 9-мъ пѣхотномъ корпусѣ, состояло всего на все 3,690 человѣкъ съ 24-мя орудіями и только 12 конныхъ вѣстовыхъ.

Утромъ 29-го генваря (10-го февраля), Олсуфьевъ, получивъ, отъ высланнаго съ разъѣздомъ Лейбъ-гусарскаго полка поручика Панчулидзева, извѣстіе о наступленіи непріятеля въ значительныхъ силахъ по дорогѣ изъ Сезаннъ, послалъ генерала Удома, съ четырьмя егерскими полками и 6-ю орудіями, занять деревню Байè (Baye). Непріятель въ 9 часовъ атако-

валъ Удома, выставилъ противъ него 12 орудій и безпрестанно усиливался, что заставило Олсуфьева придвинуть къ авангарду остальныя войска и занять ими позицію между селеніями Байе и Банне (Bannay). Хотя за неимѣніемъ кавалеріи, которая подъ конецъ дѣла состояла въ тридцати человѣкахъ присланныхъ Блюхеромъ изъ собственнаго его конвоя, нельзя было слѣдить за движеніями непріятеля, однакоже въ первомъ часу по полудни обнаружилось его намѣреніе—обойти Шампоберъ съ обоихъ фланговъ. Олсуфьевъ созвалъ на совѣщаніе генераловъ. Всѣ они предложили отойти немедленно на Этожъ къ Вертю, гдѣ находилась главная квартира арміи, и соединиться съ корпусами Клейста и Капцевича, но Олсуфьевъ не рѣшился отступать, имѣя повелѣніе держаться въ Шампоберѣ, и увѣрялъ своихъ сподвижниковъ, будто-бы корпусы Клейста и Капцевича тогда находились у Сезанны, въ тылу Французовъ (6).

Дѣйствительно—въ это время сіи корпусы и главная квартира Блюхера двигались къ Сезаннѣ. 28-го генваря (9-го февраля), Блюхеръ получилъ изъ главной квартиры Императора Александра извѣщеніе, что непріятельская армія сосредоточивается у Ножана, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъявлена была воля Государя, чтобы корпусъ Клейста поступилъ на усиленіе войскъ графа Витгенштейна, а въ замѣну его корпусъ Винцингероде присоединился къ Силезской арміи (7). Фельдмаршалъ, полагая, что корпусовъ Сакена и Іорка было слишкомъ достаточно для дѣйствій противъ слабаго макдональдова корпуса, направилъ, 29-го генваря (10-го февраля), корпусы Клейста и Капцевича къ Феръ-Шампенуазъ, отправился въ слѣдъ за ними изъ Этожа, (куда перешла главная квартира изъ Вертю ввечеру 9-го февраля н. ст.), и предполагалъ соединить оба корпуса съ войсками Олсуфьева на слѣдующій день у Сезанны. Еще находясь въ Этожѣ, 29-го генваря (10-го февраля) утромъ, Блюхеръ получилъ отъ графа Витгенштейна извѣстіе, что Наполеонъ направился къ Сезаннѣ. Генералу Іорку было послано приказаніе идти къ Монмиралю и устроить переправу у Шато-Тіерри, на случай отступленія за Марну корпусовъ его и

сакенова. Нѣсколько спустя, около полудня, Блюхеръ узналъ отъ прибывшаго изъ Монмираля поручика Герлаха, что Сакенъ, убѣдясь въ совершенной безопасности отъ нападенія со стороны Сезаннъ, двинулся къ Ла-Фертѐ, для отрѣзанія Макдональда; тогда-же подтвердились показанія плѣнныхъ, что Наполеонъ ночевалъ въ Сезаннѣ; а на маршѣ въ Фершампенуазъ— пришли донесенія о пораженіи Олсуфьева (⁸).

Генералъ Олсуфьевъ, необращая вниманія на единогласное мнѣніе подчиненныхъ ему генераловъ, рѣшился обороняться до послѣдней крайности въ невыгодной позиціи занятой его войсками впереди Шампобера. Причиною тому были упреки, которымъ подвергся онъ за то, что, въ сраженіи при Бріеннѣ, не занявъ своею пѣхотою города, допустилъ туда вторгнуться непріятелю. Это обстоятельство произвело на него такое сильное впечатлѣніе, что, не смотря на явную опасность угрожавшую его войскамъ, онъ упрямо оставался у Шампобера и сталъ отступать только тогда, когда уже было поздно. Дивизія Рикара съ кавалеріей Бордесуль овладѣла селеніемъ Байе, а французская гвардія—Баннѐ: русскія войска, обойденныя съ обоихъ фланговъ, были принуждены отступать къ Шампоберу. Едва отправили назадъ 12 орудій, какъ замѣчено было движеніе непріятеля чрезъ лѣсъ на перерѣзъ шоссѐ ведущаго въ Этожъ. Олсуфьевъ, опасаясь потерять сообщеніе съ Блюхеромъ, (о передвиженіи коего отъ Вертю къ Феръ-Шампенуазъ неимѣлъ никакихъ свѣдѣній), повелъ къ шоссѐ большую часть своихъ войскъ, а генералъ-маіору Полторацкому, съ Нашебургскимъ и Апшеронскимъ полками и съ 9-ю орудіями, приказалъ держаться въ Шампоберѣ. Французы, считая войска Полторацкаго несравненно сильнѣйшими нежели они были въ дѣйствительности, выставили противъ нихъ большія батареи и открыли огонь по мѣстечку занятому русскою пѣхотою (*), а между тѣмъ кавалерія продолжала обходить Русскихъ съ фланговъ. Генералъ Полторацкій удачно отразилъ нѣсколько кавалерій-

---

(*) Въ настоящее время, еще можно видѣть французское ядро засѣвшее въ стѣнѣ одного изъ домовъ въ Шампоберѣ.

скихъ атакъ, но вскорѣ, изстрѣлявъ всѣ свои патроны, былъ принужденъ отбиваться штыками; вслѣдъ за тѣмъ дивизія Рикара вытѣснила изъ мѣстечка русскую пѣхоту. Тогда Полторацкій, отрѣзанный отъ прочихъ войскъ Олсуфьева, обратился къ лѣсу лежащему въ двухъ верстахъ отъ Шампобера. Французы, замѣтя разстройство въ его отрядѣ, два раза присылали парламентёра, требуя сдачи, и получивъ отказъ, выдвинули впередъ нѣсколько конныхъ орудій и открыли огонь по пѣхотѣ построившейся въ каре и спѣшившей къ лѣсу. Непріятель успѣлъ предупредить русскія войска и занявъ лѣсъ стрѣлками, встрѣтилъ отступавшее каре сильною пальбою; въ тоже время кавалерія возобновила атаки. Окруженныя со всѣхъ сторонъ Французами, громимыя картечью и осыпаемыя градомъ пуль, войска Полторацкаго были частью истреблены, частью взяты въ плѣнъ; десять орудій находившихся при отрядѣ достались непріятелю.

Въ продолженіе времени этого боя, Олсуфьевъ съ большою частью своего корпуса покушался пробиться къ Этожу, но, не успѣвъ въ томъ, повернулъ влѣво, по дорогѣ на Эпернѐ, къ селенію Лакорѐ, чтобы пробраться въ обходъ къ Монмиралю. Темнота вечера и густая грязь замедлили движеніе отряда. Достигнувъ прудовъ именуемыхъ *пустынею* (les Deserts), русскія войска были одновременно атакованы пѣхотою Рикара вышедшею изъ Шампобера и кирасирами Думерка свернувшими влѣво съ этожской дороги. Сражаясь цѣлый день, изстрѣлявъ всѣ патроны, обороняясь штыками, войска Олсуфьева наконецъ были разстроены и самъ онъ въ сумотохѣ попался въ плѣнъ. Неустрашимый генералъ Корниловъ, какъ старшій, принявъ начальство надъ войсками, «рѣшился вмѣстѣ съ генераломъ Удомомъ, защищаться до послѣдней капли крови, не-«отдаваясь въ плѣнъ. Собравъ остатки корпуса, тысячъ до «двухъ нижнихъ чиновъ съ штабъ и оберъ-офицерами и 15 «орудій, они сохранили всѣ знамена, а вмѣстѣ съ ними и «честь, пробились сквозь непріятеля и прошли лѣсами въ Портъ-«а-Бинсонъ», ([9]) на дорогу изъ Эпернѐ въ Шато-Тіери. По словамъ Спорщиля—«русскія войска при Шампоберѣ нетолько

сохранили честь, но покрыли себя безсмертною славою, сражаясь безъ кавалеріи противъ четверныхъ силъ, предводимыхъ самимъ Наполеономъ, съ утра до поздней ночи» ([10]). Уронъ корпуса Олсуфьева въ этомъ дѣлѣ вообще простирался до 2,000 человѣкъ, девяти орудій и нѣсколькихъ зарядныхъ ящиковъ. Въ числѣ плѣнныхъ, кромѣ генераловъ Олсуфьева и Полторацкаго, находился артиллеріи полковникъ Засядко ([11]). Со стороны Французовъ, уронъ вообще не превышалъ 600 человѣкъ; въ числѣ раненыхъ былъ генералъ Лагранжъ ([12]).

Наполеонъ пригласилъ къ себѣ ужинать генерала Олсуфьева, но какъ Олсуфьевъ съ большимъ лишь трудомъ объяснялся по французски, то Наполеонъ послалъ за Полторацкимъ и въ присутствіи маршала Бертье, Нея, Мармона и министра иностранныхъ дѣлъ Марè, спросилъ у него:

«Сколько васъ сегодня было въ дѣлѣ?»

«3,690 человѣкъ съ 24-мя орудіями,» отвѣчалъ Полторацкій.

«Вздоръ! Неможетъ быть! Въ вашемъ корпусѣ было, по крайней мѣрѣ, 18,000 человѣкъ.» —

«Русскій офицеръ не станетъ говорить вздора: слова мои — настоящая истина. Впрочемъ вы можете спросить о томъ другихъ плѣнныхъ.» —

«Если это правда, то, по чести, одни Русскіе умѣютъ такъ жестоко драться. Я прозакладывалъ-бы голову, что васъ было, по меньшей мѣрѣ, 18,000.» —

«Однакоже мы разбиты и я въ плѣну.» —

«Это ничего незначитъ. У вашего Императора въ плѣну до пятидесяти лучшихъ моихъ генераловъ, которые вамъ ни въ чемъ не уступятъ. Хотя въ побѣдѣ моей нѣтъ большой чести, потому что войска мои дрались съ вами цѣлый день, однакоже послѣдствія дѣла для меня важны: сегодня я разбилъ васъ, завтра уничтожу Сакена, въ четвергъ авангардъ Витгенштейна, въ пятницу нанесу Блюхеру такой ударъ, отъ котораго ему неопомниться, а потомъ на Вислѣ предпишу миръ Императору Александру.» —

«Дѣло довольно трудное,» возразилъ Полторацкій.

За тѣмъ Наполеонъ завелъ разговоръ о войнѣ 1812 года и сознался, что Кутузовъ обманулъ его своимъ фланговымъ маршемъ. Но когда дошла рѣчь до пожара Москвы, то онъ, разсердясь не на шутку, сказалъ:

«Сжечь столицу—варварская мысль, пятно для вашей націи. Я бралъ Берлинъ, Мадридъ, Вѣну, и нигдѣ этого неслучалось.»—

«Русскіе не раскаиваются, а восхищаются послѣдствіями своихъ дѣлъ.»—

Наполеонъ, топнувъ ногою, приказалъ плѣнному выдти вонъ, но, въ слѣдъ за тѣмъ, опять потребовалъ къ себѣ, осыпалъ похвалами и вдругъ спросилъ:

«Въ какомъ числѣ русская гвардія? Какъ сильна ваша армія? Гдѣ вашъ Государь? Гдѣ генералъ..... и проч.

На всѣ такіе вопросы Полторацкій отвѣчалъ: «незнаю.»—

«Я хотѣлъ-бы имѣть удовольствіе побесѣдовать съ вами, но вашъ отвѣтъ: незнаю, меня останавливаетъ.»

Полторацкій объяснилъ, что расположеніе арміи есть тайна, которую не позволяютъ ему нарушать присяга Государю и долгъ отечеству.

Наполеонъ, снова потерявъ терпѣніе, вторично выслалъ плѣннаго изъ комнаты и приказалъ отправить его въ Парижъ и имѣть за нимъ особенное наблюденіе ([13]).

За ужиномъ, на которомъ, кромѣ Олсуфьева, были Бертье, Ней и Мармонъ, Наполеонъ, обрадованный одержанною побѣдою, сказалъ:

«Отъ чего зависитъ судьба государствъ! Если завтра мы будемъ имѣть такой-же успѣхъ надъ Сакеномъ, то непріятель уйдетъ за Рейнъ скорѣе, нежели пришелъ сюда, и я буду опять на Вислѣ».—

Замѣтя однакоже, что такіе порывы не находили сочувствія въ его сподвижникахъ, Наполеонъ прибавилъ:

«И я помирюсь на томъ, чтобы Франція сохранила свои естественныя границы».— ([14]).

Еще до окончанія дѣла при Шампоберѣ, Наполеонъ послалъ нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба въ Мо, къ маршалу Макдональду, съ извѣщеніемъ объ одержанной побѣдѣ и съ приказаніемъ наступать противъ преслѣдовавшихъ его Союзныхъ войскъ. Въ сумерки главная квартира французской арміи расположилась въ Шампоберѣ. Гвардія съ частію дивизіи Рикара стала бивуаками на полѣ сраженія; дивизіи Лагранжа съ кавалеріей Бордесуль и Думерка—близъ Этожа, а Нансути съ двумя гвардейскими кавалерійскими полками (dragons et lanciers de la garde) и съ одною бригадою дивизіи Рикара, двинулся къ Монмиралю и прогналъ казачью партію занимавшую сей городъ. На слѣдующій день, 30-го генваря (11-го февраля), Наполеонъ оставилъ Мармона, съ дивизіей Лагранжа и съ кавалеріей Груши, (въ составѣ корпуса Бордесуль и дивизіи Думерка), всего до 3,000 человѣкъ пѣхоты и 2,000 человѣкъ кавалеріи, у Этожа, для наблюденія за войсками Блюхера, стоявшаго близъ Вертю, а самъ, съ остальными полками гвардейской кавалеріи, гвардейскою пѣхотою и одною бригадою дивизіи Рикара, выступилъ, въ пять часовъ утра, къ Монмиралю, гдѣ, вмѣстѣ съ высланными туда прежде войсками Нансути, предполагалъ собрать болѣе 15,000 человѣкъ пѣхоты и 5,000 кавалеріи ([15]).

Фельдмаршалъ Блюхеръ, подъѣзжая въ сумерки 29-го генваря (10-го февраля) къ Феръ-Шампенуазу, получилъ посланное къ нему Олсуфьевымъ въ первомъ часу по полудни донесеніе, о нападеніи на его отрядъ непріятеля въ превосходныхъ силахъ; вслѣдъ за тѣмъ, пришли извѣстія о пораженіи русскихъ войскъ при Шампоберѣ. Главнокомандующій тотчасъ послалъ генерала графа Витта въ главную квартиру князя Шварценберга, съ порученіемъ узнать достовѣрно, что происходило на пространствѣ между Марною и Обою, а, между тѣмъ, опасаясь быть атакованнымъ со стороны Сезанны, перевелъ въ слѣдующую ночь корпусы Клейста и Капцевича къ Бержеръ. Туда-же собрались по частямъ остатки корпуса Олсуфьева ([16]).

Какъ въ числѣ 14,000 человѣкъ, находившихся у Бер-

жеръ (*), было неболѣе 500 кавалеристовъ, а мѣстность между Бержеръ и Шалономъ представляетъ обширную равнину, гдѣ Наполеонъ могъ съ большою выгодою ввести въ дѣло свою многочисленную кавалерію, то Блюхеръ предполагалъ, въ случаѣ нападенія на него главныхъ силъ французской арміи, отступать къ Эпернè вдоль возвышеній покрытыхъ виноградниками и садами. Непріятель ограничился занятіемъ Этожа и не пошелъ далѣе, изъ чего обнаружилось, что Наполеонъ обратился къ Монмиралю. Въ сторонѣ этого города, 30-го генваря (11-го февраля), въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, раздавалась сильная канонада; но Блюхеръ, находясь въ сорока верстахъ отъ мѣста сраженія и не имѣя при себѣ достаточно кавалеріи, былъ принужденъ оставаться въ бездѣйствіи (17).

Въ тотъ самый день, когда происходило дѣло при Шампоберѣ, 29-го генваря (10-го февраля), корпусъ Сакена занялъ Ла-Фертè-су-Жуаръ Авангардъ его, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Васильчикова, опрокинувъ вышедшаго изъ города непріятеля, захватилъ три орудія и преслѣдовалъ Французовъ до Трильпора, гдѣ остановился у взорваннаго ими каменнаго моста; часть авангарда дошла до города Мо. Ночью генералъ Сакенъ, получивъ повелѣніе Блюхера—идти къ Монмиралю и вмѣстѣ съ Іоркомъ проложить себѣ путь къ Вертю, на соединеніе съ корпусами Клейста и Капцевича—немедленно выступилъ по указанному направленію и приказалъ разрушить только-лишь тогда возобновленный мостъ у Ла-Фертè-су-Жуаръ, чтобы Мокдональдъ не могъ преслѣдовать его (18). Напротивъ того, Іоркъ, узнавъ достовѣрно, въ ночи на 11-е февраля, о движеніи Наполеона къ Сезаннъ, и намѣреваясь, на основаніи даннаго ему разрѣшенія, уклониться отъ встрѣчи съ сильнѣйшимъ непріятелемъ, предложилъ Сакену отступить за Марну и предполагалъ для соединенія съ нимъ перейти къ Ла-Фертè, но получивъ отъ него приглашеніе «двинуться влѣво

(*) По свидѣтельству Мюффлинга (Aus meinem Leben. Zw. Aufl. 107.), около 3,000 человѣкъ клейстова корпуса оставались еще далеко назади. Изъ числа-же войскъ генерала Капцевича, тогда прибыла одна лишь 8-я дивизія князя Урусова, а 22-я дивизія генералъ-маіора Турчанинова находилась еще на маршѣ.

къ Монмиралю,» и вторичное предписаніе Блюхера—идти отъ Шато-Тіери чрезъ Вифоръ къ Монмиралю, отправился въ Шато-Тіери, расположилъ свои войска на тѣсныхъ квартирахъ между Ножанъ л'Арто и Вифоромъ и послалъ небольшой отрядъ къ Эпернè, для охраненія моста, на случай отступленія туда войскъ находившихся подъ непосредственнымъ начальствомъ Блюхера. Замѣтить должно, что дорога изъ Шато-Тіери въ Монмираль, на протяженіи около 25-ти верстъ, не была шоссейною, какъ тогда полагали Союзники, на основаніи Кассиніевской карты. До Вифора (Viffort) она была вымощена камнемъ, но испорчена, а далѣе до Монмираля, совершенно неудобна для движенія артиллеріи. Генералъ Іоркъ, по прибытіи въ Вифоръ, 30-го генваря (11-го февраля), около десяти часовъ утра, узналъ, что казаки занимавшіе Монмираль были въ ночи оттуда вытѣснены непріятелемъ, что авангардъ Юргаса встрѣтилъ Французовъ у Фонтенель, на половинѣ дороги отъ Вифора до Монмираля, и что Сакенъ, снова разрушивъ возобновленный имъ мостъ у Ла-Фертè, перешелъ въ Вьё-Мезонъ: такимъ образомъ, для отступленія обоихъ Союзныхъ корпусовъ оставался только лишь весьма неудобный путь на Вифоръ къ Шато-Тіери. Генералъ Іоркъ, желая избѣжать движенія къ Монмиралю, приказалъ сказать Сакену, что, по причинѣ дурныхъ дорогъ, прусскій корпусъ придетъ поздно и, вѣроятно, безъ артиллеріи; въ отвѣтъ на это извѣщеніе Сакенъ сказалъ: «русскія войска достаточно снабжены артиллеріей.» Наконецъ, Іоркъ, рѣшась идти въ помощь Сакену, но предвидя необходимость отступленія на Шато-Тіери, принялъ мѣры для охраненіи этого пункта. Опасаясь, чтобы Макдональдъ, возвратясь отъ Мо, либо другія непріятельскія войска, прибывъ изъ Суассона, не преградили Союзникамъ пути за Марну, Іоркъ тотчасъ послалъ отъ Вифора къ Шато-Тіери 8-ю бригаду принца Вильгельма, а также всѣ двѣнадцати-фунтовыя батареи, которыя немогли слѣдовать далѣе за войсками; самъ-же онъ съ бригадами Пирха и Горна двинулся къ Фонтенель и подошелъ къ этому селенію, съ войсками Пирха и 12-ю орудіями, въ три съ половиною часа по полудни,

когда бой подъ Монмиралемъ уже былъ въ полномъ разгарѣ, и когда, вмѣсто содѣйствія Русскимъ въ нападеніи на непріятельскую армію, Іорку неоставалось ничего болѣе, какъ прикрыть отступленіе разстроенныхъ сакеновыхъ войскъ ([19]).

Генералъ Сакенъ, прибывъ, 30-го генваря (11-го февраля), утромъ рано, въ Вьё-Мезонъ, узналъ о занятіи Французами Монмираля, но считая непріятеля слабѣйшимъ, нежели онъ былъ въ дѣйствительности, и надѣясь на содѣйствіе Іорка, рѣшился проложить оружіемъ себѣ путь къ Вертю на соединеніе съ Блюхеромъ.

Въ десять часовъ утра, Наполеонъ, съ большою частью войскъ выступившихъ изъ окрестностей Шампобера, прибылъ въ Монмираль. Въ это время генералъ Нансути съ авангардомъ старался по возможности замедлить наступленіе Сакена, котораго передовыя войска уже миновали Вьё-Мезонъ ([20]).

Мѣстность къ западу отъ Монмираля, служившая полемъ сраженія, образуетъ возвышенную отчасти волнообразную плоскость, усѣянную небольшими рощами и мызами, съ оградами и садами, и ограниченную съ юга узкою долиною Малаго-Моренъ. Деревушка Готъ-Эпинъ (Haute-Epine) лежитъ на большой парижской дорогѣ, въ четырехъ съ небольшимъ верстахъ отъ Монмираля, а Эпинъ-о-Буà (Epine au bois)—къ югу отъ большой дороги, въ лощинѣ. Къ востоку отъ послѣдней, въ полуторѣ версты, за оврагомъ, находится селеніе Маршè (Marchais).

Генералъ Сакенъ, желая пробиться по долинѣ Малаго-Моренъ, расположилъ вправо отъ Готъ-Эпинъ большую часть своей пѣхоты, именно дивизіи 7-ю и 18-ю, (состоявшія, за болѣзнію князя Щербатова, подъ начальствомъ генералъ-маіора Талызина), по обѣ стороны Эпинъ-о-Буà, а 10-ю дивизію влѣво отъ нихъ; еще лѣвѣе къ сѣверу отъ большой дороги стояли 27-я дивизія и кавалерія генералъ-адъютанта Васильчикова. Вся пѣхота была построена въ колоннахъ, въ двѣ линіи. Легкія артиллерійскія роты находились впереди 1-ой линіи, по флангамъ пѣхоты, а батарейная рота № 18-го въ промежуткѣ между 18-ю и 10-ю дивизіями. Прочія двѣ батарейныя роты оставались въ резервѣ. Вообще-же подъ начальствомъ Сакена

состояло 14,000 человѣкъ съ 84-мя орудіями ([21]) Для овладѣнія деревнею Маршѐ, занявъ которую, непріятель могъ-бы преградить путь русскому корпусу по долинѣ Малаго-Моренъ, составленъ былъ особый отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Гейденрейха, изъ пѣхотныхъ полковъ: Псковскаго, Владимірскаго, Тамбовскаго и Костромскаго, и двухъ ротъ 11-го егерскаго, всего въ числѣ 2,360 человѣкъ съ шестью легкими орудіями и казачьимъ генералъ-маіора Луковкина полкомъ. Пѣхота русскаго отряда быстро перешла оврагъ и заняла Маршѐ, протянувъ правое крыло къ рощѣ, а лѣвое къ глубокому оврагу; казаки Луковкина стали на высотѣ за правымъ флангомъ пѣхоты, а батарея, также не переходя за оврагъ, расположилась за лѣвымъ флангомъ отряда, но въ такомъ значительномъ отъ него разстояніи, что немогла принимать никакого участія въ дѣлѣ ([22]). Наполеонъ, предполагая атаковать Сакена съ лѣваго фланга, чтобы прервать связь его корпуса съ прусскими войсками могшими прибыть со стороны Фонтенель, сперва, около десяти часовъ, повелъ усиленную фальшивую атаку на деревню Маршѐ. Дивизія Рикара, въ числѣ 3,000 человѣкъ, въ колоннахъ, прикрытыхъ густою цѣпью стрѣлковъ, устремилась въ это селеніе; нѣсколько разъ сражающіяся войска встрѣчались грудь съ грудью и рѣшали дѣло штыками. Селеніе четыре раза переходило изъ рукъ въ руки и наконецъ осталось за Русскими; уронъ обѣихъ сторонъ былъ весьма значителенъ и поле кругомъ деревни, залитое кровью, представляло страшную картину взаимнаго истребленія. А, между тѣмъ, Наполеонъ, хладнокровно взирая на перевороты боя, ограничивался канонадою открытою по всей линіи его войскъ отъ Маршѐ до Пленуà (Plenoy), въ ожиданіи прибытія маршала Мортьѐ съ дивизіей Мишѐля; наконецъ, во второмъ часу, появилась у выхода изъ Монмираля головная часть этой колонны. Предполагая нанести рѣшительный ударъ у Готъ-Эпинъ, Наполеонъ желалъ отвлечь русскіе резервы отъ пункта составлявшаго ключъ поля сраженія: съ этою цѣлью было приказано Рикару отойти нѣсколько назадъ и очистить селеніе Помессонъ (Pomessone) въ долинѣ Малаго-Моренъ, чтобы зама-

нить туда русскія войска; маршалъ Ней, съ дивизіями Мёнье и Деку, сталъ позади и нѣсколько правѣе Рикàра у Тремблè (Tremblay); графъ Нансути долженъ былъ протянуть свою кавалерію вправо, между дорогами идущими въ Вьё-Мезонъ и Фонтенель, угрожая Сакену обходомъ съ лѣваго фланга; еще правѣе, два легкихъ полка заняли рощу близъ деревушки Пленуà; въ то-же время, Фріанъ, съ четырьмя баталіонами Старой гвардіи, двинулся по большой дорогѣ, готовясь ударить на войска стоявшія у Готъ-Эпинъ, а семь эскадроновъ почетной гвардіи, подъ начальствомъ генерала Дефранса, прикрывали пѣхоту Фріана съ праваго фланга. Пользуясь растянутымъ расположеніемъ сакеновыхъ войскъ, Ней, съ содѣйствіемъ бригады Фріана, прорвалъ первую ихъ линію у Готъ-Эпинъ, чтò заставило Сакена выдвинуть впередъ вторую линію и подать влѣво кавалерію, чтобы войти въ связь съ прусскимъ корпусомъ, коего передовыя войска тогда уже появились у Фонтенель. Но Наполеонъ, разгадавъ намѣреніе Сакена, оставилъ противъ Васильчикова кавалерію Лаферрьèра, Кольбèра и Денуэтта, подъ начальствомъ генерала Нансути, а генералу Гюйò, съ четырьмя эскадронами собственнаго конвоя (escadrons de service), приказалъ устремиться по большой дорогѣ и кинуться на пѣхоту. Атака Гюйò имѣла полный успѣхъ, но генералъ Васильчиковъ отразилъ нападеніе Нансути и открылъ сообщеніе съ прусскими войсками. Генералъ Іоркъ, желая обезпечить Сакена отъ обхода съ фланга, направилъ впереди шедшую бригаду Пирха, по достиженіи Фонтенель, влѣво отъ большой дороги, къ мызѣ Турнё (Tourneux), а бригаду Горна прямо по большой догогѣ. Какъ при каждой изъ сихъ бригадъ находилось только по одной легкой батареѣ, то для содѣйствія Горну Сакенъ послалъ изъ резерва двѣ батарейныя роты. Замѣтя появленіе прусскихъ войскъ, маршалъ Мортье двинулся имъ на встрѣчу съ шестью баталіонами дивизіи Мишеля. Возгорѣлся упорнѣйшій бой; съ обѣихъ сторонъ пало множество храбрыхъ; командиръ 1-й бригады генералъ Пирхъ 2-й былъ раненъ и сдалъ начальство надъ ввѣренными ему войсками полковнику Лёстину (Losthin); самъ

Іоркъ кинулся въ застрѣльщичью цѣпь; напрасно Валентини обращаетъ его вниманіе на опасность ему грозящую; Іоркъ какъ будто-бы ничего не слышитъ. «Оставьте меня, говоритъ онъ окружающему его штабу; я буду искать смерти, если мы не удержимъ непріятеля.» По свидѣтельству Французовъ, войскамъ ихъ наконецъ удалось овладѣть рощами у Фонтенель и ворваться въ это селеніе въ сумерки, когда Сакенъ уже успѣлъ соединиться съ прусскимъ корпусомъ и отвести большую часть своихъ войскъ по дорогѣ къ Вифору. Но Дройзенъ пишетъ, что генералъ Кацелеръ, занявъ войсками авангарда мызу Турне и впереди лежащій лѣсъ, оставался тамъ во всю ночь до разсвѣта ([23]).

На правомъ крылѣ, у Маршè, по прежнему кипѣлъ отчаянный бой съ перемѣннымъ успѣхомъ до восьми часовъ вечера. Войска Мёнье, смѣнившія войска Рикара, взяли селеніе Маршè; но не на-долго: Русскіе опять ихъ выбили оттуда. Хотя удача сакеновыхъ войскъ на этомъ пунктѣ подвергала ихъ опасности, однакоже Наполеонъ, озабоченный упорнымъ сопротивленіемъ горсти храбрыхъ усиліямъ въ трое сильнѣйшихъ Французовъ ([24]), настойчиво требовалъ отъ генераловъ Мёнье и Рикара, чтобы они овладѣли селеніемъ, но, по свидѣтельству правдиваго историка войны 1814 года, дивизіи Мёнье и Деку, ослабленныя въ сраженіи при Бріеннѣ и состоявшія изъ конскриптовъ, уже имѣвшихъ понятіе объ опасности, не были способны къ мужественному удару, а Рикаръ, съ своей стороны, потерявъ много людей, требовалъ подкрѣпленій. Наполеонъ послалъ ему въ помощь два баталіона Старой гвардіи, но Рикаръ, полагая, что атака на Маршè требовала, по крайней мѣрѣ, четырехъ свѣжихъ баталіоновъ, опасался подвергнуть напраснымъ потерямъ отборныя войска и держалъ ихъ въ резервѣ ([25]). Уже день склонялся къ вечеру. Наполеонъ, желая рѣшить дѣло, приказалъ генералу Дефрансъ устремиться по большой дорогѣ ведущей изъ Ла-Фертè и поравнявшись съ Эпинъ-о-Буà, повернуть влѣво, чтобы отрѣзать путь отступленія русскимъ войскамъ сражавшимся у Маршè. Одновременно съ тѣмъ, маршалъ Лефевръ и Бертранъ, въ челѣ двухъ бата-

ліоновъ гвардейскихъ егерей, ворвались въ это селеніе, а Рикаръ повелъ атаку на него изъ Помессонъ. Одинъ изъ участниковъ этого боя говоритъ: «.... стрѣлки наши, смѣшавшись съ «Французами, такъ-сказать, были вынесены на плечахъ ихъ за «нашу позицію.... послышался роковой голосъ: на-руку, въ «штыки! грозное ура грянуло и настала гибель Французовъ»... Не смотря на то, что непріятель имѣлъ при себѣ сильную артиллерію, и что все поле кругомъ Маршè «было вспахано рикошетами,» остатки четырехъ русскихъ полковъ, подъ начальствомъ храбрыхъ штабъ-офицеровъ Зигрота и Лопухина, непоколебимо отстаивали ввѣренный имъ постъ до самаго вечера и уступили его только тогда, когда замѣтили обходъ непріятеля. Получивъ приказаніе отступать, русскія войска перешли за глубокій оврагъ, но едва лишь успѣли подняться на противоположный скатъ его, какъ были встрѣчены французскими драгунами. Русскіе построились въ нѣсколько небольшихъ каре и продолжали отходить назадъ, преслѣдуемые непріятелемъ, который однакоже не отважился дѣйствовать рѣшительно, а довольствовался замедленіемъ ихъ отступленія. Нѣсколько сотъ стрѣлковъ, разсыпанныхъ впереди Маршè, были отрѣзаны и только лишь тридцати удалось пробиться. Подходя уже къ дорогѣ въ Шато–Тіери, русскія каре были сильно атакованы конницею, но съ помощью двухъ эскадроновъ Ахтырскихъ гусаръ подъ начальствомъ ротмистра Горсткина, отразили нападеніе. Изъ всѣхъ прочихъ сакеновыхъ войскъ, Французы отрѣзали только Софійскій пѣхотный полкъ, но и тотъ пробился ([26]).

Ночь прекратила кровопролитный бой. По выходѣ русскаго корпуса на дорогу въ Шато-Тіери, Сакенъ поручилъ генералъ-адъютанту Васильчикову съ кавалеріей прикрывать отступавшія войска и принять мѣры для перевозки артиллеріи черезъ лѣсъ и болота лежащія по дорогѣ къ Вифору. Чтобы облегчить движеніе войскъ въ темную ночь, подъ дождемъ, по дорогѣ незнакомой и представлявшей препятствія на каждомъ шагу, зажигали костры, въ разстояніи одинъ отъ другаго полутораста или двухъ сотъ шаговъ, а для освѣщенія мѣстности,

при вытаскиваніи орудій изъ топей, употребляли факелы имѣвшіеся въ артиллерійскихъ ротахъ. Кавалерія, человѣкъ по пятидесяти на каждое изъ орудій, тащила ихъ, привязавъ къ нимъ арканы: такимъ образомъ пробившись всю ночь, къ разсвѣту пришли въ Вифоръ. Несмотря однакоже на дѣятельность Васильчикова и на чрезвычайныя усилія войскъ, Русскіе принуждены были бросить восемь наиболѣе поврежденныхъ орудій. А, между тѣмъ, пѣхота продолжала отступленіе по дорогѣ къ Шато-Тіери, куда перешла главная квартира Сакена; а генералъ Іоркъ остановился на мызѣ между Фонтенель и Вифоромъ ([27]).

Уронъ Союзниковъ былъ значителенъ. Русскіе, бывшіе въ огнѣ до послѣдняго баталіона, потеряли убитыми и ранеными до 2,000 и плѣнными до 800 человѣкъ; Пруссаки—до 900 человѣкъ. Со стороны Французовъ, вообще выбыло изъ фронта 2,000 человѣкъ; въ числѣ раненыхъ были генералы Мишѐль и Буденъ ([28]).

Ночью возвратился посланный въ главную квартиру арміи графъ Бранденбургъ, съ словеснымъ приказаніемъ обоимъ Союзнымъ корпусамъ: «неотлагательно переправиться за Марну и идти поспѣшно къ Реймсу, гдѣ назначено было сосредоточиться всѣмъ войскамъ Блюхера.» Утромъ оба корпуса отошли за Вифоръ къ Птитъ-Ну (Petites-Noues); за ними вслѣдъ отступилъ арріергардъ генерала Кацелера ([29]).

Наполеонъ, переночевавъ на мызѣ Греннель и усилясь двумя тысячами человѣкъ кавалеріи, подъ начальствомъ Сенъ-Жермена ([30]), оставилъ эти войска съ дивизіей Фріана, за исключеніемъ 4-хъ баталіоновъ гренадеръ, у Вьё-Мезонъ, для наблюденія доступа отъ Сезанны. Самъ-же Наполеонъ, съ восмнадцатью тысячами человѣкъ, двинулся, въ 9 часовъ утра, на Розуа̀ къ Шато-Тіери, въ слѣдъ за Союзниками. Іоркъ предлагалъ Сакену тотчасъ перевести за Марну войска находившіяся на лѣвой сторонѣ этой рѣки, но Сакенъ, у котораго оставалось позади много артиллеріи и обозовъ, уговорилъ его занять позицію впереди Шато-Тіери, за рѣчкою, на возвышенной плоскости у деревушки Какерѐ (les Caquerets). Здѣсь, по обѣ стороны большой дороги, расположились 1-я и 7-я прус-

скія пѣхотныя бригады, подъ общимъ начальствомъ Горна; лѣвѣе, нѣсколько позади ихъ, стала резервная кавалерія Юргаса; 8-я бригада принца Вильгельма прусскаго заняла часть города лежащую по лѣвую сторону Марны. Часть русской кавалеріи и пѣхоты, расположенная позади позиціи, въ резервѣ, прикрывала переправу артиллеріи и обозовъ.

Наполеонъ, подойдя къ сей позиціи, открылъ сильную канонаду и подъ покровительствомъ ея устремилъ пѣхоту въ нѣсколькихъ колоннахъ противъ фронта прусскихъ войскъ. За тѣмъ маршалъ Ней, съ кавалерійскими дивизіями Лаферьѐра, Денуэтта, Кольбѐра и Дефрȧнса, въ числѣ болѣе 4,000 человѣкъ, направился въ обходъ лѣваго фланга кавалеріи Юргаса, чтобы отрѣзать прусскія войска отъ Шато-Тіери, чтȯ заставило Союзную пѣхоту отступать къ городу. Генералъ Юргасъ, желая остановить непріятеля, кинулся ему на-встрѣчу съ своею кавалеріей, построенною въ двѣ развернутыя линіи, но первая линія его, состоявшая большею частью изъ ландверовъ, была опрокинута на вторую и увлекла ее съ собою. Въ эту рѣшительную минуту, генералъ Горнъ приказалъ своей пѣхотѣ ускорить отступленіе къ городу, а самъ, съ густою цѣпью стрѣлковъ, поддержанною Бранденбургскими гусарами подъ начальствомъ полковника Зора (Sohr), остановилъ французскую кавалерію. Тѣмъ не менѣе однакоже Союзная пѣхота, принужденная отступать черезъ тѣснину перерѣзанную глубокими рвами, по густой грязи, въ которой солдаты увязали на каждомъ шагу, понесла значительный уронъ; двѣ пушки и гаубица съ подбитыми лафетами достались въ руки непріятелю. Полки Тамбовскій и Костромской, подъ начальствомъ Гейденрейха, остававшіеся на правомъ флангѣ позиціи, по отступленіи прусскихъ войскъ, были атакованы, по приказанію Наполеона, собственнымъ его конвоемъ подъ начальствомъ генерала Бельяра (Belliard). Гейденрейхъ построилъ свои полки въ два небольшихъ каре и прикрылъ ихъ стрѣлковою цѣпью, но стрѣлки были опрокинуты въ близлежащую рощу, а карѐ совершенно разсѣяны. Тѣ изъ людей, которымъ удалось укрыться въ рощѣ вмѣстѣ съ стрѣлками, ушли въ предмѣстье; прочіе-же всѣ были изрубле-

ны, либо взяты въ плѣнъ вмѣстѣ съ генераломъ Гейденрейхомъ. Три орудія, при нихъ находившіяся, достались въ руки Французамъ. Непріятель преслѣдовалъ Союзниковъ по двумъ направленіямъ: кавалерія Нея двинулась на Этампъ и по дорогѣ изъ Эпернѐ, которая оказалась почти непроходимою, а Мортье со всею пѣхотою наступалъ по большой монмиральской дорогѣ. Войска 1-й прусской бригады при отступленіи потерпѣли сильный уронъ, и въ особенности гренадеры. Ландверные баталіоны Мумма и Зейдлица были истреблены, а засѣвшія въ грязи три прусскія орудія захвачены непріятелемъ. Отступленіе черезъ предмѣстье и мосты на правую сторону Марны было исполнено подъ прикрытіемъ сперва 8-й бригады принца Вильгельма, а потомъ двухъ баталіоновъ 2-го Восточно-Прусскаго полка, которые отразили нѣсколько атакъ, удерживались пока всѣ войска, орудія и обозы переправились за Марну, и перейдя въ слѣдъ за ними на другую сторону рѣки, зажгли оба моста; въ то-же самое время, прусская двѣнадцатифунтовая батарея и нѣсколько русскихъ конныхъ орудій, съ прикрытіемъ 39-го, 49-го и 50-го егерскихъ полковъ, открыли съ праваго фланга сильный огонь по непріятелю и остановили его дальнѣйшія покушенія ([31]).

Союзные корпусы, послѣ краткаго отдыха у Шато-Тіери, отошли въ тотъ-же день по суассонской дорогѣ къ Ульши-ла-Виль (Oulchi-la-Ville). Бригада принца Вильгельма отступила въ полночь къ Ульши-ле-Шатель (Oulchi-le-Chatel), а генералъ Кацелеръ съ арріергардомъ за рѣку Уркъ. Казачій отрядъ Карпова остался, для наблюденія за непріятелемъ, на Марнѣ. Еще утромъ 31-го генваря (12-го февраля) Французы заняли ла-Фертѐ-су-Жуаръ, откуда подполковникъ Стёссель (Stössel) съ 2-мъ Лейбъ-гусарскимъ полкомъ отступилъ по шато-тіериской дорогѣ къ Монтрёль и далѣе къ Во (Veaux) близъ Круи ([32]).

Въ дѣлѣ при Шато-Тіери Русскіе потеряли 1500 человѣкъ, три орудія (по другимъ свѣдѣніямъ отъ 8-ми до 10-ти орудій) и значительную часть обоза; а прусскія войска—1300 человѣкъ и шесть орудій. Уронъ Французовъ, по собственнымъ ихъ показаніямъ, не превышалъ 400 человѣкъ ([33]).

*

Какъ обыкновенно случается послѣ неудачныхъ дѣлъ, Союзники взаимно обвиняли одни другихъ въ пораженіи понесенномъ при Монмиралѣ и Шато-Тіери. Сакенъ полагалъ, что прусскія войска могли придти къ нему въ помощь ранѣе и въ бо̀льшихъ силахъ, а прусскіе генералы жаловались на Русскихъ, которые, по мнѣнію ихъ, неподдерживали ихъ, какъ слѣдовало, при отступленіи къ Шато-Тіери. Эти обвиненія напрасны. Выше уже объяснены причины непозволившія Іорку придти въ пору къ Монмиралю. Что-же касается до дѣйствій русскаго корпуса въ дѣлѣ при Шато-Тіери, едва-ли можно было требовать отъ него болѣе того, что̀ онъ сдѣлалъ послѣ боя при Монмиралѣ, гдѣ войска Сакена были введены въ огонь до послѣдняго баталіона и эскадрона, и послѣ ночнаго отступленія по такимъ мѣстамъ, которыя, по свидѣтеьству самаго Іорка и главныхъ сподвижниковъ его, были непроходимы. При отступленіи за Марну, прусскія войска понесли значительныя потери, но и со стороны Русскихъ уронъ былъ немаловаженъ, и если ландверные баталіоны Мумма и Зейдлица были почти уничтожены, то и полки Тамбовскій и Костромской *легли костьми* въ этомъ дѣлѣ.

По отступленіи Союзниковъ за Марну, Французы не могли тотчасъ преслѣдовать ихъ, потому что сперва надлежало возобновить разрушенный мостъ у Шато-Тіери. Наполеонъ надѣялся, что Макдональдъ, двинувшись быстро по правому берегу рѣки, довершитъ пораженіе корпусовъ Сакена и Іорка и пожнетъ плоды успѣховъ одержанныхъ главными силами французской арміи. Но Макдональдъ, обративъ исключительно вниманіе на устройство присоединившихся къ нему подкрѣпленій, выслалъ изъ Мо по дорогѣ на Ла-Фертѐ-су-Жуаръ только часть кавалеріи Сенъ-Жермена, да и та, не имѣя при себѣ артиллеріи, не могла настойчиво преслѣдовать Союзниковъ. Пользуясь тѣмъ, войска Сакена и Іорка отступили чрезъ Фимъ къ Реймсу и Жоншери, гдѣ и расположились ввечеру 2-го (14-го) февраля.

Еще наканунѣ 1-го (13-го), Наполеонъ, успѣвъ, съ помощью жителей, возобновить мосты у Шато-Тіери, отрядилъ

ввечеру вслѣдъ за Союзниками маршала Мортье, съ дивизіями Христіани (бывшею Мишеля), Кольбѐра и Дефрàнса, въ числѣ 6,000 человѣкъ, который въ тотъ-же день достигъ селенія Рокуръ (34). Жители окрестной страны, озлобленные безпорядками, неизбѣжными при поспѣшномъ отступленіи Союзныхъ войскъ, и возбужденные успѣхами Наполеона, преувеличивали ихъ выше всякой мѣры и полагали, что корпусы Сакена и Іорка подвергнутся такимъ-же бѣдствіямъ, какія постигли французскую армію въ Россіи. Наполеонъ, пользуясь благопріятнымъ для него оборотомъ общественнаго мнѣнія, призвалъ на службу національную стражу марнской долины, вооруживъ ее отбитыми у Пруссаковъ ружьями (35). Продовольствіе Союзныхъ войскъ, послѣ понесенныхъ ими пораженій, чрезвычайно затруднилось. Доселѣ они большею частью располагались по квартирамъ и получали отъ жителей хорошую пищу; тамъ-же, гдѣ нельзя было пользоваться этимъ средствомъ, продовольствовались реквизиціями запасовъ, необременительными для страны. Но когда расположеніе жителей къ Союзникамъ совершенно измѣнилось и приняло враждебный характеръ, тогда уже нельзя было размѣщать войска на большомъ пространствѣ, а надлежало двигаться и располагаться значительными отрядами; селенія и мѣстечки были оставляемы крестьянами, которые, опустошивъ свои дома, скрывались въ лѣсахъ и угоняли туда стада свои. Союзники были принуждены отводить селенія для фуражировки цѣлыхъ полковъ и бригадъ, что̀, подавая поводъ къ безпорядкамъ и къ ослабленію дисциплины, имѣло неизбѣжнымъ слѣдствіемъ совершенное разореніе страны служившей театромъ военныхъ дѣйствій. Солдаты, томимые голодомъ, не менѣе страдали отъ стужи при недостаткѣ въ топливѣ повсемѣстномъ въ безлѣсной Шампани; когда-же наставала оттепель, дороги дѣлались непроходимы, обувь изнашивалась въ нѣсколько дней, и люди, совершая усиленные марши босикомъ, поступали сотнями въ походные лазареты. «Не могу скрыть», писалъ Іоркъ, въ донесеніи Фельдмаршалу отъ 14-го февраля н. ст., «что мой корпусъ утомленъ чрезвычайно и обувь солдатъ въ бѣдственномъ положеніи, отъ чего множество людей ос-

тается назади и я опасаюсь потерять половину моего корпуса.» По прибытіи въ Реймсъ, онъ отдалъ слѣдующій приказъ, изъ котораго видно, въ какомъ состояніи тогда находились Союзныя войска: «съ величайшимъ неудовольствіемъ замѣтилъ я огромное увеличеніе обозовъ ввѣреннаго мнѣ корпуса. Несмотря на неоднократно мною повторенныя приказанія, число повозокъ при бригадахъ чрезвычайно умножилось. До какой степени тѣмъ замедлилось движеніе войскъ на послѣднихъ трехъ переходахъ, извѣстно всякому, кто сколько-нибудь обращалъ вниманіе на благосостояніе ввѣреннаго мнѣ корпуса. Безчисленное множество крестьянскихъ повозокъ, нагруженныхъ боченками съ виномъ, заплеснѣлымъ хлѣбомъ и протухлымъ мясомъ, мѣшками, босыми людьми, и проч. тащится въ слѣдъ за войсками. Необходимо прекратить эти безпорядки. Для этого требую содѣйствія Г.г. бригадныхъ и полковыхъ командировъ, а равно и всѣхъ офицеровъ, возлагая на строжайшую отвѣтственность начальниковъ частей войскъ точное исполненіе прилагаемой инструкціи.» За тѣмъ слѣдовали подробныя и весьма строгія постановленія на счетъ сокращенія обозовъ ([36]).

Къ счастію Союзниковъ, Наполеонъ, получивъ 1-го (13-го) февраля ввечеру донесеніе Мармона, о наступленіи противъ него Блюхера, рѣшился немедленно обратиться къ Монмиралю, а для преслѣдованія корпусовъ Сакена и Іорка оставилъ только отрядъ Мортье ([37]). Корпусъ-же Макдональда, усилившійся до 16,000 человѣкъ, получилъ приказаніе немедленно выступить въ долину Сены (*).

Фельдмаршалъ, зная, изъ канонады услышанной 30-го генваря (11-го февраля) со стороны Монмираля, о движеніи Наполеона противъ Сакена, охотно атаковалъ-бы войска Мармона оставленныя у Этожа, но не имѣя при себѣ почти во̀-все конницы, принужденъ былъ выждать прибытія двухъ кавалерійскихъ полковъ корпуса Клейста до 11-ти часовъ утра 1-го (13-го) февраля. Какъ только эти полки присоединились къ его войскамъ, онъ тотчасъ двинулся противъ непріятеля и преслѣ-

(*) Глава VII.

довалъ его до Фромантьѣръ (Fromentière). 2-го (14-го), корпусы Клейста и Капцевича, въ числѣ 15,000 человѣкъ, двинулись далѣе по дорогѣ къ Монмиралю; войска-же корпуса Олсуфьева, всего до 1800 человѣкъ съ 15-ю орудіями, подъ начальствомъ Удома, оставались 1-го (13-го) февраля у Этожа, а на слѣдующій день получили предписаніе перейти къ Шамноберу, для прикрытія главныхъ силъ Блюхера со стороны Сезанны ([38]).

Мармонъ, еще до разсвѣта, отступилъ отъ Фромантьѣръ къ Монмиралю, но встрѣтясь съ Наполеономъ и получивъ отъ него приказаніе остановить Союзниковъ, занялъ выгодную позицію на платò, фронтомъ къ Вошану. Небольшой лѣсъ по лѣвую сторону дороги далъ ему возможность расположить часть пѣхоты на флангѣ наступавшихъ войскъ и двинуться имъ въ тылъ; артиллерія была расположена по обѣ стороны дороги. Союзники, надѣясь на превосходство своихъ силъ, не приняли надлежащихъ мѣръ предосторожности; авангардъ Цитена ([39]) отдалился на значительное разстояніе отъ главныхъ силъ Блюхера. А, между тѣмъ, Наполеонъ, успѣвъ собрать къ восьми часамъ утра у Монмираля всѣ войска прибывшія отъ Шато-Тіери, и сосредоточивъ въ окрестностяхъ сего пункта вмѣстѣ съ отрядомъ Мармона до 15,000 человѣкъ пѣхоты и до 8,000 кавалеріи, готовился нанести рѣшительный ударъ дерзкому противнику. Мармонъ получилъ приказаніе овладѣть Вошаномъ; генералу Груши съ кавалеріей Сенъ-Жермена было поручено обойти Союзниковъ справа перелѣсками, чрезъ л' Эшель, Готъ-Фель (Hautefeuille) и Серршампъ (Serrechamp); вся гвардія расположилась въ резервѣ по обѣ стороны большой дороги. Фельдмаршалъ, находясь при авангардѣ, узналъ отъ разъѣздовъ высланныхъ Цитеномъ о движеніи многочисленной кавалеріи въ обходъ его праваго фланга и о появленіи сильной пѣхотной колонны съ лѣвой стороны, на дорогѣ изъ Сезанны въ Монмираль: это была дивизія Леваля, отряженная маршаломъ Удино, при отступленіи его за рѣку Іеръ, и находившаяся еще въ значительномъ разстояніи отъ Монмираля. Но Блюхеръ, не зная о томъ и полагая, что главная опасность угрожала

ему со стороны Сезанны, усилилъ лѣвое крыло авангарда двумя кавалерійскими полками изъ резерва [40].

Въ десять часовъ, генералъ Рикаръ получилъ приказаніе овладѣть Вошаномъ; первая бригада его дивизіи двинулась вправо отъ большой дороги чрезъ бомонскій лѣсъ; а вторая атаковала селеніе съ фронта и была отражена съ урономъ 1-мъ Силезскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Ободренная этимъ успѣхомъ прусская пѣхота дебушировала изъ Вошана, но въ слѣдъ за тѣмъ была атакована императорскимъ конвоемъ; одинъ батальонъ 1-го Силезскаго полка былъ изрубленъ, а другой, кинувшійся въ мызу Сершампъ (лѣвѣе селенія того-же названія), отрѣзанъ отъ прочихъ войскъ и совершенно уничтоженъ. Французы овладѣли одною изъ прусскихъ конныхъ батарей, стоявшею лѣвѣе большой дороги подъ прикрытіемъ 7-го Силезскаго ландвернаго кавалерійскаго полка. Но начальникъ штаба клейстова корпуса полковникъ Грольманъ и генералъ Цитенъ, въ челѣ полутораста всадниковъ этого полка, кинулись на встрѣчу непріятелю и спасли батарею [41]. Тогда-же Восточно-Прусскій кирасирскій и 1-й Силезскій гусарскій полки, стоявшие на лѣвомъ крылѣ цитенова авангарда, были атакованы гвардейскими кавалерійскими дивизіями Лефевра-Денуэтта и Лаферьèра, въ числѣ 3,000 человѣкъ, и опрокинуты за пѣхоту, которая, построясь въ нѣсколько каре, отразила непріятеля. Здѣсь въ особенности отличились 7-й и 37-й русскіе егерскіе полки, подъ начальствомъ полковниковъ Сутгофа и Штегемана [42]. Въ продолженіи этого боя, Блюхеръ расположилъ свои главныя силы у селенія Жанвильè: корпусъ Клейста сталъ правѣе большой дороги, а корпусъ Капцевича лѣвѣе, примкнувъ лѣвымъ флангомъ къ поросшему лѣсомъ оврагу, служащему русломъ одного изъ притоковъ рѣчки Малаго-Моренъ. Но уже противъ него наступала вся наполеонова армія: на правомъ крылѣ, Нансути съ гвардейскою кавалеріей, въ числѣ болѣе 3,000 человѣкъ; съ фронта дивизіи Лагранжа, Рикара и гвардейская пѣхота, всего до 15,000 человѣкъ, а на лѣвомъ крылѣ, въ обходъ праваго фланга блюхеровыхъ войскъ, двигался Груши съ 4,000 всадниковъ; кромѣ того, дивизія Леваля, въ

числѣ 4,500 человѣкъ, еще не бывшая въ дѣлѣ со времени выступленія изъ Испаніи, спѣшила на поле сраженія ([43]).

Фельдмаршалъ, у котораго было не болѣе 2,000 человѣкъ кавалеріи, не осмѣливаясь принять бой въ позиціи у Жанвильè, подверженной обходу съ обоихъ фланговъ, рѣшился отступать. Для прикрытія праваго фланга были переведены туда съ оконечности лѣваго крыла Бранденбургскій кирасирскій и 8-й ландверный полки, подъ общимъ начальствомъ полковника графа Гаака (Haak), а потомъ для поддержанія ихъ посланъ 1-й Силезскій гусарскій полкъ. Пѣхота построилась въ баталіонныя каре и стала отходить по сторонамъ большой дороги предоставленной для движенія обозовъ и артиллеріи. Нѣсколько батарей были размѣщены между кареями; прочія-же отправлены по дорогѣ къ Этожу ([44]). Непріятель съ умысломъ не тѣснилъ отступавшія войска съ тыла, намѣреваясь отрѣзать ихъ посланною въ обходъ кавалеріей Груши на равнинѣ у Шампобера, но эта кавалерія, двигавшаяся шагомъ по окольной весьма грязной дорогѣ, немогла-бы опередить Союзниковъ, еслибы они безостановочно продолжали отступленіе. Войска Клейста успѣли отойти далеко назадъ; напротивъ того, генералъ Капцевичъ, съ своей пѣхотою, отступая линіями въ шахматномъ порядкѣ, какъ на учебномъ полѣ, продолжалъ удерживать непріятеля. Фельдмаршалъ, находившійся при русскихъ войскахъ, восхищался ихъ порядкомъ и стойкостью и послалъ сказать Клейсту, шедшему поспѣшно для достиженія этожскаго лѣса, чтобы онъ не слишкомъ торопился. Вслѣдъ за тѣмъ, Клейстъ получилъ приказаніе остановиться. Груши, пользуясь тѣмъ, обошелъ Союзниковъ съ фланга, опрокинулъ кавалерію Гаака и ударилъ съ тыла на прусскую пѣхоту, атакованную тогда-же съ другой стороны дивизіей Лаферьера. Нѣсколько каре было прорвано; четыре орудія и пять ящиковъ достались въ руки Французамъ. Но наконецъ Союзникамъ удалось отразить нападеніе непріятельской кавалеріи и продолжать отступленіе. Наполеонъ, желая разстроить блюхерову пѣхоту, приказалъ генералу Друо выдвинуть впередъ всѣ гвардейскія батареи и громилъ огнемъ тридцати орудій Союзниковъ, которые, отправя большую часть артилле-

ріи по дорогѣ къ Этожу и отступая линіями, могли отвѣчать непріятелю только изъ шести орудій ([51]). Въ это самое время было получено донесеніе, что отрядъ Удома, долженствовавшій занять этожскій лѣсъ, отошелъ, по приказанію Капцевича, къ Этожу ([16]). Генералъ Гнейзенау, отчаясь въ возможности достигнуть лѣса, предложилъ, по прибытіи къ Шампоберу, повернуть вправо къ Сезаннѣ. Дѣйствительно—перелѣски и виноградники, встрѣчавшіеся на этомъ пути, способствовали дѣйствію пѣхоты противъ кавалеріи, но, за то, двинувшись по плохой проселочной дорогѣ, пришлось-бы пожертвовать большею частью артиллеріи, и къ тому-же Блюхеръ, направясь къ Сезаннѣ, разобщилъ-бы свою армію на двѣ отдѣльныя части, которымъ едвали удалось-бы соединиться. Генералъ Мюффлингъ, изложивъ всѣ эти обстоятельства, убѣдилъ своихъ сподвижниковъ продолжать отступленіе къ Этожу ([47]). У выхода изъ Шампобера, французскіе кирасиры кинулись на три русскія каре состоявшія изъ новобранцевъ, которые, сражаясь какъ старые солдаты, дали по непріятелю залпъ въ разстояніи не болѣе 60-ти шаговъ и заставили его повернуть назадъ въ совершенномъ безпорядкѣ. Нѣсколько русскихъ конныхъ орудій вынеслись безъ прикрытія противъ кирасиръ на ближайшій картечный выстрѣлъ и разогнавъ ихъ, проложили войскамъ путь къ этожскому лѣсу ([48]).

Уже день склонялся къ вечеру. Груши, желая, во что-бы то ни стало отрѣзать отступленіе Союзнымъ войскамъ, направился перелѣсками къ сѣверу отъ большой дороги и вышелъ на нее вторично, не доходя этожскаго лѣса. Дивизіи Думерка, Бордесуль, Сенъ-Жермена, какъ огромныя лавины, обрушились на Союзниковъ. Тогда-же Наполеонъ, прекративъ канонаду, устремилъ на нихъ съ тыла гвардейскую кавалерію. Напрасно храбрый Гаакъ, съ своими малочисленными дружинами, кидается на встрѣчу первой линіи Французовъ; вторая ихъ линія, окрыливъ прусскихъ всадниковъ, опрокидываетъ ихъ къ этожскому лѣсу. Къ счастью Союзниковъ, генералъ Куенъ (Coin), получившій отъ Груши приказаніе слѣдовать съ двумя легкими батареями за конницей, отсталъ далеко и не успѣлъ

принять участія въ дѣлѣ. Иначе—пораженіе Союзниковъ было-бы неминуемо. Ихъ небольшія каре, поглощенныя непріятельскою конницею, разрозненныя одни отъ другихъ, отрѣзанныя отъ всѣхъ главныхъ начальниковъ, Блюхера, Гнейзенау, Клейста, Капцевича, принца Августа прусскаго, подвергались величайшей опасности. Надлежало пробиться къ этожскому лѣсу, но до него оставалось болѣе версты. Чтобы проложить путь сквозь густыя тучи французской кавалеріи, артиллерія, находившаяся при кареяхъ, открыла огонь вдоль по этожской дорогѣ; за тѣмъ –пѣхота ударила въ штыки на непріятеля; барабанный бой и громкія восклицанія сопровождали отчаянное усиліе Союзниковъ. Самъ Блюхеръ, впереди одного изъ прусскихъ каре, очевидно искалъ смерти и ободряя своихъ солдатъ, самъ отчаявался въ возможности спасти ихъ отъ гибели. Одинъ изъ состоявшихъ при немъ ординарцевъ былъ убитъ. Адъютантъ и вѣрный сподвижникъ его Ностицъ рѣшился сказать ему: «ежели вы будете убиты здѣсь, то Исторія едвали одобритъ васъ.» Блюхеръ взглянулъ на него угрюмо, но, сознавая истину его словъ, повернулъ свою лошадь назадъ и сказалъ: «ну, такъ уѣдемъ прочь!» Между тѣмъ собрались кругомъ фельдмаршала генералъ Гнейзенау и другіе офицеры потерявшіе его изъ вида въ пылу боя. «Ежели сегодня не погибну, воскликнулъ Блюхеръ, то мнѣ долго жить; со временемъ все поправимъ.» Французы возобновили свои атаки, но, будучи поражаемы картечью вырывавшею ряды изъ ихъ фронта, были принуждены сойти съ большой дороги. Маршалъ Ней, замѣтя разстройство своей кавалеріи и опасаясь, чтобы она незаблудилась въ темнотѣ, приказалъ трубить сборъ. Союзныя войска, достигнувъ лѣса, продолжали дальнѣйшее отступленіе къ Этожу. Только два прусскихъ баталіона, остававшіеся послѣдними на мѣстѣ боя, были изрублены. Генералъ-маіоръ Шеншинъ, съ Архангелогородскимъ и Шлиссельбургскимъ полками, также былъ отрѣзанъ, и раненый картечью, продолжалъ командовать своею бригадою, пока непробился, и тогда уже сдалъ начальство старшему. Командиръ 8-й конно-артиллерійской роты подполковникъ Шушеринъ и капитанъ Фохтъ, собравъ и устроивъ

своихъ канонеровъ, пошли въ атаку, прорубились сквозь кавалерію и спасли свои орудія ([49]).

Наступила совершенная темнота. Блюхеръ приказалъ своимъ утомленнымъ войскамъ отойти къ Бержеръ и тамъ расположиться на бивакахъ, а для прикрытія ихъ оставилъ въ арріергардѣ у Этожа 8-ую русскую пѣхотную дивизію генералъ-маіора князя Урусова. Считая дѣло оконченнымъ, Урусовъ выслалъ фуражировъ за дровами и соломою и не принялъ надлежащихъ мѣръ предосторожности. Мармонъ воспользовался тѣмъ и направилъ къ Этожу окольными дорогами нѣсколько баталіоновъ дивизіи Лагранжа, которые незадолго предъ тѣмъ стояли въ окрестностяхъ этого селенія и ознакомились съ сосѣднею мѣстностью. Войска эти, подъ личнымъ начальствомъ Мармона, скрытно пробрались къ Этожу и заставъ въ расплохъ стоявшій тамъ отрядъ, ударили на него въ штыки и захватили самаго князя Урусова съ шестью стами человѣкъ ([50]). Мармонъ увѣряетъ, будтобы когда привели къ нему раненаго Урусова, онъ сказалъ: «господинъ маршалъ! Извините меня въ томъ, что мы оборонялись такъ слабо. При наступленіи ночи, у васъ протрубили сборъ, и я, полагая, что вы нестанете драться ночью, послалъ своихъ солдатъ за водою и соломою. Въ продолженіе сегодняшняго дѣла, вы вѣрно были нами довольны, и мы, надѣюсь, заслужили вашу похвалу. Мы славно отражали атаки вашей кавалеріи и мужественно сквозь нее пробились, но потомъ вы застали насъ въ расплохъ, и я еще разъ прошу васъ извинить меня» ([51]).

Союзники потеряли въ дѣлахъ при Вошанѣ и Этожѣ до 6,000 человѣкъ, въ числѣ коихъ 4,000 Пруссаковъ и 2,000 Русскихъ, и 15 орудій (7 прусскихъ и 8 руссскихъ). Въ числѣ раненыхъ, кромѣ генераловъ Шеншина и Урусова, были полковники Сутгофъ и Штегеманъ ([52]). Уронъ Французовъ, если можно вѣрить ихъ показанію, не превосходилъ шестисотъ человѣкъ ([53]).

Какъ мѣстность у Бержеръ непредставляла никакихъ выгодъ въ оборонительномъ отношеніи, то Блюхеръ, еще до разсвѣта, 3-го (15-го) февраля, выступилъ къ Шалону, гдѣ могъ удержи-

ваться на Марнѣ до прибытія подкрѣпленій, и прибылъ туда около полудня. Въ Шалонѣ присоединились къ его войскамъ, 4-го (16-го) и 5-го (17-го), корпусы Іорка и Сакена (54). Получивъ точныя свѣдѣнія о понесенныхъ ими потеряхъ, Блюхеръ донесъ о томъ въ главную квартиру Союзныхъ Монарховъ, и необвиняя никого изъ своихъ подчиненныхъ, принялъ на себя всю отвѣтственность въ неудачѣ. Нѣкоторые изъ прусскихъ генераловъ порицали дѣйствія Сакена и приписывали ему пораженіе іоркова корпуса, но, несмотря на то, въ послѣдствіи отдали ему полную справедливость. По словамъ Мюффлинга: «генералъ Сакенъ оказалъ такія важныя услуги и столько примѣровъ непоколебимаго мужества, что едвали слѣдуетъ вмѣнять ему въ вину неправильное обсужденіе необыкновенныхъ обстоятельствъ, въ которыя онъ былъ поставленъ. Онъ могъ ошибаться, но заблуждался какъ герой, слишкомъ много довѣряющій своимъ силамъ. У насъ немного было людей подобныхъ Сакену, и только такіе, какъ онъ, могли побѣждать Наполеона» (55).

Дѣла въ долинѣ Марны стоили Союзникамъ отъ 15,000 до 16,000 человѣкъ и 38-ми (по другимъ свѣдѣніямъ—60-ти) орудій. Наполеонъ, считая блюхерову армію совершенно разстроенною и зная объ опасности угрожавшей Парижу со стороны Главной Союзной арміи, рѣшился прекратить преслѣдованіе разбитыхъ имъ корпусовъ Клейста и Капцевича и обратиться, съ большою частью находившихся при немъ войскъ, въ долину Сены. Какъ въ это время корпусъ Винцингероде, Сѣверной арміи, подходилъ къ Суассону, то для наблюденія за нимъ былъ оставленъ у Виллеръ-Котерѐ маршалъ Мортье, съ его отрядомъ, составленнымъ изъ дивизій Мишеля, Дефрàнса и Кольбѐра, въ числѣ до 6,000 человѣкъ; Мармону, съ корпусами 6-мъ пѣхотнымъ и 1-мъ кавалерійскимъ генерала Бордесуль, въ числѣ до 8,000 человѣкъ, расположенными у Этожа, поручено было наблюдать за войсками Блюхера отступившими къ Шалону; Груши, съ частью 2-го кавалерійскаго корпуса и съ дивизіей Леваля, всего-же съ 5,000 человѣкъ, посланный къ Ла-Фертѐ-су-Жуаръ, былъ назначенъ для под-

держанія, смотря по обстоятельствамъ, Мармона, либо Мортье; наконецъ — генералъ Винсенъ, съ легкимъ отрядомъ, прикрывалъ переправу у Шато-Тіери, на большой шалонской дорогѣ. Такимъ образомъ, въ долинѣ Марны было оставлено до 20,000 человѣкъ, которые въ послѣдствіи могли быть усилены войсками національной стражи и другими подкрѣпленіями. Самъ-же Наполеонъ, съ гвардіей и большою частью кавалеріи, въ числѣ до 12,000 человѣкъ, на слѣдующій день послѣ дѣла при Вошанѣ, 3-го (15-го) февраля, выступилъ изъ Монмираля къ Мо (56).

Наполеонъ, прекративъ преслѣдованіе Силезской арміи, тѣмъ самымъ обнаружилъ намѣреніе свое — обратиться противъ Главной арміи. Въ такихъ обстоятельствахъ, надлежало Блюхеру немедленно явиться тамъ, гдѣ рѣшалась судьба войны, и по тому, онъ, устроивъ на-скоро свою армію, рѣшился идти въ долину Сены усиленными переходами. Къ счастью Союзниковъ, въ это самое время пришелъ въ Шалонъ большой обозъ съ обувью, которую въ Шампани достать было невозможно, потому что тамъ почти всѣ жители носятъ деревянные башмаки (sabots).

Выступая изъ Шалона къ Труа, гдѣ рѣшено было сосредоточить Главную армію, Блюхеръ получилъ отъ князя Шварценберга отзывъ, въ которомъ Союзный главнокомандующій изъявлялъ ему намѣреніе принять бой, если Силезская армія успѣетъ придти къ 22-му или 23-му февраля (н. ст.) съ 30,000 человѣкъ. Въ отвѣтъ на это приглашеніе Блюхеръ писалъ: «къ 21-му февраля я буду съ 53,000 человѣкъ и 300 орудій у Мери готовъ къ сраженію.» Хотя съ перваго взгляда кажется, что фельдмаршалъ, потерявъ въ предшествовавшіе шесть дней почти треть своей арміи, едвали могъ исполнить свое обѣщаніе, однакоже онъ, съ свойственными ему энергіею и дѣятельностью, принялъ мѣры къ исполненію своего намѣренія, заранѣе предписавъ графу Ланжерону, съ остальными войсками его корпуса, идти усиленными переходами на присоединеніе къ арміи, а блокаду Майнца предоставить 5-му германскому союзному корпусу герцога саксенъ-кобургскаго. Гене-

ралы Рудзевичъ и Корфъ, съ 8,000 человѣкъ Ланжеронова корпуса, были на маршѣ еще прежде этого распоряженія и прибыли въ Витри 6-го (18-го) февраля ([57]). За ними слѣдовали: генералъ ф. Редеръ съ кавалерійскою и генералъ ф. Клюксъ съ пѣхотною бригадами; нѣсколько батарей; генералъ ф. Лобенталь съ 2,000 человѣкъ изъ прусскихъ депо; остальныя войска графа Ланжерона, и наконецъ прусскій отрядъ генерала Ягова ([58]).

Въ продолженіи дѣйствій Наполеона противъ Блюхера, генералъ-лейтенантъ Дибичъ, съ легкою гвардейскою кавалерійскою дивизіей и гренадерскою бригадою генералъ-маіора Княжнина (Бор. Як.), отряженный отъ Главной арміи для открытія сообщенія съ Блюхеромъ, занялъ своимъ авангардомъ, 1-го (13-го) февраля, Сезаннъ, гдѣ захватилъ офицера съ 80-ю нижними чинами французской гвардіи ([59]). За тѣмъ, двинувшись по направленію къ Монмиралю, генералъ Дибичъ, 2-го (14-го) прибылъ къ Маклонѐ (Maclonay), близъ Монмираля, и находился тамъ въ продолженіи дѣлъ при Вошанѣ и Этожѣ, но не могъ сдѣлать диверсіи въ пользу Блюхера, еще не успѣвъ собрать свои войска и будучи отдѣленъ отъ непріятеля болотистою рѣчкою Малымъ-Моренъ ([60]). Когда-же Наполеонъ 3-го (15-го) направился къ Мо, генералъ Дибичъ занялъ Монмираль и выслалъ по дорогамъ къ Ла-Фертѐ-су-Жуаръ и Шалону сильныя партіи, которыя захватили въ плѣнъ до 200 человѣкъ, несчитая болѣе тысячи больныхъ и раненыхъ, и отбили до 700 человѣкъ Союзныхъ войскъ, въ числѣ коихъ находившіеся 258 здоровыхъ были прикомандированы къ гренадерской бригадѣ генерала Княжнина ([61]). Вслѣдъ за тѣмъ, Дибичъ получилъ отъ Барклая де-Толли приказаніе отойти къ Мери, истребивъ мосты на Обѣ ([62]).

Движеніе Наполеона въ долину Марны имѣло для Союзниковъ весьма вредныя послѣдствія, которыхъ можно было-бы избѣжать, еслибъ Блюхеръ и подчиненные ему генералы руководились такою-же осторожностью, какою отличались ихъ дѣй-

ствія во вторую кампанію 1813 года. Небольшой отрядъ Олсуфьева, неимѣвшій при себѣ кавалеріи и по тому немогшій охранять себя высылкою разъѣздовъ на значительное разстояніе, былъ застигнутъ въ расплохъ, но имѣлъ время отступить по шалонской дорогѣ, и если-бы Олсуфьевъ не упорствовалъ обороняться въ Шампоберѣ, то потери его были-бы гораздо менѣе. Подобно тому, Сакенъ могъ, вмѣсто того, чтобы идти къ Монмиралю и пробиваться по дорогѣ къ Шалону, перейти у Ла-Фертѐ-су-Жуаръ чрезъ Марну, и соединившись съ Іоркомъ, (какъ предлагалъ послѣдній), двинуться по правой сторонѣ помянутой рѣки, къ Шалону, гдѣ безопасно сосредоточилась-бы вся блюхерова армія. Нельзя незамѣтить также, что еслибы Іоркъ дѣйствовалъ съ обычною ему рѣшимостью и прибылъ къ Монмиралю одновременно съ Сакеномъ, то Союзники собравъ 30,000 человѣкъ противъ 20,000 Наполеона, могли-бы одержать побѣду, либо, по крайней мѣрѣ, не подверглись-бы пораженію. Но ежели прусскій полководецъ и сподвижники его заслуживаютъ справедливый упрекъ, то, напротивъ того, Союзныя войска, поставленныя ошибками своихъ вождей въ безвыходное положеніе, достойны величайшей похвалы за оказанныя ими въ высшей степени стойкость и бодрое перенесеніе трудовъ и лишеній. Безъ хлѣба и безъ обуви, они дѣлали усиленные переходы, и когда у нихъ недоставало патроновъ, прокладывали себѣ дорогу сквозь массы непріятельскихъ силъ штыками.

Дѣйствія Наполеона противъ Блюхера въ долинѣ Марны напоминаютъ самыя блестящія эпохи его военнаго поприща. Невозможно было одержать важнѣйшихъ успѣховъ съ меньшими потерями. Но, по велѣнію Всемогущаго Промысла, уже рѣшившаго судьбу гордаго властителя, эти побѣды послужили къ его собственной гибели. Послѣ сраженія при Ля-Ротьерѣ, Наполеонъ, сознавъ опасность своего положенія, приказалъ Вице-королю занять гарнизонами значительнѣйшія италіянскія крѣпости, а съ остальными войсками двинуться черезъ Альпы въ тылъ Союзникамъ. Но одержавъ побѣды при Шампоберѣ и Монмиралѣ, онъ отмѣнилъ данное имъ приказаніе и предписалъ Вице-ко-

ролю съ ввѣренною ему арміей, по прежнему, остаться въ Италіи ([63]). Неменѣе важныя послѣдствія оказали побѣды Наполеона на ходъ шатильонскихъ переговоровъ, поселивъ въ немъ надежду побудить Союзниковъ къ заключенію мира на выгоднѣйшихъ условіяхъ для Франціи.

Наполеонъ, желая возбудить въ парижанахъ утраченное ими довѣріе въ непобѣдимость ихъ повелителя, немедленно направилъ въ свою столицу всѣхъ плѣнныхъ захваченныхъ французскими войсками ([64])

ГЛАВА X.

Дѣйствія корпусовъ Винцингероде и Бюлова до прибытія ихъ на главный театръ войны.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предположеніе Наполеона на счетъ суассонскаго гарнизона.

Дѣйствія корпуса Винцингероде. Расположеніе его на нижнемъ Везерѣ.—Движеніе Винцингероде къ Дюссельдорфу.—Переправа Чернышева черезъ Рейнъ.—Занятіе Ахена.—Переправа Винцингероде; наступленіе его.—Отступленіе Макдональда.—*Дѣло при Литтихѣ.*—Наступленіе Винцингероде къ Намюру и потомъ къ Авену.—*Взятіе Чернышевымъ Суассона.*—Движеніе Винцингероде къ Реймсу.

Дѣйствія корпуса Бюлова. Первоначальныя дѣйствія Мезона.—Расположеніе войскъ обѣихъ сторонъ.—*Дѣло при Гоогстратенѣ.*—*Дѣла при Мерксгемѣ и Вингемѣ.*—Расположеніе Бюлова у Бреды.—Расположеніе Мезона у Лёвена, и отряженіе Кастекса къ Литтиху.—Взятіе войсками Бюлова Герцогенбуша.—Отступленіе Мезона за рѣку Диль.—Бомбардированіе Антверпена.—Прибытіе Карно.—Движеніе Бюлова къ Лаону.

Наполеонъ, оттѣснивъ за Марну корпусы Іорка и Сакена, и поручивъ преслѣдованіе ихъ маршалу Мортьѐ, надѣялся, что комендантъ укрѣпленнаго города Суассона будетъ имѣть возможность двинуться съ большею частью гарнизона во флангъ отступавшимъ Союзнымъ войскамъ и содѣйствовать ихъ пораженію. Вышло иначе, и суассонскій комендантъ принужденъ былъ, вмѣсто наступательныхъ дѣйствій, обратить исключительно все свое вниманіе на защиту города отъ подступившаго къ нему авангарда корпуса Винцингероде.

Въ продолженіи завоеванія Голландіи войсками генераловъ Бюлова и Бенкендорфа, корпусъ генералъ-адъютанта Винцин-

героде оставался на нижнемъ Везерѣ, ограничиваясь преграждѣніемъ пути къ Рейну маршалу Даву обложенному въ Гамбургѣ. Только лишь въ концѣ декабря н. ст. 1813 года, Винцингероде двинулся медленно чрезъ Мюнстеръ къ Дюссельдорфу и прибылъ туда 6-го генваря н. ст. 1814 года. Хотя у него, по отдѣленіи нѣсколькихъ отрядовъ въ помощь Бюлову и для обложенія Везеля ([1]), оставалось не болѣе семнадцати тысячъ человѣкъ ([2]), однакоже, по слабости стоявшихъ противъ него на нижнемъ Рейнѣ корпусовъ Макдональда и Себастіани, онъ, будучи обезпеченъ съ фланговъ войсками Блюхера и Бюлова, могъ-бы тотчасъ переправиться черезъ Рейнъ. Но вялый и лѣнивый Винцингероде оставался въ бездѣйствіи даже и тогда, когда начальникъ его авангарда, генералъ-адъютантъ Чернышевъ успѣлъ сдѣлать всѣ приготовленія къ переправѣ у Дюссельдорфа и донесъ о томъ въ главную квартиру корпуса. Генералъ Винцингероде предписалъ ему обождать пока пройдетъ ледъ. Донесенія Чернышева о возможности переправы долго оставались напрасны, но наконецъ, по настоятельнымъ представленіямъ его, было дозволено приступить ему къ исполненію этого предпріятія, при чемъ однакоже возлагалась на него вся отвѣтственность въ случаѣ неудачи.

1-го (13-го) генваря, генералъ Чернышевъ переправилъ у Дюссельдорфа на плотахъ и лодкахъ роту егерей и сотню казачьяго Жирова полка, подъ начальствомъ полковника Бенкендорфа, а на слѣдующее утро остальныя свои войска, подъ защитою 36-ти орудій поставленныхъ на правомъ берегу Рейна. Непріятель неоказалъ никакого сопротивленія, и даже очистилъ Нейссъ, гдѣ находился гарнизонъ, въ числѣ 1,400 человѣкъ. По выступленіи Французовъ, Чернышевъ расположился въ этомъ городѣ и выслалъ часть своего отряда по ахенской дорогѣ. Генералъ Себастіани, съ 5-мъ пѣхотнымъ и 3-мъ кавалерійскимъ корпусами, въ числѣ 4,500 человѣкъ, наблюдавшій берега Рейна въ окрестностяхъ Кёльна, узнавъ о переправѣ Русскихъ, отошелъ поспѣшно къ Юлиху, оставилъ тамъ 2,000 человѣкъ и продолжалъ отступать на Ахенъ. 6-го (18-го) генваря, полковникъ Бенкендорфъ, съ двумя донскими полками и

нѣсколькими орудіями, подошелъ къ Юлиху, а ротмистръ Шилингъ съ эскадрономъ Изюмскихъ гусаръ вступилъ въ Ахенъ. Тогда-же Винцингероде, оставя генералъ-маіора князя Хованскаго, съ частью отряда Орурка ([3]), у Везеля, переправился съ главными силами корпуса чрезъ Рейнъ ([4]); 11-го (23-го), главная квартира его перешла въ Ахенъ; авангардъ занялъ Литтихъ; обложеніе Юлиха было поручено генералу Иловайскому 4-му ([5]).

Маршалъ Макдональдъ, хотя и успѣлъ, еще 6-го (18-го) генваря, сосредоточить въ Литтихѣ большую часть французскихъ войскъ расположенныхъ на нижнемъ Рейнѣ ([6]), въ числѣ до 12,000 человѣкъ, однакоже небудучи въ состояніи удержать наступленіе русскаго корпуса, отступилъ къ Намюру. Тамъ получилъ онъ 7-го (19-го) повелѣніе Наполеона идти на присоединеніе къ нему въ Шалонъ-на-Марнѣ. 11-го (23-го), въ тотъ самый день когда Винцингероде съ главными силами прибылъ въ Ахенъ, Макдональдъ, оставя арріергардъ у Намюра, отступилъ къ Динану ([7]).

Генералъ Чернышевъ, по занятіи Литтиха, узнавъ о движеніи противъ него непріятеля отъ Сенъ-Тронъ, выслалъ 12-го (24-го) генваря, для развѣданія о немъ, полковника Бенкендорфа съ казачьими полками Сысоева и Жирова. Французскій отрядъ, въ числѣ 1,800 человѣкъ пѣхоты и 800 кавалеріи ([8]) съ двумя орудіями, подъ начальствомъ генерала Кастекса, заставилъ отступить казаковъ до литтихскаго предмѣстья, но здѣсь Бенкендорфъ былъ подкрѣпленъ Чернышевымъ, который, съ эскадрономъ Павлоградскихъ гусаръ и съ двумя конными орудіями, опередивъ прочія войска авангарда, ударилъ на непріятеля, между тѣмъ какъ казаки, подъ начальствомъ полковника князя Лопухина и подполковника Барникова, обошли его съ фланга. Французы, потерявъ одними плѣнными болѣе 100 человѣкъ, отступили къ Сенъ-Тронъ. Самъ Кастексъ потерялъ руку. Со стороны Русскихъ уронъ состоялъ въ 2-хъ офицерахъ и 30-ти нижнихъ чинахъ. Послѣ этого дѣла, генералъ Винцингероде, продолжая двигаться столь-же медленно какъ и прежде, перенесъ свою главную квартиру въ Намюръ 21-го

генваря (2-го февраля); авангардъ его былъ выдвинутъ къ крѣпости Филипевиль, а обложеніе крѣпости Мастрихта поручено генералъ-маіору Книперу съ Финляндскимъ драгунскимъ и однимъ казачьимъ полками (⁹).

Генералъ Винцингероде оставался въ Намюрѣ четыре дня, считая дальнѣйшее движеніе опаснымъ, пока Филипевиль, Живè и Мобёжъ были заняты непріятелемъ, и стараясь побудить Бюлова къ одновременному съ нимъ наступленію. Но Бюловъ предполагалъ непрежде перешагнуть древніе предѣлы Франціи, предоставя дѣйствія въ Бельгіи 3-му германскому корпусу принца Саксенъ-Веймарскаго и англійскому отряду генерала Грегама (Graham), какъ по взятіи Антверпена. Наконецъ Винцингероде, убѣдясь въ трудности овладѣнія Филипевилемъ и получивъ повелѣніе Императора Александра—дѣйствовать со всевозможною быстротою, перешелъ 25-го генваря (6-го февраля) отъ Намюра къ Сомбрёфу; авангардъ его, оставя у Филипевиля одинъ казачій полкъ, двинулся къ Бинчу. Дальнѣйшее наступленіе русскаго корпуса было направлено чрезъ Бомонъ къ Авèну (Avesnes)—единственной крѣпости могшей затруднить ему доступъ къ Парижу. Но гарнизонъ ея состоялъ изъ слабой инвалидной роты. 28-го генваря (9-го февраля) передовыя войска Чернышева заняли безъ сопротивленія этотъ важный пунктъ; тамъ было найдено 16 мѣдныхъ орудій и значительное количество пороха и снарядовъ (¹⁰).

Городъ Суассонъ, обнесенный древними каменными стѣнами, былъ приведенъ Французами на-скоро въ оборонительное состояніе и занятъ четырьмя тысячами человѣкъ запасныхъ войскъ и національной стражи, подъ начальствомъ дивизіоннаго генерала Руска (Rusca) (¹¹). По занятіи Лана (Laon) казаками авангарда, 31-го генваря (12-го февраля), Чернышевъ предложилъ генералу Винцингероде взять приступомъ Суассонъ. Командиръ корпуса сначала не рѣшался на это важное предпріятіе, но наконецъ разрѣшилъ Чернышеву идти къ Суассону, съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ на себя отвѣтственность въ случаѣ неудачи.

1-го (13-го) февраля, генералъ Чернышевъ, съ авангар-

домъ, въ числѣ 4,200 человѣкъ ([12]), приблизясь къ городу по лаонской дорогѣ, выслалъ впередъ полковника Бенкендорфа съ казаками, которые, подойдя къ Сенъ-Вастскому предмѣстью, были атакованы частью гарнизона и національной стражи, но опрокинули ихъ и захватили до 500 плѣнныхъ. На слѣдующій день, утромъ, Чернышевъ, обозрѣвъ мѣстоположеніе города, сдѣлалъ распоряженія къ штурму предмостнаго укрѣпленія на правой сторонѣ рѣки Эны. Пѣхотѣ приказано идти по большой дорогѣ; за нею слѣдовали конные егеря, а по сторонамъ пѣхоты по шести орудій и по два казачьихъ полка. Казачьими отрядами командовали, на правомъ флангѣ полковникъ Сухтеленъ, на лѣвомъ—полковникъ Бенкендорфъ. Двѣ роты егерей были отряжены для занятія постоялаго двора, въ ста шагахъ отъ городскихъ воротъ, правѣе большой дороги. Во время приготовленій къ приступу, Чернышевъ послалъ въ Суассонъ своего адъютанта Шепинга, съ требованіемъ сдачи отъ имени корпуснаго командира. Генералъ Руска отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ.

Въ десять часовъ утра, войска Чернышева, построясь полукружіемъ, коего оконечности примыкали къ Энѣ, подошли къ мостовому прикрытію и открыли канонаду, на которую непріятель отвѣчалъ огнемъ двухъ батарей; между тѣмъ егеря овладѣли постоялымъ дворомъ и стали стрѣлять оттуда съ кровли и изъ оконъ, что̀ заставило Французовъ оставить мостовое прикрытіе, находившееся въ плохомъ состояніи. Чернышевъ повелъ войска на штурмъ городскихъ воротъ, но былъ отбитъ. Второе покушеніе также не имѣло успѣха. Не смотря однакоже на то, онъ снова построилъ къ бою свои войска и готовился опять идти на штурмъ, когда замѣтилъ внезапное смятеніе въ рядахъ непріятеля на городскомъ валу: причиною тому была смертельная рана, полученная комендантомъ, генераломъ Руска; ни одинъ изъ подчиненныхъ ему генераловъ не могъ замѣнить его, и даже никто не принялъ начальства надъ гарнизономъ; дѣйствія Французовъ, пораженныхъ неожиданнымъ ударомъ, не имѣли ни единства, ни связи. Хотя генералъ Чернышевъ не зналъ, отъ чего произошла замѣченная имъ сумотоха, однакоже рѣшась

воспользоваться благопріятными обстоятельствами, велѣлъ приитбь петарду къ городскимъ воротамъ, и когда они отчасти были разрушены взрывомъ, егеря 19-го и 44-го полковъ, разломавъ ихъ, ворвались въ предмѣстье и кинулись къ мосту; за ними быстро слѣдовали кавалерія и казаки. Напрасно генералъ Лонгшанъ (Longchamps), собравъ нѣсколько кадровъ, желаетъ отстоять переправу; Русскіе переходятъ по мосту и съ быстротою бурнаго потока вторгаются въ городъ; изъ числа его защитниковъ восемьсотъ человѣкъ убиты и ранены; другіе принуждены положить оружіе. Генераламъ Данлу-Вердюнъ (Danloup-Verdun) и Берюйё (Berruyer) съ нѣсколькими жандармами удалось пробиться и уйти по компіеньской дорогѣ, а генералъ Лонгшанъ, отступавшій съ тремя баталіонными кадрами, былъ окруженъ Волынскими уланами и принужденъ положить оружіе. Вообще-же захвачено побѣдителями: болѣе 3,000 плѣнныхъ, 13 орудій, значительный обозъ и множество запасовъ. Уронъ русскихъ войскъ вообще не превосходилъ 500 человѣкъ ([13]).

Взятіе Суассона поразило страхомъ жителей Парижа. Генералъ Винцингероде, еще неимѣя точныхъ свѣдѣній о расположеніи Силезской арміи, предполагалъ идти на Шато-Тіери; но получивъ предписаніе присоединиться къ Блюхеру и узнавъ объ отступленіи корпусовъ Сакена и Іорка по направленію къ Шалону, выступилъ къ Эпернѐ, и оттуда перешелъ къ Реймсу. Чтобы не ослабить еще болѣе своего корпуса, онъ неоставилъ гарнизона въ Суассонѣ, чтò дало возможность маршалу Мортье занять сей городъ. По прибытіи въ Реймсъ, 12 (24) февраля, генералъ Винцингероде получилъ повелѣніе выждать прибытіе корпусовъ Воронцова и Строгонова двигавшихся изъ сѣверной Германіи ([14]).

Корпусъ генерала Бюлова также готовился принять участіе въ дѣйствіяхъ на главномъ театрѣ войны.

Успѣхи Союзныхъ войскъ, подъ начальствомъ генераловъ Бюлова и Бенкендорфа 1-го, заставили Французовъ еще въ первой половинѣ декабря н. ст. очистить всю Голландію. Войска генерала Декаэна (Decaën), которымъ была поручена за-

щита сей страны, отступили къ Антверпену, а Макдональдъ, оборонявшій теченіе нижняго Рейна, собралъ часть своихъ войскъ у Нимвегена, чтобы поддерживать Декаэна, но впослѣдствіи, (какъ уже выше изложено), получилъ предписаніе идти на соединеніе съ главными силами арміи къ Шалону.

Наполеонъ, справедливо недовольный нерѣшительными дѣйствіями Декаэна, отозвалъ его въ Парижъ и приказалъ нарядить коммисію для изслѣдованія его дѣйствій. На мѣсто его былъ назначенъ генералъ Мезонъ; комендантъ Горкума получилъ предписаніе оборонять сей городъ до послѣдней возможности и наводнить окрестную мѣстность. Какъ въ то время на Рейнѣ Союзники еще оставались въ бездѣйствіи, то Наполеонъ, надѣясь, что они непредпримутъ наступленія до марта, рѣшился воспользоваться свободнымъ временемъ для отнятія у нихъ Голландіи. Дивизія генерала Рогè, находившаяся въ Антверпенѣ, была назначена для внезапнаго нападенія на Бреду. Три другія дивизіи Молодой гвардіи немедленно были посланы въ Голландію и двѣ дивизіи Старой гвардіи направлены туда-же изъ Трира. Хотя генералъ Бенкендорфъ, съ 500 человѣкъ пѣхоты и 1,000 казаковъ, успѣлъ отразить нападеніе на Бреду генерала Рогè съ 7,000 человѣкъ гвардіи и удерживался въ городѣ до прибытія къ нему въ помощь прусской бригады Крафта, однакоже Бюловъ отложивъ наступленіе къ Антверпену, въ ожиданіи присоединенія къ его корпусу бригады Борстеля стоявшей подъ Везелемъ, ограничился занятіемъ острова Боммеля (*) бригадою Тюмена и обложеніемъ Горкума и Герцогенбуша. Главная квартира его находилась въ Бредѣ. Непріятельскія войска противъ нег остоявшія, подъ начальствомъ Мезона, въ числѣ до 16,000 человѣкъ, были расположены у Турнгоута, Гоогстратена и впереди Антверпена на дорогѣ изъ Бреды (15).

Въ началѣ генваря н. ст. Бюловъ, желая прервать связь между Мезономъ и Макдональдомъ, тогда перешедшимъ къ Гельдерну, выслалъ отряды легкой кавалеріи къ Ванлоо, Рёремонде и Турнгоуту, а 10-го генваря н. ст. выступилъ самъ,

---

(*) Островъ Боммель (Bommeler Waard) между Вааломъ и Маасомъ.

съ главными силами своего корпуса, отъ Бреды къ Гоогстратену; тогда-же англійскій отрядъ генерала Грегама двинулся на правомъ крылѣ прусскихъ войскъ, отъ Розендаля къ Мерксгему. На слѣдующій день, 11-го генваря н. ст. Бюловъ, имѣя въ виду обойти съ лѣваго фланга и отрѣзать отъ Антверпена французскія войска стоявшія впереди этого города, направилъ свой корпусъ 3-мя колоннами: *лѣвая*, генералъ-лейтенанта ф Борстеля, изъ 5-й бригады, усиленной отрядомъ полковника Сидова ([16]), двинулась къ Гоогстратену; *средняя*, генералъ-маіора Тюмена, изъ его 4-й бригады, къ Вуствезелю; *правая*, генералъ-лейтенанта Оппена, изъ 6-й бригады Крафта и резервной кавалеріи, должна была двинуться, чрезъ Ансвеенъ, на дороги ведущія отъ Вуствезеля и Гоогстратена къ Антверпену, и отрѣзать непріятеля отъ сего послѣдняго пункта. Весьма пересѣченная мѣстность и геройское сопротивленіе войскъ генерала Рогè, въ особенности-же баталіона 12-го полка гвардейскихъ стрѣлковъ (tirailleurs de la garde), занимавшаго кладбище у Миндергоута, замедлили наступленіе Борстеля и не позволили ему дебушировать чрезъ Вертельскій мостъ прежде полудня; овладѣвъ Гоогстратеномъ, прусскія войска преслѣдовали непріятеля до Винегема (Wineghem) и могли-бы оттѣснить его еще далѣе, еслибъ Борстель не остановился на полтора часа, желая дать время прочимъ колоннамъ обойти Французовъ съ лѣваго фланга. Но какъ этотъ обходъ неудался, то прусскія войска въ сумерки расположились на бивакахъ близъ Оостмалля (Oostmall). Колонна генерала Тюмена вытѣснила бригаду Эмара (Aimar) изъ Вуствезеля, и потомъ изъ Брашета. Правая-же колонна генерала Оппена была принуждена двигаться по такимъ дорогамъ, гдѣ едва могла проходить артиллерія, что̀ способствовало непріятелю отступить къ Антверпену, съ потерею однакоже нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, захваченныхъ въ плѣнъ прусскою кавалеріей. Уронъ 5-й прусской бригады состоялъ вообще въ 16-ти офицерахъ и 400 нижнихъ чинахъ. Самъ Борстель былъ раненъ и подъ нимъ убита лошадь. Потери прочихъ прусскихъ бригадъ были ничтожны ([17]).

На слѣдующій день, 31-го декабря (12-го генваря), войска

Бюлова продолжали наступать къ Брашету (Braschaet) и Шоотену Генералъ Мезонъ, расположивъ въ выгодныхъ позиціяхъ дивизію Рогè у Винегема и бригаду Амбèра (Ambert) за Мерксгемомъ, сосредоточилъ часть своихъ силъ у Лира (Lier), чтобы атаковать Бюлова съ лѣваго фланга и отбросить его къ морю. Съ этою цѣлью, 1-го (13-го) генваря, Мезонъ, съ 1,000 человѣкъ пѣхоты и тремя батареями, перейдя отъ Антверпена къ Лиру, соединился тамъ съ кавалерійскою дивизіей Кастекса, въ числѣ 1,400 человѣкъ и съ 3,600 конскриптовъ гвардейской дивизіи Барруà, прибывшихъ изъ Брюсселя. Но въ тоже самое время Бюловъ атаковалъ Французовъ въ окрестностяхъ Антверпена войсками Тюмена и Оппена съ содѣйствіемъ 3,500 Англичанъ, подъ начальствомъ генерала Джиббса; въ резервѣ ихъ слѣдовала бригада Борстеля. Въ восемь часовъ утра, генералъ Тюменъ съ правою колонною двинулся отъ Брашета къ Мерксгему и атаковалъ стоявшіе тамъ пять баталіоновъ генерала Ави; въ тоже время Джиббсъ обошелъ ихъ съ лѣваго фланга. Комендантъ антверпенскій Лебрюнъ послалъ въ помощь генералу Амберу, командовавшему лѣвымъ крыломъ, баталіонъ морскихъ рабочихъ. Послѣ упорнаго боя, въ которомъ Ави былъ убитъ, генералы Тюменъ и Джиббсъ, отбросивъ непріятеля въ безпорядкѣ къ Антверпену, построили на-скоро нѣсколько батарей и стали обстрѣливать городъ. Лѣвая колонна генерала Оппена къ вечеру овладѣла Винегемомъ. Уронъ непріятеля убитыми и ранеными въ дѣлахъ при Мерксгемѣ и Винегемѣ въ точности неизвѣстенъ; плѣнными-же потерялъ онъ 600 человѣкъ. Изъ корпуса Бюлова убито и ранено 5 офицеровъ и 220 нижнихъ чиновъ ([18]).

Несмотря однакоже на успѣхи, одержанные прусскими войсками, Бюловъ немогъ приступить къ осадѣ Антверпена, какъ по слабости своего корпуса, такъ и по недостатку въ осадной артиллеріи, и по тому отвелъ главныя силы къ Бредѣ, оставя бригаду Борстеля у Гоогстратена и Вуствезеля; бригада Зелинскаго обложила Горкумъ; генералъ Гобе (Hobe), съ шестью баталіонами и двумя кавалерійскими полками, блокировалъ Герцогенбушъ, а отрядъ Джиббса—Бергенопцоомъ ([19]). А, между

тѣмъ, въ нѣсколько дней положенiе прусскаго корпуса совершенно измѣнилось, когда переправа чрезъ Рейнъ сперва авангарда, а потомъ и главныхъ силъ генерала Винцингероде, обезпечила Бюлова съ лѣваго фланга отъ покушенiй Макдональда.

Генералъ Мезонъ, зная о предстоявшемъ отступленiи Макдональда, поручилъ оборону Антверпена генераламъ Рогѐ и Амберу, занялъ особыми отрядами Мехельнъ и Бриссель, а самъ, съ дивизiей Барруа и съ тысячью четырьмя стами человѣкъ кавалерiи Кастекса, перешелъ 4-го (16-го) генваря къ Лёвену. Расположенiе его войскъ на этомъ пунктѣ соединенiя нѣсколькихъ главныхъ путей подавало ему возможность прикрывать Бриссель, поддерживать оборону Антверпена, соображать свои дѣйствiя съ Макдональдомъ, тогда расположеннымъ между Мастрихтомъ и Литтихомъ, и наконецъ, въ случаѣ надобности, отступить къ Конде, либо къ Лилю. Но получивъ опредѣлительныя приказанiя военнаго министра (*) и начальника главнаго штаба (major-général) о сосредоточенiи силъ впереди Антверпена, Мезонъ перевелъ туда дивизiю Барруà, а на смѣну отступившему изъ Литтиха макдональдову аррiергарду послалъ генерала Кастекса съ 1,800 человѣкъ пѣхоты и 800 кавалерiи. Этотъ отрядъ, будучи предупрежденъ въ Литтихѣ передовыми войсками генерала Чернышева, (какъ выше сказано), былъ разбитъ 12-го (24-го) генваря и отступилъ на Тирлемонъ къ Лёвену. Одновременно съ наступленiемъ корпуса Винцингероде, Бюловъ, открывъ сношенiя съ жителями Герцогенбуша, послалъ для овладѣнiя этою крѣпостью полковника Ховена, который исполнилъ это порученiе въ ночи съ 13-го (25-го) на 14-е (26-е) генваря. Гарнизонъ, въ числѣ 650-ти человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Ларетри (Laraitrie), успѣлъ отступить въ цитадель, но на слѣдующiй-же день, по недостатку въ съѣстныхъ припасахъ, сдался военно-плѣннымъ. Всѣ офицеры и сто инвалидовъ были отпущены на честное слово. Восемьдесятъ орудiй достались побѣдителямъ ([20]).

(*) Кларке (герцогъ Фельтрскiй)

Потеря Герцогенбуша, отступленіе Макдональда и предстоявшее прибытіе въ Голландію корпуса герцога саксенъ-веймарскаго поставили Мезона въ необходимость рѣшиться на что-либо изъ двухъ: сосредоточить войска къ Антверпену, гдѣ онъ могъ быть обложенъ Союзниками, либо, предоставя оборону этого города части своихъ войскъ, отступить съ дивизіями Барруа̀ и Кастекса, усиленными до 8,000 человѣкъ, къ древней границѣ Франціи. Мезонъ предпочелъ послѣдній способъ дѣйствій, несмотря на то, что военный министръ и начальникъ главнаго штаба исключительно заботились о защитѣ Антверпена. 17-го (29-го) генваря, онъ, отойдя за рѣку Диль (Dyle), расположился между Лёвеномъ и Мехельномъ. Для обороны-же Антверпена остались кадры 55-ти баталіоновъ, въ числѣ 8,000 человѣкъ, долженствовавшіе составить три дивизіи: Амбера, Карра-Сенъ-Сира и Ледрю, и кромѣ того—гвардейская дивизія Рогѐ, въ числѣ 7,000 человѣкъ.

Прибытіе герцога Кларенскаго, (*) посланнаго изъ Англіи, съ нѣсколькими тысячами человѣкъ, для истребленія французской эскадры стоявшей въ Антверпенѣ, побудило Бюлова снова предпринять нападеніе на сей городъ. Союзники условились направить къ Антверпену бригады Тюмена и Крафта съ большою частью англійскаго корпуса, между тѣмъ, какъ бригада Борстеля должна была овладѣть Мехельномъ и выслать отряды къ Брисселю, чтобы возбудить возстаніе жителей Бельгіи въ тылу Мезона. 18-го (30-го) генваря, прусскія войска выступили къ Антверпену, а генералъ-маіоры Джиббсъ и Тейлоръ съ 4,800 Англичанъ и Ганноверцевъ къ Вестмаэлю. Союзники нигдѣ не встрѣтили сопротивленія, а генералъ Борстель, двигавшійся съ своею бригадою на правомъ крылѣ, едва-было не отрѣзалъ въ Лирѣ высланный наканунѣ туда 11-й легкій полкъ; но командовавшій имъ полковникъ Вотренъ (Vautrin) успѣлъ отступить къ Бергему (Berghem, близъ Антверпена). Хотя Антверпенъ не могъ выдержать правильной осады, однакоже, благодаря усердію и дѣятельности Мезона, былъ приведенъ въ

(*) Третьяго сына Короля Великобританскаго Георга III.

безопасность отъ нападенія открытою силою. 20-го и 21-го генваря (1-го и 2-го февраля), Союзники овладѣли селеніями Шотеномъ и Мерксгемомъ, устроили въ ночи на 22-е генваря (3-е февраля) батареи и съ разсвѣтомъ стали бомбардировать городъ. Къ счастью Французовъ, адмиралъ Миссіесси заблаговременно озаботился разоружить и прикрыть блиндажами эскадру стоявшую въ гавани ([21]).

Таково было положеніе дѣлъ, когда генералъ Карнò смѣнилъ Лебрюна въ должности антверпенскаго коменданта (gouverneur de la place). Этотъ знаменитый инженеръ, видя явную опасность угрожавшую его отечеству, предложилъ Наполеону свои услуги. «Конечно—писалъ онъ—нѣтъ большой важности въ содѣйствіи руки шестидесятилѣтняго ветерана, но я полагаю, что примѣръ солдата, извѣстнаго своими патріотическими чувствами, можетъ привлечь подъ ваши знамена много людей нерѣшительныхъ и могущихъ поддаться убѣжденію въ томъ, что можно спасти свою страну, отказавшись отъ ея защиты» ([22]). Наполеонъ, глубоко тронутый такою преданностью, сказалъ: «Какъ только Карнò предлагаетъ свои услуги, онъ вѣрно исполнитъ порученныя ему обязанности. Назначаю его комендантомъ Антверпена.»

Карнò показалъ себя вполнѣ достойнымъ оказанной ему довѣренности и не прежде сдалъ обороняемый имъ городъ, какъ получивъ достовѣрное свѣдѣніе о паденіи Наполеона.

По прибытіи въ Антверпенъ, Карнò тотчасъ сблизилъ къ городу стоявшую у Шотена дивизію Рогè и принялъ мѣры на случай пожаровъ. Союзники, подвинувъ впередъ гаубичныя батареи, продолжали бомбардированіе, но не успѣли побудить непріятеля къ сдачѣ, хотя и истратили всѣ свои боевые припасы. 25-го генваря (6-го февраля), Бюловъ, предоставя дѣйствія въ Бельгіи 3-му германскому корпусу и отряду Грегама, отошелъ къ Лиру. Потери Союзниковъ, въ продолженіи 20—25 генваря (1—6 февраля) въ точности неизвѣстны. Уронъ Французовъ простирался до 500 человѣкъ. По сдачѣ прусскимъ войскамъ крѣпости Горкума, 26-го генваря (7-го февраля), бригада Зелинскаго двинулась на присоединеніе къ главнымъ

силамъ корпуса, но за то Бюловъ былъ принужденъ, по настойчивому требованію герцога саксенъ-веймарскаго, оставить въ его распоряженіи бригаду Борстеля; остальныя-же силы Бюлова двинулись изъ окрестностей Брисселя къ древней границѣ Франціи и вмѣстѣ съ главною квартирою корпуса, 4-го (16-го) февраля, пришли въ Монсъ. Мезонъ отступилъ къ Турнѐ еще 29-го генваря (10-го февраля). Жители Бельгіи вездѣ выказывали расположеніе къ Союзникамъ, что̀ способствовало Бюлову и Винцингероде пройти чрезъ страну, усѣянную крѣпостями, предоставя наблюденіе за ними небольшимъ отрядамъ. Тѣмъ не менѣе однакоже Бюловъ, по достиженіи Лана, 12-го (24-го февраля, не успѣвъ еще присоединить къ своимъ главнымъ силамъ бригаду Зелинскаго, имѣлъ подъ начальствомъ неболѣе 16,000 человѣкъ ([23])

ГЛАВА XI.

Наступленіе Наполеона противъ Главной Союзной арміи. Дѣла при Морманѣ и Монтеро.

СОДЕРЖАНІЕ.

Расположеніе Главной Союзной арміи въ началѣ (въ половинѣ) февраля.—Наступленіе авангарда графа Палена къ Морманъ.—Разобщеніе его отъ прочихъ войскъ.—Растянутое расположеніе Союзниковъ.

Причины, побудившія Наполеона прекратить преслѣдованіе Блюхера и обратиться противъ Главной Союзной арміи.—Движеніе его отъ Монмираля къ Гинь.—Сосредоточеніе арміи на рѣкѣ Іеръ.—Расположеніе авангарда графа Палена.—Наступленіе Наполеона.—*Дѣло при Морманѣ*, 5-го (17-го) февраля.—Дальнѣйшее наступленіе наполеоновыхъ войскъ отъ Нанжиса: Удино, Макдональда, Виктора.—Замѣчанія на эти дѣйствія.

Распоряженія князя Шварценберга.—Предложеніе Наполеону перемирія.—Намѣренія Наполеона.

Сраженіе при Монтерò, 6-го (18-го) февраля.—Описаніе мѣстности у города Монтерò.—Расположеніе войскъ Кронъ-принца виртембергскаго.—Бой при Монтерò и пораженіе Союзниковъ.—Потери обѣихъ сторонъ.—Отступленіе Союзныхъ войскъ за Сену и къ Труà; расположеніе ихъ 8-го (20-го) февраля.

Мѣры принятыя Наполеономъ для возбужденія во Франціи народныхъ вооруженій.—Неважность одержанныхъ имъ успѣховъ.—Переформированіе французской арміи.—Переговоры въ Шатильонѣ.—Письмо Наполеона къ Императору Францу.

Прибытіе Силезской арміи къ Мери.—Большая рекогносцировка (grosse Rekognoszirung) князя Шварценберга.—*Дѣло при Мери*.—Наступленіе Наполеона къ Труа.—Отступленіе Союзниковъ на правую сторону Сены.

3-го (15-го) февраля, въ тотъ самый день, когда Наполеонъ, послѣ одержанныхъ имъ успѣховъ въ долинѣ Марны, двинулся съ 12,000 человѣкъ отборнаго войска отъ Монмираля по дорогѣ въ Мо, Главная Союзная армія была располо-

жена слѣдующимъ образомъ: (*) генералъ-маіоръ Ридигеръ, съ передовыми войсками авангарда графа Палена, занялъ городъ Нанжисъ; авангардъ Палена двигался туда-же; корпусъ графа Витгенштейна прибылъ въ Провенъ; корпусъ графа Вреде оставался у Доннемари, выдвинувъ авангардъ къ Нанжису; корпусъ Кронъ-принца виртембергскаго находился между Бре и Монтеро̀; 1-й и 3-й австрійскіе корпусы шли по лѣвому берегу Сены къ Фонтенебло. Отрядъ графа Платова, (какъ уже сказано), 4-го (16-го), овладѣлъ Немуромъ, а отрядъ Сеславина направился лѣвѣе, на дорогу изъ Монтаржи въ Орлеанъ. Россійско-прусскіе резервы стояли на квартирахъ въ окрестностяхъ Ножана и Понъ-сюръ-Сенъ (**). Непріятельскіе корпусы Виктора, Удино̀ и Макдональда, усиленные до 40,000 человѣкъ, находились за рѣкою Іеръ (Yères).

На слѣдующій день, 4 (16) февраля, графъ Витгенштейнъ, съ главными силами своего корпуса, двинулся отъ Провенъ къ Нанжису, чтобы сблизиться съ авангардомъ Палена, но получилъ, по настоянію князя Шварценберга, опасавшагося подвергнуться обходу съ праваго фланга, повелѣніе возвратиться въ Провенъ (1). Барклай де-Толли также былъ озабоченъ наступленіемъ графа Витгенштейна къ Нанжису, и какъ будтобы предвидя новые успѣхи Наполеона, писалъ: «Кажется, что мы приближаемся къ важнымъ происшествіямъ и что намъ надобно быть крайне осторожными» (2). Графъ Витгенштейнъ, получивъ въ ночи съ 4-го (16-го) на 5-е (17-е) предписаніе Шварценберга—возвратиться въ Провенъ, немедленно туда выступилъ, но не далъ знать о томъ графу Палену, вѣроятно неожидая перехода къ наступленію со стороны непріятеля только-лишь оттѣсненнаго за рѣку Іеръ. Такимъ образомъ, въ то самое время, когда Наполеонъ, со всею своею арміею, готовился напасть на Союзниковъ, ближайшія къ непріятелю войска графа Палена, въ числѣ 4,000 человѣкъ, находились въ 35-ти верстахъ отъ главныхъ силъ Витгенштейна отступившихъ къ

(*) *Карта пространства между Ланомъ, Труа̀ и Парижемъ.*

(**) Глава VII.

Провенъ, а въ Нанжисѣ оставался только слабый авангардъ корпуса графа Вреде ([3]).

Выше уже сказано, что Главная Союзная армія, разбросанная отъ Мери до Фонтенебло̀ на сто и отъ Нанжиса до Санъ—на семьдесять верстъ, была столь-же мало готова къ наступленію, сколько и къ оборонѣ. Но Шварценбергъ и Лангенау принимали такое растянутое расположеніе за позицію. Впрочемъ, во всѣхъ мѣрахъ ими тогда принятыхъ обнаруживается сознаніе угрожавшей имъ опасности. Да и не могло быть иначе: извѣстія о событіяхъ на прочихъ пунктахъ театра войны были неуспокоительны; въ особенности-же возбуждали сомнѣніе въ главной квартирѣ князя Шварценберга донесенія графа Бубны, объ усиленіи съ каждымъ днемъ непріятельскихъ войскъ въ южной Франціи и быстромъ распространеніи общаго возстанія жителей. Командиръ 6-го германскаго корпуса, принцъ Филиппъ Гомбургскій, тогда прибывшій со ввѣренными ему войсками на Рейнъ, получилъ предписаніе—направиться отъ Базеля къ Саонѣ, въ южную Францію. Такое-же приказаніе было послано фельдмаршалъ-лейтенанту Кройгеру (Kroyher), шедшему съ частью австрійскихъ резервовъ чрезъ Баварію. На лѣвомъ флангѣ Главной Союзной арміи, по видимому, также скоплялись тучи готовыя разразиться грозою. Генералъ Кайсаровъ писалъ о движеніи отъ Пиренеевъ чрезъ Орлеанъ къ Парижу, частью на подводахъ, 20,000 человѣкъ ([4]). По донесенію Сеславина, число войскъ проходившихъ чрезъ Орлеанъ изъ Испаніи и юго-западной Франціи простиралось до 20,000 старыхъ солдатъ, (изъ коихъ 6,000 человѣкъ кавалеріи), и 10,000 новобранцевъ; къ этому извѣстію онъ присоединилъ, что по слухамъ двигались изъ Каталоніи къ Ліону 10,000 человѣкъ ([5]). Всѣ эти свѣдѣнія чрезвычайно обезпокоивали австрійскихъ стратеговъ, но они, вмѣсто того, чтобы принять мѣры соотвѣтствующія обстоятельствамъ, изыскивали предлоги оставаться въ бездѣйствіи, котораго отъ нихъ требовала двуличная политика Вѣнскаго Кабинета.

Въ такомъ положеніи находилась Главная Союзная армія,

когда непріятель внезапно открылъ наступательныя дѣйствія въ долинѣ Сены.

Казалось—Наполеонъ не долженъ былъ опасаться энергическихъ дѣйствій со стороны Главной Союзной арміи, и потому *въ послѣдствіи* полагали, будтобы ему слѣдовало, оставя на-время безъ вниманія успѣхи Союзниковъ въ долинѣ Сены, довершить пораженіе блюхеровыхъ войскъ. Но едвали справедливо такое мнѣніе. Правда—Наполеонъ уже не разъ извѣдалъ на опытѣ нерѣшительность князя Шварценберга и могъ быть увѣренъ, что тесть его неохотно содѣйствовалъ непріятелямъ Франціи. Тѣмъ не менѣе однако-же Союзный главнокомандующій былъ въ состояніи парализировать дѣйствія ввѣренной ему арміи только лишь до нѣкоторой степени, и ничто не мѣшало Императору Александру направить войска состоявшія въ его распоряженіи къ Парижу и въ нѣсколько дней рѣшить участь войны. Извѣстія тогда полученныя Наполеономъ изъ долины Сены не могли успокоить его на счетъ безопасности столицы. Король Іосифъ писалъ ему о всеобщемъ упадкѣ духа; по его мнѣнію, вовсе нельзя было надѣяться на оборону Парижа національною стражею; безпрестанно жаловался онъ на недостатокъ въ оружіи. Образованіе въ Парижѣ сорока-тысячной резервной арміи казалось ему немыслимо, потому что жители французской столицы были неспособны ни къ какому чрезвычайному усилію ([6]). Когда зашла рѣчь о торжественномъ молебствіи въ церкви Св. Женевьевы, покровительницы Парижа, Іосифъ отклонилъ это предложеніе, говоря, что равнодушіе къ общему дѣлу и безъ того уже было слишкомъ явно, и что не слѣдовало увеличивать его религіозными обрядами ([7]).

Набѣги Союзныхъ партизановъ къ Немуру и Фонтенеблò были извѣстны въ Парижѣ и поселяли опасенія въ его жителяхъ. Наполеонъ не обращалъ на то вниманія, пока переправы чрезъ Сену оставались въ рукахъ Французовъ, чтò подавало ему возможность направиться чрезъ Ножанъ на сообщенія Союзниковъ. «Je ne pense pas—писалъ онъ къ своему брату— que le prince de Schwarzenberg s'enfourne sur Fontainebleau

tant que nous serons maîtres du pont de Nogent. Les Autrichiens connaissent trop ma manière d'opérer et en ont trop longtems porté des marques, et ils se doutent bien que, s'ils nous laissent maîtres du pont de Nogent, je déboucherais sur leurs derrières, comme je l'ai fait ici.» ([8]). Когда-же Наполеонъ получилъ донесеніе о потерѣ Ножана и отступленіи Виктора къ Провенъ, тогда, 2-го (14-го) февраля, еще до послѣдняго дѣла съ Блюхеромъ, онъ предписалъ нетолько Виктору, но и Макдональду—двинуться къ Монтерò, гдѣ они должны были соединиться съ Удинò, и предполагалъ, оттѣснивъ стоявшіе противъ него Союзные корпусы, идти туда-же самъ съ частью арміи. Но вслѣдъ за тѣмъ пришло извѣстіе объ отступленіи Виктора и Удинò за рѣку Іеръ и о соединеніи ихъ съ Макдональдомъ, при чемъ Король Іосифъ поставилъ на видъ своему брату, что войска маршаловъ не могли остановить Большую Союзную армію, и что между французскими военачальниками не было—ни согласія, ни взаимной довѣренности. «Надѣюсь, писалъ Іосифъ, что В. В. получивъ это письмо двѣнадцать часовъ по его отправленіи—14-го, въ часъ по полудни—успѣете прибыть къ войскамъ герцоговъ Реджіо, Беллюно и Тарентскаго (*) завтра утромъ.» Это донесеніе, доставленное Наполеону въ ночи съ 2-го (14-го) на 3-е (15-е), послѣ побѣдъ одержанныхъ имъ при Вошанѣ и Этожѣ, заставило его ускорить выступленіе въ долину Сены. Да и могъ-ли онъ дѣйсвовать иначе, находясь подъ вліяніемъ увлекавшихъ его обстоятельствъ? Съ одной стороны, Король Іосифъ и маршалы призывали его настойчиво на защиту столицы, потеря которой угрожала ему паденіемъ; съ другой—побѣды одержанныя имъ надъ Силезскою арміей, отуманивъ Генія избалованнаго Фортуною, заставили его невольно преувеличить свои успѣхи. Выше уже сказано, какъ Наполеонъ, послѣ дѣла при Шампоберѣ, выразилъ своимъ маршаламъ въ задушевной бесѣдѣ надежду побывать на Вислѣ Побѣдивъ при Монмиралѣ, онъ писалъ къ Королю Іосифу..... «La journée d'aujourd'hui a été décisive.

(*) Удинò, Викторъ, Макдональдъ.

L'armée ennemie de Silésie n'existe plus: je l'ai mise dans une complète déroute.» (Сегодняшнее дѣло было рѣшительно. Непріятельская Силезская армія уже несуществуетъ; я нанесъ ей совершенное пораженіе). Далѣе, въ томъ-же письмѣ, находимъ: «Voila donc 10 divisions, formant 60 régiments, à peu près anéanties.» (И такъ, эти десять дивизій, въ составѣ шестидесяти полковъ, почти совершенно уничтожены). Послѣ дѣла при Шато-Тіери, Бертьè писалъ съ поля сраженія Королю Іосифу: «toute l'armée russe est détruite» (Вся русская армія уничтожена) (9). Наконецъ, въ письмѣ Бертье къ Мармону, отъ 3-го (15-го) февраля, изъ Монмираля, находимъ: «Sa Majesté a détruit et mis hors de combat la meilleure armée de l'ennemi, qu'on estime avoir été à peu près de quatre-vingt mille hommes.» (Его Величество Императоръ уничтожилъ лучшую непріятельскую армію, состоявшую, какъ полагаютъ, въ числѣ около восьмидесяти тысячъ человѣкъ) (10).

Дѣйствительно—эта армія, хотя и не могла считаться лучшею по своему составу, однакоже показала себя такою, благодаря дѣятельности своихъ вождей—Блюхера, Сакена и Іорка—и боевой опытности войскъ. Понеся пораженія въ нѣсколькихъ бояхъ и будучи принуждены отступать усиленными переходами для сосредоточенія у Шалона, войска Блюхера въ продолженіе двухъ сутокъ оправились, сплотились и были готовы снова идти на встрѣчу непріятелю считавшему ихъ уничтоженными. Наполеонъ не могъ предвидѣть такихъ изумительныхъ результатовъ энергіи 70-ти-лѣтняго полководца, и потому обратился въ ту сторону, откуда по видимому ему угрожала наибольшая опасность.

Выступивъ, съ гвардіей и съ частью кавалеріи 2-го корпуса Сенъ-Жермена, въ числѣ 12,000 человѣкъ, 3-го (15-го) февраля, изъ Монмираля къ Мо, Наполеонъ прибылъ на слѣдующій день въ Гинь. Этотъ переходъ около девяноста верстъ былъ совершенъ въ полторы сутки; пѣхота двигалась на подводахъ; кавалерія шла день и ночь съ небольшими привалами. Подъ начальствомъ Наполеона соединились на рѣкѣ Іеръ, кромѣ войскъ приведенныхъ имъ изъ Монмираля, корпусы Виктора,

Удинò и Макдональда, вновь сформированная въ Парижѣ дивизія Шарпантьè и прибывшіе оттуда-же отдѣльные баталіоны и кавалерійскіе отряды: всего-же до шестидесяти тысячъ человѣкъ, а за отряженіемъ генерала Аликса съ 6,000 къ Фонтенебло и генерала Пажоля съ 6,400 человѣкъ къ Сенъ-Жерменъ-Лаксй близъ Мелюна, собрано было, въ ночи съ 4-го (16-го) на 5-е (17-е), у Гинь, 47,000 человѣкъ ([11]).

Если-бы князь Шварценбергъ не растянулъ ввѣренныя ему войска на значительное пространство, то могъ-бы противопоставить Наполеону двойную въ числѣ армію; но выше уже изложено, что Союзники были не въ силахъ остановить непріятеля. Ближайшій къ нему русскій отрядъ, авангардъ графа Палена, въ числѣ съ небольшимъ 4,000 человѣкъ ([12]), находился у Морманъ, въ разстояніи 35-ти верстъ отъ корпуса графа Витгенштейна, и хотя въ 12-ти верстахъ отъ Палена, у Нанжиса, стоялъ небольшой австрійскій авангардъ корпуса Вреде, подъ начальствомъ графа Антона Гардегга (Hardegg), однакоже этотъ отрядъ получилъ приказаніе отступать, невдаваясь въ бой съ непріятелемъ, и потому не могъ служить надёжною опорою русскому авангарду.

Какъ отъ Морманъ идутъ двѣ большія дороги—одна чрезъ Гинь къ Парижу, а другая чрезъ Розуà къ Мо, то графъ Паленъ, по достиженіи Морманъ, 4-го (16-го) февраля, (въ тотъ самый день, когда прибылъ Наполеонъ къ своей арміи), выслалъ Чугуевскихъ уланъ и казаковъ Иловайскаго 12-го, съ 23-ю конною ротою полковника Маркова и двумя пѣшими орудіями, по парижской дорогѣ, а Гродненскихъ и Сумскихъ гусаръ, съ казачьимъ Ребрикова полкомъ, по направленіямъ къ Шомъ и Розуà. Передовыя французскія войска отступили къ л' Этанъ (l'Etang, близъ Гинь) и Бовуàръ (Beauvoir, близъ Шомъ).

5-го (17-го) февраля, двинулась впередъ вся французская армія ([13]). Генералъ Аликсъ съ 6,000 человѣкъ, направясь отъ Мелюна къ Фонтенеблò, вытѣснилъ оттуда авангардъ 1-го австрійскаго корпуса; отрядъ графа Пажоля, въ числѣ 6,400 человѣкъ, устремился по дорогѣ ведущей изъ Мелюна въ Мон-

терд̀ и завязалъ бой съ авангардомъ 4-го (виртембергскаго) корпуса, состоявшимъ подъ начальствомъ принца Адама виртембергскаго (*); самъ-же Наполеонъ, съ 47,000 человѣкъ, двинулся къ Морманъ; въ головѣ его войскъ шелъ маршалъ Викторъ съ корпусами: своимъ, Жерара и кавалеріей Мильго̀ и Келлермана, въ числѣ вообще 18,000 человѣкъ. Какъ только графъ Паленъ замѣтилъ появленіе непріятеля въ превосходныхъ силахъ, то сталъ отступать. Артиллерія шла по большой дорогѣ; за нею слѣдовали пѣхотные полки; въ арріергардѣ два пѣшихъ орудія съ пѣхотнымъ прикрытіемъ, а по сторонамъ дороги—кавалерія. Французскія войска, настигнувъ Палена, построились къ бою; въ центрѣ первой линіи сталъ корпусъ Жерара; на флангахъ его—дивизіи 2-го корпуса, Дюгѐма и Шато̀; на правомъ крылѣ—кавалерія Келлермана; на лѣвомъ—Мильго̀. Во второй линіи расположились прибывшіе позже корпусы Удино̀ и Макдональда, а въ резервѣ, у Гинь, осталась гвардія. Пѣхота Виктора, двинувшись ускореннымъ шагомъ, настигла близъ Пекё (Pequeux) отступавшія войска, между тѣмъ какъ кавалерія направилась въ обходъ съ обоихъ фланговъ селенія Морманъ, чему способствовала совершенно открытая мѣстность между Гинь и Нанжисомъ. Бригада Сюбервика (корпуса Мильго̀), миновавъ Морманъ, сдѣлала перемѣну фронта на право и кинулась на стрѣлковъ прикрывавшихъ пѣхоту Палена съ фланга; тогда-же генералъ Пирѐ, съ 2-ою бригадою своей дивизіи, поддержанною драгунами Бриша, атаковалъ русскую кавалерію, одновременно съ атакою драгунскихъ дивизій корпуса Келлермана. Баталіонный командиръ (chef de bataillon) Жераръ, съ 5-мъ баталіономъ 32-го полка, первымъ ворвался въ Морманъ. Пѣхота Палена, будучи вытѣснена изъ этого селенія, продолжала отступать въ нѣсколькихъ каре, подъ защитою коихъ нѣсколько разъ устроивалась малочисленная русская кавалерія. Но когда, по личному распоряженію Наполеона, генералъ Друо̀ выдвинулъ впередъ всѣ

(*) Двоюроднаго брата Кронъ-принца (въ послѣдствіи—Короля Вильгельма I) виртембергскаго.

гвардейскія батареи и сталъ громить отрядъ огнемъ тридцати шести орудій, положеніе Русскихъ сдѣлалось отчаяннымъ. Напрасно графъ Паленъ посылалъ съ просьбою о помощи къ графу Гардеггу, стоявшему съ австрійскимъ отрядомъ у Бальи (Bailly) и Нанжиса, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣста побоища. Гардеггъ отказался содѣйствовать спасенію союзниковъ своего Государя, окруженныхъ десятерными силами. Не такъ поступили Русскіе подъ Кульмомъ! ([14]).

По достиженіи селенія Гранъ-Пюи, близъ Нанжиса, войска Палена были совершенно разстроены и обращены въ бѣгство. Прибывшіе къ авангарду графъ Витгенштейнъ и начальникъ его штаба Доврѐ были увлечены общимъ безпорядкомъ. Послѣдній едва не попался въ плѣнъ и былъ обязанъ спасеніемъ своимъ адъютантамъ, которые, погоняя скользившую по гололедицѣ его лошадь, успѣли его выручить. Пѣхотные полки, окруженные непріятелемъ, оборонялись весьма упорно. Командиръ Селенгинскаго полка, полковникъ Леблѐ, сражался до тѣхъ поръ, пока былъ изрубленъ и взятъ въ плѣнъ. Въ особенности пострадали Селенгинскій и Ревельскій полки, изъ коихъ выбыло 1,359 человѣкъ, послѣ чего они были отправлены для переформированія вь Плоцкъ. Вообще-же русскія войска потеряли 2,114 человѣкъ и десять (въ числѣ коихъ девять конныхъ) орудій ([15]).

Не смотря на быстрое отступленіе графа Гардегга, арріергардъ его, въ составѣ полковъ: уланскаго князя Шварценберга и гусарскаго эрцгерцога Фердинанда, будучи настигнутъ у входа въ нанжисскій лѣсъ и атакованъ кавалеріей генерала Пирѐ, потерпѣлъ значительный уронъ ([16]).

Въ ночи съ 5-го (17-го) на 6-е (18-е) февраля, графъ Витгенштейнъ, отведя ввѣренный ему корпусъ за Провенъ, расположилъ его у Сордюна; авангардъ Палена занялъ пѣхотою Провенъ и былъ усиленъ третьею кирасирскою дивизіей. Отрядъ полковника князя Любомирскаго, высланный наканунѣ къ Ла-Ферте-Гошѐ (La-Ferté-Gaucher), присоединился къ отряду генералъ-лейтенанта Дибича, отступившему съ рѣки Малаго-Моренъ къ Сезаннъ ([17]).

Непріятельскія войска, достигнув Нанжиса, двинулись по тремъ направленіямъ: Удино, съ дивизіей Трельяра и 7-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, по дорогѣ къ Провенъ; Макдональдъ, съ дивизіями Пирè и Бриша и съ 11-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, къ Доннемари; а Викторъ, съ дивизіей Леритье (L' Heritier), пятьюстами человѣкъ 1-го кавалерійскаго корпуса, прибывшими на-канунѣ изъ ремонтнаго депо, 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ и парижскимъ резервомъ генерала Жерара, по дорогѣ къ Монтеро̀. Самъ Наполеонъ, съ гвардіею изнуренною усиленными переходами, остался въ Нанжисѣ.

Лѣвая колонна маршала Удино преслѣдовала войска графа Витгенштейна и стала на бивакахъ у Мезонъ-Ружъ и Ванвильè, въ десяти верстахъ отъ Провенъ. Маршалъ Макдональдъ, съ среднею колонною, опрокинувъ отрядъ Гардегга, захватилъ много плѣнныхъ и расположился ввечеру близъ Доннемари, заставя стоявшія тамъ войска генерала отъ кавалеріи Фримона отступить къ Лезъ-Ормъ и Эверли (Everly). Правая колонна маршала Виктора, достигнувъ Вальжуанъ (Valjouan), въ три часа по полудни, встрѣтилась съ баварскою бригадою Габерманна (Habermann), которая, вмѣстѣ съ отступившимъ отъ Нанжиса отрядомъ графа Антона Гардегга, была расположена у Вильнёвъ, а состоявшая подъ его начальствомъ кавалерійская бригада, на лѣвомъ крылѣ, у фермы Мазюръ. Генералъ Жераръ, открывъ канонаду и перестрѣлку, развернулъ свою пѣхоту въ боевой порядокъ, между тѣмъ какъ самъ Викторъ старался ускорить движеніе своей кавалеріи. Какъ только построились войска, 86-й французскій полкъ атаковалъ селеніе Вильнёвъ, а самъ Жераръ, пользуясь лѣсистымъ оврагомъ, двинулся съ остальною пѣхотою въ лѣво, чтобы отрѣзать Баварцамъ путь отступленія. Баварскій баталіонъ, выбитый изъ селенія и атакованный съ тыла однимъ эскадрономъ легкой кавалеріи Бордесуля, былъ опрокинутъ къ опушкѣ лѣса, занятаго баталіономъ подвижнаго Иллерскаго легіона. Еслибы генералъ Леритьè атаковалъ эту пѣхоту, то, по всей вѣроятности, она была-бы уничтожена, но онъ остался въ бездѣйствіи и далъ возможность Баварцамъ отступить и устроиться подъ прикрытіемъ уланъ

князя Шварценберга и гусаръ эрцгерцога Фердинанда. Замѣтя ошибку своего сослуживца, Бордесуль, съ двумя эскадронами кирасиръ, кинулся на австрійскіе полки, опрокинулъ ихъ къ лѣсу и истребилъ болѣе пятисотъ человѣкъ. Генералъ Деламоттъ, не надѣясь устоять въ неравномъ бою противъ несравненно сильнѣйшаго непріятеля, построилъ свою пѣхоту въ нѣсколько каре и сталъ отступать къ Доннемари, но едва лишь онъ успѣлъ отойти около двухъ верстъ, какъ генералъ Жераръ, выйдя изъ лѣса ударилъ на него въ штыки и опрокинулъ Баварцевъ, съ потерею около трехъ сотъ человѣкъ. Пораженіе ихъ было-бы неминуемо, еслибы Викторъ поддержалъ пѣхоту кавалеріей, но онъ упустилъ это изъ вида. За тѣмъ, получивъ повелѣніе занять Монтерò, онъ послалъ Жерара по указанному направленію, но потомъ приказалъ остановиться у Монтиньи-Ланку (Montigny-Lancoup). Наполеонъ, узнавъ о томъ, упрекалъ маршала въ неисполненіи даннаго ему предписанія— занять Монтерò, что будтобы помѣшало истребить всѣ Союзныя войска перешедшія на правую сторону Сены. Но едвали можно признать справедливость такого обвиненія: если-бы даже удалось Виктору вытѣснить изъ Монтерò корпусъ Кронъ-принца виртембергскаго, то все-таки онъ не могъ бы отрѣзать ему отступленіе, либо преградить корпусамъ Вреде и Витгенштейна путь на лѣвый берегъ Сены, къ Бре и Ножану. Нѣкоторые изъ военныхъ людей полагаютъ, что самъ Наполеонъ сдѣлалъ грубую ошибку, послѣ дѣла при Морманъ, устремивъ войска въ расходящихся направленіяхъ, къ Ножану, Бре и Монтерò. Если бы онъ, вмѣсто того, повелъ свою армію въ совокупности, по крайней мѣрѣ, до узла удобнѣйшихъ путей ведущихъ въ долину Сены—у Доннемари, то могъ-бы нанести пораженіе Баварцамъ и потомъ виртембергскому корпусу. Разобщенное направленіе его колоннъ ослабило нанесенные имъ удары, и—что было еще важнѣе—лишило его возможности управлять дѣйствіями своихъ войскъ и не позволило ему воспользоваться успѣхомъ одержаннымъ при Морманѣ. Тѣмъ не менѣе однакоже, если можно вѣрить показаніямъ французскихъ писателей, Союзники потеряли въ сей день болѣе 3,000 че-

ловѣкъ и 14 орудій, а войска наполеоновы только 800 человѣкъ ([18]).

Войска графа Вреде, получивъ предписаніе отойти за Сену, переправились на лѣвую сторону этой рѣки, у Бре, въ 9 часовъ вечера ([19]).

Въ продолженіи дня, 5 (17), въ главную квартиру арміи, находившуюся въ Бре, приходили извѣстія заставлявшія Союзнаго главнокомандующаго измѣнять общія соображенія дѣйствій. Получивъ утромъ отъ графа Платова донесеніе о взятіи имъ Немура, Шварценбергъ предписалъ князю Морицу Лихтенштейну съ его легкою дивизіей занять этотъ городъ, а Платову—обойти фонтенеблоскій лѣсъ и выслать партіи къ Парижу по обоимъ берегамъ Сены, для собранія свѣдѣній, въ особенности-же для поимки курьеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дано знать Платову, чтобы онъ впредь озаботился самъ объ охраненіи себя съ лѣваго фланга, потому что Императоръ Александръ повелѣлъ отряду Сеславина перейти съ лѣваго крыла на оконечность праваго, и смѣнивъ отрядъ Дибича, охранять сообщенія Главной арміи съ Блюхеромъ. Для этого Сеславинъ долженъ былъ двинуться усиленными переходами по кратчайшему направленію на Монтерò, и далѣе къ Провенъ ([20]).

Но когда пришла вѣсть о пораженіи Палена, былъ собранъ, около четырехъ часовъ по полудни, въ Бре, Военный Совѣтъ, на которомъ присутствовали: Императоръ Александръ, Король Прусскій и князь Шварценбергъ съ главными лицами своихъ штабовъ (*). Здѣсь было рѣшено, чтобы Витгенштейнъ и Вреде въ слѣдующую ночь отошли за Сену, по мостамъ устроеннымъ у Ножана и Бре. Барклаю предложено, разрушивъ мостъ у Понъ-сюръ-Сенъ, занять сей городъ тремя баталіонами, усилить графа Витгенштейна одною гренадерскою и одною кирасирскою дивизіями и расположиться съ остальными россійско-прусскими резервами у Тренель (Trainel), въ резервѣ войскъ Витгенштейна и Вреде. Наслѣдный принцъ виртембергскій получилъ предписаніе занять сильно пѣхотою съ

(*) Императоръ Францъ и Меттернихъ оставались въ Труа

орудіями Монтерò и удерживать въ своихъ рукахъ находящійся тамъ мостъ, а съ главными силами корпуса расположиться у Ла-Томбъ, на дорогѣ изъ Монтерò въ Бре, въ резервѣ войскъ занимающихъ эти пункты.

Изъ распоряженій сдѣланныхъ въ главной квартирѣ можно было заключить, что князь Шварценбергъ и его совѣтники имѣли намѣреніе оборонять линію Сены, но на дѣлѣ вышло иначе. Генералъ Толь, постоянно состоявшій при австрійскомъ главномъ штабѣ и уже примѣнившійся къ его образу дѣйствій, извѣщая генерала Сеславина объ отмѣнѣ движенія его отряда къ Монтерò и о новомъ направленіи ему данномъ—на Вильнёвъ-ле-Руа (Villeneuve-le-Roi), къ югу отъ Санъ, писалъ ему: «по всей вѣроятности вся наша армія отступитъ на Труà: такъ малѣйшая ошибка въ дѣйствіяхъ часто влечетъ за собою другую, болѣе грубую.» Ночью, въ 11 часовъ, когда пришли последующія извѣстія отъ передовыхъ корпусовъ, послано было предписаніе Кронъ-принцу—оставить у Монтерò только одну пѣхотную бригаду, а съ прочими войсками стать между Ла-Томбъ и Бре. Біанки долженъ былъ, на слѣдующій день, собрать свой авангардъ у Вильнёвъ-ла-Гюйаръ (Villeneuve-la-Guyard), къ юго-востоку отъ Монтерò, а корпусъ—у Понъ-сюръ-Іоннъ; войска-же Гіулая и австрійскіе резервы—соединиться въ окрестностяхъ Санъ. Обозы и резервная артиллерія Австрійцевъ были отправлены въ Труà ([21]).

Одновременно съ этими распоряженіями, Союзники, волнуемые опасеніями и отчасти желавшіе прекращенія войны, сдѣлали весьма неловкій шагъ, предложивъ Наполеону перемиріе. Предлогомъ тому послужилъ запросъ Коленкура Союзнымъ уполномоченнымъ: могла-ли Франція надѣяться на немедленное прекращеніе дѣйствій, въ случаѣ согласія ея ограничиться древними предѣлами страны? Въ отвѣтъ на сей отзывъ, князь Шварценбергъ послалъ одного изъ своихъ адъютантовъ, полковника графа Паара, къ Бертье, съ письмомъ слѣдующаго содержанія: «въ слѣдствіе полученнаго мною вчера извѣстія, что уполномоченные Союзныхъ Державъ согласны подписать перемиріе, на условіяхъ предложенныхъ уполномоченными Фран-

ціи и принятыхъ Союзными Монархами, отданы мною приказанія немедленно прекратить наступательныя движенія противъ французскихъ войскъ. Несмотря однакоже на то, дошло до моего свѣдѣнія, что съ вашей стороны они продолжаются, и по тому, желая положить конецъ напрасному кровопролитію, прошу равномѣрно прекратить враждебныя дѣйствія; въ противномъ-же случаѣ, я принужденъ буду возобновить наступленіе прерванное въ чаяніи заключенія помянутыхъ мирныхъ условій.» Такое предложеніе, не говоря уже о его двуличіи, должно было вполнѣ выказать Наполеону вліяніе одержанныхъ имъ успѣховъ на князя Шварценберга и отнюдь не могло побудить Французовъ къ большей уступчивости. Графъ Пааръ прибылъ въ Нанжисъ, гдѣ тогда находилась главная квартира непріятельской арміи, въ ночи съ 5-го (17-го) на 6-е (18-е) февраля, именно въ то время, когда Наполеонъ, упоенный недавними побѣдами, отмѣнилъ данное имъ прежде Коленкуру полномочіе—заключить миръ на условіяхъ предложенныхъ Союзниками, и въ письмѣ къ нему преувеличилъ выше всякой мѣры свои успѣхи. «У меня—писалъ онъ—отъ 30-ти до 40 тысячь человѣкъ. Я взялъ 200 орудій, большое число генераловъ, и уничтожилъ многія арміи, почти не сражаясь. Вчера я побилъ армію князя Шварценберга и надѣюсь истребить ее, прежде нежели уйдетъ она за наши границы..... Я одержалъ успѣхи необъятные, успѣхи такіе, какимъ ничего не представляетъ подобнаго двадцатилѣтнее довольно блистательное военное поприще»..... (J' ai fait 30 à 40,000 prisonniers. J' ai pris deux cents pièces de canon, un grand nombre de généraux et détruit plusieurs armées sans presque coup férir. J' ai entamé hier l'armée du prince de Schwarzenberg, que j'espère détruire avant qu' elle ait repassé nos frontières.... J' ai eu d'immenses avantages sur eux, et des avantages tels qu' une carrière militaire de vingt ans et de quelque illustration n'en présente pas de pareils....) Тѣмъ не менѣе однакоже онъ изъявлялъ желаніе мира, но только на тѣхъ условіяхъ, которыя предлагалъ Меттернихъ въ Франкфуртѣ, хотя—по словамъ Наполеона—Союзники не могли ожидать такихъ уступокъ, потому что положеніе Франціи сдѣлалось не-

сравненно выгоднѣе теперь, нежели тогда, когда шла рѣчь о помянутыхъ условіяхъ. За тѣмъ, Наполеонъ писалъ, что, не смотря однакоже на то, онъ готовъ прекратить военныя дѣйствія и *дозволить Союзникамъ отойти за Рейнъ*, если они подпишутъ миръ на основаніяхъ предложенныхъ въ Франкфуртѣ. (Je suis prêt à cesser les hostilités et à laisser les ennemis rentrer tranquilles chez eux). Впрочемъ, какъ будтобы изъ опасенія выказать слишкомъ большую уступчивость, Наполеонъ напоминалъ Коленкуру, что онъ долженъ стараться о заключеніи мира, но не подписывать ничего, безъ приказанія, потому что—писалъ онъ—никто кромѣ меня не знаетъ моего положенія. (Votre attitude doit être la même; vous devez tout faire pour la paix, mais mon intention est que vous ne signiez rien sans mon ordre, parceque seul je connais ma position.) ([22]). Изъ всего этого видно, что въ сущности Коленкуръ не имѣлъ никакого полномочія на заключеніе мира, и что Наполеонъ, въ нѣсколькихъ переходахъ отъ своей столицы, точно также какъ за полгода предъ тѣмъ на берегахъ Эльбы, подчинялъ свои политическіе разсчеты нестолько зрѣлому обсужденію обстоятельствъ, сколько увлеченію военными успѣхами.

Появленіе графа Паара въ главной квартирѣ французской арміи окончательно отуманило гордаго завоевателя. Въ его пылкомъ воображеніи представились времена торжествъ при Аустерлицѣ и Іенѣ. Въ такомъ настроеніи духа, онъ писалъ утромъ 6-го (18-го) къ своему брату, Королю Іосифу: «наконецъ князь Шварценбергъ проявилъ признаки жизни; онъ прислалъ парламентёра съ просьбою о перемиріи; трудно быть подлымъ (lache) до такой степени..... Доселѣ Союзники отклоняли самымъ оскорбительнымъ образомъ всякое предложеніе о перемиріи, и даже не принимали нашихъ парламентёровъ, а при первой неудачѣ эти жалкіе люди падаютъ на колѣни (Ces misérables, au premier échec, tombent à genoux!). Далѣе Наполеонъ писалъ своему брату, что онъ несогласится ни на какое перемиріе, пока Союзники не очистятъ его владѣній. По его мнѣнію: согласіе Императора Александра на возобновленіе переговоровъ было явнымъ признакомъ тому, что Союз-

ники отчаялись въ успѣхѣ и были готовы заключить миръ на условіяхъ предложенныхъ въ Франкфуртѣ, составляющихъ крайній предѣлъ мира, который можно было принять съ честью. «До начатія дѣйствій я предложилъ имъ миръ, на условіяхъ древнихъ границъ Франціи, съ тѣмъ чтобы они немедленно остановились. Это предложеніе было сдѣлано герцогомъ Виченцскимъ (*) 8-го. Они отвѣчали отказомъ, говоря, что даже подписаніе предварительныхъ статей неостановитъ дѣйствій, которыя могутъ быть прекращены только по утвержденіи всѣхъ мирныхъ условій. Этотъ непостижимый отвѣтъ былъ наказанъ, и вчера, 17-го, они сами просили о перемиріи. Весьма понятно, что, на-канунѣ сраженія, въ которомъ я рѣшился побѣдить, или погибнуть, и когда подвергалась явной опасности моя столица, я согласился-бы на все, чтобы избѣжать угрожавшей опасности. Я долженъ былъ принести въ жертву мое самолюбіе для моего семейства и народа, но какъ только они отказали мнѣ, какъ только послѣдствія сраженія немогутъ быть страшны для моей столицы и всѣ вѣроятности успѣха на моей сторонѣ, то польза государства и собственная моя слава требуютъ, чтобы я домогался дѣйствительнаго мира (une véritable paix.) Еслибы я согласился ограничить Францію древними предѣлами, то чрезъ два года вооружился-бы снова, объявивъ моему народу, что я подписалъ не мирный договоръ, а вынужденную капитуляцію,» и проч. ([23]).

Въ тотъ-же день, Наполеонъ писалъ вице-королю италійскому, о своей побѣдѣ, жалуясь на небрежность Виктора, помѣшавшую ему уничтожить баварскія и виртембергскія войска до послѣдняго человѣка (?). Въ такомъ случаѣ, по словамъ его, «остались-бы противъ него только Австрійцы, плохіе солдаты, сволочь, которую разогналъ-бы онъ плетью.» (.. alors, n'ayant plus devant moi que des Autrichiens, qui sont de mauvais soldats et dela canaille, je les aurais menés à coups de fouet de poste.) Посланному съ этимъ письмомъ, адъютанту вице-короля, Ташèру (Tascher) было поручено передать маршалу Оже-

(*) Коленкуръ

ро, въ Ліонѣ, приказаніе—соединить 12,000 старыхъ солдатъ прибывшихъ изъ Каталоніи съ состоявшими подъ его начальствомъ конскриптами, національною стражею и жандармами, и кинуться очертя голову (tête baissée), чрезъ Маконъ, къ Шалону-на-Саонѣ Вице-король получилъ опредѣлительное предписаніе охранять Италію, и только лишь въ случаѣ крайней необходимости отступить за Альпы. По мнѣнію Наполеона, не слѣдовало обращать вниманія—ни на Неаполитанцевъ—дурныхъ солдатъ, ни на Короля Мюрата—неблагодарнаго глупца ([24]). Такимъ образомъ, нѣсколько успѣховъ, немогшихъ оказать рѣшительное вліяніе на общій ходъ гигантской борьбы Наполеона съ Европою, казались бывшему баловню Фортуны достаточными нетолько для освобожденія Франціи отъ нашествія Союзниковъ, но и для упроченія его власти въ Италіи.

6/18 февраля, прежде нежели Наслѣдный принцъ виртембергскій могъ исполнить данное ему приказаніе—отступить съ главными силами своего корпуса на лѣвую сторону Сены, завязалось дѣло на передовыхъ постахъ, что̀ заставило его принять бой на позиціи у Монтеро̀. Командиръ 1-го австрійскаго корпуса Біанки, по просьбѣ принца, прислалъ, для содѣйствія ему, незадолго предъ тѣмъ прибывшую отъ Бельфора бригаду Шефера (Schäfer) (*) и три батареи.

Городъ Монтеро̀, въ разстояніи около ста верстъ отъ Парижа, находится при сліяніи Іонны съ Сеною, на лѣвыхъ берегахъ этихъ рѣкъ (**). Онъ имѣетъ два значительныхъ предмѣстья: Св. Маврикія (St. Maurice), къ востоку отъ города, на правомъ берегу Іонны, и Св. Николая (St. Nicolas), къ сѣверу, вдоль праваго берега Сены; еще сѣвернѣе, въ разстояніи картечнаго выстрѣла отъ предмѣстья, встрѣчается крутой подъемъ на лѣсистыя и усаженныя виноградниками сюрвильскія высоты; впереди–же восточнаго предмѣстья простирается

(*) Эта бригада, состоявшая прежде подъ начальствомъ генерала Мечери, находилась въ 6-мъ германскомъ корпусѣ.

(**) *Планъ сраженія при Монтеро̀.*

къ сторонѣ Бре обширная равнина. Два моста, одинъ на Сенѣ, другой на Іоннѣ, служатъ для сообщенія города съ предмѣстьями. Высоты у замка Сюрвиль, впереди переправы при Монтеро̀, занятыя войсками Кронъ-принца, могли быть удобно обороняемы огнемъ батарей, но отступленіе войскъ съ этой позиціи, въ виду непріятеля, чрезъ тѣснины образуемыя мостами, было весьма затруднительно.

Утромъ 6-го (18), войска Наслѣднаго принца были расположены слѣдующимъ образомъ: пять баталіоновъ съ однимъ эскадрономъ занимали за̀мокъ Сюрвиль и его окрестности; двѣ батареи находились между Сюрвилемъ и Вильяро̀нъ (Villaron); три баталіона правѣе Вильяро̀нъ; три баталіона съ четырьмя конными орудіями занимали Вильяро̀нъ; восемь эскадроновъ, съ четырьмя конными орудіями, за которыми въ виноградникахъ стоялъ баталіонъ, находились на дорогѣ ведущей въ Мелюнъ; а три баталіона, въ резервѣ, за центромъ. Двѣ батареи стояли на лѣвомъ берегу Сены, по сторонамъ города. Наконецъ, четыре баталіона и двѣнадцать эскадроновъ съ одною пѣшею батареей и четырьмя конными орудіями были поставлены на лѣвой сторонѣ Сены, фронтомъ къ предмѣстью Св. Маврикія и у селенія Мотё (Motteux), для встрѣчи непріятеля въ случаѣ переправы его чрезъ Сену выше города. Вообще подъ начальствомъ Кронъ-принца было: 19 баталіоновъ (14 виртембергскихъ и 5 австрійскихъ), 21 эскадронъ (16 виртембергскихъ и 5 австрійскихъ), и 7 батарей (4 виртембергскихъ и 3 австрійскихъ), въ числѣ до 15,000 человѣкъ съ 42-мя орудіями; собственно-же для обороны позиціи было назначено 8,540 человѣкъ пѣхоты и 1,000 человѣкъ кавалеріи съ 32-мя орудіями ([25]).

Наполеонъ, имѣя въ виду вытѣснить Союзниковъ изъ позиціи ими занятой у Монтеро̀, повелъ почти одновременно двѣ атаки: графъ Пажоль, съ своимъ отрядомъ, въ числѣ 6,000 человѣкъ, получилъ приказаніе направиться противъ лѣваго крыла позиціи въ семь часовъ утра, а Викторъ, съ 2-мъ корпусомъ и парижскимъ резервомъ Жерара, въ числѣ 9,000 человѣкъ, атаковать правое крыло Союзниковъ.

Генералъ Пажоль, выступивъ 6-го (18-го) на разсвѣтѣ отъ Шателѐ (Châtelet, въ десяти верстахъ отъ Мелюна, по дорогѣ въ Монтерѐ), завязалъ бой, въ 6 часовъ, съ нѣсколькими эскадронами, и заставилъ отступить, какъ ихъ, такъ и виртембергскую пѣхоту высланную для занятія валансскаго лѣса. Французскія войска, овладѣвъ выходомъ изъ этого лѣса, могли дебушировать оттуда на открытую мѣстность, но Пажоль, опасаясь подвергнуть свою пѣхоту опасности при встрѣчѣ съ Союзною кавалеріей принца Адама виртембергскаго, (которую непріятель считалъ многочисленнѣе, нежели она была въ дѣйствительности), выдвинулъ къ опушкѣ лѣса 24 орудія и открывъ канонаду, сталъ строить пѣхоту Пактѐ въ боевой порядокъ. Виртембергская артиллерія, занимавшая выгодную позицію, отвѣчала съ успѣхомъ на огонь французскихъ батарей, замедлила наступленіе непріятеля до полудня и подбила 12 орудій.

Викторъ, съ своей стороны, подойдя около семи часовъ утра къ глубокой лощинѣ, отдѣлявшей его отъ позиціи занятой Союзниками, пріостановилъ нападеніе до девяти часовъ, а потомъ повелъ атаку двумя колоннами: дивизія Дюгѐма направилась по нанжиской дорогѣ, на Курбетонъ и Сенъ-Жанъ, а дивизія Шатѐ правѣе, чрезъ Форжъ, на Вильярѐнъ. Первая, будучи поражаема продольными выстрѣлами 12-ти-фунтовой батареи, стоявшей на лѣвомъ берегу Сены, выше Монтерѐ, была отражена съ урономъ, чтѐ заставило непріятеля совершенно отказаться отъ нападенія на оконечность праваго крыла позиціи. Нѣсколько спустя, генералъ Шатѐ атаковалъ Вильярѐнъ; бригада Штокмайера упорно обороняла это селеніе,и хотя Французамъ удалось овладѣть имъ, однакоже чрезъ полчаса Виртембергцы выбили ихъ оттуда съ урономъ. Викторъ направилъ къ Вильярѐнъ дивизію Дюгѐма, но и она также была отражена Союзниками. Между тѣмъ генералъ Шатѐ съ одною изъ своихъ бригадъ снова успѣлъ ворваться въ селеніе и устремился къ мосту, но былъ пораженъ пулею и скончался на рукахъ своего тестя, маршала Виктора. Бригада, лишенная своего вождя, мгновенно разсѣялась.

Уже четыре часа непріятель истощалъ напрасно свои уси-

лія; Союзники удержались иа всѣхъ пунктахъ, но въ часъ по полудни Жераръ, прибывъ съ парижскимъ резервомъ, далъ другой оборотъ дѣлу. Французскіе стрѣлки, разсыпанные противъ лѣваго крыла позиціи, на весьма невыгодной мѣстности, были отозваны къ лѣсу. Самъ Жераръ готовился направиться въ помощь 2-му корпусу, но въ это самое время адъютантъ Наполеона генералъ Дежанъ извѣстилъ его о порученіи данномъ ему Императоромъ—принять начальство надъ всѣми войсками и атаковать непріятельскую позицію.

Генералъ Жераръ, убѣдясь съ перваго взгляда, что главною причиною неудачи французскихъ войскъ было превосходство виртембергской артиллеріи, тотчасъ выдвинулъ впередъ всю артиллерію своего резерва и соединивъ ее съ батареями 2-го корпуса, направилъ огонь шестидесяти орудій на правое крыло и центръ позиціи Союзниковъ. Генералъ Дёрингъ, желая прекратить губительное дѣйствіе французской канонады, кинулся съ двумя баталіонами 3-го виртембергскаго полка на непріятельскія батареи, чтобы овладѣть ими, либо, по крайней мѣрѣ, осадить ихъ назадъ, но будучи осыпанъ градомъ картечей и атакованъ баталіономъ, подъ личнымъ начальствомъ Жерара, былъ принужденъ возвратиться съ урономъ за селеніе Вильярòнъ. Въ два часа по полудни, Наполеонъ, прискакавъ изъ Нанжиса, подкрѣпилъ сражавшіяся войска двумя баталіонами пѣшихъ жандармовъ, состоявшими при Старой гвардіи; за ними слѣдовали прочіе полки этого отборнаго войска; тогда-же генералъ Пажоль, съ своею кавалеріей, сдѣлавъ фланговое движеніе вправо, направился въ обходъ войскъ стоявшихъ на мелюнской дорогѣ. Наслѣдный принцъ, неимѣя возможности оставаться долѣе на позиціи и предвидя затрудненія ожидавшія его при отступленіи чрезъ дефиле образуемое мостомъ на Сенѣ, приказалъ снять съ позиціи всѣ подбитыя орудія (*) и отправилъ ихъ на лѣвый берегъ рысью, подъ прикрытіемъ кавалерійскихъ полковъ 5-го конно-егерскаго и гусарскаго эрцгерцога Фердинанда.

(*) У Союзниковъ было подбито десять орудій.

Какъ только Пажоль замѣтилъ отступленіе съ позиціи этихъ войскъ, то кинулся быстро на пѣхоту занимавшую виноградники по обѣ стороны мелюнской дороги, разсѣялъ стоявшій тамъ баталіонъ австрійскаго полка графа Коллоредо и поскакалъ къ Монтерò, чтò заставило Союзныя войска центра и праваго крыла ускорить отступленіе и поселило разстройство въ рядахъ ихъ. Наполеонъ, пользуясь тѣмъ, повелъ впередъ всю свою пѣхоту; напрасно Кронъ-принцъ, желая подкрѣпить отступавшія войска, направляетъ имъ въ помощь съ лѣвой стороны Сены 6-й пѣхотный полкъ. Принцъ Гогенлоэ смертельно раненъ; солдаты его увлечены назадъ толпою бѣгущею съ поля сраженія. Самъ Наполеонъ, сбивъ Союзниковъ съ сюрвильскаго платò и поставя на краю ската обращеннаго къ Сенѣ нѣсколько гвардейскихъ орудій, громитъ колонны уходящія по мосту. Австрійская батарея съ лѣваго берега отвѣчаетъ непріятелю сильною канонадою. Наполеонъ, вспомня свое прежнее ремесло, наводитъ орудія, ядра со свистомъ ложатся кругомъ его, самые неустрашимые изъ его воиновъ трепещутъ, видя опасности грозящія ихъ Императору, но онъ успокоиваетъ ихъ, говоря: «Полно-те, друзья мои! Не бойтесь; еще не вылито ядро, которому суждено убить меня.» (Allez, mes amis, ne craignez rien; le boulet qui me tuera, n'estpas encore fondu).

Союзники, столпившіеся на мосту и поражаемые картечью двухъ гвардейскихъ батарей генерала Дижона, перейдя на лѣвый берегъ Сены, покушались взорвать за собою мостъ, но устроенная ими мина сдѣлала воронку, не разрушивъ находившейся надъ нею арки. Генералъ Дюкётлоскè (Ducoëtlosquet) съ 7-мъ конно-егерскимъ полкомъ, проскакавъ черезъ мостъ, ворвался въ городъ на плечахъ бѣгущихъ Союзниковъ; за нимъ слѣдовали ускореннымъ шагомъ полки Дюгèма. Жители Монтерò, доселѣ остававшіеся свидѣтелями грозы разразившейся надъ ними, приняли участіе въ пораженіи отступавшихъ войскъ, бросая на нихъ черепицы и камни и стрѣляя изъ оконъ. Кавалерія Пажоля, пройдя чрезъ городъ, кинулась преслѣдовать Союзниковъ, но была удержана огнемъ батареи состоявшей при полкахъ Іетта, которые, прикрывъ разстроенныя войска, посту-

пили въ аррiергардъ и уже вечеромъ отошли къ Ла-Томбъ. Наслѣдный принцъ, геройски сражавшiйся въ челѣ своихъ воиновъ и едва успѣвшiй спастись, собралъ свой корпусъ за селенiемъ Маролль (Marolles) и отвелъ его къ Базошъ (Bazoches), близъ Бре.

Къ ночи, главная квартира Наполеона расположилась въ сюрвильскомъ зàмкѣ; гвардiя въ Монтерò; парижскiй резервъ, 2-й пѣхотной корпусъ и кавалерiя Пажоля—частью между Сеною и Iонною, частью по лѣвую сторону Iонны; дивизiя Пактò—на правомъ берегу Сены.

Уронъ Союзниковъ въ сраженiи при Монтеро вообще простирался до 5,000 человѣкъ, въ числѣ коихъ:

	убито	ранено	взято въ плѣнъ.
виртембергскихъ войскъ . .	92 —	714 —	до 2,000 чел.
австрiйскихъ — . .	136 —	415 —	1,415 —
всего-же . .	228 —	1,129 —	3,415 —

Въ числѣ убитыхъ находился командиръ одной изъ виртембергскихъ пѣхотныхъ бригадъ принцъ Гогенлоэ; въ плѣнъ захваченъ австрiйскiй генералъ Шеферъ (Schäfer). Отбиты непрiятелемъ два австрiйскихъ орудiя и одно знамя. Со стороны Французовъ, по собственному ихъ показанiю, выбыло изъ фронта болѣе 2,500 человѣкъ. Убитъ бригадный генералъ Шато; раненъ генералъ Делöртъ (Delort) ([26]).

Въ тотъ-же день, 6-го (18-го), дивизiи Аликса и Шарпантьè вытѣснили авангардъ 1-го австрiйскаго корпуса изъ Морè (Moret), что̀ заставило фельдмаршалъ-лейтенанта Бiанки отойти ввечеру къ Понъ-сюръ-Iоннъ. Графъ Вреде еще въ четыре часа утра успѣлъ перевести на лѣвую сторону Сены всѣ свои войска, кромѣ трехъ баталiоновъ, изъ коихъ одинъ занялъ селенiе Муй (Mouy), приспособленное къ оборонѣ, а для поддержанiя его прочiе два расположились въ Бре, получивъ приказанiе, въ случаѣ отступленiя, разрушить мостъ. На лѣвомъ-же берегу Сены, по обѣ стороны мѣстечка Бре, были поставлены генераломъ Коллонжемъ на выгодныхъ пунктахъ батареи. Маршалъ Макдональдъ, овладѣвъ баварскимъ паркомъ, неус-

пѣвшимъ переправиться за Сену, подошелъ съ войсками 11-го корпуса, въ 10 часовъ утра, къ Муй и атаковалъ это селеніе, но храбрые Баварцы, поддержанные огнемъ батарей съ лѣваго берега рѣки, отразили непріятеля нѣсколько разъ и удержались въ занятой ими позиціи ([27]).

На правомъ флангѣ Союзниковъ, графъ Витгенштейнъ перевелъ главныя силы своего корпуса въ Ножанѣ на лѣвую сторону Сены, куда послѣдовалъ за нимъ и отрядъ графа Палена, усиленный на-канунѣ 3-ею кирасирскою дивизіей генерала Дуки; казачій отрядъ Иловайскаго 12-го оставался у Провенъ до тѣхъ поръ пока маршалъ Удино, двинувшись къ сему городу, заставилъ его отступить къ Меріоту и далѣе за Сену ([28]).

Россійско-прусскіе резервы, собравшись утромъ 6 (18) между Бре и Тренель, расположились ввечеру на бивакахъ въ окрестностяхъ Ножана, куда перешла главная квартира Барклая де-Толли; главная-же квартира Союзныхъ Монарховъ и князя Шварценберга находилась въ Тренель ([29]).

Союзный главнокомандующій, еще прежде нежели пришли свѣдѣнія о пораженіи Кронъ-принца виртембергскаго при Монтеро,рѣшился, съ соизволенія Императора Александра и Короля Прусскаго, отвести ввѣренныя ему войска отъ Сены и Іонны, въ два перехода, къ Труà и Арси, и открыть сообщеніе съ Блюхеромъ, которому еще наканунѣ, 5-го (17-го), было послано приказаніе примкнуть къ правому флангу Главной арміи ([30]). Извѣстіе, полученное въ ночи, объ отступленіи Кронъ-принца отъ Монтеро, утвердило князя Шварценберга въ его намѣреніи. Съ потерею Монтеро Союзники лишились опорнаго пункта и опасались, чтобы австрійскія войска стоявшія на Іоннѣ не были отдѣльно разбиты, чтò, по мнѣнію Шварценберга и вліятельныхъ лицъ его штаба, могло имѣть послѣдствіемъ обходъ непріятелемъ Главной арміи съ лѣваго фланга ([31]).

На основаніи диспозицій, отданныхъ княземъ Шварценбергомъ, 6-го (18-го), по полудни и ввечѐру, резервы Барклая де-Толли расположились 8-го (20-го) на кантониръ-квартирахъ впереди Труà, между симъ городомъ и Сенъ-Лье (St. Lié). Наслѣдный принцъ виртембергскій, съ 4-мъ корпусомъ, сперва

отошелъ къ Ножану, а потомъ къ Барберей, между Труа и Сенъ-Лье; графъ Вреде, съ 5-мъ корпусомъ, оставя арріергардъ у Сенъ-Мартенъ, расположился у Эшеминъ; графъ Витгенштейнъ, оставя арріергардъ Палена у Ромилли и на рѣчкѣ Желанъ, отступилъ къ Мери, гдѣ и остановился на лѣвомъ берегу Сены. 1-й и 3-й корпусы и австрійскіе резервы стали на дорогѣ изъ Санъ въ Труа, у Фонтванъ, а принцъ Морицъ Лихтенштейнъ, съ 2-ю легкою дивизіей, впереди ихъ, у Вильнёвъ-л'Аршевекъ. Главная квартира Союзныхъ Монарховъ и князя Шварценберга перешла въ Труа ([32]).

Наполеонъ, желая разсѣять опасенія Парижанъ, старался выказать одержанные имъ успѣхи болѣе рѣшительными, нежели они были въ дѣйствительности. Нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ долинѣ Марны и въ дѣлахъ при Мормамѣ и Монтеро, были отправлены въ Парижъ и прошли длинною вереницею по улицамъ города. Мортемаръ, одинъ изъ ординарцевъ (officier d'ordonnance) Императора Французовъ, былъ посланъ къ Маріи-Луизѣ съ отбитыми знаменами. Извѣстія изъ арміи, подобныя бюлетенямъ 1812 года, были обнародованы въ Монитёрѣ ([33]), вмѣстѣ съ преувеличенными свѣдѣніями о грабежахъ и неистовствахъ Союзныхъ войскъ. Желая возбудить жителей страны къ защитѣ отечества, Наполеонъ принялъ самыя дѣятельныя мѣры для возвышенія ихъ духа. Императрица Марія-Луиза отправила собственно-ручныя письма въ магистраты городовъ ближайшихъ къ театру дѣйствій, приглашая гражданъ къ отраженію нашествія. Изъ всѣхъ мѣстъ занятыхъ Союзниками были вызваны въ Парижъ депутаціи, торжественно принятыя городскимъ магистратомъ и разнесшія гласно преувеличенныя вѣсти о неслыханныхъ насиліяхъ и жестокихъ поступкахъ «варваровъ стремившихся къ столицѣ Франціи съ мечемъ и пламенемъ.» Тогда-же старались наполнить газеты извѣстіями о народномъ возстаніи, о повсемѣстномъ образованіи національной стражи, о всеобщей готовности къ поголовному вооруженію: всѣ эти лживые слухи распускались преимущественно съ тою цѣлью, чтобы побудить Союзни-

ковъ къ миру, устрашивъ ихъ призракомъ движенія подобнаго тому, которое за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ способствовало Франціи устоять въ борьбѣ съ большою частью Европы ([34]).

Какъ ни старался однакоже Наполеонъ выказать въ блистательномъ видѣ свои побѣды, онъ не могъ скрыть, что одержанные имъ успѣхи несоотвѣтствовали—ни ожиданіямъ его, ни тѣмъ извѣстіямъ, которыми онъ морочилъ Парижанъ. Самъ онъ былъ недоволенъ многими изъ своихъ сподвижниковъ: онъ упрекалъ генерала л' Эритьѐ, за дѣло при Нанжисѣ, въ оплошности спасшей баварскій отрядъ отъ совершеннаго истребленія; генерала Гюйо—въ томъ, что онъ допустилъ непріятеля напасть ночью на артиллерію стоявшую на бивакахъ подъ прикрытіемъ гвардейскихъ конныхъ егерей; генерала Дижона—за недостатокъ въ зарядахъ при Монтеро. Даже Викторъ подвергся неудовольствію Наполеона, за то, что, послѣ дѣла при Нанжисѣ, онъ остановился, не достигнувъ Монтеро, и подалъ Союзникамъ возможность замедлить наступленіе французской арміи. Въ первомъ пылу гнѣва, Наполеонъ подчинилъ его войска генералу Жерару и дозволилъ маршалу удалиться изъ арміи, но когда Викторъ, неожидавшій такого разрѣшенія, явился къ нему въ сюрвильскомъ замкѣ и напомнилъ свое участіе въ италіянскихъ походахъ, увѣряя, что не оставитъ войскъ и скорѣе станетъ съ ружьемъ въ рядахъ ихъ, Наполеонъ, тронутый его преданностью, сказалъ, подавъ ему руку: «Eh bien, Victor, restez. Je ne puis vous rendre votre corps d'armée, puisque je l'ai donné à Gérard, mais je vous donne deux divisions de la garde; allez en prendre le commandement, et qu'il ne soit plus question de rien entre nous.» (Ну, такъ и быть, Викторъ, останьтесь. Я не могу возвратить вамъ вашъ корпусъ, потому что я далъ его Жерару, но я вамъ даю двѣ дивизіи гвардіи; ступайте принять надъ ними начальство, а о прошломъ пусть не будетъ и рѣчи) ([35]).

Французская армія была переобразована слѣдующимъ образомъ: парижскій резервъ поступилъ на укомплектованіе 2-го пѣхотнаго корпуса; маршалу Виктору поручено начальство надъ корпусомъ, изъ двухъ дивизій Молодой гвардіи: Шар-

пантьѐ и Бойѐ-де-Ребеваля сформированной въ Парижѣ изъ конскриптовъ. По случаю увольненія генерала Пажоля, за ранами, въ Парижъ, корпусъ его, состоявшій изъ сводныхъ полковъ (régimens provisoires), былъ расформированъ; дивизія Пакто присоединена къ 7-му корпусу, вмѣсто дивизіи Бойе-де-Ребеваля; три баталіона дивизіи Аликса вошли въ составъ другихъ дивизій; 2-я резервная дивизія, формировавшаяся въ Мо, была поручена герцогу Падуйскому (Арриги); наконецъ, Старая гвардія усилена двумя баталіонами, изъ жандармовъ состоявшихъ прежде на службѣ въ Испаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ настойчиво требовалъ ускорить образованіе новыхъ баталіоновъ въ Парижѣ и кавалеріи въ Версали. Въ особенности-же онъ заботился о сборѣ судовъ на Сенѣ, для устройства мостовъ, потому что неимѣніе понтоновъ постоянно затрудняло его дѣйствія ([36]).

Въ продолженіе двухъ-дневнаго пребыванія Наполеона въ сюрвильскомъ зáмкѣ, пришли туда извѣстія о ходѣ переговоровъ въ Шатильонѣ. 4-го (16-го) февраля, Коленкуръ получилъ письмо отъ Меттерниха, въ которомъ австрійскій министръ, извѣщая его, что только-лишь формальное принятіе французскимъ правительствомъ шатильонскихъ условій могло остановить военныя дѣйствія, убѣждалъ воспользоваться этимъ «послѣднимъ» случаемъ къ заключенію мира (*). На слѣдующій день, уполномоченные Союзныхъ Державъ объявили, что они готовы снова приступить къ совѣщаніямъ, но не иначе, какъ если уполномоченный Франціи утвердительно обяжется принять условія ему предложенныя въ послѣднемъ засѣданіи. Изложивъ въ своемъ донесеніи Наполеону требованія Союзниковъ, Коленкуръ присоединилъ къ тому весьма благоразумные совѣты. По мнѣнію французскаго министра, столь-же невозможно было принять такія условія, сколько побудить Союзниковъ къ заключенію мира на основаніяхъ положенныхъ въ Франкфуртѣ, и по тому слѣдовало, пользуясь одержанными побѣдами, помириться, получивъ что-либо внѣ границъ 1790 го-

(*) Подробности хода переговоровъ въ Шатильонѣ изложены въ главѣ XIX-й.

да, а не гоняться за такъ называемыми естественными предѣлами Франціи. Наполеонъ, въ отвѣтъ на депешу Коленкура, поручилъ ему объявить Союзнымъ уполномоченнымъ, что онъ ожидаетъ приказанія отъ своего Государя. Въ заключеніе-же этого отвѣта было сказано: «По прибытіи въ Труа, или въ Шатильонъ, я сообщу вамъ мои намѣренія, но, во всякомъ случаѣ, для меня лучше потерять Парижъ, нежели слышать, что дѣлаютъ такія предложенія французскому народу. Вы всё толкуете о Бурбонахъ, а по мнѣ — пусть лучше будутъ во Франціи Бурбоны на сходныхъ условіяхъ, нежели приму я безчестныя предложенія, о которыхъ вы мнѣ пишете.»

Вслѣдъ за тѣмъ, Наполеонъ, отдавая справедливость совѣтамъ Коленкура, далъ ему разрѣшеніе продолжать переговоры на новыхъ основаніяхъ, состоявшихъ въ томъ, чтобы Франція получила границу по Рейну до Дюссельдорфа, а далѣе—по Маасу; въ Италіи—владѣніе для принца Евгенія; наконецъ, Наполеонъ требовалъ, чтобы Франція участвовала въ размежеваніи Европы. Не довольствуясь этими официальными предложеніями, онъ прибѣгнулъ къ общему средству Наполеонидовъ — поселить раздоръ между ополчившимися противъ него Союзниками. Съ этою цѣлью, онъ, въ отвѣтъ на присланную ему чрезъ графа Паара депешу, обратился письменно къ Императору Францу и поручилъ начальнику штаба французской арміи Бертьè отнестись къ князю Шварценбергу. Въ письмѣ къ своему тестю, Наполеонъ упоминалъ о своихъ побѣдахъ, говорилъ, что надѣется на новые успѣхи, но, испытавъ превратности войны, допускаетъ два предположенія: «ежели я одержу побѣду—писалъ онъ—то получу право возвысить мои настоящія требованія; если-же я буду побѣжденъ, то политическое равновѣсіе европейскихъ государствъ нарушится болѣе прежняго въ пользу Россіи на счетъ Австріи, которая будетъ поставлена въ зависимость отъ соперничествующей съ нею Державы. Вы можете получить все желаемое вами отъ Франціи, готовой согласиться на очищеніе Италіи. И по тому, не говоря уже о кровныхъ связяхъ, кои всё-таки слѣдовало-бы сколько нибудь принять во вниманіе, истинныя выгоды Австріи требуютъ, чтобы она за-

ключила миръ на условіяхъ ею самою предложенныхъ въ Франкфуртѣ.» Всѣ эти разсужденія были приправлены ласковыми, лестными для Императора Франца выраженіями. Въ заключеніе Наполеонъ писалъ: «V. M. peut d'un mot terminer la guerre, assurer le bonheur de ses peuples et de l'Europe, se mettre à l'abri de l'inconstance de la Fortune et finir les maux d'une nation qui n'est point en proie à des maux ordinaires, mais aux crimes des Tartares du désert, qui méritent à peine le nom d'hommes. Je suppose que V. M. ne peut me demander pourquoi je m'adresse à Elle. Je ne puis m'adresser aux Anglais dont la politique est dans la destruction de ma marine, à l'Empereur Alexandre, puisque la passion et la vengeance animent tous ses sentimens. Je ne puis donc m'adresser qu' à V. M. naguère mon Allié, et qui, d'après la force de son armée et la grandeur de Son Empire, est considérée comme la Puissance principale dans la coalition».... (Одно слово В-го В-ва можетъ прекратить войну, упрочить счастіе вашихъ подданныхъ и всей Европы, обезпечить себя отъ непостоянства Фортуны и положить предѣлъ бѣдствіямъ народа преданнаго въ жертву злодѣйствамъ Татаръ пустыни (?), едва заслуживающихъ имя людей. Полагаю, что В. В. нестапете у меня спрашивать, почему я отнесся именно къ Вамъ. Я не могу обратиться—ни къ Англичанамъ, желающимъ истребить мой флотъ, ни къ Императору Александру, дышащему ненавистью и мщеніемъ. И потому обращаюсь къ В-му В-ву, недавнему моему Союзнику, который, по силѣ своей арміи и обширности своей Имперіи, считается главою коалиціи....). Въ письмѣ къ Шварценбергу, Бертьѐ, величая его благоразуміе и опытность въ военномъ дѣлѣ, старался возбудить самолюбіе австрійскаго полководца, нерѣдко страдавшее при сношеніяхъ съ русскими и прусскими генералами ([37]).

Движенія французской арміи послѣ боя при Монтерѐ были весьма медленны, что̀ способствовало отступленію ближайшихъ къ непріятелю Союзныхъ войскъ. Только лишь генералъ Алликсъ, направясь вверхъ по рѣкѣ Луенъ (Loing), успѣлъ настигнуть арріергардъ корпуса Біанки въ Немурѣ и выбилъ его

оттуда. Генералъ Жераръ, двинувшійся отъ Монтеро къ Санъ, былъ принужденъ остановиться въ Понъ-сюръ-Іоннъ, въ ожиданіи возобновленія тамъ моста взорваннаго графомъ Игнатіемъ Гардеггомъ. Макдональдъ, не надѣясь переправиться открытою силою у Бре, спустился внизъ по Сенѣ къ Монтеро, перешелъ на лѣвый берегъ рѣки и направился вверхъ по теченію ея къ Ножану. Удино, опасаясь встрѣтить сильное сопротивленіе у Ножана, двинулся на Доннемари къ Бре и приступилъ къ переправѣ, а Ней съ гвардіею прибылъ 7-го (19-го) февраля къ Монтеро ([38]).

Князь Шварценбергъ, успѣвъ въ продолженіи двухъ сутокъ послѣ дѣла при Монтеро собрать Главную армію въ окрестностяхъ Труа и Мери, и надѣясь на содѣйствіе Блюхера, давшаго слово прибыть со ввѣренными ему войсками 9-го (21-го) къ Мери, казалось—намѣревался принять генеральное сраженіе. Положеніе Союзниковъ было весьма выгодно. Они могли ввести въ бой 150,000 человѣкъ противъ непріятеля имѣвшаго не болѣе 60,000, да и въ качествѣ войскъ перевѣсъ былъ на ихъ сторонѣ. Но люди, уже успѣвшіе ознакомиться съ обычнымъ образомъ дѣйствій австрійскаго военачальника, сомнѣвались въ готовности его къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Несмотря на то, что и безъ участія Силезской арміи онъ располагалъ ста тысячами человѣкъ, такая масса войскъ казалась ему недостаточною для противодѣйствія слабѣйшему непріятелю, а для вступленія съ нимъ въ генеральное сраженіе австрійскіе стратеги выжидали прибытіе Блюхера со всѣми его войсками ([39]). Блюхеръ, по первому требованію князя Шварценберга, извѣстилъ его о предстоявшемъ вскорѣ своемъ присоединеніи къ Главной арміи, но въ австрійскомъ штабѣ все еще не были увѣрены, чтобы онъ исполнилъ данное имъ обѣщаніе, либо считали преувеличеннымъ показаніе фельдмаршала на счетъ числа его войскъ ([40]). Правда, князь Шварценбергъ, въ письмѣ къ Блюхеру, посланномъ 9-го (21-го), въ два часа по полуночи, снова упоминалъ о своемъ намѣреніи—встрѣтить непріятеля въ случаѣ его наступленія, но, несмотря на то, Союзному главнокомандующему, какъ оказалось въ послѣдствіи, достаточно было ма-

лѣйшаго предлога для уклоненія отъ рѣшительнаго боя. Получивъ, въ туже ночь, отъ Наслѣднаго принца гессенъ-гомбургскаго извѣстіе о быстромъ наступленіи войскъ маршала Ожеро вверхъ по Саонѣ, Шварценбергъ не принялъ въ разсчетъ—ни слабости этого французскаго корпуса, въ составѣ коего было едва лишь 12,000 старыхъ солдатъ, ни медленности прежнихъ дѣйствій Ожеро. Австрійскіе генералы, напротивъ того, вывели заключеніе, что, въ случаѣ потери генеральнаго сраженія, Союзники могли быть отрѣзаны отъ Рейна корпусомъ Ожеро. Подъ вліяніемъ этихъ опасеній, князь Шварценбергъ, желая точнѣе разузнать о наступавшемъ противъ него непріятелѣ, поручилъ генераламъ Витгенштейну и Вреде произвести утромъ 9-го (21-го) усиленныя рекогносцировки къ Ромилли и Понъ-сюръ-Сенъ. Графъ Паленъ, съ своею кавалеріей и легкою гвардейскою кавалерійскою дивизіей, двинулся отъ Мери къ Ромилли и встрѣтясь тамъ съ значительными силами авангарда Удино, отступилъ къ Шатръ (Chatres); а генералъ Френель, съ передовыми войсками Фримона, атакованный у Сентъ-Обенъ (St. Aubin) кавалеріей Мильго, отошелъ къ Труà. Главнокомандующій, убѣдясь изъ этихъ рекогносцировокъ, что противъ него находились главныя силы Французовъ, не осмѣлился остаться впереди Труà. Вечеромъ было отдано имъ приказаніе: «dass, weil es dem Feinde Ernst scheine vorzurücken, er entschlossen sey, sich fürs erste jenseits der Seine und ihrer Defileen militärisch aufzustellen.» (Какъ по видимому непріятель наступаетъ не на шутку, то я рѣшился на первый разъ расположиться къ бою за Сеною и образуемыми ею тѣснинами). Впрочемъ, къ разсвѣту 10-го (22-го) только лишь пѣшіе резервы Барклая де-Толли были отведены за Труà; прочія войска Главной арміи остались по лѣвую сторону Сены, на дорогахъ ведущихъ въ Ножанъ и Санъ ([41]), а Силезская армія еще 9-го (21-го) прибыла къ Мери. Князь Шварценбергъ даже предпринялъ большую рекогносцировку, (grossen Rekognoszirung), подобную той, которая повела къ пораженію Союзниковъ подъ Дрезденомъ. Въ этой рекогносцировкѣ должны были участвовать: отъ пяти до шести тычячъ кавалеріи Блюхера, часть кавалеріи графа Вит-

генштейна съ легкою гвардейскою кавалерійскою дивизіей, усиленныя всею прочею гвардейскою кавалеріей, и нѣсколько полковъ конницы графа Вреде и принца Морица Лихтенштейна; а для поддержанія исчисленныхъ войскъ назначены: остальныя войска Витгенштейна и Вреде, одна бригада 3-го корпуса графа Гіулая и кирасирская дивизія графа Ностица ([42]). Войска получили приказаніе изготовиться къ бою ровно въ полдень, но непріятель предупредилъ ихъ, и къ счастію Союзниковъ рекогносцировка не состоялась. Наполеонъ, рѣшась преслѣдовать Главную армію, но нежелая подвергнуть свои сообщенія опасности со стороны Силезской арміи, приказалъ маршалу Удино пройти чрезъ тѣснину у Мегриньи (Mesgrigny) и овладѣть мѣстечкомъ Мери, а прочимъ корпусамъ направиться къ Труа̀. Въ восемь часовъ утра, генералъ Бойѐ съ своею дивизіей овладѣлъ селеніемъ Мегриньи, занятымъ частью авангарда генералъ-маіора Кацлера, и подойдя къ Мери около полудня, атаковалъ стоявшія тамъ войска князя Щербатова, который, оставя въ городѣ Днѣпровскій полкъ, и поручивъ ему разрушить мостъ, какъ только успѣютъ пройти по немъ прочіе полки, расположилъ ихъ на высотахъ передъ городомъ. Въ то-же самое время загорѣлось нѣсколько домовъ у самаго берега, что̀ заставило князя Щербатова отказаться отъ обороны высотъ и отступать за Сену. Генералъ-маіоръ Талызинъ съ двумя полками получилъ приказаніе защищать переправу. Непріятель, занявъ между тѣмъ лѣвый берегъ, перевелъ по объятому пламенемъ мосту три баталіона бригады Грюйѐра, но былъ прогнанъ обратно однимъ изъ баталіоновъ Псковскаго полка, подъ начальствомъ храбраго подполковника Лопухина. Перепалка черезъ рѣку продолжалась всю ночь. Съ разсвѣтомъ, Лопухинъ, желая окончательно уничтожить переправу, кинулся съ охотниками къ мосту и довершилъ его разрушеніе, но заплатилъ цѣною жизни славный подвигъ. Въ продолженіе этого боя, войска Блюхера собрались на равнинѣ по обѣ стороны большой дороги ведущей изъ Мери въ Арси. Уронъ Союзниковъ не превышалъ вообще 220-ти человѣкъ. Потеря непріятеля нигдѣ не показана; въ числѣ раненыхъ былъ генералъ Грюйѐръ ([43]).

Одновременно съ наступленіемъ Удино къ Мери, двинулись къ Труа Макдональдъ и Жераръ—первый по большой ножанской дорогѣ, а второй на Тренель; гвардія осталась у Шатръ, близъ Мери, а Груши, шедшій отъ Монмираля по проселочной дорогѣ на Фламбуэнъ къ Провенъ, въ надеждѣ отрѣзать отрядъ князя Любомирскаго, (уже успѣвшій присоединиться къ войскамъ генерала Дибича), получилъ приказаніе выйти какъ можно скорѣе на ножанскую дорогу. Около полудня, французская армія развернулась на равнинѣ къ западу отъ Труа, въ виду Главной Союзной арміи примыкавшей правымъ флангомъ къ Сенѣ, насупротивъ Вилласерфъ (Villacerf), а лѣвымъ къ Сенъ-Жерменъ, впереди Труа. Въ первой линіи стояла кавалерія корпуса Вреде, Біанки, Гіулая и кирасиры Ностица; во второй—пѣхота этихъ корпусовъ и австрійскіе гренадеры, а въ резервѣ—три русскія кирасирскія дивизіи, легкая гвардейская кавалерія и прусская гвардейская конная бригада. Прочіе-же корпусы Главной арміи и всѣ войска Блюхера находились на правой сторонѣ Сены. Такимъ образомъ Союзныя силы были разобщены Сеною и та часть ихъ, которой предстояло вступить въ бой, имѣла въ тылу значительную рѣку. Наполеонъ, желая воспользоваться этими обстоятельствами и вліяніемъ своихъ успѣховъ, рѣшился дать сраженіе ([44]).

Но въ ночи съ 10-го (22-го) на 11-е (23-е) февраля всѣ Союзныя войска стоявшія противъ непріятеля отступили за Сену, а въ городѣ Труа оставлена была только австрійская бригада генералъ-маіора Фолькмана ([45]).

ГЛАВА XII.

Сраженіе при Баръ-сюръ-Объ. Дѣло при Ла-Ферте-сюръ-Объ. Шомонскій трактатъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отступленіе Главной Союзной арміи отъ Труа.—Причины тому, съ точки зрѣнія князя Шварценберга.—Виды Императора Александра и Короля Фридриха-Вильгельма.—Совѣтъ въ Труа.—Предложеніе Наполеону перемирія.—Полковникъ Грольманъ.—Письма Блюхера Императору Александру и Королю Прусскому.—Разрѣшеніе Блюхеру—дѣйствовать отдѣльно отъ Главной арміи.—Выступленіе Блюхера въ долину Марны.

Наступленіе Наполеона къ Труа.—*Дѣло при Труа.*—Отступленіе передовыхъ войскъ Главной Союзной арміи за Сену.—Дальнѣйшее отступленіе Союзниковъ; *аррієргардныя дѣла при Монтьè* и *Водъ.*—Наполеонъ въ Труа.—Открытіе переговоровъ въ Люзиньи.

Планъ дальнѣйшихъ дѣйствій Наполеона.—Отряженіе Макдональда и Удино противъ Главной арміи.—Состояніе Союзныхъ войскъ.—Перевѣсъ партіи войны.—Военный Совѣтъ въ Баръ-сюръ-Объ.—Общій планъ дѣйствій Союзниковъ.—Повелѣнія Блюхеру, Винцингероде и герцогу Веймарскому.—Письмо Короля Прусскаго Блюхеру.—Наступленіе къ Обѣ Макдональда и Удино.—Союзники рѣшаются дѣйствовать наступательно.—Покушеніе графа Вреде—овладѣть городомъ Баръ-сюръ-Объ.

Сраженіе при Баръ-сюръ-Объ, 15-го (27-го) февраля.—Описаніе мѣстности.—Расположеніе французскихъ войскъ.—Планъ дѣйствій Союзниковъ и распредѣленіе ихъ войскъ.—Занятіе позиціи французскими войсками.—Обходное движеніе графа Палена и принца Евгенія виртембергскаго.—Наступленіе князя Горчакова.—Подвигъ Калужскаго пѣхотнаго полка.—Наступленіе войскъ графа Вреде.—Отступленіе Французовъ.—Потери.—Отбытіе графа Витгенштейна.—Письмо Короля Прусскаго къ Витгенштейну.—Причины слабаго преслѣдованія.—Отступленіе Удино къ Вандевръ.

Наступленіе Кронъ-принца виртембергскаго и Гіулая.—*Дѣло при Ла-Ферте-сюръ-Объ,* 16 (28) февраля.—Отступленіе Французовъ къ Баръ-сюръ-Сенъ.—Потери обѣихъ сторонъ.

Договоръ заключенный въ Шомонѣ.

По прибытіи къ Труà, князь Шварценбергъ, изъявляя намѣреніе отвести ввѣренную ему армію на правый берегъ Сены, имѣлъ въ виду отступать далѣе. 11-го (23-го) февраля, рано утромъ, была отдана диспозиція, на основаніи коей всѣ вой-

ска, остававшіяся впереди Труа̀, получили приказаніе перейти за Сену, по мостамъ въ городъ, а равно выше и ниже его, и потомъ уничтожить переправы. Тѣже, которыя уже находились на правой сторонѣ Сены, должны были отступать къ Баръ-сюръ-Объ, Бріеннѣ и Баръ-сюръ-Сенъ ([1]). Шварценбергъ настаивалъ на томъ, чтобы избѣгать сраженія. Причины тому довольно ясно выказываются въ одномъ изъ его частныхъ писемъ, отъ 26-го февраля н. ст. три дня спустя по отступленіи арміи за Сену, когда главная квартира уже перешла въ Шомонъ. «Императоръ Наполеонъ собираетъ всѣ свои силы— писалъ Союзный фельдмаршалъ — чтобы дать намъ сраженіе у Труа̀. Это именно и заставило меня не принять боя. Главная-же причина, побудившая меня избѣгать генеральнаго сраженія, заключалась въ томъ, что, въ случаѣ потери его, при отступленіи отъ Труа̀ къ Рейну, наша армія могла-бы совершенно разстроиться. Предпринимая зимній походъ, мы надѣялись застать въ расплохъ Наполеона, не дать ему времени приготовиться къ оборонѣ и принудить его къ заключенію выгоднаго для насъ мира. Могъ-ли я упорно продолжать дѣйствія безъ базиса (?), имѣя опредѣленною цѣлью миръ и не надѣясь достигнуть его? Генеральное сраженіе съ непріятелемъ, отстаивавшимъ свою самобытность, ободреннымъ частными успѣхами и ведущимъ войну въ собственной странѣ, гдѣ всѣ жители готовы вооружиться, вблизи столицы снабжающей его обильными средствами: такое предпріятіе могло быть оправдано только крайнею необходимостью. Возможно-ли было мнѣ, въ такихъ обстоятельствахъ, принять сраженіе внутри Франціи, не обращая вниманія—ни на охраненіе моихъ фланговъ и тыла, ни на возстаніе крестьянъ, ни на присутствіе при арміи Союзныхъ Монарховъ?

«Для меня не важно, что журналисты кричатъ: ахъ! еслибы въ челѣ этой прекрасной арміи былъ кто-либо другой, то былобы сдѣлано несравненно болѣе. Но я не могъ бы въ Ворликѣ (*) наслаждаться покойно благами дарованными мнѣ Все-

(*) Имѣніе князя Шварценберга въ Богеміи.

выишимъ, еслибы голосъ моей совѣсти отозвался ко мнѣ съ упрекомъ: у тебя недостало духа пренебречь мнѣніемъ Свѣта; ты дѣйствовалъ противъ своего убѣжденія, и отъ того торжествуетъ Франція, видя гибель прекрасной арміи тебѣ ввѣренной!

«Много, очень много, перенесъ я страданій, рѣшась не принимать боя, однакоже, не смотря на то, я держался твердо своего убѣжденія, и ничто не могло поколебать меня. Я отвелъ войска въ наилучшемъ порядкѣ за Обу. Блюхеръ двинулся вправо, чтобы соединиться съ Винцингероде и Бюловымъ и собрать армію въ числѣ 120,000 человѣкъ между Реймсомъ и Суассономъ. Такимъ образомъ будетъ развлечено вниманіе непріятеля. Резервы мои стоятъ между Шомономъ и Лангромъ. Подобное расположеніе дастъ мнѣ возможность поддерживать войска стоящія противъ Ожеро, если они будутъ вытѣснены изъ долины Саоны, а въ случаѣ неудачи—притянуть къ себѣ передовые корпусы оставленные на Обѣ. Это способствуетъ мнѣ угрожать выдвинутымъ впередъ непріятельскимъ войскамъ, выждать прибытіе моей Резервной арміи и выиграть время для ея размѣщенія. По моему мнѣнію, я дѣйствовалъ правильно. Пусть кричатъ сколько угодно. Меня успокоиваетъ убѣжденіе, что я поступилъ какъ слѣдовало» (2).

Такъ старался князь Шварценбергъ оправдать нерѣшительность своихъ дѣйствій. По его убѣжденію, неслѣдовало вступать въ сраженіе съ гораздо-слабѣйшею арміею, потому что жители страны поголовно возстали противъ Союзниковъ, (чего вовсе не было), и корпусъ Ожеро угрожалъ ихъ сообщеніямъ. Правда, по извѣстіямъ тогда полученнымъ въ главной квартирѣ, этотъ корпусъ усилился до 27,000 человѣкъ, но большая часть его находилась въ Ліонѣ, въ разстояніи 250-ти верстъ отъ сообщеній Главной арміи съ Рейномъ, и къ тому-же достаточно было обратить противъ Ожеро часть Союзныхъ резервовъ подходившихъ къ Рейну. Но Шварценбергъ и его совѣтники, имѣя свои особенныя понятія о военномъ дѣлѣ, хотѣли дѣйствовать на-вѣрно, что̀ невозможно, и считали быстрое вторженіе во Францію несогласнымъ съ правильною системою веденія войны. Говорятъ, будтобы на замѣчаніе, одного изъ англій-

скихъ генераловъ, находившагося въ главной квартирѣ князя Шварценберга, что «отступленіе къ Лангру могло повести къ отступленію за Рейнъ,» одинъ изъ австрійскихъ генераловъ отвѣчалъ: «тѣмъ лучше! Мы спустимся внизъ по теченію рѣки и приступимъ къ формальной осадѣ Майнца» (3). Ежели ко всѣмъ этимъ превратнымъ сужденіямъ присоединимъ вліяніе политики Вѣнскаго Двора, то станемъ-ли удивляться отступленію ста-тысячной арміи изъ опасенія встрѣтиться съ непріятелемъ могшимъ противопоставить ей неболѣе шестидесяти тысячъ человѣкъ?

Какъ Императоръ Александръ и Король Фридрихъ-Вильгельмъ руководились совершенно другими видами, то въ главной квартирѣ возникло разномысліе угрожавшее расторженіемъ коалиціи. Лордъ Кестельри, прибывъ изъ Шатильона въ Труа, чтобы удостовѣриться лично въ положеніи дѣлъ, былъ до того напуганъ несогласіемъ и колебаніемъ, имъ замѣченными во всѣхъ дѣйствіяхъ Союзниковъ, что считалъ необходимымъ заключить миръ, какъ можно поспѣшнѣе, для избѣжанія бѣдствій угрожавшихъ Европѣ. Генералъ Толь, постоянно находясь при князѣ Шварценбергѣ, и видя, какое сильное вліяніе на него имѣли Меттернихъ и Гофкригсратъ Императора Франца, неожидалъ ничего хорошаго при такомъ образѣ веденія войны, и по тому, въ бесѣдахъ его съ княземъ Волконскимъ и графомъ Нессельроде, любимымъ предметомъ былъ миръ. По свидѣтельству его, только лишь Императоръ Александръ постоянно стремился къ предположенной имъ цѣли—низложенію Наполеона, поставляя на видъ Своимъ союзникамъ, что никакой трактатъ съ властителемъ Франціи не могъ упрочить спокойствіе Европы (4).

Въ продолженіи этихъ колебаній главной квартиры, пришли 10 (22), въ пять часовъ по полудни, депеши Наполеона и Бертье къ Императору Францу и Шварценбергу, заключавшія въ себѣ хвастливыя показанія о числѣ французской арміи, и хотя по видимому нельзя было вѣрить такимъ свѣдѣніямъ, однакоже они послужили къ увеличенію сомнѣній и нерѣшительности князя Шварценберга (5).

11-го (23-го), по отданіи диспозиціи къ отступленію Главной арміи, былъ собранъ, въ восемь часовъ утра, у Короля Прусскаго въ Труà, Совѣтъ, на которомъ, кромѣ трехъ Союзныхъ Монарховъ и князя Шварценберга, находились дипломаты и весь главный штабъ. Здѣсь было рѣшено послать одного изъ шварценберговыхъ адъютантовъ, князя Венцеля (Венцеслава) Лихтенштейна, съ письмомъ къ Бертьè, въ коемъ Союзники предлагали заключить перемиріе; для приданія-же вѣса переговорамъ, положено оборонять теченіе Сены между Мери и Баръ-сюръ-Сенъ до самаго вечера, а послѣднимъ войскамъ отступить на слѣдующее утро ([6]).

Къ сожалѣнію, выборъ парламентера былъ неудаченъ. Князь Лихтенштейнъ, человѣкъ свѣтскій, изъ желанія польстить Наполеону, не только расточалъ похвалы его «отборнымъ арміямъ (armées d'élite) повсюду встрѣчаемымъ Союзниками,» но и проговорился на счетъ опасеній внушенныхъ дѣйствіями Ожерò. Наполеонъ, убѣдясь, что Союзники считали его сильнѣе, нежели онъ былъ въ дѣйствительности, хотя и изъявилъ согласіе открыть переговоры о перемиріи ([7]), однако-же рѣшился наступать далѣе и приказалъ Коленкуру на шатильонскомъ конгрессѣ домогаться условій предложенныхъ въ Франкфуртѣ ([8]).

Къ счастью Союзниковъ, дѣйствія Блюхера и его сподвижниковъ дали иной оборотъ дѣлу. По мѣрѣ сомнѣнія въ готовности князя Шварценберга къ бою, увеличивалось общее недовѣріе къ его преданности общему дѣлу. Въ числѣ офицеровъ, считавшихъ уклоненіе отъ боя непростительною глупостью, былъ начальникъ штаба клейстова корпуса, полковникъ Грольманъ. По его мнѣнію, несвоевременное отступленіе Союзниковъ могло увлечь ихъ за Рейнъ, и по тому, чтобы предупредить совершенную неудачу похода, не оставалось никакого другаго средства, какъ отдѣлить Силезскую армію отъ войскъ ввѣренныхъ князю Шварценбергу и двинуться съ нею быстро, на Мо, къ Парижу. Грольманъ полагалъ, что Наполеонъ, озабоченный защитою своей столицы, немедленно прекратилъ-бы преслѣдованіе Главной арміи и обратился-бы противъ Блюхе-

*

ра, который, соединившись съ Бюловымъ и Винцингероде, и сосредоточивъ на Марнѣ сто тысячъ человѣкъ, имѣлъ-бы возможность дѣйствовать рѣшительно противъ наполеоновой арміи. Полковникъ Грольманъ сообщилъ эти идеи сперва генералу Клейсту, а потомъ, по его совѣту, Блюхеру и ближайшимъ къ нему лицамъ главнаго штаба Силезской арміи. Блюхеръ и Гнейзенау вполнѣ одобрили планъ дѣйствій согласовавшійся съ ихъ образомъ мыслей; Мюффлингъ думалъ нѣсколько иначе, полагая, что хотя и слѣдовало отдѣлиться отъ Главной арміи и быстро двинуться къ Марнѣ, на соединеніе съ Винцингероде и Бюловымъ, однакоже наступленіе къ Мо было слишкомъ смѣло (9).

Еще 11-го (23-го) февраля, когда Блюхеръ, находясь въ Мери, ожидалъ изъ главной квартиры Большой арміи диспозицію къ генеральному сраженію, онъ получилъ, вмѣсто того, извѣстія о переговорахъ съ непріятелемъ и о намѣреніи главнокомандующаго отступить. Не постигая причины тому, Блюхеръ послалъ полковника Грольмана къ князю Шварценбергу, умоляя его принять сраженіе и вызываясь встрѣтить непріятеля, если Главная армія останется для поддержанія его, въ видѣ резерва. Хотя порученіе данное Грольману неимѣло успѣха, однакоже онъ узналъ, что Союзные Монархи неохотно согласились на отступленіе арміи, и что изъ главной квартиры ихъ непослѣдовало никакого приказанія Блюхеру отступать вмѣстѣ съ войсками Шварценберга. Съ этими извѣстіями Грольманъ возвратился въ Мери утромъ 11-го (23-го), въ то самое время, когда Блюхеръ, въ виду непріятеля, говорилъ съ княземъ Щербатовымъ, и слѣзши съ коня, подошелъ къ бивачному костру. Внезапно—русскіе стрѣлки были оттѣснены назадъ; фельдмаршалъ и свита его, осыпанные пулями, ушли вмѣстѣ съ ними. Щербатовъ, Валентини и самъ Блюхеръ были ранены; къ счастью однакоже оказалось, что нога стараго воина пострадала менѣе, нежели сапогъ разорванный пулею; «ну плохо-же намъ—сказалъ онъ—у насъ болѣе докторовъ нежели сапожниковъ.» Несмотря однакоже на такое веселое расположеніе духа, онъ немогъ ѣздить верхомъ и былъ принужденъ

сѣсть въ коляску. Въ это время явился къ нему, на обратномъ пути изъ главной квартиры французской арміи, князь Венцель Лихтенштейнъ; его разсказы о непреклонности Наполеона утвердили Блюхера въ убѣжденіи, что слѣдовало вести войну до тѣхъ поръ пока будетъ сокрушено владычество гордаго противника. Тогда-же прибылъ Грольманъ съ помянутыми извѣстіями изъ главной Союзной квартиры. Блюхеръ, отчаясь превозмочь упрямство Шварценберга, рѣшился писать къ Императору Александру и къ Королю Прусскому: изложивъ вредныя послѣдствія отступленія Союзныхъ армій, онъ испрашивалъ, чтобы дано было приказаніе корпусамъ Винцингероде и Бюлова присоединиться къ его арміи. «Усилясь этими войсками—писалъ фельдмаршалъ—я пойду къ Парижу и столь-же мало опасаюсь встрѣчи съ Наполеономъ, сколько съ его маршалами. Позвольте мнѣ, В. В. имѣть счастье, въ челѣ ввѣренной мнѣ арміи, быть исполнителемъ приказаній и намѣреній В-го В-ва» ([10]). Съ этими депешами Грольманъ отправился въ главную квартиру Союзныхъ Монарховъ ([11]),—«еще разъ попытаться счастія,» какъ выразился онъ самъ, говоря о своей поѣздкѣ. Весьма естественно, что ему нельзя было ожидать никакой поддержки со стороны Австрійцевъ. Планъ дѣйствій Шварценберга, основанный на «методическомъ образѣ веденія войны,» былъ совершенно несогласенъ съ такъ называемымъ «быстрымъ нашествіемъ безъ базиса.» Еслибы австрійскій главнокомандующій одобрилъ предположенія Блюхера, то поставилъбы себя въ необходимость сознаться, что его собственный планъ неимѣлъ никакого смысла. Тѣмъ не менѣе однакоже онъ не могъ противиться рѣшительно выраженной волѣ Союзныхъ Монарховъ, Императора Александра и Фридриха-Вильгельма III, въ отношеніи къ распоряженію Ихъ собственными войсками. Впрочемъ самый отзывъ князя Шварценберга къ Блюхеру довольно ясно показываетъ, что австрійскій полководецъ—либо не оцѣнилъ вполнѣ важности предположеннаго движенія Силезской арміи, либо съ умысломъ ограничивалъ его ничтожною цѣлью. Въ этой депешѣ, князь Шварценбергъ выразилъ свое согласіе на желаніе Блюхера слѣдующимъ образомъ:

»Я объяснилъ полковнику Грольману изустно причины побуждавшія меня до времени не вводить въ бой Главную армію. Въ такихъ обстоятельствахъ, предлагаю Вамъ направиться по правой сторонѣ Сены къ Марнѣ и присоединивъ къ себѣ Винцингероде и Бюлова, привлечь на себя вниманіе непріятеля, а когда онъ будетъ занятъ дѣйствіями противъ Главной Союзной арміи, дѣйствовать ему въ тылъ и во фланги.

«На первый разъ, я намѣренъ отступить къ Баръ-сюръ-Объ, однако-же еще сегодня прикажу уничтожить мосты у Лемона. Полковникъ Грольманъ объяснитъ Вамъ на словахъ мои виды» ([12]).

Предположенное движеніе въ долину Марны было исполнено Блюхеромъ съ обычною ему дѣятельностью. Еще 10-го (22-го), Силезская армія была усилена 9-ою прусскою бригадою генералъ-маіора Клюкса, съ частью кавалеріи клейстова корпуса ([13]), подъ начальствомъ генералъ-маіора Рёдера, прибывшими отъ Люксамбурга и Тіонвиля, (гдѣ смѣнили ихъ войска 4-го германскаго корпуса), къ Арси-сюръ-Объ. На слѣдующій день, 11-го (23-го), Блюхеръ приказалъ навести два понтонныхъ моста на Объ у Бодемона, близъ Англюра (Anglure). 12-го (24-го), на-разсвѣтѣ, выступили войска Силезской арміи изъ окрестностей Мери къ мѣсту переправы и туда-же направилась 9-я бригада изъ Арси, уничтоживъ тамъ мостъ на Объ ([14]).

Одновременно съ приготовленіями князя Шварценберга къ отступленію и Блюхера къ движенію за Обу, 11-го (23-го), непріятельская армія приблизилась къ Труа тремя колоннами: правая, состоявшая изъ кавалеріи Келлермана и 2-го пѣхотнаго корпуса, усиленнаго парижскимъ резервомъ, появилась около полудня, на дорогѣ изъ Санъ, въ окрестностяхъ города, откуда только-лишь выѣхали Союзные Монархи въ Вандёвръ (Vandoeuvres), а Шварценбергъ въ Люзиньи Генералъ Жераръ безъ большаго труда опрокинулъ передовыя австрійскія войска. Князь Морицъ Лихтенштейнъ, присоединивъ къ своимъ войскамъ легкую дивизію Кренневиля, развернулъ пять кавалерійскихъ полковъ на равнинѣ у Торвильѐ (Torvilliers), но не

успѣлъ удержать превосходную въ силахъ кавалерію Келлермана, которая, опрокинувъ Австрійцевъ, захватила четыре орудія. Нѣсколько баталіоновъ, съ двумя батареями, поставленные на позиціи за рѣчкою Торвильè, и кирасиры Ностица прикрыли отступленіе арріергарда. Вслѣдъ за тѣмъ, непріятельскія войска подошли къ Труà съ нѣсколькихъ сторонъ. Генералъ Пирè потребовалъ сдачи города и получивъ отъ Фолькмана рѣшительный отказъ, угрожалъ штурмомъ, котораго однакоже не предпринялъ, вѣроятно изъ состраданія къ жителямъ. Между тѣмъ Гіулай, стоявшій съ своимъ 3-мъ корпусомъ и съ другими австрійскими войсками на лѣвой сторонѣ Сены, къ югу отъ города, неотваживаясь оставаться долѣе въ виду непріятеля, отошелъ, подъ прикрытіемъ пѣхоты Морица Лихтенштейна и кирасирской дивизіи Клебельсберга, въ шахматномъ порядкѣ, къ тѣснинѣ у Мезонъ-Бланшъ, и далѣе къ Клерей (Clerey), гдѣ и переправился черезъ Сену; за нимъ послѣдовали кирасиры Ностица и легкія войска Лихтенштейна, которыя въ ночи расположились по обѣ стороны Сены ([15]). Вечеромъ, около десяти часовъ, Наполеонъ приказалъ поставить батарею въ шестидесяти шагахъ отъ крайнихъ домовъ Труà и открылъ сильную канонаду, въ продолженіе коей Французы три раза штурмовали городъ, но каждый разъ были отражены храбрымъ полкомъ эрцгерцога Рудольфа. За тѣмъ наступила совершенная тишина, а на слѣдующій день, 12-го (24-го), въ шесть часовъ утра, когда уже отступила на правую сторону Сены армія со всѣми обозами, генералъ Фолькманъ очистилъ Труà и отошелъ къ Сенъ-Парръ (St. Parre), къ стоявшему тамъ 5-му корпусу Вреде.

Въ продолженіи предшествовавшей ночи, войска Главной арміи отошли по указаннымъ направленіямъ: 6-й корпусъ графа Витгенштейна къ Пиней; арріергардъ графа Палена, усиленный 23-мъ и 24-мъ егерскими полками, подъ начальствомъ генералъ-маіора Властова, остался у Вилласерфа (Villaçerf), уничтоживъ переправы на Сенѣ; россійско-прусскіе резервы отступили къ Вандёвръ; австрійскіе резервы и 4-й корпусъ Кронъ-принца виртембергскаго расположились въ ночи между

Люзиньи и Вандёвръ; 1-й корпусъ Біанки и 3-й Гіулая, подъ прикрытіемъ 2-й легкой дивизіи Морица Лихтенштейна, двинулись по дорогѣ къ Баръ-сюръ-Сенъ ([16]).

Неудачное дѣло подъ Труà побудило князя Шварценберга ускорить отступленіе арміи и до того усилило его опасенія, что онъ какъ-бы раскаясь въ согласіи своемъ на движеніе Блюхера къ Марнѣ, послалъ ему словесное приглашеніе идти чрезъ Арси къ Лемону и примкнуть къ Главной арміи, но Блюхеръ узналъ о томъ уже тогда, когда, отойдя на значительное разстояніе отъ Обы, лишился возможности исполнить новое распоряженіе князя Шварценберга ([17]).

По очищеніи Союзниками Труà, Главная армія продолжала отступать, какъ выше сказано, 12-го (24-го) февраля, тремя колоннами: къ Діенвилю, Вандёвръ и Баръ-сюръ-Сенъ. Отрядъ генералъ-лейтенанта графа Палена, небудучи вòвсе преслѣдованъ непріятелемъ, отошелъ къ Пиней. Графъ Вреде съ своимъ корпусомъ тоже спокойно отступилъ за Барсу, гдѣ назначено было ему остановиться и занять позицію между Люзиньи и Вандёвръ, чтобы дать время обозамъ пройти чрезъ мостъ у Монтьè-Амей (Monstier-Amey). Противъ этой позиціи, у гильотьерскаго моста, постепенно собрались: кавалерія гвардейская и Сенъ-Жермена и корпусы Жерара, Удинò и Нея. Въ четвертомъ часу по полудни, когда весь обозъ и пѣхота графа Вреде уже миновали тѣснину у Монтьè, войска Фримона, остававшіяся въ арріергардѣ, были атакованы кавалеріей Нансути и отступили къ Монтьè, гдѣ Французы, встрѣченные картечью нѣсколькихъ орудій стоявшихъ за мостомъ, остановились, чтò дало Фримону возможность отойти въ сумерки спокойно къ Вандёвръ и присоединиться къ главнымъ силамъ корпуса. 4-й корпусъ Кронъ-принца также расположился у Вандевръ и былъ усиленъ пятью пѣхотными полками виртембергскаго ландвера, въ числѣ 5,600 человѣкъ, прибывшими съ Рейна. Россійско-прусскіе резервы, сдѣлавъ усиленный переходъ, стали на ночлегъ у Баръ сюръ-Объ.—Дивизія Морица Лихтенштейна, отступавшая въ арріергардѣ 3-го корпуса Гіулая, по дорогѣ къ Баръ-сюръ-Сенъ, была преслѣдована Макдональдомъ съ его кор-

пусомъ и съ кавалеріей Келлермана и Мильго̀. Три егерскія роты и шесть эскадроновъ, въ хвостѣ арріергарда, были опрокинуты у Водъ (Vaudes) и одна изъ ротъ отрѣзана; князь Лихтенштейнъ занялъ позицію у Вирей (Virey), но немогъ остановить несравненно сильнѣйшаго непріятеля; вообще-же Австрійцы потеряли болѣе тысячи человѣкъ, въ числѣ коихъ 788 плѣнными. Вечеромъ войска Гіулая, Біанки и Лихтенштейна собрались на покрытыхъ виноградниками высотахъ у Баръсюръ-Сенъ ([18]).

Въ тотъ-же день, 12-го (24-го), въ одиннадцать часовъ утра, Наполеонъ, съ первою дивизіей своей гвардіи, вступилъ торжественно въ Труа̀; жители города сопровождали его шествіе громкими восклицаніями, но эти изъявленія сочувствія были вызваны нестолько преданностью къ Наполеону, сколько притѣсненіями австрійскихъ войскъ занимавшихъ Труа̀ болѣе двухъ недѣль. Въ то время, когда большинство гражданъ шумно выражало свою радость, роялисты, участвовавшіе въ депутаціи Императору Александру, были волнуемы страхомъ, но опасенія ихъ оказались напрасны. Только двое изъ нихъ, бывшіе главными виновниками адресса въ пользу Бурбоновъ, маркизъ Видранжъ и кавалеръ Гуо̀, подверглись мщенію Наполеона, который приказалъ нарядить для суда надъ ними особую коммисію (commission prévôtale). Видранжу, находившемуся тогда при графѣ д'Артуа̀, удалось избѣгнуть ожидавшей его кары; а Гуо̀, человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ, оставшись въ городѣ, былъ арестованъ и приговоренъ къ смерти; прочіе-же граждане, подписавшіе адрессъ, были забыты, и только лишь хозяинъ дома, въ которомъ находилась квартира Императора Александра, былъ осыпанъ упреками и принужденъ отдать въ пользу благотворительныхъ заведеній драгоцѣнный перстень пожалованный ему Россійскимъ Монархомъ. Наполеонъ, желая предупредить покушенія въ пользу королевской династіи, объявилъ, что всякій Французъ, который надѣнетъ кокарду, либо знаки отличія, недозволенные закономъ, или вступитъ на службу къ непріятелю, подвергнется смертной казни ([19]).

Въ тотъ-же день, отправился одинъ изъ наполеоновыхъ адъютантовъ, графъ Флагò (Flahaut) въ Люзиньи, селеніе въ 12-ти верстахъ отъ Труà, для переговоровъ о перемиріи. Въ инструкціи ему данной было предписано отклонять всякое прекращеніе дѣйствій, пока Союзники несогласятся открыть переговоры о мирѣ на основаніи франкфуртскихъ условій и провести между воюющими арміями демаркаціонную линію такъ, чтобы Майнцъ и Антверпенъ остались за Французами ([20]). Со стороны-же Союзниковъ были назначены для совѣщанія о перемиріи: генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, австрійскій генералъ Дука и прусскій фонъ-Раухъ. Императоръ Александръ изъявилъ Свое согласіе на открытіе этихъ переговоровъ, съ условіемъ, чтобы въ продолженіе перемирія проходы чрезъ Вогезскія горы оставались въ рукахъ Союзниковъ, и чтобы демаркаціонная линія была проведена по Обѣ, либо, по крайней мѣрѣ, отъ лангрскаго плато по Марнѣ до Шалона, далѣе—по Велѣ до впаденія ея въ Эну и по Энѣ до сліянія этой рѣки съ Уазою ([21]). Очевидно, что, при такихъ требованіяхъ, ни Императоръ Александръ, ни Наполеонъ, не надѣялись на заключеніе перемирія; оба они подчиняли политическія соображенія успѣху военныхъ дѣйствій: мечъ долженствовалъ рѣшить судьбу Европы.

По занятіи Труà, Наполеонъ могъ преслѣдовать всѣми силами князя Шварценберга и принудить его къ рѣшительному бою, либо послать за нимъ въ слѣдъ только часть своей арміи, а съ остальными войсками обратиться противъ Блюхера. Первый способъ представлялъ Наполеону наиболѣе выгодъ, еслибы онъ надѣялся на-вѣрно вовлечь Главную Союзную армію въ генеральное сраженіе, потому что одержавъ надъ нею побѣду, онъ съ вѣроятностью успѣха двинулся-бы въ тылъ Блюхеру. Но возможно-ли было надѣяться, чтобы австрійскій полководецъ рѣшился вступить въ сраженіе, отказавшись прежде отъ боя на равнинѣ между Ножаномъ и Труà, гдѣ ему содѣйствовала-бы Силезская армія? Наполеонъ, сообразивъ всѣ эти обстоятельства, приказалъ корпусамъ Макдональда и Удино, усиленнымъ подкрѣпленіями до 40,000 человѣкъ, преслѣдовать

Союзниковъ по дорогамъ къ Шатильону и Баръ-сюръ Объ; отрядъ генерала Алликса былъ направленъ изъ Оксерра правѣе колонны Макдональда. Другая-же половина арміи, въ числѣ до 35,000 человѣкъ, вмѣстѣ съ войсками Мармона и Мортье, оставленными прежде въ долинѣ Марны, должна была, подъ личнымъ начальствомъ Наполеона, дѣйствовать противъ Блюхера ([22]).

Маршалъ Удино, выступивъ, въ тотъ-же день, 12-го (24-го), изъ Труа̀ по дорогѣ въ Вандёвръ, наткнулся на арріергардъ корпуса Вреде у Люзиньи, но, по требованію Флаго̀, это мѣстечко было признано неутральнымъ и французскія войска, обойдя его, двинулись далѣе ([23]).

Отступленіе Союзниковъ отъ Труа̀, совершенное такъ поспѣшно, какъ будтобы дѣло шло о спасеніи арміи послѣ проиграннаго сраженія, изнурило войска и ослабило ихъ множествомъ отсталыхъ, искавшихъ пріюта отъ стужи и изнемогавшихъ отъ голода. Дальнѣйшее отступленіе должно было повести къ совершенному разстройству арміи; всѣ были увѣрены, что войска остановятся лишь тогда, когда отойдутъ за Рейнъ. Союзный главнокомандующій убѣдился на опытѣ, какъ вредно отступать по той самой дорогѣ, по которой наступала армія. Войска, двигаясь по опустошенной странѣ и терпя недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, теряли довѣренность къ своему вождю, и благоустроенная армія едва непревратилась въ дикую орду, необузданную—ни чувствомъ долга, ни дисциплиною ([24]).

Къ счастью Союзниковъ, кичливыя письма Наполеона и Бертье и неумѣренныя требованія французскаго правительства, при открытіи совѣщаній въ Люзиньи, открыли глаза поборникамъ мира. Съ другой стороны, Коленкуръ, всѣми своими дѣйствіями на шатильонскомъ конгрессѣ, невольно обнаруживалъ шаткость положенія своего властителя. Ему было извѣстно положеніе дѣлъ лучше нежели самому Наполеону, ослѣпленному мимолетными успѣхами, и по тому съ нетерпѣніемъ желая мира, онъ не могъ скрыть своихъ чувствъ подъ личиною притворства. Уполномоченные Союзныхъ Державъ, находясь внѣ поприща, на коемъ происходила борьба, и будучи менѣе зависи-

мы отъ ежедневныхъ переворотовъ ея, нежели дипломаты сопровождавшіе главную квартиру, по прежнему, требовали отъ Коленкура рѣшительнаго отвѣта: онъ долженъ былъ принять, либо отвергнуть предложенныя условія. Правда—ему еще оставалось предъявить, съ своей стороны, проектъ мирнаго договора, но онъ не могъ ни на что рѣшиться, не имѣя никакихъ опредѣлительныхъ инструкцій. Принужденный ограничиваться частными замѣчаніями на предложенія Союзниковъ, Коленкуръ высказалъ, что переговоры неподдержанные оружіемъ не могли побудить Наполеона къ заключенію мира. Великобританскіе дипломаты были принуждены сознать, что слѣдовало продолжать войну съ усиленною настойчивостью, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы пришлось на-время отступить за Рейнъ. Гарденбергъ и Кнезебекъ обратились къ подобному-же выводу, и самъ Меттернихъ убѣдился, что Императоръ Францъ не могъ ожидать уступчивости отъ своего зятя. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось очевидно, что надлежало измѣнить образъ веденія войны, доселѣ принятый Союзниками: пока они надѣялись достигнуть предположенной ими цѣли—прочнаго мира—путемъ переговоровъ, до тѣхъ поръ могли имѣть какой-либо смыслъ уклоненія отъ рѣшительной развязки для выигранія времени, но съ потерею такой надежды слѣдовало принять другія, болѣе дѣйствительныя мѣры.

Съ этою цѣлью, по желанію Императора Александра и Короля Прусскаго, былъ собранъ Военный Совѣтъ, 13 (25) февраля, въ 8 часовъ утра, въ Баръ-сюръ-Объ. Совѣщаніе происходило у Короля, на квартирѣ генерала Кнезебека, который, по болѣзни, не могъ выходить изъ дома. Союзные Монархи считали его участіе необходимымъ, тѣмъ болѣе, что еще въ Труа̀ онъ подавалъ голосъ въ пользу рѣшительныхъ дѣйствій. На Совѣтѣ, кромѣ трехъ государей ополчившихся за независимость Европы, находились: Шварценбергъ, Радецкій, Дибичъ, князь Волконскій, Кнезебекъ и дипломаты: Меттернихъ, Гарденбергъ, графъ Нессельроде и лордъ Кестельрѝ. Здѣсь было рѣшено, чтобы на шатильонскомъ конгрессѣ вести переговоры вообще отъ имени всѣхъ Союзныхъ Державъ, что̀ должно

было отнять у Наполеона всякую надежду на расторженіе Коалиціи и дать рѣшительный оборотъ совѣщаніямъ Конгресса. Въ отношеніи-же къ военнымъ дѣйствіямъ, согласились въ томъ, чтобы не вступать въ генеральное сраженіе у Баръ-сюръ-Объ. *Главная армія* должна была, въ случаѣ дальнѣйшаго наступленія Наполеона, отойти къ Лангру, и соединившись тамъ съ ожидаемыми резервами, принять сраженіе, либо снова дѣйствовать наступательно. Кромѣ того, Императоръ Александръ и Король Фридрихъ-Вильгельмъ требовали, чтобы, въ случаѣ движенія Наполеона противъ Блюхера, Главная армія немедленно возобновила наступательныя дѣйствія; Императоръ Александръ, желая предупредить всякое покушеніе Австрійцевъ къ дальнѣйшему отступленію, объявилъ, что въ такомъ случаѣ Онъ съ русскими войсками оставитъ Главную армію и соединится съ Блюхеромъ. Король Прусскій изъявилъ готовность сопровождать Россійскаго Монарха.

Силезской арміи было предоставлено, по передвиженіи въ долину Марны, соединиться съ корпусами Бюлова и Винцингероде и двинуться къ Парижу.

Положено составить *Южную армію*, изъ 1-го корпуса Біанки, 1-й резервной австрійской дивизіи, австрійскихъ войскъ занимавшихъ Дижонъ и 6-го германскаго корпуса, въ числѣ отъ 40-ка до 50-ти тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Наслѣднаго принца гессенъ-гомбургскаго. Эта армія должна была идти на Маконъ, противъ маршала Ожерò, оттѣснить его и обезпечить тѣмъ Женеву и сообщенія Главной арміи.

Наслѣдному принцу шведскому поручено смѣнить въ Бельгіи 3-й германскій корпусъ, долженствовавшій присоединиться къ Силезской арміи, другими войсками, занять сію страну и въ случаѣ надобности обезпечить отступленіе Блюхера.

Вникая въ основныя соображенія этого плана дѣйствій нельзя не сознать, что цѣлью главныхъ составителей его, Императора Александра и Короля Фридриха-Вильгельма, было придать новое значеніе Силезской арміи, которая въ сущности сдѣлалась главною, между тѣмъ какъ армія князя Шварценберга, уклоняясь отъ боя и ограничиваясь поддержаніемъ Блю-

хера и принца гессенъ-гомбургскаго, снизошла на степень вспомогательной части Союзныхъ силъ. Какъ въ случаѣ дальнѣйшаго отступленія князя Шварценберга, сообщенія Блюхера съ Рейномъ подвергались опасности, то для совершенной самостоятельности его устроили ему новое основаніе дѣйствій въ Нидерландахъ и заняли эту вполнѣ преданную Союзникамъ страну многочисленною арміей Наслѣднаго принца шведскаго. Въ составъ ея долженствовали войти: корпусы шведскій и сводный графа Вальмодена; англійскія войска высаженныя на берега Бельгіи; вспомогательный датскій корпусъ, и наконецъ войска формировавшіяся въ Ганноверѣ и Голландіи ([25]).

По окончаніи совѣщанія въ Баръ-сюръ-Объ, Императоры Александръ и Францъ отправились въ Шомонъ, Король Прусскій остался въ Баръ-сюръ-Объ, а князь Шварценбергъ переѣхалъ въ Коломбей. Немедленно были посланы въ дубликатѣ повелѣнія Блюхеру, Винцингероде и герцогу Веймарскому, соотвѣтственно предположеніямъ одобреннымъ на Совѣтѣ ([26]). Король Прусскій, извѣщая Блюхера о всѣхъ принятыхъ мѣрахъ, писалъ ему:

«Перемиріе несостоится, и по тому вчерашнее повелѣніе мое сдѣлалось недѣйствительнымъ. Въ настоящее время рѣшено: предоставить арміи князя Шварценберга ту роль, которая была указана Силезской арміи при возобновленіи дѣйствій послѣ перемирія въ прошлое лѣто; сообразно съ тѣмъ, князь Шварценбергъ на сей разъ будетъ продолжать свое отступленіе. Напротивъ того, ввѣренной вамъ арміи назначено дѣйствовать наступательно, и съ сею цѣлью она будетъ усилена корпусами Винцингероде, Бюлова и герцога Веймарскаго. Сегодня будутъ отправлены предписанія о поступленіи ихъ подъ ваше начальство впредь до дальнѣйшаго распоряженія.

«Наслѣдному шведскому принцу поручено, съ остающеюся у него въ командѣ частью Сѣверной арміи, усиленною англійскимъ и голландскимъ корпусами, довершить покореніе Нидерландовъ и устроить въ сей странѣ прочное основаніе для вашихъ будущихъ дѣйствій.

«Судьба похода въ вашихъ рукахъ. Я, и вмѣстѣ со мною

Союзные Монархи, полагаемъ, что вы оправдаете наше довѣріе столь-же настойчивымъ сколько и осторожнымъ веденіемъ военныхъ дѣйствій, и что, вмѣстѣ съ свойственною вамъ смѣлостью, вы не упустите соблюсти непогрѣшительность вашихъ разсчетовъ, отъ коей зависитъ судьба всѣхъ государствъ» ([27]).

По окончаніи совѣщанія въ Баръ-сюръ-Объ, князь Шварценбергъ, въ тотъ-же день, 13-го (25-го), отправился въ Коломбей, куда отошли резервы Барклая де-Толли. Корпусъ графа Витгенштейна расположился у Айлевилль (Aileville); авангардъ Палена у Траннъ; корпусъ графа Вреде за Баръ-сюръ-Объ, по обѣ стороны дороги въ Коломбей; корпусъ Кронъ-принца виртембергскаго, въ арріергардѣ, у Арсонваль, занимая мостъ у Доланкура и высоту близъ Спой; корпусъ Гіулая у Жіе (Gié) на Сенѣ; легкая дивизія Морица Лихтенштейна отступила отъ Баръ-сюръ-Сенъ къ Ла-Ферте-сюръ-Объ. Казачій отрядъ Платова двигался усиленными переходами съ рѣки Іонны къ Будревиль, на верхней Объ; Сеславинъ стоялъ въ Ла-Фертѐ-сюръ-Объ, посылая разъѣзды къ Шатильону ([28]).

Со стороны Французовъ, Удинò, съ корпусами: своимъ 7-мъ, 2-мъ Жерара, дивизіей національной стражи генерала Пактò и кавалеріей Сенъ-Жермена и Келлермана, всего въ числѣ 26,000 человѣкъ, наступалъ отъ Труà къ Баръ-сюръ-Объ, а Макдональдъ, съ 11-мъ корпусомъ, подъ начальствомъ Молитора, и кавалеріей Мильгò, всего до 12,000 человѣкъ, сначала преслѣдовалъ Союзниковъ по дорогѣ на Баръ-сюръ-Сенъ, а потомъ повернулъ къ Ла-Фертѐ-сюръ-Объ ([29]).

Несмотря на отряженіе 1-го австрійскаго корпуса и резервной дивизіи къ Дижону, силы Главной Союзной арміи были по крайней мѣрѣ вдвое многочисленнѣе войскъ Удино и Макдональда, и по тому отступленіе отъ Труà возбудило общее неудовольствіе противъ князя Шварценберга. Союзный главнокомандующій былъ принужденъ изложить въ отзывѣ къ корпуснымъ командирамъ причины побуждавшія его къ такому непонятному для всѣхъ образу дѣйствій, съ просьбою направить общее мнѣніе и стараться подѣйствовать на духъ ввѣренныхъ имъ войскъ ([30]).

На слѣдующій день, 14-го (26-го), войска Шварценберга продолжали отступать: резервы Барклая де-Толли двинулись черезъ Шомонъ къ Лангру, получивъ приказаніе ускорить маршъ, потому что въ главную квартиру пришло извѣстіе о появленіи непріятеля у Шатильона. Пѣхота графа Витгенштейна, усиленная восемью резервными баталіонами 3-й и 4-й пѣхотныхъ дивизій, въ числѣ до 4,000 человѣкъ, прибывшими отъ Данцига, отошла въ Коломбей; корпусъ Кронъ-принца виртембергскаго, усиленный гренадерскою бригадою графа Кленау, въ составѣ шести баталіоновъ, и 3-ею кирасирскою дивизіей Дуки, пройдя черезъ Баръ-сюръ-Объ, направился на дорогу ведущую изъ Баръ-сюръ-Сенъ въ Шомонъ; графъ Вреде, съ пѣхотою своего корпуса и 2-ою кирасирскою дивизіей Кретова, оставался позади Баръ-сюръ-Объ; корпусъ Гіулая перешелъ на дорогу ведущую изъ Шатильона въ Лангръ, къ Аркъ-ан-Баруа̀ (Arc-en-Barrois), а дивизія Морица Лихтенштейна направилась къ Шатильону. Казачій отрядъ графа Платова получилъ приказаніе перейти съ лѣваго крыла на правое, и расположась между Обою и Марною, сохранять связь съ Блюхеромъ и наблюдать за непріятелемъ ([31]).

Около полудня, Король Прусскій, находившійся вмѣстѣ съ княземъ Шварценбергомъ въ Коломбей, получилъ чрезъ присланнаго изъ главной квартиры Силезской арміи австрійскаго маіора ф. Маршаля (v. Marschall) извѣстія, что Блюхеръ, успѣшно перейдя чрезъ Обу, двинулся противъ Мармона, и что Наполеонъ послалъ изъ Труа̀ къ Вандёвру и Баръ-сюръ-Сенъ только часть своей арміи, а самъ съ прочими войсками собранными у Мери обратился къ Марнѣ противъ Блюхера. Въ тоже самое время, графъ Витгенштейнъ, прибывъ изъ арріергарда въ Коломбей, донесъ Королю, что «почти никто не преслѣдовалъ Союзниковъ, и какъ Наполеонъ навѣрно обратился противъ Блюхера, то, чтобы его выручить, слѣдовало наступать противъ непріятеля». Король согласился съ его мнѣніемъ и убѣдивъ въ основательности его доводовъ князя Шварценберга, настоялъ, чтобы дальнѣйшее отступленіе Главной арміи было пріостановлено и чтобы на слѣдующій-же день передо-

вые корпусы перешли къ наступательнымъ дѣйствіямъ ([32]). Съ этою цѣлью, фельдмаршалъ предписалъ, чтобы 15-го (27-го) февраля Вреде и графъ Витгенштейнъ двинулись къ Вандёвръ, а Наслѣдный принцъ виртембергскій къ Ла-Фертè-сюръ-Объ. Въ подкрѣпленіе имъ были назначены русская гвардейская легкая кавалерійская дивизія и прусская гвардейская кавалерія, но эти войска, по распоряженію самаго князя Шварценберга, двинулись къ Лангру, и потому не могли придти своевременно къ Баръ-сюръ-Объ ([33]).

Нѣсколько спустя по полудни, генералъ Жераръ, съ авангардомъ маршала Удинò, появился у доланкурскаго моста, опрокинулъ стоявшую тамъ австрійскую дивизію Гардегга и занялъ Баръ-сюръ-Объ. Остальныя войска Удинò, кромѣ дивизіи Пактò, оставленной на лѣвой сторонѣ Обы, для охраненія моста, и корпуса Келлермана, расположились по правую сторону рѣки. Дивизія Гардегга, съ присоединившимся къ ней отрядомъ Палена, отошла по большой лангрской дорогѣ; для занятія-же виноградниковъ вправо отъ сей дороги остались нѣсколько австрійскихъ баталіоновъ и егерская бригада (23-й и 24-й полки) генералъ-маіора Властова. Непріятель покушался дебушировать изъ города, но будучи встрѣченъ перекрестнымъ огнемъ батарей корпуса Вреде, былъ принужденъ отказаться отъ своего намѣренія.

Въ 6 часовъ вечера, когда графъ Вреде, исполняя данное ему приказаніе, уступилъ непріятелю почти безъ сопротивленія переправу у Доланкура и городъ Баръ-сюръ-Объ, получено было предписаніе, чтобы на слѣдующій день корпусы Вреде и Витгенштейна двинулись къ Вандёвръ, а Наслѣдный принцъ виртембергскій къ Ла-Фертè-сюръ-Объ. Извѣстіе о предстоявшемъ наступленіи было встрѣчено громкими криками: ура! барабаннымъ боемъ и торжественными трубными звуками. Но для успѣха предположенныхъ дѣйствій, прежде всего, надлежало овладѣть городомъ. Графъ Вреде, надѣясь легче достигнуть этой цѣли посредствомъ ночнаго нападенія, приказалъ въ сумерки атаковать Баръ-сюръ-Объ 8-му баварскому пѣхотному полку, а для поддержанія его послалъ 2-й легкій баталіонъ.

Маіоръ Массенгаузенъ, съ однимъ изъ баталіоновъ 8-го полка, ворвался на штыкахъ въ Шомонское предмѣстье; гренадерская рота, не смотря на сильный огонь непріятельскихъ стрѣлковъ, овладѣла заставою и въ головѣ баталіона устремилась къ торговой площади; но здѣсь Баварцы, встрѣченные въ превосходныхъ силахъ Французами, были принуждены отступать. Непріятель послалъ боковыми улицами нѣсколько баталіоновъ, которые заградили путь отступленія горсти храбрыхъ. Оставалось пробиваться, что̀ и было исполнено, съ потерею однако 7-ми офицеровъ и двухъ сотъ нижнихъ чиновъ убитыми, ранеными и плѣнными. Самъ Массенгаузенъ палъ въ челѣ своихъ воиновъ. Баварцы, поддержанные 2-мъ легкимъ баталіономъ, удержались въ предмѣстьѣ ([34]).

Въ тотъ-же день, 14 (26), Макдональдъ направилъ дивизіи Брейера и Амей на Ландревиль къ Эссуа̀ (Essoye), выдвинулъ Мильго̀ съ кавалеріей Пирѐ и Бриша, поддержанною пѣхотною бригадою Зиммера, къ Фонтеттъ и расположилъ драгунъ генерала Л'Эритьѐ и пѣхотную дивизію Альбѐра, вмѣстѣ съ своею главною квартирою, въ Мюсси л'Эвекъ (Mussy l'Evêque), выславъ разъѣзды къ Шатильону и Лангру ([35]).

На основаніи первоначальныхъ распоряженій князя Шварценберга, 15-го (27-го), войска графа Вреде должны были атаковать непріятеля въ Баръ-сюръ-Объ, а войска графа Витгенштейна—поддерживать ихъ, но въ послѣдствіи, по предложенію самаго Витгенштейна, ему было поручено повести нападеніе правѣе города, на высоты у Айлевилль (*). Одновременно съ тѣмъ, корпусъ Кронъ-принца виртембергскаго получилъ приказаніе направиться на Ла-Фертѐ-сюръ-Объ.

Городъ Баръ-сюръ-Объ лежитъ по правую сторону Обы, текущей въ окрестностяхъ этого пункта между довольно высокими берегами. Выше города и ниже его, до Боссанкура, большею частью господствуетъ лѣвый берегъ, далѣе-же, до Траннъ—правый, усаженный виноградниками. Небольшая рѣчка, текущая отъ селенія Арентьеръ (Arentière) и впадающая

(*) Планъ сраженія при Баръ-сюръ-Объ.

въ Обу у города, орошаетъ въ нижней части своей равнину. По дорогѣ-же къ Шомону, близъ Вуаньи (Voigny) и Линьоль (Lignole), мѣстность образуетъ высоты. Отъ Баръ-сюръ-Объ къ Вандёвръ пролегали двѣ дороги: старая, чрезъ мостъ у города и по довольно-крутому скату къ селенію Спой (Spoy), и новая большая дорога, отъ Баръ-сюръ-Объ внизъ по теченію рѣки къ Доланкуру, и черезъ мостъ у сего селенія къ Маньи (Magny), гдѣ она соединяется съ старою дорогою. Позиція у Баръ-сюръ-Объ образуется высотами, за помянутою рѣчкою и оврагомъ у Арентьѐръ, и далѣе, между этимъ селеніемъ и лѣсомъ, близъ Левиньи (Levigny).

Непріятель, въ ночи съ 14-го (26-го) на 15-е (27-е) февраля, занялъ городъ и мостъ на дорогѣ въ Спой войсками дивизіи Дюгѐма· кавалерія Келлермана стояла у Спой; дивизія національной стражи генерала Пактȍ охраняла доланкурскій мостъ; прочая французская пѣхота была расположена въ двѣ линіи, правымъ крыломъ къ Баръ-сюръ-Объ, а лѣвымъ позади Вернонъ-Фе (Vernon-Fait); за нею, у Айлевилля и Мутьѐ, находилась кавалерія Сенъ-Жермена. Число непріятельскихъ войскъ, вмѣстѣ съ прибывшими къ нимъ подкрѣпленіями, простиралось до 30,000 человѣкъ. Лѣвое крыло ихъ не было обезпечено занятіемъ нагорнаго берега впереди Арсонваль; по всей вѣроятности, Удинȍ, не ожидая быть атакованнымъ у Баръ-сюръ-Объ, расположился тамъ не съ тою цѣлью, чтобы, занявъ выгодную для обороны позицію, принять сраженіе, а предполагалъ преслѣдовать Союзниковъ далѣе по дорогѣ къ Лангру ([36]).

Въ семь часовъ утра, графъ Витгенштейнъ съ своимъ корпусомъ выступилъ отъ Коломбей къ Баръ-сюръ-Объ, куда въ то-же время отправились Король Фридрихъ-Вильгельмъ, съ Наслѣднымъ принцемъ и принцемъ Вильгельмомъ (Королемъ Вильгельмомъ I), и князь Шварценбергъ. На равнинѣ противъ города построились въ двѣ линіи войска графа Вреде: на правомъ крылѣ австрійская дивизія генерала Фримона, на лѣвомъ— Баварцы; впереди стоялъ авангардъ графа Палена; Шомонское предмѣстье было занято баварскою пѣхотою; противъ выхода

изъ предмѣстья въ поле стояла батарея; впереди фланговъ боеваго расположенія находились казачьи лавы поддержанныя частью кавалеріи.

Какъ фронтальная атака, въ случаѣ даже взятія Союзниками города, не обѣщала имъ рѣшительнаго успѣха, потому что непріятель могъ занять другія позиціи за ручьями впадающими въ Обу, то рѣшено было обойти Французовъ, на Левины. Съ этою цѣлью, графъ Вреде съ 5-мъ корпусомъ, въ числѣ 20,000 человѣкъ, долженъ былъ повести нападеніе на городъ съ фронта, ограничиваясь фальшивою атакою, пока прочія войска успѣютъ обойти непріятельскую позицію, а потомъ со всѣми силами двинуться впередъ, овладѣть городомъ и быстро преслѣдовать непріятеля. 3-й баталіонъ австрійскихъ егерей, съ двумя эскадронами, расположенный по лѣвую сторону Обы, у Сенъ-Жерменъ, наблюдалъ непріятеля стоявшаго у Спой, а два баталіона 1-го шеклерскаго полка охраняли мостъ у Фонтенъ (Fontaine).

6-му корпусу графа Витгенштейна, въ числѣ 16,000 человѣкъ, поручено двинуться въ обходъ на Арентьѐръ и Арсонваль къ доланкурскому мосту, чтобы преградить Французамъ отступленіе за Обу.

Около десяти часовъ утра, одновременно съ перестрѣлкою завязавшеюся у Баварцевъ въ предмѣстьѣ, корпусъ Витгенштейна, подойдя къ городу, свернулъ вправо съ большой дороги и направился въ обходъ тремя колоннами.

Первая, генералъ-лейтенанта графа Палена, состоявшая изъ полковъ: Гродненскаго, Сумскаго и Ольвіопольскаго гусарскихъ, Чугуевскаго уланскаго и казачьихъ Иловайскаго 12-го, Ребрикова и Власова, съ конною батареей № 23-го, и поддержанная 3-ею пѣхотною дивизіей, должна была двинуться на Арентьѐръ, и далѣе вправо отъ Арсонваля, по направленію къ доланкурскому мосту.

Вторая, генералъ-лейтенанта принца Евгенія виртембергскаго, изъ 4-й пѣхотной дивизіи, направилась также на Арентьѐръ къ высотамъ у Вернонфѐ, фронтомъ къ рѣкѣ Обѣ.

Третія, генералъ-лейтенанта князя Горчакова 2-го, состо-

явшая изъ 5-й и 14-й пѣхотныхъ дивизій и полковъ Псковскаго кирасирскаго и Лубенскаго гусарскаго, была назначена для поддержанія двухъ первыхъ колоннъ, между тѣмъ какъ генералъ-маіоръ Властовъ, съ 23-мъ и 24-мъ егерскими полками, тотчасъ занялъ виноградники у рѣчки Арентьѐръ, для прикрытія обходнаго движенія прочихъ войскъ ([37]).

Еслибы войска графа Витгенштейна предприняли этотъ обходъ прямо отъ Линьоль и выступивъ ранѣе, обошли съ разсвѣтомъ непріятеля, то застали-бы его въ расплохъ и безъ большихъ усилій овладѣли-бы позиціей, которая тогда еще не была занята надлежащимъ образомъ. Напротивъ того, обходъ предпринятый въ виду непріятеля обнаружилъ намѣреніе Союзниковъ. Удинò, замѣтя съ высотъ движеніе русскихъ колоннъ къ Арентьѐръ, немедленно занялъ лѣсъ у Левиньи и построилъ свою армію въ боевой порядокъ на высотахъ, позади коихъ пролегаетъ дорога изъ Баръ-сюръ-Объ на Айлевилль къ Арсонвалю. Дивизія Дюгѐма получила назначеніе оборонять городъ; изъ войскъ дивизіи генерала Гамелинѐ, бригада Белера (Belair) заняла вершину малепенскаго платò; а бригада Жарри (Jarri) стала за нею въ резервѣ, у Валь-де-Винь (Val de Vignes); дивизія Леваля (Leval) расположилась лѣвѣе на гребнѣ высотъ, фронтомъ къ селенію Вернонфѐ; бригада Шассѐ (дивизіи Бойѐ де-Ребеваль) и за нею дивизія Ротембурга—на лѣвомъ крылѣ; дивизія Пактò за доланкурскимъ мостомъ; кавалерія Сенъ-Жермена, въ резервѣ, у Мутьѐ (Moutier); кавалерія Келлермана у Спой (Spoy), на дорогѣ въ Вандёвръ; значительная часть орудій, именно вся артиллерія 7-го корпуса, оставалась у Маньи (Magny), въ полупереходѣ отъ Баръ-сюръ-Объ ([38]).

Какъ только обнаружилось намѣреніе Союзниковъ атаковать позицію Французовъ, то маршалъ Удино послалъ приказаніе Келлерману прибыть къ Баръ-сюръ-Объ.

Графъ Паленъ, съ кавалеріей первой колонны, достигъ лѣса у Левиньи и двинулся далѣе по направленію къ Арсонвалю; а 4-й и 34-й егерскіе полки, за нимъ слѣдовавшіе, открыли непріятеля въ левиньскомъ лѣсу и завязали съ нимъ

перестрѣлку. Принцъ Евгеній виртембергскій съ 4-ою дивизіей направился на высоты у Вернопфé, и встрѣтивъ высланную противъ него бригаду Шассе сильнымъ огнемъ своихъ батарей, овладѣлъ мызою.

Тогда-же генералъ Властовъ, съ 23-мъ и 24-мъ егерскими полками, взойдя на гору близъ селенія Арентьèръ, занялъ находившіеся тамъ виноградники. Генералъ Монфоръ (Montfort), усмотрѣвъ съ малененскихъ высотъ наступленіе русскихъ егерей, перешелъ черезъ оврагъ, съ 101-мъ и 105-мъ линейными полками (дивизіи Леваля), атаковалъ Властова, въ то время, когда большая часть его бригады еще не успѣла взобраться по крутому скату, и опрокинулъ егерей. Самъ Фридрихъ-Вильгельмъ, съ своими сыновьями, Наслѣднымъ принцемъ и принцемъ Вильгельмомъ, устроилъ на-скоро русскіе полки и снова послалъ ихъ противъ наступавшаго непріятеля. Напрасно князь Шварценбергъ просилъ Короля удалиться. «Wo Ihr Platz ist, mein lieber Feldmarschall, da ist auch der meinige,» (Гдѣ ваше мѣсто, любезный фельдмаршалъ, тамъ и мое), отвѣчалъ Король. Графъ Витгенштейнъ, опасаясь, чтобы непріятель, кинувшись въ промежутокъ между войсками его и графа Вреде, не разобщилъ Союзныхъ корпусовъ, приказалъ, въ отмѣну прежней диспозиціи, князю Горчакову съ 3-ею колонною, вмѣсто движенія въ слѣдъ за 2-ою, повернуть, пройдя Арентьèръ, влѣво, и двинуться противъ праваго крыла французской арміи. Самъ Витгенштейнъ съ Псковскимъ кирасирскимъ полкомъ покушался остановить непріятеля, но неимѣлъ успѣха и былъ раненъ, а кирасиры отброшены на каменистую, усаженную виноградниками мѣстность. Только-лишь четыремъ русскимъ орудіямъ, выдвинутымъ на позицію австрійскими офицерами Санхецомъ и Тилсномъ, удалось удержать Французовъ картечью, пользуясь чѣмъ, пѣхота Властова опрокинула непріятеля за оврагъ на малененскія высоты.

Вслѣдъ за тѣмъ войска князя Горчакова, пройдя Арентьèръ, стали дебушировать на сіи высоты. Но прежде еще, нежели они успѣли построиться въ боевой порядокъ, прибыла отъ Спой многочисленная кавалерія Келлермана, перешедшая

чрезъ Обу въ бродъ (gué St Esprit) ниже города. Генералъ Жакино, съ своею легкою дивизіей, атаковалъ и опрокинулъ Псковскихъ кирасиръ и Лубенскихъ гусаръ. Лѣвѣе его, устремилась бѣглымъ шагомъ вся дивизія Леваля. Графъ Витгенштейнъ, замѣтя опасность угрожавшую его войскамъ, отказался отъ предположеннаго обхода и послалъ приказанія возвратиться назадъ—сперва принцу Евгенію виртембергскому, а потомъ и графу Палену, а, между тѣмъ, непріятель былъ удержанъ огнемъ русскихъ батарей выгодно поставленныхъ генералами Левенштерномъ и Костенецкимъ. Генералъ Исмертъ (Ismert), съ одною изъ драгунскихъ бригадъ келлерманова корпуса, кинулся на эти батареи, но артиллерійская рота капитана Нольде, выждавъ его на сто шаговъ, осыпала Французовъ картечью и отразила нѣсколько атакъ стоившихъ непріятелю болѣе 400 человѣкъ. Тѣмъ неменѣе однакоже дивизія Леваля продолжала наступать, а примкнувшая къ ней бригада Шассè поддержанная дивизіей Ротембурга и кавалеріей Сенъ-Жермена, двинулась впередъ противъ принца Евгенія.

Въ эту рѣшительную минуту, Калужскій пѣхотный полкъ (*), подъ начальствомъ подполковника Савиницына, быстро спустился въ оврагъ отдѣлявшій его отъ малепенскихъ высотъ и взобрался на нихъ по крутому скату; капитанъ Ягодовскій, съ головнымъ баталіономъ сего полка, ударилъ во флангъ бригадѣ Белера (Belair), опрокинулъ Французовъ и былъ убитъ. За нимъ слѣдовали Могилевскій, Пермскій и прочіе полки князя Горчакова, поддержанные, по личному распоряженію Короля Фридриха-Вильгельма, огнемъ русской артиллеріи. Въ то-же время, (около четырехъ часовъ по полудни), князь Шварценбергъ приказалъ графу Вреде атаковать правое крыло непріятельской позиціи у Баръ-сюръ-Объ, а генералу Фолькману, съ его бригадою и съ полками драгунскимъ Кнезевича и Шеклерскимъ гусарскимъ, идти въ помощь Русскимъ. Войска Горчакова и принца Евгенія дружно двинулись впередъ, а между

(*) Нынѣ Калужскій пѣхотный Е. В. Короля Прусскаго полкъ.

тѣмъ графу Палену было послано приказаніе снова направиться къ доланкурскому мосту.

Удино̀, замѣтивъ общее наступленіе Союзниковъ, приказалъ своимъ войскамъ сняться съ позиціи. Тогда-же генералъ Дюгемъ на-скоро приготовился къ оборонѣ Баръ-сюръ-Оба. Всѣ улицы были заграждены баррикадами, а на высотахъ позади города поставлены батареи. Графъ Вреде повелъ атаку на Баръ-сюръ-Объ пятью баталіонами, пославъ полковника Гертлинга съ четырьмя баталіонами вправо, чтобы обойти непріятеля съ фланга. Полковникъ Теобальдъ съ 10-мъ баварскимъ линейнымъ полкомъ ворвался въ городъ, но Французы, занявъ стрѣлками всѣ дома̀, оборонялись упорно; надлежало брать съ боя каждое строеніе. Наконецъ, когда Союзники уже овладѣли малепенскими высотами, Дюгемъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ прочихъ войскъ Удино̀, приказалъ очистить городъ. Большая часть его дивизіи ушла по старой дорогѣ, на Спой, а нѣсколько баталіоновъ на Айлевилль. Войска Гертлинга и Фолькмана настигли непріятеля близь Айлевилля, но не успѣли отрѣзать ему отступленіе.

Графъ Паленъ, съ кавалеріей и съ нѣсколькими орудіями 23-й конной и 6-й легкой роты, прибылъ на арсонвальскія высоты къ вечеру, когда большая часть непріятельскихъ войскъ и вся его артиллерія уже находились за Обою; но остальнымъ-же была открыта сильная канонада. Французы, приведенные въ разстройство, отступили частью черезъ доланкурскій мостъ, частью въ бродъ; нѣкоторые ушли внизъ по теченію рѣки къ Діенвилю. Сильный огонь непріятельскихъ батарей, поставленныхъ за рѣкою у моста, заставилъ Союзниковъ прекратить преслѣдованіе.

Войска графа Витгенштейна расположились въ ночи съ 15-го (27-го) на 16-е (28-е) у доланкурскаго моста, Арсонваля и Айлевилля, а войска Вреде между Айлевиллемъ и Баръ-сюръ-Обомъ. Король Прусскій и князь Шварценбергъ возвратились въ Коломбей.

Въ сраженіи при Баръ-сюръ-Объ, Французы, по собственному ихъ показанію, потеряли 2,600 человѣкъ убитыми и ра-

неными и 460 плѣнными. Въ числѣ тяжело-раненыхъ находился генералъ Пинотò. Со стороны-же Союзниковъ уронъ состоялъ:

	убитыми.	ранеными.	плѣнными.
въ русскихъ войскахъ...	3 оф. 146 н. ч.	38 оф. 842 н. ч.	197 чел.
— баварскихъ —	всего выбыло изъ	фронта..	400 —
— австрійскихъ —	— —	— —	250 —

Слѣдовательно Союзники вообще потеряли до 1,900 человѣкъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ командиръ 4-го егерскаго полка (4-ой пѣхотной дивизіи) полковникъ Фонъ-Визинъ. Самъ Шварценбергъ былъ контуженъ. Графъ Витгенштейнъ, легко раненый, оставался до вечера на полѣ сраженія, но впослѣдствіи испросилъ соизволеніе Государя на отъѣздъ изъ арміи и сдалъ начальство надъ корпусомъ генералу Раевскому, командиру гренадерскаго корпуса, на мѣсто котораго поступилъ графъ Ламбертъ. Причиною отбытія графа Витгенштейна было нестолько состояніе его здоровья, сколько неудовольствіе его, возбужденное несогласіемъ съ княземъ Шварценбергомъ и повышеніемъ графа Вреде, произведеннаго въ фельдмаршалы за сраженіе при Баръ-сюръ-Объ, въ коемъ ни Баварцы, ни предводитель ихъ, не имѣли случая стяжать новые лавры. Король Прусскій, участникъ подвиговъ совершенныхъ Русскими въ этомъ дѣлѣ, удостоилъ графа Витгештейна рескриптомъ слѣдующаго содержанія: «въ сраженіи при Баръ-сюръ-Объ я имѣлъ случай быть вновь свидѣтелемъ храбрости Русскихъ и искуснаго предводительства ими, приносящаго вамъ, любезный генералъ, столь много чести. Тѣмъ неожиданнѣе для меня было содержаніе вашего письма, что я раздѣляю убѣжденіе Императора въ вашихъ заслугахъ и отличномъ дѣйствіи войскъ бывшихъ въ семъ сраженіи подъ вашимъ начальствомъ, и могу дать вамъ успокоительное увѣреніе, что Его Величество отдаетъ справедливость вашимъ подвигамъ столько-же сколько и я» ([39]).

Дѣло при Баръ-сюръ-Объ, данное Союзниками по настоянію Короля Прусскаго, могло-бы имѣть болѣе важныя послѣдствія, еслибы обходъ непріятельской позиціи былъ предпри-

нять ранѣе и болѣе значительными силами. Тѣмъ неменѣе однакоже оно принесло несомнѣнную выгоду, обнаруживъ слабость непріятеля и побудивъ Союзниковъ къ возобновленію наступательныхъ дѣйствій ([10]). Впрочемъ князь Шварценбергъ преслѣдовалъ Французовъ весьма слабо. Причины тому изложены въ слѣдующемъ письмѣ начальника его штаба, графа Радецкаго, къ князю Волконскому: «Показанія захваченныхъ вчера плѣнныхъ, особенно донесенія генерала Сеславина о движеніи главныхъ силъ Наполеона къ Дижону, непозволили главнокомандующему воспользоваться одержанными вчера успѣхами съ тою настойчивостью, съ которою мы преслѣдовали-бы непріятеля, еслибъ были увѣрены въ движеніи Наполеона противъ Силезской арміи. Кромѣ того, при чрезвычайномъ утомленіи войскъ, было-бы опасно двинуть ихъ впередъ въ странѣ, непредставляющей никакихъ способовъ продовольствія, не зная на-вѣрно о движеніяхъ непріятеля, потому что еслибы помянутыя извѣстія подтвердились, то намъ пришлось-бы идти назадъ усиленными переходами (?). Все это заставило фельдмаршала послать въ слѣдъ за непріятелемъ кавалерію, поддержанную пѣхотными отрядами съ орудіями.

«Сегодня Кронъ-принцъ виртембергскій атакуетъ Баръ-сюръ-Сенъ; послѣдствія этого дѣла, безъ сомнѣнія, объяснятъ намъ намѣренія непріятеля. Гвардія и резервы останутся у Шомона и Лангра, откуда будутъ имѣть возможность подкрѣпить армію въ обоихъ предположеніяхъ, то есть при движеніи ея впередъ, либо къ Дижону» ([41]).

Такимъ образомъ князь Шварценбергъ, получивъ еще 14-го (26-го) февраля опредѣлительное извѣстіе отъ Блюхера, о наступленіи Наполеона противъ Силезской арміи, уважилъ болѣе сомнительныя свѣдѣнія о движеніи его къ Дижону и прекратилъ преслѣдованіе разбитой арміи маршала Удинò, который, благодаря оплошности Союзнаго главнокомандующаго, снялся, 16-го (28-го) въ семь часовъ утра, съ позиціи у доланкурскаго моста и отошелъ спокойно къ Вандёвръ, оставя для наблюденія аррьергардъ у Маньи. Графъ Паленъ отрядилъ за нимъ въ слѣдъ казаковъ, а самъ, съ присланною на усиленіе его

авангарда 2-ою кирасирскою дивизіей, расположился у Діенвиля и выслалъ разъѣзды къ Пиней и Вандёвръ. 2-й пѣхотный корпусъ принца Евгенія виртембергскаго остался у Арсонваля, занявъ одною бригадою съ четырьмя орудіями доланкурскій мостъ; 1-й пѣхотный корпусъ князя Горчакова сталъ на позиціи между Транигъ и Эклансъ. Корпусъ графа Вреде, отойдя назадъ по шомонской дорогѣ, расположился на своихъ прежнихъ бивакахъ между Баръ-сюръ-Обомъ и Линьолемъ; кавалерія его осталась впереди города, кромѣ легкой бригады Фирегга, высланной за селеніе Спой, для наблюденія за непріятелемъ. Резервамъ, по поводу мнимаго движенія наполеоновой арміи къ Дижону, дано было изъ главной квартиры предписаніе остаться на прежнихъ, квартирахъ, но оно застало ихъ уже на походѣ отъ Лангра въ Коломбей, и по тому они расположились въ окрестностяхъ Шомона. Король Прусскій, прибывъ рано утромъ въ Баръ-сюръ-Объ, объѣхалъ поле сраженія, приказалъ убрать остававшихся тамъ раненыхъ и осмотрѣвъ передовые посты, возвратился въ Коломбей ([42]).

Въ самый день сраженія при Баръ-сюръ-Обѣ, 15-го (27-го), графъ Гіулай, пославъ какъ сказано выше, легкую дивизію принца Морица Лихтенштейна отъ Аркъ-ан-Барруа къ Шатильону, двинулся къ Вёксоль (Veuxolles), для соединенія съ Кронъ-принцемъ виртембергскимъ, который, въ пять часовъ вечера, прибывъ съ своимъ корпусомъ къ Лафертѐ (La-Fertè sur Aube), выслалъ авангардъ вмѣстѣ съ отрядомъ Сеславина по дорогѣ къ Фонтеттъ. Войска эти еще не успѣли отойти двухъ верстъ, какъ изъ лѣса Клервѐ (forêt de Clairvaux) показалась сильная непріятельская кавалерія. Это были дивизіи генераловъ Пирѐ и Бриша, съ пѣхотною бригадою Зиммера, двигавшіяся въ авангардѣ макдональдова корпуса; за ними слѣдовали отъ Ландревиля пѣхотныя дивизіи Брайера и Амей; одновременно съ тѣмъ направились къ Ла-Фертѐ отъ Мюсси-л' Эвекъ кавалерія Л' Эритьѐ и пѣхотная дивизія Альбѐра.

Какъ только появился непріятель, то австрійская легкая кавалерія кинулась ему на встрѣчу, но, будучи встрѣчена сильною канонадою, отступила къ слѣдовавшей за нею гренадер-

ской дивизіи Кленау. Наслѣдный принцъ поддержалъ авангардъ всею своею кавалеріей, но убѣдясь, что непріятель успѣлъ занять выгодную позицію, господствовавшую надъ городомъ, отвелъ войска на правую сторону Обы и разрушилъ мостъ. Въ ночи главная квартира принца находилась въ Клервò, на лѣвомъ берегу рѣки.

На слѣдующій день, 16-го (28-го), утромъ, Макдональдъ, еще не зная о пораженіи Удинò, оставался въ занятой имъ позиціи на высотахъ у Ла-Фертè-сюръ-Объ и даже не разорилъ моста у Сильварувръ (Silvarouvre), въ двухъ верстахъ выше города, довольствуясь загражденіемъ его. Наслѣдный принцъ, соединивъ подъ своимъ начальствомъ, кромѣ виртембергскихъ войскъ, корпусъ Гіулая, австрійскую резервную кавалерію и гренадерскую дивизію Кленау, рѣшился атаковать непріятеля.

Маршалъ Макдональдъ, рано утромъ, отрядивъ по повелѣнію Наполеона къ Труà, для прикрытія находившихся тамъ парковъ, дивизію Амèй съ 500 человѣкъ кавалеріи, считалъ необходимымъ открыть сообщеніе съ войсками Удинò, объ отступленіи котораго къ Вандёвръ ему не было извѣстно. Съ этою цѣлью, оставя дивизіи Брайера, Пирè и Бриша, подъ начальствомъ Мильгò у Ла-Фертè и Сильварувра, самъ Макдональдъ съ дивизіями л'Эритьè и Альбèра предполагалъ идти отъ Фонтеттъ къ Баръ-сюръ-Объ. Но когда драгуны, высланные для развѣданія по дорогамъ къ Баръ и Клервò, встрѣтились съ Союзными войсками, Макдональдъ, убѣдясь въ отступленіи Удинò отъ Баръ-сюръ-Объ и надѣясь соединиться съ нимъ у Вандёвръ, двинулся къ Витри-ле-Круазе (Vitri-le-Croisé), но и тамъ встрѣтясь съ Союзною кавалеріей, возвратился къ Фонтеттъ. Неимѣя возможности сосредоточить всѣ силы французской арміи, онъ заботился о томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, выручить Мильгò, который въ дѣйствительности подвергался большой опасности. Наслѣдный принцъ виртембергскій, поручивъ графу Гіулаю, съ австрійскими войсками 3-го корпуса, занимать непріятеля съ фронта нападеніемъ на Ла-Фертè, оставилъ до прибытія его изъ Вёсоль (Veuxoles), (гдѣ

онъ остановился на почлегъ), кирасировъ Ностица и гренадерскую дивизію Кленау противъ Ла-Фертè, и перевелъ виртембергскій корпусъ къ Клервó, чтобы направиться оттуда въ тылъ Французамъ, къ Сентъ-Юзажъ (St. Usage) и Фонтеттъ.

Въ десять часовъ утра, Наслѣдный принцъ получилъ извѣстіе, что корпусъ Гіулая, принужденный направиться отъ Вѣксоль въ обходъ на Креансè и Шато-Виленъ, не могъ прибыть вскорѣ къ Ла-Фертè. Тѣмъ неменѣе однако-же принцъ перевелъ свои войска на лѣвую сторону Обы по мосту при Клервó и двинулся, по затруднительной, отъ дождей испортившейся дорогѣ, чрезъ клервоскій лѣсъ. Легкая виртембергская кавалерія, предупредивъ непріятеля у Витри-ле-Круазè, заставила его, (какъ выше сказано), возвратиться къ Фонтеттъ. Но пѣхота Кронъ-принца оставалась еще далеко назади, о графѣ Гіулаѣ и войскахъ оставленныхъ противъ города не было никакихъ извѣстій, а между тѣмъ уже наступилъ вечеръ: все это заставило принца прекратить преслѣдованіе непріятеля и остановиться у мызы Сермуазъ, близъ Фонтеттъ.

Графъ Гіулай, прибывъ съ дивизіями Френеля и Вейсса, около двухъ часовъ по полудни, въ окрестности Ла-Фертè-сюръ-Объ, оставилъ противъ города бригаду Пфлюгера, а самъ, съ тремя бригадами Чоллича (Csollich), Гриммера, Франца Сплени, и съ легкимъ отрядомъ генералъ-маіора Сеславина, двинулся, прикрываясь высотами праваго берега Обы, вверхъ по рѣкѣ, къ Сильварувру, чтобы переправиться тамъ на лѣвый берегъ и атаковать непріятеля съ праваго его фланга. По прибытіи къ каменному мосту при Сильваруврѣ, въ три часа по полудни, Австрійцы поставили батарею и открыли канонаду, на которую Французы отвѣчали огнемъ двѣнадцати орудій расположенныхъ генераломъ Брайеромъ на весьма выгодной позиціи. Въ четыре часа, графъ Гіулай приказалъ Чолличу овладѣть мостомъ. Не смотря на сильную оборону его картечью и ружейною пальбою, храбрые солдаты полка Котулинскаго разбросали баррикаду, перешли черезъ мостъ и взобравшись на высоты занятыя непріятелемъ, опрокинули его въ лѣсъ; фельдмаршалъ-лейтенантъ Френель, съ бригадою Пфлюгера, исправилъ

подъ огнемъ французскихъ батарей мостъ у Ла-Фертè, овладѣлъ городомъ и выслалъ кавалерію въ слѣдъ за непріятелемъ къ Фонтеттъ, гдѣ Мильгó, собравъ свою колонну, присоединился къ прочимъ войскамъ Макдональда. Какъ въ это самое время Макдональдъ получилъ изъ Вандёвръ извѣстіе о послѣдствіяхъ сраженія при Баръ-сюръ-Объ, то Французы, несмотря на утомленіе ихъ, отступали всю ночь, чтобы придти прежде Союзниковъ въ Баръ-сюръ-Сенъ. Кавалерія Мильгó прикрывала движеніе пѣхоты. Казаки генерала Сеславина преслѣдовали непріятеля до полуночи; графъ Гіулай, присоединивъ къ своимъ войскамъ дивизію графа Кренневиля, расположилъ ихъ частью по квартирамъ, частью на бивакахъ, въ Ла-Фертè и окрестностяхъ сего города, а Кронъ-принцъ виртембергскій съ 4-мъ корпусомъ остановился у Шампиньолъ (Champignolle).

Въ дѣлѣ при Ла-Фертè-сюръ-Объ, Французы, по собственному ихъ признанію, потеряли 600 человѣкъ убитыми и ранеными и 150 человѣкъ плѣнными. Уронъ Союзниковъ убитыми и ранеными также простирался до 600 человѣкъ ([13]).

На другой день послѣ дѣла при Ла-Фертè-сюръ-Объ, 17-го февраля (1-го марта), Союзники скрѣпили Коалицію противъ Наполеона договоромъ въ Шомонѣ.

Цѣлью шомонскаго договора, коего первоначальная идея принадлежитъ партіи войны, слѣдовательно Россіи и Пруссіи, было съ одной стороны—прекратить разногласіе Союзниковъ столь много вредившее успѣху общаго дѣла, а съ другой—побудить Наполеона къ большей уступчивости, устрашивъ Французовъ многолѣтнею борьбою съ раздраженною ими Европою.

Главными постановленіями сего договора, заключеннаго Императорами Австрійскимъ и Всероссійскимъ и Королями Великобританскимъ и Прусскимъ, были слѣдующія условія:

§ 1. Въ случаѣ несогласія Франціи на предложенія Союзниковъ, продолжать войну всѣми средствами, въ неразрывной между собою связи, чтобы достигнуть общаго мира, обезпечивающаго ненарушимость правъ и независимость государствъ.

......Каждая изъ договаривающихся Державъ обязывается

выставлять, во всякое время, противъ общаго непріятеля по 150-ти тысячъ человѣкъ, не считая гарнизоновъ.

§ 2. Союзники обязываются взаимно не открывать съ непріятелемъ никакихъ отдѣльныхъ переговоровъ и не заключать съ нимъ ни мира, ни перемирія, ни какого-либо инаго договора, иначе, какъ съ общаго согласія.

§ 3. Англія обязуется ежегодно уплачивать пять милліоновъ фунт. стерл. (около 33-хъ милліоновъ рублей серебромъ) субсидій, которыя положено дѣлить по-ровну между тремя континентальными Державами.

§§ 7 и 8. Въ случаѣ нападенія на какую-либо изъ Союзныхъ Державъ, каждая изъ прочихъ обязывалась, въ продолженіе неболѣе двухъ мѣсяцевъ, выставить вспомогательный корпусъ, въ числѣ 60,000 человѣкъ, изъ коихъ 50,000 пѣхоты и 10,000 кавалеріи.

§ 9. Англія обязывалась дополнить условленное на ея часть число войскъ иностранными контингентами, уплачивая за каждаго пѣхотинца 20 (132 рубля), а за всадника 30 фунт. стерл. (около 200 рублей).

§ 16. Договору сему, имѣвшему цѣлью возстановить политическое равновѣсіе, обезпечить спокойствіе и неприкосновенность государствъ и положить преграду произвольному нарушенію правъ и владѣній, положено дать силу въ теченіи двадцати лѣтъ. Сверхъ того, Союзныя Державы предоставили себѣ право продолжить заключенный ими договоръ, если обстоятельства того потребуютъ.

Секретныя условія шомонскаго договора заключались:

§§ 1 и 2. Въ возстановленіи Германскаго Союза, изъ самостоятельныхъ владѣтелей; въ признаніи независимости Швейцаріи; въ опредѣленіи участи Италіи, Испаніи и Голландіи; въ предоставленіи Испаніи, Португаліи, Швеціи и принцу Оранскому присоединиться къ союзу утвержденному симъ договоромъ.

§ 3. Принявъ во вниманіе, что Союзники, по заключеніи мира, могутъ быть поставлены въ необходимость держать въ готовности достаточныя силы для охраненія сдѣланныхъ ими

распоряженій, положено условиться между собою на счетъ числа и распредѣленія войскъ, которыя останутся на военномъ положеніи въ продолженіе одного года (11).

Шомонскій договоръ, какъ оплотъ Европы противъ Наполеона, есть одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ первой половины XIX-го столѣтія. Но непосредственное вліяніе его на политическія и военныя событія было почти незамѣтно. По прежнему Союзный главнокомандующій ограничивался выжиданіемъ тогда, когда надлежало дѣйствовать рѣшительно.

ГЛАВА XIII.

Вторичное движеніе Блюхера изъ долины Сены въ долину Марны и дѣйствія его противъ Мармона и Мортье. Вторичное наступленіе Наполеона противъ Блюхера.

СОДЕРЖАНІЕ.

Движеніе Блюхера отъ Мери къ Сезаннѣ. Предложеніе князя Шварценберга—возвратиться въ долину Обы. Дальнѣйшее наступленіе Блюхера.—Отступленіе Мармона и соединеніе его съ маршаломъ Мортье у Ла-Ферте-су-Жуаръ. Французскія войска уходятъ за Марну.—Обходное движеніе Сакена къ Мо.—Переправа Блюхера на правую сторону Марны. Предписанія его генераламъ Винцингероде и графу Сенъ-Пріесту.—Отступленіе Французовъ за рѣку Уркъ —Дѣйствія на рѣкѣ Уркъ.—Движеніе Блюхера къ Энѣ. *Дѣло при Нёльи.*

Прибытіе корпуса Винцингероде въ Реймсъ и соединеніе его съ войсками Воронцова, Строганова и Тетенборна. Прибытіе корпуса Бюлова въ Ланъ (Laon). Отряженіе генерала Тюмена къ Ла-Ферѣ. Прибытіе изъ Бельгіи къ Ла-Ферѣ отряда полковника Гейсмара. Сдача Ла-Фера.—Движеніе Винцингероде и Бюлова къ Суассону. Лёвенштернъ въ Суассонѣ. Сдача этого города. — Переходъ Силезской арміи на правую сторону Эны; число и расположеніе блюхеровыхъ войскъ.

Движеніе Наполеона отъ Труа̀ къ Ла-Фертѐ-су-Жуаръ и переправа на правую сторону Марны. Планъ дѣйствій его. Наступленіе французскихъ войскъ къ Энѣ.—Отступленіе Чернышева за Эну.—Отряженіе Корбино̀ къ Реймсу, а Мармона и Мортье къ Суассону.—Взятіе Французами Реймса.—Оборона Суассона Рудзевичемъ.—Народныя вооруженія въ восточныхъ департаментахъ Франціи.—Покушенія Наполеона возбудить народную войну.

Фельдмаршалъ Блюхеръ, получивъ разрѣшеніе Союзныхъ Монарховъ—двинуться въ долину Марны, и по присоединеніи къ своей арміи корпусовъ Бюлова и Винцингероде, наступать къ Парижу, выступилъ, на разсвѣтѣ 12-го (24-го февраля, отъ Мери къ Бодемонъ (нѣсколько ниже Англюра), гдѣ

были устроены три понтонныхъ моста, и перевелъ свои войска на правую сторону Обы. Арріергардъ Кацлера оставался въ Мери, а резервная кавалерія обоихъ прусскихъ корпусовъ, обезпечивъ отступленіе Кацлера, отошла въ слѣдъ за нимъ къ мѣсту переправы, а, между тѣмъ, чтобы скрыть отъ непріятеля передвиженіе арміи, задержаны были всѣ жители Мери и оставлены команды для поддержанія бивачныхъ огней. Часть кавалеріи Мармона, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, стоявшая на правой сторонѣ Обы, отступила безъ боя на главныя силы маршала, къ Сезаннѣ ([1]). Вечеромъ была получена отъ князя Шварценберга депеша, въ которой Союзный главнокомандующій изъявилъ желаніе, на случай генеральнаго сраженія, соединить обѣ арміи и предложилъ Блюхеру двинуться на Пиней къ Лемону, либо къ Діенвилю, и стать на правомъ крылѣ корпуса графа Витгенштейна. Но въ главной квартирѣ Блюхера, по обсужденіи предложенной мѣры, предпочли продолжать движеніе въ долину Марны, потому что для обратной переправы черезъ Обу и движенія къ Пиней требовалось, по крайней мѣрѣ, двое сутокъ, въ продолженіи коихъ непріятель могъ занять Труà и устремясь во флангъ и тылъ войскамъ Силезской арміи, поставить ихъ въ опасное положеніе. Извѣстивъ князя Шварценберга о своемъ намѣреніи—идти въ долину Марны ([2]), Блюхеръ отдалъ диспозицію къ наступленію противъ Мармона, который, по полученнымъ извѣстіямъ, стоялъ, съ 6,000 человѣкъ пѣхоты и 1,600 кавалеріи, у Сезанны, въ разстояніи небольшаго перехода отъ Силезской арміи расположенной въ окрестностяхъ Англюра.

13-го (25-го), войска Блюхера выступили противъ Мармона двумя колоннами: въ лѣвой корпусъ Сакена и войска графа Ланжерона, состоявшія за отсутствіемъ его подъ начальствомъ генерала Капцевича, отъ Бодемона на Барбоннъ, а въ правой корпусы Іорка и Клейста отъ Англюръ по большой дорогѣ на Шишей (Chichey); кавалерія Васильчикова, двигавшаяся въ авангардѣ русскихъ войскъ, должна была обойти непріятеля съ праваго фланга, а кавалерія корпуса Іорка — въ головѣ прус-

ской пѣхоты—направилась въ обходъ лѣваго фланга Французовъ; кавалерія-же Корфа и клейстова корпуса слѣдовали за пѣхотою обѣихъ колоннъ, въ резервѣ. 9-я бригада Клюкса двинулась отъ Планси на присоединеніе къ правой колоннѣ; отрядъ полковника ф. Лобенталя, прибывшій отъ Нанси, въ числѣ 2,200 человѣкъ (3), къ Витри, 10-го (22-го), получилъ приказаніе идти на Судъ-Сепъ-Круа, Пуавръ и Плёръ (Pleurs), въ слѣдъ за бригадою Клюкса (4).

Но Мармонъ, убѣдясь въ превосходствѣ наступавшихъ противъ него войскъ, отступилъ къ Ла-Ферте-Гошѐ. Союзники слѣдовали за нимъ къ Эстернѐ (Esternay) и Трефо̀ (Treffaux). Мортьѐ, стоявшій съ 3-го (15-го) февраля у Виллеръ-Котерѐ, замѣтя наступленіе корпуса Винцингероде къ Марнѣ, оставилъ въ Суассонѣ сильный гарнизонъ, подъ начальствомъ генерала Моро, а съ прочими войсками перешелъ къ Шато-Тіери и соединился тамъ 12-го (24-го) съ летучимъ отрядомъ генерала Винсена (5).

14-го (26-го), Силезская армія двинулась, по прежнему въ двухъ колоннахъ, къ Ла-Фертѐ-Гошѐ. Но когда передовыя Союзныя войска подошли къ этому мѣстечку, арріергардъ Мармона сжегъ мостъ на рѣчкѣ Большомъ-Моренъ и отступилъ въ слѣдъ за главными силами корпуса на Ребѐ (Rebais) къ Ла-Ферте-су-Жуаръ; фельдмаршалъ, желая обойти непріятеля съ праваго фланга и отрѣзать его отъ Парижа, направилъ русскія войска, за исключеніемъ кавалеріи Корфа, къ Куломьѐ, а прусскія на Ребѐ; кавалерія Корфа была оставлена въ арріергардѣ у Ла-Фертѐ-Гошѐ. На слѣдующій день Мортье съ своимъ корпусомъ присоединился къ Мармону у Ла-Фертѐ-су-Жуаръ. Прусскія войска преслѣдовали непріятеля къ селенію Жуаръ; русскія—двинулись къ Трильпору; отрядъ Корфа по прежнему оставался у Ла-Фертѐ-Гошѐ, для наблюденія со стороны Сены. Маршалы, опасаясь потерять сообщеніе съ Парижемъ, немедленно перешли за Марну, уничтожили за собою мостъ у Ла-Фертѐ-су-Жуаръ и направились къ Мо, отрядивъ, для прикрытія этого движенія, дивизію Рикара и кавалерію Думерка къ Трильпору. Между тѣмъ Сакенъ, пославъ

*

Капцевича съ 9-мъ и 10-мъ корпусами къ Трильпору, двинулся съ прочими войсками къ Мо (Meaux), чтобы занять сей городъ и стать на пути непріятеля къ Парижу.

Городъ Мо состоитъ изъ трехъ частей: главная, черезъ которую пролегаетъ большая дорога изъ Шалона въ Парижъ, лежитъ на правой сторонѣ Марны; другая на острову, между рукавами рѣки, а третія на полуостровѣ, въ изгибѣ лѣваго берега Марны: чрезъ послѣднюю, извѣстную подъ названіемъ предмѣстья Корнильонъ (Cornillon), проходитъ дорога изъ Куломье. Для сообщенія между частями города служили каменные мосты. Передовыя войска Сакена ворвались въ предмѣстье, овладѣли ближайшимъ мостомъ и завязали перестрѣлку съ національною стражею. Самъ Мармонъ, замѣтивъ угрожавшую ему опасность, кинулся съ нѣсколькими стами морскихъ канониръ на встрѣчу русскимъ стрѣлкамъ, выбилъ ихъ изъ города и сжегъ мостъ подъ градомъ пулей. Какъ мостъ у Трильпора также былъ уничтоженъ непріятелемъ, то Союзники остановились въ ожиданіи наводки двухъ понтонныхъ мостовъ между Ла-Ферте и Самеронъ. Какъ только эти мосты были готовы, то кавалерія Кацлера и корпусъ Клейста ввечеру перешли на правую сторону Марны; корпусъ Сакена переправился уже въ ночи; прочія-же войска Блюхера оставались на лѣвомъ берегу рѣки. Генералъ-маіоръ Гернгроссъ, съ полками Митавскимъ драгунскимъ, 2-мъ и 3-мъ Украинскими, казачьимъ Селиванова 2-го и съ двумя орудіями, былъ отряженъ стоявшимъ у Ла-ферте-Гоше генералъ-адъютантомъ Корфомъ къ Провенъ, для развѣданія о непріятелѣ, а полковникъ Селивановъ, съ своимъ полкомъ, направленный къ Вилленоксъ, открылъ тамъ большой французскій бивакъ. Получивъ о томъ донесеніе, Блюхеръ неизмѣнилъ однакоже своего намѣренія — преслѣдовать настойчиво отступавшаго предъ нимъ непріятеля. Генералу Винцингероде, тогда находившемуся въ окрестностяхъ Реймса, было послано приказаніе двинуться къ Мо на присоединеніе къ Силезской арміи, а генералу Сенъ-Пріесту, двигавшемуся по направленію къ Витри — остановиться на Марнѣ, собрать подкрѣпленія прибывавшія съ Рейна къ Силезской арміи и

идти, смотря по обстоятельствамъ, къ Шалону, Реймсу, либо къ Фимъ (6).

Французскіе маршалы, узнавъ о переправѣ Союзниковъ черезъ Марну выше Трильпора, рѣшились остановить ихъ, расположась на рѣкѣ Уркъ (Ourcq). Тогда-же, 16-го (28-го) февраля, корпусъ Клейста двинулся къ Лизи (Lisy), чтобы перейти тамъ черезъ Уркъ въ слѣдъ за авангардомъ генерала Кацлера, который, найдя мостъ на Уркъ уничтоженнымъ, возстановилъ его и двинулся по направленію къ Мо, къ рѣчкѣ Теруаннъ (Therouanne). Пѣхота Кацлера заняла Ге-а-Тремъ (Gué-a-Tremes); кавалерія его частью фланкировала съ непріятельскою, частью была выслана, подъ начальствомъ полковника Блюхера, для развѣданія, по дорогамъ къ Мо и Кле (Clay). Войска-же клейстовы расположились, по утру 16-го (28-го, на возвышеніяхъ праваго берега Уркъ, въ двухъ верстахъ позади пѣхоты авангарда. Между тѣмъ Мармонъ и Мортье рѣшились атаковать Клейста, надѣясь разбить его прежде нежели прочіе Союзные корпусы могли придти къ нему въ помощь Нападеніе было открыто огнемъ 14-ти французскихъ орудій; за тѣмъ— генералъ Христіани, съ дивизіей Старой гвардіи, двинулся противъ Клейста; за нимъ слѣдовали прочія войска Мармона. Генералъ Клейстъ, не имѣя возможности сдѣлать въ виду непріятеля фланговое движеніе къ Лизи, приказалъ сломать тамъ мостъ и отступилъ по суассонской дорогѣ къ Нёвшель (Neufchelles). Мармонъ настойчиво преслѣдовалъ его до селенія Май (May), а Мортьè перешелъ къ Лизи. Уронъ клейстова корпуса простирался до 945-ти человѣкъ (7).—Корпусъ Іорка, переправясь въ ночи черезъ Марну, сталъ биваками у Ла-Ферте-су-Жуаръ, гдѣ также находились главныя квартиры Блюхера и генерала Іорка; прочія-же Союзныя войска еще оставались на лѣвой сторонѣ рѣки.

Въ это время, Наполеонъ съ главными силами уже прибылъ въ окрестности Сезанны, но Блюхеръ, хотя и получилъ о томъ извѣстіе отъ генерала Корфа (8), однакоже рѣшился атаковать непріятеля стоявшаго на Уркѣ большею частью Союзныхъ войскъ. Съ этою цѣлью, еще въ ночи на 1-е мар-

та н. ст, 7-й и 37-й егерскіе полки были посланы къ Лизи, для овладѣнія этимъ селеніемъ и занятія непріятеля съ фронта, а всѣ прочія войска Блюхера направлены къ Круи, для переправы на семъ пунктѣ и обхода съ лѣваго фланга позиціи занятой Французами. Русскіе егеря перешли черезъ Уркъ и заняли селеніе Лизи, но были выбиты оттуда и принуждены возвратиться на лѣвый берегъ рѣки, а генералъ Іоркъ, найдя мостъ у Круи разрушеннымъ, двинулся далѣе къ Фюленъ (Fulaines). Какъ тогда уже было шесть часовъ по полудни, то Блюхеръ приказалъ войскамъ Капцевича на-скоро исправить мостъ у Жевръ и тамъ переправиться, что̀ и было исполнено; авангардъ русскаго корпуса, перейдя черезъ Уркъ, опрокинулъ кавалерію Думерка, но встрѣтясь съ главными силами Французовъ, отступилъ на лѣвую сторону рѣки съ потерею четырехъ сотъ человѣкъ; въ числѣ раненыхъ былъ генералъ-маіоръ Мусинъ-Пушкинъ (9).

Въ продолженіи ночи съ 1-го на 2-е марта н. ст. прибылъ въ помощь маршаламъ изъ Парижа генералъ Порé-де-Морванъ съ гвардейскимъ отрядомъ, въ числѣ шести тысячъ человѣкъ пѣхоты и тысячи кавалеріи съ 48-ю орудіями. Войска эти были встрѣчены Французами громкими восклицаніями, что̀, вмѣстѣ съ шумомъ двигавшейся артиллеріи, ввело въ заблужденіе Союзниковъ на счетъ силы подкрѣпленій прибывшихъ къ непріятелю. Тогда-же пришло извѣстіе въ главную квартиру Блюхера о наступленіи Наполеона съ гвардіей черезъ Сезаннъ. Фельдмаршалъ, имѣя въ виду соединиться съ корпусами Бюлова и Винцингероде, подошедшими къ Суассону, прекратилъ дѣйствія противъ Мармона и Мортье и двинулся къ Энѣ (Aisne), чтобы переправиться на правую сторону этой рѣки. Корпусъ Іорка, выступивъ 18-го февраля (2-го марта) уже по полудни и будучи принужденъ двигаться ночью, по дурнымъ дорогамъ, въ ненастную погоду, прибылъ къ Ульши лишь на разсвѣтѣ 19-го февраля (3-го марта). Прочимъ-же корпусамъ было приказано выступить туда-же ввечеру и въ ночи, а въ ожиданіи того предписано генералу Клейсту, съ передовыми войсками его корпуса, сдѣлать рекогносцировку къ селенію Май,

для разузнанія о силахъ и расположеніи непріятеля стоявшаго за тамошними высотами. Эта рекогносцировка была поручена генералъ-лейтенанту Цитену, съ 9-ю бригадою, тремя кавалерійскими полками и двумя конными орудіями ([10]). Отрядъ Цитена, опрокинувъ нѣсколько эскадроновъ французской кавалеріи, захватилъ много плѣнныхъ, но вслѣдъ за тѣмъ непріятель, развернувъ на высотахъ у Май до 3,000 человѣкъ кавалеріи и отъ 5-ти до 6-ти тысячъ пѣхоты съ нѣсколькими батареями, большею частью значительнаго калибра, открылъ сильную канонаду по русскимъ войскамъ и подбилъ шесть орудій конной батареи № 8-го. Какъ въ то-же время двинулась впередъ дивизія Рикара, поддержанная дивизіей Лагранжа, то генералъ Клейстъ выслалъ свою резервную кавалерію въ помощь Цитену.

Въ пять часовъ по полудни, когда бой былъ въ полномъ разгарѣ, генералъ Клейстъ получилъ приказаніе отойти за Уркъ и расположиться на ночь въ арріергардѣ арміи отступавшей на Ла-Ферте-Милонъ къ Ульши-ле-Шато̀. По достиженіи Марёль (Mareuil), гдѣ надлежало Клейсту переправиться черезъ Уркъ, корпусъ его сошелся съ войсками Капцевича, еще неуспѣвшими отступить. Какъ непріятель настойчиво преслѣдовалъ его, то онъ рѣшился направить часть войскъ на встрѣчу Французамъ для задержанія ихъ наступленія. Полковникъ Блюхеръ (сынъ фельдмаршала), съ двумя баталіонами, 1-мъ Силезскимъ гусарскимъ полкомъ и шестью орудіями, смѣло кинулся на Французовъ, и несмотря—ни на сильную канонаду ихъ, подбившую у него 4 орудія, ни на многократныя атаки несравненно сильнѣйшаго непріятеля, удерживался впереди переправы, пока оба Союзные корпуса отступили за Уркъ, а потомъ отошелъ за сію рѣку. Корпусъ Клейста двинулся въ ночи къ Нёльи-Сенъ-Фронъ, а отрядъ Блюхера снялся съ занятой имъ позиціи у Марёль за часъ до разсвѣта и слѣдовалъ въ арріергардѣ за прочими войсками ([11]).

Движеніе фельдмаршала Блюхера къ Ульши имѣло цѣлью соединеніе находившихся при немъ войскъ съ корпусами Бюлова и Винцингероде, но какъ оба они въ то время еще на-

ходились на правой сторонѣ Эны, а Наполеонъ съ своими главными силами уже подходилъ къ Марнѣ, то прусскій фельдмаршалъ, желая уклониться отъ боя до прибытія ожидаемыхъ подкрѣпленій и не надѣясь отойти за Эну кратчайшимъ путемъ на Суассонъ, занятый сильнымъ непріятельскимъ гарнизономъ, рѣшился переправиться выше сего города; съ этою цѣлью, 19-го февраля (3-го марта), Блюхеръ послалъ понтонный паркъ къ Бюзанси и самъ отправился туда-же. Тамъ узналъ онъ о прибытіи корпусовъ Бюлова и Винцингероде къ Суассону и о сдачѣ Союзникамъ этого важнаго пункта, что̀ способствовало ему немедленно переправиться тамъ на правую сторону Эны и сосредоточить свои силы. Въ продолженіе отступленія корпусовъ Іорка и Сакена къ Суассону, произошло довольно упорное арріергардное дѣло при Нёльи (Neuilly-St-Front).

Въ 10 часовъ утра, генералъ Думеркъ, съ передовыми непріятельскими войсками, настигъ отрядъ полковника Блюхера, тогда стоявшій между Ла-Фертѐ-Милонъ и Пасси (Passy). Французы, открывъ огонь изъ нѣсколькихъ легкихъ орудій противъ Блюхера съ фронта, направились въ обходъ его лѣваго фланга. Генералъ Клейстъ тотчасъ послалъ свою резервную кавалерію въ помощь арріергарду и пригласилъ находившагося въ сосѣдствѣ генералъ-адъютанта Корфа поддержать его русскою кавалеріей. Генералъ Корфъ перешелъ обратно въ бродъ черезъ рѣку Уркъ и готовился усилить Клейста всѣми своими войсками, но получивъ между тѣмъ отъ остававшихся назади казаковъ извѣстіе о появленіи десяти французскихъ эскадроновъ со стороны Круи, отрядилъ въ помощь казачьимъ полкамъ генералъ-маіора Гернгросса съ Митавскимъ драгунскимъ и 2-мъ Украинскимъ полками; генералъ-маіоръ Денисьевъ, съ полками Сѣверскимъ конно-егерскимъ, 3-мъ Украинскимъ и двумя конными орудіями, усилилъ лѣвое крыло прусскаго арріергарда; остальная-же корфова кавалерія съ конною артиллеріей выстроилась впереди Нёльи, по лѣвую сторону лѣса занятаго по распоряженію Капцевича 15-ою пѣхотною дивизіей. Генералъ Клейстъ, съ помощью этихъ войскъ, успѣлъ перевести свою

пѣхоту черезъ мостъ на лѣвую сторону Уркъ; кавалерія-же его и Корфа продолжала удерживать непріятеля почти до самаго вечера, а потомъ перешла черезъ рѣку въ бродъ выше моста, оставя его для переправы остальной артиллеріи. Мармонъ, успѣвъ собрать всѣ войска своего корпуса, двинулся къ мосту, но, будучи встрѣченъ огнемъ поставленныхъ за нимъ 24-хъ орудій, подъ прикрытіемъ бригады генералъ-маіора Керна (*), остановился и ограничился слабою канонадою. Въ пять часовъ по полудни, генералъ Капцевичъ, получивъ приказаніе Блюхера—отступить въ слѣдъ за прочими войсками къ Суассону, оставилъ у моста шесть орудій конной роты № 8-го полковника Шушерина съ прикрытіемъ стрѣлковой цѣпи. Непріятель выдвинулъ до тридцати орудій, и перейдя черезъ мостъ и въ бродъ, въ значительныхъ силахъ, кинулся на батарею Шушерина, но былъ удержанъ посланными на выручку ея Каргопольскими и Новороссійскими драгунами. Кавалерія генералъ-адъютанта Корфа оставалась въ ночи съ 19-го на 20-е февраля (съ 3-го на 4-е марта) у Билли (Billy) на Уркѣ; корпусы Капцевича и Клейста—у Парси (Parcy), недоходя Нойона (Noyon), а корпусы Іорка и Сакена отошли къ Суассону. Въ дѣлѣ при Нёльи уронъ Русскихъ вообще былъ болѣе 300 человѣкъ ([12]).

Обратимся къ дѣйствіямъ генераловъ Винцингероде и Бюлова, предшествовавшимъ сдачѣ Суассона.

12-го (24-го) февраля, корпусъ Винцингероде прибылъ въ Реймсъ (**), гдѣ, по присоединеніи къ нему шести слабыхъ баталіоновъ 12-й дивизіи генералъ-маіора князя Хованскаго, число войскъ въ немъ вообще простиралось до 19,000 человѣкъ съ 80-ю орудіями ([13]). Наслѣдный шведскій принцъ, послѣ ратификаціи трактата заключеннаго имъ съ датскимъ правительствомъ въ Килѣ, приказалъ войскамъ графа Воронцова, графа Строганова и Тетенборна поспѣшно идти во Францію. Первый изъ нихъ, въ началѣ (въ половинѣ) генваря еще находившійся

(*) Бѣлозерскій пѣхотный и 48-й егерскій полки.

(**) Глава X-я.

за Эйдеромъ, двинулся чрезъ Мюнстеръ къ Кельну, перешелъ тамъ чрезъ Рейнъ, 27-го генваря (8-го февраля), и направясь далѣе на Ахенъ, Намюръ, Шарлеруа и Бомонъ, присоединился къ корпусу Винцингероде въ Эпернѐ 11-го (23-го) февраля. Отрядъ генералъ-маіора Тетенборна, при заключеніи мира съ Даніею стоявшій въ герцогствѣ Шлезвигскомъ, выступилъ изъ Фридрихштадта 12-го (24-го) генваря, прошелъ черезъ Кельнъ 31-го (12-го февраля н. ст.), двинулся оттуда на Триръ и Монмеди, разсѣялъ у Вузьѐ (Vouziers) толпу вооруженныхъ крестьянъ, поддержанную отрядомъ жандармовъ, и на слѣдующій день, 13 (25), прибылъ въ Реймсъ. Генералъ Винцингероде выслалъ тетенборновъ отрядъ, для развѣданія о непріятелѣ, къ Феръ-Шампенуазъ. Тамъ онъ былъ атакованъ, въ ночи съ 15-го (27-го) на 16-е (28-е), кавалеріей Наполеона, тогда двигавшагося въ тылъ Блюхеру, и пославъ донесенія о томъ генералу Винцингероде и князю Шварценбергу, отошелъ въ долину Марны къ Эпернѐ. Отрядъ графа Строганова выступилъ изъ окрестностей Гамбурга въ половинѣ (въ концѣ) генваря и прибылъ въ Реймсъ нѣсколько позже Тетенборна. Такимъ образомъ, въ половинѣ (въ концѣ) февраля, генералъ Винцингероде, успѣвъ собрать весь свой корпусъ въ Реймсѣ, оставался тамъ въ ожиданіи распоряженій Блюхера ([14]).

Генералъ Бюловъ, оставя бригаду Борстеля, въ составѣ 10-ти баталіоновъ и 10-ти эскадроновъ, всего около 10,000 человѣкъ, для содѣйствія герцогу саксенъ-веймарскому въ Бельгіи, и еще не успѣвъ присоединить къ своимъ войскамъ 6 баталіоновъ и два эскадрона бригады Зелинскаго, находившіеся прежде при отрядѣ Грегама и подъ Горкумомъ, прибылъ съ остальными силами своего корпуса къ Лану (Laon) 12-го (24-го) февраля. Тамъ получено было свѣдѣніе, что укрѣпленный городъ Ла-Феръ, заключавшій въ себѣ значительные склады военныхъ запасовъ, былъ занятъ слабымъ гарнизономъ. Бюловъ поручилъ генералъ-маіору Тюмену, съ двумя съ половиною баталіонами, четырьмя эскадронами и одною батареей, ([15]) обозрѣть Ла-Феръ, и, если окажется возможнымъ, овладѣть имъ. Генералъ Тюменъ, подойдя къ этому городу,

15-го (27-го) февраля, въ полдень, узналъ, что полковникъ Гейсмаръ, съ своимъ летучимъ отрядомъ, высланнымъ отъ 3-го германскаго корпуса (*), стоялъ близъ Ла-Фера, по другую сторону Уазы (Oise) и занималъ селеніе Шони (Chauny).

Дѣйствительно полковникъ Гейсмаръ, съ летучимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ казачьяго полка Чернозубова и двухъ саксонскихъ эскадроновъ, получивъ приказаніе пройти между крѣпостями занятыми непріятелемъ въ Пикардію, вступилъ въ Куртрѐ, 3-го (15-го) февраля, обнародовалъ тамъ воззваніе, въ которомъ призывалъ Французовъ признать законнаго ихъ Государя Людовика XVIII ([16]), и двинулся мимо Лилля, и далѣе между Эръ (Aire) и Сенъ-Венанъ (St-Venant), къ Сенъ-Поль, гдѣ захватилъ въ плѣнъ и распустилъ по домамъ 200 конскриптовъ, 7-го (19-го) февраля. На слѣдующій день, Гейсмаръ захватилъ 30 конскриптовъ въ Дулленъ (Doullens), а 9-го (21-го) и 10-го (22-го) разбилъ непріятельскій отрядъ, въ числѣ болѣе тысячи человѣкъ, и овладѣвъ дулленскою цитаделью, снабдилъ ее гарнизономъ, составленныхъ изъ освобожденныхъ Испанцевъ и Англичанъ, съ продовольствіемъ на цѣлый годъ. Какъ непріятель сталъ собирать противъ Гейсмара войска со всей окрестности, то онъ поспѣшилъ перейти за Сомму, 13-го (25-го) прибылъ въ Нойонъ, а на слѣдующій день къ Шони ([17]).

Генералъ Тюменъ, открывъ сообщеніе съ Гейсмаромъ, обстрѣливалъ Ла-Фѣръ около двухъ часовъ и послалъ туда ротмистра Мартенса парламентеромъ съ требованіемъ сдачи. Комендантъ Ла-Фѣра, генералъ Померёль (Pommereuil), сверхъ всякаго чаянія, сдалъ ввѣренный ему городъ, получивъ дозволеніе выступить 16-го (28-го) къ Нойону, съ 200 человѣкъ гарнизона, подъ условіемъ неслужить противъ Союзниковъ; другіе 200 человѣкъ національной стражи также были отпущены. Въ городѣ, заключавшемъ въ себѣ одинъ изъ важнѣйшихъ французскихъ арсеналовъ, найдены: 109 орудій, нѣсколь-

(*) Дѣйствія 3-го германскаго корпуса, подъ начальствомъ герцога саксенъ-веймарскаго, будутъ изложены въ послѣдствіи.

ко тысячъ ружей и сабель, понтонный паркъ, множество различныхъ машинъ и большое количество боевыхъ и лазаретныхъ припасовъ, вообще-же стоимость военной добычи простиралась отъ пяти до шести милліоновъ рублей. Генералъ Тюменъ, оставя въ Ла-Ферѣ маіора Гагерна (Gagern), съ однимъ баталіономъ и двумя эскадронами, возвратился съ прочими войсками къ Лану ([18]).

16-го (28-го) февраля, Блюхеръ, получивъ отъ генералъ-адъютанта Корфа извѣстіе о наступленіи Наполеона къ Марнѣ, предписалъ генералу Винцингероде оставаться на время въ Реймсѣ, выслать кавалерію по дорогѣ къ Мо и приготовить мину подъ мостомъ у Эпернè, для взрыва его въ случаѣ наступленія наполеоновой арміи по этому направленію. Вслѣдъ за тѣмъ, генералъ Винцингероде, узнавъ о движеніи Наполеона къ Ла–Фертè–су–Жуаръ, склонилъ Бюлова идти одновременно съ нимъ къ Суассону, чтобы, овладѣвъ симъ городомъ и переправою черезъ Марну, соединиться съ Силезскою арміей ([19]). 17-го февраля (1-го марта н. ст.), Винцингероде, оставя маіора князя Гагарина, съ башкирскимъ полкомъ, въ числѣ 280-ти человѣкъ, и съ 200 человѣкъ пѣхоты, въ Реймсѣ, выступилъ оттуда, переночевалъ въ Фимъ (Fismes) и на слѣдующій день подошелъ къ Суассону по лѣвому берегу Эны, между тѣмъ какъ Бюловъ обложилъ городъ съ праваго берега. Немедленно отъ обоихъ корпусовъ были посланы парламентеры къ коменданту, для побужденія его къ сдачѣ. Какъ непріятель на эти предложенія отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, то генералъ Винцингероде вторично послалъ въ городъ полковника барона Лёвенштерна, который весьма ловко вручилъ привезенное имъ письмо своего начальника на имя суассонскаго коменданта одному изъ его адъютантовъ, добился дозволенія видѣть генерала Морò и былъ проведенъ на квартиру его, верхомъ съ завязанными глазами, двумя жандармами. Комендантъ, получивъ письмо генерала Винцингероде, принялъ Лёвенштерна и съ перваго слова сталъ доказывать ему невозможность сдачи города, обороняемаго столь-же храбрымъ, сколько и многочисленнымъ гарнизономъ, и достаточно

снабженнаго артиллеріей.—Въ дѣйствительности — укрѣпленія Суассона находились въ лучшемъ состояніи, нежели при штурмѣ Чернышева, и хотя гарнизонъ былъ слабѣе числомъ, нежели прежде, однакоже состоялъ изъ старыхъ солдатъ и могъ оказать сильнѣйшее сопротивленіе. Къ тому-же достаточно было задержать Блюхера на одинъ, или два дня, чтобы дать время Наполеону настигнуть Силезскую армію. Полковникъ Лёвенштернъ отвѣчалъ коменданту, «что извѣстная и всѣми признанная храбрость Французовъ не дозволяла сомнѣваться въ возможности блистательной обороны ихъ, но что, при десятерномъ—либо еще болѣе—превосходствѣ въ силахъ корпусовъ обложившихъ городъ, такая оборона повела-бы къ напрасной тратѣ людей, которые могутъ быть сохранены на будущее время, для болѣе равнаго боя. Будьте увѣрены — продолжалъ Лёвенштернъ — что часомъ или двумя позже, но мы непремѣнно будемъ въ городѣ, хотя бы для этого пришлось намъ пройти по грудѣ развалинъ и труповъ».... «Не забудьте, господа, прибавилъ онъ, обратясь къ свитѣ коменданта — что въ сраженіи берутъ плѣнныхъ, а на штурмѣ все дѣлается жертвою меча, и даже городъ съ его жителями предается грабежу и насилію, потому что для возбужденія солдатъ все захваченное войсками отдается имъ въ добычу.»

Слова Лёвенштерна и объявленіе его, что онъ не можетъ ожидать долѣе десяти минутъ рѣшительнаго отвѣта, побудили Французовъ къ уступчивости. Генералъ Морò желалъ только, чтобы капитуляція была заключена съ соблюденіемъ чести ввѣренныхъ ему войскъ, изъявляя намѣреніе, въ противномъ случаѣ, погребсти себя подъ развалинами своихъ бастіоновъ. Лёвенштернъ предложилъ: выступить свободно гарнизону, съ оружіемъ, обозомъ и двумя орудіями, по дорогѣ къ Компіеню. Комендантъ хотѣлъ выдти изъ города съ шестью орудіями, чтò не согласовалось съ обычными условіями такихъ капитуляцій, однакоже Лёвенштернъ, послѣ нѣкотораго противорѣчія, изъявленнаго собственно для того, чтобы не выказать себя слишкомъ уступчивымъ, согласился принять на собственную отвѣтственность исполненіе желанія генерала Морò, замѣтивъ,

что онъ рѣшился на то изъ особеннаго къ нему уваженія. Едва лишь была заключена капитуляція, какъ дали знать коменданту о прибытіи къ Лâнской заставѣ прусскаго парламентера. Это былъ адъютантъ Бюлова, маіоръ Мартенсъ, который, по желанію самаго Лёвенштерна, будучи приглашенъ къ участію въ подписаніи капитуляціи, въ послѣдствіи выдалъ себя виновникомъ сдачи Суассона; о Лёвенштернѣ-же въ нѣмецкихъ реляціяхъ не было ни слова. Объяснивъ прибывшему съ Мартенсомъ флигель-адъютанту Императора Александра, полковнику Панкратьеву, весь ходъ переговоровъ, Лёвенштернъ, сопровождаемый однимъ изъ офицеровъ генерала Морò, отправился въ главную квартиру Винцингероде, который, поблагодаривъ и обнявъ его, немедленно утвердилъ всѣ условія капитуляціи. Когда-же Лёвенштернъ сталъ извиняться въ томъ, что дозволилъ непріятелямъ выступить изъ города съ шестью орудіями, графъ Воронцовъ сказалъ: «да мы моглибы подарить французскому коменданту нѣсколько собственныхъ нашихъ пушекъ, лишь-бы только онъ скорѣе ушелъ изъ Суассона.— Союзники тотчасъ вступили въ городъ; два егерскихъ полка корпуса Воронцова заняли Реймскую заставу, а войска Бюлова, пройдя черезъ Лâнскую заставу, устремились къ мосту. Въ то время, когда французскія войска, очистивъ городъ, выступали по компіеньской дорогѣ, раздавалась вдали канонада: это было арріергардное дѣло блюхеровыхъ войскъ при Нёльи. Генералъ Морò, услышавъ эти выстрѣлы, понялъ свою ошибку, но уже не могъ исправить ее. Едва лишь Союзники успѣли занять городъ, какъ появились передовыя войска Силезской арміи и вслѣдъ за тѣмъ началась переправа корпусовъ Сакена и Іорка ([20]).

Нѣкоторыя изъ свѣдущихъ военныхъ людей полагали, что Блюхеръ, имѣя при своей арміи понтонный паркъ, могъ удобно переправиться выше Суассонна, и что по тому сдача этого укрѣпленнаго города не имѣла особенной важности ([21]), но для переправы черезъ Эну выше Суассона надлежало пройти по дурнымъ дорогамъ въ полтора раза большее пространство, нежели отъ Ульши къ Суассону, что̀ при изнуреніи войскъ

довершило-бы ихъ разстройство, да и самая переправа арміи съ обозами и артиллеріей по понтонному мосту, требуя много времени, дала-бы Наполеону возможность настигнуть Союзниковъ. О состояніи блюхеровой арміи легко судить изъ сказаннаго Дройзеномъ о корпусѣ Іорка. По словамъ его: «Со времени выступленія изъ Шалона, 6-го (18-го) февраля, войска почти вò-все не получали продовольствія, а съ 11-го (23-го) находились въ постоянномъ движеніи, совершая часто по ночамъ усиленные переходы; Литовскіе драгуны съ 10-го (22) не разсѣдлывали лошадей. Солдаты, голодные, босые, либо въ изорванныхъ башмакахъ, были едва покрыты грязными, прожженными шинелями; оружіе—заржавѣло, лошади—набиты.»

Корпусы Бюлова и Винцингероде, совершивъ нетрудный походъ и отдохнувъ на удобныхъ голландскихъ квартирахъ, находились, напротивъ того, въ наилучшемъ видѣ. Солдаты, вполнѣ сохранившіе свои силы, были въ новыхъ мундирахъ; кавалеристы имѣли, кромѣ того, для носки внѣ фронта, красныя англійскія куртки; лошади были на подборъ; оружіе блестѣло ([22]).

По переходѣ Силезской арміи и корпуса Винцингероде на правую сторону Эны, войска Блюхера расположились 20-го февраля (4-го марта) фронтомъ къ сей рѣкѣ, частью на бивакахъ, частью-же по квартирамъ, слѣдующимъ образомъ: правѣе (къ западу) лаонскаго шоссе до селенія Фонтенè стояли прусскіе корпусы Бюлова, Іорка и Клейста, въ числѣ 40,000 человѣкъ; а лѣвѣе (къ востоку) отъ шоссè до Краона русскіе корпусы: Ланжерона, прибывшаго въ тотъ день къ арміи съ отрядомъ генералъ-маіора графа Палена ([23]), Сакена и Винцингероде, всего до 65,000 человѣкъ. Пѣхотные полки Ланжерона, именно: 8-го корпуса бригада Керна (Бѣлозерскій и 48-й егерскій полки), остатки 9-го корпуса и 10-й корпусъ, кромѣ Выборгскаго и Вятскаго полковъ остававшихся на Рейнѣ, всего до 12,000 человѣкъ, составили суассонскій гарнизонъ, начальство надъ коимъ сперва было ввѣрено Капцевичу, а потомъ, по болѣзни его, генералъ-лейтенанту Рудзевичу ([24]).

Противъ арміи Блюхера, состоявшей въ числѣ отъ 105-ти до 110-ти тысячъ человѣкъ, наступалъ Наполеонъ, у котораго, вмѣстѣ съ войсками Мармона и Мортье, было 50,000 человѣкъ.

По занятіи Труа французскою арміей, 12 (24) февраля, Наполеонъ поручилъ преслѣдованіе Главной Союзной арміи маршаламъ Макдональду и Удинô (*). На слѣдующій день маршалы Ней и Викторъ, съ Молодою гвардіей и кавалеріей Руссель-д'Юрбаля (Roussel d'Hurbal), были отряжены къ Мери для наблюденія за Силезскою арміей; самъ-же Наполеонъ, съ дивизіей Фріана и съ гвардейскою кавалерійскою дивизіей Эксельмана, оставался въ Труа, куда возвратилась изъ Вандеврь и дивизія Лаферьèра Когда-же получено было въ главной квартирѣ французской арміи извѣстіе о выступленіи Блюхера къ Марнѣ, Молодая гвардія и кавалерія Русселя 14-го (26-го) двинулись къ Арси, и маршалу Мармону предписано было идти изъ Сезанны туда-же. 15 (27) самъ Наполеонъ перешелъ изъ Труа къ Эрбиссъ (Herbisse); маршалъ Ней, съ дивизіями Мепьè, Кюріаля и Русселя, присоединивъ къ нимъ Сводный кавалерійскій полкъ (régiment de marche) полковника Гиньи (Ghigny) и бригаду Бойè (**) стоявшую въ Мери, расположился у Семуана и Гургансона; Викторъ, съ дивизіей Шарпантьè и двумя бригадами Бойè де-Ребеваля, усиленный Сводною кавалерійскою бригадою генерала Ватьè, двинулся къ Салонъ; наконецъ—Арриги, съ 2-ою резервною парижскою дивизіей и пятью стами человѣкъ 1-го кавалерійскаго корпуса, прибылъ въ Вилленоксъ: вообще-же подъ непосредственнымъ начальствомъ Наполеона собралось между Эрбиссъ и Вилленоксъ до 32,000 человѣкъ ([25]).

Дальнѣйшія движенія французской арміи къ Марнѣ были чрезвычайно изнурительны, и въ особенности послѣдній переходъ отъ Эстернè къ Жуарръ. Безпрестанно шелъ дождь; дороги сдѣлались непроходимы. Артиллерія увязла въ грязи между Ребе и Жуарръ и оставалась на мѣстѣ до слѣдующаго утра.

(*) Глава XII-я.

(**) Этого Бойè (Pierre Boyer) недолжно смѣшивать съ другимъ генераломъ Бойè де-Ребеваль (Boyer de Rebeval).

Въ продолженіе времени, пока стягивались войска, приступили къ возстановленію моста у Ла-Ферте-су-Жуаръ, а въ ночи съ 18-го на 19-е февраля (съ 2-го на 3-е марта) вся армія перешла на правую сторону Марны. Наполеонъ, надѣялся, что Блюхеръ, найдя въ Суассонѣ французскія войска, долженъ былъ устроить переправу черезъ Эну гдѣ-либо выше этого города, и по тому, приказавъ Мармону и Мортье преслѣдовать Союзную армію и не упускать ее изъ вида, поддержалъ ихъ частью своихъ главныхъ силъ, а самъ съ прочими войсками рѣшился идти вправо на перерѣзъ Блюхеру. За тѣмъ, онъ предполагалъ «перенести войну въ Лотарингію, присоединивъ къ своей арміи «гарнизоны крѣпостей лежащихъ на Маасѣ и Рейнѣ» ([26]) .Какъ только войска Наполеона перешли черезъ Марну, утромъ 19-го февраля (3-го марта), Ней, съ дивизіями Фріана, Бойе, Мёнье, Кюріаля и гвардейскою кавалеріей Нансути, а Груши, съ дивизіей Русселя и съ прибывшею вновь кавалеріей ([27]), всего до 20,000 человѣкъ, направились къ Монтрёль (Montreuil aux lions); Груши съ авангардомъ ихъ достигъ Рокуръ; прочія-же наполеоновы войска, именно: дивизіи Шарпантье, Бойе де-Ребеваль и Арриги, въ числѣ 12,000 человѣкъ, двинулись къ Шато-Тіери; авангардъ ихъ, вытѣснивъ оттуда прусскій отрядъ маіора Фалькенгаузена, преслѣдовалъ его по дорогѣ къ Ла-Фèръ-ан-Тарденуа. Самъ Наполеонъ, переночевавъ въ Монтрёлѣ и еще не зная о сдачѣ Суассона, приказалъ 20-го февраля (4-го марта) генералу Груши идти со всевозможною поспѣшностью по проселочной дорогѣ на Феръ-ан-Тарденуа къ Фимъ; туда-же была направлена вся гвардія; вмѣстѣ съ тѣмъ Мармонъ и Мортье получили приказаніе тѣснить Союзниковъ съ тыла и для содѣйствія маршаламъ послана дивизія Арриги ([28]). Но уже всѣ блюхеровы корпусы находились за Эною, и впереди ихъ, между сею рѣкою и Вèлью (Vesle), оставался только генералъ-адъютантъ Чернышевъ, съ шестью казачьими и Волынскимъ уланскимъ полками, въ подкрѣпленіе коимъ были посланы графомъ Строгановымъ два пѣхотныхъ полка, по правой сторонѣ Эны, къ Вальи, гдѣ надѣялись найти мостъ; но когда отряду Чернышева, тѣснимому значительными силами

Нея и Груши, довелось переходить тамъ на правый берегъ, то мостъ оказался негоднымъ, и только лишь съ помощью набросанныхъ на него досокъ Чернышевъ успѣлъ отступить за Эну ([29]).

Наполеонъ, по прибытіи въ Фимъ, узналъ тамъ утромъ 21-го февраля (5-го марта) о сдачѣ Суассона. Раздосадованный до крайности неожиданнымъ событіемъ разстроившимъ его разсчеты, онъ приказалъ объявить въ Монитёрѣ, что только-лишь измѣна суассонскаго коменданта спасла отъ гибели блюхерову армію, и въ первомъ пылу гнѣва отдалъ генерала Моро подъ судъ, изъявляя намѣреніе разстрѣлять его ([30]).

Выше уже сказано, что войска Блюхера, изнуренныя усиленными переходами и всевозможными лишеніями, дѣйствительно были-бы поставлены въ опасное положеніе и могли-бы понесть чувствительный уронъ, еслибы Наполеонъ настигъ ихъ на переправѣ черезъ Эну. Но тѣмъ не менѣе однакоже нельзя допустить, чтобъ Блюхеръ, будучи усиленъ тридцатью тысячами человѣкъ свѣжихъ войскъ Винцингероде и собравъ 80,000 человѣкъ, могъ быть совершенно разбитъ пятидесятитысячною арміей.

По отступленіи Блюхера на правую сторону Эны, положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось: вмѣсто того, чтобы оттѣснить Союзниковъ къ Энѣ, Наполеонъ неиначе могъ вступить съ ними въ бой, какъ переправясь чрезъ сію рѣку въ виду вдвое сильнѣйшей арміи. Это заставило его дѣйствовать нерѣшительно, разобщенными силами. Предполагая направиться къ Лану, чтобы обойти Блюхера съ лѣваго фланга и отрѣзать его какъ отъ Голландіи и Рейна, служившихъ ему основаніемъ дѣйствій, такъ и отъ арміи князя Шварценберга, Наполеонъ послалъ генерала Корбино̀, съ дивизіей Лаферьѐра и съ нѣсколькими гвардейскими баталіонами, къ Реймсу, гдѣ въ то время находился слабый отрядъ маіора князя Гагарина; войска Мармона и Мортьѐ были направлены къ Суассону, для овладѣнія симъ городомъ; самъ-же Наполеонъ, со всѣми остальными войсками, двинулся отъ Фимъ къ Бери-о-бакъ, чтобы переправиться тамъ черезъ Эну. 21-го февраля (5-го марта), Корбино̀ напалъ въ

расплохъ на князя Гагарина, взялъ его отрядъ въ плѣнъ и захватилъ госпитали и склады тамъ находившіеся ([31]). Совершенно иной успѣхъ имѣло покушеніе Французовъ на Суассонъ. Мармонъ и Мортье, подойдя къ этому городу въ восемь часовъ утра, повели нападеніе на Парижскую заставу. Здѣсь находились четыре егерскихъ полка ([32]) и одинъ баталіонъ Старосколькаго полка, подъ начальствомъ полковника Дурнова. Непріятель атаковалъ его войсками дивизіи Христіани и поддержалъ ихъ огнемъ тридцати орудій, но храбрый Дурновъ нѣсколько разъ отразилъ Французовъ. Полковникъ Магденко, командовавшій 18-ю орудіями крѣпостной артиллеріи и 10-ю полевыми, присланными въ городъ графомъ Ланжерономъ, нанесъ непріятелю чувствительный вредъ. Мармонъ, видя неудачу всѣхъ своихъ усилій на этомъ пунктѣ, послалъ дивизію Рикàра вправо къ Реймсской заставѣ, но и тамъ непріятель былъ отбитъ генералъ–маіоромъ Керномъ съ Бѣлозерскимъ и 48-мъ егерскимъ полками. Въ три часа по полудни, Французы ворвались въ Парижское предмѣстье, заняли кровли домовъ стрѣлками, открыли сильный огонь по войскамъ стоявшимъ на валу и снова покушались ворваться въ городъ, но были отражены 10-мъ корпусомъ, подъ начальствомъ генералъ–маіора Турчанинова и бригадою Керна. 9-й же корпусъ оставался въ городѣ, для подкрѣпленія сражавшихся войскъ и удержанія въ повиновеніи жителей. Генералъ Рудзевичъ и ввѣренные ему полки покрыли себя славою. Уронъ русскихъ войскъ вообще простирался до 1,056-ти человѣкъ, а Французовъ, по собственному ихъ, весьма сомнительному, показанію, отъ 800 до 900 человѣкъ ([33]).

Занятіе французскими войсками Реймса, открывъ Наполеону сообщеніе съ крѣпостями 2-го военнаго округа, подавало ему возможность усилить свою армію частью ихъ гарнизоновъ. Генералъ Жансенъ (Janssens) получилъ предписаніе собрать отъ 6-ти до 8-ми тысячъ человѣкъ и съ ними двинуться чрезъ Ретель (Rhetel). Оказалось, что депо, находившіяся въ крѣпостяхъ, были гораздо слабѣе въ дѣйствительности, нежели на бумагѣ, и потому Жансенъ успѣлъ сформировать лишь весьма небольшой отрядъ; впрочемъ появленіе его въ тылу Силезской

⁂

арміи распространило тревогу на ея сообщеніяхъ съ Рейномъ и способствовало народнымъ вооруженіямъ, возбужденнымъ декретами Наполеона, призывавшаго Французовъ къ поголовному возстанію противъ Союзниковъ, еще за двѣ недѣли до того, при наступленіи его отъ Монтеро къ Труà ([34]). По донесеніямъ Союзныхъ партизановъ, въ окрестностяхъ Шато-Тіери, Эпернè, и проч. они были встрѣчены скопищами крестьянъ вооруженныхъ пиками и ружьями ([35]). Полковникъ Сенъ-Пріестъ, братъ генералъ-адъютанта графа Сенъ-Пріеста былъ задержанъ крестьянами въ нѣсколькихъ льё отъ Шалона ([36]). Напротивъ того въ Парижѣ декреты и воззванія Наполеона не оказали никакого вліянія на общественное мнѣніе, и самъ Король Іосифъ не разъ напоминалъ своему брату, что нельзя было надѣяться на участіе жителей въ оборонѣ столицы ([37]). Упадокъ духа и уныніе усилились еще болѣе, когда почти въ одно и тоже время пришли въ Парижъ извѣстія: о сдачѣ Суассона, о вторичномъ наступленіи Союзниковъ къ Труà, объ отступленіи Сульта. На всѣ письма Наполеона, объ одержанныхъ имъ побѣдахъ, Король Іосифъ отвѣчалъ желаніями, чтобы эти успѣхи послужили къ скорѣйшему заключенію мира, сохранивъ Францію «въ древнихъ ея предѣлахъ» ([38]).

ГЛАВА XIV.

Сраженіе при Краонѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Расположеніе блюхеровой арміи по отступленіи за Эну. Состояніе его войскъ.—Движеніе Наполеона въ обходъ Союзниковъ на Бери-о-бакъ. Намѣреніе Блюхера идти ему на встрѣчу.—Предположеніе Блюхера обойти Наполеона съ фланга.—Авангардное дѣло при Краонѣ, 22 го февраля (6-го марта).—Причины неудачи обхода предположеннаго Блюхеромъ.

Сраженіе при Краонѣ, 23-го февраля (7-го марта). Позиція.—Расположеніе войскъ графа Воронцова. Нападеніе Французовъ на передовую позицію. Отступленіе Красовскаго на главную позицію.—Первыя атаки Нея и Нансути.—Наполеонъ, усиливъ Нея, возобновляетъ нападеніе; атака на конно-батарейную роту; Ширванскій полкъ отражаетъ непріятеля. Графъ Воронцовъ усиливаетъ боевыя линіи частью резерва.—Переходъ Русскихъ отъ обороны къ наступленію.—Воронцовъ получаетъ приказаніе отступать. Приготовленія къ отступленію. — Наступленіе Шарпантье и Старой гвардіи.

Отступленіе русскихъ войскъ съ поля сраженія. — Расположеніе обѣихъ сторонъ въ концѣ боя.

Графъ Воронцовъ въ сраженіи при Краонѣ.—Потери обѣихъ сторонъ.—Замѣчанія.

Отступленіе къ Лану (Laon) Воронцова, Сакена и Рудзевича. Отступленіе аррієргарда, сперва подъ начальствомъ Бенкендорфа, а потомъ Чернышева.— Нечаянное нападеніе Нея при Этувелѣ. Отступленіе Чернышева къ Лану.

По отступленіи за Эну, Блюхеръ расположилъ свою армію, въ числѣ около ста десяти тысячъ человѣкъ, на возвышенной плоскости, фронтомъ къ сей рѣкѣ: корпусъ Бюлова сталъ на правомъ флангѣ у Фонтенѐ (Fontenay) и Луари (Loiry), наблюдая теченіе Эны отъ Суассона до Компіеня; корпусъ графа Ланжерона занялъ Суассонъ и пространство между этимъ городомъ и мѣстечкомъ Вальи (Vailly); корпусъ Сакена находил-

ся между Вальи и Сунпръ, наблюдая теченіе Эны до Борьё (Beaurieux); корпусъ Винцингероде на лѣвомъ флангѣ, у Борьё и Краона, и вверхъ по Энѣ до Бери-о-бакъ (Béry-au-bac); наиболѣе же потерпѣвшіе корпусы Іорка и Клейста были расположены: первый во второй линіи, у Марживаль и Виллери, близъ дороги ведущей изъ Суассона въ Лань (Laon), а второй позади іорковыхъ войскъ, у Анизи и Филенъ (Filain) ([1]). Вообще-же армія занимала линію длиною не менѣе сорока пяти верстъ, но, не смотря на то, Блюхеръ могъ собрать на любомъ пунктѣ ея, въ продолженіе пяти или шести часовъ, отъ сорока до пятидесяти тысячъ человѣкъ и противопоставить непріятелю превосходныя силы. Войска ему ввѣренныя вообще отличались духомъ своимъ, но корпусы Винцингероде и Бюлова были лучше снаряжены и лошади ихъ находились въ превосходномъ тѣлѣ; напротивъ того, солдаты бывшей Силезской арміи, въ изорванныхъ шинеляхъ, въ изношенной обуви, и тощія лошади ихъ возбуждали своимъ наружнымъ видомъ ужасъ въ новоприбывшихъ войскахъ. «Недѣли черезъ четыре и мы будемъ такіе»—толковали между собою солдаты Бюлова и Винцингероде. Армія Блюхера усилилась вдвое, но вновь прибывшія войска не питали къ своему вождю такой неограниченной довѣренности, какая господствовала въ Силезской арміи. Да и вообще солдаты, прійдя изъ гостепріимной Германіи и преданной Голландіи въ страну, гдѣ жители большею частью были враждебны Союзникамъ, переносили труды и лишенія съ меньшею охотою, нежели прежде, когда необходимость отстоять родную страну заставляла каждаго напрягать послѣднія силы. Нерѣдко и между начальниками ихъ происходили толки—почему все бремя войны было возложено на однихъ лишь Русскихъ и Пруссаковъ? ([2]).

Наполеонъ, не успѣвъ настигнуть Блюхера на лѣвой сторонѣ Эны, предпринялъ отрѣзать его отъ Рейна и Бельгіи, и съ этою цѣлью двинулся въ обходъ лѣваго фланга Силезской арміи, по направленію къ Лану. Но для переправы черезъ Эну въ окрестностяхъ Фимъ, гдѣ тогда находилась большая часть наполеоновыхъ войскъ, могъ служить только лишь ка-

менный мостъ у Бери-о-бакъ, а дороги къ этой переправѣ были крайне дурны. 22-го февраля (6-го марта) графъ Нансути, съ дивизіей Эксельмана и нѣсколькими польскими эскадронами графа Паца, двинулся отъ Фимъ къ Бери-о-бакъ; за нимъ слѣдовалъ самъ Наполеонъ съ войсками прибывшими наканунѣ въ Фимъ; корпусамъ Мортье и Мармона, послѣ неудачнаго ихъ покушенія овладѣть Суассономъ, было предписано также идти на Фимъ къ Бери-о-бакъ. Генералъ Нансути, отбросивъ передовыя войска генералъ-адъютанта Чернышева за Эну, перешелъ вмѣстѣ съ ними на правый берегъ рѣки. Туда же направились и прочія войска Наполеона (3).

Какъ только Блюхеръ узналъ о переправѣ французской арміи черезъ Эну на его лѣвомъ флангѣ, то рѣшился идти на встрѣчу непріятелю: корпусъ Винцингероде получилъ предписаніе собраться у Краона; за нимъ двинулись корпусы Іорка, Сакена, Клейста, и Ланжеронъ, съ 9-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, генералъ-маіора Корнилова. Генералъ-лейтенантъ Рудзевичъ, съ 10-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, оставался въ Суассонѣ; ему же былъ подчиненъ небольшой кавалерійскій отрядъ генералъ-маіора графа Палена (4), наблюдавшій теченіе Эны между Суассономъ и Вальи. Корпусъ-же Бюлова былъ посланъ къ Лану, для занятія этого пункта и обезпеченія сообщеній арміи черезъ Авенъ (Avesnes) съ Бельгіею. Туда-же были отправлены обозы всей арміи (5). Блюхеръ предполагалъ атаковать Наполеона и надѣялся разбить его прежде нежели могли къ нему присоединиться корпусы двигавшіеся отъ Суассона. Но генералъ Винцингероде, которому было приказано занять Корбени, Краонъ и лежащій между ними лѣсъ, оставался на мѣстѣ въ четырехъ верстахъ недоходя Краона. Непріятель, пользуясь его бездѣйствіемъ, занялъ помянутые пункты и получилъ возможность удерживаться тамъ до прибытія ожидаемыхъ имъ подкрѣпленій. Блюхеръ, будучи принужденъ отказаться отъ нападенія на непріятельскую армію, предпочелъ воспользоваться выгодами мѣстности между Эною и Летою и принять тамъ сраженіе; онъ надѣялся, (и надежда его оправдалась вполнѣ), что Наполеонъ неотважится идти къ Лану, оставя у себя на

флангѣ и въ тылу часть Союзной арміи, и самъ на нее поведетъ нападеніе. Какъ мѣстность занятая Союзниками могла быть упорно обороняема небольшими силами, то Блюхеръ, оставя на плато, между селеніями Айль (Aille) и Вассонь (Vassogne), пѣхоту корпуса Винцингероде, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Воронцова, назначилъ для поддержанія его корпусъ Сакена, стоявшій у Бре (Bray en Laonnais). Одновременно съ обороною сей позиціи, Блюхеръ предполагалъ обойти непріятеля съ праваго фланга конницею корпусовъ Винцингероде, Ланжерона и Іорка, въ числѣ до 10,000 человѣкъ, съ 60-ю конными орудіями, подъ общимъ начальствомъ генерала Винцингероде, который получилъ приказаніе переправиться черезъ Лету, между Филенъ (Filain) и Шевриньи (Chevrigny), и двинуться къ Фетьё (Fetieux), на дорогу ведущую изъ Бери-о-бакъ въ Ланъ; для поддержанія этой кавалеріи назначенъ былъ корпусъ Клейста; прочія-же войска направились къ Лану, откуда, въ случаѣ надобности, могли поддерживать Винцингероде и Клейста ([6]).

Этотъ превосходный планъ дѣйствій не удался, какъ весьма часто случается на войнѣ, отъ ошибокъ исполнителей.

Генералъ-лейтенантъ графъ Воронцовъ, получивъ приказаніе удерживаться до послѣдней крайности на занятой имъ позиціи, выслалъ, для замедленія непріятеля, генералъ-маіора Красовскаго, съ 13-мъ и 14-мъ егерскими полками, и кавалерію генералъ-маіора барона Палена, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Орурка, къ Краону, а для поддержанія его поставилъ у мызы Гёртебизъ (Heurtebise) генералъ-маіора Понсета, съ Тульскимъ и Навагинскимъ пѣхотными полками (*).

22-го февраля (6-го марта), въ тотъ самый день, когда французская армія перешла черезъ Эну, Наполеонъ, около четырехъ часовъ по полудни, выслалъ состоявшаго при немъ на ординарцахъ (capitaine d'ordonnance) Карамана, съ однимъ изъ баталіоновъ Старой гвардіи, на краонскую высоту, для обо-

---

(*) *Планъ сраженія при Краонѣ, 23-го февраля (7-го марта).*

зрѣнія ближайшихъ Союзныхъ войскъ. Этотъ баталіонъ встрѣтился съ егерями Красовскаго и былъ опрокинутъ. Наполеонъ поддержалъ его одною изъ бригадъ гвардейской дивизіи и приказалъ Нею послать дивизію Мёньè лѣсомъ, на Воклеръ (Vaucler) къ Гёртебизъ, чтобы отрѣзать русскія передовыя войска выдвинутыя къ Краону. Но графъ Воронцовъ предупредилъ это покушеніе, пославъ егерямъ приказаніе отойти къ Гёртебизъ, что̀ и было исполнено, шагъ за шагомъ, въ примѣрномъ порядкѣ; въ особенности-же отличился столь славный въ послѣдующія войны 13-й егерскій полкъ, подъ начальствомъ своего командира, полковника Маевскаго, болѣе десяти разъ ходившій въ штыки. Войска Мёньè, встрѣтясь у Сенъ-Мартенъ съ Тульскимъ и Навагинскимъ полками, вытѣснили ихъ изъ аббатства Воклеръ и овладѣли мызою Гёртебизъ; но въ семь часовъ вечера Русскіе выбили непріятеля оттуда и опять заняли мызу. Старая гвардія расположилась у Корбени, дивизія Мёньè между Гёртебизъ и Воклѐръ, дивизія Бойè у буконвильской мѣльницы, по правую сторону Леты, прочія-же наполеоновы войска оставались позади на протяженіи полуперехода; корпусъ Мортье еще далѣе у Бренъ (Braisne на рѣкѣ Велѣ), а корпусъ Мармона на маршѣ отъ Суассона къ Бренъ ([7]).

23-го февраля (7-го марта), утромъ, между тѣмъ какъ Французы готовились снова атаковать графа Воронцова, Блюхеръ, переночевавъ въ Бре (Bray), отправился къ пѣхотѣ назначенной для обороны позиціи, съ тою цѣлью, чтобы, выждавъ появленіе кавалеріи Винцингероде въ тылу непріятеля, напасть на него съ фронта. Но въ девять часовъ утра, когда, по разсчету фельдмаршала, Винцингероде уже долженъ былъ миновать Фетьё и двинуться въ тылъ французскимъ войскамъ, получено было извѣстіе, что вся кавалерія еще находилась въ долинѣ Леты, позади главной квартиры фельдмаршала, у Шевриньи. Фельдмаршалъ, поручивъ Сакену войска стоявшія на плато̀ (именно пѣхоту Воронцова и корпусъ самаго Сакена), направилъ Клейста къ Фетьё, а корпусъ Іорка къ Брюйѐръ (Bruyeres). Генералъ Сакенъ получилъ приказаніе, пользуясь крѣпкими позиціями встрѣчающимися на плато̀, удерживать и

замедлять движеніе непріятеля. Въ резервѣ его стояли войска Ланжерона; въ случаѣ-же отступленія къ Лану, генералъ Сакенъ долженъ былъ приказать Рудзевичу—выступить туда-же изъ Суассона, на Куси, Ла-Фѐръ и Крепи (8).

Фельдмаршалъ, сдѣлавъ эти распоряженія, поскакалъ назадъ, чтобы принять непосредственно команду надъ кавалеріей генерала Винцингероде и ускорить ея движеніе. Но въ 11 часовъ, (когда уже около часа раздавалась сильная канонада со стороны Краона), большая часть кавалеріи еще не успѣла миновать Шевриньи. Причиною тому отчасти были свойства мѣстности гористой и пересѣченной многими преградами. Проселочныя дороги, по которымъ довелось идти войскамъ, были узки и усыпаны камнями, кавалерія иногда была принуждена тянуться въ одинъ конь. Значительное число орудій приданныхъ отряду увеличивало затрудненія перехода. Впрочемъ—въ неудачѣ предположенныхъ дѣйствій, по показанію очевидцевъ, былъ много виноватъ самъ Винцингероде, неумѣвшій преодолѣть встрѣченныхъ имъ препятствій. Еслибы онъ направился не черезъ Шевриньи, а черезъ Нѐвиль, то сократилъ-бы движеніе къ Корбени по крайней мѣрѣ двѣнадцатью верстами. Получивъ приказаніе двинуться туда вскорѣ по полудни 22-го февраля (6-го марта), онъ долженъ былъ немедленно выступить, чтобы воспользоваться временемъ остававшимся до вечера: вмѣсто того, онъ, желая имѣть въ авангардѣ казаковъ генералъ-адъютанта Чернышева, которые участвовали въ дѣлѣ при Краонѣ и нуждались въ отдыхѣ, чтобы покормить лошадей, оставался на мѣстѣ; а между тѣмъ наступила ночь, и Винцингероде, не рѣшась двигаться въ темнотѣ, по незнакомымъ дорогамъ, отложилъ выступленіе войскъ до шести часовъ утра и достигъ селенія Фетьѐ уже въ девять часовъ вечера. Корпусъ Клейста, снявшійся съ мѣста своего ночлега у Анизи позже кавалеріи Винцингероде и долженствовавшій совершить болѣе окольное движеніе, (частью по большой ланской дорогѣ), прибылъ къ Фетьѐ въ четыре часа по полудни (9). Самъ Винцингероде, въ донесеніи Государю о сраженіи при Краонѣ, писалъ: «Я не имѣлъ счастія прибыть въ пору съ моею кавалеріей и достиг-

нуть рѣшительныхъ успѣховъ, напавъ на непріятеля съ тыла. Двинувшись тѣснинами съ огромною массою кавалеріи и конной артиллеріи, я съ головною частью колонны достигъ Корбени не прежде ночи Войска мои захватили нѣсколько плѣнныхъ: горестное утѣшеніе тѣмъ, кому не удалось принять участія въ главномъ дѣлѣ» (10).

Одновременно съ передвиженіями блюхеровыхъ войскъ, недостигшими предположенной цѣли, графъ Воронцовъ сражался у Краона.

Рано утромъ, 23-го февраля (7-го марта), Наполеонъ рекогносцировалъ расположеніе корпуса графа Воронцова. Пространство между Летою и Эною представляетъ возвышенную плоскость (плато), ограниченную съ сѣвера первою изъ сихъ рѣкъ, текущею въ узкой болотистой долинѣ; южная-же сторона плато изрѣзана глубокими оврагами. Съ востока, довольно значительный оврагъ отдѣляетъ эту плоскость отъ небольшаго краонскаго плато; отсюда мѣстность отлого возвышается до селенія Тройонъ; далѣе-же къ западу до Воренъ и дороги ведущей изъ Суассона въ Ланъ, простирается равнина. Между Сенъ-Мартенъ и Айль горный скатъ обращенный къ Летѣ покрытъ лѣсомъ. Протяженіе помянутой возвышенной плоскости въ длину, отъ востока къ западу, около 16-ти, а въ ширину, отъ сѣвера къ югу, отъ полуторы до трехъ верстъ Самыя позиціи образуются оврагами, служащими прикрытіемъ съ фронта, и крутыми скатами плато, затрудняющими обходы съ фланговъ. Такихъ позицій, при отступленіи отъ Краона къ суассонской дорогѣ, встрѣчается четыре, именно: 1) между селеніями Вассонь и Айль; 2) между Тройонъ и Серни; 3) у Бре (Bray) и 4) за селеніемъ Филенъ.

Здѣсь, на первой изъ сихъ позицій, избранной генераломъ Понсетомъ, за оврагомъ отдѣляющимъ плоскую возвышенность отъ краонскаго плато, между селеніями Айль и Жюминьи, расположились войска графа Воронцова. Пѣхота была построена по обѣ стороны дороги ведущей изъ Краона въ Воренъ (route des dames), въ баталіонныхъ колоннахъ, въ три линіи: въ первой стояли: 13-й (а впослѣдствіи и 14-й) егерскій полкъ, 24-я

дивизія генералъ-маіора Вуича и бригада 14-й дивизіи (Тульскій и Навагинскій полки) генералъ-маіора Понсета, всего 14 баталіоновъ, подъ общимъ начальствомъ генерала Вуича; во второй линіи 21-я дивизія, въ составѣ 7-ми баталіоновъ, генералъ-лейтенанта Лаптева, командовавшаго всею пѣхотою обѣихъ боевыхъ линій, а въ третьей, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Строганова, между мызою Бовель и селеніемъ Песси (Paissy), бригада 13-й дивизіи генералъ-маіора Желтухина и 12-я дивизія генералъ-маіора князя Хованскаго, всего 9 баталіоновъ; на правомъ крылѣ первой линіи, близъ Жюминьи, находился генералъ-маіоръ Бенкендорфъ (Алекс. Христоф.) съ Павлоградскимъ гусарскимъ и четырьмя казачьими полками. Мыза Гёртебизъ, впереди позиціи, была занята 14-мъ егерскимъ полкомъ; правѣе его стали два эскадрона гусаръ; начальство надъ этимъ передовымъ отрядомъ было поручено генералъ-маіору Красовскому. Артиллерія, подъ общею командою генералъ-маіора Мякинина, была размѣщена слѣдующимъ образомъ: 12 батарейныхъ и 24 легкихъ орудія, подъ начальствомъ полковника Винспара, впереди центра первой линіи, для обстрѣливанія доступа къ фронту позиціи; 12 орудій конной роты № 11-го передъ правымъ крыломъ, такъ чтобы они вмѣстѣ съ прочими обороняли перекрестнымъ огнемъ дорогу изъ Краона; 12 орудій конно-батарейной роты № 9-го передъ лѣвымъ крыломъ; 6 орудій батарейной роты № 28-го влѣво отъ второй линіи; остальныя шесть батарейныхъ и двадцать четыре легкихъ орудія—оставались въ резервѣ: изъ числа ихъ 18 смѣнили въ продолженіе боя подбитую артиллерію, а 12 были введены въ дѣло при отступленіи. Вообще-же подъ непосредственнымъ начальствомъ графа Воронцова состояло: 30 (по другимъ свѣдѣніямъ—33) баталіоновъ, всего 16,300 человѣкъ пѣхоты; 8 эскадроновъ, въ числѣ до 1,000 человѣкъ регулярной кавалеріи, и столько-же казаковъ. Слѣдовательно 18,000 человѣкъ съ 96-ю орудіями. Позади селеній Серни и Тройонъ, въ разстояніи около семи верстъ отъ фронта позиціи, стояла кавалерія Васильчикова, въ составѣ 32-хъ эскадроновъ, всего 2,700 человѣкъ, и казачій отрядъ Карпова, въ числѣ 1,500 человѣкъ ([11]).

Въ девять часовъ утра, съ русскихъ передовыхъ постовъ замѣчено было наступленіе нѣсколькихъ непріятельскихъ колоннъ спускавшихся съ краонскаго плато Тогда-же дивизія Бойе-де-Ребеваля, подъ личнымъ начальствомъ маршала Виктора, двинулась отъ Воклеръ чрезъ лѣсъ по тропинкѣ ведущей къ мызѣ Гёртебизъ. Графъ Воронцовъ приказалъ генералу Красовскому отойти отъ мызы въ первую линію; два эскадрона Павлоградскихъ гусаръ, состоявшіе въ передовомъ отрядѣ, были назначены для прикрытія конно-батарейной роты на лѣвомъ крылѣ позиціи. 2-й егерскій полкъ, выдвинутый изъ второй линіи въ первую, занялъ селеніе Айль ([12]).

По отступленіи Красовскаго, Викторъ расположилъ дивизію Бойе-де-Ребеваля за полуразвалившимся редутомъ, чтобы прикрыть свои войска отъ косвенныхъ выстрѣловъ съ право-фланговой русской батареи, и выдвинулъ впередъ 12 орудій. Но едва лишь успѣлъ онъ сдѣлать эти распоряженія, какъ былъ раненъ въ ногу и принужденъ удалиться съ поля сраженія. Самъ Наполеонъ открылъ канонаду изъ гвардейскихъ батарей успѣвшихъ прибыть на мѣсто боя около десяти часовъ утра. Какъ русская артиллерія была поставлена выгоднѣе нежели непріятельская, то Французы постепенно собрали до ста орудій и громили войска графа Воронцова, которыя, будучи поставлены въ три линіи на близкихъ интервалахъ между колоннами, терпѣли большой уронъ. Наполеонъ, считая ихъ достаточно ослабленными, сдѣлалъ распоряженія для нападенія на позицію. Маршалъ Ней, съ корпусами своимъ, Виктора и драгунскою дивизіей Русселя, (всего до 14,000 человѣкъ), долженъ былъ повести главную атаку на Русскихъ съ лѣваго ихъ фланга, а графъ Нансути, съ дивизіей Эксельмана и польскими уланами Паца, (всего до 2,000 человѣкъ кавалеріи), получилъ приказаніе обойти позицію съ праваго фланга на Вассонь. Чтобы поддержать надлежащимъ образомъ обѣ эти атаки, надлежало отложить ихъ, по крайней мѣрѣ, до полудня, что̀ дало-бы время войскамъ остававшимся назади придти на поле сраженія (*).

(*) Въ то время, не успѣли прибыть: дивизія Шарпантьѐ (корпуса Виктора), весь корпусъ Мортье и дивизія Ла-Ферьѐра, вмѣстѣ съ коими у Наполеона было-бы по крайней мѣрѣ 30,000 человѣкъ.

По всей вѣроятности, Наполеонъ, открывъ канонаду, имѣлъ въ виду только завязать дѣло, но едва лишь раздались первые выстрѣлы, какъ Ней, увлеченный обычною ему отвагою, устремился по назначенному направленію—противъ лѣваго крыла позиціи графа Воронцова; войска его, выйдя изъ селенія Сенъ-Мартенъ, двинулись двумя колоннами: правая, состоявшая изъ бригады генерала Бойе̂, вдоль опушки лѣса, къ Айль, а лѣвая изъ дивизій Мёнье̂ и Кюріаля, чрезъ прогалину, на высоту лежащую впереди этого селенія. Какъ только французскія войска стали взбираться на гребень высоты, то были встрѣчены сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Генералъ Бойе̂-де-Ребеваль выдвинулъ свою дивизію на-равнѣ съ войсками Нея и подошелъ къ позиціи на разстояніе ближняго картечнаго выстрѣла, но, по собственному сознанію Французовъ, прислуга ихъ артиллеріи дѣйствовала столь неловко, что многія орудія были подбиты, едва успѣвъ сняться съ передковъ. Огонь пѣхоты Ребеваля, состоявшей изъ конскриптовъ, также оказалъ слабое дѣйствіе ([13]).

Одновременно съ первою атакою французской пѣхоты, кавалерія Эксельмана и Паца, подъ начальствомъ графа Нансути, стала взбираться на плато у слеленія Вассонъ. Г. Бюсси, меръ въ Борьё, который при началѣ революціи былъ сослуживцемъ Наполеона въ Ла-Ферскомъ полку, а потомъ, выйдя въ отставку, жилъ въ своемъ помѣстьѣ недалеко отъ Краона, зная въ подробности окрестную мѣстность, служилъ проводникомъ этимъ войскамъ; но худое состояніе дорогъ не позволило конной артиллеріи содѣйствовать имъ. Напротивъ того, 11-я конная рота полковника Апушкина, поражая непріятеля, способствовала генералу Бенкендорфу атаковать его казаками и четырьмя эскадронами Павлоградскаго полка. Графъ Воронцовъ, разгадавъ намѣреніе Наполеона—обойти позицію со стороны селенія Айль, обратилъ исключительно вниманіе на оборону позиціи съ лѣваго фланга. Войска Нея нѣсколько разъ покушались овладѣть селеніемъ, но были отражены 2-мъ егерскимъ полкомъ и совершенно разстроены убійственною канонадою русскихъ батарей. Дивизія Бойе̂-де-Ребеваля также оставалась подъ кар-

течнымъ огнемъ, потому что нельзя было укрыть въ лѣсу конскриптовъ, изъ опасенія чтобы они не разбѣжались. Генералъ Вуичъ, замѣтя колебаніе этой дивизіи, вышелъ изъ первой линіи впередъ, съ 2-мъ и 19-мъ егерскими полками, ударилъ на Французовъ въ штыки и съ помощью стоявшихъ на лѣвомъ крылѣ двухъ эскадроновъ Павлоградскихъ гусаръ опрокинулъ непріятеля въ лѣсъ. Только лишь удачное дѣйствіе двухъ гвардейскихъ батарей, расположенныхъ генераломъ Друо на лѣвомъ флангѣ французскихъ войскъ и открывшихъ огонь во флангъ егерямъ Вуича, спасло дивизію Ребеваля отъ совершеннаго истребленія ([14]).

Наполеонъ, видя безуспѣшность своей главной атаки, усилилъ Нея одною изъ бригадъ кавалерійской дивизіи Русселя и приказалъ возобновить нападеніе. Несмотря на ужасныя потери понесенныя непріятелемъ, онъ сдѣлалъ отчаянное усиліе и снова подался впередъ; ружейныя пули стрѣлковъ прикрывавшихъ его колонны уже достигали до второй линіи русскихъ войскъ и конно-батарейная рота № 9-го полковника Паркенсона была захвачена непріятельскою конницею ([15]). Но генералъ Вуичъ приказалъ подполковнику Царьеву, съ однимъ изъ баталіоновъ 19-го егерскаго полка, ударить на Французовъ въ штыки. Эта атака, поддержанная генералъ-маіоромъ Зварыкинымъ съ Ширванскимъ пѣхотнымъ полкомъ, удержала Французовъ и выручила артиллерію. Здѣсь былъ убитъ командиръ конно-батарейной роты полковникъ Паркенсонъ. Графъ Воронцовъ, видя постоянныя усилія непріятеля противъ лѣваго крыла позиціи, подкрѣпилъ стоявшія тамъ войска изъ третьей линіи бригадою генералъ-маіора Глѣбова (6-мъ и 41-мъ егерскими полками) ([16]). Тогда-же генералъ Груши, съ 1-ою бригадою Русселя, готовясь ударить во флангъ дивизіону Павлоградскихъ гусаръ, прикрывавшему артиллерію на лѣвомъ флангѣ позиціи, былъ тяжело раненъ пулею въ ногу. Французская кавалерія, лишась своего главнаго начальника, оставалась въ бездѣйствіи подъ картечью. Между тѣмъ Ней и Бойе-де-Ребеваль посылали къ Наполеону офицеровъ, одного въ слѣдъ за другимъ, донося, что они до крайности нуждались въ подкрѣпленіяхъ, что огонь

ихъ артиллеріи былъ ослабленъ по причинѣ значительнаго числа подбитыхъ орудій, а пѣхота потеряла много людей. Эти донесенія заставили Наполеона послать приказанія дивизіи Шарпантье (корпуса Виктора) и корпусу Мортье, задержаннымъ въ Краонѣ гвардейскою артиллеріей проходившею черезъ сей городъ, ускорить ихъ прибытіе; тогда-же кавалерійская дивизія Лаферьера была направлена въ помощь пѣхотѣ Бойе-де-Ребеваля. Но прежде еще, нежели могли быть исполнены эти распоряженія, графъ Воронцовъ, замѣтя вдали наступленіе непріятельскихъ резервовъ, приказалъ генералъ-маіору Зварыкину, съ Ширванскимъ полкомъ и съ однимъ баталіономъ 19-го егерскаго, кинуться въ штыки на стоявшія противъ нихъ дивизіи Мёнье, Кюріаля и Ребеваля. Это нападеніе имѣло полный успѣхъ; непріятель былъ отброшенъ въ лѣсъ, и столпившись въ воклерскомъ оврагѣ, потерпѣлъ большой уронъ отъ дѣйствія русскихъ батарей. Дивизія Лаферьера, бросившаяся на Ширванскій полкъ, будучи встрѣчена огнемъ стрѣлковъ и баталіоновъ построенныхъ въ колонны къ атаки, ушла въ оврагъ въ слѣдъ за пѣхотою. Самъ Лаферьеръ былъ тяжело раненъ ([17]).

Въ два часа по полудни, когда Блюхеръ уже отказался отъ предположеннаго имъ обходнаго движенія въ тылъ непріятельской арміи и сталъ собирать войска на позиціи у Лана, генералъ Сакенъ, получивъ предписаніе идти тудаже, приказалъ графу Воронцову, въ случаѣ наступленія Французовъ въ превосходныхъ силахъ, отступать также къ Лану; но Воронцовъ, удерживаясь съ успѣхомъ на занятой имъ позиціи около пяти часовъ, отвѣчалъ, что дальнѣйшая оборона его отряда на мѣстѣ сопряжена была съ меньшею опасностью, нежели отступленіе въ виду многочисленной непріятельской кавалеріи подъ прикрытіемъ одного лишь гусарскаго полка. Тѣмъ не менѣе однако-же Сакенъ, зная, что войска Винцингероде, посланныя въ тылъ французской арміи, не успѣли совершить обхода, и что корпусъ Клейста въ то время еще находился въ окрестностяхъ Шевриньи, послалъ графу Воронцову вторичное приказаніе отступать, извѣстивъ его, что для прикрытія отступленія ввѣренныхъ ему войскъ была назначена вся кавалерія ге-

нералъ-адъютанта Васильчикова. Самъ-же Сакенъ, съ пѣхотою своего корпуса, вышелъ на дорогу ведущую отъ Суассона къ Лану ([18]).

Исполняя полученное предписаніе, Воронцовъ отправилъ назадъ всѣ подбитыя орудія, въ числѣ 22-хъ, и раненыхъ, которыхъ можно было унести съ поля сраженія, перестроилъ пѣхоту въ баталіонныя каре и приказалъ имъ отступать шагомъ черезъ линіи, въ шахматномъ порядкѣ. Но еще войска его не успѣли тронуться съ мѣста, когда непріятель возобновилъ нападеніе. Генералъ Кольбѐръ получилъ приказаніе взойти на плато по крутой тропинкѣ ведущей отъ Краонелль къ мызѣ Ла-Рошъ; пѣхота корпуса Мортье должна была ускорить движеніе. Въ тоже время Наполеонъ, призвавъ къ себѣ генерала Шарпантьѐ, уроженца страны знавшаго хорошо окрестную мѣстность, поручилъ ему начальство надъ войсками Виктора и приказалъ тотчасъ идти въ бой, съ обѣщаніемъ поддержать его пѣхотою Старой гвардіи. Кавалерія Кольбѐра успѣла построиться впереди Ла-Рошъ, не смотря на сильную канонаду и ружейный огонь Навагинскаго и Тульскаго полковъ ([19]). Генерелъ-маіоръ Понсетъ, раненый въ войну 1813 года и стоявшій предъ сими полками на костыляхъ, получивъ два раза повелѣніе отступать, отвѣчалъ: «умру, но не отойду ни шагу.» Командовавшій первою линіей генералъ-маіоръ Вуичъ подъѣхалъ къ нему и получивъ такой-же отвѣтъ, сказалъ: «Ежели Вашему Превосходительству угодно умирать здѣсь, то можете располагать собою, но бригадѣ приказываю отступить» ([20]).

Генералъ Шарпантьѐ, съ своей стороны, построивъ пѣхоту въ густыя колонны, перевелъ ихъ черезъ воклерскій оврагъ, двинулся вдоль опушки лѣса у подошвы платò, чтобы хотя отчасти предохранить свои войска отъ канонады русскихъ батарей,и сталъ взбираться на плато влѣво отъ селенія Айль, на которое снова повелъ атаку генералъ Бойѐ. Какъ только пѣхота Шарпантьѐ появилась на гребнѣ высоты, то 19-й и 44-й егерскіе полки, стоявшіе на оконечности боевыхъ линій, сдѣлавъ перемѣну фронта на лѣво, встрѣтили непріятеля градомъ пулей. Тогда-же графъ Воронцовъ приказалъ командиру одной

изъ бригадъ графа Строганова, генералъ-маіору Сандерсу, съ Нарвскимъ и Ново-Ингерманландскимъ полками, идти на встрѣчу Французамъ. Полки сіи построились въ 300 или 400 шагахъ отъ лѣваго фланга 44-го полка. Но когда дивизія Шарпантьѐ была усилена Старою гвардіей, подъ начальствомъ генерала Фріана, съ одною гвардейскою батареей, то бригада Сандерса была принуждена отойти обратно къ резерву ([21]). Неустрашимый Ширванскій полкъ, выйдя далеко впередъ изъ первой линіи, очутился подъ жестокимъ картечнымъ огнемъ. Когда генералъ-лейтенантъ Лаптевъ подъѣхалъ къ полку и старался ободрить его, бывшіе въ головѣ обѣихъ баталіонныхъ колоннъ гренадеры просили своихъ ротныхъ командировъ (братьевъ Зеленыхъ—капитана и штабсъ-капитана) испросить у генерала позволеніе—взять батарею наносившую имъ вредъ. «Съ Богомъ!» сказалъ Лаптевъ и самъ повелъ полкъ впередъ, но, получивъ сильную контузію, былъ принужденъ оставить поле сраженія. Ширванскій полкъ продолжалъ наступать подъ начальствомъ своего шефа Зварыкина, но и тотъ вскорѣ былъ прострѣленъ на вылетъ. При отступленіи первой линіи сквозь вторую, Ширванцы, все еще оставаясь впереди, были окружены непріятельскою конницею. Изстрѣлявъ патроны, они три раза при барабанномъ боѣ пробивались штыками сквозь непріятеля и присоединились къ прочимъ войскамъ, унеся своего шефа, всѣхъ раненыхъ и тѣла убитыхъ офицеровъ—братьевъ Зеленыхъ ([22]). Какъ въ это время (въ 3-мъ часу) русскіе егеря 2-го и 6-го полковъ уже очистили селеніе Айль, то генералъ Бойѐ, поддержанный дивизіями Мёнье и Кюріаля, занялъ это селеніе; вслѣдъ за тѣмъ, три помянутыя дивизіи выстроились влѣво на плато, а корпусъ Мортье сталъ за ними, во второй линіи. Наполеонъ приказалъ графу Друо̀ (Drouot) ввести въ дѣло шесть резервныхъ гвардейскихъ батарей и поручивъ начальство надъ всею конницею графу Бельяру (Belliard), направилъ его лѣвѣе неевыхъ войскъ, для обхода, вмѣстѣ съ кавалеріей Нансути, Русскихъ съ праваго фланга ([23]).

Несмотря на то, что войска графа Воронцова снялись съ позиціи въ совершенномъ порядкѣ и отходили назадъ шагъ за

шагомъ—«какъ на ученьѣ,» по выраженію самаго Воронцова—непріятель усилилъ свои атаки. Генералъ-маіоръ Бенкендорфъ, съ малочисленною своею бригадою, прикрывая правый флангъ, наиболѣе подвергавшійся опасности, нѣсколько разъ кидался на встрѣчу несравненно сильнѣйшей непріятельской кавалеріи. По достиженіи Серни, Воронцовъ остановилъ пѣхоту, за оврагами образующими тамъ позицію, чтобы выждать кавалерію Сакенова корпуса, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Васильчикова. Содѣйствіе его было необходимо, потому что за Серни мѣстность болѣе открытая позволяла французской конницѣ объѣзжать фланги отступавшей пѣхоты. Генералы Васильчиковъ, Ушаковъ, Ланской, безпрестанно возобновляли нападенія; нѣкоторые полки ходили въ атаку по восьми разъ. По сознанію самихъ Французовъ, «мужественныя и искусныя атаки русской кавалеріи остановили стремительность французскихъ эскадроновъ.» Въ одномъ изъ наиболѣе узкихъ мѣстъ плато̀, русская кавалерія должна была задержать непріятеля, чтобы дать время пройти пѣхотѣ; Французы, пользуясь тѣмъ, стали сильно напирать на кавалерію Чтобы остановить ихъ, графъ Воронцовъ приказалъ 6-му егерскому полку занять вблизи лежащій дворъ обнесенный каменною стѣною; непріятель, подойдя почти къ самой стѣнѣ, внезапно былъ встрѣченъ батальнымъ огнемъ егерей, что̀ заставило его ослабить преслѣдованіе. Между тѣмъ Сакенъ приказалъ генералъ-маіору Никитину поставить артиллерію на позицію позади отступавшихъ войскъ, и пропустивъ ихъ, открыть огонь. Генералъ Никитинъ, расположивъ 36 орудій, нѣсколько впереди того пункта, на которомъ отходитъ дорога въ Шевриньи, встрѣтилъ непріятеля сильнѣйшею канонадою и нанесъ ему чувствительный уронъ ([24]). Около пяти часовъ по полудни, графъ Воронцовъ, оставя въ аррієргардѣ генералъ-маіора Бенкендорфа, съ полками Павлоградскимъ гусарскимъ и 1-мъ Бугскимъ казачьимъ и съ егерскою бригадою генералъ-маіора Красовскаго ([25]), отступилъ къ Шавиньону (Chavignon); тогда-же, по приказанію Сакена, часть пѣхоты безъ орудій была отправлена на Шевриньи, по кратчайшей дорогѣ къ Лану. Главныя силы Наполеона къ ночи

расположились между Филенъ (Filain) и Остель; генералъ Кольбѐръ съ авангардомъ сталъ у Эзи (Aizy), выдвинувъ передовые посты къ гостинницѣ Анжъ-Гардіенъ (Ange-Gardien) (26).

Сраженіе при Краонѣ, въ которомъ со стороны Русскихъ было введено въ бой неболѣе 15,000 человѣкъ противъ двойныхъ силъ подъ личнымъ предводительствомъ Наполеона, есть одинъ изъ знаменитѣйшихъ подвиговъ русскаго оружія. Военное поприще графа Воронцова озарилось въ день краонскаго боя блескомъ славы, возвышенной скромностью, обычною спутницею истиннаго достоинства. Въ донесеніи о битвѣ при Краонѣ, онъ приписалъ совершенный имъ подвигъ генераламъ Лаптеву, Васильчикову, Ланскому, Бенкендорфу, и въ послѣдствіи отзывался не разъ, что вся его заслуга заключалась въ исполненіи обязанностей солдата, что успѣхомъ боя при Краонѣ онъ былъ обязанъ выгодамъ позиціи избранной генераломъ Понсетомъ, и въ особенности мужеству войскъ, коими имѣлъ честь командовать. Въ дѣйствительности-же графъ Воронцовъ, сражаясь на мѣстности обезпеченной отъ обходовъ съ фланговъ и не допускавшей никакихъ маневровъ, сдѣлалъ все зависѣвшее отъ него для возбужденія духа ввѣренныхъ ему войскъ собственнымъ самоотверженіемъ, и по свидѣтельству очевидцевъ, несмотря на жестокую боль въ ушибенной наканунѣ ногѣ, постоянно былъ въ бою, и даже принималъ личную команду то надъ однимъ, то надъ другимъ полкомъ, встрѣчая непріятеля въ разстояніи иногда не далѣе пятидесяти шаговъ батальнымъ огнемъ. Безъ всякаго сомнѣнія, все это могло быть столь-же хорошо исполнено полковыми и баталіонными командирами, но графъ Воронцовъ зналъ, что примѣръ безстрашія и хладнокровія, подаваемый главнымъ начальникомъ, подвергающимся тысячѣ смертей на-ряду съ солдатами, содѣлываетъ ихъ героями.

Уронъ обѣихъ сторонъ былъ весьма значителенъ. Войска графа Воронцова вообще потеряли выбывшими изъ строя до 5,000 человѣкъ, (убито 1,500 и ранено болѣе 3,000 человѣкъ), слѣдовательно треть всего числа людей участвовавшихъ въ дѣлѣ; въ числѣ убитыхъ были генералъ-маіоръ Ушаковъ, шефъ

Курляндскаго полка, пораженный смертельно въ тотъ самый мигъ, когда онъ, ободряя своихъ солдатъ, закричалъ имъ: «Стой Курляндцы!» и полковникъ Паркенсонъ, убитый на своей батареѣ, при атакѣ ея французскою кавалеріей. Убитъ 18-тилѣтній юноша, единственный сынъ графа Строгонова (Павла Александр. начальника резерва въ сраженіи при Краонѣ). До этого времени судьба хранила его въ нѣсколькихъ сраженіяхъ; подъ Краономъ, испросивъ дозволеніе находиться при генералъ-адъютантѣ Васильчиковѣ, онъ былъ сраженъ ядромъ на повалъ. Ранены: генералъ-лейтенантъ Лаптевъ, генералъ-маіоры: Ланской (вскорѣ умершій отъ раны), князь Хованскій, Зварыкинъ, Масловъ и Глѣбовъ. Маріупольскій гусарскій полкъ лишился 22-хъ штабъ и оберъ-офицеровъ; 13-й егерскій полкъ 16-ти штабъ и оберъ-офицеровъ и до 400 нижнихъ чиновъ; Ширванскій пѣхотный полкъ, потерявъ половину наличнаго числа людей, былъ перестроенъ изъ двухъ баталіоновъ въ одинъ. При отступленіи съ поля битвы, не было потеряно — ни орудій, ни зарядныхъ ящиковъ; въ плѣнъ захвачены только лишь до ста человѣкъ изъ раненыхъ (27). Со стороны Французовъ, по собственному ихъ показанію, выбыло изъ фронта вообще 8,000 человѣкъ. Ранены, кромѣ Виктора и Груши, генералы: Лаферьѐръ, Бойѐ, Бигарѐ и Лекапитѐнъ. Дивизія Бойѐ де-Ребеваля потеряла болѣе двухъ третей всего числа людей; въ 14-мъ вольтижерскомъ полку изъ 33-хъ офицеровъ убито и ранено 30 (28).

Обѣ стороны приписывали себѣ побѣду: Французы по тому, что послѣ боя заняли поле сраженія, а Русскіе, нанеся непріятелю огромный уронъ и отразивъ всѣ его нападенія. Французскій историкъ войны 1814 года пишетъ: «правда—поле битвы «осталось за Французами, но принявъ во вниманіе необычай-«ныя жертвы, которыхъ оно имъ стоило, и обстоятельства по-«будившія графа Воронцова противъ воли его къ отступленію, «нельзя не сознаться, что Русскіе въ сей день пріобрѣли столь-«ко-же славы, сколько и противники ихъ» (29).

Въ особенности-же дѣло при Краонѣ важно по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя оно могло имѣть не только въ такомъ

случаѣ, еслибы удался обходъ кавалеріи Винцингероде, но и тогда, когдабъ Блюхеръ, оставя для поддержанія графа Воронцова часть своихъ силъ, (къ чему было весьма достаточно сакенова корпуса), воспользовался геройскою обороною русскихъ войскъ; ничто не мѣшало фельдмаршалу, на другой день послѣ сраженія при Краонѣ, рано утромъ, выйти съ нѣсколькими корпусами въ тылъ Наполеону. Еще наканунѣ, въ 4 часа по полудни, корпусъ Клейста прибылъ къ Фетьё, а корпусъ Іорка, находясь ввечеру оттуда въ десяти верстахъ, могъ соединиться въ ночи съ войсками Клейста. Но, къ сожалѣнію, тотъ, который возбуждалъ своею энергіею Силезскую армію къ великимъ подвигамъ—Блюхеръ, страдая глазами, былъ не въ состояніи распоряжать дѣйствіями, а главный сподвижникъ его—Гнейзенау, пораженный блистательнымъ состояніемъ корпуса Бюлова въ сравненіи съ разстроенными и ослабленными корпусами Клейста и Іорка, заботился болѣе о сохраненіи этихъ войскъ, нежели о новыхъ побѣдахъ. Все это повело къ недоразумѣніямъ между Союзниками: Русскіе не могли понять, почему Блюхеръ, имѣя подъ ружьемъ болѣе 100,000 человѣкъ, оставилъ противъ наполеоновой арміи только 20,000 человѣкъ графа Воронцова, и почему ни одинъ изъ прусскихъ корпусовъ не былъ введенъ въ дѣло, а Пруссаки полагали, что генералъ Винцингероде опоздалъ съ умысломъ; но послѣ всего сказаннаго не подлежитъ сомнѣнію, что дѣйствительными причинами неудачи превосходнаго плана дѣйствій, составленнаго въ главной квартирѣ Блюхера, были: болѣзнь его, нерѣшительность вліятельныхъ лицъ его штаба, способныхъ болѣе къ начертанію, нежели къ исполненію сложныхъ стратегическихъ соображеній, и небрежность Винцингероде, могшаго быть виновникомъ побѣды надъ Наполеономъ ([30]).

Въ день сраженія при Краонѣ, 23-го февраля (7-го марта), вечеромъ, графъ Воронцовъ, съ ввѣренными ему войсками, отступивъ къ Шавиньону, на большую дорогу ведущую изъ Суассона въ Ланъ, оставилъ на пересѣченіи помянутой дороги съ идущею изъ Краона, арріергардъ генералъ-маіора Бенкен-

дорфа ([31]), въ разстояніи не далѣе версты отъ непріятельскаго авангарда, подъ начальствомъ генерала Шарпантьѐ, стоявшаго у Эзи.

Какъ, по распоряженію Блюхера, вся армія должна была сосредоточиться у Лана, то корпусы Винцингероде и Сакена оставались у Шавиньона лишь для того, чтобы дождаться отрядовъ маіора Антонова бывшаго у Вальи и генерала Рудзевича, получившаго приказаніе выступить изъ Суассона. Антоновъ прибылъ къ Шавиньону въ ночи, а Рудзевичъ, получивъ помянутое предписаніе уже по полудни, успѣлъ исполнить его не прежде 11-ти часовъ ночи. Не имѣя въ достаточномъ числѣ лошадей, онъ былъ принужденъ оставить въ городѣ нѣсколько раненыхъ и понтонный паркъ; орудія захваченныя въ Суассонѣ были заклепаны и сброшены въ ровъ. Въ продолженіи двухъ-дневной обороны Суассона, 10-й корпусъ вообще потерялъ до 1000 человѣкъ; уронъ непріятеля былъ еще болѣе, плѣнныхъ взято русскими войсками 360. Какъ большая дорога изъ Суассона въ Ланъ въ ночи была занята Французами, то генералъ Рудзевичъ направился въ обходъ на Куси (Coucy) и Ла-Фѐръ.

Въ полночь казаки 1-го Бугскаго полка, высланные Бенкендорфомъ, пробравшись скрытно черезъ непріятельскіе аванпосты, захватили секретаря канцеляріи начальника штаба Бертьѐ, ганноверскаго уроженца Пальма. Этотъ чиновникъ, поступившій два дня спустя на службу къ Союзникамъ по провіантской части, сообщилъ свѣдѣнія, что Наполеонъ, потерявъ надежду побудить Главную Союзную армію къ сраженію, и опасаясь, чтобъ Блюхеръ не двинулся къ Парижу, направился съ гвардіею на Шато-Тіери, соединился съ корпусами Мармона и Мортьѐ и имѣлъ намѣреніе разбить по частямъ блюхерову армію, подобно тому какъ это удалось ему въ долинѣ Марны. Онъ считалъ Союзниковъ гораздо слабѣйшими, нежели они были въ дѣйствительности, и вовсе не ожидалъ нападенія со стороны Фетьё. По словамъ Пальма, у Наполеона подъ Краономъ было отъ 60-ти до 70-ти тысячъ человѣкъ, за которыми слѣдовали отъ Фимъ еще 20,000. Эти преувели-

ченныя извѣстія заставили Сакена и Воронцова ускорить отступленіе и утвердили главную квартиру Блюхера въ намѣреніи сосредоточить силы у Лана ([32]). Отступленіе значительнаго числа войскъ съ артиллеріей и обозами, по дорогѣ отъ Шавиньона къ Лану, чрезъ рядъ тѣснинъ, было весьма опасно, но къ счастью Французы оставались на занятыхъ ими для ночлега мѣстахъ до десяти часовъ утра, что̀ дало время Сакену и графу Воронцову отойти въ совершенномъ порядкѣ. Арріергардъ генерала Бенкендорфа, отступивъ въ слѣдъ за ними, расположился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Шавиньона близъ Урсель (Urcel), на выгодной позиціи прикрытой болотистымъ ручьемъ. 11-я конная батарея, находившаяся при его войскахъ, была поставлена за мостомъ скрытно въ кустахъ. Непріятельскій авангардъ, подойдя въ 11 часовъ утра къ мосту, былъ неожиданно встрѣченъ картечью закрытой батареи, подался назадъ и въ продолженіи болѣе часа не отваживался возобновить нападеніе. Въ слѣдъ за тѣмъ Французы направились въ обходъ праваго фланга позиціи. Генералъ-адъютантъ Чернышевъ, по приказанію генерала Винцингероде, принявъ начальство надъ арріергардомъ, приказалъ Красовскому, съ его егерскою бригадою и 11-ю конною ротою, занять тѣснину при селеніи Этувель (Etouvelle), а генералу Бенкендорфу— отвести кавалерію на правое крыло главной позиціи у Лана. Непріятель, развернувъ кавалерію по обѣ стороны этувельскаго дефиле, открылъ сильную канонаду и расположилъ пѣхоту авангарда у селенія Урсель. Прочія наполеоновы войска стали въ нѣсколькихъ эшелонахъ на суассонской дорогѣ, а Мармонъ, присоединивъ къ своему корпусу дивизію Арриги, прибылъ черезъ Бери-о-бакъ къ Корбени ввечеру. Кавалерія его заняла Краонъ. Желая обезпечить съ тыла главныя силы арміи, Мармонъ выслалъ сильныя партіи по дорогамъ къ Суассону и Лану, что̀ однакоже не помѣшало казакамъ сдѣлать удачный набѣгъ на французскій обозъ между Корбени и Бери-о-бакъ. Въ тотъ-же день непріятельская кавалерія, оставленная на лѣвой сторонѣ Эны противъ Суассона, заняла сей городъ.

При наступленіи ночи, 13-й и 14-й егерскіе полки были

смѣнены, Саратовскимъ и Пензенскимъ полками. Егеря получили приказаніе отойти на правое крыло позиціи при Ланѣ, но генералъ-адъютантъ Чернышевъ, имѣя противъ себя несравненно сильнѣйшій непріятельскій авангардъ, отложилъ до слѣдующаго утра отступленіе бригады Красовскаго и поставилъ егерей за селеніемъ Этувель, въ резервѣ.

Наполеонъ, узнавъ отъ жителей окрестной страны, что можно было обойти окольнымъ путемъ этувельскую тѣснину, предпринялъ сдѣлать нечаянное нападеніе на правое крыло Союзниковъ у Лана. Съ этою цѣлью состоявшій на ординарцахъ у Наполеона (chef d'escadron d'ordonnance) Гурго̀, съ двумя баталіонами егерей и двумя конно-егерскими эскадронами Старой гвардіи, былъ направленъ въ обходъ на Шалевуа̀ (Challevois) къ Шиви (Chivy), а Ней съ своею пѣхотою получилъ приказаніе овладѣть селеніемъ Этувель, чтобы обезпечить выходъ изъ дефиле къ Лану кавалеріи графа Бельяра. Гурго̀, выступя изъ Шавиньона въ 11 часовъ вечера, двинулся на Шалевуа и долженъ былъ подойти къ Шиви въ часъ по полуночи, но прибылъ гораздо позже. Напротивъ того, нападеніе Нея было весьма успѣшно. 2-й легкій полкъ, подойдя въ тишинѣ къ Этувель, ворвался въ это селеніе на штыкахъ, съ восклицаніями: да здравствуетъ Императоръ! ((vive l'Empereur!). Саратовскій и Пензенскій полки, застигнутые въ расплохъ, были опрокинуты, но мужественное сопротивленіе 13-го и 14-го егерскихъ полковъ дало генералу Чернышеву возможность отвести ввѣренный ему отрядъ въ порядкѣ на позицію при Ланѣ. Отрядъ генерала Рудзевича въ ночи также присоединился къ арміи. Между тѣмъ войска Нея заняли Шиви и соединились съ прибывшимъ туда нѣсколько позже отрядомъ Гурго̀. Бельяръ, еще до разсвѣта, выйдя съ дивизіей Русселя изъ этого селенія, преслѣдовалъ арріергардъ Чернышева, но, достигнувъ подошвы ланскаго плато, былъ встрѣченъ картечью и принужденъ отступить. Утромъ 25-го февраля (9-го марта) вся блюхерова армія находилась въ готовности встрѣтить непріятеля на позиціи у Лана ([33]).

ГЛАВА XV.

Сраженіе при Ланѣ (Laon).

СОДЕРЖАНІЕ.

Мѣстность поля сраженія.—Расположеніе блюхеровой арміи подъ Ланомъ.—Составъ и число Союзныхъ войскъ.—Диспозиція Блюхера на 25-е февраля (9-е марта).—Число французскихъ войскъ.—Причины побудившія Наполеона атаковать Союзниковъ.

Сраженіе 25-го февраля (9-го марта).—Наступленіе Мармона по реймсской дорогѣ и расположеніе его близъ Атисъ.—Предположеніе Союзниковъ атаковать его.—Распоряженія генерала Іорка.—*Ночное нападеніе* на Французовъ.—Уронъ мармонова корпуса.—Диспозиція Блюхера на 26-е февраля (10-е марта).—Наполеонъ рѣшается атаковать Союзниковъ.—*Сраженіе 26-го февраля* (10-го марта).—Отмѣна блюхеровой диспозиціи и сосредоточеніе Союзной арміи подъ Ланомъ.—Отступленіе Наполеона къ Суассону.—Уронъ обѣихъ сторонъ.

Неудовольствіе Союзныхъ корпусныхъ командировъ по поводу отмѣны диспозиціи.—Отъѣздъ Іорка изъ арміи.—Письма къ нему Блюхера и принца Вильгельма прусскаго.—Возвращеніе Іорка.

Утромъ 25-го февраля (9-го марта) вся блюхерова армія была расположена въ боевомъ порядкѣ у Лана (*).

Городъ Ланъ, или Лаонъ, построенъ на высотѣ господствующей надъ окрестною равниною отъ 250-ти до 300 футовъ. Онъ обнесенъ весь, за исключеніемъ мѣстъ прилежащихъ къ крутымъ скатамъ, древними каменными стѣнами, вышиною отъ 15-ти до 20-ти футовъ, съ 46-ю башнями и многими контрфорсами. Нѣсколько проломовъ въ стѣнѣ оставались незадѣланными, и для приведенія города въ оборонительное состоя-

(*) *Планъ сраженія при Ланѣ.*

ніе не было принято Союзниками никакихъ мѣръ, кромѣ расположенія на городскомъ валу нѣсколькихъ батарей. Южные скаты высоты, обращенные въ ту сторону, откуда наступалъ Наполеонъ, усажены виноградниками, чрезъ которые можно взбираться къ городу неиначе, какъ по узкимъ дорогамъ, окаймленнымъ заборами и стѣнками. У подошвы высоты лежатъ къ сѣверу отъ города предмѣстья: Во, Сенъ-Марсель и Нёвиль, а къ югу—селенія: Семилли и Ардонъ. Южная сторона равнины окружающей городъ пересѣчена перелѣсками, заборами и рвами, и потому затруднительна для дѣйствія кавалеріи. Рѣчка Ардонъ изъ окрестностей города направляется къ югу, сливается у Шиви съ другою рѣчкою текущею отъ Молиншара и впадаетъ у Шавиньона въ Лету. Обѣ они болотисты и могли служить довольно хорошимъ прикрытіемъ правому крылу и центру блюхеровой арміи; а третья рѣчка, вытекающая близъ Фетьё и имѣющая отъ Ати (Athies) направленіе къ сѣверу, прикрывала лѣвое крыло Союзниковъ. Главныя дороги сходящіяся въ Ланѣ суть: съ сѣвера: 1) изъ Сенъ-Кентенъ (St-Quentin) чрезъ Ла-Фѐръ; 2) изъ Мобёжа на Авенъ и Марль; а съ юга; 1) изъ Реймса на Бери-о-бакъ и 2) изъ Парижа на Суассонъ. Позиція у Лана была открыта съ обоихъ фланговъ, но высота съ находящимся на ней городомъ доставляла центру блюхеровой арміи опорный пунктъ, занимая который, Союзники могли вполнѣ воспользоваться выгодами своего превосходства въ числѣ войскъ, переходить отъ обороны къ наступленію и охватывать непріятеля съ фланговъ ([1]).

Армія Блюхера, въ числѣ около ста тысячь человѣкъ (60,000 Русскихъ и 40,000 Пруссаковъ) съ шестью стами орудій, была расположена слѣдующимъ образомъ: корпусъ генерала Винцингероде составлялъ *правое крыло*: пѣхота построилась въ баталіонныхъ колоннахъ (*), въ двѣ линіи, между Ланомъ и селеніемъ Тіерѐ (Thierret), а кавалерія, подъ командою графа Орурка, позади пѣхоты, правѣе мызы Авенъ (Aven); артилле-

---

(*) Нѣкоторые изъ баталіоновъ сражавшихся при Краонѣ были сведены по два въ одну колонну.

рія—впереди фронта пѣхоты. Корпусъ Бюлова стоялъ *въ центрѣ*: пѣхота его занимала городъ, селенія Семилли и Ардонъ, и предмѣстья Во и Нёвиль, выславъ густыя цѣпи стрѣлковъ для обороны южнаго и западнаго склоновъ ланской высоты; кавалерія расположилась частью на дорогахъ ведущихъ къ городу; частью-же въ резервѣ, впереди предмѣстья Во; прусскія батареи были размѣщены для обстрѣливанія путей изъ Суассона и Краона, на валу и у подошвы ланской высоты (*). Корпусы Клейста и Іорка составляли *лѣвое крыло*: пѣхота Клейста стояла правѣе реймской дороги, впереди предмѣстья Во (бригада Клюкса) и за мызою Шофуръ (бригада Пирха 1-го); пѣхота Іорка за мызою Мануссъ (въ первой линіи дивизія принца Вильгельма Прусскаго; во второй—Горна); подполковникъ Леттовъ съ тремя баталіонами занималъ совуарскій лѣсъ, правѣе реймсской дороги и мызы Шофуръ; кавалерія обоихъ корпусовъ находилась лѣвѣе и позади пѣхоты; правѣе Шофуръ стояли батареи Клейста, а лѣвѣе—Іорка. Деревня Атисъ была занята двумя баталіонами. Полковникъ Блюхеръ (сынъ фельдмаршала) съ пятью эскадронами расположился въ авангардѣ у Фетьё, а генералъ Кацлеръ, съ двумя гусарскими полками, для поддержанія его, у Айпъ (Aipes). Наконецъ—корпусы Ланжерона и Сакена составляли главный резервъ, въ полковыхъ колоннахъ, между предмѣстьями Нёвиль и Во ([2]).

Союзныя войска находились въ слѣдующемъ составѣ и числѣ:

	батал.	эскадр.	каз. п.	батар.	число людей.
Корпусъ Винцингероде .	28	— 36	—15	—13(**)	— 25,200.
— Бюлова . . .	20	— 19	— »	— 8	— 16,900.
— Клейста . . .	13	— 30	— »	— 9	— 10,600.
— Іорка	17½	— 33	— »	—10	— 13,500.
— Ланжерона . .	43	— 28	— 7	—12	— 24,900.
— Сакена . . .	26	— 24	— 8	— 7	— 12,700.
Всего-же. .	147½	—170	—30	—59	—103,800.

(*) Въ числѣ артиллеріи Бюлова находились двѣ русскія батарейныя роты.

(**) Вмѣстѣ съ прибывшею конною ротою № 21-го.

Въ числѣ этихъ войскъ было: до 72,000 человѣкъ пѣхоты, 18,000 регулярной кавалеріи, 7,000 казаковъ и 7,000 артиллеристовъ ([3]).

25-го февраля (9-го марта), утромъ, Блюхеръ отдалъ слѣдующую краткую диспозицію по арміи:

«Ежели непріятель станетъ наступать противъ занятой нами позиціи, то я намѣренъ атаковать его. Каждый изъ корпусныхъ командировъ долженъ имѣть свой частный резервъ.

«Вмѣстѣ съ переходомъ къ наступленію, батареи выѣдутъ впередъ и откроютъ огонь. По случаю теперешняго тумана, держать войска въ совокупности и охранять фронтъ расположенія пѣхотою» ([4]).

На счетъ числа французской арміи нѣтъ вѣрныхъ свѣдѣній. Допустивъ весьма вѣроятное предположеніе, что у Наполеона, подъ Краономъ вмѣсто 30,000 человѣкъ, показанныхъ Кохомъ и другими французскими писателями, было, по крайней мѣрѣ, 40,000, а послѣ сраженія подъ Краономъ 32,000, и что у Мармона, двигавшагося къ Лану по реймсской дорогѣ, было неменѣе 12,000, оказывается во французской арміи до 44,000 человѣкъ. Но и это число ниже настоящаго, потому что къ Наполеону безпрестанно подходили подкрѣпленія ([5]).

Тѣмъ не менѣе однакоже нельзя было ожидать, чтобы онъ, съ арміею несравненно слабѣйшею Союзной и составленною большею частью изъ новобранцевъ, рѣшился атаковать Блюхера. Но его побудили къ тому чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ онъ находился послѣ сраженія при Краонѣ. Армія Блюхера, успѣвъ сосредоточиться у Лана, была сильнѣе нежели когда-либо. Опасность, угрожавшая съ этой стороны Парижу, неподлежала сомнѣнію. Надлежало, во чтобы то ни стало, оттѣснить Блюхера какъ можно далѣе, и потомъ уже обратиться противъ Шварценберга. Къ тому-же извѣстія о неудачѣ переговоровъ въ Шатильонѣ и Люзиньи, полученныя въ главной квартирѣ французской арміи на полѣ краонскаго сраженія и въ Шавиньонѣ ([6]), не оставляя надежды на миръ, побуждали Наполеона къ отчаяннымъ средствамъ.

Чтобы атаковать блюхерову армію на позиціи у Лана,

Французы могли направиться по реймсской, либо по суассонской дорогѣ. Первая изъ нихъ была удобнѣе для движенія войскъ, нежели вторая, пролегавшая чрезъ тѣснины у селеній Этувель и Шиви. Но еслибы Наполеонъ возвратился къ Крану и двинулся оттуда, какъ сперва предполагалъ, по реймсской дорогѣ, то хотя и отрѣзалъ-бы Союзниковъ отъ Бельгіи и нижняго Рейна, однако-же потерялъ-бы собственныя сообщенія съ Парижемъ и открылъ Блюхеру путь къ своей столицѣ. Желая непосредственно прикрывать Парижъ, Наполеонъ рѣшился идти къ Лану по суассонской дорогѣ, а корпусъ Мармона, тогда находившійся на реймсской дорогѣ, направить по ней, отдѣльно отъ прочихъ войскъ, также къ Лану (7). Такимъ образомъ онъ нарушилъ одно изъ своихъ главныхъ правилъ: «не назначать для сосредоточенія силъ такого пункта, на которомъ насъ можетъ предупредить противникъ.»

Наполеонъ, прибывъ съ арміею на суассонскую дорогу и перенеся свою главную квартиру въ Шавиньонъ, оставался на мѣстѣ въ продолженіе 24-го февраля (8-го марта), чтобы дать отдыхъ войскамъ и способствовать корпусу Мармона приблизиться къ Лану. На другой день послѣ неудавшагося ночнаго покушенія противъ авангарда генерала Чернышева, французскія войска, рано утромъ, выступили съ биваковъ и двинулись чрезъ этувельскую тѣснину противъ позиціи Блюхера. Кавалерія Бельяра, еще до разсвѣта, подойдя къ правому крылу Союзной арміи и будучи встрѣчена картечью русскихъ батарей, отошла назадъ и расположилась внѣ ихъ выстрѣла.

Въ продолженіе ночи выпалъ снѣгъ, а на разсвѣтѣ густой туманъ покрылъ всю окрестность непроницаемою для взора завѣсою. Пользуясь тѣмъ, маршалъ Ней двинулся съ пѣхотою своего корпуса отъ Шиви, въ семь часовъ утра, по дорогѣ къ Лану и выслалъ дивизію генерала Бойе къ Семилли. Маршалъ Мортье, выйдя изъ тѣснины въ слѣдъ за войсками Нея, направилъ дивизію Порè де-Морвана къ Ардону. Тогда-же Бельяръ выслалъ на рекогносцировку сильные разъѣзды влѣво къ селенію Класси.

Подполковникъ Клаузевицъ, съ 1-мъ баталіономъ 4-го Во-

сточно-Прусскаго полка и съ частью 4-го резервнаго полка, занимавшій Самилли, устроилъ баррикады и пробилъ въ стѣнахъ домовъ бойницы. Въ 9 часовъ утра непріятель открылъ по селенію канонаду и въ слѣдъ за тѣмъ штурмовалъ его. Нѣсколько разъ Французы врывались въ селеніе, но были выбиваемы оттуда войсками Клаузевица, поддержанными, по распоряженію Тюмена и самаго Бюлова, пѣхотою стоявшею въ резервѣ. Генералъ Поре де-Морванъ вытѣснилъ прусскихъ стрѣлковъ изъ Ардона, и выйдя изъ этого селенія, подошелъ къ подошвѣ высоты, но былъ отброшенъ обратно въ Ардонъ фузелернымъ баталіономъ 3-го Восточно-Прусскаго полка съ пособіемъ стрѣлковъ 4-го и 9-го резервныхъ полковъ (8).

Наполеонъ, подъ прикрытіемъ передовыхъ войскъ, постепенно развернулъ свою армію между селеніемъ Лёльи (Leully) и холмомъ противъ Класси. Въ первой линіи стали: корпусъ Нея (дивизіи Бойе, Мёнье и Кюріаля) *въ центрѣ*, противъ Семилли; корпусъ Мортье (Поре де-Морванъ съ одною дивизіей Молодой гвардіи и Христіани съ дивизіей Старой гвардіи), *на правомъ крылѣ*, противъ Ардона; корпусъ Виктора, подъ командою Шарпантьѐ, прибывшій позже двухъ первыхъ, (дивизіи Молодой гвардіи: Шарпантьѐ и Бойе де-Ребеваля) *на лѣвомъ крылѣ*, противъ Класси. *Въ резервѣ* находились: Фріанъ съ одною дивизіей Старой гвардіи, кавалерія генераловъ Груши и Нансути, резервная артиллерія. Всего-же подъ ружьемъ у Наполеона было 36,000 человѣкъ, въ числѣ коихъ нѣсколько тысячъ національной стражи (9).

Въ 11 часовъ, когда туманъ совершенно разсѣялся, и съ высоты Лана можно было обозрѣть непріятеля и приблизительно вывести заключеніе о его силахъ, Блюхеръ сдѣлалъ распоряженія къ нападенію на Французовъ. Фельдмаршалъ страдалъ воспаленіемъ глазъ и производя рекогносцировку, надѣлъ, въ видѣ глазнаго зонтика, дамскую шляпу. Получивъ тогда-же извѣстіе о появленіи непріятельской колонны на реймсской дорогѣ, онъ рѣшился предупредить сосредоточеніе наполеоновыхъ войскъ и атаковать Французовъ прежде прибытія ожидаемыхъ ими подкрѣпленій. Приступомъ къ общему

нападенію долженствовала быть ложная атака корпуса Винцингероде на лѣвое крыло французской арміи. 12-я дивизія князя Хованскаго, пройдя чрезъ Класси, двинулась далѣе въ бродъ черезъ рѣчку, а казаки проникли до Монса (Mons en Laonnais) ([10]); успѣхи этихъ войскъ и удачное дѣйствіе русской артиллеріи заставили непріятеля осадить лѣвое крыло, но въ слѣдъ за тѣмъ наступленіе легкой кавалеріи генерала Грувѐля (Grouvelle) остановило войска Винцингероде. Нѣсколько спустя, Бюловъ приказалъ генералу Крафту, съ частью его бригады, выступить отъ аббатства Сенъ-Винцентъ къ Ардону и овладѣть этимъ селеніемъ. Кавалерія Русселя кинулась на встрѣчу Крафту, но была отброшена къ Лёльи. Селеніе Ардонъ нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки. Между тѣмъ Блюхеръ, получивъ съ лѣваго крыла арміи извѣстіе о наступленіи сильной непріятельской колонны по реймсской дорогѣ, полагалъ, что это были главныя силы Наполеона и что они поведутъ рѣшительную атаку на лѣвый флангъ Союзной арміи, болѣе доступный нежели прочіе пункты занятой ею позиціи. Подъ вліяніемъ такого убѣжденія, фельдмаршалъ пріостановилъ наступленіе резервной кавалеріи генерала Оппена, которую прежде хотѣлъ направить черезъ Ардонъ въ тылъ непріятелю. Напротивъ того Наполеонъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о Мармонѣ: всѣ офицеры, посланные къ маршалу для ускоренія его прибытія къ Лану, были перехвачены казаками въ тылу французской арміи. Въ такихъ обстоятельствахъ, Наполеонъ, желая выиграть время, ограничился частными атаками на Семилли и Ардонъ; когда-же около четырехъ часовъ по полудни, прибылъ на поле сраженія генералъ Шарпантьѐ съ войсками Виктора, поведено было усиленное нападеніе на Класси. Атака этого селенія, окруженнаго болотами и доступнаго только лишь по дорогѣ изъ Монса, была затруднительна; но Наполеонъ, направя на сей пунктъ, кромѣ двухъ дивизій Шарпантьѐ, дивизію Кюріаля, и подкрѣпивъ эти войска Старою гвардіей Фріана, успѣлъ въ своемъ предпріятіи; бригада Монмари, въ головѣ прочихъ, ворвалась въ селеніе, занятое двумя баталіонами

дивизіи князя Хованскаго, и выбила ихъ оттуда ([11]). За то генералу Крафту удалось окончательно овладѣть Ардономъ и отразить всѣ дальнѣйшія покушенія Французовъ. Въ числѣ убитыхъ со стороны непріятеля были генералъ Порè де-Морванъ и полковникъ Леклеркъ ([12]). Занятіе прусскими войсками Ардона и движеніе части резервной кавалеріи Оппена оттуда къ Лёльи послужили къ совершенному разобщенію наполеоновой арміи отъ корпуса Мармона. Дальнѣйшій бой ограничился канонадою и довольно живою перестрѣлкою. При наступленіи ночи Наполеонъ приказалъ пѣхотѣ расположиться на бивакахъ тамъ, гдѣ она находилась въ концѣ сраженія, именно между Лёльи и Класси; кавалерія, за исключеніемъ нѣсколькихъ польскихъ эскадроновъ Паца оставленныхъ на аванпостахъ, отошла за рѣчку Шиви и размѣстилась по селеніямъ Этувель, Шавиньонъ, Монсъ и Лаваль; а бригада Грувелля была послана въ Суассонъ ([13]).

Корпусъ Мармона выступилъ на разсвѣтѣ изъ Корбени, но встрѣтивъ у Фетьё передовой отрядъ полковника Блюхера, остановился въ восемь часовъ утра, потому что густой туманъ не дозволялъ видѣть ни мѣстности, ни непріятеля, и двинулся далѣе уже въ часъ по полудни. По мѣрѣ наступленія Французовъ, полковникъ Блюхеръ и стоявшій у Айппъ (Aippes) генералъ Кацлеръ отошли на высоту близъ Атисъ и были поддержаны тамъ огнемъ высланной имъ въ подкрѣпленіе пѣшей батареи № 1-го. Мармонъ, занявъ съ боя другую высоту, поросшую лѣсомъ, правѣе большой дороги, противъ селенія Атисъ, открылъ сильную канонаду. Тогда-же 1-й кавалерійскій корпусъ двинулся отъ Айппъ, правѣе прочихъ французскихъ войскъ, угрожая обходомъ лѣвому флангу Союзниковъ. Герцогъ Падуйскій (Арриги), получивъ приказаніе овладѣть Атисомъ, ворвался туда и несмотря на храбрый отпоръ двухъ прусскихъ баталіоновъ, занялъ селеніе загорѣвшееся въ пылу боя. Пользуясь тѣмъ, Мармонъ, около четырехъ часовъ по полудни, выдвинулъ 24 орудія для дѣйствія по стоявшимъ противъ него прусскимъ батареямъ. Генералъ Іоркъ, получивъ еще во второмъ часу отъ полковника Блюхера извѣстіе о наступленіи

французской кавалеріи въ обходъ лѣваго фланга Союзниковъ, приказалъ генералу Цитену, съ резервною кавалеріей обоихъ прусскихъ корпусовъ (14), Іорка и Клейста, двинуться влѣво черезъ рѣчку и расположиться по сѣверную сторону поросшей кустарникомъ лощины. Непріятельская кавалерія остановилась по южную сторону этой лощины перерѣзанной широкими рвами. Между тѣмъ генералъ Гнейзенау испросилъ у фельдмаршала дозволеніе усилить лѣвое крыло арміи корпусами Сакена и Іорка, которые, сдѣлавъ перемѣну фронта назадъ, стали вдоль дороги ведущей въ Марль, правымъ флангомъ къ городу, а лѣвымъ къ селенію Шамбри (Chambry); тогда-же генералъ Бенкендорфъ съ двумя конными полками и всѣ русскія конно-артиллерійскія роты были посланы въ подкрѣпленіе лѣвому крылу (15). Къ ночи канонада прекратилась. Мармонъ, желая открыть сообщеніе съ главными силами арміи, отрядилъ влѣво полковника Фавьѐ (Fabvier) съ нѣсколькими стами человѣкъ кавалеріи и двумя орудіями (16), но хотя разстояніе Атиса отъ Лёльи неболѣе шести верстъ, однакоже болотистое свойство мѣстности между этими селеніями и смѣлые поиски донцевъ по–прежнему совершенно прерывали связь между арміей Наполеона и корпусомъ Мармона.

Сраженіе казалось оконченнымъ—по крайней мѣрѣ, до слѣдующаго утра. Все было тихо въ полумракѣ звѣздной ночи, и только лишь зарево бивачныхъ огней и пожаровъ въ селеніяхъ и кое-гдѣ раздававшіеся ружейные выстрѣлы у Атисъ напоминали близкое сосѣдство непріятеля. Расположеніе Мармона, столь-же угрожающее сообщеніямъ Союзниковъ, сколько опасное для него самаго, подало офицерамъ іоркова штаба идею—неожиданно атаковать почью стоявшій противъ нихъ корпусъ. Самъ Іоркъ, признавъ несомнѣнную выгоду нападенія превосходными силами, поддержаннаго 37-ю тысячами человѣкъ Ланжерона и Сакена, послалъ одного изъ своихъ адъютантовъ графа Бранденбурга къ генералу Цитену узнать—считаетъ-ли онъ возможнымъ атаковать Французовъ—и получилъ въ отвѣтъ, что «онъ постарается это исполнить;» генералъ Клейстъ также изъявилъ совершенную готовность участвовать въ нападеніи.

За тѣмъ поручено было графу Бранденбургу испросить согласіе фельдмаршала, но едва лишь успѣлъ онъ проѣхать половину разстоянія до главной квартиры, какъ встрѣтилъ блюхерова адъютанта графа Гольца, съ приказаніемъ Іорку—немедленно атаковать непріятеля; получивъ желаемое разрѣшеніе, Іоркъ тотчасъ собралъ къ себѣ всѣхъ главныхъ начальниковъ обоихъ корпусовъ и въ немногихъ словахъ изложилъ имъ свои распоряженія: принцъ Вильгельмъ (*), съ своею дивизіей, долженъ былъ атаковать Атисъ, Горнъ—двинуться правѣе этого селенія, корпусъ Клейста, направясь по обѣ стороны реймской дороги, обойти непріятеля съ лѣваго фланга, а Цитенъ—ударить ему въ правый флангъ и тылъ. Приказано «наступать въ густыхъ колоннахъ, съ соблюденіемъ всевозможной тишины, безъ выстрѣла.» Пароль былъ «Богъ» (Gott); лозунгъ — «Фридрихъ» ([17]).

Войска двинулись по указаннымъ направленіямъ. Между тѣмъ Мармонъ, не успѣвъ войти въ связь съ главными силами Наполеона, принялъ нѣкоторыя предосторожности на случай нападенія. Съ наступленіемъ ночи было приказано отодвинуть назадъ артиллерію стоявшую у Атисъ, вывести войска изъ этого селенія и собрать ихъ у лѣсистой высоты. По свидѣтельству самаго маршала, онъ предполагалъ отойти на ночь къ Фетьё и возвратиться къ Лану на слѣдующее утро. Но генералъ Іоркъ недалъ ему времени исполнить это намѣреніе. Принцъ Вильгельмъ подошелъ первымъ къ непріятелю, ворвался въ Атисъ и преслѣдовалъ остававшіеся тамъ два баталіона къ лѣсистой высотѣ. Напрасно Французы покушаются тамъ устроиться; войска принца, съ барабаннымъ боемъ и съ громкими криками ура, неотступно преслѣдуютъ опрокинутаго непріятеля, рубятъ канонеровъ и захватываютъ множество орудій стоявшихъ на отвозахъ. Французы бѣгутъ, пораженные паническимъ страхомъ. Достигнувъ шоссе, принцъ остановилъ свою пѣхоту, чтобы сколько нибудь устроить ее; дальнѣйшее-же преслѣдованіе было предоставлено фузелернымъ баталіонамъ.

(*) Братъ Короля Фридриха-Вильгельма III.

*

Дивизія Горна, при которой находился самъ Іоркъ, наступавшая по большой дорогѣ, не встрѣтивъ ни одного непріятельскаго поста, незамѣтно подошла къ французской батареѣ. «Не прикажете-ли взять ее»—спрашиваетъ Горнъ. «Съ Богомъ!» отвѣчаетъ Іоркъ Раздается оглушительное ура и всѣ стоявшія здѣсь орудія, едва успѣвъ сдѣлать по одному выстрѣлу, взяты, а прикрытіе ихъ частью изрублено—частью ищетъ спасенія въ бѣгствѣ.

Войска Клейста, двинувшись правѣе шоссе, столь-же успѣшно атаковали непріятеля съ его лѣваго фланга и преслѣдовали его, съ барабаннымъ боемъ и звуками егерскихъ рожковъ, при неумолкавшихъ восклицаніяхъ солдатъ упоенныхъ побѣдою.

Кавалерія Цитена опрокинула нѣсколько французскихъ кирасирскихъ полковъ, стоявшихъ впереди рѣчки, (при чемъ предъ каждою атакою высылались впередъ офицеры для разузнанія встрѣчаемыхъ войскъ). За тѣмъ Цитенъ, перейдя черезъ рѣчку и миновавъ Атисъ, предложилъ Юргасу ударить на Французовъ. «Я вижу, что вы по прежнему расположены ко мнѣ,» (Ich sehe, dass Sie mich noch lieb haben), отвѣчаетъ Юргасъ и въ головѣ Литовскихъ драгунъ кидается въ карьеръ на биваки непріятельской кавалеріи, которая, не успѣвъ устроиться, уходитъ по реймсской дорогѣ. Генералъ Юргасъ стремится въ слѣдъ за нею на эту дорогу загроможденную французскимъ артиллерійскимъ паркомъ. Канонеры, настигнутые Литовскими драгунами и Бранденбургскими уланами, стараются увезти паркъ, но всѣ ихъ усилія напрасны: одни изъ орудій въ сумотохѣ опрокинуты во рвы; другія, лишенныя прикрытія и прислуги, попадаютъ въ руки прусской кавалеріи. Непріятель, смѣшавшись съ нею, старается уйти незамѣтно, но войска Юргаса распознаютъ Французовъ по оклику «Гейрихъ» (Heirich), на который они, не умѣя выговорить это слово, отвѣчаютъ «Эрихъ» (Oerich). Разстройство и безпорядокъ непріятельскихъ войскъ не имѣли предѣла, и только лишь отряду полковника Фавье, тогда возвратившемуся на реймсскую дорогу, удалось нѣсколько замедлить быстроту преслѣдованія, которое однако-же продолжалось безостановочно до Фетьё. Четыре

фузелерныхъ баталіона заняли это селеніе: кавалерія расположилась на бивакахъ; казаки дошли до Корбени и Краона; главныя-же силы обоихъ прусскихъ корпусовъ стали на полѣ сраженія близъ Атисъ ([18]).

Корпусъ Мармона не прежде успѣлъ собраться, какъ перейдя за Эну у Бери-о-бакъ. Уронъ его убитыми и ранеными въ точности неизвѣстенъ; плѣнными—2.500 человѣкъ. 40 (по другимъ свѣдѣніямъ—45) орудій и болѣе ста зарядныхъ ящиковъ захвачены побѣдителями ([19]). Потери прусскихъ войскъ не превышали нѣсколькихъ сотъ человѣкъ ([20]). Хотя ночное нападеніе при Атисѣ было облегчено неопытностью французскихъ конскриптовъ, однако-же должно отдать полную справедливость сохраненію порядка въ прусскихъ войскахъ и находчивости ихъ начальниковъ. По мнѣнію Мюффлинга, Мармонъ, еще 25-го февраля (9-го марта), по достиженіи Фетьё, услышавъ канонаду гремѣвшую у Лана (*), долженъ былъ свернуть съ реймсской дороги влѣво и идти, черезъ Парфондрю и Брюйеръ, на соединеніе съ Наполеономъ ([21]), но въ этомъ направленіи, сколько можно судить по современнымъ картамъ, небыло удобной дороги для движенія цѣлаго корпуса съ артиллерійскимъ паркомъ.

Въ продолженіе дѣла Блюхеръ получилъ нѣсколько извѣстій о ходѣ боя: по взятіи высоты поросшей лѣсомъ, Іоркъ поручилъ графу Бранденбургу донести о томъ въ главную квартиру. Фельдмаршалъ, тогда сидѣвшій за ужиномъ съ генералами Гнейзенау, Мюффлингомъ и другими лицами своего штаба, былъ чрезвычайно обрадованъ этимъ успѣхомъ, приказалъ благодарить Іорка и далъ ему знать, что войска готовятся на слѣдующее утро идти къ Фетьё.

Второе извѣстіе было доставлено Рёдеромъ. Блюхеръ уже легъ спать; небольшая лампадка слабо освѣщала его комнату. Получивъ донесеніе о блистательныхъ успѣхахъ одержанныхъ прусскими войсками, онъ сказалъ: «Ей Богу, вы, старые Іорк-

(*) 25-го февраля (9-го марта) дулъ вѣтеръ съ запада, и по тому Мармонъ могъ слышать явственно канонаду раздававшуюся къ югу отъ Лана; напротивъ того, Наполеонъ не слышалъ канонады у Атисъ.

цы, славные молодцы; скорѣе обрушится Небо, нежели вы измѣнитесь» (Bei Gott, Ihr alten Yorkschen seid ehrliche brave Kerls; wenn man sich auf eich auch nicht mehr verlassen könnte, da fiele der Himmel ein).

Наконецъ, въ 11 часовъ, прибылъ въ Ланъ Люцовъ, съ извѣстіемъ о совершенномъ пораженіи непріятеля Фельдмаршалъ послалъ въ отвѣтъ Іорку диспозицію на 26-е февраля (10-е марта) и слѣдующую записку.

Гл. кварт. Ланъ, 9-го марта, полночь.

«В. П. снова явили примѣръ, чего можетъ достигнуть благоразуміе въ соединеніи съ рѣшительностью. Поздравляя Васъ съ блистательными успѣхами сего дня, предполагаю въ прилагаемой диспозиціи лишь продолжать то, что Вы такъ хорошо начали» ([22]).

Въ полночь съ 25-го на 26-е февраля (съ 9-го на 10-е марта), фельдмаршалъ отдалъ диспозицію на слѣдующій день, въ которой, объявляя объ успѣхѣ одержанномъ войсками генерала Іорка, предписывалъ:

Корпусамъ *Іорка* и *Клейста* преслѣдовать правое крыло непріятельской арміи на Бери-о-бакъ и открыть сообщеніе черезъ Реймсъ съ корпусомъ графа Сенъ-Пріеста и Главною арміей.

Корпусу *Сакена* идти по шоссè къ Корбени и смотря по обстоятельствамъ переправиться черезъ Эну при Бери-о-бакъ, либо между этимъ селеніемъ и Вальи.

Корпусу *Ланжерона*, взявъ съ собою понтонный паркъ, стоящій въ Шери (Chery), на дорогѣ изъ Лапа въ Гизъ (Guise), двинуться на Брюйèръ по краонской дорогѣ, къ Гёртебизъ, отправить оттуда понтоны къ Мисси (Missy), для наведенія тамъ моста на Энѣ, и потомъ, на основаніи послѣдующихъ свѣдѣній, повернуть вправо къ Анжъ-Гардіенъ, для отрѣзанія лѣваго крыла непріятельской арміи, либо переправиться у Мисси и идти на Бренъ (Braine).

Корпусы *Винцингероде* и *Бюлова*, въ случаѣ отступленія лѣваго крыла непріятельской арміи, преслѣдуютъ его—первый по старой суассонской дорогѣ, на Пинонъ, а второй—по новой дорогѣ, на Шавиньонъ ([23]).

Наполеонъ, надѣясь на содѣйствіе корпуса Мармона, сдѣлалъ ввечеру 25-го февраля (9-го марта) слѣдующія распоряженія:

«Дивизіи Шарпантье и Бойе-де-Ребеваля, поддержанныя корпусомъ принца Московскаго (Нея), дивизіей Фріана, тремя кавалерійскими дивизіями (*) и артиллерійскимъ резервомъ, выступивъ изъ Класси въ шесть часовъ утра, оттѣснятъ правое крыло Союзниковъ къ Нёвилю.

«Маршалъ герцогъ Рагузскій (Мармонъ), съ 6-мъ корпусомъ, 2-ою дивизіей парижскаго резерва и кавалеріей Бордесуля, двинется въ обходъ, чтобы отрѣзать путь ведущій изъ Лана въ Вервенъ (Vervins).

«Маршалъ герцогъ Тревизскій (Мортье), съ дивизіями Порè де-Морвана и Христіани, драгунами Русселя и польскими уланами графа Паца, расположась въ центрѣ противъ селенія Ардона, поддерживаетъ главную атаку.

«На основаніи сей диспозиціи, непріятель, занимающій ланское плато, будетъ обойденъ съ обоихъ фланговъ и удержанъ на суассонской дорогѣ съ фронта» ([24]).

Такимъ образомъ Наполеонъ, имѣя, со включеніемъ мармонова корпуса, не болѣе 45,000 человѣкъ, предполагалъ атаковать съ обоихъ фланговъ сто-тысячную армію, опиравшуюся въ центрѣ на весьма выгодный для обороны пунктъ—Ланъ. Получивъ въ часъ по полуночи ([25]), отъ бѣжавшихъ съ реймсской дороги, свѣдѣніе о разбитіи Мармона, онъ сначала не повѣрилъ ихъ показаніямъ, а потомъ, когда уже нельзя было сомнѣваться въ истинѣ, рѣшился все-таки остаться противъ Лана. Полагая не безъ основанія, что Блюхеръ, отрядивъ значительную часть войскъ по дорогѣ къ Реймсу, ослабилъ свою армію въ центрѣ и на правомъ крылѣ, Наполеонъ надѣялся воспользоваться тѣмъ и одержать успѣхъ надъ Союзниками у Лана, либо, по крайней мѣрѣ, озаботивъ Блюхера обороною позиціи при Ланѣ, не позволить ему настойчиво преслѣдовать Мармона ([26]).

(*) Дивизіи Лаферьера, Кольбера и Эксельмана.

Утромъ 26-го февраля (10-го марта), когда французскія войска едва успѣли построиться къ бою, Союзники предупредили ихъ наступленіе атакою на Класси. Графъ Воронцовъ направилъ 12-ую дивизію князя Хованскаго къ этому селенію, а генералъ-маіора Балка, съ 2-ою драгунскою дивизіей, послалъ правѣе въ обходъ къ Монсу (Mons en Laonnais). Генералъ Шарпантьѐ успѣлъ, въ продолженіе ночи, приготовиться къ оборонѣ. Всѣ доступы въ селеніе Класси были заграждены завалами и вооружены артиллеріей, а внутри селенія, на высотѣ у церкви, господствовавшей надъ всею окрестною мѣстностью, расположена сильная батарея. Войска князя Хованскаго нѣсколько разъ врывались въ Класси, но не могли удержаться тамъ. Графъ Воронцовъ послалъ имъ въ помощь нѣсколько баталіоновъ 21-й дивизіи Лаптева, чтѐ заставило Шарпантьѐ ввести въ дѣло почти всю пѣхоту ввѣренныхъ ему двухъ дивизій. Тогда-же маршалъ Ней, поставя нѣсколько батарей на возвышеніи, чрезъ которое пролегаетъ дорога изъ Монса въ Ланъ, открылъ огонь во флангъ русскимъ колоннамъ, но дѣйствіе этихъ орудій нанесло не менѣе вреда и Французамъ оборонявшимъ Класси. Не смотря однако-же на то, Шарпантьѐ отразилъ всѣ атаки русскихъ войскъ, но когда пѣхота его вышла въ слѣдъ за ними изъ селенія въ поле, то состоявшая при корпусѣ Бюлова, батарейная рота № 34-го полковника Магденка, будучи выдвинута на позицію правѣе Семилли и дѣйствуя по непріятелю анфиладными выстрѣлами, нанесла ему чувствительный уронъ и заставила его возвратиться въ Класси.

Наполеонъ, въ продолженіи боя, прибылъ въ Класси, а потомъ находился на небольшомъ холму, правѣе этого селенія, откуда могъ удобно слѣдить за ходомъ сраженія.

Въ два часа по полудни, прусскіе резервы, стоявшіе въ городѣ на краю плато, отошли нѣсколько назадъ. Наполеонъ, полагая, что Блюхеръ, утомленный упорнымъ сопротивленіемъ французской арміи, вывелъ свои войска изъ города, и надѣясь безъ большаго сопротивленія овладѣть имъ, поручилъ это дѣйствіе Нею съ дивизіями Кюріаля и Мёньѐ: первая изъ нихъ, построясь въ густыя баталіонныя колонны, подошла подъ гро-

момъ сильныхъ батарей къ позиціи; два баталіона повели атаку на Семилли, но были отражены подполковникомъ Клаузевицемъ съ тремя ротами фузелеровъ 4-го резервнаго полка; другія непріятельскія войска, направленныя къ Ардону, были встрѣчены 1-мъ баталіономъ Кольбергскаго полка, 9-мъ резервнымъ полкомъ и фузелерами 1-го Неймаркскаго ландвернаго полка, и также принуждены отступить; послѣдующія дѣйствія ограничились перестрѣлкою ([27]).

Наполеонъ, убѣдясь въ невозможности овладѣть Ланомъ, все-таки нерѣшался отступать и изъявилъ намѣреніе двинуться къ дорогѣ ведущей въ Ла-Феръ; но когда посланные на рекогносцировку по этому направленію Друо̀ и Бельяръ удостовѣрились въ невозможности такого покушенія, тогда, уже около четырехъ часовъ по полудни, были сдѣланы распоряженія къ отступленію по суассонской дорогѣ. Тѣмъ неменѣе однакоже канонада продолжалась до самой ночи ([28]).

Союзники, имѣя тройныя силы въ сравненіи съ непріятелемъ, не перешли въ наступательное положеніе противъ дерзкаго противника, а сочли нужнымъ, прекративъ преслѣдованіе Мармона, снова сосредоточить армію на позиціи у Лана. Такого образа дѣйствій нельзя объяснить—ни невѣдѣніемъ о силахъ Наполеона, потому что ихъ можно было ясно видѣть и даже почти сосчитать съ вершины плато̀, ни обычнымъ страхомъ столкновенія съ Наполеономъ: сраженіе при Краонѣ показало, что Союзники не опасались съ нимъ встрѣчи даже и тогда, когда у него были двойныя силы. Но къ несчастью, тотъ, котораго энергія одушевляла Союзную армію—Блюхеръ, въ ночи съ 25-го на 26-е февраля (съ 9-го на 10-е марта), заболѣлъ такъ сильно, что былъ принужденъ слечь въ постелю, и не имѣя возможности лично управлять дѣйствіями, предоставилъ рапоряжаться ими начальнику своего штаба. Генералъ Гнейзенау имѣлъ большое участіе въ составленіи соображеній для дѣйствій Силезской арміи—и самъ Блюхеръ вполнѣ сознавалъ его заслуги. Но здѣсь, болѣе нежели когда-либо, подтвердилась истина—что сила воли, умѣнье говорить съ солдатомъ, искусство возбуждать войска къ великимъ подвигамъ, не мо-

гуть быть замѣнены ни глубокими свѣдѣніями въ военномъ дѣлѣ—ни способностью къ составленію плановъ для дѣйствій. Генералъ Гнейзенау не могъ замѣнить Блюхера. Командиры корпусовъ считали его педантомъ, непрактичнымъ человѣкомъ, и къ тому-же—хотя Пруссаки отдавали справедливость графу Воронцову и русскимъ войскамъ за дѣло при Краонѣ, а Русскіе Іорку и его сподвижникамъ за пораженіе Мармона ([29]), однако-же между Союзниками не было взаимнаго довѣрія. Самъ Мюффлингъ пишетъ, что Гнейзенау, отмѣняя прежнюю диспозицію, былъ руководимъ желаніемъ сохранить прусскія войска. «Диспозиція слишкомъ отважна—сказалъ онъ —Фельдмаршалъ боленъ, и я не могу принять на себя такой отвѣтственности» ([30]).

Слѣдствіемъ того были предписанія всѣмъ корпусамъ возвратиться на позицію у Лана ([31]). Корпусы Іорка и Клейста, выступившіе на-разсвѣтѣ по реймсской дорогѣ и уже миновавшіе Фетьё, воротились въ Атисъ; корпусъ Сакена, достигшій Корбени, и Ланжеронъ, предполагавшій идти чрезъ Прель и Шевриньи, къ Шавиньону, обратились назадъ къ Лану. Для преслѣдованія-же Мармона осталась лишь кавалерія Бенкендорфа и Кацлера, изъ коихъ первый къ вечеру дошелъ до Бери-о-бакъ, а второй до Корбени. Такимъ образомъ Союзники упустили случай довершить пораженіе Мармона, и можетъ быть даже разбить Наполеона, который, имѣя не болѣе 30-ти или 35-ти тысячъ человѣкъ, могъ быть окруженъ тройными силами и поставленъ въ такое-же безвыходное положеніе, въ какомъ онъ находился въ концѣ сраженія при Ватерлоо.

Наполеонъ воспользовался нерѣшительностью Союзниковъ. Еще ввечеру 26-го февраля (10-го марта) Старая гвардія вмѣстѣ съ главною квартирою возвратилась въ Шавиньонъ; за нею въ ночи отошли за этувельскую тѣснину корпусы Нея и Мортье, подъ прикрытіемъ одной изъ неевыхъ бригадъ и улановъ Кольбера; войска-же Шарпантье, и въ аррьергардѣ ихъ собственная его дивизія съ драгунами Русселя, отступили по проселочной дорогѣ на Анизи (Anizy). Передовые посты оставались на полѣ сраженія до разсвѣта. Обозы, паркъ, раненые и плѣнные

были заблаговременно отправлены по большой дорогѣ къ Суассону. Начальникъ неева арріергарда генералъ Семери (Semery) былъ атакованъ, въ 9 часовъ утра, у Этувеля, отрядомъ генералъ-маіора графа Палена и казачьими полками корпуса Винцингероде. Часть обоза, отставшая отъ арміи, была настигнута и захвачена казаками, которымъ тогда-же удалось освободить плѣнныхъ взятыхъ Французами въ сраженіи при Ланѣ. Прочія Союзныя войска оставались на мѣстѣ и вообще преслѣдованіе было слабо. Въ три часа по полудни армія Наполеона прибыла къ Суассону. Кавалерія его, выславъ сильные разъѣзды по дорогамъ къ Нойону, Куси и Вальи, расположилась вдоль лѣваго берега Эны. Корпусъ Мармона отступилъ на лѣвую сторону рѣки Вель къ Фимъ ([32]).

Уронъ Союзниковъ въ сраженіяхъ подъ Ланомъ показанъ въ различныхъ источникахъ отъ 2-хъ до 4-хъ тысячъ человѣкъ ([33]) Со стороны Французовъ, уронъ вообще, (вмѣстѣ съ потерями Мармона), простирался до 8,000 человѣкъ ([34]).

Предписаніе, посланное 26-го февраля (10-го марта) изъ главной квартиры Блюхера Союзнымъ корпусамъ—возвратиться къ Лану—возбудило общее неудовольствіе. Сакенъ вышелъ изъ себя. Графъ Воронцовъ, въ продолженіи боя, которымъ Наполеонъ занималъ Союзниковъ утромъ 26-го февраля (10-го марта), подъѣхавъ къ Мюффлингу, сказалъ: «почему отмѣнили диспозицію? Это истинное для насъ несчастье.» Графъ Ланжеронъ былъ въ особенности озабоченъ тѣмъ, что ему, какъ старшему изъ корпусныхъ командировъ, доводилось принять начальство надъ арміею (*). Фельдмаршалъ, зная потери понесенныя Русскими при Краонѣ, изъявилъ намѣреніе посылать прусскіе корпусы въ первой огонь, чего Ланжеронъ не могъ сдѣлать, не подвергаясь неудовольствію прусскихъ генераловъ, и въ особенности Іорка.

(*) По свидѣтельству Мюффлинга, (Aus meinem Leben. Zw. Aufl. 148.), графъ Ланжеронъ, навѣстивъ больнаго фельдмаршала, сказалъ по выходѣ отъ него: «Au nom de Dieu, transportons ce cadavre avec nous.

Генералъ Іоркъ былъ глубоко оскорбленъ тѣмъ, что не умѣли воспользоваться его побѣдою, но съ обычною ему скрытностью не изъявлялъ своего неудовольствія, и—казалось—обратилъ вниманіе исключительно на поддержаніе дисциплины въ своемъ корпусѣ. Войска его истощили находившіеся при нихъ жизненные припасы, а страна кругомъ Лана была разорена до того, что жители приходили на биваки просить пищи. По свидѣтельству одного изъ іорковыхъ офицеровъ, въ главной квартирѣ его еще было сколько-нибудь мяса, но хлѣба во-все небыло. Однажды за обѣдомъ, Іоркъ, обратясь къ своему штабу, сказалъ: «прошу васъ, господа, завтра принести къ обѣду по куску хлѣба.» Въ дровахъ также оказался недостатокъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, солдаты, дрожа отъ стужи, воспользовались для разведенія огней стульями изъ уцѣлѣвшей отъ пожара церкви въ Атисѣ и разобрали кровлю ея. На слѣдующій день въ лагерѣ было благодарственное молебствіе за одержанную побѣду. По этому поводу, генералъ Іоркъ, столь-же суровый къ своимъ подчиненнымъ сколько и къ самому себѣ, ставъ въ каре горновой дивизіи, произнесъ рѣчь, въ коей упрекалъ солдатъ за разграбленіе и опустошеніе страны «Вы посрамили имя отечества, вы попрали ногами его и мою славу—сказалъ онъ.—Я не признаю васъ солдатами Іорка, ни себя—вашимъ генераломъ; вы—шайка разбойниковъ, я—начальникъ шайки.» За тѣмъ напомнивъ Западно-Прусскимъ гренадерамъ, что они оставили своего раненаго командира въ рукахъ непріятеля, Іоркъ потребовалъ, чтобы солдаты обѣщали исправиться и воевать какъ прилично храбрымъ сынамъ Пруссіи. «Пришлите ко мнѣ по одному человѣку изъ каждой роты, и пусть они дадутъ мнѣ въ томъ честное слово отъ вашего имени,» сказалъ онъ. Тогда генералъ Горнъ, подавъ ему руку, громко вскричалъ: «ручаюсь за Лейбъ-региментъ,» и множество унтеръ-офицеровъ и солдатъ другихъ полковъ повторили его обѣщаніе ([35]).

Прочіе корпусы терпѣли подобныя-же лишенія. Въ такомъ положеніи дѣлъ, всякое распоряженіе главной квартиры возбуждало сомнѣнія и неудовольствіе корпусныхъ командировъ,

и въ особенности Іорка, полагавшаго, что Гнейзенау, изъ личнаго къ нему недоброжелательства, лишилъ его возможности нанести рѣшительный ударъ непріятелю. Послѣ сраженія при Ланѣ, когда, для доставленія войскамъ отдыха и возможности добывать жизненные припасы посредствомъ реквизицій, армія расположена была по квартирамъ, Іорку назначили, по его мнѣнію, наиболѣе опустошенное пространство въ окрестностяхъ Корбени, Краона и Бери-о-бакъ. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ получилъ приказаніе послать сто человѣкъ кавалеріи, для конвоированія обозовъ, въ Бельгію. Это была послѣдняя капля, переполнившая мѣру огорченій понесенныхъ суровымъ воиномъ. Не сказавъ ни слова никому изъ ближайшихъ къ нему офицеровъ, онъ уѣхалъ по брюссельской дорогѣ. Легко вообразить, какъ удивились такому неожиданному поступку въ главной квартирѣ Блюхера. Многіе предлагали отдать Іорка подъ военный судъ, но всякій зналъ, что Блюхеръ никогда несогласился-бы на такую крайнюю мѣру; наконецъ—составили письмо, въ которомъ фельдмаршалъ изъявлялъ сожалѣніе о болѣзни своего стараго товарища и надежду на скорое его выздоровленіе. Хотя этотъ офиціальный отзывъ былъ подписанъ Блюхеромъ, однако–же онъ въ составленіи его не имѣлъ ни малѣйшаго участія. Графъ Бранденбургъ и Шакъ, люди совершенно преданные Іорку, зная, что такое посланіе могло возбудить въ немъ еще большее неудовольствіе, обратились къ графу Ностицу, который уговорилъ фельдмаршала написать собственноручно письмо къ Іорку. Не смотря на нестерпимую глазную боль, Блюхеръ дѣйствительно начерталъ огромными буквами слѣдующія строки: «mein alter Kamerad, so etwas die Geschichte von uns nicht erzählen, also seyd vernünftig und kommt zurück» (Старый товарищъ! Чтобы не осудила насъ Исторія, будь благоразуменъ и воротись).

Братъ Короля, принцъ Вильгельмъ также послалъ къ Іорку письмо слѣдующаго содержанія:

«Отъѣздъ В-го П-ва повергаетъ въ глубочайшую скорбь всѣхъ насъ, имѣющихъ счастіе состоять подъ вашимъ начальствомъ; каждый, знающій поводы, побудившіе васъ къ такому

шагу, сознавая ихъ основательность, убѣжденъ и надѣется, что въ такую критическую минуту вы не уклонитесь отъ великаго дѣла возложеннаго на васъ отечествомъ. Никогда Пруссія не имѣла болѣе надобности въ искусныхъ полководцахъ какъ въ настоящее время. На кого-же изъ нихъ можемъ надѣяться болѣе, какъ на того, кто возстановилъ древнюю ея славу, кто озарилъ новымъ блескомъ ея оружіе въ Курляндіи, подалъ сигналъ къ сверженію чужеземнаго господства и побѣдоносно провелъ храбрую прусскую армію отъ Двины до Сены. Какъ согражданинъ вашъ, какъ вашъ подчиненный, какъ сынъ и братъ вашихъ Государей, заклинаю васъ не оставлять начальства надъ ввѣреннымъ вамъ корпусомъ.

«Корбени, 12-го марта 1814 г.

вашъ истинный другъ

Вильгельмъ пр. Прусскій» (36).

Эти письма заставили Іорка возвратиться къ войскамъ 1-го прусскаго корпуса и снова принять надъ ними начальство (37).

ГЛАВА XVI.

Взятіе Наполеономъ Реймса.

СОДЕРЖАНІЕ.

Составъ, число и состояніе французской арміи по отступленіи Наполеона отъ Лана къ Суассону.—Движеніе отряда графа Сенъ-Пріеста и другихъ войскъ Силезской арміи отъ Рейна къ Шалону.—Движеніе Сенъ-Пріеста къ Реймсу.—Покушеніе овладѣть этимъ городомъ.—Прибытіе Панчулидзева.—Взятіе Союзниками Реймса.

Положеніе Наполеона въ Суассонѣ.—Мѣры принятыя имъ для обороны теченія Эны.—Движеніе Наполеона къ Реймсу.—*Дѣло подъ Реймсомъ* и взятіе этого города Французами.—Извѣстія полученныя тамъ Наполеономъ.—Письма Наполеона къ Савари и Коленкуру.

По отступленіи къ Суассону, Наполеонъ далъ отдыхъ своимъ войскамъ и занялся переформированіемъ арміи. Занявъ небольшими гарнизонами Суассонъ и Компіенъ, онъ составилъ изъ корпусовъ Молодой гвардіи Нея и Виктора, вмѣстѣ съ дивизіей Порѐ де-Морвана, двѣ дивизіи Кюріаля и Шарпантьѐ. «la jeune garde fond comme la neige; la vieille garde se soutient» — (Молодая гвардія таетъ какъ снѣгъ; Старая гвардія держится) писалъ онъ своему брату Королю Іосифу Французская армія была усилена въ Суассонѣ войсками прибывшими туда изъ Парижа чрезъ Мо; въ числѣ ихъ были 1,700 человѣкъ трехъ маршевыхъ кавалерійскихъ полковъ, составившихъ дивизію Сводныхъ эскадроновъ (division des escadrons réunis), подъ начальствомъ генерала Беркгейма (Berckheim). Кромѣ того пришли: вислянскій полкъ, польскій уланскій полкъ въ 600

человѣкъ, нѣсколько инженерныхъ и артиллерійскихъ ротъ и тысяча конскриптовъ конвоировавшихъ паркъ. Число наполеоновыхъ войскъ вмѣстѣ съ корпусомъ Мармона простиралось до 40,000 человѣкъ (¹). Армія его была утомлена и разстроена, и по тому онъ предполагалъ остаться нѣсколько дней въ Суассонѣ, и усилясь тамъ подкрѣпленіями, снова направиться противъ Блюхера, либо обратиться на Шварценберга. Но получивъ ввечеру 28-го февраля (12-го марта) извѣстіе о взятіи Реймса Союзнымъ корпусомъ графа Сенъ-Пріеста, прибывшимъ съ Рейна чрезъ Шалонъ, Наполеонъ рѣшился идти къ Реймсу (²). Пораженіе стоявшаго тамъ отряда не могло оказать важнаго вліянія на общій ходъ войны, но подавало Наполеону надежду возвысить духъ войскъ и выиграть время въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.

Генералъ-адъютантъ графъ Сенъ-Пріестъ, съ однимъ изъ эшелоновъ 8-го пѣхотнаго корпуса (²), выступивъ отъ Майнца въ началѣ (въ половинѣ) февраля, прибылъ 15-го (27-го) въ Сенъ-Дизьѐ и получилъ тамъ предписаніе Блюхера—остановиться на Марнѣ, собрать двигавшіеся съ Рейна отряды и охранять сообщенія Силезской арміи съ Главною и Рейномъ (¹). Графъ Сенъ-Пріестъ тотчасъ предписалъ, слѣдовавшимъ за нимъ въ разстояніи нѣсколькихъ переходовъ, генераламъ Панчулидзеву и Ягову ускорить маршъ, а самъ, оставя въ Сенъ-Дизьѐ, до присоединенія послѣдняго, 33-й егерскій и Кіевскій драгунскій полки съ шестью орудіями легкой роты № 33-го, подъ начальствомъ генералъ-маіора Емануеля, перешелъ съ Полоцкимъ и Рязанскимъ полками, ротою піонеръ и шестью орудіями 33-й легкой роты, въ Витри.

Генералъ-маіоръ Яговъ, съ резервомъ 2-го прусскаго корпуса, выступивъ отъ Эрфурта, двинулся чрезъ Кобленцъ и Саарбрюкъ, присоединилъ къ своему отряду въ Туль значительный артиллерійскій паркъ и прибылъ въ Сенъ-Дизьѐ 17-го февраля (1-го марта), съ пятью тысячами человѣкъ ландвера (⁵). На другой день, отрядъ генерала Емануеля перешелъ въ Витри. Вслѣдъ за тѣмъ, графъ Сенъ-Пріестъ, получивъ свѣдѣніе

о наступленіи Наполеона противъ Блюхера, двинулся, для сближенія съ Силезскою арміей, къ Шалону, гдѣ 19-го февраля (3-го марта) собрались русскія войска, въ числѣ до трехъ тысячъ человѣкъ. Когда-же реймсскій комендантъ, маіоръ князь Гагаринъ донесъ ему о занятіи Французами города Фимъ, въ переходѣ отъ Реймса, тогда 21-го февраля (5-го марта) былъ отряженъ ему въ помощь генералъ Емануель, съ Полоцкимъ пѣхотнымъ полкомъ, Кіевскими драгунами и четырьмя легкими орудіями, а генералу Ягову послано предписаніе идти въ Шалонъ (6). Но прежде еще, нежели Емануель могъ достигнуть Реймса, князь Гагаринъ, атакованный отрядомъ Корбино̀ и національною городскою стражею, былъ захваченъ, съ нѣсколькими стами солдатъ и Башкиръ и съ множествомъ больныхъ, лежавшихъ въ реймскихъ госпиталяхъ. Генералъ Емануель, остановясь въ Силлери (Sillery), послалъ о томъ донесеніе къ графу Сенъ-Пріесту, который немедленно выступилъ къ Реймсу, присоединилъ къ своимъ войскамъ большую часть отряда Ягова, въ числѣ 3,400 человѣкъ съ восемью орудіями, и прибывъ 22-го февраля (6-го марта) къ Бомонъ (Beaumont), въ двѣнадцати верстахъ отъ Реймса, рѣшился на слѣдующій-же день атаковать сей городъ. Генералъ-маіоръ Тетенборнъ, тогда стоявшій въ Эпернѐ, былъ приглашенъ участвовать въ нападеніи и прибылъ къ Реймсу еще до разсвѣта 23-го февраля (7-го марта) (7). Въ тоже утро Союзники повели атаку съ нѣсколькихъ сторонъ и успѣли вторгнуться въ городъ, когда появилась со стороны Бери-о-бакъ французская кавалерія. Это былъ генералъ Дефрансъ съ нѣсколькими стами почетной стражи (gardes d'honneur), но графъ Сенъ-Пріестъ, не имѣя вѣрныхъ свѣдѣній о дѣйствительной силѣ его отряда, и зная, что въ Реймсѣ находились, кромѣ двухъ баталіоновъ пѣхоты и нѣсколькихъ сотъ человѣкъ кавалеріи, до трехъ или четырехъ тысячъ національной стражи, отложилъ штурмъ города до прибытія генералъ-лейтенанта Панчулидзева съ прочими полками 8-го корпуса. Войска графа Сенъ-Пріеста стали бивуаками у Силлери и Тесси (Taissy); отрядъ Ягова, усиленный остальною его частью до пяти тысячъ человѣкъ (8), расположился отъ

Пюизьё (Puisieux) до Шамфлёри (Champfleury); генералъ Емануель—въ авангардѣ, у Безаннъ (Bezannes). Отрядъ Тетенборна возвратился въ Эпернè (9).

Генералъ-лейтенантъ Панчулидзевъ, съ пятью полками пѣхоты, Черниговскими конными егерями и двумя артиллерійскими ротами, (10) выступивъ отъ Майнца, 9-го (21-го) февраля, двигался чрезъ Саррегеминъ и Нанси къ Сенъ-Дизье, откуда, чрезъ Витри и Шалонъ, прибывъ въ окрестности Силлери 27-го февраля (11-го марта), присоединилъ свой отрядъ, въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ, къ войскамъ Сенъ-Пріеста. Силы Союзниковъ, собравшіяся близъ Реймса, вообще простирались отъ 13-ти до 14-ти тысячъ.

На слѣдующій день, 28-го февраля (12-го марта), графъ Сенъ-Пріестъ штурмовалъ городъ. Войска были раздѣлены на три колонны, изъ коихъ лѣвая и средняя назначались для ложныхъ атакъ по парижской и шалонской дорогамъ; самъ-же Сенъ-Пріестъ, съ правою колонною, хотѣлъ повести главную атаку съ правой стороны рѣки Вель, по ретельской дорогѣ. *Лѣвая колонна*, изъ шести баталіоновъ ландвера, 230-ти человѣкъ прусской кавалеріи, 7-ми прусскихъ орудій и 2-хъ орудій русской батарейной роты № 2-го, подъ начальствомъ генералъ-маіора Ягова, собралась въ Кормонтрёлѣ (Cormontreuil); *средняя*, изъ полковъ Рыльскаго, 30-го егерскаго, двухъ прусскихъ баталіоновъ, 50-ти человѣкъ прусской кавалеріи и 4-хъ орудій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Пиллара, собиралась на высотѣ впереди Силлери, а *правая*, у селенія Сернè (Cernay): изъ числа войскъ составлявшихъ эту колонну, 1-й егерскій и Елецкій полки съ 6-ю орудіями, подъ командою генералъ-маіора Карпенка, получили приказаніе занять суассонское предмѣстье и разбить городскія ворота; генералъ-маіору Бистрому, съ 33-мъ егерскимъ и Полоцкимъ полками, при 4-хъ орудіяхъ, поручено штурмовать стѣны города лѣвѣе воротъ; въ резервѣ оставлены: генералъ-маіоръ Гурьяловъ, съ Екатеринбургскимъ и Рязанскимъ пѣхотными полками и съ двумя баталіонами ландвера, и правѣе его, близъ дороги въ Бери-о-бакъ, генералъ-лейтенантъ Панчулидзевъ, съ Кіевскимъ драгунскимъ

и Черниговскимъ конно-егерскимъ полками и двумя орудіями легкой роты № 3-го.

Войска, прибывъ до разсвѣта на сборные пункты, двинулись къ Реймсу. Въ пять часовъ утра, Яговъ подошелъ по парижской дорогѣ къ предмѣстью, открылъ огонь изъ орудій и приказалъ штурмовать предмѣстье, а потомъ и городъ, 1-му и 3-му баталіонамъ 1-го Померанскаго ландвернаго полка; атака эта была вполнѣ успѣшна: прусскія войска ворвались въ городъ и заняли его, не встрѣтивъ значительнаго сопротивленія, потому что непріятель частью скрывался въ домахъ, частью искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Самъ Корбино̀, переодѣвшись въ партикулярное платье, не принялъ никакого участія въ оборонѣ города. Проводникъ колонны графа Сенъ-Пріеста сбился съ дороги, и по тому русскія войска подошли къ городу позже прусскихъ, однакоже еще успѣли отрѣзать отступленіе непріятелю. Нѣсколько сотъ человѣкъ французской кавалеріи и пѣхоты вышли въ поле и покушались пробраться вдоль праваго берега Вели. Генералъ Панчулидзевъ настигъ ихъ и частью истребилъ, частью разсѣялъ эту кавалерію; пѣхотѣ-же удалось пробиться и съ помощью Дефранса, прибывшаго на выстрѣлы, съ шестью эскадронами почетной стражи и гусаръ, отступить къ Бери-о-бакъ. Союзники захватили 2,500 человѣкъ регулярныхъ войскъ и національной стражи; въ числѣ плѣнныхъ были генералъ Лакостъ и полковникъ Реньѐ. Девять орудій, доставшіяся побѣдителямъ, были отправлены въ Витри. Графъ Сенъ-Пріестъ принялъ мѣры для спасенія жителей отъ грабежа, несмотря на то, что они, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, стрѣляли по войскамъ князя Гагарина (11). Императоръ Александръ, получивъ донесеніе о взятіи Реймса, пожаловалъ графу Сенъ-Пріесту орденъ Св. Георгія 2-й степени.

Какъ въ это время Сенъ-Пріестъ уже имѣлъ опредѣлительныя свѣдѣнія отъ Блюхера о неудачѣ Наполеона подъ Ланомъ, то ему надлежало воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами и перейдя къ Бери-о-бакъ, открыть сообщеніе съ Силезскою арміей. Но зная объ отступленіи Наполеона къ Суассону и полагая, что онъ обратится на Главную Союзную

армію, графъ Сенъ-Пріестъ считалъ себя совершенно безопаснымъ и подъ вліяніемъ такого убѣжденія далъ отдыхъ своему отряду. Русскія войска были расположены въ городѣ, а прусскія въ селеніяхъ на пространствѣ между Реймсомъ, Силлери и Жюншери (Junchery), занявъ послѣднее селеніе кавалеріей, и посылая оттуда разъѣзды къ Фимъ ([12]).

Наполеонъ, по отступленіи отъ Лана къ Суассону, находился въ безвыходномъ положеніи. Наступленіе его противъ Блюхера повело къ ослабленію собственной его арміи, которая, въ замѣну старыхъ надежныхъ солдатъ, пополнялась конскриптами и національною стражею. Князь Шварценбергъ, пользуясь отсутствіемъ Наполеона, снова занялъ Труà, выдвинулъ передовые корпусы къ переправамъ на Сенѣ и Іоннѣ и угрожалъ столицѣ Франціи. Извѣстія изъ Парижа представляли мрачную картину общей безнадежности. «Въ Парижѣ уже нѣтъ никакихъ войскъ; всѣ остававшіяся тамъ высланы къ Мо и къ Морè (Moret),» ([13]) писалъ Король Іосифъ. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ донесъ, что нельзя было найти въ Парижѣ тысячу человѣкъ, которые рѣшились-бы добровольно поступить въ армію, и что едвали можно было набрать шесть тысячъ годныхъ ружей. По его мнѣнію, нельзя было надѣяться—ни на войска герцога Тарентскаго (Макдональда), ни на жителей южной Франціи преданныхъ Бурбонамъ. «Ваше Величество—писалъ онъ—должны сами сознаться, что нѣтъ никакого средства къ спасенію кромѣ мира, и мира неотлагательнаго» ([14]). А, между тѣмъ, ходъ переговоровъ въ Шатильонѣ очевидно выказывалъ, что Союзники стремились не къ миру, а къ потрясенію въ самомъ основаніи владычества наполеонова, несовмѣстнаго съ общимъ спокойствіемъ Европы. Таковы были обстоятельства, когда Наполеонъ получилъ извѣстіе о взятіи Реймса графомъ Сенъ-Пріестомъ.

Рѣшась идти противъ слабѣйшаго непріятеля, чтобы возбудить въ войскахъ побѣдою духъ подавленный неудачами, Наполеонъ счелъ нужнымъ принять мѣры для охраненія Суассона и задержанія Блюхера на Энѣ. Съ этою цѣлью маршалъ

Мортьѐ, оставленный съ 8,000 человѣкъ пѣхоты и 4,000 кавалеріи ([15]) у Суассона, получилъ приказаніе: расположить батареи выше и ниже города, укрѣпить и занять лежащее впереди его селеніе Сѐнъ-Поль, наблюдать теченіе Эны до Компіеня, выказывать войска на различныхъ пунктахъ, не вводя ихъ однакоже въ бой, и дѣлать демонстраціи переправы. Для обороны Суассона было поставлено тридцать орудій прикрытыхъ земляными мѣшками и боченками съ землею; начальство надъ гарнизономъ получилъ подполковникъ (chef de bataillon) Жерàръ (Gérard): военный министръ ввѣрилъ важную должность суассонскаго коменданта этому молодому офицеру сообразно съ предписаніемъ Наполеона—назначить туда офицера, которому предстояло-бы сдѣлать карьеру (qui eût sa fortune à faire) ([16]).

Такимъ образомъ принявъ мѣры для охраненія арміи съ лѣваго фланга, Наполеонъ выступилъ, въ ночи съ 28-го февраля на 1-е марта (съ 12-го на 13-е марта н. ст.), съ 20,000 человѣкъ ([17]), изъ Суассона къ Реймсу, приказавъ идти туда-же изъ Фимъ, въ авангардѣ арміи, маршалу Мармону, съ его пѣхотою, 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ генерала Бордесуль и почетною стражею Дефранса, въ числѣ до 9,000 человѣкъ ([18]).

Кавалерія Бордесуль, двигаясь въ головѣ авангарда, наткнулась у Ронѐ (Rosnay) на прусскіе аванпосты, которые ушли не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Графъ Сенъ-Пріестъ получилъ донесеніе о наступленіи непріятеля въ значительныхъ силахъ, но считая французскую армію совершенно разстроенною, необратилъ вниманія на угрожавшую ему опасность. Приказавъ отслужить въ полѣ благодарственное молебствіе, Сенъ-Пріестъ распустилъ прусскія войска по окрестнымъ селеніямъ и поѣхалъ въ соборъ, гдѣ принималъ поздравленія своихъ соотечественниковъ—роялистовъ. А, между тѣмъ, кавалерія Бордесуль настигла у селенія Ормъ (Ormes) два прусскихъ батальона, которые, вмѣсто того, чтобы безостановочно отступать къ Реймсу, засѣли на кладбищѣ помянутаго селенія, и будучи тамъ атакованы пѣхотою дивизіи Рикарà, положили оружіе.

Прочія войска Ягова были застигнуты въ расплохъ. Говорятъ, будто-бы многіе изъ солдатъ сложили съ себя амуницію и мыли бѣлье въ рѣкѣ, и что одни изъ нихъ были изрублены, другіе захвачены въ плѣнъ, либо спаслись бѣгствомъ. Самъ Яговъ едва успѣлъ ускакать на неосѣдланной лошади. Одинъ изъ его баталіоновъ построился въ каре и храбро отстрѣливался, несмотря на то, что нѣкоторые изъ людей были въ однихъ рубахахъ и даже босикомъ. Графъ Сенъ-Пріестъ счелъ нападеніе Французовъ за партизанскій набѣгъ, но вскорѣ узнавъ, что у непріятеля есть артиллерія, долженъ былъ сознаться въ своемъ заблужденіи. Разославъ во всѣ стороны офицеровъ съ приказаніемъ войскамъ собираться у города, Сенъ-Пріестъ поручилъ генералъ-маіору Бистрому, съ Рязанскимъ и 33-мъ егерскимъ полками и съ легкою ротою, подкрѣпить Ягова. Тогда-же прибылъ въ Реймсъ возвращавшійся обратно изъ Бери-о-бакъ полковникъ Албрехтъ, съ однимъ эскадрономъ Лейбъ-гусаръ и однимъ Лейбъ-драгунъ, посланный отъ Главной арміи для открытія сообщенія съ Блюхеромъ. Графъ Сенъ-Пріестъ тотчасъ выслалъ его на встрѣчу непріятелю, для удержанія Французовъ до прибытія полковъ генерала Емануеля. Генералъ Бистромъ, построивъ свою пѣхоту на высотѣ, за ручьемъ текущимъ отъ селенія Безаннъ, далъ прусскимъ войскамъ время устроиться и выдвинуть на позицію артиллерію, а полковникъ Албрехтъ, угрожая непріятелю атаками, заставилъ его отойти на пушечный выстрѣлъ Маршалъ Мармонъ, получивъ отъ Наполеона приказаніе пріостановить нападеніе до прибытія прочихъ войскъ, оставался на мѣстѣ отъ полудня до трехъ часовъ.

Пользуясь тѣмъ, графъ Сенъ-Пріестъ устроилъ въ боевой порядокъ часть своего корпуса. Еслибы онъ понялъ причину бездѣйствія непріятеля, то, по всей вѣроятности, отступилъ-бы къ Бери-о-бакъ, но онъ былъ утвержденъ въ своей беззаботности показаніемъ плѣнныхъ, увѣрявшихъ, что къ Реймсу тогда подходилъ лишь 12-ти-тысячный корпусъ Мармона. Правда, вслѣдъ за тѣмъ, одинъ изъ нихъ объявилъ, что французскія войска наступали подъ личнымъ начальствомъ Наполеона,

но графъ Сенъ-Пріестъ сказалъ: «вѣдь Наполеонъ не перешагнетъ черезъ 14,000 человѣкъ!» и на вопросъ одного изъ полковыхъ командировъ: «куда отступать въ случаѣ неудачи,» отвѣчалъ: «ретирады не будетъ!»

Высоты, за коими укрывался непріятель, непозволяли обозрѣвать его. Въ три часа по полудни онъ выдвинулъ нѣсколько конныхъ батарей и направилъ значительную массу кавалеріи въ обходъ лѣваго фланга позиціи Союзниковъ Самъ Наполеонъ, прибывъ около четырехъ часовъ, сдѣлалъ распоряженія къ общему нападенію. «Les dames de Rheims passeront un mauvais quart d'heure» (Реймсскимъ барынямъ предстоитъ непріятная четверть часа) сказалъ онъ.

Войска графа Сенъ-Пріеста, въ составѣ 22-хъ баталіоновъ и нѣсколькихъ сотъ человѣкъ прусской кавалеріи, съ 24-мя орудіями, были расположены правымъ флангомъ къ рѣкѣ Вель и къ селенію Тенкё (Tainqueux), а лѣвымъ по направленію къ Бассъ-Мюйръ (Bass-Muire); одинъ изъ прусскихъ баталіоновъ былъ отряженъ къ Силлери, для прикрытія тамошняго моста. Резервы стояли на сенъ-женевьевскомъ плато и впереди суассонскаго предмѣстья. Позиція представляла выгоды для дѣйствія артиллеріи, но имѣла въ тылу мостъ на Велѣ. Какъ обозы и парки находились у Бомонъ, то для прикрытія ихъ были отряжены двѣ роты 30-го егерскаго полка, и всѣмъ обозамъ приказано прибыть, какъ можно поспѣшнѣе, въ Реймсъ, и слѣдовать оттуда въ Бери-о-бакъ; если-же Союзныя войска были-бы принуждены оставить городъ, то всѣмъ паркамъ и обозамъ назначено идти къ Шалону и присоединиться къ прибывшему туда наканунѣ отъ Майнца отряду генералъ-маіора Давыдова ([19]). Полки Кіевскій драгунскій и Черниговскій конноегерскій, подоспѣвшіе на поле сраженія уже въ четвертомъ часу, были поставлены впереди оконечности лѣваго крыла, для предохраненія его отъ обхода.

Наполеонъ, выждавъ прибытіе своей гвардіи, усилилъ канонаду и повелъ войска противъ позиціи Союзниковъ. Пѣхота Мармона, въ нѣсколькихъ колоннахъ, двинулась по направленію суассонскаго шоссе; по сторонамъ ея наступали двѣ диви-

зіи гвардейской кавалеріи, подъ начальствомъ Себастіани, а впереди—почетная стража Дефранса; правѣе—устремилась кавалерія генерала Бордесуль. За ними въ резервѣ построились войска Фріана и Бойе. Графъ Сенъ-Пріестъ, убѣдясь наконецъ въ превосходствѣ силъ непріятеля, сталъ отводить къ городу пѣхоту стоявшую во второй линіи, оставя на позиціи только кавалерію, семь баталіоновъ ландвера, 1-й баталіонъ Рязанскаго полка и въ резервѣ его Полоцкій пѣхотный полкъ, 10 прусскихъ орудій и два русскихъ легкихъ № 3-го роты. 3-й баталіонъ Рязанскаго полка и 33-й егерскій полкъ расположились у Парижской заставы, а два баталіона ландвера отряжены для охраненія переправы у Кормонтреля. Прочія русскія войска были отправлены за Вель и стали частью въ городѣ, частью позади его.

Едва лишь графъ Сенъ-Пріестъ успѣлъ сдѣлать эти распоряженія, какъ былъ тяжело раненъ осколкомъ гранаты, раздробившимъ ему плечо. Старшій по немъ генералъ Панчулидзевъ, въ то самое утро пораженный ударомъ, долго лежалъ въ обморокѣ, и хотя потомъ очнулся, однакоже не принялъ начальства надъ отрядомъ. Генералъ-маіоръ Емануель, не зная о томъ, поѣхалъ въ городъ отыскивать Панчулидзева. Такимъ образомъ русскія войска, оставшись безъ главнаго начальника, были предоставлены сами себѣ. Дивизія Мерленя (Merlin), поддержанная кирасирами 1-го кавалерійскаго корпуса, атаковала прусскіе баталіоны высланные къ Кормонтрёлю, и окруживъ ихъ, заставила положить оружіе. Артиллерія стоявшая на позиціи и прикрывавшіе ее ландверы кинулись назадъ къ мосту, гдѣ, не смотря на усилія Ягова возстановить порядокъ въ войскахъ, колонны столпились и смѣшались между собою. Въ этой суматохѣ одно русское и девять прусскихъ орудій были захвачены непріятелемъ. Союзная кавалерія и 1-й баталіонъ Рязанскаго полка, отрѣзанные отъ моста—казалось—были обречены гибели. Рязанцы, подъ предводительствомъ ихъ мужественнаго командира полковника Скобелева, построясь въ каре и прикрывъ своею грудью унесеннаго ими съ поля сраженія графа Сенъ-Пріеста, отошли къ предмѣстью. Здѣсь

преградили имъ путь французскіе кирасиры; но Скобелевъ, быстро перестроивъ батальонъ въ колонну, ударилъ на непріятеля въ штыки и съ содѣйствіемъ 3-го баталіона того-же полка, открывшаго по Французамъ огонь изъ предмѣстья, пробился къ своимъ и способствовалъ слѣдовавшей за нимъ кавалеріи отступить въ бродъ черезъ рѣку Вель у Сенъ-Брисъ (St.-Brice), ниже города. Генералъ Емануэль, отведя оба свои полка и часть пѣхоты по дорогѣ ведущей къ Бери-о-бакъ, приказалъ Бистрому удерживаться въ городѣ до послѣдней крайности; въ командѣ его оставались полки: Рязанскій, Полоцкій, Елецкій, 30-й и 33-й егерскіе; когда-же непріятель устроилъ мостъ при Сенъ-Брисъ и сталъ переходить въ слѣдъ за русскою кавалеріей черезъ Вель, генералъ-маіоръ Карпенко, съ 1-мъ егерскимъ полкомъ и эскадрономъ драгунъ, бросился ему на встрѣчу и долго удерживалъ его. Генералъ Бистромъ сражался въ городѣ до двухъ часовъ по полуночи, но узнавъ о движеніи генерала Красинскаго съ его уланами отъ Сенъ-Брисъ къ бери-о-бакской дорогѣ, поспѣшилъ отступить на Нёшатель (Neufchatel), присоединивъ къ своему отряду 33-ю батарейную роту, стоявшую въ Серни, и до 2,000 человѣкъ разныхъ русскихъ и прусскихъ полковъ, остававшихся въ городѣ. Двѣсти охотниковъ различныхъ командъ, подъ начальствомъ унтеръ-офицера 33-го егерскаго полка (*), забытые при общемъ отступленіи войскъ, продолжали обороняться до тѣхъ поръ пока получили отъ адъютанта генерала Емануеля приказаніе отступить. «Они счастливо избавились плѣна—говоритъ генералъ Данилевскій—пробравшись ночью сквозь непріятеля. Имъ покровительствовали темнота, ихъ собственная осторожность и Провидѣніе, пекущееся о храбрыхъ.» Прочія Союзныя войска ушли по дорогѣ къ Бери-о-бакъ, а обозы и парки находившіеся у Бомона— въ Шалонъ. Нѣкоторые изъ отдѣльно уходившихъ людей попались въ руки непріятелю, находясь въ нерѣшимости — куда слѣдовало имъ отступать ([20]). Вообще-же Союзники потеряли болѣе 2,000 человѣкъ, изъ

(*) Къ сожалѣнію—неизвѣстно его имя.

числа коихъ 700 Русскихъ и 1,400 Пруссаковъ, и 10 орудій ([21]). Уронъ непріятеля, по собственному его показанію, простирался отъ 700 до 800 человѣкъ; въ числѣ плѣнныхъ былъ командиръ одного изъ полковъ почетной стражи, графъ Сегюръ ([22]).

Наполеонъ, преувеличивъ обычнымъ ему образомъ одержанную имъ побѣду въ официальныхъ извѣстіяхъ помѣщенныхъ въ Монитёрѣ, писалъ: «та самая легкая батарея, которая поразила генерала Моро подъ Дрезденомъ, нанесла смертельную рану Сенъ-Пріесту, пришедшему съ Татарами разорять нашу прекрасную страну» ([23])

По взятіи Реймса, Наполеонъ оставался тамъ трое сутокъ, чтобы дать войскамъ отдыхъ. Донесенія имъ полученныя въ продолженіи этого времени обнаруживали опасность его положенія. По мѣрѣ успѣховъ вторженія Союзныхъ армій возрастали надежды роялистовъ. Въ Бордо и другихъ пунктахъ южной Франціи появились эмиссары герцога Ангулемскаго. Витролль, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ агентовъ Дома Бурбоновъ и, (что̀ тогда значило еще болѣе), довѣренное лицо Талейрана, прибылъ въ главную квартиру Союзниковъ ([24]). Въ самомъ Парижѣ надѣяться было не на кого. Чрезвычайный Совѣтъ, собранный 4-го марта н. ст. въ присутствіи Императрицы Маріи-Луизы и Короля Іосифа, получивъ довольно вѣрныя свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ въ Шатильонѣ и условіяхъ требуемыхъ уполномоченными Союзныхъ Державъ, не выразилъ никакого опредѣлительнаго заключенія. Колебаясь между опасеніями — съ одной стороны подвергнуться гнѣву Наполеона, а съ другой возбудить противъ себя общественное мнѣніе, бѣдные Члены Совѣта хранили молчаніе. Когда-же Король Іосифъ, обратясь прямо къ каждому изъ нихъ, потребовалъ отвѣтъ—надлежало-ли принять помянутыя условія, или продолжать войну, тогда всѣ двадцать Членовъ отвѣчали, что никто не можетъ рѣшить такой вопросъ кромѣ самаго Императора, который одинъ лишь зналъ настоящее положеніе дѣлъ и могъ подать мнѣніе наиболѣе сообразное съ обстоятельствами и средствами страны. Тѣмъ не менѣе однакоже они изъ-

явили мнѣніе, что выгоднѣе было заключить миръ, ограничивъ Францію древними предѣлами 1792 года, нежели подвергать опасности столицу ([25]). Наполеонъ ожидалъ совсѣмъ иное отъ государственныхъ людей своей Имперіи; открывая имъ, (чего онъ всячески избѣгалъ прежде), угрожающую ему опасность, онъ надѣялся возбудить общее негодованіе противъ враговъ Франціи и подвигнуть народъ къ чрезвычайнымъ усиліямъ; но, вмѣсто того, услышалъ выраженія раболѣпной покорности своей особѣ и трусливыя просьбы о заключеніи мира. Ему было очень хорошо извѣстно, что многіе изъ Членовъ Совѣта, столь покорные въ присутствіи его супруги и брата, нисколько не стѣснялись порицать его въ парижскихъ салонахъ: «это сумасшедшій; онъ погубитъ всѣхъ насъ» — говорили люди никогда не бывавшіе на поляхъ сраженій. Нѣкоторые толковали о назначеніи регентомъ Короля Іосифа; другіе хотѣли побудить Наполеона къ уступчивости, пославъ ему адрессъ съ требованіемъ мира. Самъ Іосифъ рѣшился испросить у него дозволеніе на эту демонстрацію чрезъ Г. Меневаля, вполнѣ преданнаго Наполеону и пользовавшагося его неограниченнымъ довѣріемъ.

Наполеонъ, получивъ въ Реймсѣ письмо Меневаля и нѣкоторыя другія депеши, по которымъ онъ могъ судить, что̀ происходило въ Парижѣ, послалъ къ министру полиціи, герцогу Ровиго (Savary) письмо слѣдующаго содержанія:

«Реймсъ, 14-го марта 1814 года.

«Вы не сообщаете мнѣ ничего о томъ, что̀ дѣлается въ Парижѣ: тамъ толкуютъ объ адресѣ, о регентствѣ и о тысячѣ безсмысленныхъ интригъ, какія могли быть придуманы только глупцемъ подобнымъ Міоту (Miot). Всѣ эти люди не понимаютъ, что я развязываю Гордіевъ узелъ по примѣру Александра. Пусть знаютъ они, что я и теперь таковъ-же, какимъ былъ при Ваграмѣ и Аустерлицѣ, что я не потерплю никакой интриги, что нѣтъ никакой власти кромѣ моей собственной, и что въ крайнихъ случаяхъ одна лишь регентша пользуется моимъ довѣріемъ. Король (Іосифъ) слабъ; онъ вдается въ интриги, которыя могутъ быть пагубны государству, и въ

особенности ему самому и его совѣтникамъ, если онъ необратится безотлагательно къ своему долгу. Я очень недоволенъ, узнавъ о томъ не только отъ васъ, но и другими путями..... Такъ знайте-же, что еслибы у васъ въ Парижѣ составили адресъ нарушающій права моей власти, то я приказалъ-бы арестовать Короля, министровъ и всѣхъ подписавшихъ его. Портятъ національную стражу, развращаютъ Парижъ, выказываютъ слабохарактерность и незнаніе страны. Не потерплю трибуновъ; я самъ главный трибунъ и заставлю народъ дѣлать то, что̀ клонится къ его пользѣ, составляющей предметъ постоянныхъ заботъ моихъ» ([26]).

Тогда-же Наполеонъ приказалъ герцогу Бассано (Маре) написать Коленкуру, что ему разрѣшается сдѣлать всевозможныя уступки Союзнымъ уполномоченнымъ, но съ условіемъ немедленнаго очищенія страны отъ чужеземныхъ войскъ ([27]). Впрочемъ, онъ, отдавая такое приказаніе, не имѣлъ надежды на заключеніе мира и все его вниманіе было обращено къ тому, чтобы возжечь народную войну. Когда Мармонъ, бесѣдуя съ нимъ, изъявилъ сожалѣніе объ участи жителей страны, разоряемыхъ своими и чужими войсками, онъ отвѣчалъ: «Cela vous afflige? eh! mais il n' y a pas grand mal! Quand un paysan est ruiné et que sa maison est brûlée, il n' a rien de mieux à faire que de prendre un fusil et de venir combattre.» (Это огорчаетъ васъ? Ну, въ этомъ нѣтъ еще большой бѣды! Когда крестьянина ограбили и сожгли его домъ, ему не остается ничего болѣе, какъ взять ружье и сражаться) ([28]).

ГЛАВА XVII.

Дѣйствія Главной Союзной арміи послѣ сраженія при Баръ-сюръ-Объ до сосредоточенія силъ къ Арси.

СОДЕРЖАНІЕ.

Преслѣдованіе непріятеля послѣ сраженій при Баръ-сюръ-Объ и Лафертè-сюръ-Объ. — Наступленіе Союзниковъ къ Труà. — Расположеніе Французовъ за Барсою.—*Дѣло при Лобресселѣ*.—Взятіе Труà.—Замѣчанія на дѣйствія князя Шварценберга по занятіи Союзниками Труà.

Расположеніе войскъ Макдональда на Сенѣ. — Бездѣйствіе Союзниковъ. Переправа ихъ черезъ Сену. *Дѣло при Лешелѣ*. Отступленіе Макдональда отъ Провенъ къ Мезонъ-Ружъ. Мнѣніе Императора Александра о дѣйствіяхъ Главной Союзной арміи.

Расположеніе Союзниковъ по отступленіи Макдональда отъ Провенъ. Причины, побудившія князя Шварценберга растянуть армію. Неудовольствіе Императора Александра.

Планъ дѣйствій Наполеона послѣ дѣла при Реймсѣ, 1-го (13-го марта. Состояніе французскихъ войскъ. Войска оставленныя на рѣкѣ Энѣ (Aisne). Составъ войскъ Наполеона при выступленіи его изъ Реймса. Движеніе его къ Марнѣ, и далѣе къ Феръ-Шампенуазу и Соммесу. Отступленіе отряда Кайсарова отъ Феръ-Шампенуаза къ Гербиссъ (Herbisse) и за рѣку Обу.

Планъ дѣйствій, составленный Императоромъ Александромъ.— Раздробленіе Союзныхъ войскъ. Сосредоточеніе ихъ по настоянію Государя.—Князь Шварценбергъ предполагаетъ собрать армію у Траннъ, а потомъ рѣшается идти на встрѣчу непріятелю къ Обѣ. Диспозиція его на 8-е (20-е) марта.

Послѣ побѣдъ, одержанныхъ войсками Главной Союзной арміи, въ половинѣ (въ концѣ) февраля, при Баръ-сюръ-Объ и Лафертè-сюръ-Объ, князь Шварценбергъ продолжалъ дѣй-

ствовать съ обычною ему вялостью (*). Извѣстія о движеніи главныхъ силъ французской арміи на сообщенія Союзниковъ къ Дижону послужили фельдмаршалу предлогомъ къ замедленію марша передовыхъ корпусовъ. Преслѣдованіе непріятеля было поручено кавалеріи поддержанной небольшими пѣхотными отрядами, что̀ дало время войскамъ Удино̀ отойти спокойно, 16-го (28-го) февраля, въ семь часовъ утра, къ Вандёвръ, оставя арріергардъ у Маньи. Авангардъ графа Палена (1), усиленный 2–ю кирасирскою дивизіей, расположился у Діенвиля; состоявшіе при немъ казачьи полки были высланы по дорогамъ къ Вандёвръ и Пиней 1-й пѣхотный корпусъ князя Горчакова сталъ на позиціи у Траннъ; 2-й пѣхотный корпусъ принца Евгенія Виртембергскаго остался у Арсонваля; корпусъ графа Вреде, отойдя назадъ по шомонской дорогѣ, занялъ свои прежніе биваки между Баръ-сюръ-Обомъ и Липьолемъ; кавалерія его расположилась частью впереди Баръ-сюръ-Объ, на бріеннской дорогѣ, частью за селеніемъ Спой (Spoy), на дорогѣ ведущей въ Вандёвръ. Резервы были остановлены въ окрестностяхъ Шомона, куда вслѣдъ за тѣмъ перешли главныя квартиры Союзныхъ Монарховъ.

Войска Макдональда отступали, послѣ дѣла при Лафертѐ-сюръ-Объ, всю ночь съ 16-го (28-го) на 17-е (29-е) февраля, чтобы предупредить Союзниковъ на переправѣ въ Баръ-сюръ-Сенъ. Кавалерія Мильго̀ прикрывала отступленіе пѣхоты. Казаки генерала Сеславина преслѣдовали непріятеля до полуночи; корпусы–же Кронъ-принца виртембергскаго и графа Гіулая остановились въ окрестностяхъ Ла-Фертѐ (2).

На слѣдующій день, 17-го февраля (1-го марта), войска графа Витгенштейна перешли къ Діенвилю; тогда-же прибылъ къ нему отъ Пфальцбурга смѣненный баденскими войсками отрядъ генералъ–маіора Лялина, въ составѣ Тенгинскаго и 26-го егерскаго полковъ съ четырьмя пѣшими орудіями (3). Князь Шварценбергъ, желая имѣть опредѣлительныя свѣдѣнія о силахъ и расположеніи непріятеля, предпринялъ въ сей день

(*) Глава XII-я.

усиленную рекогносцировку. Съ этою цѣлью генералъ Фримонъ, съ кавалеріей корпуса Вреде, двинулся на Спой къ Маньи, а графъ Паленъ, съ своею кавалеріей, отъ Діенвиля по дорогѣ къ Вандевръ, въ резервѣ обѣихъ колоннъ, по большой дорогѣ Отъ Доланкура къ Миньи, слѣдовали Муромскій и Черниговскій пѣхотные полки и два эскадрона Лубенскихъ гусаръ, подъ начальствомъ полковника Теслева. Общее начальство надъ всѣми войсками участвовавшими въ рекогносцировкѣ было ввѣрено Фримону.

Генералъ Жераръ, стоявшій впереди Вандёвръ, занялъ валь-сюзенескій лѣсъ своею пѣхотою и выдвинулъ на встрѣчу Союзникамъ кавалерію Сенъ-Жермена. Съ обѣихъ сторонъ была открыта сильная канонада, въ продолженіе коей графъ Паленъ, двинувшись въ обходъ лѣваго фланга непріятельской позиціи, по правому берегу Барсы, къ Вильневъ-Мегриньи (Villeneuve Mesgrigny), заставилъ Французовъ отступить; арріергардъ ихъ остановился у Мутьè-Амèй. Генералъ Фримонъ занялъ Вандёвръ, а Паленъ сталъ на бивакахъ у Вильнёвъ. Въ тотъ-же день, генералъ Сеславинъ, по отступленіи непріятеля къ Баръ-сюръ-Сенъ, двинулся черезъ Лошъ къ Нёвиль, на перерѣзъ путей ведущихъ къ Дижону (4).

Рекогносцировка 17-го февраля (1-го марта) убѣдила князя Шварценберга въ слабости стоявшихъ противъ него французскихъ корпусовъ, а между тѣмъ въ главной квартирѣ его, находившейся въ Коломбей, были получены важныя извѣстія. Еще ввечеру 16-го (28-го) казаки Сеславина перехватили депешу Макдональда, изъ коей обнаружилось намѣреніе маршала— отступить въ туже ночь чрезъ Баръ-сюръ-Сенъ въ Труà и соединиться тамъ съ Удинò. Эта депеша, полученная Толемъ въ Шампиньолѣ (Champignol, въ восьми верстахъ къ западу отъ Лафертè-сюръ-Объ), 1-го марта н. ст. въ 5 часовъ утра, была немедленно доставлена въ главную квартиру фельдмаршала. Императоръ Александръ ввечеру 16-го (28-го) получилъ отъ графа Сенъ-Пріеста, изъ Сенъ-Дизьè, извѣстіе объ отступленіи Мармона изъ Сезанны и о движеніи Блюхера вслѣдъ за нимъ къ Марнѣ. Наконецъ—въ главную квартиру Шварцен-

берга неожиданно пришло донесеніе отъ генералъ-маіора Тетенборна, изъ Феръ-Шампенуаза, гдѣ онъ имѣлъ стычку съ отрядомъ французской гвардейской кавалеріи 16-го (28-го), что Наполеонъ на-канунѣ находился въ Арси и направился оттуда чрезъ Сезаннъ противъ Блюхера. Казалось, послѣ такихъ извѣстій, можно было совершенно успокоиться на счетъ движенія главныхъ силъ непріятеля къ Дижону, но князь Шварценбергъ и его совѣтники продолжали заботиться о мнимыхъ опасностяхъ угрожавшихъ Союзникамъ съ юга, что̀ по прежнему замедляло дѣйствія Главной арміи ([5]).

Ближайшимъ слѣдствіемъ свѣдѣній, полученныхъ въ главной квартирѣ фельдмаршала, было наступленіе Союзниковъ по направленію къ Труа̀, но они упустили самый благопріятный моментъ для довершенія успѣховъ одержанныхъ при Барѣ и Лафертѐ-сюръ-Объ. На войнѣ не всегда достаетъ времени выжидать, пока совершенно объяснятся обстоятельсва, и напротивъ того, довольно часто доводится дѣйствовать, руководясь сомнительными данными и предоставляя многое случаю.

18-го февраля (2-го марта) князь Шварценбергъ отдалъ диспозицію (*), на основаніи коей графъ Вреде долженъ былъ направить свой авангардъ къ Мутьѐ, чтобы прорваться тамъ чрезъ тѣснину, а, для облегченія этой фронтальной атаки, графъ Паленъ получилъ приказаніе обойти непріятеля съ лѣваго фланга, на Жеродотъ и Лобрессѐль (Laubressel). Корпусъ графа Вреде сосредоточился у Вандёвръ; корпусъ Витгенштейна двинулся отъ Діенвиля къ Пиней, Наслѣдный принцъ Виртембергскій, съ корпусами своимъ и графа Гіулая, направился къ Баръ-сюръ-Сенъ Главная квартира князя Шварценберга перешла изъ Коломбей въ Баръ-сюръ-Объ.

Графъ Паленъ, по достиженіи селенія Жеродотъ, двинулся въ обходъ далѣе на Дошъ (Doches), но прибылъ туда уже въ ночи, и потому ограничился высылкою аванпостовъ; отрядъ, направленный къ Лобрессѐль, нашелъ тамъ непріятеля въ превосходныхъ силахъ и былъ принужденъ отступить. Тѣмъ не

(*) *Карта пространства между Ланомъ (Laon), Труа и Парижемъ.*

менѣе однакоже Удино̀, опасаясь потерять путь отступленія къ Труа̀, отошелъ въ ночи за Барсу и занялъ позицію при Гильотьерѣ (Guilotiere). Наслѣдный принцъ виртембергскій, съ своей стороны, атаковалъ Макдональда у Баръ-сюръ-Сенъ, овладѣлъ симъ городомъ и преслѣдовалъ непріятеля по дорогѣ въ Труа̀ ([6]).

Наконецъ 19-го февраля (3-го марта) Союзный главнокомандующій рѣшился повести общее нападеніе передовыми корпусами на стоявшія противъ него войска Удино̀ и Макдональда. Съ этою цѣлью корпусъ Вреде былъ направленъ противъ непріятеля съ фронта, по большой дорогѣ ведущей отъ Вандёвръ къ Труа̀; корпусъ графа Витгенштейна двинулся отъ Пиней въ обходъ лѣваго фланга Удино̀, на Рульи (Rouilly) и Мениль-Селіеръ (Mesgnil-Sellières), сохраняя сообщеніе съ корпусомъ Вреде чрезъ Лобрессѐль, куда на разсвѣтѣ выступилъ авангардъ графа Палена, а войска Кронъ-принца виртембергскаго получили приказаніе наступать по лѣвому берегу Сены къ Труа̀.

Селеніе Лобрессѐль составляло исходящій уголъ непріятельской позиціи; правый флангъ ея примыкалъ къ рѣкѣ Барсѣ, а лѣвый, обращенный къ деревнѣ Рульи, откуда наступали войска Витгенштейна, находился на бурантонскихъ высотахъ и былъ совершенно открытъ. Генералъ Жераръ, съ дивизіями Дюгема, Жарри (Jarry, бывшая Гамелинѐ) и Ротембурга, въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ, занималъ эту позицію, а для поддержанія его была поставлена кавалерія Сенъ-Жермена у Сенъ-Паръ (St -Parre-aux-Tertres). Графъ Себастіани съ дивизіей Амѐй находился въ Труа̀, а дивизіи Леваля, Пакто̀ и Бойе-де-Ребеваля съ кавалеріей Келлермана впереди моста Сентъ-Юберъ (St. Hubert), на правомъ берегу Сены. Войска-же Макдональда отступали отъ Баръ-сюръ-Сенъ къ Труа̀.

На основаніи общей диспозиціи, предполагалось атаковать непріятельскія войска, собранныя въ окрестностяхъ Труа̀, одновременно въ часъ по полудни, всѣми тремя колоннами, по дорогамъ ведущимъ изъ Баръ-сюръ-Сенъ и Вандёвръ, и со стороны селенія Рульи, но графъ Паленъ, выступивъ на разсвѣтѣ

19-го февраля (3-го марта) отъ Дошъ къ Лобрессѐлю, прибылъ туда ранѣе, нежели могли подойти къ непріятельской позиціи прочія двѣ колонны. Какъ селеніе Лобрессѐль по прежнему было занято французскою пѣхотою, то Паленъ, оставя противъ него пѣхоту авангарда, (Черниговскій и Муромскій полки), Чугуевскихъ уланъ и Ольвіопольскихъ гусаръ съ четырьмя конными орудіями, двинулся съ остальною кавалеріей, чрезъ Бурантòнъ въ тылъ непріятелю къ Теннельѐръ, и застигнувъ тамъ французскій паркъ безъ прикрытія, овладѣлъ имъ, но наступленіе отъ Сенъ-Парръ кирасирской дивизіи Русселя, поддержанной остальною кавалеріей Сенъ-Жермена, не позволило ему увезти орудія. Русская кавалерія, изрубивъ артиллерійскихъ лошадей, захватила въ плѣнъ нѣсколько офицеровъ и до ста нижнихъ чиновъ. Въ числѣ добычи находились собственные экипажи генерала Жерара, который едва успѣлъ спастись.

Въ часъ по полудни, войска графа Витгенштейна подошли къ лѣвому флангу непріятельской позиціи и въ ожиданіи прибытія корпуса Вреде построились къ бою: 1-й пѣхотный корпусъ князя Горчакова впереди Дошъ, а 2-й корпусъ принца Евгенія виртембергскаго у Бурантона. Какъ только въ три часа раздались первые выстрѣлы со стороны Вреде, русскія войска устремились въ атаку: князь Горчаковъ на Лобрессѐль, принцъ Евгеній, правѣе его, на бурантонскія высоты; кавалерія слѣдовала въ резервѣ. Князь Шаховской открылъ огонь изъ 23-хъ орудій 33-й батарейной и 6-й легкой ротъ; графъ Вреде, съ своей стороны, громилъ непріятеля съ фронта. Французы, замѣтивъ обходное движеніе принца Евгенія, очистили Лобрессѐль и стали отходить къ Теннельѐръ. Кирасиры кинулись въ слѣдъ за ними, врубились въ нѣсколько каре и опрокинули непріятеля къ помянутому селенію. Непріятель покушался удержаться тамъ, но былъ выбитъ въ поле подоспѣвшею къ дѣлу пѣхотою принца Евгенія и отступилъ къ Сенъ-Парръ съ потерею 7-ми орудій и 600 плѣнныхъ. Графъ Вреде, котораго участіе въ бою ограничивалось канонадою, наконецъ рѣшился овладѣть мостомъ на Барсѣ у Гильотьѐры. Генералъ

Дюгèмъ, не получивъ приказанія отступать, оставался на ввѣренномъ ему пунктѣ, пока былъ атакованъ главными силами баварской арміи, а потомъ, потерявъ возможность двинуться по большой дорогѣ, уже занятой русскими войсками, обратился къ нижней Барсѣ и успѣлъ присоединиться къ прочимъ войскамъ Жерара, у Сенъ-Парръ, съ потерею четырехъ сотъ человѣкъ и двухъ орудій. Вообще-же уронъ Французовъ въ дѣлѣ при Лобрессèль простирался до 1,500 человѣкъ и девяти (по другимъ свѣдѣніямъ — семи) орудій. Союзники потеряли до 1,000 человѣкъ (7). Успѣхъ ими одержанный былъбы несравненно важнѣе, еслибы корпусъ Вреде, прибывъ ранѣе на поле сраженія, завязалъ дѣло у Гильотьеръ и привлекъ на себя вниманіе непріятеля, а войска графа Витгенштейна зашли ему въ тылъ и отрѣзали путь отступленія къ Труà.

Послѣ дѣла при Лобрессèлѣ, въ ночи съ 19-го на 20-е февраля (съ 3-го на 4-е марта), войска графа Витгенштейна расположились на полѣ сраженія, у Бурантона и Теннельèръ, войска Вреде — на Барсѣ, а корпусъ Кронъ-принца виртембергскаго у Водъ (Vaudes), въ 15-ти верстахъ отъ Труа. Макдональдъ собралъ въ окрестностяхъ сего города всѣ ввѣренныя ему войска, въ числѣ около 30,000 человѣкъ (8). Не имѣя возможности остановить несравненно сильнѣйшую Союзную армію, онъ сдѣлалъ еще въ ночи распоряженія къ отступленію: главныя силы 2-го и 7-го корпусовъ получили приказаніе идти по дорогѣ на Шатръ (Châtres) и занять переправу у Мери; 11-й корпусъ съ кавалеріей Мильгò и Келлермана — на Павильонъ; арріергардъ, подъ начальствомъ маршала Удинò, составленный изъ части его пѣхоты съ кавалеріей Сенъ-Жермена, былъ оставленъ на-время въ Труà, а войска Жерара у Сенъ-Парръ.

Союзный главнокомандующій, пользуясь одержанными успѣхами, предпринялъ вытѣснить непріятеля изъ Труà. Генералы Вреде и Витгенштейнъ получили приказаніе атаковать рано утромъ 20-го февраля (4-го марта) стоявшія противъ нихъ войска, но утомленіе Союзныхъ корпусовъ не дозволило имъ повести нападеніе ранѣе 10-ти часовъ. Принцъ Евгеній виртем-

*

бергскій, открывъ сильную канонаду по непріятельской пѣхотѣ занимавшей Сенъ-Парръ, атаковалъ это селеніе 20-мъ, 21-мъ егерскими и Тобольскимъ полками и овладѣлъ имъ въ 11 часовъ. Генералъ Жераръ былъ принужденъ отступить за правый рукавъ Сены къ Фуасси и далѣе въ предмѣстье Св. Якова. Принцъ Евгеній преслѣдовалъ его по пятамъ и съ содѣйствіемъ трехъ австрійскихъ баталіоновъ (двухъ баталіоновъ 1-го шеклерскаго полка и 3-го егерскаго) овладѣлъ предмѣстьемъ. Тогда графъ Жераръ отступилъ за второй рукавъ Сены, заградилъ мостъ и занялъ сильно пѣхотою городъ. Союзники обложили Труà: съ правой стороны Сены подошли къ городу войска герцога Евгенія виртембергскаго и часть корпуса Вреде, а съ лѣвой войска Кронъ-принца. Жераръ, желая выиграть время, предложилъ очистить городъ въ продолженіе шести часовъ, но принцъ Евгеній, принявъ парламентера, объявилъ, что онъ не согласенъ дать болѣе получасоваго срока. Какъ между тѣмъ было брошено въ городъ множество гранатъ, то Французы очистили его съ такою торопливостью, что даже не позаботились расположить арріергардъ для прикрытія отступавшихъ войскъ. Союзники могли воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и настойчиво преслѣдовать непріятеля, но нѣсколько баталіоновъ корпуса Вреде, ворвавшіеся въ городъ, столпились въ узкихъ улицахъ, торопясь занять поскорѣе квартиры, заградили путь войскамъ Палена и принца Евгенія и замедлили ихъ дальнѣйшее наступленіе. Только лишь къ ночи удалось имъ снова настигнуть Французовъ ([9]). Какъ Удино не исполнилъ даннаго ему приказанія—оставить арріергардъ у часовни Сенъ-Люкъ, (St.-Luc, въ разстояніи около 4-хъ верстъ отъ города, па дорогѣ въ Шатръ), то баварская кавалерія, миновавъ безъ препятствія этотъ пунктъ, повернула влѣво на ножанскую дорогу и вышла на равнину близъ Мальмезòнъ (Malmaison), въ тылъ кавалеріи Келлермана, двигавшейся въ походной колоннѣ. Неожиданное появленіе Баварцевъ заставило непріятеля обратиться въ бѣгство, но пѣхота Макдональда задержала Фримона и не позволила ему занять Ножанъ. Тѣмъ неменѣе однакоже оплошность Удинò, по собственному признанію Францу-

зовъ, стоила имъ четырехъ сотъ человѣкъ кавалеріи ([10]). Вообще-же при взятіи Союзниками Труà, уронъ непріятеля простирался болѣе трехъ тысячъ человѣкъ одними плѣнными, не считая 900 тяжело-раненыхъ оставленныхъ въ городѣ; десять орудій досталось побѣдителямъ. Потери Союзныхъ войскъ были гораздо менѣе, но нигдѣ не показаны.

По занятіи Союзниками Труà, войска ихъ были расположены въ ночи на 21-е февраля (5-е марта) слѣдующимъ образомъ: корпусъ графа Витгенштейна впереди города на дорогѣ въ Шатръ; авангардъ графа Палена между Мальмезонъ и Пейёнъ (Payens); корпусъ графа Вреде въ Труà; кавалерія Фримона въ авангардѣ его у Грецъ (Grez) и Павильона; корпусы Кронъ-принца виртембергскаго и Гіулая у Монгё (Mongeux, къ западу отъ Труà); авангардъ его у Сенъ-Либò, на дорогѣ ведущей изъ Труà въ Санъ (Sens). Резервы оставались у Шомона ([11]).

Союзный главнокомандующій, по занятіи Труà, продолжалъ дѣйствовать медленно и нерѣшительно. Ему предстояло идти со всѣми силами Главной арміи, въ числѣ по крайней мѣрѣ 90,000 человѣкъ, прямо къ Парижу, уничтожить въ трое слабѣйшіе корпусы Макдональда и овладѣвъ столицею Франціи, рѣшить участь войны, либо, оставя до 30,000 человѣкъ противъ Макдональда, двинуться съ остальными 60,000 въ тылъ Наполеону и поставить его въ безвыходное положеніе между двумя Союзными арміями. Защитники Шварценберга полагаютъ, что онъ немогъ предпринять ни одного изъ этихъ способовъ дѣйствій, встрѣтивъ къ тому затрудненія: 1-е, въ неимѣніи вѣрныхъ свѣдѣній о Блюхерѣ; 2-е, въ недостаткѣ жизненныхъ припасовъ; 3-е, въ народномъ возстаніи и 4-е, въ ослабленіи арміи форсированными переходами и потерями въ сраженіяхъ ([12]). Что касается до недостатка точныхъ свѣдѣній о Силезской арміи, то самъ главнокомандующій былъ обязанъ заблаговременно озаботиться о постоянномъ сохраненіи связи съ Блюхеромъ. Для этого былъ назначенъ казачій отрядъ Платова, но передвиженіе его съ лѣваго на правое крыло Главной арміи послѣдовало слишкомъ поздно. Выступивъ 15-го (27-го)

февраля изъ Курбанъ (Courban, въ пятнадцати верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Шатильона), графъ Платовъ двигался чрезъ Арси и занялъ Сезаннъ 20-го февраля (4-го марта), но не успѣлъ собрать о главныхъ силахъ Наполеона никакихъ положительныхъ свѣдѣній, за что и былъ отозванъ въ главную квартиру. Назначенный на его мѣсто генералъ-маіоръ Кайсаровъ донесъ въ главную квартиру, отъ 26-го февраля (10-го марта), во второй день сраженія при Ланѣ, что французскія войска, занявъ пространство между Эною и Велью, отъ Суассона до Реймса, совершенно прервали его сообщенія съ Блюхеромъ (13).— На счетъ продовольствія арміи, дѣйствительно командиры корпусовъ (и въ особенности графъ Вреде) жаловались на недостатокъ въ провіантѣ. Но, принявъ во вниманіе, что Союзныя войска въ это время преимущественно снабжались мѣстными способами страны служившей театромъ дѣйствій, нельзя не сознаться въ томъ, что главнокомандующій, оставляя войска на мѣстѣ, не облегчалъ, а, напротивъ того, затруднялъ снабженіе арміи съѣстными припасами.—Что касается до народныхъ вооруженій, то они вообще были незначительны, и французскимъ партизанамъ нетолько неудавалось замедлять движенія Союзныхъ войскъ, но даже они не захватили ни одного изъ большихъ транспортовъ.—Наконецъ, въ отношеніи къ ослабленію Главной Союзной арміи, замѣтимъ, что подъ начальствомъ князя Шварценберга оставалось около 90,000 человѣкъ (14), слѣдовательно онъ располагалъ весьма достаточными силами для самостоятельныхъ дѣйствій, нетолько противъ макдональдовыхъ корпусовъ, но и противъ наполеоновой арміи. Еслибы онъ, невыжидая свѣдѣній отъ Блюхера, направился къ Парижу, либо въ слѣдъ за Наполеономъ, то поставилъ-бы непріятеля въ безвыходное положеніе. Въ настоящее время, когда уже полвѣка раздѣляетъ насъ отъ міроваго событія, рѣшившаго участь Наполеона, пора воздать должное каждому изъ участвовавшихъ въ немъ лицъ, не прибѣгая къ недостойнымъ Исторіи клеветѣ и пристрастію. Князь Шварценбергъ, храбрый воинъ, искусный дипломатъ, но посредственный военачальникъ, былъ вѣрнымъ исполнителемъ видовъ Императора Франца, желавшаго ускро-

мить, но несвергнуть съ престола, своего зятя. При обсужденіи дѣйствій Шварценберга съ военной точки зрѣнія, слѣдуетъ упрекать его не въ невольныхъ его ошибкахъ, а въ томъ, что онъ принялъ на себя обязанности военачальника, неимѣя возможности исполнять ихъ надлежащимъ образомъ, и чрезъ то поставилъ себя въ необходимость дѣйствовать двусмысленно, несогласно съ пользами общаго дѣла Монарховъ ввѣрившихъ ему войска свои.

Успѣхи, одержанные Союзниками на Обѣ, и несогласія, возникшія на совѣщаніяхъ въ Люзиньи, по поводу опредѣленія демаркаціонной линіи, имѣли послѣдствіемъ разрывъ переговоровъ о перемиріи, но не побудили князя Шварценберга къ большей дѣятельности. Прибывъ въ Труà, вмѣстѣ съ занявшими сей городъ авангардами Вреде и Витгенштейна, онъ на слѣдующій день, 21-го февраля (5-го марта), возвратился въ Вандёвръ, гдѣ находилась его главная квартира. Сообразно отданной имъ диспозиціи, передовые корпусы его арміи подвинулись нѣсколько впередъ, въ расходящемся направленіи, собственно съ тою цѣлью, чтобы занять выгоднѣйшее расположеніе на тѣсныхъ квартирахъ: корпусъ Витгенштейна сталъ между Мери, Савіèръ и Ориньи; корпусъ Вреде у Мариньи и Прюнè (Prunay); корпусы Кронъ-принца и Гіулая между Вильнёвъ-л'Аршевèкъ и Вильмòръ. Авангарды ихъ были выдвинуты по дорогамъ къ Ножану и Санъ: графъ Паленъ къ Рюмильи; Фримонъ къ Авонъ-ла-Пезъ (Avon-la-Pèze); передовыя войска Кронъ-принца заняли Санъ, гдѣ были радушно встрѣчены жителями города (15).

Пользуясь медленностью Союзниковъ, Макдональдъ успѣлъ принять мѣры для обороны переправъ черезъ Сену. Главныя силы его пѣхоты расположились у Меріотъ, позади Ножанъ; корпусъ Жерара и кавалерія Сенъ-Жермена заняли ножанское предмѣстье на правомъ берегу Сены, уничтоживъ мостъ; генералъ Пактò поставилъ одну изъ своихъ бригадъ у Бре, другую у Монтерò, а третью отрядилъ для конвоированія парковъ къ Ножану. Генералъ Алликсъ, стоявшій для прикрытія макдональдовой арміи съ праваго фланга на дорогѣ ведущей изъ

Оксерра въ Шатильонъ, отошелъ за рѣку Іонну и покушался возбудить возстаніе жителей окрестной страны противъ Союзниковъ. Въ ночи съ 22-го на 23-е февраля (съ 6-го на 7-е марта) раздался набатъ въ мѣстечкахъ и селеніяхъ; нѣсколько тысячъ вооруженныхъ крестьянъ изъ окрестностей Оксерра направились къ Санъ, но между тѣмъ войска Кронъ-принца виртембергскаго успѣли занять этотъ городъ и двинулись къ Понъ-сюръ-Іоннъ; съ другой стороны легкая дивизія принца Морица Лихтенштейна уже миновала Нуайѐ (Noyers), а казаки Сеславина производили набѣги за бургонскимъ каналомъ. Вооруженные крестьяне, неподдержанные (какъ предполагалось) кадрами шести бталіоновъ, разсѣялись ([16]).

22-го февраля (6-го марта) князь Шварценбергъ перенесъ свою главную квартиру въ Труа̀ и полагая, что Французы намѣревались удерживаться между Ардюссономъ и Сеною, предпринялъ на слѣдующій день, 23-го февраля (7-го марта), усиленную рекогносцировку: корпусъ графа Витгенштейна направился отъ Ромильи прямо къ Ножану, а Вреде отъ Прюнѐ въ обходъ на селеніе Маконъ (Macon). Послѣдствіемъ этой рекогносцировки, удостовѣрившей Союзниковъ въ отступленіи Французовъ за Сену, было занятіе въ тотъ-же день авангардомъ графа Палена Ножана; главныя силы Раевскаго расположились биваками между симъ городомъ и Ромильи. Кавалерія Фримона обложила Бре, но безъ пособія пѣхоты не могла овладѣть этимъ мѣстечкомъ. Графъ Вреде съ своимъ корпусомъ сталъ у Тренѐль и выдвинулъ въ помощь Фримону пѣхотную дивизію фельдмаршалъ-лейтенанта графа Антона Гардегга (Hardegg) къ Гризи (Grisy), но непріятель оставался въ Бре. Не прежде 27-го февраля (11-го марта), цѣлую недѣлю спустя по занятіи Труа̀, Союзники предприняли вытѣснить непріятеля съ позицій имъ занятыхъ на Сенѣ. Графъ Паленъ получилъ приказаніе оставить въ Ножанѣ часть своего авангарда, а съ прочими войсками перейти къ Понъ-сюръ-Сенъ и тамъ переправиться на правую сторону рѣки. Фельдмаршалъ, не имѣя однакоже въ виду рѣшительныхъ дѣйствій, приказалъ графу Витгенштейну «развѣдать о непріятелѣ.» Графъ Паленъ, исполняя данное

ему порученіе, оставилъ для занятія Ножана генералъ-маіора Лисаневича съ Чугуевскими уланами и съ егерскими полками 20-мъ и 21-мъ; ему-же подчиненъ былъ генералъ-маіоръ Иловайскій 12-й, стоявшій съ своимъ и Власова казачьими полками у Фрепаруа̀, на дорогѣ въ Бре; генералъ-маіоръ Дехтеревъ, съ Ольвіопольскимъ гусарскимъ и казачьимъ Ребрикова полками, былъ отряженъ чрезъ Мери и Англюръ, для сохраненія сообщенія съ генераломъ Кайсаровымъ, стоявшимъ у Сезанны; самъ-же Паленъ, оставя въ Марнѐ (Marnay), между Ножаномъ и Понъ, генералъ-маіора Сталя съ Екатеринославскими и Астраханскими кирасирами, перешелъ съ Гродненскими гусарами, двумя эскадронами Сумскаго полка, Глуховскимъ и Псковскимъ кирасирскими полками генералъ-маіора Леонтьева и конною ротою № 6-го, къ Понъ-сюръ-Сенъ.

По наведеніи понтоннаго моста у Понъ-сюръ-Сенъ, казачій полкъ Власова, переправясь по немъ чрезъ рѣку, двинулся къ Вильнёвъ-ле-Шателò (Villeneuve-le-Chatelot); тогда-же генералы Дехтеревъ и Кайсаровъ, получивъ приказаніе направиться къ Вилленоксъ, перешли—первый къ Вилліеръ (Villiers-aux-Corneilles), а второй въ Вилленоксъ. Въ сумерки былъ разведенъ понтонный мостъ, и тогда-же предписано Власову, въ случаѣ наступленія противъ него превосходныхъ силъ, отступить вверхъ по теченію Сены и Обы. Отрядъ Кайсарова отошелъ обратно къ Сезаннъ ([17]).

2-го (14-го) марта, генералъ Раевскій, смѣнивъ графа Витгенштейна и получивъ отъ главнокомандующаго повелѣніе снова переправиться у Понъ-сюръ-Сенъ и атаковать непріятеля стоявшаго за Ножаномъ, перевелъ по вновь наведенному мосту черезъ Сену сперва авангардъ, и за нимъ пѣхотные корпусы принца Евгенія виртембергскаго и князя Горчакова. Какъ еще на-канунѣ авангардъ графа Вреде стѣснилъ обложеніе мѣстечка Бре и сильно обстрѣливалъ занимавшія его французскія войска, то Макдональдъ, желая разузнать достовѣрно расположеніе Союзниковъ, предпринялъ въ тотъ-же день усиленныя рекогносцировки къ Сезаннѣ и Вилленоксъ. Генералъ Трельяръ, съ 2,400 человѣкъ кавалеріи Келлермана и Мильгò

и съ одною бригадою пѣхотной дивизіи Леваля, двинулся на Мусо (Mouçaux) къ Сезаннѣ и вытѣснилъ оттуда отрядъ Кайсарова, въ которомъ, за откомандированіемъ партій въ различныя стороны, оставалось не болѣе тысячи казаковъ. Но вслѣдъ за тѣмъ Кайсаровъ, присоединивъ къ себѣ партіи высланныя имъ къ Вилленоксъ и Барбоннъ, атаковалъ непріятеля съ фронта и въ тылъ и при отступленіи его чрезъ тѣснину при Эстернѣ (Esternay), нанесъ ему чувствительный уронъ.

Въ тотъ-же день, 2-го (14-го) марта, графъ Сенъ-Жерменъ, двигаясь къ Вилленоксъ, наткнулся у Сенъ-Фереоль на авангардъ корпуса Раевскаго, шедшій отъ Понъ-сюръ-Сенъ къ Сенъ-Мартенъ-де-Шенестронъ, на перерѣзъ дороги изъ Вилленоксъ въ Провенъ, и былъ опрокинутъ къ Сенъ-Никола. Часть русскаго авангарда расположилась у Сенъ-Мартенъ и Лешель; другая часть у Сенъ-Фереоль; корпусъ принца Евгенія виртембергскаго на высотахъ Монъ-ле-Потьѐ; корпусъ князя Горчакова у Вилленоксъ. Корпусъ Кронъ-принца перешелъ въ Ножанъ; Гіулай получилъ приказаніе занять Санъ. Корпусъ Вреде еще на-канунѣ выступилъ къ Арси, оставя отрядъ Гардегга у Тренель Россійско-прусскіе резервы расположились въ Бріеннѣ и окрестностяхъ сего города. Главныя квартиры Императора Александра и князя Шварценберга находились въ Труа, а Императора Австрійскаго и Короля Прусскаго въ Баръ-сюръ-Объ ([18]).

Тогда-же получены были въ главной квартирѣ свѣдѣнія долженствовавшія разсѣять опасенія князя Шварценберга. Наслѣдный принцъ гессенъ-гомбургскій извѣщалъ, что онъ надѣялся сосредоточить свои силы къ 3-му (15-му) марта и немедленно атаковать непріятеля. Съ другой стороны графъ Сенъ-Пріестъ донесъ о побѣдѣ одержанной Блюхеромъ при Ланѣ и отступленіи Наполеона къ Суассону ([19]). Но все это не побудило князя Шварценберга къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. На основаніи диспозиціи его на 3-е (15-е) и 4-е (16-е) марта, корпусъ генерала Раевскаго долженъ былъ наступать по направленію къ Провѣнъ, и тѣмъ заставить непріятеля отказаться отъ обороны переправы у Ножана; корпусу Вреде прика-

зано было поддерживать Раевскаго, занявъ тѣсныя квартиры (?) между Вилленоксъ и Шалантръ (Chalantre); корпусу Кронъ-принца виртембергскаго—навести мостъ у Ножана, какъ только непріятель очиститъ правый берегъ, занять высоты близъ селенія Меріотъ, для поддержанія Раевскаго, и послать отрядъ по правой сторонѣ Сены къ Бре, чтобы овладѣть тамошнею переправою ([20]). Кайсаровъ получилъ приказаніе обратить особенное вниманіе на переправы черезъ Марну у Шато-Тіери, Лафертѐ-су-Жуàръ и Мо.

Въ 10 часовъ вечера 2-го (14-го) получено было отъ Тетенборна, изъ Портъ-а-Бенсонъ, свѣдѣніе о пораженіи отряда графа Сенъ-Пріеста въ Реймсѣ. Это извѣстіе на слѣдующій день подтвердилось донесеніемъ генералъ-маіора Давыдова ([21]), изъ Шалона, отъ 3-го (15-го) марта.

Бездѣйствіе Союзниковъ дало Макдональду время принять мѣры для обороны теченія Сены. Войска занимавшія Бре перешли на правую сторону рѣки и уничтожили тамошній мостъ; за тѣмъ большая часть пѣхоты была сосредоточена у Провенъ; вообще-же линія расположенія французскихъ войскъ простиралась отъ Ножана чрезъ селеніе Сенъ-Николà и сордюнскій лѣсъ до селенія Лешѐль, за которымъ стояла кавалерія.

4-го (16-го) марта, русскія войска атаковали непріятеля: графъ Паленъ, съ своимъ авангардомъ, и за нимъ принцъ Евгеній, съ 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, направились къ Лешѐль, а князь Шаховской съ своею дивизіей на Сенъ-Николà и сордюнскій лѣсъ. Чугуевскіе уланы и казаки Ребрикова обошли непріятеля съ лѣваго фланга, пользуясь чѣмъ принцъ Евгеній повелъ впередъ всю пѣхоту своего корпуса противъ лѣваго крыла макдональдовыхъ войскъ. Кременчугскій полкъ, выбивъ непріятельскихъ стрѣлковъ изъ лѣса у Сенъ-Мартенъ (St. Martin-de-Chenestron), атаковалъ 130-й полкъ дивизіи Левàля, занимавшій деревню Лешѐль, и послѣ упорнаго боя заставилъ непріятеля отступить съ урономъ. Въ продолженіе времени этихъ дѣйствій князь Шаховской съ своею дивизіей, поддержанной Гродненскими гусарами и кирасирскою бригадою генералъ-маіора Сталя, вытѣснилъ Французовъ изъ селенія Сенъ-

Николà, но не успѣлъ овладѣть сордюнскимъ лѣсомъ. Наслѣдный принцъ виртембергскій переправилъ на судахъ, выше Ножана, нѣсколько сотъ гренадеръ, но бригада генерала Матèра (Matère), занимавшая предмѣстье, опрокинула ихъ съ урономъ, заставила переправиться обратно на лѣвую сторону Сены и сожгла пять лодокъ ([22]). Макдональдъ однако-же не рѣшился долѣе оставаться у Провенъ и отступилъ 5-го (17-го), въ третьемъ часу по полуночи, къ Мезонъ-Ружъ, гдѣ и расположился между Доннемари и Кюшармуà; кавалерія его собралась у Рульи (Rouilly), на дорогѣ изъ Провенъ въ Лаферте-Гошè; отрядъ Жерара, очистивъ Ножанъ, сталъ позади Провѐнъ, для замедленія выхода оттуда русскихъ войскъ ([23]). Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Французамъ не удалось-бы удержать Главную Союзную армію, еслибы князь Шварценбергъ направился къ Парижу, но движеніе Наполеона къ рѣкѣ Обѣ выручило Макдональда и замедлило развязку дѣла. По занятіи Труà, въ продолженіи двѣнадцати дней, передовые Союзные корпусы прошли не болѣе шестидесяти верстъ, а российско-прусскіе резервы до 1-го (13-го) марта оставались въ Шомонѣ, и по тому не могли принимать участія въ дѣйствіяхъ.

Императоръ Александръ, желая согласить дѣйствія Главной и блюхеровой армій, не переставалъ настаивать на сближеніи резервовъ къ передовымъ корпусамъ. По мнѣнію Государя, слѣдовало сосредоточить главныя силы арміи при Арси и обратиться въ тылъ Наполеону въ то время, когда онъ дѣйствовалъ противъ Блюхера. 24-го февраля (8-го марта), князь Волконскій писалъ фельдмаршалу:..... «S. M. I. pense que le mouvement de la grande armée sur Sens (*) nous éloignerait entièrement de l'armée ennemie, que par consequent il serait urgent de porter toutes nos masses vers la droite dans la direction d'Arcis entre cette ville et Vitry et de les faire appuyer pour tous les cas par les réserves en les fesant avancer.» (Е. И. В. полагаетъ, что движеніе Главной арміи къ

(*) Это замѣчаніе вѣроятно сдѣлано по поводу движенія къ Санъ двухъ Союзныхъ корпусовъ Кронъ-принца и Гіулая.

Санъ удалило-бы насъ отъ непріятеля, и по тому необходимо обратить всѣ наши силы на право, между Арси и Витри, и на всякій случай подкрѣпить ихъ резервами, приказавъ имъ идти впередъ) ([24]). На слѣдующій день, 25-го февраля (9-го марта), князь Волконскій писалъ снова: «La communication avec le maréchal Blücher étant déjà interrompue depuis quelque tems, S. M. l'Empereur est inquiet que s'il éprouve quelque échec sans que nous en ayons connaissance, Napoléon, alors profitant de la position étendue où se trouvent actuellement nos differens corps d'armée, pourra se porter avec rapidité sur nos réserves sans donner le tems aux corps avancés de se réunir, et voila pourquoi Il suppose que la marche sur Sens les eloigne absolument de nos réserves et désire beaucoup que V. A. fasse de suite un mouvement avec tous les corps avancés à droite pour avoir nos masses réunies entre Arcis et Vitry.» (Какъ сообщенія Главной арміи съ Блюхеромъ съ нѣкотораго времени прерваны, то Е. В. безпокоится, чтобы, въ случаѣ какой-либо неудачи его, Наполеонъ, пользуясь разобщеннымъ положеніемъ Союзныхъ войскъ, не кинулся на наши резервы прежде нежели успѣютъ соединиться передовые корпусы. И по тому Государь полагаетъ, что движеніе къ Санъ удаляетъ ихъ отъ резервовъ и весьма желалъ-бы, чтобы Вы немедленно направили всѣ передовые корпусы вправо, для сосредоточенія силъ между Арси и Труà.....) ([25]). 1-го (13-го) марта Императоръ Александръ, послѣ двухъ-недѣльнаго пребыванія въ Шомонѣ, прибывъ въ Баръ-сюръ-Объ, собственноручно писалъ князю Шварценбергу, изъявляя надежду, что «впредь у него будутъ совершенно развязаны руки и что онъ можетъ руководиться военными разсчетами.» Очевидно, что въ этихъ словахъ заключался намекъ на вліяніе Меттерниха. Князь Шварценбергъ, въ отвѣтѣ Государю, выразилъ прискорбіе на счетъ сомнѣній, которымъ подали поводъ его дѣйствія, увѣряя, что онъ никогда не былъ стѣсненъ въ своихъ распоряженіяхъ и всегда поступалъ на основаніи военныхъ соображеній ([26]). На слѣдующій день, 2-го (14-го), Императоръ Александръ прибылъ въ Труà, гдѣ тогда находилась главная квартира Швар-

ценберга. Вслѣдъ за тѣмъ, (какъ мы уже видѣли), Союзники перешли на правую сторону Сены, а Макдональдъ отошелъ къ Мезонъ-Ружъ и готовился отступать далѣе. Но благопріятный моментъ уже миновалъ невозвратно, и Союзники, упустивъ случай подавить Макдональда тройными силами, дали возможность принять участіе въ борьбѣ Наполеону и французскимъ войскамъ по его мановенію спѣшившимъ къ Обѣ.

По отступленіи непріятеля изъ ножанскаго предмѣстья и сордюнскаго лѣса, князь Шаховской, утромъ 5-го (17-го) марта, занялъ сей лѣсъ; авангардъ графа Палена расположился у Сенъ-Мартенъ (St. Martin de Chenestron); передовыя войска его стали у Лешѐль.

Извѣстія, полученныя въ главной квартирѣ отъ Тетенборна и другихъ отрядныхъ начальниковъ, дѣйствовавшихъ на пространствѣ между Марною и Сеною (27), заставили князя Шварценберга пріостановить наступленіе передовыхъ корпусовъ. Еще 4-го (16-го) марта, фельдмаршалъ, узнавъ, изъ втораго донесенія генералъ-маіора Давыдова, о движеніи непріятеля въ значительныхъ силахъ чрезъ Реймсъ къ Шалону, приказалъ Раевскому не завязывать дѣла и въ случаѣ надобности отступить чрезъ Понъ-сюръ-Сенъ на лѣвую сторону рѣки; тогда-же было послано предписаніе Гіулаю — сколь возможно скрытнѣе отойти къ Труà (28). Вечеромъ отдана диспозиція на 5-е (17-е) марта, заключавшая въ себѣ слѣдующія распоряженія: 5-й корпусъ Вреде сосредоточивается у Арси; 6-й корпусъ Раевскаго переходитъ къ Мери, оставя авангардъ на прежней позиціи; 4-й корпусъ Кронъ-принца остается у Ножана и Понъ-сюръ-Сенъ; 3-й корпусъ Гіулая у Труà; резервы собираются у Бріенны; главная квартира переходитъ въ Арси. Очевидно, что, при составленіи этой диспозиціи, фельдмаршалъ имѣлъ въ виду быть въ готовности—съ одной стороны продолжать наступленіе противъ Макдональда, а съ другой, въ случаѣ наступленія Наполеона, сосредоточить главныя силы у Траннъ. Довольно трудно объяснить, почему именно былъ избранъ этотъ пунктъ для сбора арміи: по всей вѣроятности, преимущественно подали поводъ къ тому воспоминанія о побѣдѣ при Ляро-

тьерѣ, наканунѣ которой Союзныя войска были собраны у Траннъ. Какъ обыкновенно бываетъ при стремленіи къ двумъ различнымъ цѣлямъ, главнокомандующій растянулъ армію на пространствѣ болѣе семидесяти верстъ отъ Бріенны до Ножана.

Императоръ Александръ былъ весьма озабоченъ разобщеніемъ арміи. Князь Волконскій писалъ къ генералу Раевскому: «Имѣю честь увѣдомить васъ, что Государь Императоръ, усмотрѣвъ изъ донесенія князя Шварценберга, что вы «съ войсками корпуса вамъ ввѣреннаго находитесь уже по «близости Provins, повелѣлъ мнѣ васъ увѣдомить, что, по «всѣмъ полученнымъ извѣстіямъ, главныя силы непріятельскія «намъ ожидать должно съ нашего праваго фланга, въ какомъ «направленіи еще однакоже неизвѣстно, почему Е. В. желаетъ, чтобъ вы употребили для осторожности всѣ способы «обезпечить себя, ибо находясь отъ прочихъ корпусовъ, которые концентрироваться имѣютъ около Arcis-sur-Aube, въ «дальнемъ разстояніи, вамъ необходимо должно быть извѣстному заранѣе—не дѣлаетъ-ли непріятель какого движенія на «вашемъ правомъ флангѣ со стороны Sezanne и Montmirail» ([29]). Еще болѣе безпокоило Государя положеніе авангарда графа Палена, остававшагося нѣсколько дней, въ значительномъ разстояніи отъ прочихъ Союзныхъ войскъ, противъ макдональдовой арміи. 6-го (18-го) марта, князь Волконскій снова писалъ Раевскому: «Имѣю честь увѣдомить васъ, что Е. В. получа «рапортъ вашъ къ главнокомандующему, весьма безпокоится «объ авангардѣ графа Палена, оставленномъ по ту сторону «Сены, и Высочайше повелѣть изволилъ послать двухъ нарочныхъ къ вамъ, съ тѣмъ, чтобы непремѣнно въ сію-же «ночь перевесть авангардъ Палена на сію сторону рѣки при «Nogent, ибо у Pont-sur-Seine ему переправиться будетъ затруднительно, ежели неимѣется отъ Provins другой дороги «какъ чрезъ Villenoxe, потому что непріятель вчера въ 7 часовъ вечера потѣснилъ сильно генералъ-маіора Кайсарова къ «Arcis и находился уже въ Villicrs», и проч. ([30]). Весьма естественно, что лица тогда состоявшія въ главной квартирѣ

Государя, будучи волнуемы сомнѣніями на счетъ мѣръ принятыхъ австрійскимъ штабомъ, преувеличивали опасности угрожавшія арміи. «Мы хотѣли—писалъ князь Волконскій къ То-«лю—завтра отправиться въ Арси, но получивъ извѣстіе о за-«нятіи непріятелемъ Реймса, остались здѣсь (въ Труа), чтобы «не отступать снова, если Наполеонъ двинется отъ Шалона «къ Арси: Государь полагаетъ, что въ такомъ случаѣ лучше «отсюда прямо возвратиться въ Баръ-сюръ-Объ, нежели ѣхать «въ Арси и оттуда въ Баръ-сюръ-Объ. Однимъ словомъ—мы «сами не знаемъ чего хотимъ и куда. Я здѣсь какъ на ка-«торгѣ. Ради Бога, успокойте насъ чѣмъ-нибудь..... Что за «радость фельдмаршалу отъ насъ бѣгать? Только теряемъ время «въ перепискѣ» ([31]). Изъ этихъ нѣсколькихъ словъ, вырвавшихся въ минуту досады на главнокомандующаго, который, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, какъ будтобы уклонялся отъ свиданія съ Государемъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ иностранныхъ писателей вывелъ заключеніе, что Императоръ Александръ не сохранилъ на этотъ разъ обычнаго Ему присутствія духа ([32]). Но такому выводу противорѣчатъ постоянство и непоколебимость выказанныя Россійскимъ Монархомъ во все продолженіе послѣдней борьбы Его съ Наполеономъ.

Между тѣмъ какъ князь Шварценбергъ, не имѣя опредѣлительныхъ свѣдѣній о силахъ и намѣреніяхъ непріятеля, растянулъ ввѣренную ему армію отъ Ножана до Арси и Бріенны, Наполеонъ, возвысивъ духъ своихъ войскъ побѣдою при Реймсѣ и давъ имъ трехъ-дневный отдыхъ, рѣшился идти къ Марнѣ, съ тою цѣлью, чтобы усилиться на маршѣ подкрѣпленіями высланными изъ Парижа и дѣйствовать совокупно съ Макдональдомъ противъ Главной Союзной арміи, либо двинуться вверхъ по Марнѣ, чрезъ Шалонъ, Витри и Жуанвиль, и присоединить къ своей арміи часть гарнизоновъ Меца, Майнца и другихъ крѣпостей ([33]). Наполеонъ, полагая, что жители восточныхъ департаментовъ были готовы возстать на защиту родной страны, желалъ, чтобы Ней возбудилъ воззваніемъ къ нимъ народное вооруженіе; но маршалъ, будучи убѣжденъ, что лич-

ный примѣръ могъ быть несравненно дѣйствительнѣе самыхъ энергическихъ прокламацій, хотѣлъ кинуться съ нѣсколькими стами всадниковъ въ Вогезы, собрать большую часть тамошнихъ гарнизоновъ и воевать въ тылу Союзниковъ. Наполеонъ, опасаясь ослабить свои крѣпости, либо нежелая лишиться содѣйствія столь славнаго сподвижника, не одобрилъ его предположенія (34).

Трехъ-дневный отдыхъ, данный войскамъ въ Реймсѣ, былъ необходимъ послѣ безпрестанныхъ усиленныхъ маршей и кровопролитныхъ сраженій при Краонѣ и Ланѣ. Остатки французской арміи представляли печальное зрѣлище. Во многихъ полковыхъ кадрахъ было болѣе офицеровъ нежели нижнихъ чиновъ. На ряду съ старыми солдатами, покрытыми рубищемъ, но сохранившими воинственную осанку, стояли юные конскрипты, изможденные трудами и лишеніями, опираясь на оружіе слишкомъ тяжкое для слабой руки ихъ. Кавалерія и упряжныя артиллерійскія лошади находились въ плохомъ состояніи.

Наполеонъ, удаляясь отъ Эны, счелъ нужнымъ обезпечить оборону этой рѣки, или, по крайней мѣрѣ, принять мѣры для наблюденія за блюхеровою арміей. Съ этою цѣлью, были оставлены маршалы Мортьè и Мармонъ: первый съ 10,600 человѣкъ у Суассона и второй съ 8,200 у Бери-о-Бакъ, вообще же до 19,000 человѣкъ съ 60-ю орудіями, не считая 4,300 человѣкъ гарнизоновъ Суассона, Компіеня и Реймса (35). Кромѣ того, предполагалось усилить войска Мортьè тремя тысячами и войска Мармона шестью тысячами человѣкъ національной стражи марнскаго и энскаго департаментовъ, но эти ополченія, по прибытіи въ Реймсъ, были распущены, по неимѣнію для нихъ ружей (36). Исправлявшій должность начальника штаба (aide-major-général) генералъ Бельяръ (Belliard) предлагалъ назначить главнокомандующаго всѣми войсками на Энѣ, но Наполеонъ отказалъ въ томъ, изъявивъ увѣренность, что маршалы по прежнему будутъ дѣйствовать согласно. Кавалерія арміи оставленной на Энѣ, долженствовавшая состоять подъ начальствомъ Бельяра, было подчинена прямо Мармону и Мортьè, а начальникъ кавалеріи остался при ней въ качествѣ

волонтера. Единственная инструкція, данная маршаламъ, заключалась въ томъ, чтобы они слѣдили за движеніями Блюхера, если онъ направится на соединеніе съ Главною арміею, и старались преградить ему доступъ къ Парижу ([37]).

Самъ-же Наполеонъ, съ пѣхотными дивизіями Фріана, Жансена ([38]) и Бойе-де-Ребеваля, съ гвардейскою кавалеріей, подъ начальствомъ Себастіани, дивизіей Беркгейма (des escadrons réunis) и бригадою (des gardes d'honneur) Дефранса, вообще-же съ корпусомъ, въ числѣ 10,300 человѣкъ пѣхоты и 5,900 человѣкъ кавалеріи ([39]), выступилъ изъ Реймса, 5-го (17-го) марта. Войска эти были весьма недостаточны для дѣйствій противъ Главной Союзной арміи, но Наполеонъ надѣялся присоединить къ нимъ 4,500 человѣкъ пѣхоты и отъ 1,500 до 2,000 кавалеріи, съ двумя батареями, подъ начальствомъ генерала Лефевръ-Денуэтта (Lefebvre-Desnoëttes), выступившихъ 4-го (16-го) изъ Парижа, и столько-же регулярныхъ войскъ и національной стражи, которыя приказано было выслать также изъ Парижа, подъ начальствомъ графа Декаэна (Decaen). Кромѣ того, онъ ожидалъ прибытія на Обу Макдональда съ 33,000 человѣкъ ([40]). Такимъ образомъ еслибы ему удалось сосредоточить всѣ эти силы до встрѣчи съ Главною Союзною арміей, то всё-таки у него было-бы только до шестидесяти тысячъ человѣкъ, большею частью конскриптовъ, либо національной стражи, неуспѣвшей получить тактическое образованіе. Самъ Наполеонъ, сознавая свое безсиліе, послалъ въ день отъѣзда изъ Реймса повелѣніе Коленкуру—заключить миръ, лишь-бы только Союзники немедленно выступили изъ Франціи (*).

Войска Наполеона двинулись изъ Реймса къ Марнѣ двумя колоннами: правая, состоявшая изъ Старой гвардіи и почти всей кавалеріи, подъ личнымъ начальствомъ Императора, достигла къ вечеру Эпернè; лѣвая, изъ дивизій Жансена и Бойе, подъ начальствомъ Нея, прибыла въ Шалонъ. Бригада Дефрàнса, высланная наканунѣ въ авангардѣ колонны маршала Нея, по дорогѣ въ Витри, перешла къ Ватри. На слѣдующій день, 6-го (18-го), Наполе-

(*) Глава XIX-я, Шатильонскій конгрессъ.

онъ направился къ Феръ-Шампенуазу, а Ней къ Соммесу. Графъ Себастіани, шедшій впереди правой колонны, выдвинулъ нѣсколько эскадроновъ къ Вертю Генералъ Кайсаровъ, тогда находясь въ Феръ-Шампенуазѣ, приказалъ развѣдать о непріятелѣ своимъ казакамъ, которые опрокинули непріятеля почти до Авизъ (Avize), но вслѣдъ за тѣмъ къ нему прибыла въ помощь вся кавалерія Себастіани, что̀ заставило казаковъ отступить къ Феръ-Шампенуазу. Хотя плѣнные показали, что Наполеонъ съ 5-го (17-го) на 6-е (18-е) ночевалъ въ Эпернѐ и что при немъ было отъ 30-ти до 40-ка тысячъ гвардіи, а Кайсаровъ успѣлъ собрать неболѣе тысячи казаковъ, однакоже онъ рѣшился выждать непріятеля на равнинѣ у Феръ-Шампенуаза, чтобы удостовѣриться въ силахъ Французовъ. Генералъ Себастіани атаковалъ его всею своею кавалеріей, опрокинулъ казаковъ за селеніе Еви (Euvy) и «силился своими массами пожрать» малочисленный русскій отрядъ, но Кайсаровъ, зная, что корпусъ Вреде еще не успѣлъ сосредоточиться у Арси, рѣшился занять позицію у деревни Семуанъ (Semoine) и снова остановить Французовъ Для затрудненія имъ переправы черезъ рѣчку, ближайшіе къ мосту дома̀ были зажжены. Здѣсь, поставя на высотахъ свои орудія, Кайсаровъ удерживалъ непріятеля болѣе двухъ часовъ, а потомъ отошелъ къ Гербиссъ (Herbisse) и занялъ тамъ довольно выгодную позицію. Кавалерія Себастіани остановилась у Семуанъ и Гургансонъ, выдвинувъ авангардъ къ Шангриллѐ (Changrillet), а передовые посты къ Вильеръ (Villiers). Главныя силы правой непріятельской колонны дошли до Феръ-Шампенуаза, а лѣвая колонна до Соммесу, заставя стоявшій тамъ отрядъ Фримона отступить къ Гербиссъ. Уронъ отряда Кайсарова въ сей день простирался свыше ста человѣкъ. Въ слѣдующую ночь, Кайсаровъ, по предписанію князя Шварценберга, отступилъ за Обу къ селенію Режъ (Reges) и вошелъ въ связь вправо чрезъ Вилеттъ съ корпусомъ Вреде и влѣво чрезъ Мери съ корпусомъ Раевскаго ([41]).

Доселѣ, со времени занятія Союзными войсками Труа̀, князь Шварценбергъ дѣйствовалъ нерѣшительно, гоняясь за различ-

*

ными цѣлями: преслѣдовать Макдональда, идти отъ Арси въ помощь Блюхеру, сосредоточить Главную армію у Траннъ и принять сраженіе. Соображенія, несогласныя между собою и даже противорѣчившія одно другому, повели къ потерѣ времени и къ разобщенію войскъ. Императоръ Александръ заботливо слѣдилъ за распоряженіями австрійскаго главнаго штаба и старался по возможности исправить ихъ. Ему, и Ему одному, долженъ быть приписанъ планъ дѣйствій, присланный, 5-го (17-го) марта, княземъ Волконскимъ, въ видѣ собственнаго своего проекта, на обсужденіе Толя. И дѣйствительно—какъ весьма справедливо замѣчаетъ Бернгарди—князь Волконскій никогда не предлагалъ стратегическихъ плановъ, остерегаясь принимать на себя отвѣтственность въ нихъ, никогда не излагалъ опредѣлительно своего мнѣнія, даже и тогда, когда ему дѣлали вопросы, на всѣхъ Военныхъ Совѣтахъ молчалъ и даже старался быть въ сторонѣ отъ лицъ совѣщавшихся между собою. Такъ поступалъ онъ во все продолженіе войны. Возможноли повѣрить, чтобы онъ самъ предложилъ какой-либо планъ, еслибы не принималъ участія въ немъ Государь? Сущность помянутаго плана дѣйствій заключалась въ томъ, чтобы, въ случаѣ движенія Блюхера къ Реймсу, и далѣе къ Шалону, направить Главную армію къ Витри, оставя корпусъ Вреде у Арси. За тѣмъ, обѣ Союзныя арміи вмѣстѣ двинулись-бы по большой шалонской дорогѣ, либо чрезъ Монмираль къ Парижу. Генералъ Толь несчелъ нужнымъ сообщить эти предположенія князю Шварценбергу, но спустя одну лишь недѣлю сила обстоятельствъ заставила ихъ исполнить.

По свидѣтельству лорда Бургирша (Burghersh), Союзный главнокомандующій былъ увѣренъ, что Наполеонъ по занятіи Реймса снова направится противъ Блюхера. Въ этомъ заблужденіи утверждали его донесенія Тетенборна и другихъ отрядныхъ начальниковъ, которые изъ трехъ-дневнаго бездѣйствія Французовъ въ Реймсѣ вывели заключеніе, что они обратились къ Энѣ. При всемъ томъ однакоже нельзя оправдать князя Шварцеберга въ раздробленіи ввѣренныхъ ему войскъ. Въ послѣдствіи, когда генералъ Кайсаровъ прислалъ нѣсколько доне-

сеній, одно вслѣдъ за другимъ, о наступленіи Наполеона съ гвардіей къ Феръ-Шампенуазу, главнокомандующій, коснѣя въ своемъ убѣжденіи, счелъ доставленныя свѣдѣнія преувеличенными, не принялъ мѣръ къ сосредоточенію разсѣянныхъ корпусовъ и ограничился отряженіемъ въ помощь Кайсарову четырехъ эскадроновъ изъ корпуса Вреде. Императоръ Александръ, опасаясь, чтобы Главная Союзная армія не подверглась такой-же участи, какую понесла Силезская при Шампоберѣ и Монмиралѣ, изъявилъ, чрезъ генерала Толя, князю Шварценбергу желаніе Свое видѣть его и лично объясниться съ нимъ. Но главнокомандующій, заболѣвъ еще 5-го (17-го), слегъ въ постелю, и не будучи въ состояніи пріѣхать изъ Арси въ Труа̀, гдѣ тогда находилась главная квартира Государя, прислалъ, вмѣсто себя, прусскаго генерала графа Гааке (Haacke). Императоръ Александръ, встревоженный полученными чрезъ него свѣдѣніями, тотчасъ сѣлъ въ коляску и вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ поѣхалъ въ Арси, куда прибывъ неожиданно, 6-го (18-го) въ шесть часовъ вечера, отправился прямо на квартиру князя Шварценберга ([42]). Встрѣтя въ пріемной комнатѣ Толя, Государь съ неудовольствіемъ сказалъ ему: «Что̀ у васъ дѣлается? Мы всю армію потерять можемъ!»—«Ваше «Величество лично усмотрѣть изволите мнительность этихъ «господъ, отвѣчалъ Толь.—Я употреблялъ всѣ способы, пред«ставляя имъ опасность нашего положенія. Величайшее счас«тіе, что Ваше Величество пріѣхали; Вы исправите наши «ошибки.» За тѣмъ Государь, обратясь къ графу Радецкому, барону Лангенау и другимъ лицамъ австрійскаго главнаго штаба, прибывшимъ въ продолженіе разговора Его съ Толемъ, спросилъ: «Господа, какъ намѣрены вы поступить въ настоящемъ критическомъ положеніи?»—«Надобно ожидать дальнѣй«шихъ свѣдѣній съ передовыхъ постовъ; они усилены четырь«мя баварскими эскадронами,» отвѣчали они. Генералъ Толь, найдя такой отзывъ неудовлетворительнымъ, сказалъ Государю: «Теперь каждая минута дорога; не остается другаго средства «избѣгнуть бѣды, какъ сосредоточить всѣ корпусы и стать «между Труа̀ и Пужи, а корпусу Вреде возвратиться ночью на

«лѣвый берегъ Обы и удерживать Арси и тамошнюю переправу.» Императоръ Александръ, признавъ мнѣніе Толя основательнымъ, пошелъ къ лежавшему въ постелѣ князю Шварценбергу и убѣдилъ его собрать армію въ окрестностяхъ Труа̀ ([43]). Сообразно тому, были разосланы приказанія корпусамъ, и по волѣ Государя отправились къ Раевскому, съ повелѣніемъ—спѣшить усиленными маршами къ Труа—сперва, еще до полученія диспозиціи, поручикъ Хомутовъ, а потомъ, въ 9-мъ часу вечера, съ подлинною диспозиціей, маіоръ Мерлинъ ([44]). Весьма замѣчательно, что австрійскій главный штабъ, не довольствуясь рѣшеніемъ Государя и фельдмаршала—сдѣлать 7-го (19-го) одинъ переходъ назадъ, составилъ диспозицію и на слѣдующій день, присовокупивъ, чтобы 8-го (20-го) войска продолжали отступленіе къ Траннъ ([45]).

Такимъ образомъ была устранена опасность угрожавшая Главной Союзной арміи—опасность мнимая, потому что въ ближайшемъ къ непріятелю корпусѣ Вреде было 20,000 человѣкъ съ 124-мя орудіями, слѣдовательно болѣе нежели во всей наполеоновой арміи. Но Союзники, не имѣя вѣрныхъ свѣдѣній о силахъ ея, приняли французскія войска прибывшія къ Феръ-Шампенуазу за авангардъ, и полагали, что въ слѣдъ за нимъ двигается несравненно сильнѣйшая армія. Въ такихъ обстоятельствахъ надлежало, какъ можно скорѣе, сосредоточить разбросанные Союзные корпусы, и это было сдѣлано по настоянію Императора Александра.

Диспозиція на 7-е (19-е) и 8-е (20-е) марта, отданная 6-го (18-го) въ восемь часовъ вечера, застала Союзныя войска въ слѣдующемъ расположеніи:

Генералъ Раевскій, съ 1-мъ пѣхотнымъ корпусомъ князя Горчакова, стоялъ у Мери; принцъ Евгеній виртембергскій, съ 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, у Понъ-сюръ-Сенъ; авангардъ Палена близъ Провѐнъ; корпусъ Вреде на высотахъ Алибодьеръ (Allibaudière), по правую сторону Обы, откуда, перейдя на лѣвый берегъ, расположился у Арси и Шодрѐй; корпусъ Кронъ-принца виртембергскаго близъ Ножана; корпусъ Гіулая близъ Труа̀; отрядъ Кайсарова̀, перейдя на лѣвую сторону Обы, наблюдалъ

пространство отъ устья сей рѣки до Арси, а Сеславинъ теченіе Сены у Бре, охраняя сообщеніе арміи съ 2-ою легкою дивизіей принца Морица Лихтенштейна, стоявшею близъ Жуаньи (Joigny). Резервы, за исключеніемъ 2-й кирасирской дивизіи, находившейся въ авангардѣ Палена, и легкой гвардейской кавалеріи, высланной къ Бро-ле-Контъ (Braux-le-Comte), были расположены впереди Бріенны (46). Генералъ-лейтенантъ графъ Ламбертъ, посланный для принятія команды надъ отрядами Давыдова и Тетенборна, узнавъ о наступленіи Наполеона къ Обѣ, отошелъ съ первымъ изъ сихъ отрядовъ къ крѣпостцѣ Витри, занятой полутора-тысячами человѣкъ прусскихъ войскъ полковника Швихова; а Тетенборнъ, наканунѣ прибывшій въ Тоньи (Togny), двинулся на правую сторону Марны къ Шалону, чтобы открыть сообщеніе съ Блюхеромъ (47).

7-го (19-го) марта, Наполеонъ, съ гвардіей и большою частью кавалеріи, достигнувъ Гербиссъ, непошелъ къ Арси, а двинулся фланговымъ маршемъ къ Планси, чтобы переправиться тамъ чрезъ Обу и атаковать съ фланга растянутую Союзную армію, направя, для скрытія своихъ намѣреній, Нея съ лѣвою колонною къ Арси. Причиною, побудившею къ тому Наполеона, кромѣ сближенія съ Макдональдомъ, были свойства мѣстности у Арси, гдѣ рѣка Оба, раздѣляясь на пять рукавовъ, образуетъ болотистую низину, шириною около версты, чрезъ которую можно перейти только по узкой плотинѣ. Графъ Вреде, занимая городъ Арси, дивизіями Гардегга (Hardegg) и Сплѣни, остановилъ-бы всякое покушеніе переправиться у сего пункта, и по тому напрасно полагаютъ, будтобы Наполеонъ двинулся на Планси единственно съ тою цѣлью, чтобы застичь передовые корпусы Главной Союзной арміи на лѣвой сторонѣ Сены, между Труà, Ножаномъ и Санъ, и отрѣзать ихъ отъ резервовъ стоявшихъ на Обѣ. Движеніе къ Планси было вынуждено обстоятельствами: какъ только Наполеонъ, въ надеждѣ разбить Союзниковъ по частямъ, рѣшился атаковать ихъ, то ему не оставалось ничего болѣе, какъ переправиться чрезъ Обу на удобнѣйшемъ къ тому пунктѣ.

7-го (19-го) марта, генералъ Себастіани, съ своею кава-

леріей, встрѣтивъ казаковъ у Шанъ-Флёри (Champ-Fleury), опрокинулъ ихъ, возобновилъ съ содѣйствіемъ жителей мостъ у Планси, и не смотря на канонаду Кайсарова, перешелъ въ три часа по полудни черезъ первый рукавъ Обы. Между тѣмъ подошла дивизія Фріана; генералъ Себастіани, занявъ однимъ баталіономъ селеніе Шарни, перевелъ кавалерію въ бродъ черезъ второй рукавъ рѣки и направилъ ее въ слѣдъ за отступавшими Союзниками, двумя колоннами, по дорогамъ къ Арси и Мери: самъ Себастіани, съ дивизіями Эксельмана и Кольбера, опрокинулъ казаковъ за болотистую рѣчку Барбюйссъ и остановился у Бесси; тогда-же дивизіи Летòра и Беркгейма, подъ личнымъ начальствомъ Наполеона, приблизясь къ Мери, нашли тамъ арріергардъ Кронъ-принца виртембергскаго, который тотчасъ перешелъ на лѣвый берегъ Сены, зажегъ мостъ и завязалъ сильную перестрѣлку. Наполеонъ, не теряя времени, перевелъ въ бродъ ниже Мери кавалерію Летòра и преслѣдовалъ Союзниковъ по дорогѣ къ Труà, но Французамъ удалось захватить только 13 понтоновъ, служившихъ для наведенія моста у Понъ-сюръ-Сенъ. Дивизія Летòра остановилась у Грецъ (Grez), а Наполеонъ съ прочею кавалеріей возвратился къ ночи въ Планси. Гвардейская пѣхота стала на бивакахъ по обѣ стороны Обы; войска Нея, нигдѣ невстрѣтивъ Союзниковъ, расположились между Планси и Віапръ. Макдональдъ, съ своей стороны, узнавъ объ отступленіи Палена, устремился со всею своею кавалеріей къ Вилленоксъ и выслалъ сильные разъѣзды къ Лаферте-Гошè и Сезаннъ; пѣхота его стала между Провѣнъ и Вилленоксъ; дивизія Пактò, находившаяся у Монтерò, заняла переправы у Бре, Ножана и Понъ-сюръ-Сенъ ([48]).

Со стороны Союзниковъ, корпусы Раевскаго, Кронъ-принца и Гіулая сосредоточились въ ночи съ 7-го (19-го) на 8-е (20-е) у Труà; корпусъ Вреде сталъ у Ножана-на-Обѣ; арріергардъ его занималъ Арси; резервы арміи находились впереди Бріенны. Въ продолженіи дня 7-го (19-го), главнокомандующій измѣнилъ отданную имъ диспозицію. Какъ все утро прошло спокойно и непріятель не появлялся у Арси, то князь Шварценбергъ рѣшился, вмѣсто предположеннаго на слѣдующій день

отступленія арміи на позицію у Траппъ, сосредоточить главныя силы на правой сторонѣ Обы, за Вуарою (Voire), между Лемономъ и Ронѐ ([19]). Въ три часа по полудни пришло въ главную квартиру князя Шварценберга донесеніе Кайсарова о переправѣ у Планси шести тысячъ непріятельской кавалеріи и о движеніи за ними въ слѣдъ 25-ти тысячъ пѣхоты. Фельдмаршалъ, успокоенный на счетъ праваго фланга и сообщеній своихъ, снова измѣнилъ диспозицію на 8-е (20-е) марта и вмѣсто сосредоточенія арміи на правой сторонѣ Обы, за Вуарою, рѣшился, собравъ ее между Обою и Сеною, атаковать непріятеля. Съ этою цѣлью, были сдѣланы слѣдующія распоряженія: корпусъ Вреде получилъ приказаніе стать правымъ флангомъ къ Обѣ у Шодрей (Chaudrey) и выждать тамъ прибытіе резервовъ, которые, перейдя черезъ рѣку по мостамъ у Лемона и Преси (Precy), должны были придти въ девять часовъ утра—кавалерія къ Мениллетръ (Mesnilletre), а пѣхота на высоты у Онжона (Onjon) и Лонгсоля (Longsols). Наслѣдному принцу виртембергскому предложено, съ корпусами его собственнымъ, графа Гіулая и генерала Раевскаго, прибыть также въ девять часовъ къ Шармону (Charmont—на дорогѣ изъ Труа̀ въ Рамерю) ([50]).

Не входя въ изслѣдованіе, самому-ли Шварценбергу, или достойнѣйшему изъ его сподвижниковъ—графу Радецкому принадлежитъ честь соображенія ускорившаго развязку общаго дѣла Европы, должно отдать полную справедливость превосходному манёвру, поставившему Наполеона въ необходимость отступить, или принять сраженіе, имѣя въ тылу болотистую рѣку.

8-го (20-го) марта, войска Наполеона двинулись отъ Планси обоими берегами Обы къ Арси.

ГЛАВА XVIII.

Сраженіе при Арси 8-го и 9-го (20-го и 21-го) марта.

СОДЕРЖАНІЕ.

Диспозиція къ нападенію на непріятеля, 8-го (20-го) и измѣненія сдѣланныя при исполненіи ея Наслѣднымъ принцемъ виртембергскимъ. — Планъ дѣйствій Наполеона. Распоряженія его. — Движеніе Наполеона отъ Планси къ Арси. Расположеніе французскихъ войскъ впереди Арси. Расположеніе корпуса графа Вреде и отряда Кайсарова.

Дѣло 8-го (20-го) марта. Прибытіе на поле сраженія Императора Александра и Короля Прусскаго. Наступленіе войскъ обѣихъ сторонъ. Атака генерала Кайсарова.—Разстройство праваго крыла французской кавалеріи.—Упорный бой въ Большомъ-Торси.—Дѣло при Режъ.—Прибытіе на поле сраженія Союзныхъ корпусовъ Канонада.—Прибытіе кавалеріи Лефевръ-Денуэтта. Ночная атака генерала Себастіани на лѣвое крыло Союзныхъ войскъ.

Расположеніе обѣихъ сторонъ въ ночи съ 8-го (20-го) на 9-е (21-е) марта. Потери. Прибытіе подкрѣпленій къ Наполеону.—Распоряженія князя Шварценберга.

Сраженіе 9-го (21-го) марта. Расположеніе Союзныхъ войскъ.—Расположеніе наполеоновыхъ войскъ.—Наступленіе Французовъ. Наполеонъ рѣшается отступать.—Виды Наполеона и князя Шварценберга.—Нерѣшительность Союзниковъ. Диспозиція Шварценберга къ наступленію. — Распоряженія маршала Удино для обороны Арси. Атака графа Палена. Общее наступленіе Союзниковъ. Распоряженія Шварценберга для преслѣдованія непріятеля. Взятіе Арси Расположеніе обѣихъ сторонъ въ ночи съ 9-го (21-го) на 10-е (22-е) марта.—Потери.

Замѣчанія на дѣйствія обѣихъ сторонъ въ сраженіи подъ Арси.

Для нападенія на непріятеля, перешедшаго на лѣвую сторону Обы, князь Шварценбергъ, полагая, что армія Наполеона была расположена у Мери и Планси, 8-го (20-го) марта, въ 9 часовъ утра, сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: какъ только войска, на основаніи предшествовавшей диспозиціи, зай-

мутъ, около десяти часовъ утра, указанныя имъ мѣста, то въ 11 часовъ будетъ поданъ сигналъ къ наступленію зажженіемъ костра на высотѣ у Менилльетра и тремя пушечными выстрѣлами. 5-й корпусъ (Вреде) двинется къ Арси вдоль праваго берега Обы, а 3-й, 4-й и 6-й корпусы (Гіулая, Кронъ-принца и Раевскаго) направятся отъ Шармона такъ, чтобы правый ихъ флангъ примыкалъ къ лѣвому флангу корпуса Вреде, а лѣвый къ рѣкѣ Барбюйссъ. Кавалерія 3-го, 4-го и 6-го корпусовъ прикрываетъ пѣхоту съ фланга, двигаясь по лѣвой сторонѣ Барбюйссы. Отрядъ Кайсарова сохраняетъ связь между 5-мъ корпусомъ и авангардомъ Палена. Далѣе — предполагалось переправиться по понтоннымъ мостамъ чрезъ Барбюйссъ, атаковать непріятеля и оттѣснить его отъ переправы у Планси (1).

Утромъ 8-го (20-го) марта, 5-й корпусъ стоялъ у Шодрей, занимая авангардомъ Фримона Арси; Наслѣдный принцъ виртембергскій, желая избѣжать перехода черезъ болотистую рѣчку Барбюйссу, направилъ свои корпусы отъ Труа̀ по лѣвую ея сторону: 3-й корпусъ, (за исключеніемъ одной дивизіи оставленной въ Труа̀), и 4-й по дорогѣ къ Планси, а 6-й на Обетерръ (Aubeterre). Впрочемъ — наступленіе Наполеона отъ Мери къ Арси заставило фельдмаршала измѣнить всѣ сдѣланныя имъ распоряженія (2).

Наполеонъ, полагая, что Главная Союзная армія продолжала отступать, предпринялъ воспользоваться нерѣшительностью Шварценберга и бездѣйствіемъ Блюхера. Какъ по видимому Парижъ былъ на-время обезпеченъ отъ покушеній Союзниковъ, то Наполеонъ предполагалъ присоединить къ своимъ войскамъ корпусы прикрывавшіе его столицу и двинуться чрезъ Витри и Сенъ-Дизьѐ, на сообщенія Главной арміи, надѣясь побудить къ дальнѣйшему отступленію князя Шварценберга и чрезъ то непозволить Блюхеру дѣйствовать съ обычною ему рѣшимостью (3).

Съ этою цѣлью, онъ предписалъ маршаламъ Макдональду и Удино̀ двинуться на соединеніе съ нимъ, чрезъ Вилленоксъ и Планси, къ Арси, куда также были направлены колонна

маршала Нея и гвардейская пѣхота, посланная 8-го (20-го) отъ Планси вверхъ по правому берегу Обы, одновременно съ движеніемъ туда-же по лѣвому берегу гвардейской кавалеріи. Наполеонъ предполагалъ, сосредоточивъ эти войска у Арси и дождавшись Лефевръ-Денуэтта съ высланными изъ Парижа обозами и парками, устремиться отъ Обы къ Марнѣ, на Витри, къ Сенъ-Дизьè, и даже, смотря по обстоятельствамъ, къ Баръ-ле-Дюкъ. Войска Мармона и Мортье получили приказаніе двинуться чрезъ Шалонъ на присоединеніе къ арміи. Такимъ образомъ Наполеонъ надѣялся, собравъ армію въ 70,000 человѣкъ, (чего не удавалось ему въ продолженіе всего похода), направиться къ восточнымъ крѣпостямъ и усилиться ихъ гарнизонами. Сдѣлавъ эти распоряженія, Наполеонъ написалъ въ Парижъ о всѣхъ принятыхъ имъ мѣрахъ, изъявляя совершенную увѣренность въ ихъ успѣхѣ (4).

8-го (20-го) марта, Наполеонъ приказалъ генералу Себастіани идти по лѣвому берегу Обы къ Арси, дивизіи Фріана—направиться по правому берегу, а генералу Летору—перейти обратно черезъ Сену и также идти къ Арси; но Леторъ, по недоразумѣнію, двинулся туда съ одними лишь драгунами, оставя прочіе полки на занятыхъ ими бивакахъ.

Кавалерія Себастіани, заставя авангардъ Фримона отступить отъ рѣчки Барбюйссы, заняла въ 10 часовъ утра Арси, откуда Фримонъ отошелъ на лѣвое крыло корпуса Вреде стоявшаго близъ Торси. Почти въ одно время съ кавалеріей Себастіани подошли къ городу съ правой стороны Обы войска Нея. Немедленно было приступлено къ возобновленію моста и переправѣ неевыхъ войскъ на лѣвый берегъ. Въ часъ по полудни прибылъ Наполеонъ. Себастіани и Ней донесли ему, что между Обою и Сеною собралась вся армія князя Шварценберга; жители окрестной страны увѣряли, что большая часть Союзныхъ войскъ находилась въ небольшомъ переходѣ отъ Арси; но Наполеонъ упорствовалъ въ своемъ убѣжденіи. Говорятъ, будтобы немало способствовала тому рекогносцировка по направленію къ Труà, небрежно произведенная однимъ изъ молодыхъ офицеровъ, который донесъ, что онъ не видалъ никакихъ войскъ кромѣ нѣсколькихъ сотъ казаковъ (5).

Въ ожиданіи сбора французскихъ войскъ, двигавшихся къ Арси, Ней и Себастіани приняли мѣры для обороны сего города. Дивизія Жансена была расположена влѣво отъ дороги ведущей въ Лемонъ, у селенія Большаго-Торси (Grand-Torcy); за нею, въ резервѣ стала дивизія Бойè. Генералъ Себастіани расположилъ дивизіи Кольбѐра и Эксельмана по сторонамъ дороги въ Труà. (Въ послѣдствіи къ нимъ прибыла одна изъ бригадъ Летора). Бригада Дефрàнса была выслана по дорогѣ въ Рамерю, къ Винè (Vinets) для наблюденія за Союзниками по правую сторону Обы (6).

Союзныя войска не успѣли прибыть въ назначенное время на указанные имъ пункты. Только-лишъ авангардъ Фримона двинулся въ 10 часовъ утра на встрѣчу непріятелю къ рѣкѣ Барбюйссъ, но потомъ, какъ уже сказано, былъ принужденъ отступить на главныя силы корпуса. Вслѣдъ за тѣмъ было замѣчено движеніе французской кавалеріи отъ Арси вверхъ по правому берегу Обы, чтò заставило графа Вреде поставить генерала Сплени съ особымъ отрядомъ (7) на лѣвомъ берегу, отъ Ножана-на-Обѣ до Вопуассонъ (Vaupoisson), для охраненія арміи съ фланга. Въ 11 часовъ, командовавшій всею гвардейскою кавалеріей генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ (Дмитр. Владимір.) выслалъ изъ Лемона, чрезъ Рамерю, полковника князя Хилкова съ четырьмя эскадронами легкой гвардейской кавалеріи, которые, не имѣя при себѣ артиллеріи, не могли удержать непріятеля, открывшаго противъ нихъ канонаду. Но Фолькманъ, стоявшій съ своею бригадою впереди Вопуассонъ, сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ во флангъ французской кавалеріи, чтò заставило ее остановиться у Винè.

Графъ Вреде, получивъ приказаніе невдаваться въ рѣшительный бой съ непріятелемъ, до прибытія прочихъ Союзныхъ корпусовъ, старался выманить его на равнину, чтò, въ случаѣ пораженія Французовъ, могло затруднить ихъ отступленіе. Съ этою цѣлью, Союзныя войска ограничивались занятіемъ оборонительной позиціи: бригада Фолькмана стала на правомъ крылѣ, фронтомъ къ Большому-Торси; дивизіи Деламотта и Рехберга съ одною баварскою кавалерійскою бригадою расположи-

лись въ центрѣ; три австрійскихъ и три баварскихъ кавалерійскихъ полка (26 эскадроновъ) съ двумя двѣнадцати-фунтовыми батареями и казачій отрядъ Кайсарова на лѣвомъ крылѣ, близъ Барбюйссы ([8]).

Около полудня, Императоръ Александръ и Король Прусскій прибыли изъ Труа̀ на высоту между Мениллетръ и Мениль-ла-Комтессъ (Mesnil-la-Comtesse), гдѣ нашли главнокомандующаго со всѣмъ его штабомъ. Государь, поздоровавшись съ княземъ Шварценбергомъ, сошелъ съ лошади и ходя по полю съ графомъ Барклаемъ и Толемъ, изъявилъ имъ Свое неудовольствіе на счетъ мнительности австрійскихъ генераловъ, заставлявшей ихъ безпрестанно измѣнять диспозиціи. «Хотѣлъ-«бы Я знать, сказалъ Онъ Толю, что̀ побудило фельдмаршала «отмѣнить всѣ его предположенія? Почему армія не продол-«жала отступать на позицію у Траннъ?» Генералъ Толь отвѣчалъ, что «еслибы Наполеонъ вчера, вмѣсто движенія къ Планси, атаковалъ и опрокинулъ наши передовыя войска при Арси, то армія продолжала-бы отступать къ Траннъ; но какъ онъ потерялъ цѣлыя сутки и далъ намъ возможность собрать армію между Труа̀ и Пужи, то мы, пользуясь нашимъ превосходствомъ въ силахъ, можемъ нанести ему рѣшительный ударъ, и къ тому-же на нашей сторонѣ мѣстныя выгоды: у непріятеля въ тылу болотистая рѣка и онъ можетъ переправиться только на двухъ пунктахъ; мы-же, напротивъ того, занимаемъ господствующія высоты и совершенно свободны въ своихъ движеніяхъ.» Императоръ Александръ, однакоже справедливо сомнѣваясь въ желаніи австрійскаго главнаго штаба—дѣйствовать рѣшительно, сказалъ: «Наполеонъ будетъ занимать насъ «здѣсь пустыми манёврами, а съ главными силами пойдетъ «на Бріенну и далѣе, на сообщенія нашей арміи.» Государь, имѣя въ виду ускорить прибытіе резервовъ, приказалъ Барклаю де-Толли, не останавливая ихъ у Лонгсоль (Longsols), продолжать вмѣстѣ съ ними наступленіе къ Сенъ-Реми (Saint Remy).

Наконецъ, послѣ долгаго выжиданія, во второмъ часу по полудни, тогда уже, когда войска давно стояли на указанныхъ

имъ мѣстахъ, фельдмаршалъ подалъ сигналъ къ наступленію. Наполеонъ, съ своей стороны, полагая, что Союзники оставались въ бездѣйствіи, готовясь отступать, двинулъ впередъ тогда-же войска стоявшія впереди Арси ([9]).

Дѣло началось блистательною атакою стоявшихъ у Сентъ-Этьенъ казаковъ генерала Кайсарова на правое крыло дивизіи Кольбѐра; тогда-же нѣсколько правѣе, ударили на него два эскадрона гусаръ эрцгерцога Іосифа. Опрокинувъ непріятеля быстрымъ налётомъ, казаки захватили три орудія; четвертое было отбито австрійскими гусарами. Лѣвое крыло Кольбѐра кинулось-было на выручку праваго, но было удержано и разстроено картечью австрійской батареи (Cavalerie-Batterie). Вся дивизія Кольбѐра въ безпорядкѣ бросилась назадъ, смяла стоявшую позади уступомъ дивизію Экзельмана и увлекла ея въ общемъ бѣгствѣ. Раздаются крики: «Sauve qui peut!» (спасайся кто можетъ!). Французскіе всадники, объятые паническимъ страхомъ, скачутъ стремглавъ чрезъ городъ къ мосту. Самъ Наполеонъ обнажаетъ шпагу и кидается на-встрѣчу бѣгущимъ, говоря: «посмотримъ, кто изъ васъ осмѣлится перейти прежде меня!» Въ эту самую минуту появляются головныя войска Старой гвардіи Фріана. Наполеонъ быстро проводитъ стоихъ ворчуновъ (grognards) чрезъ городъ и выстраиваетъ ихъ къ бою, подъ градомъ ядеръ и картечи ([10]). Онъ не избѣгаетъ опасностей, онъ ищетъ смерти. Счастливъ былъ-бы онъ, еслибы Судьба исполнила его желаніе! Одна изъ гранатъ разрывается у ногъ его; онъ исчезаетъ въ облакѣ пыли и дыма; всѣ считаютъ его погибшимъ, но онъ соскочивъ съ убитой подъ нимъ лошади, садится на другую и снова становится противъ громящихъ его батарей. Смерть отказывается поразить его! ([11]).

Графъ Вреде, замѣтивъ успѣхи одержанные Союзниками на лѣвомъ крылѣ его корпуса, рѣшился двинуть впередъ передовыя войска праваго крыла. Съ этою цѣлью, онъ поручилъ пяти баталіонамъ австрійской бригады Фолькмана ([12]) овладѣть Болшимъ-Торси; занятіе этого селенія было весьма важно, потому что въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ послѣднихъ домовъ его находился арсисскій мостъ, по достиженіи коего Союзники

могли отрѣзать французскія войска стоявшія впереди города, какъ отъ переправы, такъ и отъ подкрѣпленій ожидаемыхъ съ праваго берега Обы. Для содѣйствія Фолькману были назначены два баталіона 1-го Шеклерскаго полка. Отрядъ Сплени, по прежнему, прикрывалъ войска Вреде съ праваго фланга. Между тѣмъ какъ въ центрѣ баварскія войска, двинувшись впередъ, были удержаны огнемъ сильныхъ батарей стоявшихъ впереди города, Фолькманъ, пройдя чрезъ селеніе Малое-Торси (Petit-Torcy), въ два часа по полудни, устремился къ Большому-Торси. Тамъ стояла бригада Руссò (дивизіи Жансена). Одинъ изъ баталіоновъ полка эрцгерцога Рудольфа, предводимый маіоромъ Мѐценомъ (Metzen), съ двумя ротами разсыпанными правѣе его до самаго берега Обы, ворвался въ Большое-Торси, выбилъ оттуда пѣхоту Руссò и преслѣдовалъ непріятеля до Арси. Наполеонъ, завидя опасность угрожавшую его малочисленной арміи, поддержалъ свое лѣвое крыло двумя баталіонами гвардейскихъ гренадеръ, однимъ жандармовъ, эскадрономъ уланъ и конною батареею. Но еще до прибытія этихъ войскъ, бригада Бойѐ вытѣснила Австрійцевъ изъ Большаго-Торси; храбрый Мѐценъ былъ смертельно раненъ. Генералъ Фолькманъ ввелъ въ дѣло прочіе свои баталіоны и снова овладѣлъ селеніемъ. Предвидя, что непріятель употребитъ всѣ зависящія отъ него средства для отнятія этого важнаго пункта, Фолькманъ послалъ къ графу Вреде съ просьбою усилить сражавшіяся войска, но въ ожиданіи прибытія подкрѣпленій могъ располагать только пятью баталіонами своей бригады, а два баталіона Шеклеровъ, двигавшіеся у него въ резервѣ, были направлены влѣво, для замѣщенія промежутка между правымъ крыломъ и центромъ. Въ продолженіи трехъ часовъ, Австрійцы сражались у Большаго-Торси, противъ лучшихъ французскихъ войскъ, подъ начальствомъ Нея. Самъ Наполеонъ, прискакавъ туда, управлялъ ходомъ боя. Графъ Вреде, желая, во что-бы то не стало, овладѣть селеніемъ, сперва поддержалъ Фелькмана тремя баталіонами бригады принца Карла Баварскаго (*), а потомъ

(*) Сына Короля Максимиліана-Іосифа I.

послалъ въ помощь ему бригаду Габермана (Habermann) дивизіи Деламотта; еще до прибытія этихъ войскъ, маіоръ Дюбуà, съ однимъ изъ баталіоновъ полка эрцгерцога Рудольфа, занялъ въ третій разъ Большое-Торси, но гвардейскіе баталіоны Фріана, вмѣстѣ съ войсками Жансèна и Бойè, нетолько не позволили Союзникамъ дебушировать изъ селенія, но снова овладѣли имъ. Въ продолженіи трехъ часовъ, съ пяти до восьми по полудни, пятнадцать Союзныхъ баталіоновъ ([13]), подъ начальствомъ Фолькмана, Габермана, и принца Карла, покрывшаго себя славою въ сей день, нѣсколько разъ врывались въ Большое-Торси и всякій разъ были выбиваемы оттуда стольже храбрыми ихъ противниками. Со стороны Союзниковъ палъ Габерманъ, со стороны Французовъ—Жансèнъ. Въ особенности пострадалъ полкъ эрцгерцога Рудольфа, изъ рядовъ коего выбыло до 500 человѣкъ. Нѣсколько австрійскихъ баталіоновъ, изстрѣлявъ всѣ свои патроны, получили приказаніе отойти къ Шодрей.

Въ продолженіи боя подъ Арси, Наслѣдный принцъ виртембергскій двинулся, какъ уже сказано, отъ Труà двумя колоннами: лѣвая, состоявшая изъ 3-го и 4-го корпусовъ, направилась къ Планси, а 6-й корпусъ, въ правой колоннѣ—сперва на Обетерръ по дорогѣ ведущей въ Арси, а потомъ по лѣвой сторонѣ Барбюйссы. Впереди лѣвой колонны двигалась кавалерія 3-го и 4-го корпусовъ, подъ начальствомъ графовъ Ностица и Бисмарка; впереди правой—авангардъ графа Палена. Миновавъ селеніе Премьè-Фе (Premier-Fait), уже въ сумерки, Союзники замѣтили близъ Режъ кавалерію шедшую по дорогѣ отъ Мери къ Арси: это были два гвардейскихъ полка дивизіи Летòра, оставшіеся назади и получившіе въ послѣдствіи приказаніе присоединиться къ арміи. Союзники немедленно атаковали непріятеля съ нѣсколькихъ сторонъ: передовыя полки графа Палена (Ольвіопольскій и Гродненскій гусарскіе и Чугуевскій уланскій) съ лѣваго фланга, отъ Муленъ-Нёфъ (Moulin-Neuf); 2-я кирасирская дивизія съ фронта, а виртембергская и австрійская кавалерія съ праваго фланга. Французскій отрядъ былъ совершенно уничтоженъ; изъ состоявшихъ

въ немъ тысячи человѣкъ весьма лишь немногимъ удалось спастись бѣгствомъ по дорогѣ въ Мери; всѣ прочіе были изрублены, либо взяты въ плѣнъ. Кавалерія Палена захватила 160 человѣкъ, и въ числѣ ихъ подполковника Лафпта ([14]). Наслѣдный принцъ, не встрѣтивъ никакихъ другихъ непріятельскихъ войскъ, расположилъ ввечеру 8-го (20-го) ввѣренные ему корпусы—частью биваками на высотахъ Премье-Фе и Дру-Сентъ-Мари, частью въ селеніяхъ на Барбюйссѣ; передовыя войска его заняли Шарни и Режъ, наблюдая постами лѣвый берегъ Обы.

Къ вечеру, за исключеніемъ боя у Торси, дѣло ограничивалось обоюдною канонадою. Непріятель, впереди города, примкнувъ оба фланга къ рѣкѣ и выставя на господствующихъ высотахъ 70 орудій, удерживалъ въ значительномъ разстояніи кавалерію Фримона и Кайсарова. Корпусы Кронъ-принца виртембергскаго, направленные къ Плански, не могли принять непосредственнаго участія въ сраженіи. Резервы, спустившись съ мениллетрскихъ высотъ, приблизились къ Арси. Императоръ Александръ и Король Прусскій ѣхали при прусской гвардейской кавалеріи, сопровождаемые трубными звуками, пѣснями егерей и казаковъ, громомъ орудій раздававшимся кругомъ объятыхъ пламенемъ селеній Арси и Большаго-Торси. Солдаты рвались въ бой. Генералъ-лейтенантъ Чоглоковъ получилъ приказаніе подкрѣпить войска сражавшіяся въ Большомъ-Торси. Подъ начальствомъ его двинулись: 1-я гренадерская дивизія, съ 30-ю батарейною ротою полковника Нилуса и 14-ю легкою полковника Черемисинова, и кирасирская бригада генералъ-маіора Левашова (Стародубскій и Новогородскій полки). Генералъ-маіоръ Емельяновъ, съ Перновскимъ и Кексгольмскимъ полками, (каждый въ составѣ одного слабаго баталіона), подкрѣпилъ Баварцевъ штурмовавшихъ Торси; тогда-же батареи Нилуса и Черемисинова, подъ прикрытіемъ гренадерской бригады генералъ-маіора Сулимы, (Таврическаго и С. Петербургскаго полковъ) и кирасирской бригады Левашова, отряженныя на лѣвое крыло позиціи Союзниковъ, приблизясь къ непріятельскимъ батареямъ, заставили ихъ отступить къ городу; Французы однакоже удержались въ Большомъ-Торси ([15]).

Въ 9-мъ часу вечера, пришли въ Арси первыя изъ ожидаемыхъ Наполеономъ подкрѣпленій—кавалерія Лефевръ-Денуэтта, въ числѣ 2,000 человѣкъ. Пѣхотная дивизія Молодой гвардіи генерала Генріона (4,500 человѣкъ), утомленная форсированными маршами, была принуждена остановиться у Планси. Генералъ Себастіани, усилясь прибывшею кавалеріей, предпринялъ въ 10-мъ часу рѣшительную атаку на лѣвое крыло Союзныхъ войскъ стоявшее близъ Барбюйссы. Казаки Кайсарова и 7-й легко-конный баварскій полкъ были опрокинуты; войска Фримона подвергались большой опасности; но полковникъ Тимротъ построилъ Таврическій гренадерскій полкъ въ каре и отразилъ нѣсколько атакъ, а баварская кавалерія, задержавъ непріятеля, дала время подойти кирасирамъ 3-й дивизіи, которые, съ содѣйствіемъ одного эскадрона прусской гвардіи ротмистра Барнера и Шеклеровыхъ гусаръ, заставили Французовъ отступить за селеніе Нозай (Nozai). Канонада продолжалась до десяти часовъ (по другимъ свѣдѣніямъ—до полуночи).

Въ ночи съ 8-го (20-го) на 9-е (21-е) марта, Союзныя войска, сражавшіяся при Арси, расположились слѣдующимъ образомъ: 5-й корпусъ графа Вреде, оставя четыре эскадрона на аванпостахъ у Большаго-Торси ([16]),отошелъ на высоты къ Шодрей; 1-я гренадерская дивизія также стала у Шодрей; кавалерія Вреде, казаки генерала Кайсарова и 3-я кирасирская дивизія на полѣ сраженія, фронтомъ къ Нозай. Главная квартира Императора Александра и князя Шварценберга находилась въ Пужи, а Короля Прусскаго въ Пиней. Непріятельская армія стояла впереди Арси.

Потери Союзныхъ войскъ были значительны. Уронъ Баварцевъ простирался:

	офицер		нижнихъ чиновъ.
убитыми до	6	—	71.
ранеными.	33	—	384.
безъ вѣсти пропавшими. .	9	—	339.
всего-же. .	48	—	794.

Австрійцы вообще потеряли 176 (?) офицеровъ и 1,206 нижнихъ чиновъ, слѣдовательно уронъ 5-го корпуса превышалъ

2,000 человѣкъ ([17]). Потери русскихъ войскъ нигдѣ не показаны.

Со стороны Французовъ, уронъ былъ еще болѣе. По свидѣтельству Коха: «il (Nàpoléon) sentait qu'il n'obtiendrait pas de grands résultats avec 18,000 hommes, dont alors se composait son armée, y compris les renforts venus de Paris, à cause des pertes énormes éprouvées la journée précédente ([18]). (Наполеонъ чувствовалъ, что ему не удастся одержать важные успѣхи съ 18,000 человѣкъ, составлявшими, вмѣстѣ съ подкрѣпленіями прибывшими изъ Парижа, всю его армію, по причинѣ чрезвычайныхъ потерей понесенныхъ накапунѣ). Принявъ въ разсчетъ, что Наполеонъ привелъ съ Эны 16,000 человѣкъ и присоединилъ къ нимъ 6,500 человѣкъ прибывшихъ изъ Парижа, оказывается, что въ сраженіи 8-го (20-го) марта онъ потерялъ, по крайней мѣрѣ, 4,000 человѣкъ ([19]). Несмотря на огромное превосходство Союзной арміи, ему удалось удержать за собою выходъ изъ арсисской тѣснины, но расположеніе его, весьма невыгодное для обороны, могло послужить ему въ пользу для наступленія только тогда, еслибы онъ успѣлъ усилиться всѣми шедшими къ нему подкрѣпленіями. Маршалъ Макдональдъ, получивъ 8-го (20-го) марта, въ Плански, предписаніе ускорить движеніе ввѣренныхъ ему войскъ, немедленно ихъ выслалъ по направленію къ Арси. 7-й корпусъ маршала Удино и кавалерія Сенъ-Жермена пришли въ тотъ-же день къ Булажъ, близъ Планси, и на слѣдующее утро къ восьми часамъ прибыли въ Арси; прочія-же войска Макдональда, переночевавъ у Марсильи и Марсанжи, немогли собраться у Арси ранѣе вечера. Наполеонъ, надѣясь побудить къ отступленію слишкомъ осторожнаго противника, предполагалъ наступать, но не прежде какъ по прибытіи корпусовъ Макдональда.

Шварценбергъ, съ своей стороны, незная достовѣрно о силахъ Наполеона, считалъ ихъ болѣе многочисленными, нежели онѣ были въ дѣйствительности. Въ этомъ убѣждали его упорное сопротивленіе непріятеля у Торси и кавалерійская атака Себастіани заключившая бой подъ Арси. Фельдмаршалъ, по прежнему, былъ намѣренъ вступить въ бой съ непріятелемъ,

но не рѣшался самъ атаковать его, а хотѣлъ принять сраженіе, сохраняя возможность отступить въ случаѣ неудачи. Съ этою цѣлью, въ ночи на 9-е (21-е) марта, были сдѣланы слѣдующія распоряженія: Наслѣдный принцъ виртембергскій, съ ввѣренными ему корпусами, получилъ приказаніе перейти на правую сторону Барбюиссы и расположиться 9-го (21-го) въ пять часовъ утра на позиціи между Сенъ-Реми и Шодрей. 5-й корпусъ (Вреде) назначенъ былъ составить правое крыло на высотахъ у Шодрей; 6-й (Раевскаго) стать въ центрѣ, фронтомъ къ Мениль-ла-Комтессъ; корпусы 3-й (Гіулая) и 4-й (Кронъ-принца) на лѣвомъ крылѣ. Каждый изъ корпусовъ долженъ былъ отдѣлить часть войскъ для образованія своего резерва, кромѣ 5-го корпуса, которому въ резервъ, по прежнему, придана 1-я гренадерская дивизія. Остальнымъ резервамъ предписано оставаться на высотахъ у Мениллетръ, выславъ въ началѣ сраженія шесть батарей (70 орудій) въ первую линію. Для прикрытія арміи съ лѣваго фланга назначено оставить на лѣвомъ берегу Барбюиссы одну кавалерійскую бригаду съ конною батареей и отрядъ Сеславина, а для охраненія съ праваго фланга, генералъ-лейтенантъ Ожаровскій, съ легкою гвардейскою кавалерійскою дивизіей и съ одною конною батареей, получилъ приказаніе перейти въ бродъ черезъ Объ у Брилле-кура (Brillecourt) и расположиться между Доммартенъ и Донпеменъ ([20]). Диспозиція, заключавшая въ себѣ всѣ эти распоряженія, была разослана такъ медленно, что Кронъ-принцъ получилъ ее въ пять часовъ утра, когда его войскамъ надлежало уже находиться на позиціи. Наслѣдный принцъ счелъ нужнымъ нѣсколько измѣнить диспозицію: корпусъ Раевскаго сталъ на лѣвомъ крылѣ у Сенъ-Реми, а 4-й (виртембергскій) корпусъ въ центрѣ, фронтомъ къ селенію Мениль-ла-Комтессъ, занятому фузелернымъ баталіономъ 2-го прусскаго гвардейскаго полка; 3-й корпусъ—въ промежуткѣ между 4-мъ и 6-мъ; 5-й корпусъ у Шодрей, занявъ Вопуассонъ бригадою Фолькмана. Отряды Кайсарова и Сеславина стояли на обоихъ берегахъ Барбюиссы. Войска построились къ бою въ седьмомъ часу утра; Король Прусскій прибылъ на позицію еще ранѣе;

Императоръ Александръ, чувствовавшій на-канунѣ весь день лихорадочные припадки, оставался въ Пужи ([21]).

Какъ Союзники, 8-го (20-го) марта, ввели въ бой только незначительную часть своей арміи, то Наполеонъ полагалъ, что они сражались единственно для прикрытія своего отступленія. Послѣдствія дѣла при Режъ и донесенія французскихъ разъѣздовъ о Союзныхъ корпусахъ появившихся у Планси не разсѣяли предубѣжденій Наполеона. Готовясь атаковать стоявшія противъ него войска, онъ присоединилъ къ своей арміи дивизію Беркгейма прибывшую въ ночи отъ Мери чрезъ Планси, Генріона отъ Булажъ и бригаду Дефранса отъ Рамерю; съ разсвѣтомъ 9-го (21-го) всѣ они были переведены на лѣвую сторону Обы, а въ восемь часовъ утра пришелъ Удино съ дивизіей Леваля (6,500 чел.) и съ кавалеріей Сенъ-Жермена (2,500 чел.). Такимъ образомъ сосредоточивъ около 30,000 человѣкъ, Наполеонъ расположилъ ихъ на позиціи впереди Арси На правомъ крылѣ стала вся кавалерія (9,800 чел.) подъ начальствомъ генерала Себастіани; въ центрѣ дивизія Леваля (6,500 чел.); на лѣвомъ крылѣ, у Большаго-Торси, маршалъ Ней, со всею остальною пѣхотою (13,500 чел.) ([22]).

Рекогносцировка, произведенная самимъ Наполеономъ отъ селенія Торси по дорогѣ къ Лемону, на протяженіи не болѣе четырехъ верстъ, при чемъ усмотрѣно было только нѣсколько кавалерійскихъ пикетовъ, утвердила его въ ошибочномъ убѣжденіи на счетъ силы стоявшихъ противъ него войскъ. Надѣясь имѣть дѣло только съ арріергардомъ оставленнымъ для прикрытія арміи, Наполеонъ, въ десять часовъ утра, приказалъ генералу Себастіани съ кавалеріей двинуться впередъ; маршалъ Ней долженъ былъ поддерживать его. Но едва лишь они взошли на плато, какъ увидѣли предъ собою Союзныя войска построенныя въ три линіи; съ одной стороны они примыкали къ Обѣ, а съ другой простирались за Барбюйссу; впереди ихъ стояли сильныя батареи, прикрытыя легкими войсками. Какъ только съ обѣихъ сторонъ раздалась канонада, Себастіани атаковалъ кавалерію Палена и опрокинулъ его первую линію, но былъ удержанъ второю. Вслѣдъ за тѣмъ, Наполеонъ, убѣдясь, изъ до-

несеній Себастіани и Нея, въ чрезвычайномъ превосходствѣ Союзной арміи, и опасаясь, чтобы князь Шварценбергъ, занявъ его съ фронта, не овладѣлъ единственною его переправою, приказалъ войскамъ отступать. Маршалъ Ней сперва отвелъ назадъ гвардію; за нею отошли дивизіи Лефоля (бывшая Жансена) и Бойѐ, а войска Леваля остались на-время для поддержанія кавалеріи прикрывавшей отступленіе пѣхоты; тогда-же Французы построили на-скоро мостъ выше Арси, между Виллеттъ и Ормъ, для облегченія переправы арміи.

Еслибы Союзники, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ и мѣстными выгодами, немедленно атаковали непріятеля, то поставили-бы его въ опасное положеніе. Но, къ сожалѣнію, главный штабъ князя Шварценберга волновался напрасными сомнѣніями, коимъ подавали поводъ незадолго предъ тѣмъ полученныя извѣстія: съ одной стороны генералъ-маіоръ Чаликовъ донесъ, что «высланные на правую сторону Обы четыре «эскадрона легкой гвардейской кавалерійской дивизіи открыли «три полка французской кавалеріи съ пѣхотою, уже достиг«шихъ Сенъ-Тюйзъ (S-t. Thuise, противъ Коклуа̀); и что по всей «вѣроятности, они составляли авангардъ отряда посланнаго «въ обходъ праваго фланга арміи.» Съ другой стороны пришло донесеніе Кронъ-принца виртембергскаго, который писалъ, что «французская пѣхота ввечеру 20-го заняла Мери. Тамъ «были видны большіе биваки. Должно быть—это макдональдо«вы войска, остановившіяся какъ только непріятель замѣтилъ «наступленіе нашихъ колоннъ.»—По свидѣтельству очевидца: «многіе опасались принять сраженіе на позиціи подъ Арси, «потому что она могла быть обойдена съ обоихъ фланговъ, на «Баръ-сюръ-Объ и на Труа̀. Въ такомъ случаѣ, армія была-бы «принуждена оставить свои сообщенія и отступить чрезъ Ван«дёвръ къ Баръ-сюръ-Сенъ» ([23]). Подъ вліяніемъ такихъ опасеній, Союзный главнокомандующій медлилъ и не рѣшался: атаковать-ли непріятеля, выждать-ли его нападеніе, либо отступить.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что наполеонъ могъ, пользуясь нерѣшительностью князя Шварценберга, остаться на позиціи впе-

реди Арси до вечера и перейти через Обу въ ночи, что было гораздо безопаснѣе, нежели отступленіе въ виду втрое сильнѣйшей Союзной арміи. Но всякое выжиданіе было несовмѣстно съ обычнымъ способомъ дѣйствій Наполеона. Рѣшась отступать, онъ немедленно приступилъ къ исполненію своего намѣренія. Войска его постепенно отошли къ мостамъ на Обѣ и стали переходить на другую сторону рѣки, а маршалъ Удинò, съ арріергардомъ, составленнымъ изъ трехъ бригадъ дивизіи Леваля, получилъ приказаніе занять городъ и прикрыть переправу прочихъ войскъ.

Отступленіе французскихъ войскъ не могло укрыться отъ Союзниковъ. Съ отлогихъ высотъ, лежащихъ къ югу отъ Арси, видны были колонны строившіяся на противоположной сторонѣ рѣки. Фельдмаршалъ, вмѣсто того, чтобы двинуть быстро впередъ резервы и стараться оттѣснить непріятеля къ мостамъ, созвалъ на высоту у Мениллетра корпусныхъ командировъ, для «краткаго» совѣщанія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ ([24]). Это «краткое» совѣщаніе и распоряженія бывшія его послѣдствіемъ потребовали столько времени, что наступленіе Союзныхъ войскъ, которое можно было повести прежде полудня, въ дѣйствительности началось уже въ два (по другимъ свѣдѣніямъ—въ три) часа. На основаніи диспозиціи князя Шварценберга, надлежало наступать тремя колоннами: правой, состоявшей изъ 5-го корпуса Вреде, поддержаннаго 2-ою гренадерскою и 1-ою кирасирскою дивизіями, приказано двинуться отъ Шодрей къ Большому-Торси, и далѣе въ тылъ непріятелю; средней колоннѣ, изъ 3-го и 4-го корпусовъ, Гіулая и Кронъ-принца, направиться лѣвѣе Мениль къ Арси; лѣвой колоннѣ, состоявшей изъ 6-го корпуса Раевскаго, также идти къ Арси вдоль рѣки Барбюйссы. Кавалеріи 1-ой колонны—сохранять сообщеніе между правою и среднею колоннами, а кавалеріи Кронъ-принца между среднею и лѣвою. Гвардейской пѣхотѣ — построиться за гребнемъ высотъ Мениллетра; гвардейской кавалеріи—слѣдовать за среднею колонною ([25]).

Со стороны Французовъ, Удинò, получивъ приказаніе оборонять доступы къ городу войсками дивизіи Леваля, располо-

жилъ бригаду Монфòра (Montfort) въ восточномъ предмѣстьѣ, бригаду Мольмòна (Maulmont) въ западномъ, а бригаду Шассè (Chassé) оставилъ въ резервѣ. Всѣ входы въ городъ съ южной стороны были преграждены баррикадами. У вновь построеннаго моста при деревнѣ Виллетъ (Villette) поставлена команда саперъ, въ готовности разрушить его по переходѣ войскъ на правый берегъ; прибывшая въ то время къ Арси дивизія Ротембурга расположилась на правой сторонѣ рѣки для поддержанія дивизіи Леваля ([26]).

Какъ только на высотѣ у Мениллетра три пушечныхъ выстрѣла подали сигналъ къ бою, графъ Паленъ, съ кавалеріей Раевскаго, атаковалъ гвардейскую кавалерію, которая немедленно стала отходить въ шахматномъ порядкѣ, по направленію отъ Нозай къ виллетскому мосту; бригада, отступавшая въ послѣдней линіи, будучи настигнута Ольвіопольскими гусарами, потеряла три орудія и много плѣнными. Пѣхота Раевскаго, Гіулая и Кронъ-принца, подъ громомъ высланныхъ впередъ сильныхъ батарей, быстро двинулась противъ непріятеля, съ барабаннымъ боемъ. Чѣмъ ближе Союзники подходили къ городу, тѣмъ болѣе сгущались массы ихъ войскъ; ихъ батареи, также сближаясь между собою, составили непрерывную огненную дугу, огибавшую городъ съ лѣваго берега Обы. Графъ Вреде направился къ Большому-Торси, пославъ вдоль берега рѣки одну русскую батарейную роту, съ прикрытіемъ двухъ полковъ австрійскихъ гусаръ, эрцгерцога Іосифа и Шеклера. Непріятель, угрожаемый обходомъ съ лѣваго фланга и громимый градомъ картечи, ускорилъ отступленіе. Союзники въ слѣдъ за нимъ устремились къ городу. Фельдмаршалъ, наконецъ удостовѣрясь въ отступленіи Наполеона, приказалъ въ три часа (по другимъ свѣдѣніямъ — въ половинѣ четвертаго) корпусу графа Вреде переправиться черезъ Обу и двинуться между Доннеменъ и Доммартенъ. Резервы, за исключеніемъ гренадерскаго корпуса и 3-й кирасирской дивизіи, были направлены туда-же ([27]). Между тѣмъ какъ пѣхота Вреде обратилась къ мостамъ у Лемона, а кавалерія его переходила черезъ Обу въ бродъ у Рамерю, прочіе Союзные корпусы продолжали насту-

пать къ городу. Французская кавалерія, поражаемая картечью двухъ виртембергскихъ батарей, разсѣялась и ушла за свою пѣхоту; графъ Паленъ сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ атакъ на непріятельскія каре, а Раевскій, въ слѣдъ за нимъ, подошелъ къ предмѣстью. Восемьдесять орудій дѣйствовали перекрестнымъ огнемъ по войскамъ Удино̀, столпившимся кругомъ Арси; артиллерія его, принужденная замолчать, перешла на другую сторону рѣки. Подъ прикрытіемъ ея слабаго дѣйствія, Французы покушались устоять впереди города, но были принуждены отказаться отъ своего намѣренія и ушли въ городъ, гдѣ продолжали обороняться съ чрезвычайнымъ упорствомъ. Принцъ Евгеній виртембергскій, съ 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, первымъ ворвался въ западное предмѣстье; войска Гіулая атаковали городъ съ юго-восточной стороны и дошли почти до самаго моста, куда, въ тоже время, проникли и Русскіе. Здѣсь возгорѣлся отчаянный бой; генералъ Леваль былъ раненъ, подъ генераломъ Мольмономъ убита лошадь; Шассѐ, отрѣзанный отъ моста цѣпью австрійскихъ стрѣлковъ, пробился съ сотнею старыхъ солдатъ 16-го легкаго и 28-го линейнаго полковъ. Какъ мостъ у Виллетъ уже былъ разрушенъ, то кавалерія, еще неуспѣвшая перейти по немъ рѣку, частью черезъ переходила въ бродъ, въ весьма неудобномъ мѣстѣ, частью кинулась къ мосту у Арси, давила пѣхотинцевъ и сталкивала ихъ въ воду. «Трудно понять — говоритъ правдивѣйшій изъ французскихъ историковъ этой кампаніи — какимъ образомъ Союзники, видя затруднительное положеніе Французовъ, не уничтожили ихъ аррiергарда.» (On a peine à concevoir comment les Alliés, temoins de l'embarras des Français, ne combinerent pas mieux leurs efforts pour enlever cette arrière-garde ([28]).

По переходѣ за Обу, аррiергардъ Удино расположился близъ Вассёръ (Vasseurs), на соединеніи дорогъ ведущихъ изъ Арси въ Фершампенуазъ, Шалонъ и Витри; для прикрытія рабочихъ разорявшихъ мостъ была оставлена бригада Мольмона. Въ девять часовъ вечера, подошли въ окрестности Арси войска Макдональда, въ числѣ до двадцати тысячъ человѣкъ. Не смотря на то, что гулъ канонады раздававшейся у Арси заста-

вилъ его ускорить движеніе, онъ не могъ прибыть ранѣе, потому что войска его на протяженіи около восьми верстъ, отъ Сенъ-Сатюрнена (St. Saturnin) до Планси, двигались черезъ болота по весьма плохимъ гатямъ. 11-й корпусъ и кавалерія Келлермана стали на биваки у Ормъ, гдѣ также расположились дивизіи Эксельмана, Кольбѐра и Беркгейма, подъ начальствомъ Себастіани; 2-й корпусъ остановился у Віапръ. Наполеонъ, оставя у Мальи (Mailly) кавалерію Сенъ-Жермена, прибылъ съ гвардіей Фріана, пѣхотою Нея и кавалеріей Летòра, Лефевръ-Денуэтта, Дефранса и Жакинò (Морена) въ Соммепюи ([29]).

Союзники, въ ночи на 10-е (22-е) марта, расположились слѣдующимъ образомъ: главныя квартиры Императора Александра, Короля Прусскаго и князя Шварценберга находились въ Пужи (*); кавалерія 5-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Фримона, переправясь черезъ Обу въ бродъ у Бриллекура, выслала форпосты къ Брабанъ; пѣхота-же 5-го корпуса, перейдя рѣку по мосту въ Лемонѣ, расположилась у Доммартенъ; 3-й, 4-й и 6-й корпусы стали на полѣ сраженія къ югу отъ Арси; резервы, двинувшись чрезъ Лемонъ, дошли до Шалеттъ, гдѣ назначена была главная квартира графа Барклая-де-Толли; графъ Ожаровскій съ легкою гвардейскою кавалеріей находился у Рамерю ([30]); генералъ Тетенборнъ, занявъ еще 8-го (20-го) Шалонъ, открылъ сообщеніе съ Силезскою арміей чрезъ авангардъ корпуса Винцингероде тогда стоявшій въ Реймсѣ ([31]); на слѣдующій день, два казачьихъ полка, отряженные Тетенборномъ, атаковали генерала Винцента, съ 800 человѣками пѣхоты и тремя эскадронами занимавшаго Эпернè, и овладѣли симъ городомъ, съ содѣйствіемъ передовыхъ войскъ Винцингероде, прибывшихъ отъ Реймса; самъ Винцентъ, съ немногими лишь людьми своего отряда, ушелъ лѣсами къ Дорманъ ([32]).

Уронъ непріятеля, во второй день сраженія при Арси, былъ

(*) Главная квартира (Hoflager) Императора Франца оставалась въ Баръ-сюръ-Сенъ.

неменѣе понесеннаго наканунѣ. Плѣнныхъ захвачено Союзниками въ оба дня болѣе 2,500 человѣкъ; семь орудій достались побѣдителямъ ([33]): изъ числа ихъ три отбиты кавалеріей Кайсарова, три кавалеріей Палена (Ольвіопольцами) и одно гусарскимъ полкомъ эрцгерцога Іосифа. Уронъ Союзниковъ 9-го (21-го) не превышалъ 500 человѣкъ, большею частью корпуса Раевскаго ([34]).

Въ сраженіи при Арси, дѣйствія Наполеона изумляютъ выказанною имъ смѣлостью. Переправясь черезъ Обу и оставя за собою арсисскую тѣснину, онъ надѣялся застичь Союзную армію на отступленіи къ Бріеннѣ, растянутую на значительномъ протяженіи; неменѣе надѣялся онъ на нерѣшительность князя Шварценберга. Всѣ эти разсчеты оправдались на дѣлѣ, но силы Наполеона въ первый день сраженія были такъ незначительны, что для противодѣйствія имъ было достаточно одного корпуса Вреде и небольшаго отряда Кайсарова, между тѣмъ какъ три Союзныхъ корпуса были направлены къ Планси, а резервы собраны въ нѣсколькихъ верстахъ отъ поля сраженія. Наполеонъ успѣлъ сосредоточить къ утру слѣдующаго дня двойное число войскъ въ сравненіи съ тѣмъ, которое имѣлъ наканунѣ; но ему было извѣстно о появленіи значительныхъ Союзныхъ силъ, въ окрестностяхъ Планси, откуда легко было перевести ихъ въ Арси. Въ такихъ обстоятельствахъ, ему слѣдовало не оставаться впереди дефиле, а собрать въ ночи съ 8-го (20-го) на 9-е (21-е) всѣ войска за Обою, двинуться, правою стороною сей рѣки, на Рамерю къ Бріеннѣ и направить туда-же въ слѣдъ за арміею корпусы Макдональда: дѣйствуя такимъ образомъ, Наполеонъ не поставилъ-бы себя въ опасное положеніе и вѣрнѣе достигъ-бы своей цѣли—отвлечь Главную Союзную армію отъ Парижа и разобщить Шварценберга съ Блюхеромъ. Напротивъ того, принявъ бой впереди арсисской тѣснины, противъ втрое сильнѣйшей арміи, которой сообщенія были совершенно свободны, онъ могъ потерять все, безъ всякой вѣроятности что-либо выиграть, и былъ обязанъ спасеніемъ единственно благоразумію своихъ сподвижниковъ Нея и Себастіани, которые вывели армію изъ явной гибели.

Союзный главнокомандующій, растянувъ передъ сраженіемъ при Арси свою армію на пространствѣ нѣсколькихъ переходовъ, не могъ ни наступать настойчиво къ Парижу, ни обезпечить себя со стороны Марны. Наступленіе Наполеона, котораго силы нерѣдко двоились въ глазахъ его противниковъ, заставило князя Шварценберга отступать для сосредоточенія арміи. Съ этою цѣлью было рѣшено собрать Союзные корпусы на позиціи у Траннъ. Но когда Наполеонъ перешелъ съ горстью войскъ черезъ Обу, сдѣлалъ фланговое движеніе между этою рѣкою и Союзною арміею и сталъ тыломъ къ арсисской тѣснинѣ, тогда Шварценбергъ, или — что̀ гораздо вѣроятнѣе — Радецкій, не могли незамѣтить такой грубой ошибки, и вмѣсто предположеннаго отступленія къ Траннъ, рѣшились, двинувшись на встрѣчу непріятелю, собрать армію между Обою и Сеною. Это превосходное соображеніе было исполнено такъ неловко, что вовлекло въ заблужденіе Наполеона, который, найдя у Арси только одинъ изъ Союзныхъ корпусовъ, принялъ его за арріергардъ прикрывавшій отступленіе Союзной арміи, и на слѣдующій день остался впереди арсисскаго дефиле. Союзники могли воспользоваться его оплошностью и атаковать непріятеля тройными силами, которыя, даже въ случаѣ неудачи, всегда сохранили-бы свои сообщенія. Но австрійскій полководецъ никогда незналъ цѣны времени и атаковалъ непріятеля тогда, когда уже онъ успѣлъ перевести большую часть своихъ войскъ на правую сторону Обы. Утвердительно можно сказать, что еслибы Императоръ Александръ находился въ то время на полѣ сраженія, то Наполеону неудалось-бы такъ дешево отдѣлаться отъ встрѣчи съ Союзниками. Напрасно полагаютъ, будтобы Государь настаивалъ на отступленіи къ Траннъ: дѣйствительно—Онъ считалъ сію мѣру полезною до сраженія при Арси, но какъ только обнаружилась слабость противника, то не было никакого повода медлить, и по всей вѣроятности присутствіе Императора Александра побудило-бы Союзниковъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

ГЛАВА XIX.

Шатильонскій конгрессъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Обстоятельства, подавшія поводъ къ открытію переговоровъ.—Письмо Коленкура къ князю Меттерниху, съ предложеніемъ перемирія.—Назначеніе мѣста и времени открытія конгресса.—Прибытіе уполномоченныхъ въ Шатильонъ-на-Сенѣ.

Виды Союзниковъ.—Записка, поданная Императору Александру графомъ Нессельроде, въ Базелѣ, 1-го (13-го) марта. Совѣщаніе министровъ Союзныхъ Дворовъ въ Лангрѣ.—Инструкція ихъ уполномоченнымъ.—Пространство и народонаселеніе владѣній требуемыхъ Союзниками отъ Франціи.—*Виды Наполеона*—Обстоятельства, недозволявшія надѣяться на успѣхъ конгресса.

Открытіе конгресса.—Совѣщанія 24-го и 26-го генваря (5-го и 7-го февраля).—Союзные уполномоченные требуютъ, чтобы Франція вошла въ границы 1792 года.—Отсрочка совѣщаній.—Наклонность къ миру Союзниковъ.—Мнѣніе Императора Александра о необходимости продолжать войну.—Возобновленіе переговоровъ въ Шатильонѣ.—Совѣщаніе 5-го (17-го) февраля.—Проектъ предварительнаго трактата (traité préliminaire), сообщенный Союзными уполномоченными Коленкуру.—Негодованіе Наполеона.—Переговоры о перемиріи въ Люзиньи.—Совѣщаніе 16 го (28-го) февраля.—Союзные уполномоченные требуютъ отвѣта на проектъ трактата—Упорство Наполеона—Переписка его съ Коленкуромъ.—Совѣщаніе 26-го февраля (10-го марта).—Уклончивый отвѣтъ Коленкура.—Совѣщаніе 1-го (13-го) марта.—Союзные уполномоченные требуютъ рѣшительнаго отвѣта на свои предложенія.—Совѣщаніе 3-го (15-го) марта.—Проектъ окончательнаго трактата (traité définitif), сообщенный Коленкуромъ.—Совѣщаніе 6 (18) марта.—Союзные уполномоченные отвергаютъ проектъ Коленкура—Послѣднее совѣщаніе 7-го (19-го) марта.—Окончаніе конгресса

Доселѣ о переговорахъ на шатильонскомъ конгрессѣ, при изложеніи военныхъ и политическихъ событій, было упоминаемо вскользь, единственно съ тою цѣлью, чтобы показать вліяніе дипломатическихъ сношеній на виды и распоряженія обѣ-

ихъ сторонъ. Но, кромѣ того, необходимо начертать полную картину шатильонскаго конгресса. Безуспѣшный исходъ его послѣдовалъ почти въ одно время съ сраженіями при Арси, и потому описаніе переговоровъ въ Шатильонѣ можетъ довершить изображеніе изложенныхъ нами доселѣ событій.

Предложенія, сдѣланныя Союзниками въ Франкфуртѣ, подали поводъ къ перепискѣ между французскимъ и австрійскимъ министерствами иностранныхъ дѣлъ. Наполеонъ сперва не рѣшался принять предложенныя ему условія, но потомъ приказалъ герцогу Виченцскому (Коленкуру) написать къ Меттерниху, что «Е. В. согласенъ на общія основанія сообщенныя чрезъ Сентъ-Эньяна» [1]. Въ отвѣтъ на это письмо, Меттернихъ изъявилъ удовольствіе Союзныхъ Монарховъ, на счетъ принятія Императоромъ Французовъ основаній клонящихся къ возстановленію политическаго равновѣсія и спокойствія Европы. «Союзные Государи—писалъ онъ—повелѣвъ довести отзывъ французскаго правительства до свѣдѣнія ихъ союзниковъ, не сомнѣваются, немедленно по полученіи ихъ отвѣтовъ, въ возможности открытія переговоровъ, о чемъ поспѣшу извѣстить васъ,» и проч. [2].

Какъ, между тѣмъ, Союзники уже рѣшились внести оружіе за Рейнъ, то со стороны ихъ не было сдѣлано ничего для ускоренія переговоровъ. Наполеонъ проникъ ихъ виды, но желалъ открыть дипломатическія совѣщанія, чтобы замедлить вторженіе Союзныхъ армій въ предѣлы Франціи и выказать готовность къ миру [3], надѣясь побудить тѣмъ своихъ подданныхъ къ новымъ пожертвованіямъ. Съ этою цѣлью, онъ отправилъ въ Люневиль уполномоченнаго имъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Коленкура, который, прибывъ туда, 6-го генваря н. ст. отнесся къ графу Меттерниху съ просьбою о присылкѣ ему паспортовъ, необходимыхъ для проѣзда въ главную квартиру Союзныхъ Монарховъ [4]. Австрійскій министръ, въ отвѣтѣ на сей отзывъ, оправдывая замедленіе обѣщаннаго свѣдѣнія о времени открытія переговоровъ необходимостью сообщить депешу 2-го декабря Союзнымъ правительствамъ, писалъ, что, по случаю кратковременнаго отъѣзда Императора

Александра и неприбытія съ минуту на минуту ожидаемаго въ главной квартирѣ лорда Кестельри, Императоръ Австрійскій и Король Прусскій приказали извѣстить французскаго министра, что онъ, въ скорѣйшемъ по возможности времени, получитъ отвѣтъ на сдѣланное имъ предложеніе ([5]).

2-го (14-го) генваря, въ то время уже, когда Союзныя арміи съ нѣсколькихъ сторонъ вошли въ предѣлы Франціи, Меттернихъ пригласилъ Коленкура прибыть въ Шатильонъ-на-Сенѣ (Chatillon-sur-Seine), обѣщая извѣстить его о мѣстѣ и времени для открытія переговоровъ. Французскій министръ пріѣхалъ въ Шатильонъ 9-го (21-го), получилъ тамъ проектъ письма отъ своего имени къ Меттерниху, составленный самимъ Наполеономъ, и отправилъ его, сдѣлавъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія. Изложивъ всѣ затрудненія со стороны Союзниковъ, не позволившія открыть конгрессъ и снова угрожавшія человѣчеству бѣдствіями войны, Коленкуръ писалъ:

«Замедленіе переговоровъ не можетъ быть приписано ни Франціи, ни Австріи, и несмотря на то, отъ него наиболѣе потерпятъ сіи Державы. Союзники уже заняли многія изъ нашихъ областей; ежели они двинутся далѣе, сраженіе неизбѣжно. Безъ всякаго сомнѣнія, австрійское правительство взвѣситъ послѣдствія этого сраженія.....

«Военные успѣхи перемѣнчивы: Союзники, по мѣрѣ наступленія, ослабляются, между тѣмъ какъ французскія арміи утиливаются; непріятельское вторженіе возбуждаетъ духъ народа къ защитѣ величайшихъ благъ его. Послѣдствія-же пораженія Союзныхъ войскъ лягутъ всею тягостью на Австрію, какъ на главную изъ Державъ коалиціи, занимающую мѣсто въ центрѣ Европы. Предполагая, что успѣхъ по прежнему останется на сторонѣ Союзниковъ, весьма важно для австрійскаго правительства сообразить, не будетъ-ли такое событіе имѣть послѣдствія совершенно противоположныя, какъ общему равновѣсію, такъ политикѣ Австріи и чувствамъ Императора Франца.»

За тѣмъ—предложивъ заключить перемиріе, французскій министръ просилъ князя Меттерниха, въ случаѣ, ежели нельзя

достигнуть предположенной цѣли—прекращенія военныхъ дѣйствій—оставить сообщаемый имъ отзывъ въ секретѣ ([6]).

17-го (29-го) генваря, въ день сраженія при Бріеннѣ, князь Меттернихъ извѣстилъ Коленкура о назначеніи Союзными Монархами Шатильона мѣстомъ для переговоровъ съ Франціею; вмѣстѣ съ тѣмъ дано было знать, что уполномоченные туда прибудутъ 3-го февраля н. ст. ([7]).

Въ тотъ-же день, князь Меттернихъ, въ отвѣтъ на предложеніе о перемиріи, сообщилъ Коленкуру, что Императоръ Францъ былъ убѣжденъ въ безуспѣшности такого шага. Вмѣстѣ съ тѣмъ, австрійскій министръ, увѣряя французскаго уполномоченнаго, что его предложеніе останется на вѣки тайною, писалъ:

«Будьте убѣждены, что наше правительство никогда не употребитъ во зло чьей-бы то ни было довѣренности. Возобновляю увѣреніе въ томъ въ минуту чрезвычайной важности для Австріи, Франціи, Европы. Императоръ всегда будетъ поступать одинаково, сообразно своему характеру. Ни время, ни обстоятельства, невластны оказать вліяніе на его правила. Они были постоянны въ годину злополучія; они остались и будутъ такими-же и послѣ событій, кои, превзойдя всѣ человѣческіе разсчеты, поставляютъ Европу въ единственное положеніе сообразное съ ея выгодами. Императоръ принялъ участіе въ настоящей войнѣ безъ ненависти, и безъ ненависти ведетъ ее. Въ тотъ день, когда онъ вручилъ свою дочь Государю, тогда господствовавшему надъ Европою, онъ пересталъ въ немъ видѣть своего личнаго врага. Судьба войны измѣнила положеніе сего Государя. Ежели, въ настоящихъ обстоятельствахъ, Наполеонъ послѣдуетъ только внушенію разсудка, если онъ будетъ искать славы въ благоденствіи великаго народа, отказавшись отъ своей прежней политики, Императоръ съ восхищеніемъ перенесется мыслью въ ту минуту, когда онъ поручилъ ему возлюбленное дитя свое; если-же пагубное заблужденіе Наполеона заглушитъ единогласную мольбу его народа и Европы, Императоръ будетъ соболѣзновать объ участи своей дочери, но неостановится ни шагу» и проч. ([8]).

22-го генваря (3-го февраля), съѣхались въ Шатильонъ уполномоченные Союзныхъ Державъ: Россіи, графъ Разумовскій; Австріи, графъ Стадіонъ; Англіи: лорды Эбердинъ и Каткартъ и сэръ Чарльзъ Стевартъ (братъ лорда Кестельри); Пруссіи, баронъ Гумбольдтъ.

Со времени предложеній, сообщенныхъ французскому правительству чрезъ Сентъ-Эньяна, положеніе дѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и виды Союзныхъ Державъ—измѣнились. По мѣрѣ того, какъ совершалось вторженіе Союзныхъ армій во Францію и заняты были почти безъ боя многія области по лѣвую сторону Рейна – по мѣрѣ того въ главной квартирѣ Союзниковъ партія войны превозмогала поборниковъ мира. Въ запискѣ, поданной Императору Александру I графомъ Нессельроде, 1-го (13-го) генваря 1814 года, въ Базелѣ, предполагалось:

1-е) Границу Франціи съ Голландіею и Германіею обозначить чертою отъ моря до Рейна, проведенною такъ, чтобы Антверпенъ, Мастрихтъ, Юлихъ и Майнцъ были уступлены Союзникамъ.

2-е) Со стороны Италіи, провести границу по Альпамъ, оставя графство Ницское и Савоію во владѣніи Франціи.

3-е) Со стороны Испаніи, оставить прежнюю границу.

4-е) Опредѣлить, чтобы распоряженія всѣми землями внѣ помянутыхъ границъ Франціи были предоставлены Союзникамъ безъ ея вмѣшательства По мнѣнію графа Нессельроде, это условіе было такъ важно, что лучше было для Союзниковъ уступить какую-либо область, нежели допустить участіе Франціи въ распоряженіяхъ возвращенными отъ ней странами (9).

Эти предположенія были уже далеки отъ франкфуртскихъ условій, одобрѣнныхъ министрами Союзныхъ Державъ, (и въ числѣ ихъ графомъ Нессельроде), но Франція, ограниченная предложенными границами, все еще сохранила-бы 28 милліоновъ жителей, слѣдовательно заключала-бы въ себѣ народонаселеніе тремя милліонами большее, нежели то, которое она имѣла до Революціи. Когда-же спустя двѣ недѣли, Союзныя войска достигли береговъ Марны, тогда, по мнѣнію Императора Александра, слѣдовало домогаться иныхъ условій. По

словамъ его: «условія, о которыхъ не оффиціально было говорено во Франкфуртѣ, уже не тѣ, какихъ мы теперь желаемъ; въ Фрейбургѣ думали мы о другихъ условіяхъ, нежели въ Базелѣ, а въ Лангрѣ объ иныхъ, чѣмъ при переходѣ черезъ Рейнъ.»

Чтобы опредѣлить точнѣе дѣйствія уполномоченныхъ на конгрессѣ, немедленно по прибытіи въ Лангръ изъ Лондона статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ лорда Кестельри, 16-го и 17-го (28-го и 29-го) генваря происходили совѣщанія, на которыхъ присутствовали: со стороны Россіи графы Нессельроде и Разумовскій и генералъ Поццо-ди-Борго, отъ Австріи князь Меттернихъ и графъ Стадіонъ, отъ Англіи лордъ Кестельри, отъ Пруссіи баронъ Гарденбергъ. Положено было: 1-е) вступить въ переговоры съ Наполеономъ не отъ имени четырехъ Державъ, а отъ всей Европы; 2-е) оставить Франціи только земли принадлежавшія ей до войны 1792 года; 3-е) требовать признаніе независимости Германіи, Италіи, Голландіи, подъ владычествомъ Оранскаго Дома, съ увеличеніемъ ея пространства, Швейцаріи, подъ гарантіей всѣхъ великихъ Державъ со включеніемъ Франціи; Испаніи, подъ властью Фердинанда VII; 4-е) сообщить Императору Наполеону, если онъ пожелаетъ, для свѣдѣнія, общее понятіе о томъ, какимъ образомъ Союзные Монархи намѣреваются устроить будущій жребій Европы, не входя однакоже въ переговоры по сему предмету (sans en faire cependant un objet de négociation); 5-е) снабдить уполномоченныхъ инструкціями одинаковаго содержанія; наконецъ, 6-е) въ случаѣ, если переговоры не приведутъ къ желаемой цѣли, объявить французскому народу объ условіяхъ предложенныхъ его правительству ([10]). На этихъ основаніяхъ была составлена графомъ Нессельроде и одобрѣна лордомъ Кестельри, княземъ Меттернихомъ и барономъ Гарденбергомъ инструкція уполномоченнымъ Союзныхъ Державъ, въ коей, кромѣ помянутыхъ условій, положено было: во 1-хъ, совершенно устранить на совѣщаніяхъ конгресса вопросы относящіеся къ морскому кодексу, предоставя рѣшеніе ихъ исключительно международному праву, и во 2-хъ, вмѣстѣ съ требуемыми отъ Наполеона уступ-

ками, (въ замѣнъ чего Англія обязывалась возвратить нѣкоторыя изъ завоеванныхъ ею французскихъ колоній), надлежало ему отказаться отъ титуловъ Короля Италійскаго, Покровителя Рейнскаго Союза и Посредника Швейцаріи ([11]). Посылая графа Разумовскаго на конгрессъ, Государь приказалъ ему не торопиться и не подписывать ничего рѣшительнаго, не испросивъ предварительно Высочайшаго разрѣшенія.

Чтобы оцѣнить вполнѣ важность уступокъ, требованныхъ Союзниками отъ Наполеона, исчислимъ пространство и народонаселеніе земель, которыя онъ долженъ былъ потерять на основаніи предположенныхъ условій:

I. *Земли тогда входившія въ объемъ Французской Имперіи.*

Королевство Голландское. .	570 кв. м.	2,500,000 жит.
Владѣнія въ сѣверной Германіи	800 — —	1,500,000 —
Владѣнія въ Италіи: почти весь Піемонтъ, Парма, часть Модены, Тоскана и большая часть Церковной области. . .	1,750 — —	6,000,000 —
Въ Швейцаріи: Валлискій и Женевскій кантоны	100 — —	100,000 —
Всего-же . .	3,220 кв. м.	10,100,000 жит.

II. Кромѣ того, во владѣніи Наполеона, *внѣ предѣловъ Французской Имперіи*, находились:

Королевство Италіянское. .	1,527½ кв. м.	6,280,000 жит.
Иллирійскія провинціи . .	1,070 — —	1,470,000 —
Лукка и Піомбино, Беневентъ, Понтекорво и Невшатель	64½ — —	250,000 —
Всего. . .	2,662 кв. м.	8,000,000 жит.

Слѣдовательно—Наполеонъ, до 1813-го года располагавшій средствами Рейнскаго Союза, герцогства Варшавскаго и Швейцаріи, (всего до 8,600 квадр. м. съ 20,000,000 жителей), принявъ помянутыя условія, лишился-бы, кромѣ того, состоявшихъ въ непосредственномъ его владѣніи земель, пространствомъ

въ 5,882 квадратныя мили съ населеніемъ болѣе 18,000,000 жителей, или около 2/5 всѣхъ принадлежавшихъ ему областей.

Наполеонъ былъ очень далекъ отъ согласія на такія уступки. Въ письмѣ одного изъ чиновниковъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ къ Коленкуру находимъ: «Е. В. (Наполеонъ) нѣсколько разъ повторилъ, что Франція должна сохранить свои естественныя границы. Это есть необходимое условіе (une condition *sine quâ non*). Всѣ Державы, и въ числѣ ихъ Англія, признали сіи границы во Франкфуртѣ. Франція, ограниченная своими прежними предѣлами, не имѣла-бы въ настоящее время двухъ третей относительнаго могущества, которымъ обладала она за двадцать лѣтъ предъ симъ: области ею пріобрѣтенныя на Рейнѣ и въ Италіи не могутъ равняться съ тѣмъ, что̀ получили Россія, Пруссія и Австрія при раздѣлѣ Польши; всѣ они увеличились. Поставить Францію въ ея прежнее состояніе — значило-бы унизить ее. Франція, безъ рейнскихъ департаментовъ, безъ Бельгіи, безъ Остенде и Антверпена, ничего-бы не значила. Предположеніе ввести Францію въ ея прежнія границы неразлучно съ возстановленіемъ Бурбоновъ, потому что они одни могли-бы служить порукою въ соблюденіи подобнаго порядка дѣлъ, и Англія хорошо это знаетъ; со всякимъ другимъ правительствомъ во Франціи такой миръ будетъ непродолжителенъ. Ни Императоръ, ни республика, еслибы она снова возникла, не примутъ предложенныхъ Союзниками условій. Чтоже касается до Е. В. рѣшеніе имъ принятое непоколебимо. Онъ неоставитъ Францію меньшею, нежели ее принялъ»..... ([12]).

И дѣйствительно—Наполеонъ не могъ согласиться на предложенныя ему Союзниками условія. Еслибы предоставили Франціи такъ называемыя «естественныя» границы ея—Рейнъ и Альпы, то хотя Наполеонъ потерялъ-бы всѣ завоеванія имъ сдѣланныя со времени достиженія консульства, то есть до 7,200 квадр. миль съ 15,000,000 жителей, однакоже сохранилъ-бы владѣнія Республики. Правда онъ утратилъ-бы вліяніе, которое Франція до него имѣла на Италію и Голландію, но, несмотря на то, миръ съ оставленіемъ границъ по Рейну и Альпамъ все таки былъ возможенъ для Наполеона.

Напротивъ того—еслибы онъ согласился на уступку графства ниццскаго, Савоіи, рейнскихъ провинцій, Люксамбурга и Бельгіи, съ ограниченіемъ Французской Имперіи предѣлами 1792 года и съ потерею еще около 1,400 квадр. миль съ народонаселеніемъ болѣе трехъ милліоновъ, то вооружилъ-бы противъ себя общее мнѣніе всей Франціи. За тѣмъ-ли ведены были Французами, въ продолженіи болѣе двадцати лѣтъ, кровопролитныя войны, поглотившія цвѣтъ жителей страны, чтобы поставить Францію въ то самое положеніе, въ которомъ ее застала Революція? Утвердительно можно сказать, что такой миръ былъ-бы непроченъ, и послѣ кратковременнаго спокойствія послѣдовала-бы опять война, либо Наполеонъ неудержался-бы на престолѣ. «Ежели-бы я согласился на прежнія границы, —писалъ онъ своему брату Іосифу—то чрезъ два года снова обратился-бы къ оружію и объявилъ народу, что я подписалъ не мирный трактатъ, а капитуляцію.» (Si j'avais signé les anciennes limites, j'aurais couru aux armes deux ans après et j'aurais dit à la nation que ce n'était pas une paix que J'avais signée, mais une capitulation) ([13]).

Съ другой стороны, Союзники непремѣнно должны были домогаться, чтобы Франція вошла въ предѣлы 1792 года. Къ этому побуждали ихъ — и многолѣтнее тяжкое преобладаніе Наполеона въ Европѣ, и трехъ-лѣтняя борьба, имъ стоившая несмѣтныхъ жертвъ, и сознаніе въ рѣшительномъ перевѣсѣ ихъ силъ. Народы Германіи покрыли-бы себя вѣчнымъ позоромъ, еслибы невоспользовались случаемъ освободить отъ владычества Франціи единоплеменныхъ имъ обитателей лѣваго берега Рейна. Но болѣе всѣхъ стремился къ этой благой цѣли Императоръ Александръ. Исполняя обязанности высокаго призванія, назначеннаго Ему свыше, Онъ отстоялъ честь Россіи и ставъ въ челѣ народовъ, ополченныхъ Имъ противъ общаго притѣснителя, возстановилъ независимость Германіи. Но Благословенный Александръ не считалъ совершеннаго Имъ подвига оконченнымъ, пока Наполеонъ сохранялъ возможность возмущать общее спокойствіе: надлежало сокрушить могущество завоевателя, несовмѣстное съ благоденствіемъ Ев

ропы, и для этого ослабить Францію. Союзники, стремясь къ достиженію прочнаго мира, должны были воспользоваться рѣшительнымъ перевѣсомъ своихъ силъ: таково было убѣжденіе Императора Александра, и Его лишь дальновидности и постоянству должна быть обязана Европа миромъ, изгладившимъ слѣды порывовъ Революціи и ненасытныхъ покушеній Наполеона. По словамъ одного изъ наиболѣе враждебныхъ Россіи иностранныхъ писателей: «безъ энергіи Россійскаго Императора, Наполеонъ съ нѣкоторыми потерями сохранилъ-бы свое господство» ([14]).

Очевидно, что, при такомъ несогласіи видовъ руководившихъ обѣ стороны, переговоры не могли имѣть успѣха. Императоръ Александръ, уступивъ желанію своихъ союзниковъ, согласился принять участіе въ конгрессѣ, однакоже былъ вполнѣ убѣжденъ, что не переговоры, а военныя дѣйствія могли привести Союзниковъ къ предположенной ими цѣли — водворенію прочнаго мира. Наполеонъ, съ своей стороны, приступилъ къ переговорамъ съ недовѣріемъ къ Союзникамъ, но все еще надѣялся, что австрійское правительство недоведетъ дѣла до послѣдней крайности, и къ тому-же, вызывая на новыя пожертвованія истощенную Францію, Наполеонъ долженъ былъ выказать готовность къ миру.

23-го генваря (4-го февраля), на другой день по прибытіи въ Шатильонъ уполномоченныхъ Союзныхъ Державъ, конгрессъ былъ открытъ обычными визитами; а 24-го (5-го февраля) происходило первое совѣщаніе. Уполномоченные, съѣхавшись въ домѣ Г. Монмора (Montmort), въ часъ по полудни, предъявили свои кредитивныя грамоты. За тѣмъ, министры Союзныхъ Державъ объявили, что они будутъ вести переговоры не только отъ имени четырехъ Державъ, снабдившихъ ихъ полномочьями, но отъ имени Европы, отвѣчая за согласіе своихъ союзниковъ на все то, что̀ будетъ условлено ими на конгрессѣ.

Герцогъ Виченцскій (Коленкуръ) отвѣчалъ, что все могущее послужить къ упрощенію переговоровъ и къ скорому ихъ окончанію сообразно съ видами французскаго правительства.

Уполномоченные Союзныхъ Дворовъ, перейдя къ опредѣленію порядка дипломатическихъ сношеній, объявили, что они будутъ вести переговоры не иначе какъ всѣ вмѣстѣ, въ видѣ совѣщаній, и со внесеніемъ содержанія ихъ въ протоколы.

Французскій министръ отвѣчалъ, что онъ ничего не можетъ сказать противъ такого порядка переговоровъ.

За тѣмъ Союзные уполномоченные объявили, что Дворы ихъ, согласно съ мнѣніемъ великобританскаго правительства, считаютъ всякое преніе на счетъ морскаго законодательства противнымъ цѣли конгресса и могущимъ затруднить возстановленіе мира.

На это герцогъ сказалъ въ отвѣтъ, что Франція никогда не домогалась ничего противнаго народному праву.

Уполномоченные Союзныхъ Дворовъ замѣтили, что они считаютъ это объявленіе согласіемъ на предложенную ими мѣру.

Французскій министръ просилъ убѣдительно заняться немедленно сужденіемъ о мирѣ, желая тотчасъ узнать требованія Союзниковъ, но, по случаю неполученія формальной инструкціи графомъ Разумовскимъ, совѣщаніе было отложено до слѣдующаго дня ([15]).

Императоръ Александръ, получивъ донесеніе графа Разумовскаго о первомъ засѣданіи уполномоченныхъ въ Шатильонѣ, приказалъ графу Нессельроде послать къ нему слѣдующій отзывъ: «Е. И. В. совершенно одобряетъ медленный ходъ (la marche dilatoire) дѣла, принятый вами въ началѣ переговоровъ. Государь желаетъ, чтобы вы продолжали дѣйствовать такимъ-же образомъ. Со времени сраженія при Бріеннѣ, нужно менѣе нежели когда-либо ускорять развязку шатильонскаго конгресса» ([16]).

На слѣдующій день, графъ Нессельроде, извѣщая Разумовскаго о занятіи Труа̀ Главною арміей и о другихъ успѣхахъ одержанныхъ Союзными войсками, писалъ:..... «Эти благопріятныя свѣдѣнія убѣдятъ васъ, что ежедневно являются новыя обстоятельства побуждающія не ускорять хода шатильонскихъ переговоровъ».... ([17]).

Порученіе, данное Наполеономъ Коленкуру, было весьма затруднительно. Доселѣ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, онъ, будучи представителемъ Франціи, высокомѣрно объявлялъ волю своего повелителя и предписывалъ условія мира, даруя его цѣною тяжкихъ пожертвованій. Теперь предстояло ему стать въ такое положеніе, въ какомъ прежде стояли предъ нимъ министры Державъ побѣжденныхъ Наполеономъ. Для него было весьма важно знать ходъ войны, чтобы соображать съ нимъ свои дѣйствія; но о пораженіи французской арміи при Ляротьерѣ онъ узналъ чрезъ непріятелей, а отъ Наполеона не получалъ ни достовѣрныхъ свѣдѣній, ни положительныхъ инструкцій. 4-го февраля н. ст. спустя три дня послѣ сраженія при Ляротьерѣ, Наполеонъ писалъ ему, стараясь успокоить его на счетъ понесенной неудачи... «la vieille garde n'y était pas; la jeune garde n'a pas donné. Quelques pièces de canon nous ont été prises par des charges de cavalerie, mais l'armée était en marche pour passer le pont de Lesmont lorsque cet événement est arrivé, et deux heures plus tard l'ennemi ne nous aurait pas trouvés. Il paraît que toute l'armée ennemie était là»... (Старой гвардіи тамъ не было; Молодая гвардія не была въ дѣлѣ Нѣсколько орудій отбито у насъ кавалерійскими атаками, но это случилось тогда, когда армія двигалась, чтобы переправиться по лемонскому мосту, и два часа спустя непріятель не нашелъ-бы насъ. Кажется, что мы имѣли дѣло со всею непріятельскою арміей.....) ([18]). Но на слѣдующій день, герцогъ Бассано (Марè) писалъ къ Коленкуру: «Е. В. предоставляетъ вамъ вполнѣ привести переговоры къ успѣшному окончанію, спасти столицу и избѣжать сраженія, чтобы непотерять послѣдней надежды народа..... Совѣщанія должны были начаться вчера. Императоръ не хотѣлъ ждать отъ васъ извѣстія объ открытіи конгресса, опасаясь причинить тѣмъ замедленіе» ([19]). Подобное предписаніе, неопредѣлявшее мѣры пожертвованій, на которыя могъ рѣшиться Коленкуръ, нисколько не разсѣяло его сомнѣній. Въ письмѣ къ Наполеону, онъ умолялъ доставить ему необходимыя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣлъ: долженъ-ли онъ согласиться на все безъ про-

тиворѣчій неотлагательно, или есть возможность имѣть достаточно времени для обсужденія, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ пунктовъ?. ([20]). Очевидно, что Наполеонъ не придавалъ большаго значенія переговорамъ въ Шатильонѣ и разрѣшилъ Коленкуру сдѣлать всевозможныя уступки Союзнымъ уполномоченнымъ единственно съ тою цѣлью, чтобы замедлить наступленіе Главной арміи къ Парижу, а между тѣмъ выиграть время для дѣйствій противъ Силезской арміи, поразивъ которую, онъ отказалъ-бы въ ратификаціи условій подписанныхъ его министромъ.

25-го генваря (6-го февраля), Коленкуръ далъ Союзнымъ уполномоченнымъ обѣдъ, по поводу чего Наполеонъ приказалъ помѣстить въ Монитёрѣ извѣстіе, что «между министрами «господствуетъ совершенное согласіе, и что въ особенности «уполномоченные Франціи и Англіи весьма внимательны одинъ «къ другому» ([31]).

На второмъ совѣщаніи, 26-го генваря (7-го февраля), уполномоченные Союзныхъ Державъ внесли въ протоколъ слѣдующее объявленіе:

«Союзныя Державы, имѣя въ виду согласить условія будущей безопасности и независимости Европы съ желаніемъ видѣть Францію на степени соотвѣтствующей мѣсту, которое она всегда занимала въ политической системѣ, и принявъ во вниманіе положеніе Европейскихъ Державъ въ отношеніи къ Франціи, въ слѣдствіе успѣховъ одержанныхъ ихъ оружіемъ, поручили своимъ уполномоченнымъ требовать:

«Чтобы Франція вошла въ предѣлы, коими она была ограничена до Революціи за исключеніемъ земель по обѣ стороны сихъ границъ, имѣющихъ отойти изъ одного владѣнія въ другое, по взаимному соглашенію, и обратной отдачи завоеваній сдѣланныхъ Англіею.—Въ слѣдствіе того, Франція откажется отъ всякаго непосредственнаго вліянія на страны лежащія внѣ помянутыхъ предѣловъ и отъ всѣхъ титуловъ выражающихъ господство, либо покровительство, надъ Италіею, Германіей и Швейцаріи».

Французскій министръ, видимо смущенный этими требова-

ніями, отвѣчалъ: «mon rôle est celui des sacrifices», (моя роль — роль пожертвованій), но потомъ, нѣсколько оправясь, изъявилъ желаніе знать — въ чью пользу назначаются земли требуемыя отъ Франціи. Графъ Разумовскій отвѣчалъ ему: «равновѣсіе Европы долго страдало и разрушалось; возстанов«леніе его составляетъ совершенно иной предметъ заботливости «Союзныхъ Дворовъ, нежели то, о чемъ мы ведемъ перегово«ры съ Франціею». Коленкуръ ничего не сказалъ на это замѣчаніе, но его встревоженный видъ выказывалъ мрачную безнадежность. За тѣмъ, когда было упомянуто, что Наполеонъ долженъ отказаться отъ титуловъ Короля Италійскаго, и проч. французскій министръ, не сдѣлавъ никакого возраженія сказалъ: «il est naturel qu'en perdant les droits on perd les titres» (Весьма естественно, что съ потерею правъ теряютъ титулы). Уполномоченный Франціи, не рѣшаясь однакоже—ни принять предложенныя условія, ни отвѣчать на нихъ отказомъ, и надѣясь въ продолженіе дня получить отъ Наполеона опредѣлительныя инструкціи, сказалъ, что, по важности сообщенныхъ ему предложеній, онъ не можетъ непосредственно отвѣчать на нихъ, и по тому желалъ-бы, чтобы совѣщаніе было отложено.

Уполномоченные Союзныхъ Дворовъ, изъявивъ согласіе на желаніе представителя Франціи, вмѣстѣ съ нимъ положили снова собраться того-же дня, въ девять съ половиною часовъ вечера.

По возобновленіи совѣщанія въ условленное время, Коленкуръ просилъ внести въ протоколъ, что французское правительство для достиженія мира готово на самыя большія пожертвованія, не смотря на то, что требованія, сдѣланныя сегодня отъ имени Союзныхъ Державъ, весьма далеки отъ *условій ими самими предложенныхъ въ Франкфуртѣ* и основанныхъ на *признанныхъ ими естественныхъ границахъ Франціи*, весьма далеки отъ объявленій сдѣланныхъ всѣми Державами предъ лицемъ Европы, весьма далеки отъ степени, которую всегда занимала Франція въ общей политической системѣ—основанія упоминаемаго Союзными уполномоченными даже въ ихъ се-

годняшнихъ предложеніяхъ. Когда Коленкуръ напомнилъ о франкфуртскихъ условіяхъ, графъ Разумовскій отвѣчалъ, что о нихъ не сказано ни слова въ инструкціяхъ данныхъ уполномоченнымъ Союзныхъ Державъ; графъ Стадіонъ какъ будто-бы усомнился въ существованіи такихъ условій, а лордъ Эбердинъ старался отклонить всякое сужденіе о нихъ, какъ не принадлежащее къ предметамъ совѣщаній конгресса. Всѣ Союзные уполномоченные возстали на представителя Франціи, говоря, что напрасно было возбуждать такіе вопросы, что дѣло шло не о франкфуртскихъ, а о шатильонскихъ условіяхъ, и требовали рѣшительнаго отвѣта на свои предложенія. Напрасно французскій министръ, обратясь къ лорду Эбердину, (въ которомъ надѣялся найти наибольшее сочувствіе къ своему тягостному положенію), желалъ узнать — могло-ли согласіе Франціи на требуемыя условія послужить къ немедленному заключенію перемирія? Эбердинъ, на основаніи соглашенія между Союзными уполномоченными, уклонясь отъ частныхъ сообщеній Коленкура, далъ ему почувствовать, что враждебныя дѣйствія могли быть прекращены, безусловнымъ и безотлагательнымъ согласіемъ французскаго правительства на требованія Союзниковъ, не иначе, какъ послѣ ратификаціи условій Союзными Монархами. За тѣмъ, Коленкуръ просилъ сообщить ему о всѣхъ безъ исключенія уступкахъ требуемыхъ отъ Франціи, съ означеніемъ, кому достанутся отдѣляемыя отъ нея земли, а равно, возможноли будетъ, въ случаѣ принятія французскимъ правительствомъ этихъ условій, тотчасъ положить конецъ бѣдствіямъ войны?

Уполномоченные Союзныхъ Державъ, выслушавъ замѣчанія французскаго министра, приняли ихъ для доклада своимъ Государямъ (ad referendum) (22).

Такимъ образомъ Коленкуръ достигъ своей цѣли, не давъ рѣшительнаго отвѣта на требованія Союзниковъ. Но онъ былъ озабоченъ—съ одной стороны тѣмъ, что Союзные уполномоченные не торопились достигнуть положительныхъ результатовъ, а съ другой—необычайною сговорчивостью Наполеона, заставлявшею французскаго министра полагать, что для спасе-

нія Имперіи надлежало заключить миръ какъ можно скорѣе ([23]). Волнуемый сомнѣніями, Коленкуръ обратился къ Меттерниху, прося его содѣйствовать прекращенію войны неотлагательнымъ миромъ. «Мы не отказываемся—писалъ онъ—ни отъ какой приличной уступки, мы желаемъ только знать всѣ пожертвованія, которыхъ отъ насъ требуютъ, въ чью пользу мы должны ихъ сдѣлать, и можемъ-ли быть увѣрены купить цѣною ихъ немедленное прекращеніе войны.... Не можетели вы пріѣхать сюда съ Г. Нессельроде часа на три къ лорду Кестельри? Достойно было-бы вполнѣ характера Австрійскаго Императора и сердца отца нашей Государыни позволить вамъ совершить это путешествіе, которое могло-бы положить предѣлъ борьбѣ неимѣющей цѣли и стоющей столько слезъ человѣчеству» ([24]).

Вслѣдъ за тѣмъ Коленкуръ получилъ отъ Марè письмо, успокоившее его на счетъ состоянія французской арміи. Тѣмъ не менѣе однакоже французскій министръ, невполнѣ довѣряя этому извѣстію, снова отнесся къ князю Меттерниху, изъявляя свою готовность согласиться на ограниченіе Франціи древними предѣлами и на сдачу нѣкоторыхъ изъ уступленныхъ крѣпостей, если немедленно послѣдуетъ перемиріе ([25]). Письмо это было важною ошибкою стараго дипломата: оно въ послѣдствіи дало возможность уполномоченнымъ Союзныхъ Державъ сослаться на условное предложеніе Коленкура, какъ на формальное согласіе представителя Франціи. И къ тому-же, напрасно онъ, выказывая уступчивость, надѣялся замедлить наступленіе Главной Союзной арміи и выиграть время; напротивъ того, подобный способъ дѣйствій могъ побудить Коалицію къ большей настойчивости.

29-го генваря (10-го февраля), Союзные уполномоченные сообщили французскому министру ноту слѣдующаго содержанія:

«Нижеподписавшіеся, уполномоченные Союзныхъ Дворовъ получили отъ Е. С. уполномоченнаго Россіи объявленіе:

«Что Е. В. Россійскій Императоръ, признавъ нужнымъ войти въ соглашеніе съ Государями, Своими Союзниками, на счетъ шатильонскихъ совѣщаній, повелѣлъ Своему уполномо-

ченному изъявить желаніе Его Величества, чтобы совѣщанія были пріостановлены до присылки дальнѣйшихъ инструкцій.

«Нижеподписавшіеся имѣютъ честь сообщить о томъ Г. уполномоченному Франціи, предупреждая, что совѣщанія будутъ прекращены только на самый короткій срокъ. Они поспѣшатъ увѣдомить Г. уполномоченнаго о времени, когда они получатъ возможность возобновить ихъ» ([26]).

Неожиданное прерваніе переговоровъ весьма оскорбило Коленкура, но ему не оставалось ничего болѣе, какъ протестовать противъ рѣшенія принятаго уполномоченными Союзныхъ Державъ. Изъявивъ крайнее удивленіе тому, что они сочли желаніе одного изъ Союзныхъ Дворовъ достаточною причиною для отсрочки дальнѣйшихъ переговоровъ, французскій министръ замѣтилъ, что, обстаивая свои собственныя права, онъ защищаетъ права всѣхъ Державъ участвующихъ въ конгрессѣ ([27]).

Тогда-же онъ послалъ донесеніе Наполеону о прерваніи переговоровъ, извѣщая его, вмѣстѣ съ тѣмъ, что, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, между Союзными уполномоченными возникли несогласія ([28]). Дѣйствительно—всѣ они, кромѣ графа Разумовскаго, полагали, что, съ принятіемъ границъ 1792 года, французское правительство устраняло поводъ къ дальнѣйшимъ враждебнымъ дѣйствіямъ, потому что Союзники достигли всего того, чего желали сами. Кестельри отправился въ главную квартиру Союзныхъ Монарховъ и старался склонить Императора Александра къ заключенію мира; но всѣ его усилія были напрасны Въ то самое время, когда Государь говорилъ съ нимъ о необходимости продолжать войну и дѣйствовать рѣшительно, вошелъ князь Волконскій съ донесеніемъ Блюхера о пораженіи Олсуфьева подъ Шампоберомъ. Императоръ, гнѣвно обратясь къ Кестельри, сообщилъ ему полученное извѣстіе. «Вотъ слѣдствія бездѣйствія Главной арміи и вашихъ домогательствъ заключить миръ,» сказалъ Онъ. Когда-же англійскій министръ, оставаясь при своемъ мнѣніи, изложилъ его писменно, Государь приказалъ графу Нессельроде написать ему въ отвѣтъ: «Е. В. «душевно сожалѣетъ, что лордъ Кестельри, совершенно при-

«ставъ къ мнѣнію австрійскаго Кабинета и слѣдуя собствен-«нымъ миролюбивымъ побужденіямъ, способствуетъ къ затрудне-«нію хода военныхъ дѣйствій, на который равномѣрно оказы-«ваютъ вредное вліяніе неудачи слишкомъ растянутой блюхе-«ровой арміи, усиливающія медленность Австрійцевъ.»

Между тѣмъ какъ Императоръ Александръ, желая вы-ручить Блюхера, старался ускорить наступленіе Главной арміи, и съ этою цѣлью 2-го (14-го) февраля прибылъ въ Понъ-сюръ-Сенъ, Меттернихъ дѣятельно старался о прекращеніи военныхъ дѣйствій. По его внушенію, Императоръ Францъ предложилъ на обсужденіе министровъ Союзныхъ Державъ, самаго Меттерниха, Нессельроде, Кестельри и Гарденберга, слѣдующіе вопросы:

1-е. Какой отвѣтъ дадутъ герцогу Виченцскому?

2-е. Предположивъ, что ему откажутъ, либо замедлятъ отвѣчать, какъ поступятъ? Союзныя Державы примутъ-ли сторону Людовика XVIII, или, по прежнему, предоставятъ рѣшеніе этого вопроса Французамъ?

3-е. Какими средствами Союзныя Державы надѣются удостовѣриться въ дѣйствительныхъ намѣреніяхъ французскаго народа на счетъ перемѣны династіи?

4-е. Какой срокъ постановили Союзныя Державы для обсужденія—желаетъ-ли, или нѣтъ, французскій народъ такую перемѣну?

5-е. Въ случаѣ, еслибы Парижъ принялъ сторону Бурбоновъ и Наполеонъ удалился съ войсками оставшимися ему вѣрными, Союзники объявятъ-ли себя въ пользу Бурбоновъ, или помирятся съ Наполеономъ?

6-е. Какимъ образомъ, въ ожиданіи того, будутъ поступать Союзныя Державы въ отношеніи Людовика XVIII, и въ особенности въ отношеніи графа д'Артуа, его повѣреннаго при главной квартирѣ, а также эмигрантовъ и роялистовъ во Франціи?

7-е. Какія мѣры будутъ приняты для управленія Парижемъ? Введутъ-ли туда гарнизонъ? Кому будетъ поручено управленіе? ([29]).

Императоръ Александръ на эти вопросы сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія:

№ 1. «Уклонясь отъ перемирія, можно отстранить прочія «предложенія, какъ слѣдствія перваго.

№ 2. «Союзныя Державы будутъ дѣйствовать по прежне-«му, слѣдовательно не примутъ сторону Людовика XVIII, а «предоставятъ Французамъ рѣшеніе этого вопроса.

№ 3. «Расположеніе жителей столицы послужитъ руковод-«ствомъ Союзникамъ. По мнѣнію Е. В. Императора, слѣдуетъ, «созвавъ Членовъ различныхъ управленій, присоединить къ «нимъ лицъ наиболѣе важныхъ по своимъ личнымъ качествамъ «и званію, и пригласить сіе Собраніе выразить свободно свое «мнѣніе, на счетъ того, кого оно считаетъ наиболѣе способ-«нымъ занять мѣсто во главѣ управленія.

№ 4. «Прибытіе въ Парижъ.

№ 5. «Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только тогда, «когда получимъ средства судить о средствахъ, которыя дастъ «Парижъ для поддержанія принятой имъ стороны и о вліяніи «этой стороны на наполеонову армію. Если-же Парижъ не «возстанетъ противъ Наполеона, то лучше всего будетъ—по-«мириться съ нимъ.

№ 6. «Союзники въ отношеніи къ Людовику XVIII и къ «Бурбонамъ будутъ дѣйствовать на тѣхъ-же основаніяхъ, кото-«рыми руководились до сего времени, и которыя столь сообраз-«ны съ видами великобританскаго правительства. Они не ста-«нутъ ни мѣшать Бурбонамъ, ни помогать имъ, и будутъ из-«бѣгать всякаго участія въ ихъ дѣйствіяхъ.

№ 7. Въ Парижѣ будутъ по возможности сохранены мѣст-«ныя и муниципальныя управленія и назначенъ губернаторъ «для общаго надъ ними надзора. Е. В. Императоръ желаетъ, «чтобы въ Парижѣ былъ русскій губернаторъ. Какъ Россія «наиболѣе сражалась противъ общаго врага, то Е. В. пола-«гаетъ, что Онъ имѣетъ вполнѣ право на эту уступку.

«Принявъ за неизмѣнное правило, чтобы не ставить солдатъ «на квартирахъ у жителей, можно будетъ воспользоваться ка-«зармами и другими строеніями находящимися въ Парижѣ» ([30]).

Союзные министры, Кестельри, Меттернихъ и Гарденбергъ, также сообщили писменно свои мнѣнія по этимъ вопросамъ; послѣдній изъ нихъ представилъ предварительно составленную имъ записку Императору Александру.

По мнѣнію лорда Кестельри, различіе видовъ въ Совѣтѣ Союзныхъ Державъ происходило отъ недоумѣнія: должно-ли заключить миръ на условіяхъ ими предложенныхъ французскому правительству, или продолжать войну, чтобы упрочить миръ низверженіемъ съ престола властителя Франціи? Кестельри полагалъ, что «не слѣдовало домогаться послѣдней изъ сихъ цѣлей по двумъ обстоятельствамъ: во 1-хъ, она несообразна съ благоразуміемъ, и во 2-хъ, Союзныя Державы лишили себя права такъ дѣйствовать своими прежними торжественными объявленіями. Союзники вторгнулись во Францію чтобы достичь мира, не надѣясь заключить его на Рейнѣ. Они вовсе не предполагали династической перемѣны во Франціи, потому что открыли переговоры съ ея нынѣшнимъ властителемъ. Съ тѣхъ поръ, во французскомъ народѣ необнаружилось никакого движенія, подающаго поводъ къ измѣненію основаній, коими руководились Союзныя Державы. Успѣхъ возведенія на престолъ Людовика XVIII весьма сомнителенъ и можетъ вести къ междуусобію, пагубному для многихъ лицъ и вредному для общаго спокойствія Франціи.» Изъ всего этого лордъ Кестельри вывелъ заключеніе, что ежели Европа можетъ предписать миръ на выгодныхъ условіяхъ (dans une forme convenable), то онъ вполнѣ удовлетворитъ требованіямъ политики и добросовѣстности, и что даже слѣдуетъ согласиться на перемиріе, если непріятель приметъ условія могущія обезпечить заключеніе мира.

Меттернихъ, съ своей стороны, полагалъ, что хотя предпріятія Союзниковъ, будучи увѣнчаны безпримѣрнымъ успѣхомъ, дали возможность распространить справедливыя требованія Коалиціи, однакоже домогательства ихъ достигли крайняго развитія въ инструкціяхъ данныхъ уполномоченнымъ на шатильонскомъ конгрессѣ. Французскій министръ изъявилъ согласіе на ограниченіе Франціи ея древними предѣлами и предоставилъ Союзникамъ распорядиться, по ихъ усмотрѣнію, дѣла-

ми Европы. Не довольствуясь тѣмъ, онъ предложилъ, въ видѣ залога, важныя крѣпости. По мнѣнію Е. В. Императора Австрійскаго, Союзники вполнѣ достигли цѣли войны. Что-же касается до разрѣшенія вопроса—въ какой степени, при дальнѣйшемъ продолженіи войны, Наполеонъ будетъ поддержанъ народомъ, Императоръ Францъ не считалъ себя въ правѣ мѣшаться въ образъ правленія независимой Державы. Столь-же мало допускалъ онъ, чтобы Союзныя государства, устранивъ законнаго претендента на престолъ, поддерживали партію, которая, объявивъ низложеніе Наполеона, приняла-бы сторону кого-либо изъ принцевъ Дома Бурбоновъ. По мнѣнію Австрійскаго Монарха, какъ только Союзныя Державы признали-бы, что для измѣненія престолонаслѣдія въ прямой линіи достаточно второстепенныхъ обстоятельствъ, онѣ подрыли-бы существованіе всѣхъ престоловъ.

Баронъ Гарденбергъ изъявилъ мнѣніе—что не слѣдовало жертвовать важными и вѣрными успѣхами, стремясь къ достиженію цѣли, неоправдываемой народнымъ правомъ и сомнительной по своимъ послѣдствіямъ.

На основаніи этихъ мнѣній, Меттернихъ успѣлъ склонить лорда Кестельри и барона Гарденберга къ составленію протокола, коимъ опредѣлено было просить Императора Александра о повелѣніи графу Разумовскому возобновить переговоры на основаніяхъ предложенныхъ Коленкуромъ въ письмѣ къ князю Меттерниху, отъ 9-го февраля н. ст. (31).

Императоръ Александръ, въ отвѣтъ на сіе мнѣніе, сообщилъ Союзнымъ Державамъ, 3-го (15-го) февраля, отзывъ, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ:

«Цѣль настоящей войны, предпринятой сперва на защиту Моего государства, а потомъ для освобожденія Европы, измѣнялась сообразно одержаннымъ успѣхамъ. Настоящее положеніе дѣлъ необходимо требуетъ, чтобы мы продолжали войну, потому что всякое соглашеніе, неизбѣжно сопряженное съ потерею времени, дастъ непріятелю возможность усилиться подкрѣпленіями и возобновить военныя дѣйствія. Разрушеніе наполеонова могущества не составляетъ главной цѣли нашихъ

усилій, но если успѣхи нашего оружія, покореніе Парижа и общій голосъ жителей Франціи дадутъ Союзникамъ возможность провозгласить низложеніе Наполеона, то это послужитъ къ довершенію освобожденія Европы, благоденствію Франціи и спокойствію ея сосѣдей, и явитъ Свѣту самый блистательный примѣръ справедливости. Никто болѣе Меня не убѣжденъ въ непостоянствѣ военныхъ успѣховъ, однакоже многія обстоятельства подаютъ надежду къ достиженію нашей цѣли. Искусство генераловъ, храбрость войскъ, превосходство въ конницѣ, подкрѣпленія къ намъ идущія и общее мнѣніе народовъ, не допустятъ насъ унизиться въ такой степени, какъ думаютъ. Такая опасность угрожаетъ намъ только въ случаѣ, ежели боязнь, выраженная въ мнѣніяхъ Мнѣ представленныхъ, распространится на войска, но постоянство и твердость, выказанныя Союзными арміями, служатъ порукою въ томъ, что подобныя впечатлѣнія не могутъ имѣть на нихъ вліянія. Затрудненія, ожидаемыя отъ занятія Парижа, преувеличены и могутъ быть устранены мѣрами принятыми для спокойствія столицы Франціи.

«Я отнюдь не противлюсь продолженію переговоровъ въ Шатильонѣ и сообщенію отвѣта Коленкуру на послѣдній запросъ его о будущемъ жребіи Европы, согласно постановленію нами принятому въ Лангрѣ; что-же касается до перемирія, то согласиться на переговоры о столь важномъ предметѣ — значило-бы потворствовать видамъ непріятеля. Я увѣренъ въ счастливомъ окончаніи войны, ежели Союзники останутся единодушны въ своихъ видахъ и по прежнему будутъ руководиться главною ихъ цѣлью: сокрушеніемъ непріятельской арміи» ([32]).

Къ сожалѣнію, тогда-же въ главную квартиру Союзниковъ пришли извѣстія о невзгодахъ Силезской арміи. Устрашенные ими дипломаты снова настаивали на заключеніе мира. Лордъ Кестельри представилъ Императору Александру, что слѣдовало рѣшиться на миръ прежде нежели пришлось-бы отступить за Рейнъ, и прибавилъ къ тому: «мнѣ приказано воспользоваться случаемъ для заключенія мира, который необхо-

димъ тѣмъ болѣе, что, по видимому, союзъ готовъ разрушиться». Государь, возвыся голосъ, отвѣчалъ: «Милордъ! Это будетъ не миръ, а перемиріе, которое вамъ позволитъ разоружиться лишь на минуту. Я немогу каждый разъ поспѣвать вамъ на помощь, будучи съ моими войсками за четыреста льё. Я не заключу мира, пока Наполеонъ будетъ оставаться на престолѣ» ([33]). Императоръ долго оспоривалъ доводы Союзныхъ министровъ, увлекаясь справедливымъ негодованіемъ на близорукихъ политиковъ, исторгавшихъ несомнѣнный успѣхъ изъ рукъ Его. По словамъ Штейна: «не возможно было безъ «удивленія видѣть, до чего простирались Его самоотверженіе, «Его восторгъ ко всему высокому».... ([34]). Тѣмъ не менѣе однако-же Государь, убѣдясь, что дальнѣйшее сопротивленіе Его въ дѣйствительности могло повести къ расторженію Союза, приказалъ графу Разумовскому подписать мирный трактатъ на условіяхъ предложенныхъ Франціи при открытіи шатильонскаго конгресса, но настоялъ на томъ, чтобы не заключать перемирія. «Какъ единственною моею цѣлью есть благо «общее, сказалъ Онъ, то оставаясь вѣренъ принятому Мною «основанію — поставлять переговоры о мирѣ въ зависимость «отъ хода войны — уступаю настоятельному желанію Моихъ «союзниковъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Онъ изъявилъ мнѣніе продолжать военныя дѣйствія и стараться по возможности извлечь выгоды изъ расположенія Главной Союзной арміи въ тылу Наполеона ([35]).

Меттернихъ, успѣвъ въ своемъ намѣреніи — склонить Союзниковъ къ миру, извѣстилъ о томъ Коленкура. «Мы снова пустили въ ходъ ваши переговоры, и, право, нелегко быть министромъ коалиціи!» ([36]) писалъ онъ уполномоченному Франціи.

Тогда-же Союзные Монархи изъявили согласіе на слѣдующія предложенія, сдѣланныя лордомъ Кестельри, отъ имени англійскаго правительства:

1-е, бельгійскія провинціи, между древними границами Франціи, Маасомъ и Рейномъ, до Кёльна, будутъ уступлены принцу Оранскому, какъ владѣтелю Нидерландовъ; 2-е, прочія

земли по лѣвую сторону Рейна должны быть распредѣлены такимъ образомъ, чтобы обезпечить сѣверную Германію; 3-е, Король Сицилійскій, въ замѣнъ Неаполитанскихъ владѣній (*), получитъ щедрое вознагражденіе въ Италіи; 4-е, военные корабли, найденные въ непріятельскихъ гаваняхъ, а равно военные припасы, не будутъ возвращены Франціи ([37]).

5-го (17-го) февраля, Союзные уполномоченные сообщили Коленкуру о возобновленіи совѣщаній ([38]). Въ засѣданіи тогоже дня, они, устранивъ всякое домогательство Франціи обратиться къ франкфуртскимъ предложеніямъ, какъ совершенно чуждое цѣли переговоровъ, непосредственно приступили къ ихъ главному предмету.

Графъ Стадіонъ, отъ имени своихъ товарищей, объявилъ:

Послѣ засѣданія 7-го сего мѣсяца, французскій уполномоченный, въ письмѣ отъ 9-го къ князю Меттерниху, сдѣлалъ запросъ: можетъ-ли Франція, принявъ предложеніе Союзныхъ уполномоченныхъ — войти въ свои прежнія предѣлы — надѣяться на непосредственное заключеніе перемирія, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что, въ такомъ случаѣ, онъ готовъ согласиться на помянутое условіе, и, кромѣ того, на сдачу Союзникамъ нѣсколькихъ крѣпостей изъ числа тѣхъ, которыя будутъ уступлены Франціею.

Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ (**) сообщилъ запросъ представителя Франціи Союзнымъ Дворамъ, которые поручили своимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ объявить:

Что, по ихъ мнѣнію, прелиминарный договоръ, основанный на выше-изложенныхъ условіяхъ, за которымъ непосредственно послѣдовало-бы прекращеніе военныхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ, прекративъ быстро бѣдствія войны, достигъ-бы вѣрнѣе желаемой цѣли, нежели перемиріе, и что для сокращенія переговоровъ Союзные Дворы вручили своимъ уполномоченнымъ проектъ прелиминарнаго договора (traité préliminaire), который будетъ сообщенъ въ нынѣшнемъ засѣданіи.

(*) Это условіе было слѣдствіемъ союзнаго договора заключеннаго между Австріею и Мюратомъ, 11-го генваря н. ст. 1814 года.

(**) Князь Меттернихъ.

Выслушавъ это объявленіе, французскій министръ сдѣлалъ замѣчаніе, что когда онъ отнесся конфиденціально къ князю Меттерниху, съ просьбою о перемиріи, тогда онъ во-все неожидалъ прерванія переговоровъ на девять дней, измѣнившаго положеніе дѣлъ и цѣль его предложенія, и къ тому-же предварительный трактатъ, требовавшій болѣе или менѣе продолжительнаго обсужденія, не могъ, подобно перемирію, мгновенно положить конецъ кровопролитію.

За тѣмъ австрійскій уполномоченный прочелъ проектъ предварительнаго трактата, заключавшій въ себѣ слѣдующія условія:

1-е. Возстановленіе мира между Императорами Австрійскимъ и Россійскимъ и Королями Великобританскимъ и Прусскимъ, съ ихъ Союзниками, и Императоромъ Французовъ.

2-е. Императоръ Французовъ отказывается, за себя и за своихъ наслѣдниковъ, отъ всѣхъ владѣній пріобрѣтенныхъ Франціею съ начала войны 1792 года. Е. В. также отказывается отъ всякаго вліянія внѣ древнихъ границъ Франціи до войны 1792 года, и отъ всѣхъ титуловъ сопряженныхъ съ уступленными владѣніями, именно: Короля Италійскаго, Короля Римскаго, Протектора рейнскаго союза и Посредника швейцарскаго союза.

3-е. Высокія договаривающіяся стороны признаютъ формально и торжественно самодержавіе и независимость всѣхъ европейскихъ государствъ на основаніи условій окончательнаго мира.

4-е. Императоръ Французовъ признаетъ формально слѣдующее устройство владѣній сопредѣльныхъ съ Франціей:

Германіи, составленной изъ независимыхъ государствъ, соединенныхъ общимъ союзомъ.

Италіи, раздѣленной на независимыя государства, между австрійскими владѣніями въ Италіи и Франціею.

Голландіи, увеличенной нѣкоторыми землями, подъ владычествомъ Оранскаго Дома.

Швейцаріи, свободной и независимой, въ прежнихъ ея предѣлахъ, подъ поручительствомъ всѣхъ великихъ Державъ, со включеніемъ Франціи.

Испаніи, подъ властью Фердинанда VII, въ древнихъ предѣлахъ.

Императоръ Французовъ, кромѣ того, признаетъ право Союзныхъ Державъ, опредѣлить, на основаніи существующихъ трактатовъ, границы и взаимныя отношенія, какъ владѣній уступленныхъ Франціей, такъ и своихъ собственныхъ государствъ, безъ всякаго вмѣшательства Франціи.

5-е. Король Великобританскій возвращаетъ Франціи всѣ ея колоніи, завоеванныя Англичанами въ продолженіе войны, кромѣ острововъ Святыхъ, Тобаго, Иль-де-Франса и острова Бурбона. Союзники обѣщаютъ склонить Ихъ Величества Королей Шведскаго и Португальскаго къ уступкѣ въ пользу Франціи Гваделупы и Кайены. Французское правительство обязуется строго запретить своимъ подданнымъ торговлю неграми. — Островъ Мальта остается во владѣніи Англіи.

6-е. Императоръ Французовъ, немедленно послѣ ратификаціи настоящаго предварительнаго трактата, прикажетъ сдать Союзникамъ всѣ крѣпости и форты въ уступленныхъ владѣніяхъ, а равно и тѣ, которые еще заняты его войсками въ Германіи, именно: Майнцъ въ продолженіе четырехъ дней; Гамбургъ, Антверпенъ, Бергъ-оп-Цоомъ, въ шесть дней; Мантуу, Пальма-Нуову, Венецію, Пескіеру, крѣпости на Одерѣ и Эльбѣ, въ продолженіи двухъ недѣль; прочія-же всѣ крѣпости и форты по возможности въ кратчайшій срокъ, не превышающій двухъ недѣль. Всѣ укрѣпленные пункты будутъ сданы въ томъ самомъ состояніи, въ которомъ они находятся нынѣ, со всею артиллеріей, боевыми и съѣстными запасами, архивами, и проч. Французскіе гарнизоны выйдутъ съ оружіемъ, обозомъ и частнымъ имуществомъ.

Императоръ Французовъ также прикажетъ сдать Союзнымъ войскамъ, въ продолженіи четырехъ дней, крѣпости Безансонъ, Бельфоръ и Гюнингенъ, которыя останутся въ залогѣ до ратификаціи окончательнаго трактата и будутъ возвращены, въ томъ самомъ состояніи, въ коемъ находились при уступкѣ, по мѣрѣ очищенія Союзниками французскихъ владѣній.

7-е. Главнокомандующіе немедленно назначатъ комисса-

ровъ для опредѣленія демаркаціонной линіи между арміями обѣихъ сторонъ.

8-е. Немедленно по подписаніи и ратификаціи предварительнаго трактата, военныя дѣйствія прекратятся на сушѣ и на морѣ.

9-е. За настоящимъ предварительнымъ трактатомъ послѣдуетъ, въ кратчайшемъ по возможности времени, подписаніе окончательнаго мирнаго трактата.

10-е. Ратификаціи предварительнаго трактата будутъ размѣнены въ продолженіе четырехъ дней, или прежде, если это окажется возможнымъ.

По прочтеніи проекта предварительнаго договора, французскій уполномоченный сдѣлалъ замѣчаніе, что въ семъ проектѣ титулъ Короля Италійскаго поставленъ на-ряду съ титулами Посредника и Покровителя, существенно отъ него различными, потому что первый выражаетъ обладаніе государствомъ независимымъ отъ Франціи, и что Императоръ Французовъ можетъ отказаться отъ италіянской короны, не какъ Императоръ, а лишь въ качествѣ Короля.

Уполномоченные Союзныхъ Дворовъ отвѣчали, что, конечно, Союзныя Державы имѣли въ виду, чтобы Императоръ Наполеонъ отказался отъ обладанія Италіянскимъ Королевствомъ, и что если въ проектѣ есть какое-либо сомнѣніе по этому предмету, то слѣдуетъ обозначить опредѣлительно помянутую уступку.

За тѣмъ представитель Франціи изъявилъ желаніе знать:

Будетъ-ли Король Саксонскій возстановленъ въ полномъ обладаніи своимъ Королевствомъ?

Получитъ-ли обратно свои владѣнія, либо за нихъ вознагражденіе, Король Вестфальскій, признанный всѣми континентальными Державами?

Наконецъ, будутъ-ли признаны права вице-короля, какъ наслѣдника Королевства Италіи, въ такомъ случаѣ, когда Король Италійскій откажется отъ короны сего государства?

Уполномоченные Союзныхъ Дворовъ объявили, что они на сей разъ ограничиваются изложеніемъ своего проекта.

Французскій министръ окончилъ совѣщаніе, сказавъ, что, по важности сообщеннаго ему документа, не имѣя возможности дать на него немедленный отвѣтъ, онъ предоставляетъ себѣ предложить Союзнымъ уполномоченнымъ собраться въ послѣдствіи, когда онъ будетъ въ состояніи приступить къ обсужденію предметовъ сообщенныхъ въ нынѣшнее засѣданіе (39).

По всей вѣроятности, Коленкуръ въ это время готовъ былъ подписать предложенныя ему условія, и если-бы онъ еще нѣсколько дней неимѣлъ приказаній отъ Наполеона, либо получилъ изъ арміи неблагопріятныя свѣдѣнія, то миръ былъ-бы заключенъ, не смотря на противодѣйствіе тому Императора Александра. Остается сомнѣніе только въ томъ: согласился-ли-бы Наполеонъ ратификовать такой миръ? Если онъ твердо рѣшился заключить его неиначе, какъ сохранивъ такъ-называемыя естественныя границы Франціи, то къ чему было давать Коленкуру полномочіе и писать ему, чтобы онъ, во что-бы то ни стало, спасъ столицу и сохранилъ армію—послѣднюю надежду страны? Но положеніе Наполеона, не смотря на побѣды его надъ войсками Блюхера и на маловажные успѣхи имъ одержанные надъ передовыми корпусами Главной арміи, было такъ опасно, что онъ, по всей вѣроятности, утвердилъ-бы шатильонскій трактатъ, сложивъ, въ глазахъ націи, всю вину въ заключеніи его на Коленкура. Само собою разумѣется, что такой миръ продолжался-бы только пока Наполеонъ получилъ-бы возможность снова нарушить его.

Къ счастью Европы и всего человѣчества, онъ самъ сдѣлался орудіемъ своего паденія. 5-го (17-го) февраля, въ тотъ самый день, когда возобновились совѣщанія въ Шатильонѣ, Наполеонъ, послѣ побѣды одержанной имъ надъ небольшимъ авангардомъ Палена при Морманѣ, писалъ Коленкуру, что онъ взялъ отъ 30-ти до 40-ка тысячъ плѣнныхъ, 200 орудій, множество генераловъ, и уничтожилъ нѣсколько армій почти безъ всякой потери (j'ai détruit plusieurs armées sans presque coup férir). «Вообще—писалъ онъ — я желаю мира *прочнаго* и *честнаго*, и не иначе какъ на условіяхъ предложенныхъ

въ Франкфуртѣ.... Мое положеніе въ настоящую минуту выгоднѣе, нежели тогда, когда Союзники находились въ Франкфуртѣ».... «Не подписывайте ничего безъ моего приказанія, потому что никто кромѣ самаго меня не можетъ знать моего положенія».... ([40]). Такимъ образомъ онъ, преувеличивая свыше всякой мѣры свои успѣхи, вводилъ въ заблужденіе Коленкура и лишалъ его возможности вести переговоры сообразно съ обстоятельствами и ходомъ войны. Получивъ 7-го (19-го) февраля, на другой день послѣ побѣды при Монтерó, отъ Коленкура проектъ Союзниковъ, при письмѣ, въ коемъ французскій министръ умолялъ его разрѣшить хотя нѣкоторыя изъ требуемыхъ уступокъ, Наполеонъ, въ присутствіи многихъ генераловъ, гнѣвно сказалъ: «Слишкомъ много требуютъ! Союз«ники забыли, что я ближе къ Мюнхену, нежели они къ Па«рижу» ([41]).

Въ тотъ-же день, Наполеонъ послалъ Коленкуру слѣдующій отвѣтъ:

«По моему мнѣнію, васъ какъ будто-бы засадили въ тюрьму, гдѣ вы ничего не знаете о мнѣ, и гдѣ васъ проводятъ на каждомъ шагу. Какъ только буду въ Труà, пришлю вамъ проектъ отвѣта на предложенія Союзниковъ. Благодарю Бога за то, что въ моихъ рукахъ ихъ нота. Нѣтъ ни одного Француза, который, прочтя ее, не вышелъ-бы изъ себя, и вотъ почему я хочу составить самъ мой ultimatum Вамъ слѣдовало сообщить въ нотѣ, что Франція, для сохраненія своего могущества, въ такомъ видѣ, въ какомъ оно было до 1792 года, должна удержать за собою свои естественныя границы, въ вознагражденіе за раздѣлъ Польши, разрушеніе венеціянской республики, отнятіе владѣній у германскаго духовенства и огромныя пріобрѣтенія Англичанъ въ Азіи....

«Я такъ взволнованъ гнуснымъ проектомъ вами присланнымъ, что считаю себя уже обезчещеннымъ, давъ поводъ къ такому предложенію,» и проч ([42]).

Вслѣдъ за тѣмъ, предложеніе Союзниковъ—заключить перемиріе—усилило самонадѣянность Наполеона. Какъ для него перемиріе было необходимѣе, нежели для его непріятелей, то онъ

согласился открыть переговоры съ цѣлью прекращенія на время военныхъ дѣйствій. 12-го (24-го) февраля, съѣхались въ селеніе Люзиньи, близъ Вандёвръ, коммисары Союзныхъ Державъ: русскій, генералъ графъ Шуваловъ; австрійскій, фельдмаршалъ-лейтенантъ Дука; прусскій, генералъ Раухъ и французскій, адъютантъ Наполеона генералъ графъ Флагò (Flahaut). На слѣдующій день, 13 (25), начались совѣщанія коммисіи.

Наполеонъ хотѣлъ, чтобы, при заключеніи перемирія, Союзники опредѣлительно обѣщали отдать ему Бельгію. Когда-же со стороны Союзныхъ Державъ было отказано въ томъ и предложено вести переговоры о перемиріи отдѣльно отъ мира, Наполеонъ согласился на то, въ надеждѣ неотлагательнаго прекращенія военныхъ дѣйствій. Но Императоръ Александръ, разгадавъ его намѣреніе, назначилъ такую демаркаціонную линію, уступивъ которую, непріятель былъ-бы совершенно отрѣзанъ отъ своихъ крѣпостей лежащихъ на Мозелѣ и Маасѣ (*) Переговоры въ Люзиньи, какъ и должно было ожидать, не имѣли успѣха.

13-го (25-го) февраля, одновременно съ открытіемъ совѣщаній въ Люзиньи, былъ созванъ въ Баръ-сюръ-Объ, у Короля Прусскаго, Военный Совѣтъ, на которомъ присутствовали: Императоръ Александръ, который самъ велъ протоколъ засѣданія, Императоръ Францъ, Король Фридрихъ Вильгельмъ, князь Шварценбергъ, графъ Нессельроде, князь Меттернихъ, лордъ Кестельри, баронъ Гарденбергъ, князь Волконскій, графъ Радецкій и генералы Дибичъ и Кнезебекъ. На основаніи рѣшенія сего Совѣта ([43]), Россійскій и Прусскій Монархи, усиливъ блюхерову армію до ста тысячъ человѣкъ, исключительно русскихъ и прусскихъ войскъ, получили возможность распоряжать дѣйствіями безъ участія австрійскихъ генераловъ и дипломатовъ. Какъ Наполеонъ, вслѣдъ за тѣмъ, обратился на Блюхера, оставя противъ Главной Союзной арміи только часть своихъ силъ, то и князь Шварценбергъ пріостановилъ предположенное имъ отступленіе и приказалъ передовымъ корпусамъ

(*) *Глава XII-я.*

снова двинуться впередъ къ рѣкѣ Объ. Успѣхи Союзниковъ при Баръ и Ла-Ферте-сюръ-Объ побудили австрійское правительство къ заключенію 17-го февраля (1-го марта) договора въ Шомонѣ (*), коего прямою цѣлью было, побудивъ Наполеона къ уступчивости, оставить его на престолѣ Франціи ограниченной предѣлами 1792 года.

Но Наполеонъ, какъ уже сказано, былъ очень далекъ отъ согласія на требованія Союзниковъ. Оставляя своего представителя на шатильонскомъ конгрессѣ безъ дальнѣйшихъ инструкцій, онъ отнялъ у него возможность продолжать переговоры и далъ поводъ Союзникамъ сложить всю вину въ ихъ медленности на французскаго дипломата

Въ совѣщаніи 16-го (28-го) февраля уполномоченные Союзныхъ Дворовъ объявили:

«Какъ уже прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ сообщенъ былъ проектъ предварительнаго трактата Г. французскому уполномоченному, на что̀ не послѣдовало никакого отвѣта, Ихъ Величества Союзные Монархи сочли приличнымъ, чтобы представители Ихъ испросили опредѣлительный отзывъ французскаго правительства на счетъ помянутаго проекта. Уполномоченные полагаютъ, что со стороны Франціи нѣтъ никакого повода медлить рѣшеніемъ этого дѣла, тѣмъ болѣе, что сообщенный ими проектъ въ существенности основанъ на предложеніи, сдѣланномъ Г. уполномоченнымъ Франціи, въ письмѣ къ князю Меттерниху отъ 9-го сего мѣсяца, представленномъ Союзнымъ Монархамъ.

«Союзные уполномоченные получили повелѣніе объявить, отъ Имени ихъ Государей, что находя исполненіе своихъ требованій необходимымъ для спокойствія Европы и водворенія общаго мира, они сочтутъ всякое дальнѣйшее замедленіе отвѣта на ихъ предложенія отказомъ со стороны французскаго правительства. И по тому уполномоченные Союзныхъ Дворовъ, исполняя данное имъ порученіе, объявляютъ, что если, по прошествіи срока, опредѣленнаго ими вмѣстѣ съ уполномоченнымъ

(*) *Шомонскій договоръ изложенъ въ концѣ XII-й главы.*

Франціи, не будетъ дано отвѣта въ существенности сходнаго съ основаніями изложенными въ проектѣ Союзниковъ, то переговоры сочтутся оконченными и уполномоченные возвратятся въ главную квартиру.»

По внесеніи въ протоколъ сего объявленія, графъ Стадіонъ, отъ имени своихъ товарищей, сказалъ Коленкуру, что они готовы обсудить въ видахъ примиренія всякое измѣненіе проекта, неудаляющееся существенно отъ принятыхъ въ немъ основаній.

Уполномоченный Франціи отвѣчалъ, что представители Союзныхъ Державъ имѣли достаточное время для изготовленія своего проекта, и по тому не должны упрекать его въ замедленіи составляемаго имъ отвѣта, сослался на задержку своихъ курьеровъ и на трудность сообщеній при безпрестанныхъ передвиженіяхъ армій, и наконецъ сказалъ, что Франція всѣми своими дѣйствіями доказала свою готовность къ миру. Что-же касается до письма къ князю Меттерниху, французскій министръ замѣтилъ, что онъ сдѣлалъ помянутое предложеніе съ условіемъ неотлагательнаго перемирія, въ которомъ было отказано, и что по тому не слѣдуетъ ссылаться на его отзывъ.

Уполномоченные Союзныхъ Дворовъ пригласили представителя Франціи назначить достаточный по его мнѣнію срокъ для сообщенія отвѣта на ихъ проектъ. Коленкуръ сперва отговаривался отъ того, но потомъ, когда уполномоченные настоятельно повторили свое требованіе, назначено было собраться не позже 10-го марта ([14]). Дни проходили за днями, а въ Шатильонѣ дѣло нисколько не подвигалось. Напрасно Коленкуръ нѣсколько разъ умолялъ Наполеона уступить необходимости. Донося о совѣщаніи 16-го (28-го) февраля, французскій министръ писалъ ему: В. В. выиграете, и можетъ быть уже выиграли, нѣсколько сраженій, но это не будетъ имѣть вліянія на основныя условія мира ... Изъ всего того, что вижу и слышу, не могу надѣяться, чтобы удалось заключить миръ иначе, какъ на условіяхъ весьма различныхъ отъ основаній предложенныхъ въ Франкфуртѣ».. .. ([15]). Наполеонъ, получивъ эту

депешу 18-го февраля (2-го марта) въ Ла-Ферте-су-Жуаръ, въ то самое время, когда надѣялся нанести окончательный ударъ блюхеровой арміи, послалъ Коленкуру ноту, въ коей, изъявляя готовность ограничить свою Имперію естественными предѣлами, домогался призыва на конгрессъ представителей всѣхъ воюющихъ государствъ, и не по тому—писалъ Маре—чтобы Императоръ настаивалъ на этомъ условіи, а собственно для выигранія времени и для узнанія предполагаемыхъ Союзниками преобразованій Европы. Коленкуръ зная, что такая нота могла повести къ разрыву переговоровъ, не сообщилъ ее Союзнымъ уполномоченнымъ и снова представилъ Наполеону объ угрожавшей ему опасности ([16]). «Необходимо рѣшиться на пожертвованія и сдѣлать ихъ во-время—писалъ онъ.—Подобно тому какъ въ Прагѣ, мы упустимъ случай Настоящія обстоятельства болѣе сходны съ тогдашними, нежели В. В. полагаете. Мы не помирились въ Прагѣ, и Австрія приняла сторону нашихъ непріятелей.... Здѣсь также можетъ послѣдовать разрывъ переговоровъ, потому что не хотятъ убѣдиться въ зависимости столь важныхъ вопросовъ отъ нашего отзыва, и отъ срока, въ который мы его сдѣлаемъ. Я увѣренъ, что если мы не сообщимъ своего проекта мирныхъ условій и будемъ держаться франкфуртскихъ условій, то все кончится»..... ([47]).

Недовольствуясь тѣмъ, Коленкуръ далъ знать Наполеону о свѣдѣніяхъ сообщенныхъ ему однимъ изъ дипломатическихъ агентовъ Австріи. Этотъ чиновникъ, присланный къ нему княземъ Меттернихомъ, старался убѣдить его въ необходимости скорѣйшаго заключенія мира и сообщилъ ему, что Императоръ Францъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее, чтобы недовести дѣла до крайности, но что онъ не отвѣчаетъ за дальнѣйшія послѣдствія.

Наполеонъ получилъ эти свѣдѣнія 24-го февраля (8-го марта), на другой день послѣ сраженія при Краонѣ. Не смотря на неудовлетворительныя для него послѣдствія сего боя и на полученное имъ извѣстіе объ отступленіи изъ Труа къ Ножану макдональдовыхъ войскъ, онъ все-таки не хотѣлъ вести переговоровъ на основаніяхъ предложенныхъ Союзными Держава

ми ([48]) Быть-можетъ нерѣшительность дѣйствій князя Шварценберга и попытки австрійской дипломатіи уладить дѣло мирнымъ путемъ послужили къ возбужденію высокомѣрія и самонадѣянности Наполеона. Подъ вліяніемъ такого настроенія, онъ приказалъ герцогу Бассано (Марè) написать Коленкуру, что Императоръ Французовъ согласенъ уступить Брабантъ (Brabant-Hollandais), Везель, Кастель и Кель, съ русломъ рѣки Рейна (le Thalweg du Rhin). Онъ даже не хотѣлъ отдать Майнцъ, но предлагалъ срыть его, ежели Союзники сроютъ Кастель ([49]). Въ другомъ письмѣ герцога Бассано къ Коленкуру, перехваченномъ казаками, находимъ: «Нѣтъ никакого предмета, о которомъ вы не могли-бы переговариваться словесно, чтобы заставить Союзниковъ объясниться—чего именно они хотятъ и отъ чего расположены отказаться, но во всякомъ случаѣ мы должны выждать, какія уступки они потребуютъ. Такъ думаетъ Императоръ, не постигая, какимъ образомъ они могутъ надѣяться, чтобы онъ предложилъ области, признанныя въ декларации самихъ Союзниковъ владѣніями лежащими въ естественныхъ предѣлахъ Франціи. Союзники не должны спрашивать Императора—какія уступки желаетъ онъ сдѣлать, потому что, ежелибы это зависѣло отъ него, онъ неуступилъ-бы ничего.....

«Союзники въ § 6-мъ своего проекта, требуютъ отдачу въ залогъ крѣпостей Безансона, Бельфора и Гюнингена..... Почему не потребовали они, чтобы мы отдали имъ наши ружья и пушки? Подобное предложеніе весьма похоже на то, которое сдѣлали Римляне Карфагенянамъ въ концѣ третьей пунической войны»..... ([50]).

Французскій уполномоченный еще не успѣлъ получить отъ Наполеона никакой депеши, когда наступилъ послѣдній срокъ для отвѣта на проектъ Союзниковъ.

Въ засѣданіи 26-го февраля (10-го марта), Коленкуръ, поставилъ на видъ слѣдующія обстоятельства: «Союзные Монархи во франкфуртскихъ условіяхъ и представители ихъ въ совѣщаніи 7-го февраля (н. ст.) признали, что Франція должна при заключеніи мира сохранить такое самое могущество, какимъ

опа обладала до начала войнъ въ 1792-мъ году. Принимая въ соображеніе пріобрѣтенія сдѣланныя съ тѣхъ поръ всѣми Державами, въ слѣдствіе раздѣла Польши, секуляризаціи духовныхъ владѣній въ Германіи, присоединенія владѣній венеціянской республики къ Австріи, уступокъ со стороны Швеціи и Турціи въ пользу Россіи и завоеваній Англіи въ Остъ-Индіи, оказывается, что еслибы Франція была ограничена даже тѣми предѣлами, которые получила она по люневильскому и аміенскому трактатамъ, то все еще не достигла-бы далеко относительной степени могущества, коимъ обладала она до 1792 года.» За тѣмъ представитель Франціи жаловался на то, что хотѣли отнять у Франціи право ходатайствовать въ пользу прежнихъ своихъ союзниковъ, и даже оставляли ее въ неизвѣстности — кого будетъ она имѣть ближайшими сосѣдями.

По свидѣтельству графа Разумовскаго, мемуаръ Коленкура, содержаніемъ и слогомъ, напоминалъ обычныя рѣчи министра иностранныхъ дѣлъ въ сенатѣ. Представитель Франціи высокопарно распространялся о прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ отношеніяхъ европейской политики и не сказалъ ни слова на счетъ вопроса, о которомъ шло дѣло.

Сообщивъ свои замѣчанія, Коленкуръ присоединилъ къ нимъ слѣдующія документы:

№ 1. Ноту, составленную въ Франкфуртѣ, 9-го ноября 1813 года, барономъ де Сентъ-Эньяномъ.

№ 2. Письмо князя Меттерниха къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, изъ Франкфурта, отъ 25-го ноября 1813 года.

№ 3. Письмо герцога Виченцскаго къ князю Меттерниху, изъ Парижа, отъ 2-го декабря 1813 года.

№ 4. Франкфуртскую декларацію отъ 1-го декабря 1813 года.

№ 5. Извлеченіе изъ рѣчи принца-регента въ англійскомъ парламентѣ. (Принцъ-регентъ, излагая современное положеніе дѣлъ, сказалъ, что, со стороны его, никакое требованіе отъ Франціи, несовмѣстное съ ея пользами либо честью, не будетъ помѣхою миру).

Уполномоченные Союзныхъ Дворовъ отвѣчали представителю Франціи, что его замѣчанія не заключали въ себѣ определительнаго отзыва на проектъ представленный ими въ совѣщаніи 17-го февраля, и по тому неудовлетворяли требованію изъявленному въ засѣданіи 28-го февраля. Вмѣстѣ съ тѣмъ уполномоченные объявили, что помѣщеніемъ сихъ замѣчаній въ протоколъ не признавались официальными всѣ приложенные къ нимъ документы.

Представитель Франціи возразилъ, что тѣ изъ сихъ документовъ, коихъ нельзя признать официальными, по крайней мѣрѣ, достовѣрны и имѣютъ общую извѣстность.

Въ то время, когда уполномоченные Союзныхъ Дворовъ готовились прекратить засѣданіе, французскій министръ сообщилъ имъ другой документъ, подъ названіемъ словеснаго объявленія, заключавшій въ себѣ слѣдующія условія:

Императоръ Французовъ отказывается отъ всѣхъ титуловъ, выражающихъ владычество, покровительство, или конституціонное вліяніе на земли внѣ границъ Франціи, и признаетъ независимость: Испаніи, Италіи, Швейцаріи, Германіи и Голландіи. Кромѣ того, Коленкуръ объявилъ, что если, для устраненія поводовъ къ несогласію и для достиженія прочнаго мира между Франціею и Англіею, сочтутся нужными какія-либо уступки въ колоніяхъ, Франція готова ихъ сдѣлать за приличное вознагражденіе ([51]).

Въ засѣданіи 1-го (13-го) марта, уполномоченные Союзныхъ Дворовъ объявили Коленкуру, что «сообщенный имъ мемуаръ не можетъ подлежать обсужденію безъ затрудненія хода переговоровъ. Словесное-же объявленіе Г. уполномоченнаго Франціи, заключая въ себѣ только согласіе на нѣкоторые изъ пунктовъ проекта сообщеннаго въ засѣданіи 17-го февраля, не отвѣчаетъ ни совокупности, ни даже большей части содержащихся въ немъ условій, и по тому не можетъ считаться проектомъ французскаго правительства соотвѣтствующимъ предложеніямъ сдѣланнымъ Союзными Державами.

«Основываясь на томъ, уполномоченные Союзныхъ Дворовъ находятъ себя въ необходимости пригласить Г. герцога ви-

ченцскаго принять, либо отвергнуть сообщенный ими проектъ трактата, или доставить другой проектъ отъ себя (contreprojet).»

Это объявленіе подало поводъ къ продолжительному спору Союзныхъ уполномоченныхъ съ представителемъ Франціи. Напрасно Коленкуръ старался доказать, что, уступая земли за Рейномъ и Альпами, съ народонаселеніемъ семи милліоновъ, и отказываясь отъ вліянія на двадцать милліоновъ жителей, французское правительство соглашается на шесть седьмыхъ всего требуемаго Союзниками, и что касательно остальныхъ уступокъ, можно было войти въ соглашеніе. По словамъ его, это былъ настоящій ходъ переговоровъ, если не имѣли въ виду замѣнить ихъ капитуляціей, считая представителя Франціи какъ-бы обложеннымъ въ осажденной крѣпости, и тому под. Вообще-же его рѣчь отличалась многословіемъ и горячностью. Союзные дипломаты, напротивъ того, соблюдали совершенное спокойствіе, требуя опредѣлительнаго отвѣта; когда-же, по желанію Коленкура, совѣщаніе было прекращено и продолженіе его отложено до девяти часовъ вечера, они предупредили уполномоченнаго Франціи, что, на основаніи полученныхъ ими инструкцій, они будутъ просить его дать положительный отвѣтъ въ продолженіи сутокъ.

По возобновленіи засѣданія въ положенное время, Коленкуръ объявилъ, что онъ сообщитъ требуемый отъ него проектъ на другой день, въ девять часовъ вечера; въ случаѣ-же если не успѣетъ кончить къ тому времени своего труда, проситъ отложить совѣщаніе до утра, 15-го. Союзные уполномоченные настаивали, чтобы засѣданіе было отложено до 3-го (15-го) марта лишь въ случаѣ крайней необходимости, на что Коленкуръ изъявилъ согласіе. Такимъ образомъ съ трудомъ выигравъ полторы сутки, онъ надѣялся, въ продолженіи этого времени, получить отъ Наполеона разрѣшеніе на требуемыя Союзниками уступки. Безъ всякаго сомнѣнія, тогда уже дошли въ Шатильонъ свѣдѣнія о неудачныхъ дѣйствіяхъ французской арміи подъ Ланомъ, но Наполеонъ, по прежнему, оставлялъ своего министра въ совершенномъ невѣдѣніи о положеніи дѣлъ и

связывалъ его дѣйствія, запретивъ ему подписывать какія-либо условія безъ своего разрѣшенія. Слѣдовательно въ сущности представитель Франціи не имѣлъ полномочія для веденія переговоровъ, но продолжалъ ихъ, чтобы не разрушить ту слабую надежду на миръ, которая, по его мнѣнію, одна лишь могла вывести Наполеона изъ отчаяннаго положенія. Зная волю своего повелителя — не дѣлать никакихъ уступокъ внѣ такъ-называемыхъ естественныхъ границъ Франціи—Коленкуръ составилъ свой проектъ сообразно съ этими основаніями ([52]).

Представитель Франціи открылъ совѣщаніе 3-го (15-го) марта чтеніемъ составленнаго имъ проекта. Чувствуя самъ, что переговоры, по неволѣ веденные имъ несообразно съ положеніемъ дѣлъ, были напрасны, онъ немогъ скрыть безпокойствія и смущенія имъ овладѣвшихъ; его губы дрожали, его руки тряслись; едва слышнымъ голосомъ прочелъ онъ проектъ окончательнаго трактата между Франціей и Союзниками. Сущность его заключалась въ слѣдующемъ:

Е. В. Императоръ Французовъ отказывается отъ владѣнія иллирійскими провинціями, землями лежащими за Альпами, *кромѣ острова Эльбы,* и французскими департаментами по правую сторону Рейна (§ 3).

Имп. Фр. въ качествѣ Короля Италійскаго, отказывается въ пользу принца Евгенія отъ короны Италіи, которой границу со стороны австрійскихъ владѣній составитъ Адижъ (§ 4).

Онъ-же признаетъ: 1-е. Независимость Голландіи, съ расширеніемъ ея владѣній, подъ властью Дома Оранскаго, но съ условіемъ, чтобы она не принадлежала чужеземному государю; 2-е. Независимость Германіи; 3-е. Независимость Швейцаріи, гарантированную всѣми великими Державами; 4-е. Независимость Италіи; 5-е. Независимость Испаніи, подъ властью Фердинанда VII. (§ 6).

Возвращеніе Папѣ его владѣній, въ такомъ объемѣ, въ какомъ они были по толентинскому трактату, кромѣ герцогства беневентскаго (§ 7).

Принцесса Элиза и принцъ ваграмскій (Бертье) сохранятъ свои владѣнія (§§ 8 и 9).

Е. В. Король Саксонскій будетъ возстановленъ во владѣніи своимъ великимъ герцогствомъ (§ 10).

Великій герцогъ бергскій получитъ обратно свои владѣнія (§ 11).

Бременъ, Гамбургъ, Любекъ, Данцигъ и Рагуза будутъ объявлены вольными городами (§ 12).

Іоническіе острова будутъ принадлежать Италіи, а островъ Мальта останется во владѣніи Англіи (§§ 13 и 14).

Франція согласна за приличное вознагражденіе оставить во владѣніи Англіи тѣ изъ своихъ колоній, которыя желаетъ сохранить за собою великобританское правительство, за исключеніемъ Святыхъ острововъ принадлежащихъ къ Гваделупѣ (§ 15).

Особый конгрессъ устроитъ судьбу странъ уступленныхъ Императоромъ и опредѣлитъ денежное вознагражденіе лицамъ лишеннымъ своихъ владѣній (§ 16).

Во всѣхъ областяхъ, городахъ и крѣпостяхъ уступленныхъ Франціею, боевые припасы, магазины, арсеналы, корабли вооруженные и невооруженные, и вообще всѣ имущества, принадлежащія французскому правительству, останутся въ его владѣніи (§ 17).

Государственный долгъ уступленныхъ владѣній будетъ лежать на нихъ и на ихъ будущихъ обладателяхъ (§ 18).

Остальныя условія, предложенныя представителемъ Франціи, относились къ прекращенію военныхъ дѣйствій, порядку очищенія страны занятой Союзниками и крѣпостей уступленныхъ Французами, размѣну плѣнныхъ безъ выкупа, частныхъ интересовъ и ратификаціи трактата.

Съ удивленіемъ слушали уполномоченные Союзныхъ Дворовъ проектъ Коленкура. На основаніи полученныхъ ими инструкцій, отвѣтъ на его предложенія былъ отложенъ до слѣдующаго совѣщанія. За тѣмъ, когда уже прекратились пренія, Коленкуръ сталъ говорить о редакціи протокола настоящаго засѣданія и настаивалъ, чтобы его проектъ былъ принятъ для доклада Союзнымъ Государямъ (ad referendum). При этомъ онъ разгорячился такъ, что только величайшее

хладнокровіе Союзныхъ уполномоченныхъ не допустило до явной ссоры ихъ съ представителемъ Франціи. Наконецъ, удалось имъ убѣдить пылкаго дипломата, что его требованіе неимѣло никакого основанія ([53]).

Сущность отвѣта, сообщеннаго Коленкуру въ засѣданіи 6-го (18-го) марта, заключалась въ слѣдующемъ:

Союзныя Державы имѣютъ въ виду единственно возстановленіе политическаго равновѣсія. Представленный Г. уполномоченнымъ Франціи проектъ трактата совершенно противоположенъ этой цѣли. На основаніи заключающихся въ немъ условій, Франція сохранила-бы пункты, обладая коими она разстроивала не разъ спокойствіе Европы; опытъ прежнихъ событій также убѣдилъ, что владѣнія, принадлежавшія членамъ фамиліи Императора Наполеона, были независимы только по имени. Уклонясь отъ началъ трактата предъявленныхъ 17-го февраля, Союзные Державы не сдѣлали-бы ничего для спасенія Европы. Принимая во вниманіе, что образъ дѣйствій французскаго правительства выказываетъ желаніе замедлить переговоры и поселить въ народахъ Европы тщетную надежду мира, составляющаго главное условіе ихъ благоденствія, уполномоченные объявляютъ, что Союзныя Державы считаютъ переговоры открытые въ Шатильонѣ *оконченными со стороны французскаго правительства.* Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ поручено присовокупить къ сему объявленію, что Союзныя Державы *не ведутъ войны противъ Франціи,* что они считаютъ справедливый объемъ ея однимъ изъ первыхъ условій системы политическаго равновѣсія, но что они не положатъ оружія, пока французское правительство не согласится признать принятыя ими основанія общаго мира ([54]).

Въ этой деклараціи, присланной изъ главной квартиры, были пропущены по ошибкѣ кописта, или, (что гораздо вѣроятнѣе), впослѣдствіи прибавлены княземъ Меттернихомъ, два параграфа, изъ коихъ одинъ заключался въ изъявленіи готовности Союзныхъ уполномоченныхъ обсуживать, въ духѣ соглашенія, всякое измѣненіе ихъ проекта непротивное началамъ принятымъ въ предложеніяхъ Союзныхъ Дворовъ, а въ другомъ

упоминалось, что основанія предложенныя Союзниками были признаны справедливыми со стороны французскаго правительства, но что достаточно было нѣсколькихъ маловажныхъ успѣховъ Наполеона для измѣненія его намѣреній ([55]).

Въ послѣднемъ засѣданіи конгресса, 7-го (19-го) марта, Коленкуръ старался доказать, что, въ продолженіи переговоровъ, со стороны французскаго правительства была выказана уступчивость, что разрывъ не можетъ быть приписанъ Франціи, и что она готова продолжать, либо возобновить совѣщанія такимъ образомъ, который способствовалъ-бы наискорѣйшему прекращенію войны.

За тѣмъ Коленкуръ, выслушавъ параграфы, пропущенные въ сообщенной ему нотѣ, изъявилъ удивленіе, что о нихъ забыли въ документѣ, составленномъ на досугѣ, за нѣсколько дней до его предъявленія. На счетъ перваго пункта, представитель Франціи сказалъ, что «онъ весьма сожалѣетъ о постоянномъ отказѣ Союзныхъ уполномоченныхъ совокупно съ нимъ обсудить, какъ ихъ собственный проектъ, такъ и его отвѣтъ (contre-projet), что̀ совершенно несогласно съ ихъ деклараціей.» Касательно-же втораго пункта, онъ полагалъ, что «Европа рѣшитъ—кого слѣдуетъ обвинять въ отсрочкѣ переговоровъ и въ отказѣ предложенія вмѣстѣ съ обусловливавшимъ его перемиріемъ? Союзныя Державы постоянно подчиняли свои виды вліянію событій, вмѣсто того, чтобы, слѣдуя указаніямъ справедливости и умѣренности, стремиться къ возстановленію истиннаго равновѣсія Европы.»

Совѣщаніе окончилось объявленіемъ Союзныхъ уполномоченныхъ, что данное имъ полномочіе прекратилось, и что они получили приказаніе возвратиться въ главныя квартиры своихъ Государей ([56]).

По прекращеніи конгресса, графъ Стадіонъ прислалъ Коленкуру паспортъ для свободнаго проѣзда во французскую армію, но французскій министръ, желая обезпечить себя еще болѣе въ пути, просилъ графа Разумовскаго истребовать ему казачій конвой и въ сопровожденіи Донцевъ отправился къ Наполеону. По прибытіи въ Жуаньи (Joigny), 9-го (21-го)

марта, онъ нашелъ тамъ курьера съ письмами отъ Наполеона и Марè, отъ 5-го (17-го) изъ Реймса. Въ первомъ изъ нихъ, Наполеонъ разрѣшалъ своему представителю сдѣлать необходимыя уступки, лишь-бы только достигъ онъ очищенія французскихъ владѣнія и размѣна плѣнныхъ. Во второмъ, Марè изъявлялъ желаніе Наполеона удержать за собою Антверпенъ, въ случаѣ-же уступки его, потребовать вознагражденіе въ Италіи и всѣ потерянныя колоніи, со включеніемъ Иль-де-Франса; впрочемъ и въ этой депешѣ ему было разрѣшено сдѣлать всѣ уступки, которыя онъ сочтетъ необходимыми для предупрежденія разрыва переговоровъ ([57]). Меттернихъ, съ своей стороны, до полученія извѣстій о прекращеніи конгресса, писалъ къ Коленкуру, стараясь убѣдить его къ совершенной уступчивости: «Дѣла приняли весьма дурной оборотъ, господинъ герцогъ! Какъ только рѣшитесь на миръ, сдѣлавъ необходимыя пожертвованія, мы готовы заключить его, но не являйтесь къ намъ съ невозможными предложеніями. Вопросы поставлены такъ твердо, что право нельзя писать романы, не подвергая большой опасности Императора Наполеона......

«Питая къ вамъ неограниченное довѣріе, скажу, что для прекращенія опасностей угрожающихъ Франціи необходимо заключить миръ, и что это зависитъ отъ вашего государя. Быть-можетъ вскорѣ это уже будетъ зависѣть не отъ него».... ([58]).

Дѣйствительно—уже было поздно. Послѣдній случай, благопріятствовавшій Наполеону сохранить престолъ, былъ невозвратно упущенъ. Союзники, немедленно по разрывѣ конгресса, обнародовали декларацію, въ коей, вмѣстѣ съ изложеніемъ хода переговоровъ, были объяснены причины ихъ неудачи ([59]).

ГЛАВА XX.

Сраженіе подъ Феръ-Шампенуазомъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Положеніе Наполеона послѣ сраженія при Арси.—Бурбоны.—Талейранъ. — Витроль.

Бездѣйствіе блюхеровой арміи послѣ сраженія при Ланѣ.—Расположеніе Силезской арміи.—Число блюхеровыхъ войскъ.—Число и расположеніе войскъ Мармона и Мортье.—Наступленіе Союзниковъ къ Энѣ и переправа черезъ сію рѣку.—Расположеніе маршаловъ у Фимъ. — Предписаніе имъ — идти къ Витри. — Наступленіе блюхеровыхъ войскъ къ Шалону, Шато-Тіери и Суассону. Расположеніе ихъ 10-го (22-го) марта.

Планъ дѣйствій Наполеона послѣ сраженія при Арси. Движеніе его къ Витри и къ Сенъ-Дизье. Современныя движенія Союзниковъ. *Дѣло при Соммепюи*.

Перехваченное письмо Наполеона къ Маріи-Луизѣ. Военный Совѣтъ въ Пужи, 11-го (23-го) марта. Планъ дѣйствій Союзниковъ. Приказъ по случаю разрыва шатильонскаго конгресса.—Соединеніе армій. — Извѣстія полученныя въ главной квартирѣ Союзныхъ Монарховъ. Намѣреніе князя Шварценберга—идти въ слѣдъ за Наполеономъ. — Совѣщаніе въ Соммепюи. Новый планъ дѣйствій Союзниковъ—идти къ Парижу.—Расположеніе ихъ ввечеру 12-го (24-го) марта.— Движеніе Мармона и Мортье къ рѣкѣ Судъ. Современное расположеніе: Пакто и Амей, Компана, Ледрю-дезъ-Эссара.

Наступленіе Союзниковъ по направленію къ Парижу. *Сраженіе при Феръ-Шампенуазѣ*, 13-го (25-го) марта. Отступленіе Мармона и Мортье къ Аллеманъ и истребленіе дивизій Пакто и Амей. Сравненіе силъ обѣихъ сторонъ участвовавшихъ въ бою. Потери. Расположеніе Союзныхъ войскъ послѣ сраженія.

Послѣ разрыва шатильонскаго конгресса и сраженія при Арси, Наполеонъ находился въ безвыходномъ положеніи. Великія Державы еще въ началѣ похода соединили противъ Франціи, подъ знаменемъ независимости народовъ, всю Европу. Изъ всѣхъ властителей обязанныхъ Наполеону своимъ возвышеніемъ

оставался на престолѣ одинъ лишь Мюратъ, да и то—благодаря сношеніямъ его съ непріятелями Франціи. Многіе французскіе департаменты были завоеваны Союзниками; въ Италіи съ трудомъ удерживался вице-король, противопоставляя оружію и обольщеніямъ враговъ непоколебимость и великодушіе. Но еще участь Наполеона не была рѣшена: Императоръ Александръ, уважая права народовъ, попранныя Его противникомъ, хотя и былъ увѣренъ въ непрочности мира, пока царилъ Наполеонъ, однакоже предоставилъ рѣшить судьбу Франціи самимъ Французамъ. Отъ преданности ихъ Наполеону—всего болѣе отъ преданности ему Парижанъ—зависѣло: останется-ли онъ на престолѣ, или уступитъ мѣсто другому властителю.

Изъ всѣхъ Бурбоновъ, развѣнчанныхъ бурею Революціи и деспотисмомъ ея преемника—Наполеона, первымъ возвратился въ свои владѣнія Испанскій Король Фердинандъ VII-й. Наполеонъ, видя явную невозможность удержать за собою пиренейскій полуостровъ, дозволилъ Фердинанду отправиться въ Испанію. Выѣхавъ изъ Валансè (Valançay) 1-го (13-го) марта, онъ чрезъ нѣсколько дней прибылъ въ свою родную страну, гдѣ въ продолженіи шести лѣтъ жители, не щадя—ни имущества, ни жизни—сражались и гибли за царственнаго узника; но Французы, не успѣвъ покорить страны оружіемъ, внесли въ нее идеи порожденныя революціею; понятія и чувства народа совершенно измѣнились: вмѣсто безотчетной преданности Королю Фердинанду, явились домогательства къ пріобрѣтенію гражданскихъ правъ и недовѣріе къ правительству. Сильная партія Кортесовъ требовала, чтобы Король присягнулъ на соблюденіе составленнаго ими уложенія (конституціи).

Во Франціи Бурбоны были забыты. Молодёжь, возросшая подъ громомъ побѣдъ Имперіи, не помышляла о Короляхъ своихъ и даже какъ будто-бы не знала о существованіи на чужбинѣ потомковъ династіи въ теченіи сотней лѣтъ господствовавшей во Франціи. Дворяне знатнѣйшихъ фамилій, коихъ предки нѣкогда были надежнѣйшими опорами королевской власти, съ удивленіемъ спрашивали: «да ктоже это такіе герцогъ

д' Артуа̀ и герцогъ Ангулемскій»? Самъ глава Дома Бурбоновъ, Людовикъ XVIII, не найдя себѣ пристанища на материкѣ Европы, жилъ съ семействомъ своимъ въ Англіи безвѣстно, подъ именемъ графа Лилльскаго, и даже послѣ битвы народовъ при Лейпцигѣ оставался въ бездѣйствіи. Напрасно ревностные роялисты старались побудить его къ объявленію правъ для нихъ священныхъ; Людовикъ, старый, отвыкшій отъ всякой дѣятельности, отвѣчалъ: «я увѣренъ, что Союзники ничего для меня не сдѣлаютъ,» и предоставилъ проложить ему дорогу къ престолу своему брату герцогу д' Артуа̀ и его сыновьямъ герцогамъ Ангулемскому и Берри. Герцогъ Ангулемскій отправился моремъ въ Испанію и прибылъ 2-го февраля н. ст. въ главную квартиру англійской арміи. Мѣсяцъ спустя Веллингтонъ послалъ его, въ сопровожденіи англійскаго корпуса маршала лорда Бересфорда (1), въ Бордо. По прибытіи туда герцога, 12-го марта н. ст. жители, возбужденные своимъ меромъ, графомъ Линшемъ (Lynch) и другими роялистами, водрузили съ торжествомъ бѣлое знамя Бурбоновъ. Въ воззваніи тогда-же обнародованномъ, по приказанію мера, приглашались всѣ Французы вооружиться въ пользу «Короля Людовика XVIII.» Но Веллингтонъ, считая такую мѣру несвоевременною, запретилъ распространять это воззваніе и занялъ городъ своими войсками отъ имени Короля Великобританскаго.

Герцогъ Берри, еще въ генварѣ, былъ призываемъ какимъ-то пройдохою маркизомъ Романъ (Romans) въ Нормандію, гдѣ, по увѣренію маркиза, пятьдесять тысячъ роялистовъ готовились торжественно идти подъ начальствомъ принца къ Парижу. Но когда герцогъ прибылъ на островъ Джерзи (Jersey), то роялисты и не подумали возстать за него

Графъ д' Артуа̀, прибывъ 4-го (16-го) въ Нанси и 10-го (22-го) въ Везуль, напрасно старался склонить Союзниковъ въ свою пользу. Графъ Семеллѐ, бывшій пажъ Людовика XVI, пріѣхалъ изъ Парижа въ Дижонъ, чтобы возбудить тамъ возстаніе противъ Наполеона, но всѣ такія покушенія, какъ его, такъ и прочихъ роялистовъ, были запрещены главнокомандующимъ Южной Союзной арміи, Наслѣднымъ принцемъ гессенъ-гом-

бургскимъ. Союзники, раздѣляя мнѣніе Императора Александра, что слѣдовало предоставить рѣшеніе династическаго вопроса во Франціи самимъ Французамъ, не хотѣли подавать поводъ къ народнымъ движеніямъ; а жители страны оставались въ бездѣйствіи. Да и не могло быть иначе: французскія войска, по прежнему, сражались весьма храбро; всѣ парижскія газеты были наполнены реляціями о побѣдахъ ихъ и преувеличенными извѣстіями о грабежахъ и насиліяхъ производимыхъ Союзными войсками. Жители департаментовъ объятыхъ пламенемъ войны не сомнѣвались въ истинѣ этихъ слуховъ, будучи свидѣтелями разореній совершаемыхъ не только Союзниками, но и Французами, которые непощадили даже понъсюръ-сенскій замокъ, принадлежавшій матери ихъ Императора (2). Съ одной стороны надзоръ полиціи, весьма дѣятельной во времена Имперіи, а съ другой—страхъ внушаемый войсками обѣихъ сторонъ не позволялъ высказаться мирнымъ обитателямъ городовъ и селеній. Парижъ могъ подать сигналъ къ возстанію, но и тамъ многочисленная императорская полиція налагала оковы на общее мнѣніе. Въ такихъ обстоятельствахъ, когда никто изъ Французовъ неосмѣливался явно вооружиться противъ Наполеона, чего нельзя было достигнуть силою, то было сдѣлано хитростью. Изъ всѣхъ домашнихъ враговъ его справедливо считался опаснѣйшимъ Талейранъ. Наполеонъ, постигая вполнѣ умъ, изворотливость и дипломатическія способности бывшаго епископа отюнскаго, не умѣлъ однакоже ни привязать его къ себѣ, ни лишить его средствъ къ новымъ проискамъ Отъѣзжая въ армію, Наполеонъ оставилъ Талейрана въ Парижѣ членомъ совѣта регентства, и вмѣсто того, чтобы обласкать его, осыпалъ его упреками. Онъ сказалъ ему на-прямикъ, что онъ его знаетъ, что считаетъ его способнымъ на все, и что при первомъ сомнительномъ его шагѣ дастъ ему почувствовать свое негодованіе. За тѣмъ было поручено герцогу Ровиго (Савари) строго наблюдать за нимъ и за нѣкоторыми другими сановниками впавшими въ немилость Наполеона (3).

Безъ всякаго сомнѣнія, еслибы Наполеонъ и не оскорбилъ

Талейрана, еслибы даже былъ къ нему милостивъ, то все-таки не могъ-бы совершенно полагаться на его преданность. Какъ только Фортуна оставила своего любимца, то неслѣдовало ему надѣяться на вѣрность людей подобныхъ Талейрану, которые измѣняли каждому колеблющемуся правительству, являлись опорою каждаго другаго болѣе сильнаго, и заботясь только о собственныхъ выгодахъ, нестыдились повторять, что всегда служили одной и той-же Франціи.

Никто лучше Талейрана не могъ соединить и направить къ общей цѣли усилія различныхъ партій подавленныхъ Наполеономъ, но неуничтоженныхъ имъ. Происходя отъ одной изъ знатнѣйшихъ французскихъ фамилій и будучи въ молодости важнымъ сановникомъ церкви, Талейранъ сохранилъ связи съ роялистскою аристократіей и съ нѣкоторыми изъ почетныхъ лицъ высшаго духовенства, необращавшими вниманія на его отступничество, а признавъ, какъ совершившійся фактъ, уставы Революціи, и отслуживъ обѣдню на «алтарѣ отечества», въ день торжества федераціи 14-го іюля н. ст. 1790 года, онъ сдружился со многими изъ корифеевъ республиканской партіи, пользовался ихъ содѣйствіемъ, для достиженія важныхъ степеней на дипломатическомъ поприщѣ, и могъ надѣяться, что ненависть ихъ къ Наполеону, болѣе самовластному нежели бывшіе Короли Франціи, заставитъ ихъ принять сторону каждаго изъ враговъ Имперіи. Въ недовольныхъ тогда не было недостатка: Вандея не забыла Бурбоновъ и по прежнему готовилась пролить за нихъ кровь лучшихъ сыновъ своихъ, да и вообще усиленныя конскрипціи и поборы заставили Французовъ разлюбить слишкомъ дорого имъ стоившую военную славу.

Въ такихъ обстоятельствахъ, домъ Талейрана въ Сенъ-Флорентинской улицѣ сдѣлался сборнымъ мѣстомъ наполеоновыхъ непріятелей. Туда сходились люди разнородныхъ мнѣній и тенденцій; многіе изъ нихъ принадлежали къ духовенству. Тамъ встрѣчались герцогъ Дальбергъ, аббаты де-Прадтъ и Монтескю, баронъ Луи. Дальбергъ, потомокъ древней нѣмецкой фамиліи, племянникъ принца-примата, озлобленный про-

тивъ Наполеона передачею владѣній его дяди принцу Евгенію, человѣкъ замѣчательнаго ума и необыкновенно дѣятельный; аббатъ де-Прадтъ, послѣ неудачнаго посольства въ 1812 году въ Варшаву, удаленный въ свою эпархію, потомъ возвратился въ Парижъ и не скрывалъ ненависти къ Наполеону. Герцогъ и аббатъ Монтескю, агентъ Бурбоновъ, высланный изъ Парижа, возвратился туда тайкомъ и участвовалъ во всѣхъ замыслахъ враговъ Наполеона. Баронъ Луи принялъ съ жаромъ сторону Революціи, потомъ удалился съ прочими эмигрантами изъ Франціи, а по возвращеніи въ отечество посвятилъ себя изученію политической экономіи и выказалъ геніяльныя способности по части финансовъ. Тамъ-же можно было видѣть бывшихъ чиновниковъ королевскаго придворнаго штата, привлеченныхъ на службу Императорскаго Двора Наполеономъ, изъ тщеславія окружить себя людьми знатныхъ фамилій. Всѣ они, болѣе или менѣе, пользуясь почетными званіями и большимъ жалованьемъ, выжидали съ нетерпѣніемъ паденіе того, который въ глазахъ ихъ былъ не что иное какъ выскочка. Самъ Талейранъ выслушивалъ мнѣнія своихъ гостей съ благосклонною улыбкою, остерегался высказаться самъ и только лишь изрѣдка, на-единѣ, открывалъ собственныя намѣренія немногимъ изъ довѣренныхъ лицъ, въ особенности-же герцогу Дальбергу, который, будучи весьма ловокъ и имѣя многія связи, могъ болѣе всѣхъ содѣйствовать его замысламъ. Аббата де-Прадтъ онъ считалъ слишкомъ легкомысленнымъ, чтобы сколько-нибудь ему ввѣриться. Нерѣдко посѣщалъ онъ герцога Ровиго (Савари), подъ предлогомъ желанія узнать о ходѣ дѣлъ, изъявлялъ ему живѣйшее участіе въ подвигахъ французской арміи, соболѣзновалъ о неспособности многихъ сподвижниковъ Императора и горько жаловался, что такой великій человѣкъ не имѣетъ достойныхъ помощниковъ для исполненія своихъ геніяльныхъ намѣреній. Такимъ образомъ самое осужденіе современнаго порядка дѣлъ имѣло видъ преданности къ Наполеону и ослабляло слухи о козняхъ въ Сенъ-Флорентинскомъ дворцѣ, доходившіе сокровенными путями до министра полиціи.

Какъ Талейранъ, такъ и Дальбергъ, были убѣждены, что никакая попытка народнаго движенія въ пользу Бурбоновъ не была возможна пока Союзники дѣйствовали какъ-бы ощупью и вели переговоры съ Наполеономъ. Надлежало довести это обстоятельство до свѣдѣнія Союзныхъ Монарховъ. Въ числѣ обычныхъ посѣтителей Талейрана былъ дофинескій дворянинъ Витроль, (Vitrolles), человѣкъ умный и смѣлый, служившій нѣкогда въ арміи принца Кондѐ и въ послѣдствіи, благодаря покровительству Г. Монталивѐ, получившій званіе барона Имперіи и мѣсто инспектора казенныхъ мызъ. Тѣмъ не менѣе однакоже Витроль былъ готовъ на все изъ преданности къ Бурбонамъ, и когда Дальбергъ предложилъ ему отправиться въ главную квартиру Союзниковъ, онъ тотчасъ согласился взять на себя это опасное порученіе. Осторожный Талейранъ, не желая однакоже ввѣрить никому положительное доказательство своего участія въ заговорѣ противъ императорскаго правительства, ограничился совѣтами, которые Витроль долженъ былъ передать Союзнымъ Государямъ и министрамъ ихъ. Но кромѣ того, надлежало снабдить агента какимъ-либо документомъ, по предъявленіи коего, его порученіе приняло-бы полуофиціальный характеръ, и Дальбергъ, нещадившій себя для достиженія предположенной имъ цѣли, приготовилъ требуемую депешу. Получивъ ее, Витроль съ чужимъ паспортомъ отправился тайно по дорогѣ въ Санъ и пробрался съ необычайными затрудненіями чрезъ обѣ арміи, французскую и Союзную, въ главную квартиру коалиціи 26-го февраля (10-го марта) ([4]). Тамъ вручилъ онъ графу Нессельроде небольшой лоскутокъ бумаги, на которомъ, по вымочкѣ его въ соленой водѣ, оказались слѣдующія слова: «La personne, que je vous envoie, est de toute confiance. Ecoutez la et reconnaissez moi. Jl est tems d'être plus clair. Vous marchez avec de bequilles; servez vous de vos jambes et voulez, ce que vous pouvez». (Особа, мною посылаемая къ вамъ, заслуживаетъ вполнѣ ваше довѣріе. Выслушайте ее и узнайте меня. Пора объясниться. Вы двигаетесь на костыляхъ; станьте на ноги и пожелайте, что̀ можете) ([5]). Наполеонъ хотя и не зналъ ничего объ этихъ интригахъ, однакоже подозрѣвалъ

Талейрана въ сношеніяхъ съ роялистами и предложилъ ему пріѣхать на конгрессъ въ Шатильонъ, гдѣ Коленкуръ могъ наблюдать за дѣйствіями хитраго дипломата. Когда-же Талейранъ уклонился отъ этого порученія, Наполеонъ заключилъ, что онъ считалъ паденіе Имперіи неизбѣжнымъ ([6]).

Союзники, въ отвѣтъ на предложенія сообщенныя Витролемъ, изъявили ему свое намѣреніе—невмѣшиваться въ династическій вопросъ Франціи. Даже и тогда, когда несговорчивость Наполеона повела къ разрыву шатильонскаго конгресса, Союзные Монархи хотя и выказались нѣсколько благосклоннѣе къ роялистамъ, однакоже не прежде сдѣлали рѣшительный шагъ въ пользу Бурбоновъ, какъ уже подойдя къ Парижу ([7]).

Вообще-же положеніе Наполеона, окруженнаго непріятелями извнѣ и внутри Имперіи, истощившаго послѣднія средства и встрѣчавшаго на каждомъ шагу измѣну, либо равнодушіе къ себѣ, было безвыходно.

Въ то самое время, когда потеря Французами сраженія при Арси отняла у нихъ надежду противодѣйствовать съ успѣхомъ Главной Союзной арміи,. Южная армія Наслѣднаго принца гессенъ-гомбургскаго заняла второй городъ Имперіи—Ліонъ (*), а Блюхеръ оттѣснилъ оставленные противъ него корпусы Мортье и Мармона и готовился войти въ связь съ княземъ Шварценбергомъ.

Сраженіе при Ланѣ (Laon) не имѣло тѣхъ послѣдствій, которыхъ можно было ожидать, при значительномъ превосходствѣ силъ Силезской арміи, послѣ пораженія Мармона. Тяжкіе труды боевой жизни въ холодную ненастную погоду разстроили здоровье стараго фельдмаршала. Несмотря на военныя способности ближайшихъ сподвижниковъ его, Гнейзенау и Мюффлинга, и корпусныхъ командировъ, Сакена, Іорка, Бюлова, графа Воронцова, никто не могъ замѣнить Блюхера, и побѣдоносная Силезская армія оставалась въ бездѣйствіи цѣлую недѣлю. Правда—причиною тому отчасти было изнуреніе

(*) *Глава XXVI-я.*

войскъ, но войска наполеоновы находились еще въ худшемъ состояніи, что однакоже не помѣшало имъ разбить Сенъ-Пріеста подъ Реймсомъ и послѣ трехъ-дневнаго отдыха двинуться далѣе къ Обѣ.

Какъ въ это время разореніе страны между Эною и Марною и наполеоновы декреты о всеобщемъ вооруженіи угрожали Союзникамъ народною войною, то Блюхеръ, въ воззваніи къ жителямъ, объявилъ объ успѣхахъ одержанныхъ его арміей, увѣщевая ихъ оставаться спокойными, и грозилъ, въ противномъ случаѣ, строгою карою (8).

Послѣ сраженія при Ланѣ только лишь корпусъ Винцингероде расположился при семъ городѣ; прочія-же войска Блюхера для удобнѣйшаго продовольствія заняли довольно обширное пространство: корпусы Іорка и Клейста—въ окрестностяхъ Краона; Сакенъ—между Ланомъ и Суассономъ; корпусы Бюлова и Ланжерона двинулись чрезъ Нойонъ (Noyon) и Ла-Фѣръ (La-Fère) на правую сторону Уазы. Блюхеръ предполагалъ, по прибытіи Наслѣднаго шведскаго принца, съ арміей имъ собранною въ Сѣверной Германіи, въ Нидерланды, присоединить къ своимъ войскамъ корпусъ герцога саксенъ—веймарскаго и направить его, вмѣстѣ съ корпусами Бюлова, Ланжерона и Сакена, по правому берегу Уазы, къ Парижу. Но, между тѣмъ, Кронъ-принцъ снова возбудилъ противъ себя недовѣрчивость Союзниковъ. По прибытіи съ шведскими войсками въ Литтихъ, онъ остановился тамъ, и когда Бюловъ послалъ офицеровъ въ Клевъ, для формированія ландверовъ въ рейнскихъ провинціяхъ, Наслѣдный принцъ запретилъ эти вооруженія, потому что, по словамъ его, «они нарушали прежніе трактаты съ Франціей, именно уступку лѣваго берега Рейна.» Такіе двусмысленные поступки Бернадотта заставили Блюхера оставить герцога саксенъ-веймарскаго въ Бельгіи, и отказавшись отъ содѣйствія его корпуса, измѣнить направленіе своихъ войскъ. 5-го (17-го) марта, вся Силезская армія была сосредоточена на лѣвомъ флангѣ, въ окрестностяхъ Краона, за исключеніемъ корпуса Бюлова, стоявшаго у Лана. Число блюхеровыхъ войскъ, по присоединеніи 8-го корпуса графа Сенъ-Пріеста, поступившаго

подъ начальство генерала Рудзевича, вообще простиралось до 109 тысячъ человѣкъ (9), именно:

	Русскихъ войскъ.		Прусскихъ войскъ	
Пѣхоты. .	1,329 оф. и	39,404 н. ч.	853 оф. и	28,810 н. ч.
Кавалеріи .	986 — —	19,674 — —	439 — —	8,083 — —
Артиллеріи	155 — —	5,472 — —	110 — —	3,763 — —
Всего.	2,470 — —	64,550 — —	1,402 — —	40,656 — —

—

По выступленіи Наполеона отъ Реймса къ Обѣ, корпусы Мармона и Мортьѐ, всего въ числѣ около 20,000 человѣкъ, (10) оставались для обороны теченія Эны, первый близъ Бери-о-бакъ, а второй у Суассона, откуда Мортьѐ перешелъ въ Реймсъ. Силы маршаловъ были недостаточны для удержанія Силезской арміи, и къ тому-же Мортьѐ, какъ старшій въ чинѣ, считался начальникомъ обоихъ корпусовъ, а общее распоряженіе ихъ дѣйствіями было предоставлено Мармону: такое двойственное управленіе имѣло весьма невыгодныя послѣдствія (11).

6-го (18-го) марта, Союзники двинулись къ переправамъ на Энѣ: корпусъ Іорка къ Бери-о-бакъ, корпусъ Клейста къ Понтаверу, а легкій отрядъ генералъ-адъютанта Чернышева къ Асфельду (Asfeldt). Какъ только войска Іорка подошли къ берегу рѣки у Бери-о-бакъ, то Мармонъ взорвалъ мостъ; покушеніе Клейста навести понтонный мостъ у Понтавера также было безуспѣшно; но когда казаки Чернышева переправились въ бродъ у Асфельда и обошли непріятеля съ праваго фланга французскія войска, оставя обѣ свои позиціи, отступили къ Фимъ, гдѣ соединились корпуса Мармона и Мортье. По отступленіи Французовъ, отрядъ маіора Коломба, полковникъ Блюхеръ съ двумя кавалерійскими полками и Цитенъ съ резервною кавалеріей клейстова корпуса немедленно перешли въ бродъ черезъ Эну и преслѣдовали Французовъ; а въ ночи, по наведеніи моста у Понтавера, переправилась 9-я прусская пѣхотная бригада. На слѣдующій день, 7-го (19-го), по возобновленіи моста у Бери-о-бакъ, остальныя войска Клейста и корпусъ Іорка, также переправясь черезъ Эну, двинулись въ слѣдъ за авангардами къ Фимъ. Корпусъ Винцингероде, перейдя черезъ

Эну при Бери-о-бакъ и Асфельдѣ, направился къ Реймсу, корпуса Ланжерона и Сакена достигли Бери-о-бакъ и Понтавера, а Бюловъ подошелъ къ Суассону (12).

Позиція, занятая Мармономъ и Мортье за рѣкою Вель (Vesle), у Фимъ, представляла тактическія выгоды, но подвергала маршаловъ опасности быть совершенно разобщенными отъ Наполеона; впрочемъ самъ Наполеонъ побудилъ ихъ двинуться къ Фимъ, предписавъ имъ прикрывать Парижъ. Когда-же въ ночи съ 8-го (20-го) на 9-е (21-е) они получили приказаніе идти на соединеніе съ Наполеономъ къ Витри, чрезъ Реймсъ, или чрезъ Эпернè, тогда эти пути уже были преграждены войсками Блюхера, и французскимъ корпусамъ неоставалось ничего болѣе какъ немедленно выступить отъ Фимъ на Феръ-ан-Тарденуа (Fère-en-Tardenois) къ Шато-Тіери и пробираться къ Витри окольными путями (13). Одновременно съ отступленіемъ Наполеона отъ Арси, Винцингероде, шедшій въ головѣ лѣвой колонны Блюхера, (состоявшей исключительно изъ русскихъ войскъ), занявъ Реймсъ, выслалъ легкую кавалерію своего корпуса къ Эпернè, гдѣ она вошла въ связь съ двумя казачьими полками отряженными генераломъ Тетенборномъ изъ Шалона. На слѣдующій день, 11-го (23-го), графъ Воронцовъ съ пѣхотою корпуса Винцингероде прибылъ въ Шалонъ, кавалерія его достигла Ватри, авангардъ Чернышева расположился у Соммесу, отрядъ Тетенборна перешелъ изъ Шалона къ Судъ-Сенъ-Круà (Soude-St-Croix). Еще на-канунѣ, корпусы Главной Союзной арміи, 4-й Кронъ-принца виртембергскаго, 5-й графа Вреде и 6-й генерала Раевскаго, стали у Корбейль (Corbeil) и Дампьеръ, выдвинувъ авангарды Ожаровскаго и Палена къ Метьерселенъ (Metiercellin) и Люйстру (Luistre). Передовыя войска обѣихъ Союзныхъ армій, находясь одни отъ другихъ въ разстояніи небольшаго перехода, легко могли соединиться между собою. Корпусы Ланжерона и Сакена расположились у Реймса, куда перешла и главная квартира Блюхера. Корпусы Іорка и Клейста, вытѣснивъ Мармона и Мортьè изъ Шато-Тіери, переправились черезъ Марну; корпусъ Бюлова стоялъ подъ Суассономъ (14).

Послѣ сраженія при Арси, Наполеонъ могъ отказаться отъ дѣйствій на сообщенія Главной Союзной арміи, отступить чрезъ Сезаннъ по направленію къ Парижу, и усилясь корпусами Мармона и Мортье, а равно остальными депо̀, сосредоточить силы для прикрытія своей столицы, либо двинуться сначала по дорогѣ къ Витри и потомъ обратиться на путь дѣйствій князя Шварценберга, къ Шомону и Лангру, присоединить къ арміи отъ 10-ти до 12-ти тысячъ человѣкъ, собранныхъ въ Мецѣ изъ гарнизоновъ крѣпостей генераломъ Дюрюттъ, и возбудить народную войну въ тылу Союзниковъ. Наполеонъ предпочелъ послѣдній способъ дѣйствій, необративъ вниманія на то, что главнымъ условіемъ успѣха его и существованія Имперіи было владѣніе Парижемъ, гдѣ сосредоточивалось управленіе всей страны.

10-го (22-го) марта, Наполеонъ съ гвардіей перешелъ Марну въ бродъ у Фриньикура (Frignicourt) и выслалъ Нея съ дивизіей Лефо̀ля и съ кавалеріей Бриша и Леритьѐ, къ Витри, для овладѣнія этою крѣпостью, занятою пятью тысячами тремястами человѣкъ съ сорока орудіями Союзныхъ войскъ ([15]), подъ начальствомъ прусскаго полковника Швихова. По открытіи канонады съ обѣихъ сторонъ, Ней потребовалъ сдачу крѣпости. Комендантъ, желая выиграть время, просилъ, чтобы ему было разрѣшено послать офицера въ главную квартиру Союзной арміи. Французы несогласились на это предложеніе. Канонада возобновилась, но Наполеонъ, неимѣя въ виду предпринять нападеніе открытою силою, отвелъ войска Нея къ Витри-ле-Брюлѐ (Vitry-le-Brûlé); дивизіи Фріана, Генріона и Летора стали у Фаремонъ (Faremont), на дорогѣ изъ Витри въ Сенъ-Дизьѐ; Макдональдъ, съ 2-мъ и 11-мъ корпусами, кавалерійскою дивизіей Трельяра и кавалеріей Себастіани — на высотахъ у Дононъ (Dosnon); наконецъ Удино̀, съ дивизіями Леваля и Ротембурга, на правой сторонѣ Обы, противъ Арси. Графъ Вреде могъ-бы атаковать непріятеля на маршѣ его къ Витри, но князь Шварценбергъ положительно запретилъ ему вдаваться въ бой до прибытія прочихъ Союзныхъ корпусовъ. Главнокомандующій сперва хотѣлъ сосредоточить армію за рѣч-

кою Пюи (Puis), но потомъ, когда обнаружилось движеніе главныхъ силъ Наполеона къ Витри, положено было, для сохраненія сообщеній съ сею крѣпостью, двинуться къ Корбейль, гдѣ къ вечеру собрались 4-й и 5-й корпусы; за ними, между Доннеманъ и Доммартенъ стали резервы; 6-й корпусъ Раевскаго расположился у Дампьеръ. 3-й, Гіулая, оставался на лѣвой сторонѣ Обы, подъ Арси ([16]).

11-го (23-го), Наполеонъ оставя Нея, съ двумя пѣхотными и двумя кавалерійскими дивизіями ([17]), близъ Витри, двинулся, съ гвардіей и четырьмя кавалерійскими дивизіями ([18]), къ Сенъ-Дизьè, гдѣ шедшая въ головѣ колонны дивизія Пирè захватила понтонную роту подполковника Шишкина (корпуса Ланжерона) и нѣсколько сотъ человѣкъ въ плѣнъ. Макдональдъ, съ 2-мъ и 7-мъ пѣхотными корпусами, также выступилъ на разсвѣтѣ въ слѣдъ за прочими войсками. Его артиллерійскій паркъ, остававшійся подъ прикрытіемъ дивизіи Амей (11-го корпуса) у Сенъ-Сатюрненъ, получилъ приказаніе подняться вверхъ по теченію рѣчки до Плёръ (Pleurs) и идти далѣе на Семуанъ (Semoine) и Соммепюи. Генералъ Амей, долженствовавшій прикрывать паркъ, вмѣсто того, по недоразумѣнію, повернулъ изъ Плёръ къ Сезаннъ. Оставленный безъ прикрытія паркъ былъ настигнутъ легкою гвардейскою кавалеріей, подъ начальствомъ графа Ожаровскаго, у Соммепюи. Командиръ парка построилъ его въ каре и хотѣлъ обороняться съ четырьмя или пятьюстами канонеровъ и саперъ; но когда нѣсколько гранатъ попавшихъ въ паркъ угрожали взрывомъ зарядныхъ ящиковъ, Французы стали уходить съ лошадьми, оставя на мѣстѣ всѣ орудія. Генералъ Жераръ, тогда двигавшійся въ арріергардѣ корпуса Удинò отъ Дононъ по направленію къ Витри, ускорилъ маршъ своихъ войскъ и подойдя къ Соммепюи, заставилъ Ожаровскаго отступить по направленію къ Метьерселенъ. Четырнадцать орудій и триста плѣнныхъ были захвачены; остальныя двѣнадцать орудій загвождены. Графъ Ожаровскій, въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ, приписалъ успѣхъ его своему адъютанту капитану Зыбину ([19]).

Въ тотъ-же день, корпусы Макдональда, перейдя черезъ

Марну, въ Фриньикурѣ, по мосту на козлахъ, расположились въ окрестностяхъ Витри, а войска Нея двинулись къ Сенъ-Дизьѐ ([20]).

Союзники вовсе не ожидали, чтобы Наполеонъ устремился на ихъ сообщенія. Изъ направленія принятаго Мармономъ генералъ Гнейзенау заключилъ, что Французы сосредоточивали силы на Обѣ, чтобы дать рѣшительное сраженіе Главной Союзной арміи, и по тому Блюхеръ хотѣлъ ударить имъ въ тылъ. Съ этою цѣлью, три русскіе корпусы должны были идти къ Арси, а корпусы Іорка и Клейста настойчиво преслѣдовать Мармона. Но едва лишь были сдѣланы распоряженія къ этимъ дѣйствіямъ, какъ пришло въ главную квартиру Силезской арміи отъ генерала Тетенборна перехваченное казаками письмо Наполеона къ супругѣ его Маріи-Луизѣ, ([21]) слѣдующаго содержанія:

«Mon amie! J'ai été tous ces jours-ci à cheval. Le 20 j'ai pris Arcis-sur-Aube. L'ennemi m'y attaqua à huit heures du soir le même jour; je l'ai battu et lui ai fait 4,000 mille morts; je lui ai pris 2 pièces de canon et 2 obusiers quittés.

«Le 21, l'armée ennemie s'est mise en bataille, pour protéger la marche de ses armées sur Brienne et Bar-sur-Aube. J'ai pris le parti de me porter sur la Marne, afin de les pousser plus loin de Paris et me rapprocher de mes places. Je serai ce soir à St. Dizier. Adieu, mon amie, embrassez mon fils.

Napoléon.»

(Мой другъ! Нѣсколько дней не сходилъ я съ лошади. 20-го числа я взялъ Арси на Обѣ; непріятель атаковалъ меня тогоже дня въ восемь часовъ вечера; я разбилъ его, побилъ 4,000 человѣкъ и взялъ 4 орудія. 21-го, непріятельская армія построилась къ бою для прикрытія движенія прочихъ войскъ къ Бріеннѣ и Баръ-сюръ-Объ. Желая удалить ее отъ Парижа и приблизиться къ моимъ крѣпостямъ, я пошелъ къ Марнѣ. Сегодня вечеромъ буду въ Сенъ-Дизьѐ. Прощай, мой другъ, поцѣлуй сына).

Получивъ это письмо, Блюхеръ приказалъ снять съ него копію, а оригиналъ послалъ Императрицѣ Маріи-Луизѣ, при-

совокупивъ къ нему записку на французскомъ языкѣ, изъ коей Парижане могли видѣть, что Наполеонъ былъ отрѣзанъ Союзниками отъ своей столицы. Копія-же съ наполеонова письма была немедленно отправлена къ князю Шварценбергу ([22]).

Тогда–же было перехвачено слѣдующее письмо барона Фена къ Императрицѣ Маріи–Луизѣ:

«Madame!

«L' Empereur, qui vient de se jetter sur son lit, m'ordonne d'expedier une estafette pour annoncer à Votre Majesté que l'armée a passé la Marne près Vitry et que nous sommes entrés ce soir à St. Dizier.

«Le bruit se repand que notre cavalerie legère a pris un parc de 500 voitures.

«Le tems est toujours très beau et quoique l'armée n'ait suivi que des routes de traverse pour venir d'Arcis à Vitry, sa marche n'a éprouvé aucun obstacle.

«Je suis avec un respect profond,» etc.

(Императоръ только-что легъ отдохнуть, приказавъ мнѣ послать къ В. В. нарочнаго, съ извѣстіемъ, что армія перешла черезъ Марну близъ Витри, и что мы сегодня заняли Сенъ-Дизьè.

«Слухъ носится, что наша легкая кавалерія захватила паркъ въ 500 повозокъ.

«Погода, по прежнему, стоитъ прекрасная, и хотя войска двигались отъ Арси къ Витри по просёлочнымъ дорогамъ, однакоже совершили этотъ переходъ безъ остановокъ) ([23]).

Въ продолженіи 10 (22), въ Главной Союзной арміи оставались въ совершенной неизвѣстности, и даже не знали о расположеніи корпусовъ Макдональда у Донона, въ разстояніи неболѣе 12-ти верстъ отъ Корбейль и Дампьеръ, гдѣ стояли передовые Союзные корпусы. Довольно трудно объяснить, какимъ образомъ могло это случиться при множествѣ легкихъ войскъ двигавшихся въ авангардѣ Главной арміи. Самъ фельдмаршалъ, находясь въ невѣдѣніи о непріятелѣ, приказалъ ввечеру 10-го (22-го) составить, на всякій случай, двѣ диспозиціи для дѣйствій 11-го (23-го) марта.

1) Въ случаѣ движенія Наполеона къ Шалону, корпусы Вреде, Кронъ-принца и Раевскаго должны были перейти черезъ рѣчку Пюи и направиться въ Соммепюи, Донону и Люйстру; по отступленіи-же непріятеля, корпусу Раевскаго предписано занять Гербиссъ; резервамъ—идти къ Метьерселенъ; Гіулаю—оставаться въ Арси.

2) Въ случаѣ движенія Наполеона къ Витри, приказано: графу Вреде идти по дорогѣ къ сему городу до Ле-Пертъ (Les Pertnes) и занять Соммепюи, Кронъ-принцу — расположиться за лѣвымъ флангомъ корпуса Вреде, у Метьерселенъ, Барклаю де-Толли съ резервами—за правымъ флангомъ корпуса Вреде, впереди Сомсуà (Somsois), Раевскому—при Люйстрѣ, Гіулаю—подъ Арси ([24]).

Въ продолженіи дня, 11-го (23-го), были получены въ главной квартирѣ арміи, находившейся въ Пужи (Pougy), письмо Наполеона перехваченное Тетенборномъ и донесеніе о переходѣ Винцингероде черезъ Марну и соединеніи авангардовъ его и графа Палена близъ Пуаврь (Poivre). Какъ главнокомандующій съ начальникомъ штаба арміи, графомъ Радецкимъ, тогда отправился черезъ Самерю въ Сентъ-Уэнъ, для развѣданія о дѣйствіяхъ передовыхъ корпусовъ, то Союзные Монархи послали къ нему курьера съ приглашеніемъ возвратиться въ Пужи. Тамъ, въ три часа по полудни, собрался у Императора Александра Военный Совѣтъ, на которомъ, кромѣ Россійскаго и Прусскаго Монарховъ, присутствовали князь Шварценбергъ, графъ Радецкій, нѣсколько генераловъ австрійскаго главнаго штаба и князь Волконскій. Весьма замѣчательно, что австрійскіе генералы прежде всего предложили на обсужденіе Совѣта вопросъ: возможноли было, сдѣлавъ ускоренное фланговое движеніе на Вандёвръ, Баръ-сюръ-Сенъ и Шатильонъ, предупредить непріятеля и прикрыть сообщенія съ Рейномъ? Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться отчаяннымъ движеніемъ Наполеона въ тылъ Главной Союзной арміи, австрійскій штабъ заботился о собственномъ спасеніи. Къ счастью Союзниковъ, «отступленіе къ Рейну, сопряженное съ большими опасностями, упадкомъ духа войскъ и возстаніемъ жителей

страны,» было отвергнуто. Надлежало предпринять что-либо другое: Союзники рѣшились сперва соединить Главную армію съ Силезскою, а потомъ дѣйствовать обѣими въ совокупности въ тылъ и фланги Наполеона. Сообразно тому, Главная армія получила приказаніе идти въ слѣдующую-же ночь къ Шалону; въ случаѣ-же еслибы непріятель сильно занималъ сей пунктъ и не сочтено было умѣстнымъ атаковать его, хотѣли устроить мосты въ другомъ мѣстѣ и перейти по нимъ черезъ Марну. Вмѣстѣ съ тѣмъ положили немедленно извѣстить о всѣхъ принятыхъ мѣрахъ находившагося въ Баръ-сюръ-Объ Императора Франца, чтобы онъ, вмѣстѣ со всѣми дипломатами, отправился чрезъ Баръ-сюръ-Сенъ и Шатильонъ въ Дижонъ ([25]).

Фельдмаршалъ, донося о томъ своему Государю, съ сокрушеннымъ сердцемъ писалъ: «чего недостаетъ мнѣ въ отношеніи къ средствамъ (Ressourcen), то надѣюсь вознаградить превосходствомъ въ числѣ войскъ и неменѣе моего сомнительнымъ положеніемъ непріятеля. Находящіеся здѣсь Монархи совершенно согласились въ томъ, что нельзя было принять никакихъ другихъ мѣръ, и это одно лишь ободряетъ меня рѣшиться на такое важное и опасное дѣло» ([26]).

Тогда-же были посланы офицеры въ Баръ-сюръ-Объ, Шомонъ и Лангръ, съ предписаніями перевести оттуда всѣ парки и обозы на дорогу ведущую въ Дижонъ ([27]).

По случаю разрыва совѣщаній въ Шатильонѣ, князь Шварценбергъ отдалъ въ сей день слѣдующій приказъ:

«Воины Союзныхъ армій! Надежда Державъ на скорое возстановленіе мира исчезла. Ни ваши побѣды, ни уничтоженіе цѣлыхъ непріятельскихъ армій, ни бѣдствія постигшія лучшія области Франціи—ничто немогло привести французское правительство на путь умѣренности и справедливости! Переговоры въ Шатильонѣ прекратились. Въ продолженіи одного похода вы разрушили преобладаніе Франціи надъ другими странами и завоевали половину Французской Имперіи, и не смотря на то Франція мечтаетъ о завоеваніяхъ. Не довольствуясь обезпеченіемъ самостоятельности, свободы и спокойствія Франціи, правительство ея желаетъ сохранить всѣ средства посягать на

наше спокойствіе, нашу свободу и самостоятельность, расширеніемъ границъ Имперіи и вліяніемъ на другія государства. Только лишь тогда, когда вы обезпечите отечеству обладаніе сими высшими благами, вы окончите достославную борьбу. Да будетъ Франція счастлива и свободна, но не на счетъ благополучія и свободы другихъ государствъ. Побѣдители при Кульмѣ, при Лейпцигѣ, при Ганау, при Бріеннѣ! На васъ обращены взоры Европы, въ вашихъ рукахъ участь всего Свѣта! Еще нѣсколько мгновеній, и онъ признаетъ въ васъ своихъ избавителей. Не забывайте въ сей рѣшительный часъ, что вы должны считать врагами только противящихся вамъ. Не заставьте великій народъ страдать за упорство своего властителя. Сама Франція сочувствуетъ вамъ; желанія Европы будутъ исполнены» ([28]).

Въ ночи на 12-е (24-е) марта, войска Главной Союзной арміи расположились слѣдующимъ образомъ: графъ Вреде съ 5-мъ корпусомъ, двигавшійся ближе всѣхъ къ войскамъ Удино при отступленіи ихъ за Марну, ограничился сопровожденіемъ непріятеля съ фланга (den Feind in seiner rechten Flanke zu begleiten). Въ 11 часовъ вечера, авангардъ Фримона выбилъ Французовъ изъ селенія Курдеманжъ, но они воспользовались темнотою ночи для перехода черезъ Марну въ Фриньикурѣ и дальнѣйшаго отступленія къ Сенъ-Дизьè. 5-й корпусъ сталъ на бивакахъ позади Курдеманжъ. Резервы остановились на нѣсколько часовъ у Сенъ-Шеронъ (St. Chéron); графъ Ожаровскій, съ легкою гвардейскою кавалеріей, близъ Сомсуà; изъ войскъ 4-го корпуса Кронъ-принца только лишь кавалерія наткнулась у Гранъ-Труанъ на двигавшуюся въ арріергардѣ Удино кавалерію и захватила часть непріятельскаго обоза; главныя-же силы Кронъ-принца прибыли уже около полуночи въ Соммепюи. 6-й корпусъ Раевскаго съ 2-ою кирасирскою дивизіей дошелъ до Пуавръ, а графъ Паленъ съ авангардомъ своимъ до Суде-Сенъ-Круà (Soudé.-St-Croix); 3-й корпусъ графа Гіулая прибылъ къ Мальи; отрядъ Сеславина, переправясь еще наканунѣ, 10-го (22-го), черезъ Обу при Планси, преслѣдовалъ непріятеля, а потомъ ввечеру 11 (23) получилъ

приказаніе обратиться къ Феръ-Шампенуазу, для открытія связи съ корпусами Іорка и Клейста. Обозы, собранные въ Бріеннѣ, двигались къ Шалону, съ прикрытіемъ Л. Гв. Преображенскаго полка, казачьяго полка Рябинина и отряда Кайсарова, подъ общимъ начальствомъ генералъ-адъютанта Розена (29).

Императоръ Александръ, Король Прусскій и князь Шварценбергъ, выѣхавъ изъ Пужи въ 8 часовъ вечера, переправились по пловучему мосту въ Ножанѣ-сюръ-Объ, по прибытіи въ Дампьеръ оставались тамъ до полуночи, а потомъ, продолжая дальнѣйшій путь по лѣвому берегу рѣчки Пюи, остановились на-разсвѣтѣ въ Соммепюи. Тамъ было получено извѣстіе, что главныя силы Силезской арміи находились въ Реймсѣ и Шато-Тіери, и что генералъ Винцингероде, занявъ Шалонъ, прибылъ, съ кавалеріей своего корпуса, въ Ватри (30). Авангардъ его, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Чернышева, былъ выдвинутъ къ Соммесу, а отрядъ Тетенборна къ Судесенъ-Круа (31): такимъ образомъ Союзныя арміи, соединившись между собою, совершенно разобщили Наполеона отъ Мармона и Мортье, перешедшихъ къ Этожу, а равно отъ подкрѣпленій къ нему шедшихъ изъ Парижа.

Въ продолженіи краткаго пребыванія Союзныхъ Монарховъ въ Дампьерѣ, получены были отъ Чернышева и Тетенборна перехваченныя ими письма, въ числѣ коихъ находились донесенія Наполеону различныхъ сановниковъ правительства, объ истощеніи общественной казны, магазиновъ и боевыхъ запасовъ, а также о всеобщемъ неудовольствіи и жаждѣ мира, господствовавшихъ въ странѣ, и особенно въ Парижѣ. Министръ полиціи (*) доносилъ, что тамъ было множество вліятельныхъ лицъ враждебныхъ правительству, и что въ случаѣ сближенія Союзной арміи къ столицѣ онъ не отвѣчаетъ за ея спокойствіе. Эти важныя извѣстія убѣдили фельдмаршала, что не было никакой необходимости продолжать движеніе къ Шалону, и въ особенности когда и безъ того уже соединились Союзныя арміи. Главнокомандующій, рѣшась идти въ слѣдъ за Наполеономъ,

(*) Савари, герцогъ Ровиго.

отправился, около десяти часовъ утра, изъ Соммепюи по дорогѣ въ Витри; туда-же поѣхалъ и Король Прусскій. Императоръ Александръ, оставшись въ Соммепюи, приказалъ генералъ-адъютанту князю Волконскому пригласить графа Барклая де-Толли и генералъ-лейтенантовъ Дибича и Толя въ комнату Государя, и когда они собрались, предложилъ имъ вопросъ: «какъ надлежало дѣйствовать по соединеніи Союзныхъ «армій? Идти-ли въ слѣдъ за Наполеономъ и атаковать его «превосходными силами, или, маскируя наше движеніе частью «силъ, направиться прямо къ Парижу?» Какъ Государь прежде всѣхъ обратился къ Барклаю де-Толли, желая знать его мнѣніе, то фельдмаршалъ, взглянувъ на карту, сказалъ: «надобно со всѣми силами идти за Наполеономъ и атаковать его какъ только съ нимъ встрѣтимся.» Генералъ Дибичъ, стоявшій возлѣ Барклая, предложилъ: «отрядить отъ сорока до пятидесяти тысячъ человѣкъ къ Парижу, а съ прочими преслѣдовать Наполеона.» По мнѣнію-же генерала Толя, надлежало: «отрядить корпусъ въ десять тысячъ человѣкъ, преимущественно составленный изъ кавалеріи, въ слѣдъ за Наполеономъ, а съ арміями Блюхера и князя Шварценбера идти форсированными маршами къ Парижу.» Когда-же Государь сталъ поддерживать мнѣніе Толя, Дибичъ сказалъ: «ежели Ваше Величество желаете возстановить Бурбоновъ, то лучше всего идти со всѣми силами на Парижъ.» Государь отвѣчалъ: «здѣсь дѣло идетъ не о Бурбонахъ, а о сверженіи Наполеона.»

За тѣмъ было приступлено къ примѣрному разсчету — во сколько переходовъ Союзники могли достигнуть Парижа. Очевидно было, что, по мѣрѣ сближенія къ столицѣ Франціи, на первомъ маршѣ они удалялись отъ наполеоновой арміи на два перехода, на второмъ—на четыре, и т. д. и что, слѣдовательно, овладѣвъ Парижемъ, могли имѣть довольно времени для разрушенія господства наполеонова и для встрѣчи его, еслибы онъ обратился къ Парижу. По словамъ Толя: «генералъ-адъютантъ князь Волконскій, во все время нашихъ разсужденій, находился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стола, какъ адъютантъ, который ожидаетъ приказанія своего генерала.»

По окончаніи Военнаго Совѣта, Государь, желая сообщить принятое Имъ мнѣніе Королю Прусскому и князю Шварценбергу, приказалъ подать лошадь и въ сопровожденіи своего штаба поскакалъ въ слѣдъ за войсками. Проѣхавъ нѣсколько верстъ и настигнувъ Короля и фельдмаршала, Императоръ Александръ сошелъ съ лошади, приказалъ генералу Толю разослать на землѣ карту и объяснилъ Самъ предположенныя мѣры. Король Прусскій и князь Шварценбергъ съ восторгомъ приняли его предложенія (32). По свидѣтельству лорда Бургерша (Burghersh), «Императоръ Александръ настойчиво убѣж-«далъ Своихъ союзниковъ въ необходимости движенія къ Па-«рижу. Король Прусскій и русскіе генералы—князь Волконскій, «Дибичъ и Толь поддерживали Его мнѣніе и князь Шварцен-«бергъ, не смотря на противорѣчіе многихъ лицъ своего шта-«ба, согласился съ мнѣніемъ Государя и тотчасъ измѣнилъ «свои прежнія распоряженія Немедленно всѣмъ корпусамъ «были посланы приказанія остановиться, а генералу Винцин-«героде, съ кавалеріей его корпуса, идти къ Сенъ-Дизьѐ, что-«бы привлечь на себя вниманіе непріятеля и прикрыть дви-«женіе Союзниковъ къ Парижу» (33).

Императоръ Александръ, не зная достовѣрно, гдѣ тогда находился Блюхеръ, немедленно извѣстилъ Ланжерона и Воронцова о принятомъ Союзниками намѣреніи—направить обѣ арміи къ Парижу, а Король Прусскій и князь Шварценбергъ увѣдомили о томъ-же Блюхера (34). Получивъ это свѣдѣніе, старый фельдмаршалъ шумно выразилъ свою радость: «теперь не только у насъ, а вездѣ: впередъ! Я зналъ, что мой храбрый братъ Шварценбергъ будетъ за-одно со мною, Теперь скоро покончимъ,»—сказалъ онъ (35). Намѣреніе — идти на Парижъ быстро распространилось въ обѣихъ Союзныхъ арміяхъ и возвысило духъ войскъ.

12-го (24-го), ввечеру, корпусы Главной арміи, не переходя за Марну, расположились по лѣвую сторону сей рѣки, у Витри, дугою отъ Принжи до Курдеманжъ; главная квартира Союзныхъ Монарховъ и князя Шварценберга находилась въ Витри. Арріергардъ наполеоновой арміи былъ преслѣдованъ

сперва Московскимъ драгунскимъ полкомъ и нѣсколькими прусскими эскадронами, изъ гарнизона Витри, а въ три часа по полудни генералъ Винцингероде, съ ввѣреннымъ ему отрядомъ (*), пройдя чрезъ крѣпость, устремился въ слѣдъ за непріятелемъ. Корпусы Ланжерона, Сакена и пѣхота Воронцова и Строгонова стояли у Шалона, гдѣ расположилась главная квартира Блюхера; корпусы Іорка и Клейста перешли черезъ Марну при Шато-Тіери; кавалерія Кацлера и Цитена прибыла къ Жанвильѐ и Монмиралю ([36]).

Со стороны Французовъ, Мармонъ и Мортьѐ выступили утромъ 12-го (24-го) отъ Этожа на соединеніе съ Наполеономъ. Какъ въ это время они уже знали о движеніи Блюхера къ Шалону, то имъ слѣдовало остерегаться нападенія съ лѣваго фланга. Генералъ Бельяръ предложилъ двинуться на Феръ-Шампенуазъ, чтобы, выйдя на прямое сообщеніе Наполеона съ Парижемъ, въ случаѣ необходимости отступить на Сезаннъ, и къ тому-же такое направленіе нисколько неудаляло ихъ отъ Наполеона, потому что разстоянія Витри отъ Феръ-Шампенуаза и Ватри (Vatry) почти одинаковы. Но Мармонъ предпочелъ идти на Ватри и убѣдилъ маршала Мортьѐ двинуться по тому-же направленію. Къ вечеру маршалы расположились на рѣкѣ Судъ, Мармонъ у Суде-Сенъ-Круа̀, въ разстояніи около 12-ти верстъ отъ ближайшихъ войскъ Главной Союзной арміи, а Мортье—у Ватри. Рекогносцировки, произведенныя отъ обоихъ корпусовъ, удостовѣрили маршаловъ, что Шалонъ былъ занятъ Русскими, и что на дорогѣ въ Витри стояли значительныя силы Союзной арміи. Эти извѣстія подтвердилась разъѣздами посланными въ ночи въ различныя стороны. Дивизіи Пакто и Амей, въ числѣ около 6,000 человѣкъ, оставшіяся назади при движеніи Макдональда къ Арси, соединились въ Сезаннѣ и вмѣстѣ съ парками и обозами, шедшими къ наполеоновой арміи, перешли ввечеру 12 (24) къ Этожу, въ надеждѣ примкнуть къ войскамъ Мармона и Мортьѐ, а потомъ, на разсвѣтѣ, прибыли къ Бержѐръ. Сезаннъ, весьма важный пунктъ, на соединеніи нѣ-

(*) Дѣйствія отряда Винцингероде изложены въ главѣ XXI-й.

скольких дорогъ, былъ занятъ тысячью восемьюстами конскриптовъ, подъ начальствомъ генерала Компана, а въ Мо стояла новосформированная дивизія Ледрю-дезъ-Эссара (Ledru-des-Essarts), въ числѣ 2,100 человѣкъ (37).

На слѣдующій день, 13 (25), главныя силы Союзниковъ двинулись къ Парижу по двумъ направленіямъ: войска Главной арміи, за исключеніемъ отряда Винцингероде, отъ Витри къ Сезаннъ, а Блюхеръ, съ состоявшими при немъ русскими корпусами, отъ Шалона къ Этожу, кромѣ пѣхоты графа Воронцова, оставленной на-время въ Шалонѣ, чтобы преградить путь Мармону, еслибы онъ туда двинулся по дорогѣ изъ Коммесу. Союзники еще наканунѣ знали о движеніи Французовъ по направленію къ Витри. Французы также знали о расположеніи па дорогѣ въ Витри сильной Союзной арміи, и потому надлежало имъ отступить на-встрѣчу подкрѣпленіемъ шедшимъ изъ Парижа и присоединивъ ихъ къ своимъ войскамъ, замедлять по возможности наступленіе Союзниковъ, не вдаваясь въ рѣшительное сраженіе. Но Мармонъ не зналъ о новомъ направленіи принятомъ главными силами Союзныхъ армій и хотѣлъ, въ случаѣ движенія ихъ въ слѣдъ за Наполеономъ, дѣйствовать имъ въ тылъ (38).

Войска Главной Союзной арміи выступили съ Марны 13-го (25-го) марта двумя колоннами. Въ три часа утра двинулся Наслѣдный принцъ виртембергскій, съ корпусами Раевскаго и своимъ, по большой дорогѣ ведущей къ Феръ-Шампенуазу; въ авангардѣ пѣхоты шла кавалерія графа Палена (39) и принца Адама виртембергскаго (40); нѣсколько позже выступили резервы по дорогѣ изъ Курдеманжъ на Соммепюи и Монтепрё (Montepreux). Корпусы Вреде и Гіулая слѣдовали въ резервѣ. Сухая погода и ровная, непересѣченная мѣстность между Марною и Судою способствовали войскамъ идти по сторонамъ большой дороги исключительно предоставленной для движенія артиллеріи.

Въ восемь часовъ утра, кавалерія Палена подошла къ Суде-Сенъ-Круа. Какъ только Мармонъ замѣтилъ наступленіе Союзниковъ, то пригласилъ Мортьè присоединиться къ нему. Но

для перехода отъ Ватри къ Судè было необходимо не менѣе двухъ часовъ, въ продолженіи коихъ Мармонъ не могъ удерживаться въ занятой имъ позиціи, и по тому было-бы гораздо основательнѣе назначить для сосредоточенія силъ пунктъ у Соммесу. Въ ожиданіи прибытія войскъ Мортьè, Мармонъ поспѣшно построилъ свой корпусъ на высотахъ Судè-Сенъ-Круà, и вслѣдъ за тѣмъ завязалась канонада. Замѣтивъ колебаніе въ непріятельскихъ войскахъ, графъ Паленъ и принцъ Адамъ рѣшились немедленно атаковать ихъ; генералъ-маіоръ Дехтеревъ, съ Ольвіопольскими и Лубенскими гусарами, направился въ обходъ лѣваго фланга Французовъ; еще правѣе, къ Доммартенъ л'Эстрè (Dommartin l'Estrée), двинулся для прикрытія праваго фланга Союзниковъ генералъ Лисаневичъ съ Чугуевскими уланами и Иловайскій 12-й съ тремя казачьими полками; съ фронта противъ непріятеля расположились 12 конныхъ орудій 23-й роты полковника Маркова, съ прикрытіемъ Сумскихъ и Гродненскихъ гусаръ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Делянова; за ними, въ резервѣ, стала 2-я кирасирская дивизія; кавалерія-же принца Адама пошла въ обходъ праваго фланга Французовъ. Мармонъ, не осмѣливаясь оставаться на своей позиціи, сталъ отступать къ Соммесу. Двѣ стрѣлковыя роты, оставленныя для замедленія акаки Союзниковъ въ селеніи Судè-Сенъ-Круà, были окружены и положили оружіе; генералъ Бордесуль съ своими кирасирами кинулся въ помощь этой пѣхотѣ, но былъ опрокинутъ съ урономъ.

Графъ Паленъ, рѣшась неотступно преслѣдовать непріятеля, двинулся за нимъ въ слѣдъ по большой дорогѣ, съ гусарами, кирасирами и 8-ю конными орудіями, а Чугуевскій полкъ и казаковъ съ остальными 4-мя конными орудіями отрядилъ вправо къ Эстрè (Estrée), для удержанія войскъ Мортьè приближавшихся со стороны этого селенія къ Соммесу; тогда-же виртембергская кавалерія пошла въ обходъ непріятеля съ праваго фланга. Мармонъ, отойдя къ Соммесу, расположилъ, вправо отъ этого селенія, войска къ бою, чтобы выждать присоединеніе своего товарища. Кавалерія стала въ двѣ линіи за батареями, за нею—пѣхота. Союзники, подойдя къ его позиціи,

были встрѣчены огнемъ тридцати орудій и принуждены остановиться. Пользуясь тѣмъ, маршалы успѣли построить войска по обѣ стороны Соммесу; корпусъ Мортье сталъ влѣво отъ этого селенія, а полковникъ Гиньи (Ghigny) съ 8-мъ маршевымъ кавалерійскимъ полкомъ на оконечности лѣваго крыла, для наблюденія за казаками Иловайскаго. Канонада у Соммесу продолжалась около двухъ часовъ. Французы собрали здѣсь болѣе 60-ти орудій, которымъ Союзники могли противопоставить только 36. Позиція непріятеля была однакоже невыгодна тѣмъ, что чрезъ средину ея протекалъ болотистый ручей, разобщавшій войска на двѣ отдѣльныя части, а фланги были совершенно открыты. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ прибытіемъ на поле сраженія австрійской кирасирской дивизіи графа Ностица, въ числѣ 2,300 человѣкъ (41), побудило маршаловъ отойти далѣе, принявъ нѣсколько вправо, чтобы примкнуть фланги къ болотистымъ рѣчкамъ. Войска отступали въ шахматномъ порядкѣ. Графъ Паленъ атаковалъ кавалерію и опрокинулъ въ центрѣ кирасировъ Бордесуля; генералъ Бельяръ, съ дивизіей Русселя, кинулся съ лѣваго крыла, чтобы ударить во флангъ русскимъ гусарамъ, но его драгуны, будучи атакованы второю линіей графа Палена, были опрокинуты и собрались за легкою кавалерійскою дивизіею генерала Мерлена (Merlin). Хотя 8-му французскому конно-егерскому полку, бросившемуся въ эскадронной колоннѣ въ атаку, удалось задержать кавалерію Палена, однакоже она продолжала преслѣдовать непріятеля и въ продолженіе его отступленія отъ Соммесу къ Ленгàръ (Lenhare) захватила пять орудій. Одновременно съ дѣйствіями Палена, 4-й виртембергскій конно-егерскій полкъ, поддержанный австрійскими гусарами Эрцгерцога Фердинанда, ударилъ на правое крыло непріятельской линіи и опрокинулъ его; но атака двухъ французскихъ уланскихъ полковъ во флангъ кирасирскому полку Лихтенштейна, слѣдовавшему за гусарами, и сильный картечный огонь заставили Союзниковъ отступить.

Уже было около двухъ часовъ по полудни. Въ продолженіи шести часовъ, непріятели, видя противъ себя только лишь кавалерію, надѣялись, не смотря на понесенныя ими потери, от-

ступить въ порядкѣ къ Феръ-Шампенуазу, но въ довершеніе ихъ разстройства внезапно поднялся сильный восточный вѣтеръ. Французы, сперва ослѣпляемые пылью, а потомъ поражаемые въ лице проливнымъ дождемъ съ градомъ, лишились возможности отражать атаки; пѣхота съ замокшими ружьями отбивалась штыками; въ такихъ обстоятельствахъ, надлежало непріятелю переходить черезъ глубокій оврагъ у селенія Конантрѐ (Conantray). Между тѣмъ Барклай, слыша сильную канонаду въ авангардѣ, приказалъ идти ему въ помощь графу Ожаровскому съ Л. Гв. драгунскимъ и уланскимъ полками и хотѣлъ послать за 3-ею кирасирскою дивизіей, но находившійся тогда при немъ генералъ Депрерадовичъ, представивъ, что эта дивизія по отдаленности не могла поспѣть во время, просилъ дозволенія идти въ дѣло съ своими четырьмя полками, со времени перехода за Рейнъ еще ни разу не бывшими въ огнѣ. Получивъ разрѣшеніе, Депрерадовичъ повелъ дивизію съ одною ротою гвардейской конной артиллеріи. Кавалергарды и за ними прочіе полки понеслись на рысяхъ ([42]).

Французскіе маршалы, отступая къ Конантрѐ, пустили впередъ пѣхоту, оставя въ арріергардѣ конницу, но она вскорѣ была сбита графомъ Паленомъ и ушла за пѣхоту, снова построенную въ нѣсколько каре. Отойдя къ оврагу у Конантрѐ, Французы попали подъ выстрѣлы гвардейской батареи, которая, вмѣстѣ съ Конно-гвардейскимъ и Лейбъ-драгунскимъ полками, подъ личнымъ начальствомъ Цесаревича Константина Павловича, обошла оврагъ въ лѣво. Лейбъ-уланскій полкъ, подъ командою генералъ–маіора Чаликова, ударилъ во флангъ непріятелю, а Депрерадовичъ, съ полками Кавалергардскимъ и Л. Гв. кирасирскимъ Его Величества, атаковалъ и смялъ непріятельскую конницу, а потомъ изрубилъ два каре бригады Жамена (Jamin) и преслѣдовалъ бѣгущаго непріятеля до селенія Конантрѐ ([43]). Въ тоже время Союзники настойчиво преслѣдовали центръ и лѣвое крыло французской арміи. 4-й виртембергскій конно–егерскій полкъ три раза ходилъ въ атаку на каре Молодой гвардіи и взялъ два орудія; за тѣмъ генералъ Іеттъ, съ симъ-же полкомъ и съ австрійскими гусарами эрц-

герцога Фердинанда, въ четвертый разъ атаковалъ то-же каре, прорвалъ его и изрубилъ большую часть стоявшей въ немъ пѣхоты. Между тѣмъ буря усилилась; отъ дождя и дыма сгустился мракъ до того, что нельзя было различать предметы въ нѣсколькихъ шагахъ; два раза маршалы въѣзжали въ кареи, изъ опасенія быть увлеченными своею разстроенною конницею. Наконецъ, около трехъ часовъ по полудни, погода прояснѣла; порядокъ и твердость фланговыхъ дивизій Рикара и Христіани способствовали французской кавалеріи перейти черезъ оврагъ и устроиться по другую сторону его. «Тѣмъ неменѣе однакоже—по словамъ французскаго историка—смятеніе отступавшихъ войскъ было столь велико, что 24 орудія, болѣе 60-ти зарядныхъ ящиковъ и значительный обозъ были брошены впереди Конантрѐ» ([44]); появленіе отряда Сеславина на дорогѣ изъ селенія Плёръ (Pleurs) поразило непріятеля паническимъ страхомъ. «Артиллерія, конница, пѣхота, все стремглавъ бѣжало къ Феръ-Шампенуазу» ([45]). При атакахъ и преслѣдованіи непріятеля отъ Конантрѐ взято съ боя и найдено на полѣ сраженія болѣе сорока орудій, именно: Кавалергардскимъ полкомъ 6, Конно-гвардейскимъ 6, Кирасирскимъ Его Величества 3, Л. Гв. уланскимъ 6, Л. Гв. драгунскимъ 2 и войсками графа Палена 20 ([46]). Маршалы уже отчаявались устроить войска свои, когда прибывшій изъ Сезанны полковникъ Леклеркъ, съ 9-мъ маршевымъ полкомъ тяжелой кавалеріи, дебушировалъ изъ селенія Феръ-Шампенуазъ и пройдя въ совершенномъ порядкѣ чрезъ бѣжавшую толпу, бросился на встрѣчу передовымъ Союзнымъ войскамъ и далъ время корпусамъ Мармона и Мортьѐ собраться на высотахъ Линта (Linthes). Войска построились въ двѣ линіи: пѣхота на лѣвомъ крылѣ, въ баталіонныхъ колоннахъ; кавалерія—на правомъ, частью въ развернутомъ фронтѣ, частью въ полковыхъ колоннахъ. Въ этотъ самый моментъ раздался слѣва гулъ канонады. Внезапно въ рядахъ еще неуспѣвшихъ устроиться Французовъ съ быстротою молніи распространяется слухъ, что самъ Наполеонъ идетъ имъ въ помощь. Раздаются восклицанія уже много разъ сопровождавшія побѣду: «Vive l'Empereur!» (Да здравствуетъ Императоръ!). Тѣ самые солдаты,

которые искали спасенія въ бѣгствѣ, просятъ, чтобъ ихъ опять вели противъ непріятеля. Кирасиры генерала Бордесуль кидаются въ атаку, но будучи встрѣчены картечью виртембергскихъ батарей и атакованы съ фланга отрядомъ Сеславина, принуждены отступать вмѣстѣ съ прочими войсками, при чемъ достались въ добычу казакамъ 9 орудій и множество различныхъ повозокъ. Союзныя легкія войска преслѣдовали непріятеля до Аллеманъ (Allemant), куда Французы прибыли уже въ девять часовъ вечера ([47]).

Отступленію корпусовъ Мармона и Мортье много способствовало появленіе на полѣ сраженія, со стороны Шалона, довольно сильной французской колонны. Это были дивизіи генераловъ Пакто и Амей, въ числѣ около 6,000 человѣкъ, съ 16-ю орудіями, паркомъ и большимъ подвижнымъ магазиномъ, прибывшія на разсвѣтѣ 13 (25) къ Бержеръ (Bergères). Пактò еще въ ночи послалъ офицера за приказаніемъ къ Мортьè, въ Ватри, и желая, какъ можно скорѣе, присоединиться къ нему, не дождался отвѣта и выступилъ туда самъ съ войсками въ восьмомъ часу утра По прибытіи къ Виллъсенё (Villesseneux) въ десять часовъ, онъ получилъ отъ маршала, еще не знавшаго о передвиженіи его отряда, приказаніе остаться у Бержèръ. Войска, двигаясь почти всю ночь, были весьма утомлены; лошади падали отъ усталости, и по тому Пактò, на основаніи полученной отъ Мортье депеши, (въ которой не было ни слова о появленіи Союзной арміи въ Шалонѣ и на дорогѣ въ Витри), считалъ себя совершенно безопаснымъ и надѣялся имѣть достаточно времени, чтобы накормить лошадей и дать людямъ отдыхъ, но едва лишь онъ успѣлъ расположиться у Виллъсенё, какъ былъ атакованъ кавалеріей генералъ-лейтенанта Корфа, двигавшеюся въ авангардѣ блюхеровой арміи по дорогѣ изъ Шалона въ Бержèръ. Утромъ, по прибытіи къ Тиби (Thibie), Корфъ получилъ, отъ производившаго рекогносцировку влѣво отъ большой дороги генерала Гнейзенау, извѣстіе о движеніи по направленію къ Витри французской колонны съ паркомъ и обозомъ. Генералъ Корфъ, съ бывшею при немъ кавалеріей ([18]) и съ казачьимъ отрядомъ Карпова, взявъ на первый разъ съ

собою только четыре орудія конной роты № 8-го, тотчасъ двинулся на рысяхъ къ Жерминонъ (Germinon), перешелъ тамъ черезъ рѣчку Сомме-Судъ и настигъ непріятеля расположеннаго между Виллъсенё и Треконъ (Trecon). Здѣсь стояли французскія войска въ баталіонныхъ колоннахъ, съ двумя батареями впереди фронта пѣхоты, правымъ флангомъ къ Виллъсенё, прикрывъ лѣвый большимъ каре; обозы и парки находились позади линіи. Генералъ Корфъ, подойдя къ непріятелю на пушечный выстрѣлъ, и замѣтивъ, что обозы стояли за его правымъ крыломъ, поручилъ атаковать его генералъ-лейтенанту Панчулидзеву, съ Черниговскими и Каргопольскими драгунами, а самъ съ прочими полками повелъ нападеніе на центръ и въ обходъ лѣваго фланга Французовъ. Малочисленная конница Пактò, въ самомъ началѣ боя, обратилась въ бѣгство и большею частью захвачена въ плѣнъ казаками; пѣхота, напротивъ того, съ содѣйствіемъ артиллеріи, оборонялась упорно полтора часа; но удачная атака Митавскихъ драгунъ на лѣвое крыло заставила непріятеля въ полдень сняться съ позиціи и отступать вверхъ по рѣчкѣ къ селенію Кламанжъ; пользуясь тѣмъ, генералъ Панчулидзевъ, съ Каргопольскимъ и Черниговскимъ полками, бросился на правое крыло Французовъ, опрокинулъ его, захватилъ въ плѣнъ цѣлый баталіонъ и овладѣлъ частью обоза и парка. Вагенбургъ, построенный по четыре повозки въ рядъ, подъ прикрытіемъ пѣхоты, отступавшей въ шахматномъ порядкѣ, отошелъ съ трудомъ къ селенію Кламанжъ, но генералъ Пактò, не надѣясь спасти паркъ и не имѣя времени истребить его, приказалъ отпрячь изъ подъ него лошадей и отдать ихъ въ артиллерію. Для этого надлежало остановиться у Кламанжъ; чтобы сколько-нибудь задержать русскую кавалерію, маіоръ Каль (Caille) занялъ это селеніе двумя баталіонами, подъ прикрытіемъ коихъ непріятель, бросая всѣ свои обозы и паркъ, построилъ пѣхоту въ шесть каре, расположилъ ихъ въ шахматномъ порядкѣ, поставилъ батареи между кареями первой линіи и продолжалъ отступать къ Экюри (Ecury-le-Repos). Какъ въ это самое время подоспѣли Дерптскій и Сѣверскій полки, то генералъ Корфъ приказалъ артиллеріи капитану Фохту открыть

огонь картечью по войскамъ оставленнымъ въ Кламанжѣ и атаковалъ ихъ Дерптскими и Лифляндскими драгунами, подъ командою генералъ-маіоровъ графа Палена 2-го и Хрущова. Множество Французовъ было изрублено и взято въ плѣнъ. Тогда-же Корфъ получилъ извѣстіе, что два казачьихъ полка, отряженные Карповымъ по направленію къ Витри, захватили въ плѣнъ 47 офицеровъ и до 500 нижнихъ чиновъ и взяли много обозовъ.

Въ четыре часа по полудни, Пактò, достигнувъ селенія Экюри, приказалъ бригадѣ Делорта перестроиться изъ каре въ колонны къ атакѣ и двинуться противъ полковъ графа Палена 2-го, угрожавшихъ отрѣзать путь отступленія Французовъ; войска Палена были принуждены податься назадъ, но вслѣдъ за тѣмъ подоспѣла кавалерія генералъ-адъютанта Васильчикова ([49]), которая тотчасъ направилась въ тылъ войскамъ Пактò одновременно съ фронтальнымъ наступленіемъ Корфа ([50]).

Императоръ Александръ, Король Прусскій и князь Шварценбергъ выѣхали изъ Витри утромъ въ девять часовъ по большой дорогѣ ведущей чрезъ Судъ-Сенъ-Круà въ Феръ-Шампенуазъ. Вдали была слышна канонада, отдалявшаяся по мѣрѣ наступленія Союзныхъ войскъ. Безпрестанно приходили донесенія объ одержанныхъ успѣхахъ. Достигнувъ Соммесу и видя множество раненыхъ Французовъ, лежавшихъ на полѣ битвы, Государь приказалъ подобрать ихъ двумъ эскадрономъ Лейбъ-казаковъ Своего конвоя, а Самъ отправился далѣе и прибывъ въ Феръ-Шампенуазъ, гдѣ для главной квартиры былъ назначенъ ночлегъ, предложилъ Королю и князю Шварценбергу ѣхать въ авангардъ. При немъ оставались нѣсколько лицъ Его свиты и одинъ Лейбъ-казачій эскадронъ (4-й эскадронъ находился при главной квартирѣ, въ Феръ-Шампенуазѣ). Вскорѣ мимо Государя прошла рысью 23-я конная рота, отставшая отъ кавалеріи графа Палена для пополненія зарядовъ. Чрезъ нѣсколько минутъ прискакалъ офицеръ съ запискою отъ генерала Кретова къ графу Палену. Князь Волконскій, взявъ эту депешу, усмотрѣлъ, что Кретовъ извѣщалъ Палена о движеніи непріятеля въ тылъ Союзникамъ, къ Феръ-Шампенуазу. Князь

Шварценбергъ, узнавъ о содержаніи записки, изъявилъ сомнѣніе въ достовѣрности показанія Кретова, а Государь съ неудовольствіемъ сказалъ князю Волконскому: «Какой вздоръ! Тебѣ всегда непріятель двоится.» Союзные Монархи, не обративъ вниманія на полученное извѣстіе, поѣхали далѣе, и вскорѣ передъ ними появились войска двигавшіяся прямо на Феръ-Шампенуазъ со стороны Шалона. Какъ оттуда не слѣдовало идти ни Союзникамъ, ни Французамъ, то Государь остановился и поручилъ развѣдать о томъ генералъ-маіору князю (Никитѣ) Волконскому, а фельдмаршалъ — своему адъютанту, графу Кламму. Лишь только подъѣхали посланные къ приближавшейся пѣхотѣ, по нимъ обоимъ были сдѣланы выстрѣлы. Императоръ Александръ, удостовѣрясь, что къ Феръ-Шампенуазу подходилъ непріятель, разослалъ во всѣ стороны за войсками свою свиту, велѣлъ также воротить 23-ю конную роту и отдалъ ее въ распоряженіе прусскаго генерала Рауха. Полковникъ Марковъ, зарядивъ свои орудія картечами сверхъ ядеръ и гранатъ и выждавъ, пока непріятель подошелъ на ближайшій картечный выстрѣлъ, открылъ ускоренную пальбу; но какъ Французы тогда стояли въ лощинѣ, то ядра пущенныя въ нихъ долетали до гусаръ Васильчикова, который, будучи тѣмъ введенъ въ заблужденіе, счелъ батарею Маркова непріятельскою и выдвинувъ нѣсколько орудій, приказалъ открыть по ней огонь. Четыре русскія ядра полетѣли на высоту, гдѣ стоялъ Государь. Къ счастью недоразумѣніе вскорѣ объяснилось. Васильчиковъ послалъ доложить Императору, что его дивизія стоитъ позади Французовъ, а Государь велѣлъ сказать ему и Корфу, чтобы они не слишкомъ тѣснили непріятеля, но дали время артиллеріи разстроить его. Уже было около пяти часовъ по полудни, когда Государь, замѣтивъ колебаніе въ рядахъ непріятеля, послалъ приказаніе Корфу и Васильчикову — атаковать его. Французы отступали въ четырехъ каре; одно изъ нихъ, не выждавъ нападенія, положило оружіе; генералъ-лейтенантъ Бороздинъ, съ Каргопольскимъ и Новороссійскимъ полками, атаковалъ другое, въ которомъ находился самъ Пактò, разсѣялъ непріятелей и взялъ семь орудій. Но

прочія французскія войска, сомкнувшись въ одно большое каре, подъ начальствомъ генераловъ Амей и Тевенѐ (Thévenet), продолжали отступать къ сенъ-гондскимъ болотамъ, надѣясь тамъ найти вѣрное убѣжище. Со стороны Союзниковъ безпрестанно прибывали войска; пѣхота Раевскаго бѣгомъ шла на выстрѣлы, однакоже день уже склонялся къ вечеру и остальные Французы могли спастись. Но генералъ Депререрадовичъ, съ Кавалергардскимъ полкомъ и четырьмя орудіями 6-й конной роты, двинувшись на рысяхъ черезъ Малый-Моренъ и Ольнѐ (Aulnay-aux-Planches), вышелъ на дорогу ведущую въ Баннъ и преградилъ непріятелю путь отступленія. Послали требовать сдачи: Императоръ Александръ—флигель-адъютанта Рапателя и генеральнаго штаба капитана Дурново, а Король Прусскій—подполковника Тиле (v. Thile). Послѣдній отправился въ качествѣ парламентера съ трубачемъ. Генералъ Пактȯ, съ подвязанною рукою, раздробленною картечью, блѣдный и изнемогавшій отъ потери крови, но твердый духомъ, встрѣтивъ прусскаго офицера, спросилъ: «что вамъ нужно?» «Сдайтесь— отвѣчалъ громко Тиле — вы окружены со всѣхъ сторонъ.» Пактȯ спокойно выслушалъ предложеніе, но какъ между тѣмъ канонада русскихъ батарей съ каждою минутою усиливалась, онъ отвѣчалъ: «переговоры никогда не ведутся подъ картечью; не буду вести ихъ пока прекратятъ пальбу,» и объявилъ подполковнику Тиле, что онъ останется въ плѣну. Полковникъ Рапатель, махая бѣлымъ платкомъ, подъѣхалъ къ Французамъ, уговаривая ихъ сдаться, и былъ убитъ пулею; говорятъ, будтобы въ рядахъ этого самаго каре стоялъ родной братъ его. Непреклонность непріятеля заставила Русскихъ атаковать непріятеля со всѣхъ сторонъ: первые два эскадрона Кавалергардовъ, подъ начальствомъ полковника Уварова, Лейбъ-казаки, Лейбъ-уланы и Сѣверскіе драгуны врѣзались въ каре; полки Кинбурнскій и Смоленскій драгунскіе съ двумя эскадронами Лубенскихъ гусаръ поддерживали эту послѣднюю рѣшительную атаку. Самъ Государь вмѣстѣ съ Своимъ конвоемъ въѣхалъ въ каре и остановилъ Кавалергардовъ въ пылу боя кинувшихся на одинъ изъ баталіоновъ, только-что положившій оружіе;

напрасно многіе напоминали Государю объ угрожавшей Ему опасности. «Хочу пощадить ихъ!» отвѣчалъ Онъ. Пактò и прочіе плѣнные генералы были представлены Императору Александру и Королю Прусскому. Государь хвалилъ оказанную ими храбрость, приказалъ возвратить имъ экипажи и принялъ живое участіе въ судьбѣ плѣнныхъ, которыхъ на семъ одномъ мѣстѣ было болѣе 3,000 человѣкъ.

Сраженіе при Ферѣ-Шампенуазѣ представляетъ блистательный примѣръ побѣды одержанной исключительно конницею надъ многочисленною пѣхотою съ довольно-значительною кавалеріей. Въ началѣ боя со стороны Французовъ сражались около 17,000 человѣкъ (12,300 пѣхоты и 4,350 кавалеріи), съ 68-ю орудіями, противъ 5,700 человѣкъ кавалеріи съ 36-ю орудіями (2,000 графа Палена, 500 Иловайскаго 12-го, 1,600 Кретова и 1,600 принца Адама виртембергскаго); потомъ, когда пришли резервы (2,300 челов. графа Ностица и 2,500 Депрерадовича и Ожаровскаго), число Союзной кавалеріи вообще возрасло до 10,500 человѣкъ съ 94-мя орудіями, а вмѣстѣ съ отрядомъ Сеславина до 12,000 человѣкъ. Отъ Силезской арміи прибыли 4,000 человѣкъ (2,000 Корфа и 2,000 Васильчикова), съ 34-мя орудіями, которые въ продолженіе шести часовъ сражались противъ 6,000 человѣкъ съ 16-ю орудіями генераловъ Пактò и Амей. Вообще-же на ферѣ-шампенуазской равнинѣ было 23,000 человѣкъ съ 84-мя орудіями Французовъ противъ 16,000 человѣкъ съ 128-ю орудіями (*) Союзныхъ войскъ ([51]). Въ числѣ послѣднихъ было 12,000 челов. русскихъ и только 4,000 виртембергскихъ и австрійскихъ войскъ. Уронъ непріятеля убитыми, ранеными и плѣнными простирался, по собственному показанію Французовъ, до 9,000 человѣкъ, 60-ти орудій и болѣе 350-ти зарядныхъ ящиковъ; въ дѣйствительности-же изъ корпусовъ Мармона и Мортьѐ убыло около 5,000 человѣкъ, а изъ дивизій Амей и Пакто, въ числѣ 5,800 человѣкъ, весьма лишь немногимъ удалось избѣгнуть гибели, либо плѣна, слѣдовательно непріятель вообще потерялъ до 11,000

(*) Изъ числа сихъ орудій едва лишь половина была введена въ дѣло.

человѣкъ, или почти половину всего наличнаго числа людей. Орудій отбито и найдено на полѣ сраженія Союзниками 75. Въ числѣ плѣнныхъ находились: дивизіонные генералы Пактò и Амей; бригадные: Жамѐнъ, Делортъ, Бонтѐ и Тевснѐ. Уронъ Союзниковъ въ точности неизвѣстенъ, но, по всей вѣроятности, не превышалъ двухъ тысячъ человѣкъ ([52]). Въ числѣ раненыхъ былъ Л. Гв. казачьяго полка полковникъ Ефремовъ ([53]).

Дѣло при Феръ-Шампенуазѣ, значительно ослабивъ войска Мармона и Мортье, облегчило Союзникамъ покореніе Парижа ([54]). Въ продолженіи всего періода войнъ съ 1792-го по 1814-й годъ, кавалерія никогда не одерживала столь блистательнаго успѣха.

13-го (25-го) марта ввечеру, Союзныя войска были расположены слѣдующимъ образомъ:

Авангардъ графа Палена у Сенъ-Лу (St. Loup), Гранъ-Брусси и Линтъ; кавалерія принца Адама у Плёръ; кирасиры графа Ностица и кавалерія Гіулая у Огнь (Ognes); пѣхота 3-го, 4-го и 6-го корпусовъ между Корруà и Конантрѐ; 5 й корпусъ, двигавшійся по проселочной дорогѣ на Фò (Faux) и Даммартенъ, прибылъ къ Феръ-Шампенуазу; резервы Барклая де-Толли находились между Конантрѐ и Ворефруà; главныя квартиры Императора Александра, Короля Прусскаго и князя Шварценберга—въ Феръ-Шампенуазѣ.. Изъ войскъ Силезской арміи, корпусы графа Ланжерона, Сакена и пѣхота Строганова расположились у Этожа, куда перешла главная квартира Блюхера; самъ Ланжеронъ, съ войсками 8-го корпуса генерала Рудзевича, перешелъ къ Ольнѐ-о-Планшъ (Aulnay-aux-Planches); кавалерія Корфа и Васильчикова стала на полѣ сраженія. Корпусы Іорка и Клейста утромъ двинулись къ Монмиралю; генералъ Цитенъ съ резервною кавалеріей, находясь у Этожа, услышалъ сильную канонаду гремѣвшую у Ферь-Шампенуаза и повернулъ вправо съ большой дороги на Коллиньи (Colligny), но не успѣлъ принять участія въ дѣлѣ ([55]).

ГЛАВА XXI.

Движеніе Союзниковъ къ Парижу и дѣйствія Наполеона противъ Винцингероде.

СОДЕРЖАНІЕ.

Общее предположеніе наступленія къ Парижу. Повелѣнія Императора Александра: Ланжерону и Воронцову, генералу Винценгероде. Движеніе Кайсарова въ Арси и Сеславина по направленію къ Провенъ.—Отступленіе Мармона и Мортье къ Сезаннѣ, и далѣе къ Ла-Ферте-Гоше. *Дѣло при Ла-Ферте-Гоше.* Отступленіе Мармона и Мортье къ Провенъ.

Дѣйствія отряда Винцингероде. Составъ и сила его. *Дѣло при Сенъ-Дизье.* Отступленіе русскихъ войскъ къ Витри и Баръ-ле-Дюкъ. Движеніе Наполеона къ Витри и возвращеніе его къ Сенъ-Дизье. Наполеонъ рѣшается идти къ Парижу окольнымъ путемъ на Труа и Фонтенебло.

Наступленіе Главной Союзной арміи къ Куломье, а Силезской къ Трильпору.—Переправа черезъ Марну.—*Дѣло при Кле* (Claye) *и Вилль-Паризи* (Ville—Parisis).—Распоряженія для поддержанія въ войскахъ порядка и дисциплины.—Фланговое движеніе Силезской арміи. Отряженіе корпусовъ Сакена и Вреде къ переправамъ на Марнѣ.—*Дѣло при Бонди.*—Главная Союзная армія располагается подъ Парижемъ.—Прибытіе къ Парижу Мармона и Мортье.

Отступленіе Винцингероде и Тетенборна къ Шалону; движеніе ихъ къ Сенъ-Дизье.—Движеніе Наполеона къ Монтіерандеру. Прибытіе его въ Труа.—Извѣстія о Наполеонѣ, полученныя въ главной квартирѣ Союзниковъ. Мѣры ими принятыя для охраненія своихъ сообщеній.

Какъ только въ Главной Союзной арміи было рѣшено двинуться къ Парижу, князь Шварценбергъ сообщилъ о томъ Блюхеру, извѣщая его, что Главная армія будетъ 25-го марта (н. ст.) въ Феръ-Шампенуазѣ, 26-го въ Трефо̀ (Treffaux), 27-го въ Куломьѐ (Coulommiers) и 28-го въ Мо (Meaux) или Ланьи (Lagny), гдѣ предполагалось соединить обѣ Союзныя арміи.

Сообразно тому, Блюхеръ, съ состоявшими у него русскими войсками, долженъ былъ, двигаясь на одной высотѣ съ Главною арміей, перейти 13 (25) къ Шампоберу и 14 (26) къ Монмиралю ([1]).

Императоръ Александръ, не зная достовѣрно, гдѣ тогда находился Блюхеръ, послалъ прямо Ланжерону и Воронцову предписанія: 14-го (26)-го соединиться у Шампобера и въ тотъ-же день двинуться къ Монмиралю «для разбитія туда отступившаго отъ Шато-Тіери непріятеля» ([2]). Генералу Винцингероде было послано слѣдующее собственно-ручное повелѣніе Государя: «Наполеонъ со всѣми силами перешелъ на правую сто-«рону Марны и идетъ чрезъ Сенъ-Дизье и Жуанвиль къ Виньо-«ри, имѣя въ виду сблизиться съ гарнизонами своихъ крѣпо-«стей и отвлечь насъ отъ Парижа. Въ слѣдствіе того, наши «арміи (Главная и блюхерова) совокупно направятся прямо «къ Парижу, а вы, со всею вашею кавалеріею и конною ар-«тиллеріей, тотчасъ перейдите Марну у Витри и двигайтесь на «Сенъ-Дизье, въ слѣдъ за непріятелемъ, отрядивъ генералъ-«адъютанта Чернышева вправо къ Монтіерандеру, наблю-«дать пространство между Марною и Обою, а генерала Тетен-«борна влѣво къ Мецу, для удостовѣренія —не двигается-ли не-«пріятель къ сей крѣпости. Главная цѣль вашихъ дѣйствій со-«стоитъ въ томъ, чтобы скрыть движеніе нашихъ армій и об-«стоятельно извѣщать насъ о направленіи принятомъ Наполео-«номъ.» ([3]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы вовлечь непріятеля въ заблужденіе на счетъ силы и цѣли посланнаго въ слѣдъ за нимъ отряда, генералъ Винцингероде получилъ приказаніе заготовлять на маршѣ помѣщеніе для главной квартиры Союзныхъ Монарховъ и разглашать, что за его кавалеріей слѣдуетъ вся Главная армія. Генералъ Кайсаровъ получилъ предписаніе направиться чрезъ Арси къ Труа̀, для сохраненія сообщеній съ Южною арміей и съ отрядомъ Чернышева, а генералъ Сеславинъ былъ посланъ по направленію къ Провенъ, для наблюденія пространства между Монмиралемъ и Монтеро̀: такимъ образомъ на всѣхъ путяхъ въ тылу Союзниковъ двигались кавалерійскіе отряды скры-

вавшіе движеніе къ Парижу ихъ армій, въ рядахъ коихъ все еще оставалось до 170,000 человѣкъ ([1]).

Послѣ сраженія при Феръ-Шампенуазѣ, Мармонъ и Мортьѐ, отступивъ къ Аллеманъ (Allement), рѣшились дать отдыхъ утомленнымъ своимъ войскамъ и предложили генералу Компану, занимавшему съ небольшимъ отрядомъ Сезаннъ, выждать ихъ прибытіе. Но Компанъ, зная, что Іоркъ и Клейстъ находились у Монмираля, а Цитенъ съ частью резервной прусской кавалеріи въ окрестностяхъ Сезанны, извѣстилъ маршаловъ, что, долженствуя прикрывать большой обозъ, онъ выступитъ прежде полуночи, но для содѣйствія ихъ отступленію оставитъ въ Сезаннѣ арріергардъ до двухъ часовъ утра. Недовольные этимъ распоряженіемъ, Мармонъ и Мортье двинулись съ ночлега въ два часа утра и пройдя шесть верстъ по весьма дурной дорогѣ, прибыли въ Сезаннъ уже тогда, когда всѣ войска Компана отступили по дорогѣ къ Ла-Фертѐ-Гошѐ и городъ былъ занятъ прусскою конницею. Темнота ночи и невѣдѣніе о силахъ Союзниковъ заставили маршаловъ отложить нападеніе на войска стоявшія въ Сезаннѣ до разсвѣта. 14-го (26-го), прусская кавалерія, атакованная превосходными силами, отступила въ девять часовъ утра по дорогѣ къ Ла-Фертѐ, правою стороною Большаго-Моренъ. Французы, пройдя чрезъ Сезаннъ, остановились на четыре часа у Мёрсъ (Moeurs), при соединеніи дорогъ ведущихъ въ Куломьѐ и Ла-Фертѐ-Гошѐ, а потомъ направились къ Куломьѐ, но дойдя до Эстерне́, повернули на Ревельонъ къ Ла-Фертѐ, въ надеждѣ соединиться съ компановымъ отрядомъ. Компанъ дѣйствительно находился тамъ рано утромъ, но, будучи атакованъ авангардомъ Іорка, былъ принужденъ отступать далѣе къ Куломьѐ. Прусскіе генералы знали, что остатки корпусовъ Мармона и Мортьѐ еще не успѣли пройти къ Парижу, и потому, выславъ въ слѣдъ за Компаномъ дивизію Горна съ нѣсколькими эскадронами, расположили дивизію принца Вильгельма для встрѣчи непріятеля на лѣвомъ берегу Большаго-Моренъ, впередк Ла-Фертѐ-Гошѐ; самый городъ былъ занятъ тремя баталіонами.

Генералъ Горнъ настигъ отрядъ Компана недоходя Куломьѐ,

близъ Шальи (Chailly), опрокинулъ баталіонъ двигавшійся въ арріергардѣ и захватилъ въ плѣнъ нѣсколько сотъ человѣкъ.

Около четырехъ часовъ по полудни, войска маршала Мортьѐ, шедшія въ головѣ французской колонны, выйдя изъ лѣса, атаковали дивизію принца Вильгельма у Ла-Фертѐ-Гошѐ, но будучи встрѣчены огнемъ батареи стоявшей передъ фронтомъ прусской пѣхоты, подались назадъ. Положеніе принца было весьма опасно: при немъ состояла только его малочисленная дивизія; кавалерія Цитена, а равно корпусъ Клейста и резервная артиллерія, еще находились на маршѣ. Къ счастью, непріятели, считая его сильнѣйшимъ, нежели онъ былъ въ дѣйствительности, и потерявъ при Феръ-Шампенуазѣ всю свою артиллерію, кромѣ девяти (по другимъ свѣдѣніямъ—семи) орудій, не отважились проложить себѣ путь оружіемъ. Пользуясь наступленіемъ ночи, Мармонъ вышелъ полями на дорогу ведущую въ Куртаконъ (Courtacon) и двинулся далѣе къ Провену.

Со стороны Феръ-Шампенуаза, графъ Паленъ, (коего артиллерія была усилена изъ резерва 30-ю конными орудіями), вмѣстѣ съ авангардомъ клейстова корпуса, преслѣдовалъ Мармона по лѣвой сторонѣ Большаго-Моренъ, открылъ по непріятельскимъ войскамъ сильную канонаду и дошелъ до Ревельонъ (Reveillon); казаки его расположились у Монтиса (Montis), но не могли преградить непріятелю пути къ Провену. Прочія войска Главной арміи стали въ окрестностяхъ Трефо̀, гдѣ находились главныя квартиры Союзныхъ Монарховъ и князя Шварценберга. Уже въ девять часовъ вечера резервная кавалерія Цитена прошла чрезъ Трефо̀ къ Ла-Фертѐ-Гошѐ, чтобы присоединиться къ своему корпусу, и вмѣстѣ съ кавалеріей Кацлера и полковника Блюхера туда прибыла въ полночь. Пѣхота Іорка и Клейста расположилась у Ла-Фертѐ-Гошѐ, кромѣ дивизіи Горна, которая, отойдя къ Ла-Фертѐ, была выдвинута къ Ребѐ (Rebais), по правой сторонѣ Большаго-Моренъ ([5]).

Главныя силы генерала Винцингероде, еще на-канунѣ 13-го (25), достигли Сенъ-Дизьѐ, откуда Наполеонъ перешелъ къ Васси (Vassy). Отрядъ Винцингероде состоялъ изъ 7-ми полковъ легкой кавалеріи, 16-ти казачьихъ полковъ, 6-го егерскаго

и 5-ти конныхъ ротъ (6), въ числѣ до 10,000 кавалеріи и 800 пѣхоты съ 46-ю конными орудіями: изъ этихъ войскъ въ отрядѣ Чернышева, двинувшагося на Пертъ (Perthes) къ Экляронъ (Eclaron), находились одинъ полкъ легкой кавалеріи и 7 казачьихъ, въ числѣ около 2,800 человѣкъ съ 4-мя конными орудіями, а въ авангардѣ Тетенборна, у Валькура (Valcour) и Гюмбскура (Humbecourt), полкъ легкой кавалеріи и 4 казачьихъ съ 2-мя конными орудіями.

14 (26), Наполеонъ, получивъ свѣдѣніе отъ командовавшаго его аррiергардомъ маршала Макдональда, что на-канунѣ французскія войска имѣли дѣло съ одною лишь кавалеріей, рѣшился удостовѣриться въ слѣдованіи за нимъ Союзной арміи. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ усиленную рекогносцировку къ Сенъ-Дизьѐ. Казаки Тетенборна, стоявшіе у Гюмбекура, были отброшены къ Валькуру и далѣе за Марну, гдѣ генералъ Винцингероде, узнавъ о наступленіи непріятеля, наскоро собиралъ главныя силы своего отряда. Лѣвое крыло его примыкало къ городу Сенъ-Дизьѐ, занятому шестью ротами 6-го егерскаго полка, а правое, состоявшее изъ войскъ Тетенборна, къ пертскому лѣсу, въ коемъ были разсыпаны остальныя двѣ роты егерей. Рѣка Марна, переходимая въ бродъ на многихъ пунктахъ, не могла служить надежнымъ прикрытіемъ фронта позиціи.

Наполеонъ, подойдя къ берегу, подъ прикрытіемъ батарей, осыпавшихъ русскую кавалерію ядрами и гранатами, направилъ къ броду при селеніи Галиньикурѣ (Hallignicourt) большую часть своихъ войскъ, перевелъ тамъ черезъ рѣку сперва корпусъ Себастіани, а потомъ и прочую конницу, и развернулъ ее въ обѣ стороны. За конницею слѣдовала вся пѣхота, кромѣ корпуса Удино̀, посланнаго по жуанвильской дорогѣ на Сенъ-Дизьѐ. Кавалерія построилась впереди; пѣхота—за нею. Между тѣмъ Тетенборнъ, съ Изюмскимъ полкомъ, атаковалъ непріятельскую кавалерію и смялъ первую линію, но былъ опрокинутъ эскадронами второй линіи. Французская кавалерія съ громкими восклицаніями понеслась въ слѣдъ за нимъ по дорогѣ въ Витри, захватила часть обоза и заводныхъ лошадей и преслѣ-

довала русскій авангардъ до Пертъ. За тѣмъ, обратясь вправо, непріятель прорвалъ въ центрѣ линію Винцингероде и отрѣзалъ ему путь къ Витри. Мѣстность, пересѣченная канавами и заборами и покрытая перелѣсками и виноградниками, затрудняла дѣйствія русской кавалеріи и способствовала непріятелю ввести въ дѣло пѣхоту. Генералъ Винцингероде, рѣшась отступать и желая выручить егерей оставленныхъ въ городѣ, сталъ отводить свою кавалерію влѣво на дорогу ведущую въ Бар-ле-Дюкъ (Bar-le-Duc). Но Наполеонъ, замѣтивъ это движеніе, выслалъ впередъ гвардейскую кавалерію, которая врубилась въ русскія колонны и опрокинула ихъ къ лѣсу (bois des Trois-Fontaines). Тогда-же Удино съ 7-мъ корпусомъ ударилъ въ штыки на егерей въ Сенъ-Дизьѐ, выбилъ ихъ изъ города и принявъ начальство надъ кавалеріей Келлермана, устремился на дорогу въ Баръ, угрожая отрѣзать единственный путь отступленія, но генералъ Бенкендорфъ, успѣвъ заблаговременно пройти черезъ Сенъ-Дизьѐ, остановилъ непріятеля Два эскадрона Изюмскихъ гусаръ полковника Лашкарева были опрокинуты, но атака Павлоградскихъ гусаръ и удачное дѣйствіе нѣсколькихъ орудій замедлили наступленіе Французовъ и способствовали генералу Винцингероде отойти къ Баръ-ле-Дюкъ. Арріергардъ Бенкендорфа остановился у Саадрюпта, гдѣ наступившая ночь заставила маршала Удино прекратить преслѣдованіе. Макдональдъ, съ 2-мъ и 11-мъ корпусами и съ кавалеріей Мильго̀, остановился близъ Пертъ; а прочія французскія войска стали биваками впереди Сенъ-Дизьѐ. Уронъ русскихъ войскъ въ семъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ потерею понесенною наканунѣ авангардомъ Тетенборна, простирался: убитыми до 4-хъ офицеровъ и 334-мъ нижнихъ чиновъ; ранеными — 26 офицеровъ и 365 нижнихъ чиновъ; плѣнными — 12 офицеровъ и 585 нижнихъ чиновъ: всего-же выбыло изъ фронта 42 офицера и до 1,300 нижнихъ чиновъ. Изъ этого числа 6-й егерскій полкъ лишился 14-ти офицеровъ и 520-ти нижнихъ чиновъ, т. е. болѣе половины наличнаго числа людей. Захвачено непріятелемъ 5 орудій, 10 зарядныхъ ящиковъ и часть обоза. Лошадей убыло болѣе тысячи. Потеря Французовъ, по собственному ихъ показанію, не превышала 600 человѣкъ ([7]).

Въ продолженіе боя при Сенъ-Дизьѐ, Чернышевъ съ своимъ отрядомъ ([8]) находился у Эклёронъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ поля сраженія, но немогъ принять участія въ дѣлѣ, по причинѣ весьма пересѣченной и болотистой мѣстности, отдѣлявшей его отъ непріятеля ([9]).

Наполеонъ, одержавъ побѣду при Сенъ-Дизьѐ, послѣдній успѣхъ предъ паденіемъ его, узналъ отъ плѣнныхъ, что передъ нимъ находилась только небольшая часть Союзныхъ силъ. Нетрудно было ему вывесть заключеніе о направленіи принятомъ его непріятелями къ Парижу. Неуспѣвъ отвлечь Союзниковъ отъ своей столицы, и зная, что потеря ея могла рѣшить судьбу его Имперіи, онъ неотважился перенести театръ войны въ восточные департаменты Франціи, а предпочелъ идти къ Парижу, кратчайшимъ путемъ, въ тылъ Союзникамъ, но прежде счелъ нужнымъ овладѣть крѣпостцею Витри. 15-го (27 го), туда направилась вся французская армія, кромѣ войскъ Удинò посланныхъ къ Баръ-ле-Дюкъ. Отрядъ Тетенборна отступилъ чрезъ Витри къ Шалону, а Чернышевъ, полагая, что непріятельская армія продолжала идти по прежнему направленію, перешелъ изъ окрестностей Эклёронъ на Жифомонъ къ Ронѐ ([10]).

Наполеонъ, подойдя къ Витри, выдвинулъ сильную артиллерію противъ крѣпости, и угрожая бомбардированіемъ, потребовалъ сдачи. Получивъ отказъ, онъ хотѣлъ атаковать крѣпость открытою силою, но убѣдясь въ опасности такого предпріятія, отказался отъ своего намѣренія. Здѣсь узналъ онъ о пораженіи Мармона и Пактò, и окончательно удостовѣрясь въ движеніи Союзниковъ къ Парижу, опять нѣсколько часовъ колебался въ сомнѣніи — идти-ли на защиту своей столицы, или приблизиться къ Рейну и ставъ на сообщеніяхъ непріятеля, продолжать войну? Наконецъ—уступивъ представленіямъ своихъ ближайшихъ сподвижниковъ Бертье и Нея и рѣшась направиться къ Парижу, онъ предполагалъ двинуться туда по кратчайшей дорогѣ, на Сезаннъ и Куломьѐ. Бертьѐ утверждалъ, что на этомъ пути встрѣтятся непреодолимыя затрудненія, (не смотря на то, что здѣсь шла большая часть Союз-

ной арміи), и что пришлось-бы переправляться черезъ Марну при Ланьи, или у Мо, въ виду непріятеля превосходнаго въ силахъ. Наполеонъ, убѣжденный доводами своего начальника штаба, предпринявъ идти къ Парижу окольнымъ путемъ на Труà и Фонтенеблò, возвратился къ ночи въ Сенъ-Дизьè; гвардія расположилась въ городѣ, а прочіе корпусы стали въ нѣсколькихъ эшелонахъ по дорогѣ ведущей туда изъ Витри. Погода была ужасная. Войска, безъ обуви, не получая хлѣба въ продолженіи пяти сутокъ, роптали ([11]). Упрекаютъ Наполеона въ томъ, что онъ не пошелъ отъ Витри прямо къ Труà, а предпочелъ направиться по окольной дорогѣ на Дулеванъ и Бріенну, (что̀ увеличивало переходъ отъ Витри къ Труà семидесятью верстами), но, по всей вѣроятности, причиною тому было желаніе избѣжать переправу черезъ Марну у Фриньикура и движенія по весьма дурнымъ дорогамъ на Брабанъ, либо Доннеманъ, къ Труà.

Одновременно съ возвращеніемъ Наполеона въ Сенъ-Дизьè, Удинò занялъ Баръ-ле-Дюкъ и старался войти въ связь съ дивизіей Дюрютта, вышедшею изъ Меца. Но генералъ Винцингероде помѣшалъ тому, приказавъ занять переправу на Маасѣ у Сенъ-Мигіеля собранному въ Нанси отряду принца Бирона курляндскаго ([12]). Возвращеніе наполеоновой арміи отъ Витри къ Сенъ-Дизьè имѣло послѣдствіемъ обратное движеніе маршала Удинò. Получивъ приказаніе присоединиться, какъ можно поспѣшнѣе, къ главнымъ силамъ, онъ выступилъ вечеромъ того-же дня изъ Бара. Какъ жители его родины, маасскаго департамента, выказывали совершенную готовность вооружиться на защиту отечества, то Удинò предложилъ вызвать Лотарингію и прочія восточныя области къ поголовному возстанію; но Бертьè изъявилъ противное мнѣніе, говоря, что такое ополченіе не могло имѣть успѣха, небудучи поддержано кавалеріей, въ которой армія имѣла крайнюю нужду. Наполеонъ, всегда враждебный народнымъ движеніямъ, согласился съ мнѣніемъ Бертьè, и совѣтъ Удинò былъ оставленъ безъ вниманія ([13]).

Одновременно съ изложенными дѣйствіями Наполеона противъ Винцингероде, Союзныя арміи продолжали наступать къ

Парижу. Какъ послѣ сраженія при Феръ-Шампенуазѣ Французы нигдѣ немогли остановить ихъ, то обѣ арміи, князя Шварценберга и Блюхера, двигались, какъ-бы въ своей странѣ, по заранѣе составленнымъ маршрутамъ. По отступленіи Мармона и Мортьè къ Куртакону, отряженъ былъ въ слѣдъ за ними графъ Паленъ съ кавалеріей 4-го (виртембергскаго) и 6-го корпусовъ; но когда обнаружилось, что непріятель ушелъ къ Провенъ, то преслѣдованіе его было поручено казакамъ Иловайскаго 12-го, а графъ Паленъ получилъ приказаніе идти въ авангардѣ Главной арміи, прямо къ Парижу, на Креси (Crecy), и подошелъ къ этому мѣстечку ввечеру 15 (27), на другой день послѣ дѣла при Сенъ-Дизьè; тогда-же всѣ прочія войска этой арміи прибыли въ окрестности Куломьè, гдѣ расположились главныя квартиры обоихъ Союзныхъ Монарховъ и князя Шварценберга ([14]). Какъ только передовой казачій отрядъ, высланный генераломъ Иловайскимъ, появился у Провенъ, Французы очистили городъ въ величайшемъ безпорядкѣ, но потомъ снова заняли его арріергардомъ, оставя прочія войска у Мезонъ-Ружъ. Мармонъ могъ присоединить къ нимъ дивизію Сугама, перешедшую, по распоряженію военнаго министра, съ рѣки Іонны на Сену, къ Ножану, но предпочелъ оставить этотъ отрядъ, въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ, для прикрытія отступленія прочихъ войскъ къ Парижу ([15]).

Въ тотъ-же день, 15 (27), русскія войска Силезской арміи расположились въ окрестностяхъ Ла-Фертè-су-Жуаръ, а прусскія направились къ Трильпору, для наведенія тамъ понтоннаго моста; впереди ихъ шелъ русскій отрядъ генералъ-маіора Емануеля, въ составѣ пяти баталіоновъ, Кіевскаго драгунскаго и двухъ казачьихъ полковъ, одной понтонной и двухъ піонерныхъ ротъ, съ шестью орудіями ([16]).

Генералъ Компанъ, присоединивъ къ своимъ войскамъ отряды генераловъ Ледрю-дезъ-Эссара и Винсена (Vincent) и нѣсколько сотъ человѣкъ національной стражи, собралъ отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ, съ коими рѣшился оборонять переправы черезъ Марну; самъ онъ расположился у корнильонскаго моста впереди Мо; отрядъ дезъ-Эссара сталъ за Трильпоромъ;

генералъ Винсенъ, съ кавалеріей и шестьюстами человѣкъ національной стражи, занялъ платò, господствующее надъ селеніемъ Сенъ-Жанъ (St–Jean–les–deux–Jumeaux). Генералъ Емануель, выступивъ наразсвѣтѣ изъ Вьё-Мезонъ, двинулся на Ла-Фертè-су-Жуаръ противъ непріятеля съ фронта, одновременно съ наступленіемъ дивизіи Горна по дорогѣ изъ Куломьè. Генералъ Винсенъ былъ принужденъ поспѣшно отступить на правую сторону Марны, не успѣвъ убрать суда, на которыхъ былъ построенъ его мостъ. Въ три часа по полудни, Емануель, приблизясь къ берегу, воспользовался оставленными у Трильпора большими лодками для переправы нѣсколькихъ сотъ егерей. Подъ прикрытіемъ ихъ и канонады орудій, расположенныхъ на господствующей высотѣ лѣваго берега, подполковникъ Ивановъ съ своими понтонерами и 75-мъ морскимъ экипажемъ навелъ два понтонныхъ моста, (одинъ къ вечеру, а другой въ ночи), по коимъ немедленно переправились русскій авангардъ и дивизія генерала Горна. Непріятельская батарея и войска при ней стоявшія были оттѣснены къ городу, но канонада и перестрѣлка продолжались почти до разсвѣта. Въ три часа по полуночи, раздался ужасный трескъ: это былъ взрывъ большаго пороховаго погреба, близъ заставы, на парижской дорогѣ, зажженнаго Французами по выступленіи изъ города ([17]). Генералъ Компанъ, отойдя къ Кле (Claye), былъ усиленъ тремя баталіонами Молодой гвардіи, четырьмястами кирасиръ и четырьмястами польскихъ уланъ. Такимъ образомъ собравъ болѣе семи тысячъ человѣкъ, Компанъ рѣшился снова остановить наступавшаго непріятеля. 16 (28), переправились прочія войска Силезской арміи, а, между тѣмъ, авангарды корпусовъ Іорка и Клейста, подъ начальствомъ генерала Кацлера и полковника Блюхера, были выдвинуты къ Кле. Генералъ Компанъ приказалъ очистить это мѣстечко, но едва лишь вышелъ изъ него въ поле головной прусскій баталіонъ, какъ Винсенъ съ кирасирами и польскими уланами опрокинулъ его обратно въ мѣстечко и захватилъ въ плѣнъ болѣе 200 человѣкъ. За тѣмъ, Компанъ, отойдя къ лѣсу у Монсèглъ (Montsaigle), занялъ мызу Гробуà и сосѣдственныя рощи. Здѣсь завязалось довольно

упорное дѣло, но когда Іоркъ и Клейстъ постепенно выстроили всѣ свои войска противъ непріятельской позиціи, Французы отступили къ Вилль-Паризи (Ville-Parisis), сильно занявъ мызы Морфондъ и Монсегль, а также и близлежащіе перелѣски. Фузелерные баталіоны 1-го и 2-го Западно-Прусскихъ пѣхотныхъ полковъ, направленные въ обходъ праваго фланга французской позиціи, со стороны селенія Лепинъ (Le Pin), потерпѣли большой уронъ отъ анфиладнаго огня стрѣлковъ занимавшихъ лѣсъ Мюлò (bois Mulot), и вообще непріятель сражался весьма храбро, однакоже былъ принужденъ отступить къ Бонди. Авангардъ прусскихъ войскъ остановился у Вилль-Паризи; корпусы Клейста и Іорка расположились въ нѣсколькихъ эшелонахъ между симъ селеніемъ и Кле, а Блюхеръ съ русскими войсками у Трильпора и Мо. Уронъ съ каждой стороны простирался отъ 400 до 500 человѣкъ ([18]). Главная Союзная армія къ вечеру пришла на Марну и расположилась въ окрестностяхъ Трильпора, кромѣ 5-го корпуса Вреде, оставленнаго у Шальи (Chailly) съ арріергардомъ у Ла-Фертè-Гошè, на случай движенія наполеоновой арміи въ тылъ Союзникамъ. Генералъ Иловайскій 12-й встрѣтился въ Провенѣ съ отрядомъ генералъ-маіора Сеславина, которому было поручено дальнѣйшее преслѣдованіе Мармона, и снова присоединился къ кавалеріи графа Палена. По достиженіи Нанжиса, маршалы продолжали отступленіе, Мармонъ къ Мелюну, а Мортьè къ Гинь ([19]).

17 (29) марта, Главная Союзная армія, перейдя черезъ Марну по тремъ понтоннымъ мостамъ устроеннымъ у Трильпора и Мо, двинулась далѣе по направленію къ Парижу. Императоръ Александръ прибылъ еще наканунѣ въ Кинси (Quincy) и провелъ тамъ цѣлый день. Въ то время, когда Судьба готовилась увѣнчать Его замыслы, Онъ обратилъ все Свое вниманіе на облегченіе участи мирныхъ жителей края. Вступая въ страну еще неиспытавшую бѣдствій войны и узнавъ о грабежахъ производимыхъ нѣкоторыми изъ Союзныхъ, войскъ, Государь счелъ нужнымъ напомнить командирамъ русскихъ корпусовъ о соблюденіи строжайшаго порядка и дисциплины ([20]). Какъ жители преимущественно жаловались на Баварцевъ, то

Императоръ Александръ Собственноручно писалъ графу Вреде: «Въ то время, когда мы подходимъ къ стѣнамъ Парижа, только самою неослабною дисциплиною въ войскахъ можемъ достигнуть ожидаемыхъ нами великихъ послѣдствій. Вы одинъ изъ первыхъ изъявили убѣжденіе въ необходимости привлечь сердца жителей французской столицы къ общему нашему дѣлу, но мы уклонились-бы отъ сей цѣли, если-бы окрестности Парижа подверглись напрасному разоренію, вмѣсто того, чтобы найти въ нашихъ войскахъ покровительство и защиту. Ваши правила ручаются Мнѣ, что въ настоящую рѣшительную минуту вы сохраните строгій порядокъ въ вашемъ корпусѣ. Убѣдительнѣйше прошу васъ употребить всѣ зависящія отъ васъ средства для прекращенія всякаго рода насилій. Необходимо возложить всѣ могущіе произойти безпорядки на личную отвѣтственность корпусныхъ командировъ и отрядныхъ начальниковъ. Ваша заботливость о томъ пріобрѣтетъ вамъ общую признательность и усугубитъ особенное Мое къ вамъ уваженіе» ([21]).

Въ главной квартирѣ Союзныхъ Монарховъ надѣялись, что Мармонъ и Мортьѐ, двигаясь окольными путями, не успѣютъ придти во-время къ Парижу, и что столица Франціи покорится безъ боя. Чтобы узнать достовѣрно о положеніи дѣлъ и выиграть время для предположеннаго Союзниками флангового передвиженія Силезской арміи на суассонскую дорогу, были посланы, въ 8 часовъ утра, на аванпосты непріятельскихъ войскъ, два парламентера къ французскому военному министру, герцогу Фельтрскому (*). Это подало поводъ къ слухамъ объ открытіи переговоровъ, не смотря на то, что въ авангардѣ возобновилась перестрѣлка. Войска Іорка торопились чиститься для вступленія въ Парижъ, (zum Einmarsch nach Paris alles in propern Stand zu setzen), и будучи извѣщены о предстоявшемъ прибытіи къ нимъ Союзныхъ Государей, построились въ десять часовъ по сторонамъ большой дороги ведущей изъ Кле въ Вилль-Паризи. Но три мѣсяца постоянныхъ маршей и сраженій въ зимнюю пору сдѣлали ихъ неспособными къ параду.

(*) Кларкс.

Солдаты неостриженные, невыбритые, въ изорванномъ, покрытомъ разноцвѣтными заплатами рубищѣ, босые, представляли жалкое зрѣлище; многія орудія стояли на колесахъ взятыхъ изъ подъ крестьянскихъ повозокъ, сбруя была кое-какъ связана изъ веревокъ, лошади—изморены и тощи. Въ такомъ положеніи находились іорковы войска, когда подъѣхали къ нимъ Союзные Монархи. Король, котораго не видали они въ продолженіе всего похода, былъ встрѣченъ ими съ радостнымъ восторгомъ. Іоркъ готовился представить ему закаленныхъ въ бояхъ воиновъ 1-го прусскаго корпуса, но Король до того былъ пораженъ неопрятнымъ ихъ видомъ, что, не сказавъ ни слова, отъѣхалъ въ сторону; говорятъ даже, будтобы онъ замѣтилъ Іорку: «плохо смотрятъ, грязные люди» (sehn schlecht aus, schmutzige Leute) ([22]). По всей вѣроятности, невзрачное состояніе блюхеровыхъ войскъ, вмѣстѣ съ желаніемъ устремить къ столицѣ Франціи одновременно наибольшія силы, заставило Союзниковъ перевести Силезскую армію вправо на суассонскую дорогу, а Главную – направить, по дорогѣ ведущей изъ Мо, прямо къ Парижу. Съ этою цѣлью, корпусы Іорка и Клейста, остававшіеся до полудня у Вилль-Паризи, пока туда прибылъ корпусъ Раевскаго, были переведены на просёлочную парижскую дорогу къ Мори (Mory) и двинулись по ней къ Онѐ (Aunay); авангарды Кацлера и полковника Блюхера стали у Большаго-Драпси (Grand Drancy); корпусъ графа Ланжерона перешелъ на большую суассонскую дорогу, къ Ле-Буржѐ (le Bourget), а пѣхота графа Воронцова съ главною квартирою Блюхера расположились въ Виллепинтъ (Villepinte). Корпусъ Сакена, вмѣстѣ съ австробаварскимъ корпусомъ, отряженнымъ отъ Главной арміи, подъ общимъ начальствомъ графа Вреде, были оставлены первый у Мо, а второй у Кинси. Прочіе-же корпусы Главной арміи, въ нѣсколькихъ эшелонахъ, двинулись по большой дорогѣ изъ Мо къ Парижу. Генералъ Винсенъ сперва удерживалъ Кацлера, а потомъ отошелъ на позицію занятую Компаномъ впереди Ливри, въ лѣсахъ по обѣ стороны дороги. Союзные Монархи выѣхали въ передовую цѣпь, гдѣ господствовала совершенная тишина. Войска обѣихъ сторонъ, утомленныя боемъ, прекративъ

пальбу, стояли одни противъ другихъ, въ бездѣйствіи. Но когда, около полудня, подошелъ графъ Паленъ, съ авангардомъ корпуса Раевскаго, Силезская армія, (какъ уже сказано), сдѣлавъ фланговое движеніе вправо, направилась къ Парижу съ сѣверной стороны, а Главная армія—съ востока. Войска Раевскаго, возбужденныя къ новымъ подвигамъ присутствіемъ обожаемаго Государя, двинулись впередъ двумя колоннами: графъ Паленъ, съ своею легкою кавалеріей и четырьмя пѣхотными полками 14-й дивизіи генералъ-маіора Гельфрейха, направился въ обходъ праваго фланга непріятельской позиціи, чрезъ Куртри и Монфермель (Montfermeil), а бригада Вольфа, съ 4-мя орудіями 23-й конной роты, подъ прикрытіемъ дивизіона Астраханскихъ кирасиръ, атаковала позицію съ фронта. Французы сопротивлялись упорно, но когда русская артиллерія была усилена еще четырьмя орудіями, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-маіора Костенецкаго, непріятель отступилъ чрезъ лѣсъ къ селенію Бонди (Bondy), и далѣе къ Парижу [23]. Генералъ Орнано, съ запасными гвардейскими баталіонами и эскадронами, выступилъ еще утромъ изъ Парижа къ Пантенъ и выдвинулъ свою кавалерію къ мѣльницѣ Ла-Фоли, а потомъ отошелъ къ предмѣстью ла-Виллетъ, предоставя Компану занять Пантенъ; но, вмѣсто того, компанова пѣхота была отведена къ Бельвиль. Графъ Паленъ, пользуясь оплошностью непріятеля, выдвинулъ пѣхоту Гельфрейха къ Пантену и Роменвиль; кавалерія его стала между этими селеніями; корпусъ Раевскаго—у Нуази-ле-Секъ (Noisy-le-Sec); гвардія и резервы, вмѣстѣ съ главною квартирою Барклая де-Толли, у Вилль-Паризи; корпусы Гіулая и Кронъ-принца виртембергскаго у Аннѐ (Annet); главныя квартиры Союзныхъ Монарховъ и князя Шварценберга въ Бонди [24].

Въ тотъ-же день, 17 (29), Мармонъ и Мортьѐ, соединившись въ Бри-контъ-Роберъ (Brie-Comte-Robert), отступили около полудня къ Шарантону на правую сторону Марны и расположили пѣхоту частью въ приречныхъ селеніяхъ Берси, Конфланѣ и Шарантонѣ, частью впереди сентъ-антуанскаго предмѣстья, въ Сенъ-Мандѐ, Венсенѣ и Шароннѣ; кавалерія

стала у Монтрёль и въ пикпюсскомъ предмѣстьѣ. Войска маршаловъ оставались на тѣсныхъ квартирахъ до разсвѣта. Никто не подумалъ о занятіи Пантена и Роменвиля, обладаніе коими было необходимымъ условіемъ упорной обороны Парижа ([25]).

Одновременно съ наступленіемъ Союзныхъ армій къ столицѣ Франціи, генералъ Винцингероде, отступивъ послѣ дѣла при Сенъ-Дизьѐ чрезъ Баръ-ле-Дюкъ къ Шалону, соединился тамъ съ отрядомъ Тетенборна, 15 (27) марта, а генералъ-адъютантъ Чернышевъ перешелъ къ Пужи. На слѣдующій день, Винцингероде двинулся къ Сенъ-Дизьѐ ([26]). Наполеонъ, рѣшась идти въ помощь Парижу по лѣвой сторонѣ Сены, перешелъ съ гвардіей къ Монтіерандеръ, слѣдовательно былъ почти тамъ-же, гдѣ находился за пять сутокъ передъ тѣмъ, 11-го (23-го) марта; прочія войска его направились въ нѣсколькихъ колоннахъ къ Васси, Бріеннѣ и Труà. Войска шли въ ненастную погоду, по проселочнымъ дорогамъ, увязая въ грязи на каждомъ шагу. Въ особенности-же было затруднительно движеніе артиллеріи. Французы сожгли шестьдесять зарядныхъ ящиковъ, взявъ везшихъ ихъ лошадей подъ орудія ([27]). Вечеромъ Наполеонъ получилъ чрезъ нарочнаго, изъ Парижа, отъ директора почтъ Ла-Валетта, записку слѣдующаго содержанія: «приверженцы непріятеля, ободренные событіями происшедшими въ Бордо, подняли голову; ихъ намѣреніямъ содѣйствуютъ тайные пройски. Прибытіе Императора необходимо, если онъ хочетъ предупредить сдачу непріятелю своей столицы. Всякая минута дорога» ([28]).

На слѣдующій день, 17-го (29-го), Наполеонъ съ гвардейскою кавалеріей достигнувъ Доленкура (Dolencourt), получилъ отъ Короля Іосифа извѣстіе о занятіи Мо Союзными войсками. Желая выиграть время, Наполеонъ послалъ генерала Дежана (Dejean) въ Парижъ, съ приказаніемъ извѣстить князя Шварценберга о новыхъ предложеніяхъ сдѣланныхъ Австрійскому Императору. Дѣйствительно—одинъ изъ французскихъ дипломатическихъ агентовъ былъ посланъ въ Дижонъ къ Императору Францу, съ собственноручнымъ письмомъ Наполеона, въ которомъ—какъ говорятъ—онъ изъявлялъ опредѣлительное

согласіе на всѣ условія требуемыя Союзниками. Отправя эти депеши, Наполеонъ съ небольшимъ конвоемъ уѣхалъ въ Труа; гвардейская кавалерія туда прибыла уже ночью, большая часть пѣхоты стала на бивакахъ у Люзиньи ([29]). Такимъ образомъ на-разсвѣтѣ 18 (30) марта, когда Союзныя арміи стояли въ виду Парижа, Наполеонъ съ передовыми войсками находился въ Труа, въ разстояніи отъ Парижа, по окольной дорогѣ на Санъ и Фонтенебло̀, сорока льё (ста шестидесяти верстъ). Но въ главной квартирѣ Союзныхъ Монарховъ тогда еще не было вѣрныхъ свѣдѣній о направленіи наполеоновой арміи. Изъ донесеній генерала Кайсарова, полученнаго 16 (28) марта, въ то время, когда Союзники подходили къ Мо, можно было заключить, что значительныя силы непріятеля двигались чрезъ Баръ-сюръ-Объ къ Труа ([30]) На слѣдующій день, 17 (29), пришло донесеніе генерала Винцингероде изъ Баръ-ле Дюкъ, о дѣлѣ при Сенъ-Дизьѐ, и о намѣреніи его и Тетенборна — отступить къ Шалону ([31]). Извѣстіе, доставленное ввечеру 17 (29) Фримономъ изъ Ла-Фертѐ-Гошѐ, о появленіи авангарда наполеоновой арміи на-канунѣ у Сезанны, было основано на весьма сомнительномъ показаніи какого-то прусскаго офицера, прибывшаго изъ Витри, и несмотря однакоже на то, возбудило общія опасенія. По сему поводу, было предписано, чтобы Сакенъ оставилъ три баталіона для охраненія мостовъ у Трильпора, и по переходѣ обозовъ и кавалеріи на правую сторону Марны приказалъ развести два моста, оставя одинъ для переправы войскъ находившихся по лѣвую сторону рѣки, а чтобы сохранить сообщеніе съ Нидерландами на Компіень и Ла-Ферѣ, считали весьма нужнымъ заблаговременно овладѣть Компіенемъ ([32]). Тѣмъ не менѣе однакоже положено было съ разсвѣтомъ 18-го (30-го) марта повести нападеніе на Парижъ. Не для того Союзники подвергались въ теченіе многихъ лѣтъ переворотамъ непостоянной Фортуны, чтобы уклониться отъ цѣли въ то время, когда представлялась возможность достигнуть ее послѣднимъ—рѣшительнымъ усиліемъ.

ГЛАВА XXII.

Покореніе Парижа.

СОДЕРЖАНІЕ.

Появленіе Союзниковъ подъ Парижемъ.—Совѣтъ регентства 16-го (28-го) марта.

Описаніе поля сраженія подъ Парижемъ.—Мѣры принятыя для обороны Парижа.—Вооруженныя силы, могшія принять участіе въ защитѣ Парижа: національная стража, линейныя войска, гвардейскіе резервы, корпусы Мармона и Мортье: число всѣхъ этихъ войскъ.—Парижъ на-канунѣ битвы.—Отъѣздъ Императрицы Маріи-Луизы.—Рекогносцировка окрестностей Парижа.—Распоряженія Короля Іосифа.—Защитники Парижа.

Диспозиція для войскъ Главной Союзной арміи на 18-е (30-е) марта —Повелѣніе Блюхеру.—Исчисленіе Союзныхъ войскъ, могшихъ принять участіе въ нападеніи на Парижъ.—Воззваніе князя Шварценберга къ жителямъ Парижа.—Распоряженія Французовъ для отпора Союзнымъ войскамъ.

Сраженіе 18 (30) марта. Наступленіе дивизіи Гельфрейха къ Пантену.—Покушеніе Императора Александра—открыть переговоры.—Первоначальное расположеніе французскихъ войскъ.—Наступленіе Мармона.—Движеніе ему на-встрѣчу корпуса Раевскаго и кирасировъ Кретова.—Распоряженія принца Евгенія виртембергскаго —Распоряженія Барклая де-Толли для подкрѣпленія его резервами.—Упорный бой у Роменвиля.—Русскіе окончательно занимаютъ роменвильскій лѣсъ.—Кровопролитный бой въ Пантенѣ.—Прибытіе резервовъ.—Общее наступленіе войскъ Раевскаго и Палена.—Барклай де-Толли, въ ожиданіи прибытія прочихъ войскъ, пріостановливаетъ наступленіе.

Расположеніе войскъ маршала Мортьè.—Диспозиція Блюхера.—Занятіе войсками Емануеля Обервильè.—Общее наступленіе Силезской арміи.

Бой прусско-баденской гвардіи въ Пантенѣ.

Совѣщаніе на Монмартрѣ.—Отъѣздъ Короля Іосифа.

Наступленіе Кронъ-принца виртембергскаго.—Овладѣніе переправами при Сенъ-Морѣ и Шарантонѣ и прибытіе Кронъ-принца къ Парижу.—Дѣйствія Гіулая

Наступленіе русскихъ войскъ противъ центра позиціи Мармона.—Атака Палена у заставы Трона.—Взятіе Русскими беллевильскихъ высотъ.

Дѣйствія блюхеровой арміи Бой въ лощинѣ уркскаго канала —Атака прусской кавалеріи у Ла-Вилеттъ.—Наступленіе прусско-баденской гвардіи къ Пантенской заставѣ.

Канонада у Ла-Вилеттъ.—Атака 13-го и 14-го егерскихъ полковъ.—Взятіе Ла-Вилеттъ и Ла-Шапель.

Французы предлагаютъ перемиріе.—Свиданіе Орлова съ Мармономъ.—Прекращеніе дѣйствій на роменвильскомъ платò.

Взятіе Монмартра войсками Ланжерона.—Дѣйствія Корнилова и Емануеля. Потери обѣихъ сторонъ.—Трофеи.—Награды.

Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, истекшихъ со времени сраженія при Ля-Ротьерѣ, Парижане, колеблясь между надеждою и страхомъ, не разъ были волнуемы слухами о сближеніи непріятеля къ столицѣ Франціи. Но каждый разъ офиціальныя извѣстія заглушали зловѣщую молву преувеличенными свѣдѣніями объ успѣхахъ Наполеона и храбрыхъ войскъ «великой націи.» Кровопролитный, ничего нерѣшившій, бой при Краонѣ, отбитыя Союзниками нападенія при Ланѣ и пораженіе Мармона при Ати были заглушены побѣдою надъ отрядомъ графа Сенъ-Пріеста подъ Реймсомъ. Съ тѣхъ поръ, цѣлыя десять дней, Монитёръ хранилъ глубокое молчаніе о военныхъ событіяхъ, прерванное лишь извѣстіями о взятіи русскаго понтоннаго парка генераломъ Летором и о побѣдѣ Наполеона при Сенъ-Дизьè. О дѣлахъ при Арси, о пораженіи Французовъ при Феръ-Шампенуазѣ—не было сказано ни слова (1). При всемъ томъ, нельзя было скрыть отъ народа наступленіе Союзниковъ къ Парижу, но всѣ были увѣрены, что Наполеонъ поспѣшитъ на защиту своей столицы, и самъ Король Іосифъ раздѣлялъ это убѣжденіе (2). И вдругъ—одновременно съ прибытіемъ изнуренныхъ, разстроенныхъ корпусовъ Мармона и Мортьè—подошли къ Парижу Союзныя арміи и зарево ихъ биваковъ охватило длинною дугою съ сѣвера и востока весь городъ. Жители окрестной страны, увозя съ собою все, чтò только успѣли захватить, и угоняя лошадей и скотъ, тѣснились у городскихъ заставъ, и чтобы заплатить акцизъ, отъ котораго недогадались уволить ихъ, продавали за безцѣнокъ свои пожитки. Смѣлая молодёжь рада была случаю подраться, но не имѣла оружія, да и недоставало людей, которые моглибы руководить народное движеніе и направить усилія всѣхъ и каждаго къ общей цѣли.

Императрица Марія-Луиза, слабая, безхарактерная, страшилась за себя и своего сына почти столько-же непостоянныхъ Парижанъ, сколько войскъ отца своего и его союзниковъ, а приданный совѣтникомъ ей Камбасерèсъ совершенно потерялъ голову. Король Іосифъ, лично храбрый, давно уже отчаялся въ спасеніи Имперіи, и къ тому-же ни способности, ни дѣятельность его, небыли въ уровень съ чрезвычайными обстоятельствами, въ которыхъ онъ находился. Военный министръ Кларке, человѣкъ трудолюбивый, но бездарный и готовый передаться на сторону враговъ Наполеона, не успѣвалъ исполнять получаемыхъ приказаній и ненавидѣлъ умнаго, рѣшительнаго Савари, считавшагося въ общемъ мнѣніи орудіемъ деспотисма близкаго къ паденію. Прочіе министры, пораженные внезапнымъ оборотомъ дѣлъ, также не могли принесть большой пользы. Изъ всѣхъ вліятельныхъ лицъ отличался умомъ и находчивостью одинъ лишь Талейранъ, но онъ былъ врагъ правительства, хотя и нельзя было его уличить въ измѣнѣ. Съ отсутствіемъ Наполеона, лично распоряжавшаго всею государственною администраціей, вполнѣ выказалась неспособность его ближайшихъ сподвижниковъ (3).

Таковы были обстоятельства, когда ввечеру 16-го (28-го) марта собрался въ Тюльери Совѣтъ регентства (le Conseil de régence), подъ предсѣдательствомъ Маріи-Луизы, состоявшій, кромѣ Короля Іосифа и верховныхъ сановниковъ Имперіи, Камбасерèса, Лебрюна и Талейрана, изъ всѣхъ министровъ, президентовъ обѣихъ палатъ и Членовъ Государственнаго Совѣта.

Совѣщаніе открылось рѣчью военнаго министра, въ коей онъ излагалъ положеніе дѣлъ въ самомъ мрачномъ видѣ. По словамъ его, вооруженныя силы, могшія участвовать въ оборонѣ Парижа, состояли всего-на-все изъ слабыхъ корпусовъ Мармона и Мортьè, небольшаго отряда генерала Компана, нѣсколькихъ баталіоновъ, съ трудомъ сформированныхъ въ различныхъ депо, и двѣнадцати тысячъ человѣкъ національной стражи, изъ коихъ лишь часть имѣла ружья; городскія заставы были преграждены палисадами, но не имѣлось ни одного укрѣпленія на высотахъ внѣ города, слѣдовательно —двадцать пять тысячъ че-

ловѣкъ, безъ всякаго пособія искусственныхъ средствъ, должны были удерживать двѣсти тысячъ (?) старыхъ, опытныхъ воиновъ. Въ заключеніе своихъ словъ, военный министръ изъявилъ мнѣніе о необходимости безотлагательнаго выѣзда изъ Парижа Императрицы и Короля Римскаго. Напротивъ того, Г. Булѐ (Boulay dela Meurthe) полагалъ, что отбытіе ихъ изъ столицы заставило-бы каждаго думать единственно о собственной безопасности и чрезвычайно затруднило-бы оборону Парижа. По его мнѣнію, партія враждебная правительству могла воспользоваться отсутствіемъ Императрицы и провозгласить Бурбоновъ, подобно тому какъ случилось въ Бордо̀. И по тому Булѐ предложилъ, чтобы Марія-Луиза, по примѣру знаменитой прародительницы своей Маріи-Терезіи, отправилась въ городскую ратушу съ своимъ сыномъ и вызвала къ оружію жителей Парижа, могшихъ выставить сто тысячъ солдатъ въ ея защиту (4).

Быть-можетъ—Парижане показалибы себя достойными такого вызова: не намъ сомнѣваться въ чьемъ-бы то ни было сомоотверженіи послѣ жертвъ принесенныхъ Русскими въ 1812 году, послѣ всего, на что̀ они были готовы въ послѣдствіи каждый разъ, когда угрожала опасность Россіи. Но для вооруженія ста тысячъ солдатъ требовалось сто тысячъ ружей—а ихъ не было, да еслибы они и нашлись, то никто въ Парижѣ не отважился-бы раздать ихъ народу безъ разрѣшенія самаго Наполеона. Тѣмъ неменѣе однакоже великодушное мнѣніе Булѐ нашло отзывъ въ нѣкоторыхъ изъ Членовъ Совѣта. Герцогъ Ровиго (Савари) и старый Масса (Реньѐ) поддерживали его съ увлеченіемъ, и даже герцогъ Кадорскій (Шампаньи), выйдя изъ обычной ему апатіи, совѣтовалъ оставаться въ Парижѣ до послѣдней крайности. Король Іосифъ и Камбасерѐсъ молчали. Наконецъ Талейранъ, выждавъ минуту, когда по видимому Совѣтъ колебался въ нерѣшимости, изъявилъ такое мнѣніе, какое могъ подать человѣкъ глубоко преданный Наполеонидамъ. Правда—онъ не счелъ нужнымъ распространяться объ энтузіазмѣ, который могло вызвать появленіе въ городской ратушѣ Императрицы съ малолѣтнымъ сыномъ на рукахъ, потому что старый дипломатъ нелегко поддавался невольному увле-

ченію, но онъ убѣждалъ Членовъ Совѣта въ опасности оставить Парижъ, предавъ столицу Имперіи враждебнымъ покушеніямъ партіи Бурбоновъ, поддержанной Союзными арміями. Въ послѣдствіи, когда Талейранъ сдѣлался главнымъ виновникомъ паденія Имперіи, говорили, что онъ выразилъ такое мнѣніе въ Совѣтѣ, полагая, что правительство, изъ недовѣрчивости къ нему, отвергнетъ его предложеніе. Гораздо вѣроятнѣе, что Талейранъ, безъ всякой задней мысли, слѣдовалъ внушенію здраваго разсудка; къ тому-же, отъѣздъ изъ Парижа былъ несогласенъ съ его видами. Онъ вовсе нехотѣлъ считаться вмѣстѣ съ правительствомъ уже близкимъ къ паденію, а предложивъ отъѣздъ Императрицы и высшихъ сановниковъ, немогъ-бы самъ остаться въ Парижѣ, изъ опасенія навлечь на себя еще большія подозрѣнія и безъ того уже недовѣрявшаго ему Наполеона. Къ тому-же мнѣніе, выраженное Талейраномъ, имѣвшее видъ преданности къ императорской династіи, могло быть полезно ему въ случаѣ, еслибы Наполеонъ удержался на престолѣ. По сборѣ голосовъ оказалось значительное большинство ихъ въ пользу предложенія Талейрана. Но вслѣдъ за тѣмъ военный министръ произнесъ рѣчь, доказывая, что Парижъ не составлялъ всей Франціи, что потерявъ Парижъ, слѣдовало удалиться въ области свободныя отъ непріятельскаго нашествія и продолжать защиту страны до послѣдней возможности, и что, напротивъ того, оставя Императрицу и сына ея въ столицѣ и подвергнувъ ихъ опасности попасться въ руки Союзниковъ, нельзя было надѣяться на упорную борьбу съ такими огромными силами, какими располагали непріятели Франціи. Эти доводы не убѣдили никого изъ Членовъ Совѣта: всѣ они сознавали, что потеря столицы влекла за собою паденіе правительства, основаннаго на военныхъ успѣхахъ и неупрочившаго связи съ народомъ. Собрали вновь голоса, и почти единогласно рѣшили, чтобы Марія-Луиза и сынъ ея остались въ Парижѣ.

Только тогда лишь Король Іосифъ прервалъ свое упорное молчаніе. Онъ прочелъ два письма Наполеона, одно изъ Труа, послѣ боя при Ля-Ротьерѣ, и другое, изъ Реймса, послѣ сраженій при Краонѣ и Ланѣ: въ обѣихъ депешахъ было сказа-

но, чтобы ни въ какомъ случаѣ не допускать Императрицу и сына ея впасть въ руки Союзникамъ ([5]). Совѣтъ, не отваживаясь принять рѣшеніе противное такому опредѣлительному предписанію Наполеона, положилъ, чтобы Императрица съ своимъ сыномъ, въ сопровожденіи архиканцлера Камбасерѐса, уѣхала изъ Парижа на слѣдующій день, 17 (29) марта, а Король Іосифъ со всѣми министрами остался для защиты столицы. Увѣряютъ, будтобы Талейранъ, по окончаніи совѣщанія, спускаясь медленно по тюльериской лѣстницѣ, сказалъ герцогу Ровиго (Савари): «и такъ, вотъ какимъ образомъ суждено было окончиться этому славному владычеству! Императоръ былъбы достоинъ сожалѣнія, еслибы не заслужилъ своей участи, окруживъ себя людьми совершенно неспособными.» Савари, тогда бывшій не въ большой милости у Наполеона, не отвѣчалъ ни слова, но казалось одобрительно принялъ выходку Талейрана, который, желая вызвать его къ откровенности, продолжалъ: «Впрочемъ, не всякій рѣшится погибнуть подъ такими развалинами, и право уже настало время подумать и о себѣ.» Но какъ Савари упорно хранилъ молчаніе, то осторожный Талейранъ заключилъ свою рѣчь, сказавъ: «увидимъ!» и торопливо уѣхалъ.

По окончаніи Совѣта, Король Іосифъ, Камбасерѐсъ и Кларке, провожая Императрицу въ ея покои, сознавались, что отбытіе ея изъ Парижа было сопряжено съ большими неудобствами, но никто не осмѣлился предложить что-либо несогласное съ волею Наполеона. Тѣмъ не менѣе рѣшили удостовѣриться— дѣйствительно-ли была велика опасность, и съ этою цѣлью Король Іосифъ взялъ на себя произвести рекогносцировку окрестностей Парижа. Легко было предвидѣть, что это обозрѣніе немогло разувѣрить его и прочихъ совѣтниковъ Маріи-Луизы въ необходимости ея отъѣзда изъ столицы. ([6]).

Приступая къ изложенію мѣръ принятыхъ для защиты Парижа, бросимъ взглядъ на поле сраженія рѣшившаго судьбу столицы Франціи, уже около четырехъ вѣковъ не видѣвшей непріятельскихъ войскъ въ стѣнахъ своихъ.

Отъ селенія Карнстенъ (Carnetin), близъ Ланьи, пролегаетъ къ западу цѣпь холмовъ и плато̀, образующая черту водораздѣла между рѣчками, изъ коихъ однѣ сливаются въ Сену при Сенъ-Дени, а другія впадаютъ прямо въ Марну и Сену, на пространствѣ между Ланьи и Сенъ-Клу. Отъ Росни (Rosny) до шомонской высоты (butte de Chaumont) близъ Парижа простирается плато̀ съ незначительными возвышеніями; далѣе—между холмами шомонскимъ и *Пяти-мѣльницъ* (Cinq-moulins), мѣстность, понижаясь, образуетъ лощину, гдѣ проходитъ уркскій каналъ (canal del'Ourcq) и лежатъ селенія Ла-Шапель и Вилеттъ. Оттуда къ западу, черта водораздѣла образуетъ крутыя высоты: *Пять-мѣльницъ, Монмартръ* и *батиньольскіе холмы* (les mamelons de Batignolles), а потомъ понижается вдоль внѣшнихъ парижскихъ бульваровъ до нёльиской заставы, гдѣ опять возвышается, оканчиваясь холмами у Пасси (Passy) и Отёля (Auteuil). Собственно-же для обороны доступовъ къ Парижу могли служить: съ востока, откуда подходила Главная Союзная армія, плато̀ отъ Росни до шомонской высоты, а съ сѣвера, гдѣ наступала армія Блюхера, Монмартръ.

Съ восточной стороны, встрѣчалась довольно выгодная позиція тамъ, гдѣ плато значительно сужается между селеніями Монтрёлемъ (Montreuil) и Нуази-ле-Секъ (Noisy-le-Sec). Эти селенія, а равно Роменвиль (Romainville) и Маляссн (Malassis), состоящія изъ каменныхъ строеній съ черепичными кровлями, могли служить пунктами опоры для фланговъ позиціи, при оборонѣ противъ непріятеля наступающаго отъ Бонди. Впрочемъ—сія позиція была подвержена обходу справа по дорогѣ изъ Ланьи.

За этою позиціей, позади Баньолѐ (Bagnolet), находится другая, весьма удобная для обороны обѣихъ дорогъ изъ Мо и Ланьи. Здѣсь плато̀, снова суживаясь, имѣетъ протяженіе въ ширину неболѣе версты, и вообще позиція была доступна только съ фронта, да и тамъ высота на лѣвомъ крылѣ позади Роменвиля, роменвильскій лѣсъ и бріерскій паркъ представляли средства къ упорной оборонѣ и къ переходу въ наступленіе.

Наконецъ — третія позиція съ восточной стороны Парижа

образуется у Шароннъ (Charonne) и Пре-Сенъ-Жерве (Prè-St.-Cervais), небольшими оврагами, стѣсняющими плато въ ширину до полуверсты. Опорными пунктами сей позиціи могли служить: на правомъ крылѣ кладбище Монъ-Луи (Père-La-Chaise), холмъ Фонтарабіи (butte de Fontarabie) и въ видѣ передоваго поста селеніе Шароннъ; въ центрѣ высота Телеграфа (butte de Télégraphe) и фронтальныя стороны Бельвиля и Менильмонтанъ; на лѣвомъ крылѣ высота Борегаръ (butte de Beauregard) и передовой постъ—селеніе Пре-Сенъ-Жерве. Но равнина между высотою Борегаръ и уркскимъ каналомъ представляла возможность наступающимъ войскамъ, по занятіи ими Пантена и гребня высотъ между Роменвилемъ и Пре-Сенъ-Жерве, обойти позицію съ лѣваго фланга, и овладѣвъ шомонскою высотою (butte de Chaumont), устремиться на возвышенія господствующія надъ внѣшними бульварами.

Позиція на монмартрскихъ высотахъ, съ сѣверной стороны Парижа, между селеніями Ла-Шапель и Батиньоль, на протяженіи около двухъ съ половиною верстъ, состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей: правое крыло ея, такъ называемая высота Пяти-мѣльницъ, на протяженіи болѣе четырехъ сотъ саженей, образуетъ возвышенную куртину, которой бастіонами служатъ селенія Ла-Шапель и Клиньянкуръ (Clignancourt). Здѣсь могутъ дѣйствовать свободно всѣ роды оружія, какъ со стороны обращенной въ поле, такъ и со стороны Парижа.—Въ центрѣ возвышается гора Монмартръ съ селеніемъ того-же имени. Протяженіе ея въ длину, отъ востока къ западу, около версты, а въ ширину, отъ сѣвера къ югу, менѣе пятидесяти саженей: такимъ образомъ вершина Монмартра образуетъ гребень, окаймленный болѣе или менѣе крутыми скатами: сѣверная сторона, съ своими обрывами и строеніями, представляла средства къ упорной оборонѣ; съ запада высота была почти совершенно неприступна; съ востока, обрывистые скаты допускаютъ доступъ лишь по дорогѣ изъ Клиньянкура, и по тому нападеніе оттуда было возможно не прежде, какъ по занятіи наступавшими войсками этого селенія. Со стороны-же Парижа, не смотря на крутость скатовъ, войска и артиллерія могли удобно взбираться

до самаго гребня. — На лѣвомъ крылѣ, холмы кордегардіи (hutte au garde) и батиньольское предмѣстье (les Batignoles) выдаются, въ видѣ бастіоновъ, на флангахъ куртины Трехъмѣльницъ (les buttes de Trois moulins), имѣющей въ длину около трехъ сотъ саженей (7).

Вообще-же окрестности Парижа могли весьма удобно быть усилены искусственными средствами, и для этого нетребовалось ни продолжительнаго времени, ни большихъ работъ. Еще въ генварѣ, Наполеонъ, отвергнувъ проектъ укрѣпленія Парижа, составленный въ комитетѣ обороны (comité de défense), приказалъ прикрыть заставы деревянными постройками, изъ коихъ каждая могла помѣстить въ себѣ отъ 20-ти до 50-ти человѣкъ. Эти небольшія укрѣпленія (тамбуры) были назначены исключительно для отраженія кавалерійскихъ партій; чтобы доставить имъ фланговую оборону, пробили бойницы въ сосѣдственныхъ строеніяхъ и въ ближайшихъ частяхъ городской стѣны, которой обвалы тогда-же были заграждены палисадами и каменными баррикадами. Вся артиллерія, назначенная для обороны сей необъятной ограды, состояла изъ 76-ти орудій 4-хъ и 8-ми-фунтоваго калибра: изъ этого числа 28 орудій были отдѣлены въ резервы, по обѣ стороны Сены. Кромѣ того, доступы къ городу оборонялись мѣстными батареями, на которыхъ были размѣщены 57 орудій (8).

Мосты на Марнѣ, у Шарантона и Сенъ-Моръ, были прикрыты тамбурами (9).

Вооруженныя силы, назначенныя для обороны Парижа, были весьма недостаточны. Гарнизонъ столицы состоялъ: во 1-хъ, изъ національной стражи, подъ начальствомъ маршала Монсея; во 2-хъ, изъ линейныхъ войскъ 1-й военной территоріальной дивизіи, генерала Гюллена, и наконецъ, въ 3-хъ, изъ гвардейскихъ резервовъ генерала Орнано. Общее начальство надъ всѣми этими войсками было ввѣрено Наполеономъ брату его, Королю Іосифу.

На основаніи декрета отъ 3-го генваря н. ст. пѣхота парижской національной стражи долженствовала состоять изъ 12-ти легіоновъ 4-хъ-баталіоннаго состава; каждый баталіонъ заклю-

чалъ въ себѣ пять ротъ, по 125-ти человѣкъ въ каждой, слѣдовательно въ баталіонахъ полагалось по 625-ти, въ легіонахъ по 2,500 и во всей парижской національной стражѣ 30,000 человѣкъ. Легіоны соотвѣтствовали двѣнадцати муниципальнымъ округамъ (arrondissemens municipaux), а баталіоны, (на сколько допускало число жителей), сорока восьми городскимъ кварталамъ. Послѣдующими декретами постановлено придать къ сей пѣхотѣ два артиллерійскихъ баталіона, составленныхъ изъ трехъ сотъ воспитанниковъ Политехнической школы и четырехъ сотъ восьмидесяти канонеровъ, изъ инвалиднаго дома. Эти артиллеристы составили прислугу мѣстныхъ батарей. Постройка-же батарей и тамбуровъ была поручена инженерамъ вѣдомства путей сообщеній (ponts et chaussées). Наконецъ — положено было сформировать роту такъ называемыхъ конныхъ гидовъ (guides à cheval).

Формированіе парижской національной стражи производилось съ большими затрудненіями, и—какъ выражался Бертьè—Наполеонъ образовалъ эту стражу противъ своего и ея собственнаго желанія (malgré lui, malgré elle). И дѣйствительно—Парижане смотрѣли на сіе народное ополченіе, какъ на новую конскрипцію, а Наполеонъ, съ своей стороны, приступалъ нехотя къ устройству войска враждебнаго его самовластью. Обоюдная недовѣрчивость и недостатокъ въ средствахъ къ обмундированію и вооруженію національной стражи замедлили ея формированіе и не позволили собрать болѣе 12,000 человѣкъ, изъ коихъ только 7,000 имѣли солдатскія ружья; прочіе-же были вооружены плохими карабинами и охотничьими ружьями. Войска эти были размѣщены по городской оградѣ, либо, смѣнивъ линейную пѣхоту, заняли караулами посты внутри города; часть ихъ, въ числѣ отъ 6-ти до 7-ми тысячъ человѣкъ, была расположена отдѣльными командами на высотахъ Фонтарабіи, Менильмонтанъ, Бельвиль, Шомонъ, Монмартра и Батиньоль.

Линейныя войска, тогда находившіяся въ Парижѣ, состояли: изъ 30-ти запасныхъ или пятыхъ баталіоновъ, нѣсколькихъ ротъ инвалидовъ, жандармской и пожарной (sapeurs-pompiers) командъ. За исключеніемъ карауловъ при тюрьмахъ и госпиталяхъ, гене-

ралъ Гюлленъ могъ употребить изъ всѣхъ этихъ войскъ неболѣе 1,700 человѣкъ для занятія, вмѣстѣ съ шестью стами человѣкъ гвардіи, внѣшнихъ постовъ Сенъ-Дени, Венсенъ, Сенъ-Моръ, Шарантонъ, Нёльи, Серръ и Сенъ Клу.

Въ версальскомъ главномъ ремонтномъ депо было до тысячи человѣкъ кавалеріи готовой къ дѣйствію, но генералъ Превалъ, по приказанію Короля Іосифа, сформировалъ изъ нихъ сводный полкъ, подъ командою полковника Кариньяна, для конвоированія, 18 (30) марта, Императрицы Маріи-Луизы до Рамбульѐ (Rambouillet).

Что касается до гвардейскихъ резервовъ, то утромъ 16-го (28-го) марта еще оставалось въ парижскихъ депо болѣе 5,000 человѣкъ Молодой гвардіи, именно: 3,600 пѣхоты, 1,500 кавалеріи и 150 канонеровъ и ѣздовыхъ. Но въ тотъ-же день были отправлены въ Мо 1,500 человѣкъ пѣхоты и 700 кавалеріи, подъ начальствомъ генерала Гюй (Guye), которые, достигнувъ Кле, присоединились къ отряду Компана. 17-го (29-го), назначили въ конвой Маріи-Луизы 1,500 человѣкъ пѣхоты и 300 кавалеріи, слѣдовательно оставалось всего на все 600 пѣхотинцевъ и 500 всадниковъ, но генералъ Орнано, кромѣ того сформировалъ изъ 4,000 конскриптовъ дивизію, подъ начальствомъ едва успѣвшаго выздоровѣть отъ раны генерала Мишеля.

Оборона роменвильскаго плато была предоставлена Мармону, а монмартрскихъ высотъ—маршалу Мортьѐ. Число войскъ Мармона, вмѣстѣ съ отрядомъ Компана, простиралось до 12,400, а Мортьѐ, вмѣстѣ съ дивизіей Мишеля и драгунами Руссель-д' Юрбаля, до 11,000 человѣкъ ([10]). Артиллерія при войскахъ обоихъ маршаловъ состояла изъ 21-го ѳрудія

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что въ оборонѣ Парижа дѣйствительно участвовали:

	Число войскъ.	Число орудій.
Корпусы Мармона и Мортьѐ.	23,400 челов.	— 21.
Запасные гвардейскіе эскадроны	320 —	— —
Парижская національная стража маршала Монсея	7,200 —	— 76.

Артиллеристы національной стражи	780	—	—	—
Артиллерія на батареяхъ у Рувруа, Пре-Сенъ-Жерве, Фонтарабіи, и проч.	210	—	—	57.
На внѣшнихъ постахъ: Сенъ-Морѣ, Шарантонѣ, Венсенѣ, Сенъ-Дени, Нёльи и Сенъ-Клу.	1,970	—	—	—
Всего. . .	33,880 челов.	—	154 ор. (*).	

Въ числѣ этихъ войскъ было около 28,000 человѣкъ пѣхоты и 5,600 кавалеріи.

Присоединивъ къ нимъ отъ 5-ти до 6-ти тысячъ національной стражи, назначенныхъ для обороны заставъ и городской ограды, окажется общее число защитниковъ столицы Франціи до 40,000 человѣкъ.

Съ разсвѣта 17-го (29-го) марта, въ Парижѣ господствовало смятеніе предвозвѣщавшее близкую опасность. Одни изъ жителей торопились уѣхать изъ города; другіе высылали свои семейства, между тѣмъ какъ многіе, уходя изъ страны занятой Союзными войсками, искали убѣжище въ столицѣ. Парижане, въ тревожномъ ожиданіи, толпились на площадяхъ, бульварахъ и набережныхъ, либо спѣшили на высоты господствующія надъ городомъ, высматривая непріятеля. Начальники войскъ дѣятельно готовились къ оборонѣ столицы. Король Іосифъ обнародовалъ воззваніе, (**) въ коемъ, призывая къ оружію парижскихъ гражданъ, увѣрялъ ихъ въ скоромъ прибытіи Императора (11). Тогда-же въ Монитёрѣ появилось извѣстіе, что Наполеонъ раз-

(*) По всей вѣроятности число артиллерійскихъ орудій, участвовавшихъ въ оборонѣ Парижа, было болѣе заимствованнаго нами изъ французскихъ источниковъ: не подлежитъ сомнѣнію, что на монмартрскихъ высотахъ было до 30-ти орудій, у Шарантона 8, у Сенъ-Мора 8 орудій, и проч.

(**) Какъ въ воззваніи Короля Іосифа было сказано, что онъ остается съ Парижанами, то появилась слѣдующая эпиграмма:

«Le grand roi Joseph, pâle et blême,
Pour nous sauver reste avec nous.
Croyez, s'il ne nous sauve tous,
Qu' il se sauvera bien lui-même.»

билъ генерала Винцингероде, захватилъ 2,000 плѣнныхъ, орудія и много обозовъ, и далеко преслѣдовалъ его. Парижане, успокоенные этими офиціальными свѣдѣніями, надѣялись, что ихъ Императоръ прибудетъ къ нимъ одновременно съ появленіемъ непріятеля. Король Іосифъ, зная намѣреніе своего брата—идти на сообщенія Союзниковъ, неожидалъ его такъ скоро, но полагалъ, что къ Парижу наступалъ только одинъ какой-либо непріятельскій корпусъ ([12]). Тѣмъ не менѣе однакоже въ тюльерискомъ дворцѣ торопливо готовились къ отъѣзду. Вся площадь Каруселя была заставлена придворными экипажами; на нихъ нагружали, кромѣ вещей нужныхъ для императорской фамиліи, драгоцѣннѣйшія бумаги самаго Наполеона, остатокъ сбереженнаго имъ сокровища—до 18-ти милліоновъ франковъ (болѣе 5-ти милліоновъ рублей), большею частью золотомъ, и коронныя бриліанты. У дворца собралось множество народа; нѣкоторые громко роптали на Императрицу, говоря, что отъѣздъ ея предастъ городъ мщенію Союзныхъ войскъ, и что только лишь присутствіе дочери и внука Императора Франца могло охранить столицу отъ грабежа и пламени; другіе, большею частью офицеры народной стражи, пробравшись во внутренніе покои дворца, отважились выразить Маріи-Луизѣ общее желаніе народа — чтобы она не оставляла Парижа — изъявляя готовность защищать ее до послѣдней крайности. Императрица, растроганная до слезъ, благодарила ихъ, но несмѣла воспользоваться ихъ самоотверженіемъ. Около полудня, когда военный министръ уже нѣсколько разъ увѣдомилъ Дворъ о появленіи легкой непріятельской кавалеріи въ окрестностяхъ Парижа, Марія-Луиза отправилась съ своимъ сыномъ въ Рамбулье. Несчастный младенецъ, вѣнчанный въ колыбели, обреченный изгнанію и смерти во цвѣтѣ лѣтъ, какъ будтобы прозрѣвъ свою будущность, нехотѣлъ выдти изъ дворца, топалъ ногами, кидался на полъ и вообще выказывалъ нетерпѣніе и раздражительность, несвойственныя его нѣжному возрасту. Необходимо было насильно увлечь его и снести въ карету ([13]).

Утромъ Король Іосифъ, съ своимъ начальникомъ штаба генераломъ Матьё и начальникомъ штаба парижской національ-

ной стражи Алленомъ (chevalier Allent), рекогносцировалъ доступы къ Парижу. Алленъ, уже ознакомившійся съ мѣстностью роменвильскаго плато̀, обратилъ вниманіе Короля на важнѣйшіе пункты въ оборонительномъ отношеніи. Обозрѣвъ селеніе Пантенъ и высоты образующія первую позицію, Іосифъ приказалъ генералу Орнано расположить его кавалерію у мѣльницы Ла-Фоли, для наблюденія равнины между Нуази-ле-Секъ и Бонди; за тѣмъ поѣхалъ въ Росни, туда, гдѣ должны были появиться непріятельскія колонны, наступающія по дорогамъ изъ Монфермель (Montfermeil) и Ланьи, и осмотрѣлъ тамбуры построенные у Сенъ-Мора и Шарантона, на лѣвой сторонѣ Марны. Цѣлью рекогносцировки было наивыгоднѣйшее размѣщеніе войскъ назначенныхъ для обороны Парижа. Возвратясь въ Тюльери, Король, по совѣщаніи съ тремя маршалами ([14]), сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

18 (30) марта, герцогъ Рагузскій (Мармонъ) долженъ былъ занять роменвильскую позицію, а герцогу Тревизскому (Мортье) была поручена защита лощины между скатами плато и уркскимъ каналомъ, селеній Ла-Вилеттъ и Ла-Шапель и монмартрскихъ высотъ. Условлено, чтобы главная квартира Короля находилась на Монмартрѣ, подъ прикрытіемъ части парижскаго гарнизона; остальныя войска генерала Гюллѐна, вмѣстѣ съ національною стражею герцога Конельяно (Монсея), должны были занимать внутренніе караулы, оборонять заставы и принять на себя защиту доступовъ неприкрытыхъ арміей. Артиллерійскіе резервы, въ числѣ 28-ми орудій, запряженныхъ почтовыми лошадьми, съ прислугою изъ воспитанниковъ Политехнической школы и гвардейскихъ канонеровъ-инвалидовъ, подъ командою маіора Эвена, составили батарею у заставы Трона. Монсей старался вызвать изъ національной стражи волонтеровъ, для обороны высотъ Монмартра и Шомона, но немногіе лишь Парижане изъявили къ тому охоту. Начальство надъ арміей было раздѣлено между шестью маршалами и генералами, изъ коихъ четыре, Мармонъ, Мортье, Компанъ и Орнано, командовали войсками первой линіи независимо одинъ отъ другаго; Гюлленъ, въ качествѣ губернатора Парижа, распоряжалъ обороною городской ограды,

а старому маршалу Монсею предоставлена была команда только там, гдѣ, кромѣ парижской національной стражи, не было никакихъ другихъ войскъ. Хотя общее начальство надъ всѣми войсками было сосредоточено въ рукахъ Короля Іосифа, однакожє онъ не могъ исполнять надлежащимъ образомъ лежавшихъ на немъ обязанностей, какъ по неопытности своей, такъ и по слабости характера ([15]).

Въ ночи на 18-е (30-е) марта, со стороны Союзниковъ, кромѣ общей диспозиціи, на основаніи которой Главная армія должна была атаковать роменвильское плато̀, Силезская—Монмартръ, а Вреде—прикрывать Союзниковъ съ тыла, сдѣланы были особыя распоря̀женія для войскъ Главной арміи: корпусу Раевскаго съ 2-ою кирасирскою дивизіей Кретова, въ числѣ 12,800 человѣкъ пѣхоты и 3,200 кавалеріи съ 53-мя орудіями, поручено овладѣть роменвильскими и беллевильскими высотами; для поддержанія его назначены гвардія и резервы, въ числѣ 22,000 человѣкъ съ 56-ю орудіями. Корпусу Кронъ-принца виртембергскаго, въ числѣ 15,000 человѣкъ, назначено двинуться вдоль Марны, овладѣть венсенскимъ паркомъ, Сенъ-Моромъ и Шарентономъ, съ тамошними мостами, и обложить венсенскій за̀мокъ; Гіулай съ 13,000 человѣкъ долженъ былъ поддерживать его. Генералу Иловайскому, съ бывшими въ командѣ его тремя казачьими полками, предписано переправиться на лѣвую сторону Марны и открыть сообщеніе съ отрядомъ Сеславина ([16]).

Императоръ Александръ послалъ Блюхеру повелѣніе—атаковать Монмартръ въ пять часовъ утра ([17]). Еслибы это распоряженіе могло быть исполнено и войска обѣихъ Союзныхъ армій, въ числѣ около 100,000 человѣкъ (*), были одновремен-

---

(*) Союзныя войска, дѣйствительно принявшія участіе, либо находившіяся на полѣ сраженія, въ битвѣ подъ Парижемъ: *изъ Главной арміи*: корпусъ Раевскаго и россійско-прусскіе резервы 38,000 человѣкъ; корпусъ Кронъ-принца виртембергскаго 15,000 человѣкъ; *изъ Силезской арміи*: корпусы Іорка и Клейста 18,000 человѣкъ; войска графа Ланжерона 17,000 человѣкъ; пѣхоты корпуса Винцингероде, подъ начальствомъ графа Воронцова, 12,000 человѣкъ. Вообще-же было:

Русскихъ войскъ.	63,400	человѣкъ.
Прусскихъ —	21,100	—

но введены въ дѣло рано утромъ, когда Мармонъ и Мортье еще не успѣли занять назначенныхъ имъ пунктовъ, то овладѣніе Парижемъ не представило-бы никакихъ затрудненій. Но многія обстоятельства замедлили наступленіе Силезской арміи. Прусскій офицеръ, поручикъ Рейхенбахъ, посланный 17 (29) марта Блюхеромъ въ главную квартиру Союзныхъ Монарховъ, за диспозиціей на слѣдующій день, получилъ ее не прежде 11-ти часовъ ночи, и отправясь изъ Бонди въ Виллепинтъ безъ проводника, сбился съ дороги и пріѣхалъ въ главную квартиру Блюхера въ восьмомъ часу утра: такимъ образомъ Силезская армія немогла подойти къ Монмартру прежде полудня. Корпусъ Кронъ-принца виртембергскаго, находясь гораздо далѣе отъ Парижа, нежели полагали въ главной квартирѣ князя Шварценберга, также не могъ прибыть рано утромъ на поле сраженія, и потому въ началѣ боя Союзники ввели въ дѣло только 16,000 человѣкъ Раевскаго, которымъ непріятель могъ противопоставить болѣе 20,000 человѣкъ съ девяноста орудіями ([18]).

Готовясь къ бою, князь Шварценбергъ, по соизволенію Монарховъ, обнародовалъ слѣдующее воззваніе къ жителямъ столицы Франціи.

«Обитатели Парижа! Союзныя арміи у стѣнъ вашихъ. Цѣль ихъ прибытія—надежда искренняго и прочнаго примиренія съ вами. Уже двадцать лѣтъ Европа утопаетъ въ крови и слезахъ. Всѣ покушенія положить предѣлъ ея бѣдствіямъ были напрасны, потому что въ самой власти, васъ угнетающей, заключается неодолимое препятствіе миру. Кто изъ Французовъ не убѣжденъ въ сей истинѣ?

«Союзные Монархи чистосердечно желаютъ найти во Франціи благотворную власть, могущую укрѣпить союзъ ея со всѣми народами и правительствами; въ настоящихъ обстоятельствахъ,

Виртембергскихъ—	 11,000	человѣкъ
Австрійскихъ —	 4,000	—
Баденскихъ —	 500	—
всего	. . 100,000	человѣкъ.

Schulz. Geschichte der Kriege in Europa seit 1792 XIII. 175. 177, 179, 180 und 183.—Eugen v. Würtemberg, Memoiren. III. 290—292.

Парижу предстоитъ ускорить всеобщій миръ. Ожидаемъ вашего мнѣнія съ нетерпѣніемъ, внушаемымъ необъятными послѣдствіями вашего рѣшенія. Объявивъ его, тотчасъ найдсте защитниковъ въ арміи стоящей предъ вами.

«Парижане! Вамъ извѣстны положеніе вашего Отечества, поступки жителей Бордо, дружественное занятіе Ліона, бѣдствія Франціи и истинный образъ мыслей вашихъ сограждан. Эти примѣры укажутъ вамъ средство прекратить войну и внутренніе раздоры: другаго—нѣтъ.

«Охраненіе и спокойствіе вашего города будутъ предметомъ попеченій и мѣръ, которыя примутъ Союзники, вмѣстѣ съ властями и лицами, облеченными общимъ довѣріемъ. Въ столицѣ небудетъ военнаго постоя.

«Таковы чувства, съ коими обращается къ вамъ стоящая у стѣнъ вашихъ вооруженная Европа. Спѣшите оправдать довѣренность ею возлагаемую на вашу любовь къ Отечеству и ваше благоразуміе» ([19]).

Утромъ 18-го (30-го) марта, войска назначенныя для обороны Парижа получили приказаніе занять слѣдующее расположеніе:

На правомъ крылѣ, подъ начальствомъ Мармона: кавалерія его и компанова, именно дивизія Шастеля, бывшая Винсена, (1,600 чел.) и 1-й кавалерійскій корпусъ генерала Бордесуль (1,745 чел.) на оконечности праваго фланга у Монтрёль. Пѣхота Мармона и Компана, въ числѣ 9,000 человѣкъ, должны были занять пространство между Монтрёлемъ и Роменвилемъ. Слѣдовательно — число мармоновыхъ войскъ, оборонявшихъ роменвильское платò, простиралось до 12,345-ти человѣкъ ([20]).

На лѣвомъ крылѣ, подъ начальствомъ Мортьè, стояла въ первой линіи дивизія Мишеля, именно бригада Секретана (2,000 челов.) за селеніемъ Пантенъ и бригада Робера (2,000 чел.) въ Обервиллèрѣ (Aubervillers); по прибытіи-же на поле сраженія корпуса Мортьè, дивизія Кюріаля должна была расположиться во второй линіи, за бригадою Секретана, дивизія Христіани у Ла-Виллеттъ и Ла Шапель, дивизія Шарпантьè у по-

дошвы шомонской высоты, близъ предмѣстья Сенъ-Мартенъ, а драгунская дивизія Руссель-д'Юрбаля (Roussel d'Hurbal) и запасные гвардейскіе эскадроны графа Орнано стать на продолженіи лѣваго крыла второй линіи. Вообще-же подъ начальствомъ Мортье состояло пѣхоты до 9,000 и кавалеріи 2,200, всего 11,200 человѣкъ.

Слѣдовательно — въ командѣ обоихъ маршаловъ состояло, какъ выше сказано, около 24,000 человѣкъ линейныхъ войскъ, а вообще на полѣ сраженія подъ Парижемъ до 34,000 человѣкъ. Орудій вообще было 74 (53 на мѣстныхъ батареяхъ и 21 при войскахъ) ([21]).

Еслибы войска Мармона и Мортьѐ двинулись наканунѣ ввечеру отъ Шарантона, Венсена и Шароннъ на указанные имъ пункты, то моглибы заблаговременно занять Пантенъ и Роменвиль и приготовиться къ оборонѣ этихъ селеній, составлявшихъ ключи передовой роменвильской позиціи, а съ другой стороны—утвердиться на высотахъ Монмартра. Но Французы, прибывъ къ Парижу уже поздно вечеромъ, были весьма утомлены, и къ тому-же, хотя въ Парижѣ находились огромные склады жизненныхъ припасовъ, однакоже, при общей сумотохѣ, провіантское вѣдомство не озаботилось доставкою ихъ на биваки, и войска получили только то, что̀ дали имъ жители. На слѣдующее утро, Мармонъ, взойдя на скаты плато̀ у Шароннъ и Монтрёля, двинулся къ Роменвилю и прибылъ туда одновременно съ войсками Раевскаго. Маршалу Мортьѐ предстояло идти еще гораздо далѣе, сперва по внѣшнему бульвару отъ Шароннъ къ Бельвиль, а потомъ, спустившись съ плато̀ къ Пантену, двинуться чрезъ Вилеттъ и Ла-Шапель къ высотамъ Манмартра. Достигнувъ подошвы ихъ въ семь часовъ утра, маршалъ уже въ десятомъ часу расположилъ свои войска къ сѣверу отъ Парижа, правымъ флангомъ въ лощинѣ уркскаго канала, а лѣвымъ у Клиньянкура ([22]).

На разсвѣтѣ, когда въ Бонди, главной квартирѣ Императора Александра, вся Свита Государя верхомъ ожидала Его выѣзда на поле сраженія, уже изрѣдка раздавалась кано-

пада: это было наступленіе 14-й дивизіи генерала Гельфрейха. Хотя корпусъ Кронъ-принца виртембергскаго, долженствовавшій наступать одновременно съ войсками Раевскаго, находился еще далеко назади, однакоже Барклай де-Толли, завидѣвъ движеніе Французовъ со стороны Беллевиля, хотѣлъ предупредить ихъ въ Пантенѣ и поручилъ Гельфрейху овладѣть симъ селеніемъ.

Въ это время привели въ Бонди французскаго инженеръ-капитана Пейра (Peyre), который, будучи посланъ генераломъ Гюлленомъ на рекогносцировку, былъ захваченъ въ плѣнъ и выдалъ себя за парламентёра, хотя и не имѣлъ съ собою трубача, но потомъ сознался, что заблудился и нечаянно попалъ на русскій разъѣздъ. Офицеръ генеральнаго штаба (въ послѣдствіи историкъ войнъ Императора Александра) Михайловскій-Данилевскій, получивъ порученіе распросить плѣннаго, узналъ отъ него, что въ Парижѣ съ минуты на минуту ожидали Наполеона съ арміей, считая Союзныя войска, появившіяся въ виду столицы, за отрѣзанный Наполеономъ корпусъ. Самъ Государь пожелалъ видѣть плѣннаго, разговаривалъ съ нимъ болѣе получаса и поручилъ ему ѣхать къ главнокомандующему французскими войсками, съ объявленіемъ, что, «Его Величество требуетъ сдачи Парижа, стоитъ передъ стѣнами его «съ многочисленною арміей и ведетъ войну не съ Франціею, «а съ Наполеономъ.» Вмѣстѣ съ Пейромъ Государь приказалъ отправиться въ Парижъ флигель-адъютанту Орлову (Мих. Ѳедор.), сказавъ ему, что главною заботою его долженствовало быть спасеніе непріятельской столицы, и заключивъ свою рѣчь слѣдующими достопамятными словами: «Ступайте. Уполномочиваю васъ прекратить огонь вездѣ, гдѣ найдете нужнымъ, и «безъ всякой отвѣтственности остановить самыя рѣшительныя «атаки, и даже побѣду, чтобы предупредить бѣдствія Парижъ, «лишенный своихъ блуждающихъ защитниковъ и своего великаго человѣка, не можетъ устоять: я твердо убѣжденъ въ томъ. «Но Богу, даровавшему мнѣ могущество и побѣду, угодно, «чтобы я употребилъ ихъ для мира и спокойствія вселенной. «Если можемъ достигнуть сей цѣли безъ боя, тѣмъ лучше; если «нѣтъ—уступимъ необходимости и будемъ сражаться, потому

«что, волею или неволею, на штыкахъ или церемоніяльнымъ «маршемъ, на развалинахъ или въ чертогахъ, но сегодня-же «Европа должна ночевать въ Парижѣ» ([23]).

Полковникъ Орловъ, съ Пейромъ и двумя трубачами. и посланный съ нимъ адъютантъ Цесаревича, полковникъ Дьяковъ, поскакали прямо въ Пантенъ, гдѣ въ то время русская пѣхота завязала перестрѣлку съ непріятелемъ. Прибывъ въ передовую цѣпь, Орловъ приказалъ стрѣлкамъ прекратить огонь; вслѣдъ за тѣмъ—трубачъ подалъ сигналъ. Прибывшій съ нимъ французскій офицеръ выѣхалъ на встрѣчу своимъ стрѣлкамъ и также остановилъ пальбу. Пользуясь тѣмъ, Орловъ приблизился къ непріятельской цѣпи шаговъ на 30 или на 40. Капитанъ Пейръ, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ своими сослуживцами, исчезъ Русскіе офицеры остановились въ недоумѣніи, какъ вдругъ непріятель далъ по нимъ залпъ, а потомъ человѣкъ двадцать конныхъ егерей бросились на нихъ съ громкими криками. Полковникъ Орловъ едва успѣлъ обнажить саблю, а Дьяковъ отбился нагайкою отъ Француза схватившаго за узду его лошадь. Когда-же непріятели кинулись въ слѣдъ за ними и ворвались въ Пантенъ, это селеніе, уже нѣсколько разъ переходившее изъ рукъ въ руки, было занято русскими войсками, и конные егеря попались въ плѣнъ. Таковы были послѣдствія первой попытки прекратить напрасное кровопролитіе. Другія покушенія тоже не имѣли успѣха, пока оружіе заставило Французовъ смириться ([24]).

Выше уже сказано, что Французы не успѣли предупредить Союзниковъ въ Пантенѣ и Роменвилѣ. Пользуясь тѣмъ, Барклай де-Толли занялъ на-разсвѣтѣ оба эти селенія войсками 14-й пѣхотной дивизіи генерала Гельфрейха: первое—бригадою Рота (25-мъ и 26-мъ егерскими полками), а второе бригадою Лялина (Тенгинскимъ и Эстляндскимъ полками). Около 6-ти часовъ, Французы также двинулись впередъ Въ это время они занимали только центръ передовой позиціи между Монтрёлемъ и роменвильскимъ лѣсомъ, гдѣ была разсыпана въ стрѣлки дивизія Компана, въ числѣ 2,200 человѣкъ; селеніе-же Пантенъ и господствующая надъ нимъ роменвильская вы-

сота не были ими заняты, потому что Компанъ предоставилъ оборону этого важнаго пункта графу Орнано, который, съ своей стороны, полагая, что въ Пантенѣ станутъ прочія войска Компана, расположилъ состоявшую подъ его начальствомъ гвардейскую дивизію генерала Мишеля, въ числѣ 4,000 человѣкъ, позади Пантена; изъ остальныхъ-же войскъ Компана, дивизіи Ледрю-дезъ-Эссара (1,600 чел.) и Бойѐ (1,850 чел.) стояли на высотѣ Борегаръ и у селенія Пре-Сенъ-Жерве, а кавалерія Шастеля (бывшая Винсена), въ числѣ 1,600 человѣкъ, за уркскимъ каналомъ, у Ла-Шапель.

Мармонъ, взойдя на плато̀, около семи часовъ, немедленно устремилъ дивизію Ледрю въ роменвильскій лѣсъ, а дивизію Бойѐ къ Пантену. Кавалерія, состоявшая при его войскахъ, расположилась для прикрытія праваго фланга, между Шаронномъ и Венсенъ, въ двѣ линіи: въ 1-й стала прибывшая отъ Ла-Шапель дивизія Шастеля (1,600 чел.), а во 2-й кавалерійскій корпусъ Бордесуль (1,745 чел.). Дивизія Арриги (1,250 чел.) была расположена впереди Малясси и заняла передовымъ отрядомъ Монтрёль; дивизія Лагранжа (1,395 чел.) по обѣ стороны дороги ведущей изъ Бельвиля въ Роменвиль; дивизія Рикара (720 чел.) за нею въ двухъ колоннахъ, влѣво отъ бріерскаго парка, подъ покровительствомъ батареи изъ полевыхъ орудій, поставленной впереди парка Фаржо̀ (Fargeau) ([25]).

Въ семь часовъ утра, Барклай, замѣтивъ наступленіе непріятеля, приказалъ принцу Евгенію виртембергскому, съ его обѣими дивизіями и кирасирами Кретова, подкрѣпить Гельфрейха, у Пантена, а Раевскому, съ 5-ою дивизіей Мезенцова и съ остальною кавалеріей графа Палена, направиться чрезъ Роменвиль противъ праваго крыла непріятельской позиціи. Дивизія Бойѐ, не выждавъ встрѣчи съ русскими войсками, отошла назадъ и стала правѣе бригады Секретана, что̀ способствовало Гельфрейху удержаться въ Пантенѣ, но какъ это селеніе лежитъ у подошвы крутыхъ высотъ Пре-Сенъ-Жервѐ и Роменвиля, то непріятель, поставя сильныя батареи у перваго изъ сихъ селеній и у Ла-Виллеттъ въ лощинѣ уркскаго канала, поражалъ перекрестными выстрѣлами выходъ изъ Пантена. Принцъ

Евгеній, считая безразсуднымъ наступленіе вдоль канала, пока небыли заняты его войсками господствующія высоты, двинулся самъ, съ 3-й дивизіей князя Шаховскаго, въ которой было не болѣе 3,000 человѣкъ, къ Роменвилю, а 4-ю дивизію Пышницкаго (4,000 чел.) направилъ сперва къ Пантену, а потомъ влѣво отъ этого селенія, въ роменвильскій лѣсъ. Кирасиры Кретова, по свойству мѣстности, не имѣя возможности участвовать въ дѣлѣ, оставались въ резервѣ позади Пантена. Готовясь къ отчаянному бою, принцъ виртембергскій послалъ къ генералу Доврè, для передачи Барклаю де-Толли, записку слѣдующаго содержанія: «Romainville est la clef du terrain et doit être occupé. Un sanglant combat y attend le 2-me corps. Il se dévoue. Ce n'est pas la première fois. J'espère un prompt secours. Eugène.» (Роменвиль, ключь позиціи, долженъ быть занятъ. 2-му корпусу предстоитъ выдержать кровопролитный бой. Онъ обрекаетъ себя на жертву, и уже не въ первый разъ. Надѣюсь на скорую помощь) ([26]). Барклай, въ отвѣтъ принцу, обѣщалъ поддержать его гренадерскимъ корпусомъ. Тогда-же прусско-баденская гвардейская бригада была направлена къ Пантену, а русская гвардія сблизилась къ полю сраженія и стала у Нуази-ле-Секъ. Въ ожиданіи прибытія гренадеръ, принцъ Евгеній завязалъ бой съ несравненно сильнѣйшимъ непріятелемъ, именно съ дивизіей Компана, поддержанною дивизіями Ледрю и Лагранжа, въ числѣ болѣе 5,000 человѣкъ. Бригада Вольфа, обойдя вправо Роменвиль, и князь Шаховской, съ прочими полками своей дивизіи, двинувшись чрезъ это селеніе и лѣвѣе его, атаковали непріятеля, сильно занявшаго лѣсъ, и потѣснили его; здѣсь происходила перестрѣлка, длившаяся съ семи до девяти часовъ и стоившая русскимъ войскамъ до полуторы тысячи человѣкъ. Король Прусскій, прибывшій въ семь часовъ, вмѣстѣ съ своими сыновьями, Наслѣднымъ принцемъ и принцемъ Вильгельмомъ, на поле сраженія, былъ свидѣтелемъ подвиговъ совершенныхъ принцемъ Евгеніемъ и его сподвижниками ([27]).

Въ продолженіи сего боя, генералъ-лейтенантъ Мезенцовъ, съ 5-ою дивизіей, взойдя безъ сопротивленія на платò, напра-

вился съ четырьмя пѣхотными полками (2,400 чел.) къ Баньолё; бригада-же Властова (23-й и 24-й егерскіе полки, 1,400 челов.), по личному приказанію генераловъ Раевскаго и князя Горчакова, примкнула къ лѣвому флангу 3-й дивизіи и поступила въ распоряженіе принца Евгенія. Тогда-же графъ Паленъ съ своею легкою кавалеріей (1,400 челов.) двинулся на Монтрёль и влѣво отъ этого селенія (28)

Императоръ Александръ, прибывъ около восьми часовъ утра къ сражавшимся войскамъ, одобрилъ мѣры принятыя Барклаемъ для поддержанія центра. Желая развлечь вниманіе непріятеля и непозволить ему сосредоточить силы на роменвильскомъ платò, Государь послалъ приказаніе графу Ланжерону атаковать Монмартръ.

Значительное разстояніе, въ которомъ тогда находился корпусъ Кронъ-принца виртембергскаго, не позволило ему вступить въ бой одновременно съ войсками Барклая. Это обстоятельство способствовало Мармону устремить всѣ свои войска, въ числѣ болѣе 12,000 человѣкъ, противъ принца Евгенія и Раевскаго, которые могли противопоставить ему на роменвильскомъ платò только 8,200 человѣкъ, именно: 3-ю дивизію князя Шаховскаго 3,000, бригаду Властова 1,400, остальныя двѣ бригады 5-й дивизіи Мезонцова 2,400, и легкую кавалерію графа Палена 1,400 человѣкъ. Пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, Мармонъ предпринялъ выбить Русскихъ изъ лѣса у Роменвиля и овладѣть этимъ селеніемъ. Французамъ въ дѣйствительности удалось занять лѣсъ; но вслѣдъ за тѣмъ, около 11-ти часовъ утра, 4-й и 34-й егерскіе полки дивизіи Пышницкаго, подъ начальствомъ полковника Степанова и подполковника Русинова, взобравшись на крутые скаты платò, обошли непріятеля съ лѣваго фланга; баталіонъ Волынскаго полка, въ числѣ не болѣе четырехъ сотъ человѣкъ, также взойдя на платò, кинулся въ тылъ Французамъ и былъ почти совершенно истребленъ; потери обѣихъ сторонъ были весьма велики; безпрестанно надлежало смѣнять одну цѣпь другою; Степановъ и Русиновъ пали смертью героевъ впереди своихъ полковъ; тѣмъ неменѣе однакоже, дивизія Ледрю, одновременно

атакованная съ фронта и фланга, была принуждена очистить роменвильскій лѣсъ. Не менѣе упорный бой кипѣлъ въ лощинѣ уркскаго канала у подошвы высотъ. Стрѣлки дивизіи Мишеля и Бойѐ кинулись впереди и заняли ближайшіе къ нимъ домà селенія Пантенъ. Генералъ Кретовъ, съ нѣсколькими эскадронами кирасиръ, кинулся между высотами и селеніемъ въ атаку, но будучи встрѣченъ, на мѣстности неудобной для кавалеріи, сильнымъ огнемъ французской пѣхоты, отошелъ назадъ за селеніе. Полки 14-й дивизіи Гельфрейха, и въ особенности егеря, понесли большой уронъ: бригадный командиръ генералъ-маіоръ Ротъ и всѣ штабъ-офицеры 26-го полка были ранены (29).

Ровно въ полдень прибыли на мѣсто боя подкрѣпленія присланныя Баркласмъ де-Толли: прусско-баденская гвардія полковника Альвенслебена (3,600 чел.) подошла къ Пантенъ; 1-я гренадерская дивизія Чоглокова (4,500 чел.) двинулась къ Роменвилю и роменвильскому лѣсу; 2-я гренадерская дивизія Паскевича (4,500 чел.) направилась къ Монтрёлю. Прусская гвардія, быстро пройдя Пантенъ, устремилась далѣе по лощинѣ, но принцъ Евгеній остановилъ головной баталіонъ и приказалъ ему отойти за селеніе, въ ожиданіи дальнѣйшаго наступленія войскъ дѣйствовавшихъ на платò. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскія войска двигаются впередъ на всѣхъ пунктахъ: дивизія Пышницкаго, поддержанная гренадерами Чоглокова, окрыливъ съ лѣваго фланга войска Компана, идетъ ускореннымъ шагомъ къ высотамъ Сенъ-Жервѐ; дивизія князя Шаховскаго, бригада Властова, и за ними бригада Княжнина, подъ личнымъ начальствомъ принца Евгенія, направляются къ Беллевилю; дивизія Мезенцова, выбивъ непріятеля изъ Монтрёля, готовится атаковать войска Арриги на малясизскомъ платò, а графъ Паленъ угрожаетъ правому флангу кавалеріи Шастеля и Бордесуль. Въ часъ по полудни, Пышницкій атаковалъ селеніе Пре-Сенъ-Жервѐ, а князь Шаховской и генералъ Мезенцовъ, поддержанные гренадерами, прошли чрезъ бріерскій паркъ, отбили четыре орудія и направились къ Беллевилю. Но въ это самое время принцъ Евгеній получилъ отъ Барклая де-Толли

приказаніе пріостановить нападеніе до появленія корпуса Кронъ-принца на оконечности лѣваго крыла арміи. Въ ожиданіи того, генералъ-маіоръ Шталь, съ кирасирами Астраханскаго и Псковскаго полковъ, сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ атакъ на пѣхоту Бойѐ и Рикара. Въ продолженіи двухъ часовъ, бой на роменвильскомъ платò ограничивался пальбою ([30]). А между тѣмъ, съ 11-ти часовъ, раздавалась вправо сильная канонада, возвѣщавшая появленіе Блюхера на полѣ сраженія.

Войска Мортьѐ, прибывъ на указанныя имъ мѣста въ позиціи лѣваго крыла гораздо позже мармоновыхъ, заняли въ десять часовъ утра слѣдующее расположеніе: дивизія Кюріаля (1,820 чел.) стала позади Мезонеттъ, въ резервѣ бригады Секретана; дивизія Шарпантьѐ (1,500 чел.) у подошвы шомонской высоты, близъ предмѣстья Сенъ-Мартенъ; дивизія Христіани (1,630 чел.) заняла Ла-Вилеттъ и Ла-Шапель; бригада Робера (2,000 чел.), (дивизіи Мишеля), по прежнему стояла въ Обервиллерѣ (Aubervillers); кавалерія Бельяра (1,900 чел.) и Орнано (300 чел.), частью между Ла-Вилеттъ и Ла-Шапѐль, частью на продолженіи лѣваго крыла, между Ла-Шапель и Сентъ-Уэнъ ([31]).

Войска Силезской арміи, получивъ диспозицію уже въ 8-мъ часу утра, не могли принять участіе въ бою подъ Парижемъ ранѣе 11-ти. По распоряженію Блюхера ([32]), корпусъ Ланжерона (17,000 чел.) долженъ былъ, оставя часть войскъ для обложенія Сенъ-Дени, атаковать Монмартръ со стороны Клиши и Сенъ-Дени, корпусы Іорка и Клейста (18,000 чел.)—со стороны Ла-Вилеттъ и Ла-Шапель, а пѣхота корпуса Винцингероде (12,000 чел.), подъ начальствомъ графа Воронцова, слѣдовать въ резервѣ.

Корпусъ Ланжерона стоялъ впереди прочихъ войскъ Блюхера, у Ле-Бурже (le Bourget). Какъ только графъ Ланжеронъ услышалъ въ 6 часовъ утра канонаду со стороны Пантенъ, то, не выжидая приказанія, выступилъ по дорогѣ къ Ла-Вилеттъ, а генералу Емануелю съ авангардомъ ([33]), стоявшему еще наканунѣ противъ Обервиллеръ, приказалъ атаковать это селеніе, тогда занятое бригадою Робера ([34]). Въ десять часовъ, Ема-

нуель завязалъ съ непріятелемъ перестрѣлку, а, между тѣмъ, графъ Ланжеронъ, получивъ диспозицію Блюхера, отрядилъ къ Сенъ-Дени генералъ-лейтенанта Капцевича съ 9-мъ и 10-мъ пѣхотными корпусами; когда-же обнаружилось, что нельзя было взять этотъ укрѣпленный городъ открытою силою безъ большаго урона, тогда Ланжеронъ оставилъ для наблюденія за Сенъ-Дени генералъ-маіора Корнилова съ Витебскимъ и Куринскимъ пѣхотными и съ Дерптскимъ конно-егерскимъ полками. Въ часъ по полудни, Емануель, выбивъ бригаду Робера изъ Обервиллера, опрокинулъ ее къ Ла-Шапель. Туда-же былъ отброшенъ отрядъ польскаго маіора Козетульскаго, покушавшійся снабдить припасами сенъ-денискій гарнизонъ ([35]). Корпусы Іорка и Клейста, выступивъ въ 11 часовъ отъ Гранъ-Дранси, подошли въ первомъ часу на одну высоту съ селеніемъ Пантенъ. Генералъ Кацелеръ получилъ приказаніе перейти черезъ уркскій каналъ по мосту у Рувруà и войти въ связь съ правымъ крыломъ Главной арміи; принцъ Вильгельмъ прусскій долженъ былъ наступать между уркскимъ каналомъ и дорогою изъ Ле-Бурже; прочія войска Іорка и Клейста были направлены къ Ла-Шапель; изъ войскъ графа Ланжерона, 10-й корпусъ, съ остальными полками 9-го, подъ начальствомъ Капцевича, двинулся отъ Обервиллера къ Монмартру; 8-й корпусъ Рудзевича, выйдя на сентъ-уэнскую дорогу, также направился къ Монмартру, а генералъ Емануель, отправя состоявшіе въ авангардѣ егерскіе полки на присоединеніе къ 9-му корпусу, устремился съ своею кавалеріей ([36]) на дорогу изъ Клиши (Clichy), что̀ заставило маршала Мортье̂ протянуть кавалерію Бельяра влѣво и выслать для наблюденія за Емануелемъ гвардейскую кавалерію (320 чел.), подъ начальствомъ генерала Дотанкура (d'Autencourt). Вообще-же обходное движеніе войскъ графа Ланжерона и приготовленія къ атакѣ Монмартра корпусовъ Іорка и Клейста потребовали около трехъ часовъ: русскія войска были принуждены остановиться нѣсколько разъ и идти—по выраженію одного изъ очевидцевъ боя подъ Парижемъ—черепашьимъ шагомъ, собственно для того, чтобы дать время корпусамъ Іорка и Клейста принять участіе въ дѣлѣ ([37]). Блюхеръ все еще не

могъ лично управлять дѣйствіями Силезской арміи, и это было весьма замѣтно.

Обратимся къ дѣйствіямъ на роменвильскомъ плато, гдѣ войска Раевскаго и гренадерскій корпусъ, овладѣвъ передовою непріятельскою позиціей и отбросивъ Французовъ къ Сенъ-Жервè и Баньолè, получили приказаніе остановиться, въ ожиданіи наступленія Силезской арміи и корпуса Кронъ-принца виртембергскаго. Но прусская гвардія тогда-же вступила въ кровопролитный бой у Пантена.

Въ первомъ часу, когда Альвенслебенъ съ своею бригадою прибылъ къ этому селенію, оно было занято слабыми остатками дивизіи Гельфрейха, въ числѣ 1,200 человѣкъ, которые, будучи разсыпаны въ стрѣлки, не имѣли за собою резервовъ. У входа въ селеніе стояли два батарейныхъ орудія. Противъ нихъ, въ разстояніи около полуверсты, находилась бригада Секретана, и за нею дивизія Кюріаля, въ числѣ вообще до 4,000 человѣкъ; 4 французскихъ орудія стояли на дорогѣ противъ выхода изъ Пантена; двѣ батареи, изъ коихъ одна на высотѣ у Сенъ-Жервè, а другая въ лощинѣ уркскаго канала, обороняли дорогу перекрестными выстрѣлами. Принцъ Евгеній, предвидя, что наступленіе по лощинѣ не могло имѣть успѣха, пока господствовавшія надъ нею высоты находились въ рукахъ непріятеля, предложилъ Альвенслебену выждать занятіе ихъ, но отборныя прусскія войска, еще небывшія въ огнѣ во весь походъ 1814 года, увлеклись желаніемъ принять участіе въ бою и немедленно атаковали Французовъ. Подполковникъ Блокъ, съ двумя баталіонами, не смотря на перекрестное дѣйствіе батарей, противъ выхода изъ Пантенъ, кинулся на непріятеля и опрокинулъ ближайшія войска его на стоявшіе за ними резервы, но будучи встрѣченъ сильнѣйшимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, остановился. Самъ Блокъ былъ раненъ; почти всѣ офицеры и множество солдатъ обоихъ баталіоновъ ранены, или убиты. Полковникъ Альвенслебенъ, неотчаяваясь однакоже въ успѣхѣ, испросилъ у Барклая де-Толли разрѣшеніе ввести въ дѣло всю свою бригаду, устремилъ войска впередъ тремя

колоннами и атаковалъ непріятеля; храбрые полки его, оставаясь долго подъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, понесли огромный уронъ: потерявъ множество людей, Альвенслебенъ былъ принужденъ ограничиться обороною Пантена (38).

Въ продолженіи около двухъ часовъ, одновременно съ приготовленіями обѣихъ армій къ дальнѣйшему наступленію, гремѣла сильная канонада на всемъ пространствѣ отъ Баньолѐ до уркскаго канала, и далѣе у Вилеттъ. Король Іосифъ, съ разсвѣта, выѣхавъ изъ люксамбургскаго дворца со всѣмъ своимъ штабомъ, отправился на Монмартръ и расположился въ павильонѣ, на высотѣ Пяти-мѣльницъ, откуда можно было удобно обозрѣвать равнину Сенъ-Дени, а для собранія свѣдѣній о всемъ происходившемъ въ лощинѣ уркскаго канала и на бельвильскомъ платò были посланы туда начальникъ штаба парижской народной стражи Аллѐнъ (Allent) и другіе офицеры. Съ самаго начала боя, маршалы Мармонъ и Мортьѐ извѣстили Іосифа, что противъ нихъ шли значительныя силы; Аллѐнъ, слѣдившій за всѣми движеніями Союзниковъ, подтвердилъ эти донесенія, но какъ войска лѣваго крыла тогда еще не были атакованы по всей занятой ими линіи, то Король поручилъ Аллѐну снова произвести рекогносцировку непріятеля и спросить маршала Мортьѐ—не можетъ-ли онъ отрядить часть своихъ войскъ въ помощь Мармону. Въ продолженіи сей рекогносцировки, прибылъ къ Королю Іосифу капитанъ Пейръ. Извѣстія имъ сообщенныя и воззваніе князя Шварценберга къ жителямъ Парижа, врученное имъ Королю, не оставляли сомнѣнія въ томъ, что противъ Парижа стояли главныя силы Союзниковъ, подъ личнымъ предводительствомъ ихъ Монарховъ. Іосифъ, смущенный безвыходнымъ положеніемъ, въ которое былъ поставленъ, собралъ Совѣтъ изъ находившихся при немъ министровъ и генераловъ, для принятія мѣръ къ отступленію войскъ и спасенію столицы. Совѣщаніе было продолжительно, да и не могло быть иначе! И мы долго нерѣшались пожертвовать Москвою... Но уступивъ безусловно врагамъ Москву — сердце Россіи, Москву—вмѣстилище Святыней и колыбель Царей нашихъ, мы не помышляли о ея спасеніи. Мы искупили дорогою

цѣною пожара Москвы честь, славу, будущую безопасность нашего отечества. Да никто изъ непріятелей Россіи не отважится снова идти къ Москвѣ по дорогѣ за полвѣка предъ симъ усѣянной костями наполеоновой арміи!

Въ продолженіи совѣщанія на Монмартрѣ, Король Іосифъ получилъ отъ Мармона записку, написанную карандашемъ, въ коей маршалъ извѣщалъ о невозможности продолжать сопротивленіе болѣе нѣсколькихъ часовъ и спасти Парижъ отъ бѣдствій неизбѣжныхъ при занятіи города съ боя. Тогда-же Силезская армія развернулась въ долинѣ Сенъ-Дени. Всѣ Члены Совѣта, и въ числѣ ихъ генералъ Морисъ-Матьё (Maurice Mathieu), обладавшій боевою опытностью, пріобрѣтенною во многихъ войнахъ, полагали, что вскорѣ всѣ пути отступленія, кромѣ дороги въ Фонтенебло, могли быть пресѣчены Союзниками. Король, внезапно объятый страхомъ попасться въ плѣнъ (39), рѣшился немедленно оставить ввѣренное ему начальство надъ войсками и уѣхать вслѣдъ за Императрицею въ Блуà (Blois), поручивъ своему адъютанту, генералу Штрольцу (Stroltz), передать маршаламъ записку слѣдующаго содержанія:

«Парижъ (Монмартръ), 30-го марта, четверть перваго по полудни.

«Ежели господинъ маршалъ герцогъ Рагузскій (*) и господинъ герцогъ Тревизскій (**) не могутъ долѣе оставаться на занятыхъ ими позиціяхъ, то разрѣшается имъ открыть переговоры съ Россійскимъ Императоромъ и княземъ Шварценбергомъ.

«Отступать за Луару» (40).

Всѣ министры получили приказаніе отправиться въ Блуà и выслать туда-же главныхъ сановниковъ остававшихся въ Парижѣ. Съ отъѣздомъ Короля Іосифа разсѣялся весь штабъ его, исчезла главная квартира арміи (41).

Около трехъ часовъ по полудни, приблизились къ Парижу также и войска Кронъ-принца виртембергскаго. Кавалерія его

(*) Мармонъ.
(**) Морье.

была расположена въ ночи на 18-е (30-е) марта у Шелль (Chelles); пѣхота-же, переправясь до разсвѣта черезъ Марну, въ Мо, двинулась къ Шелль, и далѣе въ слѣдъ за кавалеріей, внизъ по теченію рѣки. Австрійскій корпусъ Гіулая, перейдя черезъ Марну послѣ виртембергскихъ войскъ, слѣдовалъ за ними въ резервѣ. Въ десять часовъ утра, Кронъ-принцъ, съ кавалеріей принца Адама виртембергскаго, прибылъ къ Нёльи (Neuilly sur Marne). За тѣмъ, оттѣснивъ небольшой непріятельскій отрядъ занимавшій Ножанъ (Nogent sur Marne), Наслѣдный принцъ, по достиженіи, съ главными силами корпуса, Фонтенè (Fontenay-aux-bois), въ часъ по полудни, направилъ войска далѣе, черезъ венсенскій лѣсъ, двумя колоннами: правая, изъ бригады генерала Штокмайера и 7-го виртембергскаго пѣхотнаго полка, (2,500 чел.) двинулась по дорогѣ къ Венсену, а лѣвая, изъ бригады принца Гогенлоэ, (1,500 чел.) къ Сенъ-Моръ (St. Maur). Въ резервѣ ихъ слѣдовали за правою колонною бригады Мизани и Лаланса (3,500 чел.), а за лѣвою четыре австрійскіе гренадерскіе баталіоны (3,000 чел.), приданные виртембергскому корпусу. Генералъ Штокмайеръ, подойдя къ венсенскому лѣсу, овладѣлъ заваломъ, обороняемымъ небольшими отрядами регулярныхъ войскъ и народной стражи, выслалъ одинъ баталіонъ для наблюденія за непріятелемъ занимавшимъ венсенскій зâмокъ, а съ прочими пятью обратился въ помощь принцу Гогенлоэ, къ Сенъ-Моръ. Это селеніе было обороняемо четырьмястами конскриптовъ съ 8-ю орудіями, а мостъ прикрытъ тамбуромъ съ лѣваго берега рѣки. Французы, будучи атакованы съ тыла, перевезли орудія на правый берегъ и открыли огонь противъ войскъ выходившихъ изъ лѣса, но не могли устоять въ неравномъ бою и были разсѣяны 10-мъ виртембергскимъ полкомъ, съ потерею семи орудій; часть французскаго отряда съ однимъ орудіемъ ушла къ Шарантону.

Наслѣдный принцъ, оставя одинъ баталіонъ бригады Штокмайера въ Сенъ-Морѣ, послалъ остальные баталіоны ея и бригаду Лаланса къ венсенскому зâмку и приказалъ обложить его; бригада-же Гогенлоэ, съ австрійскими гренадерами и гусарскимъ полкомъ эрцгерцога Фердинанда, была направлена къ

Шарантону. Тамъ, подобно тому какъ и въ Сенъ-Морѣ, мостъ былъ прикрытъ съ лѣваго берега Марны тамбуромъ; войска оборонявшія его состояли изъ роты инвалидовъ, баталіона воспитанниковъ альфортской ветеринарной школы и нѣсколькихъ канонеровъ (canonniers-pointeurs), вообще-же до 500 человѣкъ съ восемью орудіями. Какъ только виртембергскія войска, выйдя изъ венсенскаго лѣса, появились на дорогѣ изъ Сенъ-Мандѐ, Французы перевезли на лямкахъ пять орудій на правую сторону Марны, и поставя ихъ впереди Шарантона, открыли огонь по наступавшимъ колоннамъ. Но вскорѣ артиллерія Кронъ-принца заставила замолчать французскую батарею; за тѣмъ принцъ Гогенлоэ съ двумя виртембергскими баталіонами кинулся впередъ бѣглымъ шагомъ и опрокинулъ непріятеля къ мосту, а гренадеры, отбивъ пять орудій, быстро преслѣдовали Французовъ, недали имъ времени взорвать приготовленную подъ мостомъ мину, выбили ихъ изъ тамбура и овладѣли остальными тремя орудіями. Непріятель покушался снова занять переправу, но былъ окончательно разбитъ и преслѣдованъ по дорогамъ къ Провену и Мелюну. Наслѣдный принцъ отрядилъ часть войскъ внизъ по правому берегу Марны, до сліянія ея съ Сеною. Нѣсколько эскадроновъ были посланы чрезъ Берси (Bercy) къ селенію Грандъ-Пинтъ (la grande Pinte), для прикрытія корпуса съ праваго фланга ([42]).

Корпусъ Гіулая прибылъ къ Фонтенѐ и расположился между симъ селеніемъ и Монтрёлемъ въ четыре часа по полудни, когда успѣхъ битвы подъ Парижемъ уже былъ рѣшенъ въ центрѣ непріятельской позиціи, и потому все участіе Австрійцевъ въ міровомъ событіи покоренія Парижа ограничилось взятіемъ селенія Пизоттъ и обложеніемъ вмѣстѣ съ виртембергскими войсками венсенскаго за̀мка ([43]).

Дѣйствія на роменвильскомъ плато̀ были вполнѣ успѣшны.

Въ часъ по полудни, когда Барклай де-Толли пріостановилъ наступленіе центра, большая часть полковъ корпуса Раевскаго была разсыпана въ цѣпи стрѣлковъ сражавшихся въ садахъ, виноградникахъ и паркахъ. Барклай немедленно приказалъ ото-

звать ихъ къ полкамъ, подъ прикрытіемъ кирасировъ Шталя (*) и огня артиллеріи, состоявшей при 1-й гренадерской дивизіи. Французы покушались выбить русскія войска изъ бріерскаго парка и другихъ закрытій, но были принуждены прекратить свои атаки. Съ двухъ до трехъ часовъ по полудни, бой на плато ограничивался канонадою гремѣвшею по всей линіи. Какъ Русскіе, такъ и Французы, устроивали, сплочивали полки ослабленные боемъ. Принцъ Евгеній виртембергскій, съ 3-ю дивизіей князя Шаховскаго и съ бригадою Властова, занималъ ближайшую опушку бріерскаго парка; позади, во 2-й линіи, стояли гренадеры Чоглокова и кирасиры Кретова; правѣе его, у подошвы высоты Сенъ-Жервѐ, остановилась 4-я дивизія Пышницкаго; въ Пантенѣ, за прусско-баденскою гвардіей, сражавшеюся впереди селенія, устроивалась 14-я дивизія Гельфрейха; наконецъ впереди Монтрёля находились Раевскій и Горчаковъ съ 5-ою дивизіей Мезенцова.

Въ три часа по полудни, когда уже всѣ войска маршала Мортьѐ были заняты отраженіемъ Силезской арміи, и когда корпусъ Кронъ-принца виртембергскаго приблизился къ Парижу, графъ Барклай де-Толли рѣшился продолжать наступленіе въ центрѣ. Генералъ Ламбертъ съ гренадерскимъ корпусомъ получилъ приказаніе поддерживать войска сражавшіяся на платò, а генералъ Ермоловъ, съ Лейбъ-гренадерскимъ и Павловскимъ полками, двинулся чрезъ Пантенъ, въ помощь Альвенслебену. Вся гвардія, подъ начальствомъ графа Милорадовича, подошла къ этому селенію.

Войска Мезенцова, подъ личнымъ начальствомъ Раевскаго и князя Горчакова, выбили дивизію Арриги изъ Баньолѐ, опрокинули непріятеля къ Шароннъ и открыли канонаду по отступившей туда пѣхотѣ. Мармонъ, опасаясь, чтобы эта дивизія не была отрѣзана отъ прочихъ войскъ, приказалъ генералу Арриги податься влѣво и занять паркъ Фаржò; тогда-же Шастель и Бордессуль получили приказаніе отойти за шаронскую лощину и расположиться на возвышеніи между Менильмон-

(*) Астраханскій и Псковскій полки.

танъ и Оне (Aunay). Пользуясь тѣмъ, князь Горчаковъ занялъ Шароннъ и выслалъ стрѣлковъ влѣво отъ кладбища Монъ-Луи (Mont-Louis) (*) къ заставѣ Фонтарабіи (Fontarabie). Но батарея изъ 4-хъ орудій, стоявшая на фонтарабійской высотѣ, подъ прикрытіемъ одного изъ баталіоновъ 7-го легіона національной стражи, остановила дальнѣйшее наступленіе русскихъ войскъ ([44]).

Успѣхи русскихъ войскъ на роменвильскомъ платò въ центрѣ, заставили непріятельскую кавалерію, прикрывавшую доступъ къ правому флангу позиціи Мармона, отойти назадъ и расположиться между Шароннъ и Менильмонтанъ. Пользуясь тѣмъ, графъ Паленъ двинулся впередъ лѣвѣе Монтрёль, и спустившись съ платò, сталъ у селенія Венсенъ, наблюдая непріятеля, занимавшаго венсенскій зàмокъ. Въ это самое время, французская батарея изъ 28-ми орудій, съ прислугою изъ ветерановъ и воспитанниковъ Политехнической школы, подъ начальствомъ маіора Эвена (Evain), стоявшая впереди Тронной заставы, почти безъ всякаго прикрытія, подалась впередъ до аллеи ведущей изъ Альфорта чрезъ Сенъ-Мандè (St. Mandé); орудія, двигавшіяся въ головѣ колонны, снялись съ передковъ и стали стрѣлять по русской кавалеріи, а прочія растянулись отъ заставы до венсенскаго парка. Графъ Паленъ приказалъ 23-й конной ротѣ полковника Маркова открыть огонь по французской артиллеріи, а генералъ-маіору Каменеву, съ Чугуевскими уланами, атаковать ее. Маіоръ Изюмовъ съ двумя эскадронами кинулся на батарею, изрубилъ и забралъ въ плѣнъ часть прислуги, разсѣялъ остальныхъ артиллеристовъ, вмѣстѣ съ прикрывавшею ихъ жандармскою командою, и захватилъ 25 орудій, но вслѣдъ за тѣмъ прискакалъ отъ Шароннъ на выручку батареи полковникъ Орденеръ съ 30-мъ драгунскимъ полкомъ и подоспѣлъ довольно сильный отрядъ національной стражи. Графъ Паленъ немогъ поддержать Чугуевскихъ уланъ остальною кавалеріей, не подвергаясь опасности быть атакованнымъ съ тыла, со стороны Шароннъ, превосходными силами

(*) Père-La-Chaise.

Шастеля и Бордесуля; къ тому-же много лошадей подъ французскими орудіями было ранено, что непозволило уланамъ увезти болѣе девяти орудій и шести зарядныхъ фуръ. Прочая-же артиллерія Эвена ушла къ селенію Шароннъ. Нѣсколько плѣнныхъ воспитанниковъ Политехнической школы были представлены Палену. Двое изъ нихъ тутъ-же обратились къ полковнику барону Лёвенштерну, прося у него рекомендательныхъ писемъ въ Сибирь, чтобы учить тамъ Математикѣ и Военнымъ Наукамъ ([45]).

Одновременно съ отступленіемъ праваго крыла мармоновыхъ войскъ, центръ и лѣвое крыло ихъ также были атакованы войсками принца Евгенія и графа Ламберта.

Дивизія Пышницкаго, стоявшая противъ Пре-Сенъ-Жервè, принявъ нѣсколько влѣво, направилась чрезъ бріерскій паркъ къ Беллевилю; лѣвѣе двинулись кирасиры генерала Шталя, а правѣе—гренадеры Чоглокова. Дивизія Компана. подъ начальствомъ генерала Шабèра, была опрокинута; изъ всѣхъ мармоновыхъ войскъ, только лишь небольшая дивизія Рикара оставалась въ колоннахъ у бріерскаго парка; всѣ-же прочія, разсѣянныя въ стрѣлки, сражались въ безпорядкѣ. Мармонъ, желая сколько-нибудь замедлить наступленіе русскихъ войскъ, кинулся имъ на встрѣчу съ одною изъ бригадъ Рикàра въ составѣ слабаго баталіона, но едва лишь эта горсть войскъ вышла изъ парка, какъ была встрѣчена картечью и совершенно разстроена; подъ маршаломъ убита лошадь; генералъ Пеллепоръ (Pelleport) раненъ. Кирасиры Шталя кидаются въ атаку; большая часть французскаго баталіона и командовавшій имъ генералъ Клавель захвачены. Самъ Мармонъ подвергался величайшей опасности и былъ обязанъ своимъ спасеніемъ единственно мужеству и преданности полковника Генезèра (Genheser) «du plus brave soldat et du plus brave homme, que j'aie jamais connu,» (храбрѣйшаго солдата и храбрѣйшаго изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ людей) говоритъ маршалъ Мармонъ. Этотъ неустрашимый офицеръ, выйдя изъ парка съ двумястами человѣкъ, неожиданно ударилъ въ тылъ русской пѣхотѣ и далъ возможность маршалу отвести его разстроенныя войска къ Бел-

левилю. На этой послѣдней позиціи пѣхота Мармона, въ коей оставалось не болѣе 5,000 человѣкъ, расположилась слѣдующимъ образомъ: дивизія Арриги въ паркѣ Фаржо̀, обставленномъ батареями; дивизіи Рикара, Лагранжа и Ледрю у Беллевиля; дивизія Бойѐ у Пре-Сенъ-Жервѐ и на скатѣ борегардскаго плато̀, сохраняя связь съ бригадою Секретана тогда еще стоявшею у Мезонеттъ. Кавалерія, по прежнему, находилась на правомъ крылѣ, между Менильмонтанъ и Онѐ, подъ выстрѣлами русскихъ батарей, на мѣстности неудобной для ея дѣйствія. Очевидно, что французскіе военачальники моглибы употребить свою кавалерію съ большею пользою на равнинѣ Сенъ-Дени (16).

По взятіи бріерскаго парка, Барклай де-Толли предпринялъ нанести послѣдній рѣшительный ударъ непріятелю, сбивъ его съ плато̀ и подойдя къ городской оградѣ. Съ этою цѣлью были сдѣланы слѣдующія распоряженія: принцъ Евгеній виртембергскій получилъ приказаніе атаковать Пре-Сенъ Жервѐ съ фронта одновременно съ фланговою атакою Ермолова изъ лощины, между высотами Борегаръ и Шомонъ; генералъ Чоглоковъ долженъ былъ наступать изъ парка Фаржо̀ къ Беллевилю; генералъ Паскевичъ — лѣвѣе его, къ Менильмонтанъ, а генералъ Мезенцовъ, поддержанный кавалеріей графа Палена, къ кладбищу Монъ-Луи (Père-La-Chaise).

Дивизія Мезенцова, несмотря ни на анфиладный огонь французской батареи стоявшей у Монъ-Луи, ни на атаки Шастѐля, устремилась отъ Шаронны къ Менильмонтанъ и ворвалась въ это селеніе съ восточной стороны, между тѣмъ какъ гренадеры Паскевича повели атаку со стороны парка Фаржо̀ и взяли съ боя 7 орудій; французская кавалерія, поставленная на пересѣченной мѣстности, была принуждена отступить за городскую ограду. Тогда-же графъ Паленъ отбросилъ непріятеля занимавшаго Мал. Шароннъ (la petite Charonne) къ заставѣ Фонтарабіи. Самъ принцъ Евгеній, съ дивизіей князя Шаховскаго и бригадою Властова, овладѣлъ кладбищемъ Монъ-Луи и отбилъ стоявшія тамъ 8 орудій; дивизія Пышницкаго направилась на Пре-Сенъ-Жервѐ и влѣво отъ этого селенія къ Беллевилю; но

сторонамъ ся наступали, слѣва гренадеры графа Ламберта и справа Лейбъ-гренадерскій и Павловскій полки подъ начальствомъ Ермолова. Какъ въ это время войска Альвенслебена уже выбили непріятеля изъ Мезонеттъ, то генералъ Ермоловъ направилъ отъ Пантена оба полка въ колоннѣ съ орудіями по лощинѣ между высотами Борегàръ и Шомонъ. Стрѣлковая цѣпь, двигавшаяся впереди, устремилась частью къ Беллевилю, частью въ тылъ непріятелю занимавшему Пре-Сенъ-Жервè Генералъ Пышницкій тогда-же атаковалъ съ другой стороны высоту близъ сего селенія. Дивизія Бойè, находившаяся въ Пре-Сенъ-Жервè, будучи обойдена въ тылъ, подвергалась большой опасности, но атака эскадрона польскихъ уланъ, подъ начальствомъ ротмистра Заіончека (*), задержавъ гвардейскихъ стрѣлковъ, способствовала Французамъ уйти въ Беллевиль, съ потерею однакоже 17-ти орудій, отбитыхъ войсками 4-й дивизіи. По овладѣніи селеніемъ Пре-Сенъ Жервè и высотою Борегàръ, генералъ Пышницкій выслалъ къ Беллевилю стрѣлковъ, которые ворвались въ это селеніе одновременно съ гвардейскими стрѣлками. Русскіе, взойдя на беллевильскія высоты, увидѣли у подошвы ихъ Парижъ. Самъ Ермоловъ поставилъ батарею на шомонскомъ бугрѣ и началъ громить ближайшіе городскіе кварталы

Войска Мармона все еще держались въ Беллевилѣ, но будучи обойдены съ обоихъ фланговъ, могли быть совершенно отрѣзаны; желая выдти изъ такого крайняго положенія, маршалъ собралъ на-скоро ближайшихъ къ нему солдатъ и въ головѣ ихъ, вмѣстѣ съ генералами Рикаромъ, Буденомъ (Boudin) и Мейнадьè (Meynadier), кинулся на встрѣчу русскимъ стрѣлкамъ ворвавшимся въ селеніе. Рикаръ былъ раненъ; одежда маршала пронизана пулями, но ему удалось пробиться и отвести войска на платò позади Беллевиля. Отсюда могъ онъ видѣть значительную часть поля битвы и убѣдиться въ явной опасности угрожавшей Парижу: на высотахъ Шаронны, Менильмонтана, Шомона, вездѣ стояли русскія батареи уже поражавшія гранатами ближайшія предмѣстья города ([47]).

(*) Племянникъ генерала Заіончека.

Положеніе дѣлъ на лѣвомъ крылѣ французской арміи было стольже безнадежно.

Около 11-ти часовъ утра, авангардъ лѣвой колонны Силезской арміи, состоявшей изъ корпусовъ Іорка и Клейста, съ резервомъ изъ пѣхоты Воронцова, подошелъ къ полю сраженія по дорогѣ изъ Большаго-Дранси. Около полудня, голова колонны поравнялась съ Пантеномъ, гдѣ тогда кипѣлъ упорный бой между войсками Мишеля и дивизіей Гельфрейха (*). Для содѣйствія Русскимъ Блюхеръ приказалъ генералу Кацелеру съ авангардомъ перейти черезъ уркскій каналъ у Рувруа̀ и наступать между Пантеномъ и каналомъ, а принцу Вильгельму-Прусскому, съ его дивизіей, двинуться правѣе между каналомъ и дорогою изъ Сенли, прочія-же войска Іорка и Клейста должны были перейти на дорогу изъ Сенли и наступать къ Ла-Вилеттъ. Генералъ Кацелеръ, подойдя къ мосту у Рувруа̀, былъ встрѣченъ огнемъ батареи изъ орудій большаго калибра, стоявшей за брустверомъ въ лощинѣ уркскаго канала. Прусская артиллерія была слабѣе числомъ и калибромъ орудій, и по тому хотя Кацелеру и удалось перейти черезъ каналъ и овладѣть мызою, однакоже онъ не могъ наступать далѣе. Самъ Іоркъ долго оставался подъ картечью. Одинъ изъ прусскихъ стрѣлковъ, стоявшій позади его, былъ тяжело раненъ. «За чѣмъ онъ подошелъ такъ близко ко мнѣ,—сказалъ Іоркъ.—Посмотрите—нельзяли помочь ему?» Упорное сопротивленіе непріятеля заставило Іорка послать въ помощь Кацелеру три кавалерійскихъ полка, подъ начальствомъ полковника Блюхера, а потомъ дивизію принца Вильгельма (48). Но еще прежде, нежели могло быть исполнено его приказаніе, Мортьѐ, усмотрѣвъ наступленіе Силезской арміи, перевелъ по мостику, устроенному на уркскомъ каналѣ, дивизію Кюріаля (1,820 чел.) къ Ла-Вилеттъ и дивизію Шарпантье (1,500 чел.) къ Ла-Шапель. Со стороны Союзниковъ, авангардъ Кацелера и кавалерія полковника Блюхера также перешли черезъ каналъ къ Ла-Вилеттъ. Мортье, пола-

(*) Въ то время еще не прибыла прусско-баденская гвардія полковника Альвенслебена.

гая, что прусская кавалерія готовилась отступать, приказалъ атаковать ее драгунамъ Кристофа (Christophe), которые встрѣтясь съ 2-мъ Лейбъ-гусарскимъ полкомъ, одновременно съ ударомъ имъ въ лѣвый флангъ Бранденбургскихъ гусаръ, были опрокинуты на артиллерію. Прусскіе гусары захватили 14 орудій и много плѣнныхъ.

Дѣйствія въ лощинѣ уркскаго канала были неменѣе блистательны.

Послѣ жаркой перестрѣлки у селенія Пантена и мызы Рувруà, часть дивизіи Бойè, стоявшая въ право отъ дороги, атакованная четырьмя прусскими гвардейскими баталіонами, отошла по направленію къ Беллевилю Нѣсколько взводовъ польскихъ уланъ покушались остановить наступленіе Пруссаковъ, но были опрокинуты. Плѣнныхъ захвачено мало, потому что непріятель успѣлъ укрыться въ садахъ и строеніяхъ сосѣдственныхъ предмѣстій; орудій отбито пять, именно: два вторымъ прусскимъ гвардейскимъ полкомъ и три баденскими гренадерами (49).

Полковникъ Альвенслебенъ полагалъ, что непріятель, тогда занимавшій высоту у Сенъ-Жервè, ударитъ во флангъ его войскамъ наступавшимъ вдоль лощины, но какъ этого не случилось, то онъ весьма основательно заключилъ, что французская батарея, стоявшая на платò, была прикрыта одними стрѣлками. Капитанъ Нейгаузъ, съ ротою гвардейскихъ егерей, получилъ приказаніе взобраться на высоту и атаковать батарею; нападеніе имѣло полный успѣхъ: егеря опрокинули непріятельскую стрѣлковую цѣпь и овладѣли десятью орудіями. За тѣмъ, полковникъ Альвенслебенъ, не обращая вниманія на огонь французской пѣхоты стоявшей по другую сторону канала, двинулся далѣе, преслѣдовалъ непріятеля до Пантенской заставы и готовился опять атаковать его, но получивъ приказаніе пріостановить нападеніе, воспользовался кратковременнымъ отдыхомъ для возстановленія порядка въ рядахъ войскъ разстроенныхъ кровопролитнымъ боемъ. Около половины наличнаго числа людей, именно 69 офицеровъ (61 прусскихъ и 8 баденскихъ) и 1,286 нижнихъ чиновъ пали на полѣ чести, либо оросили его

своею кровью ([50]). Императоръ Александръ, узнавъ, чрезъ возвратившагося отъ прусской бригады адъютанта Цесаревича Константина Павловича, Орлова (Алексѣя Өедор.), о подробностяхъ славнаго подвига совершеннаго гвардіей Его союзника, снялъ съ Цесаревича Георгіевскій крестъ и приказалъ Орлову вручить его полковнику Альвенслебену, что̀ было исполнено подъ огнемъ перестрѣлки. Ближайшіе изъ прусскихъ воиновъ, увидя лестную, высоко цѣнимую награду, возлагаемую на ихъ начальника, провозгласили ура! быстро раздавшееся во всѣхъ рядахъ отборнаго войска ([51]).

Въ четвертомъ часу по полудни подошли къ Ла-Вилеттъ прусскія двѣнадцати-фунтовыя батареи Симона (Simon) и Гирсберга (Giersberg). Графъ Воронцовъ, тогда-же достигнувъ Обервиллеръ, послалъ къ Ла-Вилеттъ генералъ-маіора Красовскаго, съ полками 13-мъ и 14-мъ егерскими, Тульскимъ и Навагинскимъ пѣхотными, 1-мъ бугскимъ казачьимъ и батарейною ротою подполковника Винспара. Союзныя батареи, соревнуя между собою, подошли къ непріятелю прямо на картечный выстрѣлъ. Храбрый Винспаръ лишился руки оторванной ядромъ 13-й и 14-й егерскіе полки, въ парадной формѣ, по случаю смотра, назначеннаго имъ Блюхеромъ, пошли въ огонь, съ барабаннымъ боемъ, музыкою и пѣсельниками, ударили въ штыки безъ выстрѣла, и вмѣстѣ съ спѣшенными охотниками бугскаго полка овладѣвъ батареей у входа въ Ла-Вилеттъ (*), ворвались въ это селеніе одновременно съ фузелернымъ баталіономъ Бранденбургскаго резервнаго полка и 14-мъ Силезскимъ ландвернымъ полкомъ, наступавшими со стороны уркскаго канала. Генералъ Христіани, получивъ приказаніе выбить Союзниковъ изъ Ла-Вилеттъ, былъ атакованъ въ тылъ стрѣлками прусской гвардіи, перешедшими черезъ каналъ, и оттѣсненъ къ заставѣ, однакоже отбилъ 4 французскихъ орудія изъ числа захваченныхъ Союзными войсками ([52]).

(*) Число орудій, захваченныхъ на этой батареѣ, (вѣроятно полевыхъ корпуса Мортье), нигдѣ непоказано.

Императоръ Александръ, на слѣдующій день по взятіи Парижа, прислалъ по пятидесяти знаковъ отличія Военнаго Ордена въ 13-й и 14-й егерскіе полки и по десяти въ Бугскій казачій и батарейную роту Винспара, который, въ чинѣ подполковника, удостоился получить орденъ Св. Георгія 3-й степени ([53]).

Дивизія Горна и за нею корпусъ Клейста, перейдя черезъ неоконченный сенъ-дениский каналъ, направились къ Ла-Шапель. Войска Шарпантьѐ и Робера упорно защищали это селеніе, но были принуждены отступить за городскую ограду. Кавалерія Бельяра и Дотанкура отошла къ Парижу и расположилась между Клиньянкуромъ и дорогою въ Сентъ-Уэнъ ([54]).

Между тѣмъ, войска графа Ланжерона продолжали движеніе въ обходъ лѣваго фланга непріятельской позиціи. Высоты Монмартра были заняты отрядами различныхъ легіоновъ парижской національной стражи, а также инвалидовъ и конскриптовъ городскаго гарнизона, и гвардейскимъ баталіономъ пожарныхъ командъ (sapeurs-pompiers). Часть этихъ войскъ находилась у подошвы, а другая — на гребнѣ высотъ. Французскіе историки увѣряютъ, будтобы на Монмартрѣ стояло всего на все девять орудій, но въ дѣйствительности ихъ было до тридцати ([55]). Господствующіе пункты монмартрскихъ высотъ еще находились въ рукахъ Французовъ, но участь битвы уже была рѣшена. Маршалы сознавали, что они не могли преградить Союзникамъ доступъ къ Парижу. Въ четыре часа, Мармонъ, намѣреваясь открыть переговоры, послалъ къ своему товарищу, чтобы извѣстить его о положеніи дѣлъ съ восточной стороны города, и узнать, что̀ происходило на лѣвомъ крылѣ. Мортьѐ, не получивъ записки Короля Іосифа, по оплошности офицера, коему поручено было доставить ее, отвѣчалъ, что слѣдовало испросить разрѣшеніе Короля, котораго никто не могъ отыскать въ продолженіи трехъ часовъ. Это показываетъ, какая сумотоха господствовала во французской арміи. Мармонъ, однакоже зная объ отъѣздѣ Короля и имѣя полномочіе его на веденіе переговоровъ, послалъ въ главную квартиру Союзниковъ трехъ офицеровъ парламентёрами, съ предложеніемъ заключить

капитуляцію о сдачѣ Парижа. Одному изъ нихъ, адъютанту генерала Лагранжа, удалось пробраться къ Союзнымъ Монархамъ ([56]). Императоръ Александръ, поручилъ переговорить съ нимъ полковнику (Мих. Ѳедор.) Орлову. Совѣщаніе продолжалось недолго. Французскій офицеръ не былъ уполномоченъ заключить перемиріе и просилъ только остановить нападеніе. Ему отказали, но полковникъ Орловъ былъ посланъ съ нимъ къ маршалу Мармону. Они поскакали во весь опоръ, подъ градомъ картечей и ружейныхъ пуль обѣихъ сторонъ. Въ передовой цѣпи французскихъ стрѣлковъ, съ оружіемъ въ рукахъ, встрѣтилъ ихъ Мармонъ. Замѣтивъ Орлова, маршалъ подъѣхалъ къ нему. «Я — герцогъ Рагузскій, сказалъ Мармонъ. — Кто вы?»—«Полковникъ Орловъ, флигель-адъютантъ Россійскаго Императора. Его Величество желаетъ сохранить Парижъ для Франціи и для всего Свѣта.»—«Это также наше желаніе, наша единственная надежда. Какія ваши условія?»—«Военныя дѣйствія будутъ прекращены; французскія войска отойдутъ за укрѣпленія заставъ; немедленно будетъ назначена коммисія для переговоровъ о капитуляціи Парижа.» — «Согласенъ. Герцогъ Тревизскій и я—отправимся къ пантенской заставѣ, чтобы принять васъ. Такъ поспѣшимъ-же прекратить огонь по всей линіи. До свиданія.» Полковникъ Орловъ поскакалъ назадъ, но вслѣдъ за тѣмъ вернулся къ маршалу и спросилъ его: «включены-ли высоты Монмартра въ число пунктовъ, которые войска ваши должны очистить?» Подумавъ съ минуту, Мармонъ отвѣчалъ: «безъ сомнѣнія: онѣ внѣ ограды.»

Возвратясь назадъ, Орловъ нашелъ Союзныхъ Государей, пѣшкомъ, на беллевильской высотѣ, гдѣ Императоръ Александръ расположилъ Самъ 24-хъ-пушечную батарею. Прусскій Король, окруженный своими офицерами, благодарилъ ихъ за блестящую атаку изъ лощины уркскаго канала во флангъ и тылъ французскихъ батарей стоявшихъ на плато̀. Едва лишь Орловъ успѣлъ передать свой разговоръ съ Мармономъ, какъ Государь позвалъ графа Нессельроде и далъ ему наставленіе, заранѣе условленное съ Королемъ Прусскимъ и княземъ Шварценбергомъ. Коммисія, назначенная для переговоровъ, состоя-

ла изъ графа Нессельроде и полковника Орлова. Князь Шварценбергъ прикомандировалъ къ нимъ своего адъютанта, полковника графа Парра (Parr), а графъ Нессельроде взялъ съ собою капитана Петерсона, камергера Двора Его Величества. Всѣ они тотчасъ отправились къ пантенской заставѣ, гдѣ встрѣтили Мармона со всѣмъ его штабомъ. Уже было около пяти часовъ; огонь прекратился по всей линіи войскъ Главной арміи, но со стороны Блюхера гремѣла канонада. Прождавъ нѣсколько времени напрасно маршала Мортьѐ, Мармонъ предложилъ отправиться къ нему на встрѣчу въ Ла-Вилеттъ Тамъ, у заставы, въ одной изъ гостинницъ, происходили переговоры о сдачѣ Парижа ([57]).

Одновременно съ тѣмъ, Силезская армія довершила побѣду взятіемъ Монмартра.

Войска графа Ланжерона, назначенныя для обхода непріятельской позиціи съ лѣваго фланга, состояли изъ корпусовъ: 8-го, генерала Рудзевича, и 10-го, генерала Капцевича. Миновавъ селеніе Обервиллеръ и перейдя черезъ неоконченный сенъ-денискій каналъ, войска ланжероновы направились къ Монмартру и подошли къ непріятельской позиціи въ 4 часа по полудни. Графъ Ланжеронъ, получивъ въ это время вторичное повелѣніе Государя—овладѣть высотами Монмартра, а генерала Емануеля съ 2,000 человѣкъ кавалеріи отрядить для занятія мостовъ у Нёльи, Севръ, Сенъ-Клу, Іенскаго моста, противъ Дома Инвалидовъ, и версальской дороги, приказалъ Рудзевичу, съ десятью полками его корпуса ([58]), въ числѣ 8,000 человѣкъ, атаковать Монмартръ съ западной стороны. Ударили походъ, и русскіе воины, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, съ громкимъ крикомъ побѣдоноснаго ура! кинулись на крутую гору, между Клиньянкуромъ и дорогою изъ Сентъ-Уэнъ, туда, гдѣ наиболѣе доступные скаты были обставлены орудіями въ два яруса и густо усѣяны стрѣлками. По словамъ самаго Ланжерона—свидѣтеля сего подвига: «безстрашіе, порядокъ и быстрота колоннъ атаковавшихъ Монмартръ превыше всякихъ похвалъ, и въ продолженіи девятнадцати походовъ,

имъ сдѣланныхъ, онъ ничего не видалъ подобнаго, кромѣ Измаильскаго штурма.» Солдаты, на перерывъ другъ передъ другомъ, рвались впередъ; необходимо было удерживать людей въ излишествѣ кидавшихся въ застрѣльщики. Французы успѣли только два раза выстрѣлить картечью изъ орудій стоявшихъ на склонѣ Монмартра. Войска Рудзевича овладѣли нижнею батареей, и, гордыя одержаннымъ успѣхомъ, увлеченныя побѣдою, взнеслись на гребень высотъ. Непріятель, сдѣлавъ послѣдній залпъ изъ всѣхъ орудій верхней батареи, покушался удержать Русскихъ пальбою изъ ближайшихъ строеній, но не устоялъ; Капцевичъ, съ 10-мъ корпусомъ, двигавшійся въ резервѣ, соревнуя своимъ браннымъ товарищамъ, безъ приказанія атаковалъ Монмартръ лѣвѣе 8-го корпуса, отразилъ кавалерію Дотанкура и Руссель-д' Юрбаля, покушавшуюся остановить его, и двинулся къ предмѣстью Св. Лазаря. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ захвачено побѣдителями 29 орудій, 60 зарядныхъ фуръ и полтораста плѣнныхъ; остальные погибли, либо бѣжали въ Парижъ, въ величайшемъ безпорядкѣ. Русскіе стрѣлки неотступно преслѣдовали Французовъ, но графъ Ланжеронъ, зная, что еще по утру Государь строжайше запретилъ войскамъ входить въ парижскія заставы, приказалъ ударить сборъ. Артиллерія, оставленная въ продолженіи приступа у подошвы Монмартра, сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ вверхъ; три ядра, перелетѣвъ черезъ гору, упали въ многолюдную часть города Шоссè д' Антенъ.

Едва лишь русскія войска овладѣли Монмартромъ, какъ Ланжеронъ получилъ повелѣніе Императора Александра— прекратить военныя дѣйствія, съ извѣстіемъ объ открытіи переговоровъ у пантенской заставы ([59]). Радостная вѣсть о покореніи Парижа разнеслась съ быстротою молніи по рядамъ Русскихъ. Воины-побѣдители поздравляли другъ друга, вспоминали о товарищахъ недожившихъ до славнаго дня; забыты были годы трудовъ и лишеній. Графъ Ланжеронъ поставилъ караулы у городскихъ заставъ, которыя условлено занять Союзнымъ войскамъ вмѣстѣ съ парижскою національною стражею, расположилъ войска по уступамъ Монмартра, взвезъ на гре-

бень высотъ 84 орудія, обращенныя жерлами къ Парижу, и приказалъ музыкантамъ Рязанскаго полка заиграть маршъ. Во всѣхъ полкахъ раздались торжественные звуки, вызвавшіе вниманіе любопытныхъ Парижанъ. У заставъ показались вывѣшенныя на кольяхъ скатерти и салфетки, замѣнявшія бѣлыя знамена. Народъ повалилъ къ заставамъ, прося позволенія взглянуть на русскій лагерь, что̀ было разрѣшено женщинамъ ([60]).

Получивъ донесеніе о взятіи Монмартра, Государь велѣлъ поздравить Рудзевича кавалеромъ Св. Георгія 2-го класса. Графъ Ланжеронъ былъ награжденъ слѣдующимъ образомъ: чрезъ нѣсколько дней по занятіи Парижа, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ далъ обѣдъ, удостоенный присутствіемъ Императора Александра. Увидя графа Ланжерона, Государь спросилъ его, не потерялъ-ли онъ чего-нибудь, и затѣмъ сказалъ, что, проѣзжая по Монмартру, нашелъ вещь, ему принадлежащую; графъ Ланжеронъ увѣрялъ, что у него не было никакой пропажи, но Императоръ настаивалъ, и вручая ему конвертъ, прибавилъ: «вотъ, что̀ Я нашелъ на Монмартрѣ; это вамъ принадлежитъ.» Въ конвертѣ былъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго ([61]).

Монмартрскій штурмъ украсилъ свѣжими лаврами побѣдный вѣнокъ русскаго воинства, но не имѣлъ никакого вліянія на сдачу Парижа. Успѣхъ переговоровъ объ очищеніи города французскими войсками уже не подлежалъ сомнѣнію ([62]).

Генералъ Корниловъ, оставленный для наблюденія за Сенъ-Дени, былъ атакованъ гарнизономъ этого укрѣпленнаго города и завязалъ съ нимъ перестрѣлку продолжавшуюся до самаго вечера ([63]).

Генералъ Емануель, съ своимъ легкимъ отрядомъ, занялъ мостъ у Нёльи и двинулся къ заставѣ Звѣзды (barrière de l'Etoile), гдѣ вступилъ въ бой съ національною стражею. Нѣсколько французскихъ эскадроновъ, отступившихъ отъ Монмартра въ Булонскій лѣсъ, прервали сообщеніе этого отряда съ прочими русскими войсками, что̀ не позволило графу Ланжерону извѣстить Емануеля о прекращеніи военныхъ дѣйствій, и по тому перестрѣлка въ сосѣдствѣ Елисейскихъ Полей (les champs Elysées) продолжалась до вечера ([64]).

Въ сраженіи подъ Парижемъ Союзники вообще потеряли убитыми и ранеными болѣе 8,000 человѣкъ, именно:

Корпусъ Раевскаго	4,300 чел.	Русскіе 100 офицеровъ и 6,000 нижнихъ чиновъ.
Гренадерскій корпусъ. . . .	100 —	
Русская гвардія и кирасиры .	100 —	
Войска Ланжерона и Воронцова.	1,500 —	
Прусско-баденская гвардія . .	1,353 —	Пруссаки 80 офицеровъ и 2,000 нижнихъ чиновъ.
Корпусы Іорка и Клейста . .	667 —	
Корпусъ Кронъ-принца виртембергскаго.	180 —	
всего-же. . .	8,200 человѣкъ (65).	

Уронъ Французовъ въ точности неизвѣстенъ. По свидѣтельству Плото́, они потеряли вообще убитыми и ранеными болѣе 4,000 человѣкъ, въ числѣ коихъ 500 національной стражи. Плѣнныхъ захвачено до 1,000 человѣкъ. Два знамя, 114 орудій и множество зарядныхъ фуръ достались побѣдителямъ. Изъ числа орудій взятыхъ Союзниками, отбито:

Русскими войсками. . . . . 70.
Прусскими — . . . . 26.
Виртембергскими и Австрійскими . . . . . . 15.
Баденскими . . . . 3. (66).

Въ награду за покореніе Парижа, графъ Барклай де-Толли былъ пожалованъ въ фельдмаршалы, а принцъ Евгеній виртембергскій—въ генералы отъ инфантеріи, 26-ти лѣтъ отъ рода. Въ послѣдствіи Блюхеръ былъ возведенъ въ княжеское достоинство (князя Вальштадтскаго), генералъ Іоркъ получилъ титулъ графа Вартенбургскаго, и проч.

ГЛАВА XXIII.

Вступленіе Союзниковъ въ Парижъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Переговоры о сдачѣ Парижа. Полковникъ Орловъ заложникомъ въ Парижѣ. Талейранъ. Генералъ Жирарденъ. Лескуръ.—Капитуляція Парижа.—Возвращеніе Орлова въ главную квартиру Императора Александра.—Распоряженія Союзниковъ на 19-е (31-е) марта.—Императоръ Александръ принимаетъ депутацію Парижа.

Распоряженія Наполеона 18-го (30-го) марта, въ Труа.—Наполеонъ на станціи Куръ-де-Франсъ. Намѣреніе его отправиться въ Парижъ. Порученіе данное Коленкуру. Наполеонъ надѣется выиграть время.—Разговоръ Государя съ Коленкуромъ.

Порядокъ вступленія Союзныхъ войскъ въ Парижъ.—Императоръ Александръ на пути къ Парижу. Восторгъ Парижанъ. Русскіе въ Парижѣ. Манифестаціи роялистовъ. Вандомская колонна.

Совѣщаніе въ дворцѣ Талейрана. Прокламація Союзниковъ. Первоначальныя ихъ распоряженія въ Парижѣ.

Петербургъ и Москва торжествуютъ покореніе Парижа.

По прекращеніи боя на беллевильскихъ высотахъ, были открыты переговоры о сдачѣ Парижа, у Ла-Вилетской заставы. По свидѣтельству Орлова, главную роль, при семъ, со стороны Французовъ, принялъ на себя Мармонъ, а товарищъ его Мортьѐ ограничивался опредѣленіемъ условій относившихся къ выступленію войскъ.

Союзники одержали рѣшительную побѣду; по взятіи ими беллевильскихъ высотъ оборона столицы Франціи сдѣлалась невозможна. Оставалось привести въ бездѣйствіе защитниковъ Парижа, чтобы ослабить сопротивленіе Наполеона. Графъ Нессель-

роде потребовалъ отъ маршаловъ сдачу города со всѣмъ его гарнизономъ, но оба они съ негодованіемъ отвергли это предложеніе, говоря, что лучше желаютъ пасть подъ развалинами Парижа, чѣмъ подписать такую капитуляцію. Напрасно русскіе коммисары намекали, что только лишь сдача французскихъ войскъ могла побудить Наполеона къ миру. Маршалы оставались непоколебимы, какъ вдругъ на правомъ флангѣ Союзныхъ войскъ загремѣла сильная канонада и раздалась довольно частая перестрѣлка. Это былъ штурмъ Монмартра. Потеря столь важнаго пункта не побудила маршаловъ къ большей уступчивости, и потому графъ Нессельроде рѣшился возвратиться къ Союзнымъ Государямъ, чтобы испросить новыя инструкціи (1). Уполномоченные уѣхали въ сопровожденіи генерала Лапуанта (Lapointe), которому французскіе военачальники дали порученіе привезти крайнія условія (ultimatum) Союзниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ получилъ приказаніе вручить князю Шварценбергу доставленное генераломъ Дежаномъ (Dejean) письмо Наполеона, въ коемъ Императоръ Французовъ извѣщалъ фельдмаршала, что онъ открылъ переговоры прямо съ своимъ тестемъ, и что въ ожиданіи ихъ послѣдствій, Союзники должны пріостановить нападеніе на Парижъ. Мортьè, за отсутствіемъ Короля Іосифа, исполняя повелѣніе Наполеона, предложилъ, чрезъ генерала Лапуанта, князю Шварценбергу—заключить перемиріе на двадцать четыре часа, оставя войска обѣихъ сторонъ въ занимаемыхъ ими позиціяхъ. Очевидно, что Союзный главнокомандующій не могъ замедлить наступленіе русскихъ и прусскихъ войскъ, сражавшихся въ присутствіи ихъ Государей, и къ тому-же Императоръ Францъ, измѣнивъ свои прежнія намѣренія, одобрялъ виды Императора Александра (2). Союзные Государи, не давъ никакого отвѣта генералу Лапуанту, приказали Своимъ уполномоченнымъ возвратиться къ Ла-Вилетской заставѣ и продолжать переговоры на новыхъ, начертанныхъ Ими, основаніяхъ. Въ семь часовъ вечера, совѣщаніе возобновилось объявленіемъ графа Нессельроде, что Ихъ Величества изъявили согласіе на выступленіе изъ Парижа французскихъ войскъ, предоставляя Себѣ назначить путь, по которому они должны слѣдовать. Герцогъ

Рагузскій, отойдя съ своимъ товарищемъ въ уголъ комнаты, возвратился черезъ нѣсколько минутъ къ Союзнымъ коммисарамъ, говоря, что Парижъ не обложенъ и что его нельзя обложить со всѣхъ сторонъ, что всѣ пути остающіеся открытыми могутъ служить для отступленія французскихъ войскъ, но что, не смотря на то, желательно, чтобы графъ Нессельроде выразилъ опредѣлительно—какой именно путь Союзники назначаютъ корпусамъ выступающимъ изъ Парижа. Когда-же коммисары потребовали, чтобы Французы ушли по бретанской дорогѣ, Мармонъ объявилъ, что онъ не можетъ принять такого условія, и что, защищая Парижъ шагъ за шагомъ, онъ будетъ оттѣсненъ только-лишь въ сенъ-жерменское предмѣстье, и далѣе къ Фонтенеблд: слѣдовательно—то, чего нельзя достигнуть силою оружія, не должно быть пріобрѣтено перемиріемъ несовмѣстнымъ съ честью стараго воина. «Господа! сказалъ маршалъ, видимо взволнованный требованіемъ Союзниковъ,—судьба вамъ благопріятствуетъ; успѣхъ вашего оружія не подлежитъ сомнѣнію. Его послѣдствія неизчислимы. Будьте великодушны и умѣренны; не доводите насъ до послѣдней крайности. Великодушіе часто бываетъ выгоднѣе насилія.»

Союзные коммисары сознавали истину словъ маршала, но не могли отклониться отъ полученныхъ ими инструкцій. Наконецъ, послѣ долгаго безуспѣшнаго спора, Мортье объявилъ, что онъ долженъ, на всякій случай, принять мѣры къ оборонѣ Парижа, и по тому предоставляетъ дальнѣйшіе переговоры своему товарищу. Уже было восемь часовъ; начинало смеркаться. Полковникъ Орловъ весьма основательно замѣтилъ графу Нессельроде, что Союзники не станутъ ночью атаковать Парижъ, и—слѣдовательно—нельзя было помѣшать выступленію непріятельской арміи по любой дорогѣ. По его мнѣнію, надлежало тотчасъ подписать капитуляцію, дозволивъ Французамъ отступить куда пожелаютъ, либо настаивать на прежнихъ условіяхъ и прекратить переговоры, оставя его заложникомъ въ Парижѣ до возобновленія непріязненныхъ дѣйствій. Графъ Нессельроде предпочелъ послѣднее, прервалъ совѣщаніе и оставилъ полковника Орлова, въ качествѣ заложника, обнадеживъ Мармона, что

атака Парижа не будетъ возобновлена, пока Орловъ невозвратится на русскіе аванпосты. По отъѣздѣ графа Нессельроде и состоявшихъ при немъ офицеровъ, Орловъ послѣдовалъ за Мармономъ въ Парижъ, прямо во дворецъ его. Тамъ было множество лицъ, ожидавшихъ съ безпокойствомъ рѣшенія участи Парижа. Огромная гостиная маршала болѣе и болѣе наполнялась. Безпрестанно смѣнялись одна другою всѣ тогдашнія французскія знаменитости, бывшія въ Парижѣ, и въ числѣ ихъ—князь Талейранъ; пройдя гостиную, онъ прямо направился въ кабинетъ хозяина. Тамъ онъ оставался довольно долго и выйдя оттуда, сказалъ нѣсколько словъ извѣстнымъ ему лицамъ. Всѣ кинулись узнать, чтò говорилъ онъ, и при общемъ движеніи Орловъ остался почти одинъ въ углу комнаты. Замѣтивъ русскаго офицера, Талейранъ подошелъ къ нему и съ нѣкоторою торжественностью сказалъ: Monsieur, veuillez bien vous charger de porter aux pieds de Sa Majesté l'Empereur de Russie l'expression du profond respect du prince de Bénévent.» (Милостивый государь, примите на себя трудъ повергнуть къ стопамъ Его Величества Россійскаго Императора выраженіе глубочайшаго уваженія князя Беневентскаго). Орловъ отвѣчалъ въ полголоса: «Prince, je porterai, soyez-en sûr, ce blanc-signé à la connaissance de Sa Majesté.» (Князь! Будьте увѣрены, что я доведу этотъ бланкъ до свѣденія Его Величества). Легкая, едва замѣтная улыбка скользнула по лицу стараго дипломата, который, вѣроятно, будучи доволенъ смысломъ приданнымъ словамъ его, удалился. Многіе изъ ближайшихъ къ нему лицъ, не разслышавъ отвѣта Орлова, остались въ недоумѣніи, и каждый изъ нихъ толковалъ по-своему прорицаніе оракула.

Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ присланный Наполеономъ дивизіонный генералъ Жирарденъ. Ему было поручено возбудить гражданъ къ отчаянной защитѣ; кромѣ того, онъ получилъ секретное приказаніе—въ случаѣ вступленія Союзниковъ въ Парижъ, взорвать огромный гренельскій пороховой погребъ и истребить одновременно своихъ и непріятелей, столицу съ ея сокровищами, памятниками и сотнями тысячъ жителей. Это безчеловѣчное приказаніе, переданное Жирарденомъ подполков-

нику Лескуру, не было исполнено. Лескуръ потребовалъ письменное повелѣніе съ собственноручною подписью Наполеона, и не получивъ его, рѣшился ослушаться. Императоръ Александръ въ послѣдствіи наградилъ Лескура за спасеніе Парижа алмазными знаками Св. Анны 2-й степени (3).

Въ два часа утра, пріѣхалъ графъ Парръ съ письмомъ отъ графа Нессельроде Орлову слѣдующаго содержанія:

«A Monsieur le Colonel Orloff.

»Monsieur!

«Sa Majesté l'Empereur, d'accord avec le Maréchal Prince de Schwartzenberg, trouve plus avantageux pour les armées alliées de ne point insister sur la condition qu'Il avait mise à la sortie des troupes, en se réservant la faculté de les faire poursuivre sur la route par la quelle elles se dirigeront. Vous êtes donc autorisé, conjointement avec M-r le Colonel Comte de Parr de conclure une convention relative à la remise et à l'occupation de Paris aux conditions dont nous étions convenus, avant mon départ, avec Messieurs les Ducs de Trévise et de Raguse. Agréez l'assurance de mes sentiments distingués.

«Bondy, le 18 (30) Mars, 1814.»

(Его Величество Императоръ, согласно съ фельдмаршаломъ княземъ Шварценбергомъ, находитъ выгоднымъ не настаивать на условіи о выступленіи французскихъ войскъ по назначенной дорогѣ, а оставить за собою право преслѣдовать ихъ по тому направленію, которое будетъ ими принято. И потому вы, вмѣстѣ съ полковникомъ графомъ Парромъ, уполномочиваетесь заключить конвенцію о сдачѣ и занятіи Парижа на предложенныхъ герцогами Тревизскимъ и Рагузскимъ условіяхъ).

Союзные коммисары дали знать маршалу Мармону, что готовы подписать капитуляцію Парижа. Герцогъ тотчасъ явился въ гостиную, и тамъ полковникъ Орловъ, въ присутствіи маршала и многочисленныхъ гостей его, менѣе нежели въ четверть часа, написалъ проектъ конвенціи. Сущность его заключалась въ слѣдующемъ:

«*Капитуляція Парижа.*

«*Статья 1-я.* Французскія войска, состоящія подъ командою маршаловъ герцоговъ Тревизскаго и Рагузскаго, выступятъ изъ Парижа 19-го (31-го) марта, въ семь часовъ утра.

«*Статья 2-я.* Они вывезутъ съ собою весь обозъ обоихъ корпусовъ.

«*Статья 3-я.* Военныя дѣйствія могутъ быть возобновлены не прежде, какъ по прошествіи двухъ часовъ по выступленіи, т. е. 19-го (31-го марта, въ девять часовъ утра.

«*Статья 4-я.* Всѣ арсеналы, мастерскія и военные склады останутся въ настоящемъ ихъ состояніи.

Статья 5-я и 6-я. Національная стража, пѣшая и конная, а равно жандармы, совершенно отдѣлясь отъ арміи, останутся въ полномъ составѣ, либо будутъ обезоружены и распущены, по усмотрѣнію Союзныхъ Державъ.

«*Статья 7-я.* Раненые и отсталые, оставшіеся послѣ девяти часовъ въ Парижѣ, будутъ считаться военно-плѣнными.

«*Статья 8-я.* Парижъ поручается великодушію Высокихъ Союзныхъ Державъ.»

Самъ Мармонъ прочелъ капитуляцію громко и отчетливо, какъ будтобы вызывая многочисленныхъ слушателей сдѣлать какія-либо возраженія или замѣчанія. Всѣ молчали. Маршалъ, возвративъ Орлову бумагу, сказалъ, что онъ поручаетъ подписать ее, вмѣстѣ съ Союзными коммисарами, полковникамъ Фавьè (Fabvicr) и Дени (*). Полковники Орловъ и графъ Парръ, подписавъ конвенцію, вручили копію Мармону. Оставалось назначить депутацію отъ жителей Парижа для встрѣчи Императора Александра. Орловъ объявилъ, что онъ составилъ 8-ю статью капитуляціи, имѣя опредѣлительное приказаніе Его Величества—избавить Парижъ отъ огорченія видѣть ключи своего города въ какомъ-либо иностранномъ музеумѣ. На разсвѣтѣ депутація была готова. Она состояла изъ префектовъ Шаброля и Паскьè, нѣсколькихъ Членовъ городской думы, началь-

(*) Полковникъ Дени (Denis), адъютантъ Мармона, въ послѣдствіи графъ Дамремонъ, генералъ-губернаторъ Алжиріи, убитъ на штурмѣ Константины въ 1837-мъ году.

ника штаба и двухъ штабъ-офицеровъ парижской національной стражи. Полковникъ Орловъ проводилъ депутатовъ въ Бонди черезъ русскіе биваки, среди множества огней, при свѣтѣ коихъ, солдаты, уже успѣвшіе отдохнуть, готовились къ послѣднему, торжественному акту великой драмы народовъ. Вездѣ кипѣла усиленная дѣятельность, вездѣ воины, прошедшіе изъ конца въ конецъ Европу, чистили одежду, оружіе, конскую сбрую. По прибытіи въ главную квартиру, Орловъ ввелъ депутатовъ въ большую залу зама и приказалъ доложить о себѣ графу Нессельроде, который тотчасъ вышелъ къ депутаціи; самъ-же Орловъ прямо отправился къ Императору. Государь принялъ его въ постелѣ. «Ну, что—спросилъ Онъ—какія вѣсти привезли вы?»—«Капитуляцію Парижа»—отвѣчалъ Орловъ. Императоръ взялъ ее, прочелъ, сложилъ бумагу и положивъ ее подъ подушку, сказалъ: «Поцѣлуемся. Поздравляю васъ: ваше имя соединено съ великимъ событіемъ.» Государь изъявилъ желаніе знать всѣ подробности пребыванія Орлова въ Парижѣ и въ особенности о Талейранѣ.» Теперь это лишь анекдотъ но со временемъ вашъ разсказъ можетъ сдѣлаться исторіей»—сказалъ Онъ. За тѣмъ, отпустивъ Орлова, Государь заснулъ глубокимъ сномъ почти въ туже минуту.

Между тѣмъ, коммисары обѣихъ сторонъ сговорились съѣхаться въ восемь часовъ утра у Пантенской заставы (4).

Распоряженія главной квартиры Союзниковъ, на 19-е (31-е) марта, заключались въ слѣдующемъ:

Авангардъ графа Палена, въ девять часовъ утра, вступивъ чрезъ Тронную заставу въ Парижъ, долженъ былъ перейти Сену по Аустерлицкому мосту и двинуться по фонтенеблоской дорогѣ, въ слѣдъ за войсками Мармона и Мортье. Отъ Силезской арміи былъ посланъ для преслѣдованія непріятеля легкій отрядъ Емануеля.

Въ половинѣ 10-го, для параднаго вступленія въ Парижъ, приказано стать между Пантеномъ и сенъ-мартенскимъ предмѣстьемъ россійско-прусской гвардіи, гренадерскому корпусу Раевскаго, тремъ кирасирскимъ дивизіямъ и австрійскимъ гренадерамъ.

Всѣ армейскіе корпусы получили приказаніе не входить въ Парижъ, а расположиться въ окрестностяхъ и поставить караулы на заставахъ и постахъ внутри города, въ ожиданіи ихъ смѣны гвардіей и гренадерами. Нелегко было армейскимъ полкамъ сдѣлать этотъ нарядъ. Солдаты, въ изношенной одеждѣ, въ изорванныхъ сапогахъ, были болѣе способны къ бою, нежели къ параду. Войска Раевскаго, во французскихъ мундирахъ, снятыхъ съ убитыхъ и плѣнныхъ непріятелей, уподоблялись болѣе Французамъ, нежели Русскимъ. Изъ всего корпуса принца Евгенія набрали едва тысячу человѣкъ, прилично одѣтыхъ и обутыхъ ([5]).

Союзныя войска, оставленныя внѣ города, расположились слѣдующимъ образомъ:

3-й корпусъ Гіулая и 4-й Кронъ-принца виртембергскаго у Шарантона; 6-й Раевскаго на беллевильской высотѣ; 5-й фельдмаршала Вреде перешелъ къ Шелль (Chelles). Корпусы Іорка и Клейста расположились на тѣсныхъ квартирахъ, въ окрестностяхъ Монмартра, Нёльи (Neuilly-sur-Seine) и Пасси; корпусы графа Ланжерона перешли на лѣвую сторону Сены; войска графа Воронцова стали у Ла-Шапель. Укрѣпленный городъ Сенъ-Дени сдался на капитуляцію и былъ занятъ Колыванскимъ пѣхотнымъ полкомъ, подъ начальствомъ полковника Нарышкина.

Генералъ-лейтенантъ Паленъ, съ легкою кавалеріей 6-го корпуса и съ 23-ю конною артиллерійскою ротою, преслѣдовалъ непріятеля въ сей день по дорогѣ къ Фонтенебло до рѣки Оржъ и захватилъ до 800 отсталыхъ. Генералъ Емануель, съ двумя тысячами кавалеріи, перешелъ въ Сенъ-Клу на лѣвую сторону Сены, взялъ въ плѣнъ нѣсколько сотъ человѣкъ и дойдя до рѣки Бьевръ (Bievres), вошелъ въ связь съ авангардомъ графа Палена ([6]).

А между тѣмъ, какъ берега Сены въ послѣдній разъ оглашались громомъ русскаго оружія, Европа ликовала въ Парижѣ.

Императоръ Александръ, съ обычною ему ласковостью, принявъ городскихъ депутатовъ, повторилъ имъ Свои прежнія

увѣрепія, что онъ велъ войну не противъ Франціи, а противъ безразсуднаго властолюбія Наполеона, что Онъ во-все не желаетъ побудить Францію ни къ принятію какого-либо правительства, ни къ заключенію постыднаго мира, но имѣетъ цѣлью избавить ее отъ деспотисма, стольже тягостнаго для нея самой, сколько и для всей Европы. Онъ далъ слово, что Союзныя войска будутъ обходиться наилучшимъ образомъ съ Парижанами, изъявилъ согласіе, чтобы охраненіе спокойствія въ городѣ было предоставлено національной стражѣ и обѣщалъ освободить жителей столицы отъ военнаго постоя. Единственное требованіе Государя заключалось въ жизненныхъ припасахъ для арміи. По возвращеніи въ Парижъ, депутаты не могли найти довольно словъ, чтобы передать своимъ согражданамъ удивленіе и восторгъ возбужденные въ нихъ великодушіемъ и благостью Россійскаго Монарха (7).

Едва лишь Императоръ Александръ отпустилъ депутацію, какъ доложили Ему о прибытіи Коленкура.

Наполеонъ, съ авангардомъ своей арміи, находясь въ Труà, на разсвѣтѣ 18-го (30-го) марта, въ то самое время когда Союзники готовились повести нападеніе на Парижъ, составилъ диспозицію для движенія войскъ, такимъ образомъ, чтобы они подошли къ Парижу 21-го марта (2-го апрѣля), вмѣстѣ съ дивизіей Сугама, долженствовавшею прибыть отъ Ножана (Nogent-sur-Seine) чрезъ Фонтенебло. Какъ французскимъ войскамъ, двигавшимся изъ окрестностей Труà, надлежало сдѣлать три перехода, по шестидесяти верстъ, то Наполеонъ приказалъ зарыть въ землю повозки и боевые припасы, которыхъ нельзя было увезти при усиленномъ движеніи арміи. Самъ-же онъ отправился съ конвоемъ (escadrons de service) въ Вильнёвъ-ла-Гюйаръ, и оттуда на почтовыхъ въ Фонтенеблò, и далѣе по дорогѣ къ Парижу; за нимъ, въ другомъ экипажѣ, ѣхали Бертье и Коленкуръ. По прибытіи въ полночь на почтовую станцію Куръ-де-Франсъ, въ двадцати верстахъ отъ Парижа, Наполеонъ встрѣтилъ кавалерію Бельяра. Пораженный неожиданнымъ появленіемъ этихъ войскъ, онъ выскочилъ изъ экипажа и по-

шелъ пѣшкомъ по дорогѣ съ Бельяромъ, распрашивая его о событіяхъ въ столицѣ, а за тѣмъ, обратясь къ Коленкуру, приказалъ подвезти коляску, чтобы тотчасъ ѣхать въ Парижъ. Напрасно Бельяръ увѣрялъ его, что это невозможно, что французскія войска очистили городъ и что утромъ рано туда вступятъ Союзники. «Ну, мы пойдемъ впередъ, опять займемъ городъ, отвѣчалъ Наполеонъ —Парижане возстанутъ, чтобы избавиться отъ варваровъ.» — «Теперь уже поздно — повторилъ Бельяръ.—Всѣ высоты господствующія надъ Парижемъ заняты сто двадцатью тысячами непріятельскихъ войскъ; Ваше Величество подвергнете себя плѣну и Парижъ опустошенію. Къ тому-же мы выступили изъ Парижа на основаніи капитуляціи и по тому не можемъ туда возвратиться.» — «Какая капитуляція? Кто имѣлъ малодушіе подписать ее?» — «Не знаю, мнѣ извѣстно только то, что Мортье приказалъ моей кавалеріи идти къ Фонтенебло.» — «Гдѣ Король Іосифъ? Гдѣ военный министръ?» — «Мы отъ нихъ не получали никакихъ приказаній, и даже никто не видалъ ихъ. Каждый изъ маршаловъ распоряжался по собственному усмотрѣнію.» — «Я долженъ ѣхать въ Парижъ; вездѣ, гдѣ меня нѣтъ, дѣлаютъ только глупости (on ne fait que des bêtises). Надлежало держаться долѣе, оборонять Парижъ до прибытія арміи, поручить національной стражѣ защиту укрѣпленій. Что сдѣлали съ моею артиллеріей? У меня въ Парижѣ было болѣе двухъ сотъ орудій, а боевыхъ запасовъ сталобы на цѣлый мѣсяцъ.» — «На самомъ-же дѣлѣ мы дѣйствовали только изъ полевыхъ орудій и въ два часа уже были принуждены стрѣлять медленнѣе по недостатку въ зарядахъ.» — «Ну, я вижу, что всѣ потеряли голову; у нихъ не стало — ни толку, ни духу.» Между тѣмъ какъ Наполеонъ жаловался на неспособность лицъ распоряжавшихъ обороною Парижа, и въ особенности обвинялъ своего брата Іосифа и министра Кларке, подошла на встрѣчу ему пѣхотная колонна. «Какія это войска?» —спросилъ онъ.— «Корпусъ маршала Мортье»—отвѣчалъ генералъ Кюріаль.— «Позовите его ко мнѣ.» — «Онъ еще въ Парижѣ.» —За тѣмъ, узнавъ отъ Кюріаля, что вся пѣхота отошла отъ Парижа отъ пятнадцати до двадцати верстъ, Наполеонъ сѣлъ на до-

рогѣ и погруженный въ глубокую думу оставался нѣсколько минутъ среди своихъ сподвижниковъ безмолвно ожидавшихъ его приказаній. Въ продолженіи трехъ сутокъ, сдѣлавъ болѣе ста верстъ на почтовыхъ и столько-же верхомъ, онъ изнемогалъ отъ усталости, но какъ-будто забылъ объ отдыхѣ. По его приказанію, въ убогомъ домѣ смотрителя станціи, при скудномъ освѣщеніи, была разложена карта окрестностей Парижа. «Еслибы моя армія была здѣсь, я поправилъ-бы дѣло—сказалъ онъ.—Но она придетъ не прежде, какъ черезъ три или четыре дня.» Желая успокоить его, Коленкуръ сказалъ: «Государь! Армія здѣсь будетъ и Ваше Величество черезъ четыре дня сдѣлаете то, что̀ хотѣли сдѣлать сегодня.»—Наполеонъ, разсѣянно слушавшій разговоръ своихъ собесѣдниковъ, какъ будто очнувшись, громко воскликнулъ: «Ахъ, Коленкуръ, какъ вы мало знаете людей! Три дня! Два дня! Вы не знаете, что̀ можно сдѣлать въ такое короткое время.» Потомъ, пройдя комнату быстрыми шагами нѣсколько разъ, продолжалъ: «я поражу непріятелей въ Парижѣ, но мнѣ нужно выиграть нѣсколько времени, и вы мнѣ поможете въ томъ.»

За тѣмъ, отпустивъ всю свою свиту и оставшись наединѣ съ Коленкуромъ, Наполеонъ поручилъ ему ѣхать въ главную квартиру Союзниковъ, представиться Императору Александру, извѣстить Его о наступленіи шестидесяти-тысячной французской арміи, усиленной двадцатью тысячами человѣкъ, выступившими изъ Парижа, и предложить Ему неотлагательное заключеніе мира на условіяхъ сходныхъ съ требованіями Союзниковъ въ Шатильонѣ. Наполеонъ полагалъ, что Императоръ Александръ, устрашенный наступленіемъ многочисленной непріятельской арміи, не захочетъ подвергнуть опасности свои успѣхи и откроетъ переговоры, которые потребуютъ нѣсколько дней и дадутъ возможность Французамъ собраться съ силами. Напрасно Коленкуръ совѣтовалъ Наполеону покориться силѣ обстоятельствъ и принять шатильонскія условія. Наполеонъ не хотѣлъ мира и приказалъ своему представителю—*только выиграть время.* Отправя Коленкура и приказавъ войскамъ собираться у Эссонъ (Essonne), онъ отправился въ Фонтенебло (8).

И здѣсь — на закатѣ звѣзды своего счастія — какъ за два года предъ тѣмъ, въ челѣ полчищъ Европы, на Нѣманѣ, Наполеонъ заблуждался, надѣясь устрашить своего противника. Тотъ, Кто въ годину бѣдствій изъявилъ готовность скорѣе удалиться въ Сибирь и ходить въ смуромъ кафтанѣ, нежели унизить достоинство Россіи постыднымъ миромъ, Тотъ, предводя арміями народовъ, дружно возставшихъ за независимость, спокойствіе и благоденствіе Европы, не могъ измѣнить Своему высокому назначенію. Принявъ Коленкура также милостиво, какъ и въ эпоху величія Французской Имперіи, Государь сказалъ, что, желая мира и не достигнувъ Своей цѣли въ Шатильонѣ, Онъ принужденъ былъ искать его въ Парижѣ, что Онъ не хочетъ унизить Францію, но считаетъ Себя обязаннымъ упрочить спокойствіе Европы, и по тому, ни Онъ, ни Его союзники не станутъ вести переговоровъ съ Наполеономъ. За тѣмъ Императоръ Александръ, сказавъ что, по всѣмъ дошедшимъ до Него свѣдѣніямъ, сами Французы желали избавиться отъ тяготѣвшаго надъ ними деспотисма, объявилъ, что выборъ властителя Франціи будетъ предоставленъ Союзниками почетнѣйшимъ изъ ея гражданъ и что вся Европа одобритъ его. Напрасно Коленкуръ старался поколебать твердое намѣреніе Россійскаго Монарха, представляя Ему, что Союзники, низвергнувъ съ престола Государя, признаннаго всѣми европейскими Дворами, зятя одного изъ властителей Коалиціи, выказали-бы себя поборниками разрушительныхъ стремленій революціи; напрасно преувеличивалъ онъ опасность доводить до отчаянія Наполеона и его армію и подвергать сомнительной участи боя успѣхи, которые можно было упрочить выгоднымъ миромъ. Государь отвѣчалъ: «Союзные Монархи не могутъ имѣть цѣлью низпроверженіе престоловъ; они будутъ поддерживать не какую-либо партію недовольныхъ настоящимъ правительствомъ, а общее желаніе почетнѣйшихъ людей Франціи. Что-же касается до опасенія довести Наполеона до отчаянія, то мы намѣрены продолжать борьбу до конца, чтобы не возобновлять ее при менѣе выгодныхъ обстоятельствахъ, и еслибы намъ теперь не удалось вступить въ Парижъ, то придемъ снова и будемъ сражаться, пока дос-

тигнемъ прочнаго мира, котораго не можемъ надѣяться отъ человѣка опустошившаго Европу отъ Москвы до Кадикса.» Когда-же, по поводу рѣшимости Союзниковъ — продолжать войну до послѣдней крайности, Коленкуръ изъявилъ сомнѣніе въ готовности Императора Франца свергнуть съ престола дочь свою, Государь сказалъ: «Австрійское правительство не охотно рѣшилось на сію мѣру, но съ тѣхъ поръ, какъ вы не приняли предложеннаго имъ перемирія въ Люзиньи, Императоръ Францъ не менѣе насъ убѣдился въ невозможности вести переговоры съ своимъ зятемъ.» Разставаясь съ Коленкуромъ, Александръ снова увѣрилъ его въ Своей благосклонности, пригласилъ побывать у Него въ тотъ-же день и обѣщалъ принять его во всякое время (9).

Ровно въ восемь часовъ Государь, выйдя на крыльцо бондискаго замка, сѣлъ на свѣтлосѣрую лошадь, по имени Эклипсъ, подаренную Его Величеству Коленкуромъ, въ бытность его посломъ въ Петербургѣ, и поѣхалъ въ Парижъ. Войскамъ назначено было вступать слѣдующимъ порядкомъ:

Прусская гвардейская кавалерія.

Легкая гвардейская кавалерійская дивизія.

Австрійская гренадерская бригада.

Гренадерскій корпусъ.

Гвардейская пѣхота: 2-я гвардейская дивизія; прусско-баденская бригада; 1-я гвардейская дивизія.

Кирасирскія дивизіи: 3-я, 2-я и 1-я.

Проѣхавъ съ версту, Императоръ Александръ встрѣтилъ Короля Прусскаго и гвардію, пропустилъ мимо Себя прусскую и легкую гвардейскую кавалерію и послѣдовалъ за ними, вмѣстѣ съ Высокимъ Своимъ Союзникомъ и княземъ Шварценбергомъ, въ сопровожденіи Свиты, состоявшей болѣе нежели изъ тысячи генераловъ и офицеровъ различныхъ націй; за ними, въ нѣкоторомъ разстояніи, шли австрійскіе гренадеры и прочія отборныя войска, въ назначенномъ порядкѣ. Звуки трубъ и военной музыки оглашали окрестности Парижа. По свидѣтельству маркиза Лондондери: «все, что можно сказать о русскихъ резервахъ, останется ниже дѣйствительности. Видъ и вооруже-

*

ніе ихъ удивительны. Когда подумаешь о трудахъ перенесенныхъ этими людьми, изъ коихъ многіе, прибывъ отъ границъ Китая, въ короткое время, прошли пространство отъ Москвы до Франціи, исполняешся чувствомъ ужаса къ необъятной Россійской Имперіи» ([10]). Появленіе Государя предъ рядами гвардіи, въ торжественный часъ, когда воины-побѣдители, достигнувъ цѣли своихъ подвиговъ, забыли цѣлые годы трудовъ, лишеній и превратностей счастія, было встрѣчено съ радостнымъ восторгомъ. Что̀ чувствовалъ тогда Агамемнонъ Европы, окончивъ десяти-лѣтнюю борьбу съ горделивымъ противникомъ? Конечно тогда—въ эпоху высшей славы дарованной Ему Всевышнимъ Промысломъ, Онъ вспомнилъ—и вечеръ боя подъ Аустерлицемъ, и невзгоды роковаго 1812 года, облившія кровью Его сердце. Здѣсь готовился Онъ отмстить за пожаръ Москвы—достойно Себя—спасеніемъ Парижа, и свѣтлый ликъ Его, проявляя благія думы, сіялъ неземною радостью. Государь, на пути къ Парижу, подъ вліяніемъ такого настроенія духа, обращался къ Своимъ сподвижникамъ, говорилъ съ ними о минувшихъ событіяхъ и передавалъ имъ Свои воспоминанія. А. П. Ермоловъ разсказывалъ, что Императоръ Александръ тогда подозвалъ его къ Себѣ и указавъ незамѣтно на ѣхавшаго съ ними князя Шварценберга, сказалъ по русски: «по милости этого толстяка не разъ у Меня ворочалась подъ головою подушка,» и за тѣмъ, помолчавъ съ минуту, спросилъ: «Ну что̀, Алексѣй Петровичъ, теперь скажутъ въ Петербургѣ? Вѣдь право было время, когда у насъ, величая Наполеона, Меня считали за простячка.» —«Не знаю, Государь! отвѣчалъ Ермоловъ.— Могу сказать только, что слова, которыя удостоился я слышать отъ Вашего Величества, никогда еще не были сказаны Монархомъ Своему подданному.» ([11]).

По мѣрѣ приближенія къ Парижу, толпы любопытныхъ его жителей, вышедшихъ на встрѣчу Союзнымъ войскамъ, болѣе и болѣе густѣли. Казалось—не Монархъ-побѣдитель вступалъ въ покоренную Имъ столицу, а весь Парижъ готовился принять желаннаго Гостя. Всѣ спрашивали: гдѣ Императоръ Александръ? Одинъ изъ офицеровъ русскаго генеральнаго

штаба, ѣхавшій съ Лейбъ-казаками впереди Государя, отвѣчая на вопросы любопытныхъ, безпрестанно повторялъ: «cheval blanc, panache blanc» (бѣлая лошадь, бѣлый султанъ). Въ 11-мъ часу, Государь подъѣхалъ къ пантенской заставѣ; тамъ ожидалъ Его принцъ Евгеній, котораго войска стояли въ караулѣ у заставы. Императоръ, обратясь къ принцу, сказалъ: «поздравляю васъ съ чиномъ генерала отъ инфантеріи, или, «лучше сказать, поздравляю Себя съ тѣмъ, что могу вамъ «дать его.» (*) Отъ пантенской заставы Союзные Монархи, окруженные блистательною Свитою, ѣхали чрезъ Сенъ-Мартенское предмѣстье и вдоль бульваровъ къ Елисейскимъ Полямъ, гдѣ войска прошли мимо Ихъ Величествъ церемоніяльнымъ маршемъ (12) Народъ тѣснился на улицахъ и въ окнахъ домовъ, и даже во многихъ мѣстахъ кровли были унизаны любопытными жителями столицы. Сначала замѣтно было въ нихъ какое-то опасеніе, но вскорѣ за тѣмъ, узнавъ Государя, услышавъ нѣсколько словъ Имъ сказанныхъ, Парижане встрѣчали Его не какъ побѣдоноснаго властителя, но какъ Ангела низпосланнаго свыше для ихъ спасенія. Конечно въ этихъ изъявленіяхъ радости и восторга была нѣкоторая доля легкомыслія и впечатлительности, свойственныхъ Французамъ, однакоже главную причину ихъ общаго увлеченія можно объяснить- съ одной стороны надеждою освободиться отъ тяготѣвшаго на нихъ ига, а съ другой—привѣтливостью и очаровательнымъ обхожденіемъ Россійскаго Монарха. «Вотъ онъ, вотъ Александръ!» говорили Парижане другъ другу.—«Какъ Онъ милостиво кланяется, какъ ласково говоритъ! Да здравствуетъ Императоръ Александръ!» —«Да здравствуетъ миръ! отвѣчалъ Государь —Я вступаю не врагомъ, а возвращаю вамъ спокойствіе и свободу торговли.»—«Мы уже давно ждали прибытія Вашего Величества,» сказалъ одинъ Французъ.—«Я-бы ранѣе къ вамъ

(*). Чрезъ нѣсколько дней, когда принцъ Евгеній просилъ дозволеніе пробыть нѣкоторое время въ Парижѣ, Государь сказалъ ему: «qui y aurait plus de droit que Vous? Sans Vous nous ne serions pas ici.» (Кто болѣе васъ на то имѣетъ право? Безъ васъ мы не были-бы въ Парижѣ). Memoiren des Herzogs Eugen v. Würtemberg III. 263—264

прибылъ, но Меня задержала храбрость вашихъ войскъ,» отвѣчалъ Александръ. Войска русскія были предметомъ ненасытнаго любопытства для обитателей Парижа: всѣ рвались впередъ посмотрѣть на воиновъ, пришедшихъ съ дальняго сѣвера, представленныхъ досужими французскими публицистами, въ угоду Наполеону, въ видѣ грубыхъ варваровъ, Татаръ пустыни, людоѣдовъ находившихъ вкусъ въ дѣтскомъ мясѣ. И потому не удивительно, что многіе изъ Французовъ, и теперь необладающихъ глубокими свѣдѣніями въ этнографіи, воображали, за полвѣка предъ симъ, увидѣть Русскихъ существами едва имѣющими человѣческій образъ, полудикими, въ странной одеждѣ, говорящими языкомъ непонятнымъ для образованныхъ націй. Но вмѣсто всего этого, поразили ихъ: красота русскихъ мундировъ, блескъ оружія, здоровый видъ и бодрость солдатъ, учтивость офицеровъ, остроумные отвѣты ихъ на французскомъ языкѣ. Сначала Парижане принимали ихъ за эмигрантовъ, но вскорѣ убѣдясь въ противномъ, стали передавать съ удивленіемъ вѣсть о невѣроятныхъ свойствахъ нежданыхъ гостей своихъ. На всякомъ шагу были слышны похвалы кроткимъ побѣдителямъ; женщины изъ оконъ и съ балконовъ махали бѣлыми платками; во всемъ Парижѣ раздавались восклицанія: Vive Alexandre! Vivent les Russes! Vivent les Alliés! Vive Guillaume! (Да здравствуетъ Александръ! Да здравствуютъ Русскіе! Да здравствуютъ Союзники! Да здравствуетъ Вильгельмъ!) Во время парада, Парижанки, желая удобнѣе видѣть Государя, просили русскихъ офицеровъ, состоявшихъ въ Его Свитѣ, сойдти съ лошадей и становились либо садились на сѣдла. Государь, замѣтивъ эти продѣлки, указалъ на нихъ князю Шварценбергу, который съ улыбкою сказалъ: «Pourvu qu'on n'enleve pas les Sabines.» (Лишь-бы не похитили этихъ Сабинокъ) ([13]).

Въ продолженіи шествія Союзныхъ войскъ чрезъ Парижъ, западныя, аристократическія части города, такъ называемыя предмѣстья Сенъ-Жерменъ и Сентъ-Оноре, представляли зрѣлище борьбы партій волновавшихъ Францію. Съ ранняго утра, какъ только войска Мармона и Мортье выступили изъ города, человѣкъ пятьдесять роялистской молодёжи верхомъ появились

на площади Согласія (place de la Concorde), той самой, на которой погибъ царственный мученикъ Людовикъ XVI-й. Всѣ они были съ бѣлыми кокардами и бѣлыми повязками на правой рукѣ. Нѣсколько дамъ знатнѣйшихъ фамилій преданныхъ Бурбонамъ, принцесса Леонъ, графиня Шуазёль, одна изъ родственницъ виконта Шатобріана, и проч. также вышли на площадь. Прочитавъ во всеуслышаніе прокламацію Шварценберга, роялисты стали раздавать бѣлыя кокарды и съ восклицаніями: Vive le Roi! (да здравствуетъ Король!) приглашали народъ присоединиться къ нимъ. На этотъ призывъ столпилось множество парижскихъ зѣвакъ, но все это сборище оставалось въ нерѣшимости. Роялисты, однакоже не отчаяваясь въ успѣхѣ своихъ усилій, раздѣлились на нѣсколько небольшихъ отрядовъ и отправились въ различныя стороны; многіе изъ нихъ, съ бѣлыми платками навѣшенными на трости, выѣхали по Королевской улицѣ (rue Royale) на бульвары, восклицая: Vivent les Bourbons! Vive Louis XVIII! A bas le tyran! (Да здравствуютъ Бурбоны! Да здравствуетъ Людовикъ XVIII! Долой тирана!) и предлагали всѣмъ встрѣчнымъ бѣлыя кокарды; къ нимъ присоединились нѣсколько разряженыхъ женщинъ, которыя рвали на части свои носовые платки и раздавали ихъ народу; кое-гдѣ еще были слышны крики: Vive l'empereur! (Да здравствуетъ Императоръ!), но шумный говоръ и ропотъ народа заглушали голосъ приверженцевъ Имперіи.—Многіе навязывали на рукахъ бѣлыя повязки, принявъ ихъ за эмблему мира; напротивъ того, національная стража считала обязанностью не дозволять столь сомнительныхъ манифестацій; другіе полагали, что эти знаки появились въ угожденіе Союзникамъ, и что неслѣдовало запрещеніемъ ихъ раздражать побѣдителей. Дѣйствительно—Союзныя войска носили на рукѣ бѣлыя повязки, и хотя это—какъ мы уже сказали—не имѣло никакого политическаго значенія, однакоже на первый разъ послужило въ пользу приверженцамъ Бурбоновъ и подало имъ возможность—съ одной стороны, привлечь на свою сторону всѣхъ нерѣшительныхъ людей, а съ другой — выказать свою партію въ глазахъ Союзныхъ Монарховъ гораздо сильнѣйшею,

нежели она была въ дѣйствительности Нѣкоторые изъ австрійскихъ полковъ, послѣ покоренія Парижа, украсили свои головные уборы зелеными вѣтвями, что весьма не понравилось Французамъ, принявшимъ эти вѣтви за горделивые знаки побѣды, и подало поводъ къ нѣсколькимъ столкновеніямъ ([14]); впрочемъ во все продолженіе стоянки Союзниковъ въ Парижѣ, за исключеніемъ немногихъ ссоръ, возбужденныхъ головорѣзами, которыхъ сами Парижане величали нелестнымъ прозвищемъ (septembriseurs), господствовало совершенное согласіе между Союзными войсками и жителями города. Французы, радушно угощая своихъ постояльцевъ, нерѣдко отказывались отъ платы за доставленные ими жизненные припасы ([15]).

Такому дружественному пріему прежнихъ враговъ своихъ Союзники были обязаны болѣе всего человѣколюбію и умѣренности Императора Александра, однакоже на то оказали немалое вліянія и чувства непріязни Французовъ къ ихъ бывшему властителю. Едва лишь Союзныя войска успѣли вступить въ Парижъ, какъ пришло въ голову одному изъ роялистовъ, Состену дела-Рошефуко, вызвать демонстрацію противъ Наполеона. Отправясь на Вандомскую площадь, онъ обратился къ собравшемуся тамъ народу и съ громкимъ восклицаніемъ: à bas Napoléon! (долой Наполеона!) предложилъ низвергнуть его статую, стоявшую на верху колонны. Легкомысленные Парижане, забывъ, сколько разъ они здѣсь встрѣчали съ восторгомъ Наполеона, нисколько не задумались привязать веревки къ шеѣ своего бывшаго кумира. Сотни людей добровольно взялись стащить его, и еслибы это удалось имъ, то многіе изъ нихъ сдѣлались-бы жертвами безразсуднаго покушенія Но вскорѣ явился присланный, по повелѣнію Императора Александра, караулъ отъ Семеновскаго полка, который, окруживъ цѣпью часовыхъ колонну, заставилъ толпу разойтись, а въ слѣдующую ночь, для избѣжанія повода къ подобнымъ безпорядкамъ, приказали перепилить толстый желѣзный болтъ, на которомъ была утверждена статуя, и снявъ ее съ колонны, водрузили вмѣсто ея бѣлое знамя. Говорятъ—будтобы Государь, по поводу тщеславія Наполеона, воздвигшаго себѣ самому величественный памятникъ,

сказалъ: «еслибы Я стоялъ такъ высоко, то у Меня закружиласьбы голова» ([16]).

По окончаніи смотра, въ пятомъ часу по полудни, Императоръ Александръ отправился пѣшкомъ на сенъ-флорентинскую улицу, въ домъ Талейрана, предложенный самимъ хозяиномъ для первоначальнаго пребыванія Государя въ Парижѣ ([17]). Тамъ нашелъ онъ герцога Дальберга, аббата де-Прадтъ, барона Луи, генерала Дессоля и многихъ другихъ обычныхъ посѣтителей знаменитаго дипломата; тамъ-же ожидали Его графъ Нессельроде и генералъ Поццо-ди-Борго. Государь ласково подалъ руку Талейрану, сказалъ нѣсколько словъ роялистамъ, которыхъ число со времени вступленія Союзниковъ въ Парижъ замѣтно увеличилось, и прошелъ въ приготовленные для него покои. Король Прусскій, остановясь на нѣсколько минутъ въ отведенномъ для него дворцѣ Виллеруа̀ на Бурбонской улицѣ, пріѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Шварценбергомъ къ Императору Александру. Талейранъ, проведя ихъ, а также Нессельроде и Поццо ди-Борго, въ кабинетъ Государя, испросилъ дозволеніе ввести туда «своего единственнаго соучастника,» герцога Дальберга. Началось совѣщаніе объ участи Наполеона и новомъ правительствѣ Франціи. Императоръ Александръ открылъ засѣданіе, говоря, что единственною цѣлью Его и Его Союзниковъ есть достиженіе прочнаго мира, что они готовы заключить его съ довѣренными лицами, которыя на то будутъ уполномочены Франціею, что они даже не устранили-бы отъ веденія переговоровъ Наполеона, еслибы онъ самъ не устранилъ себя, отказавшись принять условія необходимыя для спокойствія Европы, и наконецъ, что Союзники готовы признать: регентство Маріи-Луизы, либо принца Бернадотта, республику, Бурбоновъ—словомъ сказать, всякое правительство, которое пожелаютъ сами Французы. Объяснивъ неудобства, неизбѣжныя при каждомъ изъ помянутыхъ образовъ правленія, Государь повторилъ, что Союзники предоставляютъ рѣшеніе этого вопроса самой Франціи, ограничиваясь достиженіемъ прочнаго мира на условіяхъ совмѣстныхъ съ достоинствомъ славной націи, страдавшей подъ ненавистнымъ ей игомъ столькоже, сколько страдала подъ нимъ вся Европа.

Въ отвѣтъ на слова Императора Александра, Талейранъ сказалъ, что республика не могла возбудить сочувствія въ тѣхъ, кои были свидѣтелями ужасовъ 1793-го года, и что народъ предпочитаетъ монархію. По мнѣнію Талейрана, Наполеонъ, олицетворявшій собою войну, не могъ удовлетворить общей потребности мира, да ежели-бы даже онъ и согласился помириться съ Союзниками, то не слѣдовало ему вѣрить, потому что какія-бы ни были условія мира, они будутъ ниже его притязаній. И такъ очевидно, продолжалъ Талейранъ, что владычество Наполеона несовмѣстно съ общимъ спокойствіемъ, но тоже самое можно сказать о регентствѣ. Кто могъ ручаться въ томъ, что подъ именемъ Маріи-Луизы и Короля Римскаго не будетъ по прежнему властвовать самъ Наполеонъ? И ежели Августѣйшій Государь, вручившій ему дочь свою, готовъ былъ пожертвовать ею для блага Европы, то слѣдовало принять съ благодарностью такую жертву. Что касается до Бернадотта, то моглали Франція, отринувъ геніяльнаго воина, замѣнить его другимъ, посредственнымъ, сражавшимся въ рядахъ враговъ ея? Остаются Бурбоны. Конечно — Французы мало знаютъ ихъ и даже отчасти предубѣждены въ ихъ невыгоду. Но тѣмъ неменѣе Франція приметъ охотно Бурбоновъ, если только они, оставя отжившіе предразсудки, будутъ руководиться духомъ времени. Въ заключеніе своихъ словъ, Талейранъ сказалъ: «республика невозможна; регентство, Бернадоттъ, не что иное, какъ интриги; одни лишь Бурбоны могутъ послужить основаніемъ.» (La république est une impossibilité; la régence, Bernadotte, sont une intrigue; les Bourbons seuls sont un principe). За тѣмъ, желая убѣдить Союзныхъ Монарховъ въ томъ, что выраженныя имъ идеи встрѣтятъ сочувствіе въ обществѣ, Талейранъ испросилъ дозволеніе Императора Александра и Короля Прусскаго пригласить на совѣщаніе нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которыхъ мнѣнія могли послужить къ разъясненію дѣла, именно: аббата де-Прадтъ, барона Луи и генерала Дессоля (*), снискавшаго особенное уваженіе своихъ сослуживцевъ. Пылкій де-Прадтъ,

(*) Бывшій начальникъ штаба въ Рейнской арміи генерала Моро.

рѣзкій Луи, основательный Дессоль, будучи приглашены изложить свои мнѣнія, доказывали, каждый по своему, что владычество Наполеона минуло невозвратно, и что никто, кромѣ Бурбоновъ, не могъ занять его мѣсто. Императоръ Александръ, довольный такимъ единогласнымъ отзывомъ Французовъ, убѣдясь въ одобрѣніи его, не только Прусскимъ Королемъ, но и княземъ Шварценбергомъ, изъявившимъ сочувствіе ко всему тому, что̀ было сказано на счетъ регентства Маріи Луизы, объявилъ, что представители древнихъ европейскихъ монархій не могли противиться возстановленію стариннаго Дома Бурбоновъ: оставалось найти средства для низложенія Наполеона и для основанія новаго правительства, коему предстояло водворить спокойствіе во Франціи и дать ей миръ съ Европою. Талейранъ и всѣ призванные на совѣщаніе Французы полагали, что для достиженія сей цѣли могъ послужить Сенатъ, угождавшій, съ ненавистью въ сердцѣ, своему властителю. Но чтобы побудить это малодушное сборище къ такому смѣлому шагу, надлежало выказать самымъ гласнымъ образомъ, что участь Наполеона была рѣшена безвозвратно: иначе сенаторы, безмолвные при Наполеонѣ, остались-бы стольже безгласны подъ вліяніемъ страха внушеннаго его призракомъ. Положено было объявить, что Союзные Монархи, готовые даровать Франціи миръ совмѣстный съ ея достоинствомъ, не станутъ вести переговоры съ Наполеономъ. По предложенію де-Прадта, рѣшено прибавить, Что переговоры не будетъ ведены также ни съ кѣмъ изъ Членовъ наполеоновой фамиліи. Это измѣненіе было внесено въ прокламацію заблаговременно составленную Талейраномъ вмѣстѣ съ графомъ Нессельроде; Императоръ Александръ, подписавъ, отъ имени Своихъ союзниковъ, сей документъ, рѣшившій участь Наполеона, приказалъ тотчасъ напечатать и объявить его во всеобщую извѣстность ([18]).

Прокламація была слѣдующаго содержанія:

«Арміи Союзныхъ Державъ заняли столицу Франціи. Союзные Монархи, исполняя желаніе французской націи, объявляютъ:

«Что мирныя условія, долженствовавшія заключать въ себѣ

самыя прочныя ручательства, пока шло дѣло объ ограниченіи властолюбія Бонапарта, могутъ быть болѣе умѣренны, когда Франція подъ мудрымъ правленіемъ явитъ удостовѣренія общаго спокойствія.

«Сообразно съ тѣмъ, Союзные Государи объявляютъ:

«Что они не станутъ вести переговоровъ—ни съ Наполеономъ Бонапарте, ни съ кѣмъ-либо изъ Членовъ его фамиліи.

«Что, признавая неприкосновенность древней Франціи, въ тѣхъ предѣлахъ, какіе она имѣла при своихъ законныхъ Государяхъ, они готовы сдѣлать еще болѣе, держась начала, что для счастья Европы Франція должна быть велика и могущественна.

«Что они признаютъ и утвердятъ своимъ ручательствомъ Конституцію, которую дастъ себѣ Франція, и потому приглашаютъ Сенатъ немедленно назначить временное правительство, для завѣдыванія дѣлами управленія и для составленія Конституціи сообразной съ желаніями французскаго народа.

«Союзныя Державы изъявили согласіе на всѣ выраженныя Мною намѣренія.

«Александръ.

«Статсъ-секретарь, графъ Нессельроде.

«Парижъ, 31-го марта 1814 г. три часа по полудни» ([19]).

Насталъ вечеръ. Союзныя войска, получивъ приказаніе не занимать квартиръ у жителей города, расположились бивиками на главныхъ площадяхъ, большею частью въ Поляхъ-Елисейскихъ. Вокругъ талейранова дворца, гдѣ остановился Государь, размѣстили первый баталіонъ Преображенскаго полка; рота Его Величества стала на дворѣ зáмка. Глубокое молчаніе на улицахъ прерывалось окликами: «Кто идетъ?» «и Wer da?» Въ Парижѣ назначили губернаторомъ Сакена и трехъ комендантовъ: русскаго, полковника графа Рошшуара (Rochechouart); австрійскаго, генералъ-маіора барона Герцогенберга (Herzogenberg), и прусскаго, генералъ-маіора графа Гольца (Goltz).

Редакторамъ журналовъ и газетъ было предложено вести свои изданія въ духѣ предстоявшаго переворота, и надзоръ за ними порученъ роялисту Морену (Morin). Извѣстія о громад-

ныхъ событіяхъ въ столицѣ, вмѣстѣ съ объявленіемъ о великодушныхъ намѣреніяхъ Союзныхъ Державъ, были переданы по телеграфу во всѣ концы страны. Приверженцы династіи Бурбоновъ, которыхъ число безпрестанно умножалось, во весь день толпились кругомъ талейранова дворца, а вечеромъ разсыпались по всему городу, распространяя вѣсть о возстановленіи Королевскаго Дома. Многіе изъ нихъ, находя, что въ прокламаціи Союзниковъ слѣдовало объявить о намѣреніи ихъ—вести переговоры исключительно съ Бурбонами, единственными законными властителями Франціи, послали къ Императору Александру депутацію, съ изъявленіемъ желанія роялистовъ. Графъ Нессельроде, принявъ депутатовъ, объявилъ имъ, что Союзники намѣрены исполнить желаніе французскаго народа, и что если общій голосъ его выскажется въ пользу Бурбоновъ, то Союзные Государи сочтутъ благополучіемъ находиться при ихъ возстановленіи и содѣйствовать ему своимъ сочувствіемъ ([20]).

Извѣстіе о покореніи Парижа было принято въ Россіи съ неописаннымъ восторгомъ. Въ Петербургъ явился вѣстникомъ желаннаго событія генералъ-адъютантъ (Пав. Вас.) Кутузовъ, посланный Государемъ для донесенія Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ о вступленіи Царственнаго сына ея въ столицу Франціи. Черезъ день по пріѣздѣ Кутузова, 15-го апрѣля, Петербургъ праздновалъ покореніе Парижа. Въ десять часовъ утра торжественно привезли въ Казанскій Соборъ взятыя подъ столицею Франціи знамена. Вдовствующая Императрица и Великая Княжна Анна Павловна, съ многочисленнымъ придворнымъ штатомъ, прибывъ въ соборъ, присутствовали при благодарственномъ молебствіи, послѣ чего прочтена реляція о сраженіи подъ Парижемъ и сдачѣ его. Съ Петропавловской крѣпости произведенъ 151 выстрѣлъ. При громѣ орудій, среди необъятнаго стеченія всѣхъ сословій народа и неумолкаемыхъ побѣдоносныхъ восклицаній «ура!» Императрица съ своею Августѣйшею дочерью возвратилась въ Зимній Дворецъ.

Вечеромъ представляли на театрѣ оперу *Водовозъ*. Мѣсто ея дѣйствія происходило въ Парижѣ; декораціи изображали

Монмартръ. Послѣ оперы давали балетъ: *Праздникъ въ станѣ Союзныхъ армій*. Актеръ Зловъ пропѣлъ куплеты сочиненные Петромъ Александровичемъ Корсаковымъ, и когда онъ произнесъ слова: «Ликуй Москва — въ Парижѣ Россъ!» потрясся театръ отъ громогласныхъ кликовъ и рукоплесканій ([21]).

Дѣйствительно—Москва, тогда возраждавшаяся изъ пепла пожаровъ 1812 года, ликовала, утѣшаясь въ перенесенныхъ ею страданіяхъ славою Россіи и Александра. Торжество матери городовъ русскихъ было трогательно—воспоминаніями ея несмѣтныхъ жертвъ на алтарь отечества и глубокою благодарностью къ Провидѣнію, высоко вознесшему Россію. Всѣ уцѣлѣвшіе храмы были полны скитальцами пришедшими на свои пепелища. Воздавая всю славу побѣдъ Источнику Силъ, они вмѣстѣ съ Благословеннымъ Монархомъ своимъ, возглашали: «Не намъ, не намъ, а Имени Твоему» ([22]).

ГЛАВА XXIV.

Императоръ Александръ въ Парижѣ и Наполеонъ въ Фонтенебло̀.

СОДЕРЖАНІЕ.

Временное правительство.—Слова, сказанныя Императоромъ Александромъ французскому сенату. — Участіе Государя въ судьбѣ Наполеона.—Переформированіе наполеоновой арміи. Движеніе его гвардіи въ окрестности Эссоны. — Современное расположеніе Союзныхъ войскъ. — Движеніе Винцингероде къ Санъ (Sens).—*Дѣла при Мальзербъ и Питивьѐ.*

Смуты въ главной квартирѣ Наполеона. Порученіе Коленкуру и маршаламъ—вести переговоры. — Сношенія Мармона съ княземъ Шварценбергомъ. Отъѣздъ Мармона въ Парижъ. — Переговоры. — Сугамъ съ 6-мъ корпусомъ переходитъ изъ Эссоны въ Версаль. Вліяніе этого событія на переговоры. — Возвращеніе Коленкура и маршаловъ въ Фонтенебло̀.—Разговоръ Наполеона съ Коленкуромъ. Безусловное отреченіе его отъ престола. Преданность Наполеону войскъ.—Фонтенеблоскій трактатъ. Отчаяніе Наполеона. Прощаніе его съ Макдональдомъ.

Сакенъ — генералъ-губернаторъ въ Парижѣ. Популярность его.—Благодушіе Императора Александра. Преданность ему Парижанъ.—Торжественное молебствіе на площади Согласія (place de la concorde).

Домогательства Витроля. Слова, сказанныя ему Императоромъ Александромъ.—Прибытіе въ Парижъ графа д'Артуа̀. Прощанье Наполеона съ войсками въ Фонтенебло̀ и отъѣздъ его на состровъ Эльбу.

Объявленіе Императора Александра, отъ имени всей Европы, что Союзные Государи не станутъ вести переговоровъ съ Наполеономъ, ни съ кѣмъ-либо изъ Членовъ его фамиліи, оказало рѣшительное вліяніе на общественное мнѣніе въ Парижѣ, и вообще во Франціи. Союзники, отказываясь отъ всякихъ дипломатическихъ сношеній съ побѣжденнымъ противникомъ, не признавали его властителемъ страны, и потому было

предоставлено Сенату учредить временное правительство, въ ожиданіи окончательнаго устройства судебъ Франціи. Такія рѣшительныя мѣры побудили къ отложенію отъ Наполеона не только враговъ его, приверженцевъ Республики и Бурбоновъ, не только наскучившихъ войнами Имперіи, конскрипціями и налогами, но и всѣхъ людей нерѣшительныхъ, неимѣвшихъ собственнаго мнѣнія и безотчетно желавшихъ чего-либо новаго. Напрасно Коленкуръ старался склонить въ пользу Наполеона сенаторовъ и другихъ вліятельныхъ лицъ, напоминая имъ всѣ милости, коими они пользовались въ продолженіи его владычества, напрасно онъ надѣялся побудить Талейрана къ возбужденію вопроса о регентствѣ Маріи-Луизы. «Уже поздо—отвѣчалъ могучій дипломатъ.—Я хотѣлъ спасти Марію-Луизу и ея сына, удержавъ ихъ въ Парижѣ, но письмо этого человѣка уничтожило всѣ мои намѣренія. Оставьте ваши напрасныя сѣтованія и не мѣшайте намъ спасти Францію тѣми средствами, которыя имѣемъ въ настоящее время.»

Нетрудно было Талейрану сдѣлать сенатъ орудіемъ низложенія Наполеона. Одни изъ сенаторовъ съ негодованіемъ порицали тѣ самыя распоряженія правительства, которыя прежде были ими одобрѣны; другіе, изъявляя сочувствіе къ падшему властителю, не отказывались однакоже участвовать въ разрушеніи его владычества. Немногіе лишь изъ нихъ, прежде составлявшіе безгласную оппозицію въ сенатѣ, одобряя также всякую мѣру враждебную Наполеону, соглашались на возстановленіе Бурбоновъ неиначе, какъ съ условіемъ обезпеченія гражданскихъ правъ уложеніемъ, сообразнымъ съ духомъ и потребностями времени. Условясь со многими изъ Членовъ сената, Талейранъ, въ качествѣ вице-президента, созвалъ его, на слѣдующій день по вступленіи Союзниковъ въ Парижъ, 20-го марта (1-го апрѣля). Какъ нѣкоторые изъ сенаторовъ уѣхали, вмѣстѣ съ Маріею-Луизою, въ Блуа, либо находились при Наполеонѣ, а другіе изъ робости сказались больными, то изъ ста сорока человѣкъ собралось только шестьдесятъ три [1].

Въ три съ половиною часа по полудни, Талейранъ, въ качествѣ президента, открылъ совѣщаніе слѣдующею рѣчью:

«Сенаторы!

«Вамъ извѣстна цѣль отзыва, который я имѣлъ честь препроводить каждому изъ васъ, приглашая въ сіе собраніе. Мнѣ предстоитъ передать вамъ предложенія: этого одного слова достаточно, чтобы обозначить свободу каждому изъ васъ предоставленную. Вамъ поданы средства великодушно изъявить чувства, коими преисполнена душа каждаго изъ васъ, желаніе спасти вашу страну и рѣшимость устремиться въ помощь бѣдствующему народу.

«Сенаторы! При всей затруднительности настоящихъ обстоятельствъ, они не въ состояніи подавить твердый и просвѣщенный патріотисмъ Членовъ сего собранія, и вы, безъ сомнѣнія, убѣждены всѣ въ необходимости неотлагательнаго рѣшенія, которое сегодня-же возстановило-бы дѣятельность управленія и дало возможность образовать временное правительство, коего власть, удовлетворивъ настоящимъ потребностямъ, имѣла-бы благотворныя послѣдствія» (²).

За тѣмъ, по предложенію нѣсколькихъ Членовъ собранія, сенатъ постановилъ:

Во 1-хъ, что будетъ учреждено временное правительство, для завѣдыванія текущими дѣлами и для представленія сенату проекта конституціи, сообразной съ желаніями французскаго народа.

Во 2-хъ, что это правительство будетъ составлено изъ пяти Членовъ.

Сенатъ назначилъ Членами временнаго правительства:

Г. Талейрана, принца беневентскаго;

Г. сенатора графа Бёрнонвиля;

Г. сенатора графа Жокура;

Г. герцога Дальберга, государственнаго совѣтника;

Г. Монтескю, бывшаго Члена Учредительнаго Собранія (Assemblée Constituante).

Тогда-же были утверждены Сенатомъ слѣдующія предложенія:

1-е, что Сенатъ и Законодательный Корпусъ (палата депутатовъ) будутъ объявлены, на основаніи предполагаемой консти-

туціи, непремѣнными (déclarés partie intégrante de la Constitution projetée);

2-е, что войска, а равно отставные офицеры и солдаты, сохранятъ чины, знаки отличія и получаемое ими содержаніе;

3-е, что государственный долгъ будетъ признанъ;

4-е, что проданныя государственныя имущества останутся неотъемлемою собственностью пріобрѣвшихъ ихъ владѣльцевъ:

5-е, что никто не будетъ преслѣдованъ за свои прежнія политическія мнѣнія;

и 6-е, что будетъ объявлена свобода вѣроисповѣданія, а также и свобода печати.

Тогда-же постановлено, чтобы въ адрессѣ временнаго правительства французскому народу было сказано, что въ конституціи, которую поручено составить Членамъ сего правительства, будутъ включены всѣ помянутыя основанія ([3]).

Оставалось устроить министерство для управленія текущими дѣлами, и Талейранъ, возвратясь изъ люксамбургскаго дворца, тотчасъ занялся съ своими товарищами этимъ предметомъ Министромъ финансовъ былъ весьма удачно назначенъ баронъ Луи. Напротивъ того, назначеніе военнымъ министромъ генерала Дюпона, содержавшагося, послѣ байленской капитуляціи, подъ арестомъ въ фортѣ Жу (Joux), возбудило общее неудовольствіе въ войскахъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ поручили Г. Бёньò (Beugnot), человѣку большаго ума, сдѣлавшемуся извѣстнымъ въ послѣднее время колкими эпиграммами на Имперію; министерство юстиціи было ввѣрено Генріону-де-Пансей (Henrion de Pansey); министерство морское — Г. Малуэ; иностранныхъ дѣлъ—Г. Лафорè: всѣ они были весьма способны и пользовались общимъ уваженіемъ. Полицейская часть поручена Г. Англè (Anglés), преданному Бурбонамъ, а почтовая—Буріенну, бывшему секретарю Наполеона, впавшему въ немилость его. Наконецъ—начальство надъ національною стражею получилъ генералъ Дессоль, нѣкогда исправлявшій должность начальника штаба въ арміи Моро, человѣкъ образованный и съ твердымъ характеромъ ([4]).

Хотя учрежденіе временнаго правительства было тоже-

ственно съ уничтоженіемъ наполеоновой Имперіи, однакоже пылкіе роялисты все еще были недовольны и желали неотлагательнаго провозглашенія Бурбоновъ. Но Талейранъ не торопился удовлетворить ихъ домогательствамъ. Это заставило роялистовъ обратиться къ парижскому муниципальному совѣту и къ главному штабу національной стражи. Адвокатъ Белларъ (Bellart) составилъ воззваніе къ народу, въ коемъ исчисливъ всѣ, такъ называемыя «преступленія Наполеона Бонапарте,» предложилъ объявить его лишеннымъ престола. Это воззваніе, за подписью всѣхъ Членовъ муниципальнаго совѣта, было напечатано и прибито на всѣхъ углахъ парижскихъ улицъ ввечеру 20-го марта (1-го апрѣля). Тѣмъ неменѣе однакоже осторожный Талейранъ не дозволилъ помѣстить сего объявленія въ Монитёрѣ. Покушеніе Дессоля—побудить національную стражу къ принятію бѣлой кокарды—также встрѣтило сопротивленіе со стороны начальника штаба ея Аллёна (5).

21-го марта (2-го апрѣля), сенатъ объявилъ Наполеона и всѣхъ Членовъ его семейства лишенными престола (6). Вслѣдъ за тѣмъ Талейранъ представилъ сенатъ Императору Александру. Государь сказалъ сенаторомъ: «Человѣкъ, называвшійся Моимъ союзникомъ, несправедливо вторгнулся въ Мои владѣнія. Я велъ войну съ нимъ, а не съ Франціею. Я другъ Французовъ. Настоящій поступокъ вашъ усугубляетъ эти чувства. Справедливость и благоразуміе требуютъ даровать Франціи учрежденія твердыя и свободныя, сообразныя просвѣщенію вѣка. Союзники Мои и Я Самъ будемъ покровительствовать независимость вашихъ совѣщаній.» За тѣмъ, остановясь на минуту, Александръ продолжалъ: «въ доказательство Моего желанія заключить съ вашимъ народомъ прочный союзъ, возвращаю всѣхъ французскихъ плѣнныхъ находящихся въ Россіи. Временное правительство уже просило Меня о томъ; уступаю ихъ сенату, въ уваженіе сдѣланнаго имъ сегодня опредѣленія» (7).

Въ тотъ же день, еще утромъ, Коленкуръ, испросивъ дозволеніе снова представиться Императору Александру, покушался склонить Его въ пользу Наполеона. Государь принялъ

весьма ласково благороднаго сановника, преданнаго Его противнику, но остался непреклоннымъ въ Своемъ намѣреніи—не мириться съ Наполеономъ. «Поѣзжайте къ нему—сказалъ Государь; ваше присутствіе въ Парижѣ возбуждаетъ сомнѣнія многихъ людей, на счетъ рѣшимости Моей и Моихъ союзниковъ. Я не питаю никакой ненависти къ Наполеону. Онъ несчастенъ, и этого довольно, чтобы Меня заставить позабыть зло сдѣланное имъ Россіи. Но Франція, Европа, имѣютъ нужду въ спокойствіи и не могутъ имѣть его при Наполеонѣ. Пусть онъ требуетъ, что̀ пожелаетъ собственно для себя; мы готовы дать ему всякое убѣжище. Еслибы онъ согласился удалиться въ Мои владѣнія, то нашелъ-бы тамъ великолѣпное, и, что еще лучше, радушное гостепріимство Мы дали-бы съ нимъ великій примѣръ Свѣту, Я—предложивъ, онъ—принявъ это убѣжище. Но мы не можемъ съ нимъ вести переговоровъ ни о чемъ кромѣ его отреченія.»

Напрасно Коленкуръ старался узнать, могъ-ли Наполеонъ, отказавшись отъ престола, сохранить его для своего сына. Государь не далъ на то опредѣлительнаго отвѣта, однакоже завѣрилъ его, что вопросъ о возстановленіи Бурбоновъ еще не былъ рѣшенъ окончательно «Оставимъ все это—сказалъ Александръ—и займемся лучше устройствомъ личной судьбы Наполеона.» Тогда Коленкуръ спросилъ: не дадутъ-ли ему Тоскану?—«Конечно Тоскана мало значитъ въ сравненіи съ Французскою Имперіею, отвѣчалъ Государь, но какъ вы могли подумать, чтобы Союзники, и въ особенности Австрійцы, оставили Наполеона на материкѣ Европы?» А Парма, Лукка? — «Нѣтъ, нѣтъ, ничего на материкѣ! Островъ пожалуй! Можетъ-быть—Корсику.»—Но Корсика принадлежитъ Франціи, замѣтилъ Коленкуръ, и Наполеонъ неможетъ принять ее. — «Ну такъ островъ Эльбу—сказалъ Государь, но только поѣзжайте скорѣе и побудите его покориться необходимости. Для него будетъ сдѣлано все, что̀ только возможно. Я воздамъ должное человѣку великому и несчастному» (8).

Въ продолженіи этихъ переговоровъ, Наполеонъ въ Фонтенебло̀ дѣятельно занимался переформированіемъ арміи, раз-

строенной потерями въ бояхъ, форсированными переходами и побѣгами. Всѣ маршевые полки послужили для укомплектованія прочихъ. Корпусъ маршала Мортьè былъ усиленъ дивизіей Бойè-де-Ребеваля; корпусъ Мармона — дивизіями Компана и Ледрю, двумя баталіонами ветерановъ и войсками бывшаго парижскаго гарнизона; оба эти корпусы, потерявъ всю свою артиллерію при Феръ-Шампенуазѣ и подъ Парижемъ, получили по тридцати орудій съ достаточнымъ запасомъ зарядовъ. Пѣшіе жандармы трехъ департаментовъ: Сены, Сены-и-Марны, Сены-и-Уазы, были сведены въ баталіонъ, который, вмѣстѣ съ другимъ, находившимся при дивизіи Фріана, составилъ особую бригаду, а изъ конныхъ жандармовъ съ отборнымъ эскадронамъ (escadron d'élite) образовался одинъ изъ полковъ дивизіи Лефевръ-Денуетта; наконецъ—изъ всѣхъ Поляковъ, остававшихся на службѣ во французской арміи, сформирована дивизія, подъ начальствомъ генерала Красинскаго. Генералъ Преваль, выступившій съ кавалерійскимъ депо по дорогѣ къ Мантъ, получилъ приказаніе продолжать комплектованіе конныхъ резервовъ въ Орлеанѣ, либо въ Сомюрѣ, а полковнику Вертильяку (Vertillac), съ 2,200 человѣкъ пѣхотныхъ депо, предписано расположиться въ Милли (Milly), между Этампъ и Фонтенебло̀. Начальство надъ гвардейскою кавалеріей поручено графу Орнано, а надъ 1-ою кавалерійскою дивизіей генералу Гюйо̀, вмѣсто раненаго Кольбѐра [9].

Возвращеніе Коленкура въ главную квартиру французской арміи, отнявъ у Наполеона послѣднюю надежду открыть переговоры съ Союзниками, утвердило его въ намѣреніи—рѣшить дѣло оружіемъ. Солдаты и офицеры, не смотря на зловѣщія вѣсти изъ Парижа и на покушенія роялистовъ переманить ихъ на сторону враговъ Наполеона, были ему преданы, но ближайшіе сподвижники его, убѣжденные въ безполезности новыхъ жертвъ, жаждали, во чтобы то не стало, мира и спокойствія [10].

Наполеонъ, предполагая идти къ Парижу, сосредоточилъ въ продолженіи 22-го и 23-го марта (3-го и 4-го апрѣля) свою армію: войска Мармона стояли на рѣкѣ Эссонѣ, а прибывшія отъ Сенъ-Дизье, подъ начальствомъ Макдональда, расположи-

лись въ окрестностяхъ Фонтенебло̀. 22-го марта (3-го апрѣля), вся гвардія построилась въ густыхъ колоннахъ на площади замка (Cour du Cheval-blanc). Наполеонъ, проѣхавъ вдоль фронта войскъ, остановился посреди площади, вызвалъ изъ всѣхъ ротъ старшихъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, и приказавъ имъ построиться кругомъ себя, обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью:

«Солдаты! Непріятель, опередивъ насъ на три перехода, овладѣлъ Парижемъ; мы должны изгнать его. Недостойные Французы, эмигранты, пощаженные нами, водрузили бѣлое знамя и присоединились къ нашимъ непріятелямъ. Малодушные! Они будутъ наказаны за это новое преступленіе. Поклянемся побѣдить или умереть, и заставимъ уважать трехъ-цвѣтную кокарду уже двадцать лѣтъ носимую нами на поприщѣ славы и чести.»

«Клянемся въ томъ!» (Nous le jurons!), отвѣчали на-перерывъ старые воины, и за ними вся гвардія. Пѣхота ускореннымъ шагомъ и за нею кавалерія прошли мимо Наполеона, привѣтствуя его восклицаніями: «Vive l'Empereur! A Paris! A Paris!» (да здравствуетъ Императоръ! Въ Парижъ! Въ Парижъ!). Немедленно по окончаніи смотра, въ шесть часовъ по полудни, гвардія двинулась къ Эссоннъ и прибыла уже около полуночи на указанныя для нея мѣста: пѣхота расположилась въ окрестностяхъ Мулиньона (Moulignon), а кавалерія у Фертѐ-Алепсъ. Войска Мармона стояли въ авангардѣ у Корбейль и Эссоннъ; кавалерія Макдональда на рѣчкѣ Эролль, отъ Буассизъ до Сенъ-Жерменъ; пѣхота его близъ Фонтенебло̀. Число войскъ собранныхъ Наполеономъ не превышало тридцати шести тысячъ человѣкъ ([11]).

Со стороны Союзниковъ, какъ только сдѣлалось извѣстно о сосредоточеніи силъ непріятельскихъ у Фонтенебло̀, были сдѣланы слѣдующія распоряженія:

Корпусы Гіулая и Кронъ-принца виртембергскаго стали между Вильнёвъ-ле-Руа и Атисъ; авангардъ ихъ на дорогѣ въ Корбейль. Корпусъ Вреде между Рюнжисъ и Паруа̀. Корпусъ Раевскаго, впереди всѣхъ прочихъ, близъ Жювизи; авангардъ его, подъ начальствомъ графа Палена, усиленный 3-ю кира-

сирскою дивизіей, былъ выдвинутъ вправо отъ Корбейль, къ Будуфлѐ и Флёри; передовые посты стояли на рѣкѣ Эссоннъ ([12]). Гвардія и резервы, вмѣстѣ съ главною квартирою Императора Александра и Короля Прусскаго, оставались въ Парижѣ, а главная квартира князя Шварценберга перешла въ Шевилли (Chevilly). Изъ войскъ Силезской арміи, поступившей, за болѣзнью Блюхера, подъ начальство Барклая де-Толли, корпусы Ланжерона, Іорка, Клейста и пѣхота Воронцова расположились близъ Лонгжюмò; главная квартира Барклая въ Масси (Massy); корпусъ Сакена, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Васильчикова, перешелъ къ Шарантону; Бюловъ, съ 7-ю баталіонами, 8-ю эскадронами и 3½ батареями своего корпуса, прибылъ къ Монмартру, оставя бригаду Тюмена подъ Суассономъ, для обложенія этого города, въ ожиданіи прибытія на смѣну изъ Нидерландовъ бригады Борстеля; бригада Крафта, послѣ неудачнаго покушенія овладѣть Компіенемъ, также двинулась къ Парижу. Вообще-же въ Парижѣ и по направленію къ Фонтенеблò было собрано до 180,000 человѣкъ обѣихъ Союзныхъ армій ([13]). Извѣстія о сосредоточеніи непріятельской арміи и преувеличенные слухи о силѣ ея заставили князя Шварценберга принять мѣры предосторожности на случай движенія Наполеона къ Парижу: войскамъ приказано было находиться въ полной готовности къ выступленію на сборные пункты Жювизи и Лонгжюмò. Часть войскъ Бюлова заняла Версаль; русскіе гренадеры выступили изъ Парижа въ Рюнжисъ. Для обезпеченія сообщеній съ правою стороною Сены и Марны, навели у Конфлана мостъ на судахъ, прикрывъ его сильнымъ тет-де-пономъ, и заняли переправу у Сенъ-Моръ частью корпуса Васильчикова, обложившаго венсенскій зàмокъ ([14]).

Отрядъ генералъ-маіора Кайсарова, 22-го марта (3-го апрѣля), перешелъ въ Бри (Brie-comte-Robert), а на слѣдующій день овладѣлъ съ боя частью города Мелюна, лежащего по правую сторону Сены, чтò заставило жителей покориться временному правительству ([15]); тогда-же генералъ-маіоръ Сеславинъ расположился въ Гинь (Guignes) и выдвинулъ передовой

отрядъ къ Монтеро ([16]). Главнокомандующій Силезскою арміею, графъ Барклай де-Толли, желая усилить свой авангардъ, направилъ къ Арпажонъ (Arpajon) всю кавалерію генералъ-адъютанта Васильчикова ([17]); вслѣдъ за тѣмъ генералъ Емануель перешелъ къ Ла-Фертè-Алепсъ (La-Ferté-Aleps) и выслалъ 23-го марта (4-го апрѣля) партіи къ Мальзербъ (Malesherbes). Между тѣмъ генералъ Винцингероде преслѣдовалъ наполеонову армію при отступленіи ея отъ Сенъ-Дизьè на Труà. По занятіи 22-го марта (3-го апрѣля) его войсками города Санъ (Sens), отрядъ Чернышева двинулся къ рѣкѣ Луэнъ (Loing) и переправясь черезъ нее, на разсвѣтѣ 23-го марта (4-го апрѣля), близъ Супъ (Soupes), подошелъ около полудня скрытно къ Мальзербъ. Чрезъ это селеніе, по орлеанской дорогѣ, тогда тянулся артиллерійскій паркъ, подъ прикрытіемъ 800 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи. Лишь только поравнялся онъ съ стоявшими въ засадѣ войсками, какъ полки Жирова, Сысоева и Власова 3-го кинулись на прикрытіе, обратили его въ бѣгство, овладѣли двадцатью двумя орудіями и взяли множество плѣнныхъ. Генералъ Чернышевъ, узнавъ отъ нихъ, что другой французскій паркъ незадолго предъ тѣмъ прошелъ, по сей-же дорогѣ, въ Питивьè (Pithiviers), кинулся за нимъ въ слѣдъ, и въ 6 часовъ вечера, подойдя къ этому городу, занятому двумя стами непріятельскихъ егерей, взялъ его штурмомъ. Полковникъ Лебò (Lebeau), командовавшій въ городѣ, получивъ девять ранъ, былъ захваченъ въ плѣнъ и весь его отрядъ уничтоженъ. Генералъ Чернышевъ, не успѣвъ однакоже настигнуть другаго парка, на слѣдующее утро, перешелъ вмѣстѣ съ отбитыми орудіями въ Этампъ (Etampes) ([18]).

Распоряженія князя Шварценберга для противодѣйствія Наполеону оказались излишни. Французскіе маршалы неимѣли ни малѣйшаго желанія поддерживать отчаянное предпріятіе на Парижъ, и роялисты, пользуясь тѣмъ, немедленно открыли съ ними сношенія. Въ то самое время, когда главный штабъ Наполеона шумно толковалъ о необходимости воспротивиться «безумному намѣренію» идти къ Парижу, Макдональдъ, только лишь тогда

прибывшій въ Фонтенебло, нашелъ тамъ письмо, адресованное: *Г. Маршалу Макдональду, герцогу Рагузскому;* Мармонъ, получивъ это письмо въ Эссоннѣ, распечаталъ и прочелъ его, но узнавъ, что оно было послано генераломъ Бёрнонвилемъ Макдональду, приказалъ тотчасъ отправить его по принадлежности. Въ письмѣ своемъ Бёрнонвиль заклиналъ Макдональда, именемъ дружбы и привязанности къ собственному его семейству, тогда бывшему въ Парижѣ, отложиться отъ тирана, возбуждающаго мятежъ противъ законнаго правительства, и перейти на сторону Бурбоновъ, готовыхъ даровать Франціи миръ и свободу. Макдональдъ, нѣкогда служившій въ Рейнской арміи, сохранилъ господствовавшій въ ней либеральный образъ мыслей, и къ тому-же онъ, страстно любя дѣтей своихъ, опасался за нихъ, въ случаѣ покушенія Наполеона овладѣть Парижемъ. Таково было настроеніе духа маршала, когда весь штабъ главной квартиры сталъ убѣждать его присоединиться къ своимъ сослуживцамъ и положить конецъ столь-же ненавистному, сколько и безумному владычеству. Макдональдъ, едва успѣвшій придти тогда съ ввѣреннымъ ему корпусомъ въ Фонтенебло̀, покрытый грязью, просилъ своихъ товарищей, чтобъ дали ему время переодѣться, а, между тѣмъ, прочіе маршалы, возбужденные сочувствіемъ множества генераловъ и офицеровъ, рѣшились идти къ Наполеону и требовать отъ него отреченія отъ престола. Лефевръ, Удино̀, Ней, войдя къ нему въ кабинетъ нашли тамъ Бертье, Коленкура, Марѐ и другихъ высшихъ сановниковъ Имперіи. Маршалы были грустны и не смѣли сказать ни слова, но Наполеонъ самъ, догадываясь о ихъ намѣреніи, спросилъ—не имѣютъ-ли они какихъ извѣстій изъ Парижа?— «Имѣемъ, и весьма плохія»—отвѣчалъ Ней. Наполеонъ старался возбудить духъ своихъ бранныхъ товарищей, представляя имъ въ преувеличенномъ видѣ свои средства и убѣждая въ возможности воспользоваться разобщеніемъ Союзныхъ войскъ по обѣ стороны Сены. По словамъ его, нетрудно было, съ содѣйствіемъ жителей, изгнать ихъ изъ Парижа. «Конечно—продолжалъ онъ— непріятели могутъ возвратиться, но Евгеній идетъ къ намъ изъ Италіи съ 36-ю тысячами человѣкъ; Ожеро имѣетъ

30, Сюше 20, Сультъ 40 тысячъ; присоединивъ большую часть этихъ силъ къ моимъ 70-ти тысячамъ человѣкъ, я отброшу Союзниковъ къ Рейну; мы спасемъ Францію, и я заключу миръ на умѣренныхъ условіяхъ. Еще одно, послѣднее усиліе, и вы будете наслаждаться покойно плодами двадцати-пяти-лѣтнихъ трудовъ и лишеній.» Замѣтя однакоже, что маршалы не раздѣляли такихъ сангвиническихъ надеждъ, Наполеонъ спросилъ: не желаютъ-ли они покориться Бурбонамъ? Лефевръ отвѣчалъ отрицательно, а Ней прибавилъ, что ни онъ самъ, ни дѣти его, не могутъ быть безопасны подъ властью Бурбоновъ, и что они хотѣли-бы имѣть государемъ Короля Римскаго. Наполеонъ покушался убѣдить маршаловъ въ невозможности регентства, но они ясно обнаружили свое желаніе—отреченія его отъ престола. Въ это самое время вошелъ Макдональдъ съ письмомъ Бёрнонвиля. «Что скажете намъ»—спросилъ Наполеонъ.—«Весьма плохія извѣстія—отвѣчалъ маршалъ. —Говорятъ, что Парижъ занятъ двумя стами тысячъ человѣкъ непріятельскихъ войскъ и что мы будемъ тамъ съ ними драться. Это ужасно!... Не пора-ли кончить?»—«Дѣло не въ томъ, чтобы сражаться въ Парижѣ, а чтобъ воспользоваться ошибками непріятеля,» замѣтилъ Наполеонъ За тѣмъ, приказавъ своему начальнику штаба прочесть въ слухъ письмо Бёрнонвиля и выслушавъ его съ презрительнымъ равнодушіемъ, Наполеонъ сказалъ, что Бёрнонвиль и ему подобные были проныры, которые, за-одно съ непріятелемъ, хотѣли разрушить все совершенное революціею, что Бурбоны не успокоятъ, а разстроятъ и ослабятъ Францію, и что, напротивъ того, теперь въ нѣсколько часовъ можно поправить дѣло. «Быть-можетъ такъ—отвѣчалъ Макдональдъ,—но намъ придется сражаться на развалинахъ нашей столицы покрытыхъ трупами дѣтей нашихъ,» и не осмѣлясь сказать, что онъ откажется повиноваться, прибавилъ: «едвали войска исполнятъ такое приказаніе.» Наполеонъ, замѣтивъ, что и Ней былъ одного мнѣнія съ Макдональдомъ, гордо взглянулъ на маршаловъ и сказалъ имъ: «Ежели солдаты не послушаютъ васъ, то они послушаютъ меня и пойдутъ за мною всюду, куда захочу я! Прощайте, господа; я извѣщу васъ о моихъ намѣреніяхъ» ([13]).

Наполеонъ, оставшись съ Бертье, Коленкуромъ и Марѐ, осыпалъ маршаловъ упреками, говорилъ много о слабости и неблагодарности людей вообще, но потомъ равнодушно сознался, что многіе были увѣрены въ необходимости его отреченія въ пользу Короля Римскаго, и что онъ готовъ былъ на то согласиться, но единственно для того, чтобы доказать шаткость такого соображенія. «Поѣзжайте въ Парижъ, сказалъ онъ Коленкуру,—и откройте переговоры на этомъ основаніи. Возмите съ собою маршаловъ, наиболѣе къ тому склонныхъ; вы избавите меня отъ нихъ, и пока вы будете занимать Союзниковъ мирными предложеніями, я пойду впередъ и рѣшу дѣло оружіемъ. Впрочемъ, ежели согласятся на регентство въ пользу моего сына, то быть-можетъ я приму такое условіе.»

Оставалось рѣшить—кому ѣхать съ Коленкуромъ въ Парижъ. Самъ Коленкуръ предложилъ послать начальника штаба Бертьѐ, вполнѣ знакомаго съ военною частью, и Марѐ, посвященнаго во всѣ тайны современной политики. Но Наполеонъ отвѣчалъ, что Бертье былъ необходимъ для передачи его приказаній войскамъ, а Марѐ, во мнѣніи Союзниковъ, считался, (хотя и совершенно напрасно), виновникомъ послѣднихъ войнъ. За тѣмъ, приказавъ пригласить къ себѣ маршаловъ, онъ назначилъ для содѣйствія Коленкуру Нея и Макдональда, разрѣшилъ имъ взять съ собою Мармона, если то окажется нужнымъ, и вручилъ своему представителю слѣдующую декларацію:

«Союзныя Державы объявили, что Императоръ Наполеонъ былъ единственнымъ препятствіемъ къ возстановленію мира въ Европѣ.

«Императоръ Наполеонъ, исполняя данный имъ обѣтъ, объявляетъ, что онъ готовъ снизойти съ престола, удалиться изъ Франціи, и даже пожертвовать жизнью, для блага отечества, тѣсно связаннаго съ правами его сына и регентства Императрицы и съ постановленіями Имперіи.

«Фонтенеблѐ, 4-го апрѣля 1814.

«Наполеонъ» ([20]).

Уполномоченные, прибывъ около пяти часовъ по полудни въ Эссонъ, откуда они должны были истребовать у князя Швар-

ценберга дозволеніе проѣхать чрезъ аванпосты, нашли тамъ Мармона и сообщили ему о данномъ имъ порученіи, предлагая отправиться вмѣстѣ съ ними въ Парижъ Но маршалъ принялъ холодно это приглашеніе. Считая дальнѣйшую борьбу гибельною для Франціи, онъ вошелъ чрезъ бывшаго своего адъютанта, Г. Монтессюй (Montessuy), въ сношенія съ временнымъ правительствомъ, враждебнымъ Наполеону, и съ княземъ Шварценбергомъ. Самъ Мармонъ говоритъ, что онъ, собравъ всѣхъ подчиненныхъ ему генераловъ и обсудивъ вмѣстѣ съ ними положеніе дѣлъ, рѣшился признать временное правительство и открыть переговоры съ Союзнымъ главнокомандующимъ. Сознавая невольно, что ему слѣдовало дѣйствовать совершенно иначе, Мармонъ въ запискахъ своихъ увѣряетъ, будтобы онъ имѣлъ намѣреніе посвятить Наполеону въ изгнаніи остальные дни своей жизни ([21]). А, между тѣмъ, маршалъ, (вмѣсто того, чтобы принять мѣры для обороны ввѣреннаго ему поста, у Эссонны), обязался перейти, съ своимъ корпусомъ, въ Версаль, на дорогу ведущую въ Нормандію, и поступить въ распоряженіе временнаго правительства. Такимъ образомъ ослабивъ французскую армію восемью тысячами человѣкъ и открывъ Союзникамъ путь къ Фонтенебло̀, онъ подвергъ явной опасности самаго Наполеона, и потому счелъ себя обязаннымъ обезпечить опредѣлительными условіями не только жизнь и свободу его, но и приличное ему убѣжище ([22]). Поступокъ Мармона, какъ воина, предавшаго постъ и войска ему ввѣренныя, не можетъ быть ни чѣмъ оправданъ, но онъ не былъ измѣнникъ: при большомъ умѣ, при многостороннихъ свѣдѣніяхъ, при блистательной храбрости, выказанной во многимъ бояхъ, Мармонъ не обладалъ тою силою характера, которая обнаруживается лишь въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ; колебаясь въ нерѣшимости, онъ уклонился на одинъ мигъ съ прямаго пути долга и чести, и уже не могъ снова попасть на него. Ежели честолюбивый маршалъ и былъ въ дѣйствительности увлеченъ примѣромъ Монка, то его заблужденіе было весьма непродолжительно. Когда Коленкуръ и маршалы, на пути въ Парижъ, прибыли въ Эссоннъ и пригласили Мармона туда отправиться вмѣстѣ съ ни-

ми, онъ сперва подъ разными предлогами отказывался сопутствовать имъ, а потомъ признался во всемъ Макдональду и Коленкуру, стараясь оправдать свой поступокъ. Прямодушный Макдональдъ, порицая дѣйствія Мармона, уговаривалъ его, чтобы онъ отказался отъ обѣщанія даннаго князя Шварценбергу и сообщилъ ему объ отреченіи Наполеона, которое обязывало всѣхъ Французовъ твердо отстаивать права его сына. Мармонъ весьма неохотно рѣшался поставить себя въ такое неловкое положеніе, и даже изъявилъ желаніе ѣхать въ Фонтенебло и сознаться предъ Наполеономъ въ своемъ проступкѣ, но потомъ отдумалъ и предпочелъ исполнить совѣтъ Макдональда—уничтожить условіе заключенное съ Союзниками и отправиться въ Парижъ, а между тѣмъ оставить ввѣренный ему корпусъ на мѣстѣ до своего возвращенія въ Эссоннъ.

Дѣйствительно—Мармонъ, призвавъ подчиненныхъ ему генераловъ, сообщилъ имъ, какъ объ условномъ отреченіи Наполеона, такъ о предстоящихъ переговорахъ, и приказалъ, въ присутствіи Макдональда и Коленкура, оставаться у Эссоннъ до его возвращенія. Вслѣдъ за тѣмъ, когда пришло изъ главной квартиры Шварценберга разрѣшеніе уполномоченнымъ проѣхать чрезъ аванпосты, Мармонъ отправился вмѣстѣ съ ними по дорогѣ въ Парижъ. По прибытіи въ Пети-Буръ (Petit-Bourg), близъ Шевилли, гдѣ находилась главная квартира Шварценберга, Мармонъ не хотѣлъ войти къ нему и остался въ экипажѣ; когда-же Коленкуръ и Макдональдъ, сообщивъ фельдмаршалу цѣль даннаго имъ порученія, его оставили, Мармонъ вошелъ къ нему и поговоря съ нимъ на-единѣ, сказалъ своимъ товарищамъ, что «прямодушный» Шварценбергъ согласился отмѣнить заключенное съ нимъ условіе. Тѣмъ не менѣе однакоже Союзники немедленно объявили во всеобщую извѣстность конвенцію заключенную съ Мармономъ ([23]).

Уполномоченные Наполеона, прибывъ во второмъ часу ночи въ домъ Талейрана, тотчасъ вошли въ сношеніе съ временнымъ правительствомъ. Извѣстіе объ отреченіи Императора Французовъ въ пользу своего сына распространило страхъ и смятеніе между всѣми принявшими участіе въ послѣднемъ пе-

реворотѣ. Самъ Талейранъ пріостановилъ поѣздку Витроля, который долженъ былъ отправиться съ письмомъ его къ графу д'Артуа. Какъ однакоже рѣшеніе вопроса зависѣло нестолько отъ временнаго правительства, сколько отъ Союзныхъ Государей, то уполномоченные обратились къ Императору Александру. Государь, немедленно принявъ ихъ, приказалъ пригласить къ Себѣ генерала Дессоля, весьма уважаемаго во французской арміи и могшаго подать голосъ въ совѣщаніи маршаловъ, представителей войскъ. За тѣмъ, обратясь къ уполномоченнымъ, Александръ изложилъ вѣрный образъ Своихъ сношеній съ Наполеономъ, упомянулъ о нашествіи на Россію, сказалъ, что послѣ сраженій при Люценѣ и Бауценѣ Союзные Государи готовы были оставить Франціи значительную часть ся завоеваній; что одержавъ побѣду въ битвѣ народовъ и достигнувъ Рейна, они предлагали границу по сей рѣкѣ, что въ Шатильонѣ они оставляли Францію въ предѣлахъ, которые она имѣла при Людовикѣ XIV, и что не успѣвъ заключить мира, составляющаго единственную цѣль ихъ дѣйствій, они были принуждены искать его въ Парижѣ. «Союзные Монархи—продолжалъ Государь—не хотятъ—ни унизить Францію, ни установить въ ней какое-либо правительство; они желаютъ искренно, чтобы сами Французы приняли то, которое, послуживъ къ ихъ благополучію, обезпечило-бы спокойствіе Европы.»

Въ отвѣтъ Государю, Ней, съ свойственною ему опрометчивостью, сказалъ, что Французы страдали болѣе всѣхъ отъ безпрестанныхъ войнъ веденныхъ Наполеономъ, и что они сами желали его низложенія съ престола. Такое признаніе должно было заставить Императора Александра усомниться въ преданности войскъ къ Наполеону и содѣлывало напрасными домогательства, основанныя на вооруженныхъ силахъ состоявшихъ въ его распоряженіи. Тѣмъ не менѣе однакоже Ней и Макдональдъ горячо стояли за права Короля Римскаго, стараясь доказать, что возстановленіе Бурбоновъ, чуждыхъ для Франціи и незнавшихъ ее, могло повести къ смутамъ и снова нарушить спокойствіе Европы. По ихъ мнѣнію, было всего удобнѣе составить правительство изъ тѣхъ самыхъ людей, которые въ про-

долженіи двадцати лѣтъ занимались общественными дѣлами, и которымъ наскучили войны столько-же, сколько всей Европѣ, а господство дочери одного изъ Союзныхъ Государей было-бы вѣрнѣйшимъ ручательствомъ мира. Наконецъ—они старались доказать, что слѣдовало сдѣлать эту уступку войскамъ, готовымъ покориться, какъ только будутъ признаны права сына того, кому они были преданы всею душею.

Императоръ Александръ, въ отвѣтъ на доводы маршаловъ, поставилъ имъ на видъ послѣднія постановленія сената, замѣтивъ, что уже былъ сдѣланъ важный шагъ къ возстановленію прежней династіи, и что почетнѣйшіе представители Революціи и Имперіи приняли сторону Бурбоновъ. Какъ только Государь упомянулъ о сенатѣ, пылкій Ней вскричалъ: «этотъ малодушный сенатъ, который могъ предупредить много бѣдствій, противодѣйствуя страсти Наполеона къ завоеваніямъ, и который молчалъ, когда ему слѣдовало говорить, какое право имѣетъ онъ теперь подавать свой голосъ? Сенаторы покойно пользовались пожалованнымъ имъ содержаніемъ и помѣстьями, тогда, когда мы орошали Европу своею кровью.» Генералъ Дессоль, чувствуя убѣдительность этихъ словъ, обратился къ великодушію Государя. «Многіе достойные люди приняли участіе въ возстановленіи Бурбоновъ, полагаясь на Союзныхъ Государей—сказалъ онъ —и по тому было-бы противно чести оставить ихъ.» Императоръ Александръ, видимо тронутый, и даже оскорбленный замѣчаніемъ Дессоля, отвѣчалъ, что никто изъ ввѣрившихъ себя Ему и Его союзникамъ не будетъ раскаиваться, что дѣло шло не о соблюденіи какихъ-либо частныхъ выгодъ, а о пользахъ Франціи, Европы, всего Свѣта, и что надлежало руководиться высшими видами. За тѣмъ, внезапно прервавъ совѣщаніе, продолжавшееся почти всю ночь, Государь ласково простился съ маршалами, назначилъ имъ свиданіе на слѣдующее утро и обѣщалъ сообщить рѣшеніе, которое будетъ принято Имъ вмѣстѣ съ Союзникомъ Его, Королемъ Прусскимъ.

Благодушіе и очаровательный пріемъ Государя подали уполномоченнымъ Наполеона надежду отстоять права Короля Римскаго и Маріи-Луизы. Въ такомъ расположеніи духа, они

встрѣтились въ пріемной комнатѣ Императора съ нѣкоторыми изъ Членовъ и министровъ временнаго правительства. На привѣтствіе генерала Бёрнонвиля Макдональдъ отвѣчалъ: «подите прочь! вашъ поступокъ изгладилъ изъ моей памяти двадцатилѣтнюю дружбу,» а потомъ, встрѣтивъ Дюпона, сказалъ ему: «генералъ! съ вами поступили несправедливо, жестоко, но вы очень дурно выбрали время и средства отмстить за себя.» Упреки маршаловъ повели-бы еще къ большимъ непріятностямъ, еслибъ Талейранъ непредупредилъ ихъ, замѣтивъ, что такія ссоры были неприличны въ покояхъ Россійскаго Императора, и пригласивъ маршаловъ сойти внизъ, гдѣ находилось помѣщеніе для временнаго правительства. Но Макдональдъ отвѣчалъ ему: «мы не признаемъ вашего временнаго правительства и не хотимъ знать его,» и тотчасъ ушелъ съ своими товарищами ([24]).

Но между тѣмъ какъ вопросъ о регентствѣ былъ предметомъ спора во дворцѣ Сенъ-Флорентинской улицы, онъ рѣшился въ Эссоннѣ отложеніемъ мармонова корпуса.

Самъ Наполеонъ ускорилъ это событіе. Не надѣясь на успѣхъ переговоровъ и предпочитая испытать счастіе въ новой борьбѣ, онъ все еще предполагалъ идти чрезъ Эссоннъ къ Парижу, чтобы поразить Союзниковъ, либо пасть подъ развалинами своей столицы. Желая посовѣтоваться съ Мармономъ, онъ потребовалъ его къ себѣ въ Фонтенебло̀; въ случаѣ-же отбытія его въ Парижъ съ Коленкуромъ, было приказано прислать въ главную квартиру генерала командовавшаго его войсками. Полковникъ Гурго̀, которому Наполеонъ далъ это порученіе, человѣкъ храбрый и преданный, исполнилъ его довольно неловко, изъявилъ удивленіе, не найдя Мармона въ Эссоннѣ, и грозно спросилъ, кто командуетъ въ его отсутствіе? Это былъ посѣдѣлый въ бояхъ Сугамъ, старшій изъ дивизіонныхъ генераловъ мармонова корпуса. Въ такомъ-же тонѣ обратился Гурго̀ и къ прочимъ генераламъ: Компану Бордесуль, Мейнадьѐ. Тогда-же пришло изъ главной квартиры писменное приказаніе Сугаму— немедленно прибыть въ Фонтенебло̀. Пораженный страхомъ, Сугамъ вывелъ заключеніе, что Наполеонъ зналъ не только о секретной конвенціи Мармона съ княземъ Шварценбергомъ, но

также объ участіи въ ней дивизіонныхъ генераловъ 6-го корпуса (*), и что ихъ призовутъ по-одиначкѣ въ главную квартиру, чтобы арестовать, либо разстрѣлять ихъ. Сугамъ, никогда неотличавшійся преданностью къ Наполеону, тотчасъ собралъ генераловъ 6-го корпуса, сообщилъ имъ свои подозрѣнія и предложилъ имъ, не ожидая возвращенія Мармона, перейти чрезъ рѣку Эссоннъ и поступить въ распоряженіе временнаго правительства. Генералъ Сугамъ былъ озабоченъ своими опасеніями до того, что поставилъ на дорогѣ изъ Фонтенебло кавалерійскій пикетъ, съ приказаніемъ арестовать, либо застрѣлить всякаго офицера ѣдущаго изъ главной квартиры. Напрасно состоявшій при штабѣ Мармона полковникъ Фавьѐ уговаривалъ Сугама ограничиться принятіемъ мѣръ для своей личной безопасности; на всѣ его представленія Сугамъ отвѣчалъ пошлою поговоркою: «il vaut mieux tuer le diable que se laisser tuer par lui,» (лучше убить чорта, нежели позволить ему убить себя), и извѣстилъ Союзниковъ о предстоявшемъ вскорѣ передвиженіи ввѣреннаго ему корпуса. Начальники дивизій, опасаясь встрѣтить сопротивленіе своему намѣренію со стороны войскъ, приказали, чтобы всѣ штабъ и оберъ-офицеры находились на маршѣ при частяхъ состоявшихъ подъ ихъ начальствомъ.

Войска снялись съ биваковъ и перешли черезъ рѣку Эссонну 24-го марта (5-го апрѣля), въ пять часовъ утра, въ то самое время когда наполеоновы уполномоченные, выйдя отъ Россійскаго Императора, отправились къ Нею, въ ожиданіи рѣшенія Союзныхъ Монарховъ. Ни офицеры, ни солдаты, не знали куда ведутъ ихъ и приблизясь къ русскимъ аванпостамъ, готовились атаковать непріятеля; нѣкоторые полагали, что передвиженіе корпуса было послѣдствіемъ отреченія Наполеона, о которомъ еще наканунѣ ввечеру ходили слухи. Когда-же Союзники пропустили ихъ безъ выстрѣла, тогда многіе начали сомнѣваться, и въ рядахъ войскъ раздался ропотъ. Тѣмъ не менѣе однакоже офицеры, принявшіе участіе въ замыслѣ глав-

---

(*) Генералы Шастель и Люкотть (Lucotte) не знали о переговорахъ Мармона съ княземъ Шварценбергомъ

ныхъ начальниковъ, кое-какъ успокоили своихъ солдатъ и привели ихъ въ Версаль. Только лишь дивизія генерала Люкотта (Lucotte), отказавшагося исполнить приказаніе Сугама, осталась у Эссонны (25).

Полковникъ Фавьѐ, не успѣвъ предупредить отложеніе 6-го корпуса, отправился въ Парижъ, пробрался съ величайшими затрудненіями чрезъ линію Союзныхъ аванпостовъ и найдя Мармона, донесъ ему о всемъ случившемся въ его отсутствіе. «Я погибъ! Я обезчещенъ на вѣки!» вскричалъ маршалъ. Послѣ этихъ словъ надлежало ожидать, что онъ тотчасъ отправится въ Версаль и попытается отвести свои войска обратно въ Эссоннъ. Конечно—Союзники приняли мѣры для противодѣйствія такому намѣренію, но маршалъ, не смотря на то, долженъ былъ испытать счастіе въ отчаянной борьбѣ, и во всякомъ случаѣ могъ, какъ сказалъ старый Горацій, погибнуть для спасенія своей чести (*). Вмѣсто того, онъ отправился съ прочими уполномоченными Наполеона, по призыву Императора Александра, въ сенъ-флорентинскій дворецъ. Государь, по соглашеніи съ Королемъ Прусскимъ и княземъ Шварценбергомъ, оставаясь непреклоненъ въ отношеніи къ самому Наполеону, выказалъ нѣкоторую уступчивость на счетъ регентства Маріи-Луизы Уже представители Императора Французовъ надѣялись успѣть въ данномъ имъ порученіи, какъ вдругъ вошелъ офицеръ, который, подойдя къ Государю, сказалъ ему въ полголоса нѣсколько словъ, изъ коихъ Коленкуръ, нѣсколько знавшій по-русски, понялъ, что дѣло шло объ отложеніи 6-го корпуса. Государь, удивленный неожиданною вѣстью, спросилъ: «весь корпусъ?»—«Да, весь корпусъ.» отвѣчалъ офицеръ. Императоръ Александръ, оставя на минуту Коленкура и маршаловъ, сообщилъ Своимъ союзникамъ полученное Имъ извѣстіе и посовѣтовавшись съ ними, объявилъ уполномоченнымъ рѣшительно, что надлежало отказаться отъ Наполеона и регентства Маріи-Луизы, и что одни лишь Бурбоны могли удовле-

(*) Que vouliez-vous qu'il fît contre trois ....
«Qu'il mourût.»
(Что могъ противу трехъ онъ сдѣлать?... Умереть).

творить требованіямъ Франціи и Европы. «И къ тому-же— продолжалъ Государь, я только-лишь получилъ извѣстіе о переходѣ цѣлаго корпуса вашей арміи на сторону временнаго правительства; по всей вѣроятности, и прочія войска послѣдуютъ этому примѣру. Мы озаботимся о соблюденіи ихъ чести и пользы; что-же касается до Наполеона, то пусть онъ будетъ увѣренъ, что съ нимъ и съ его семействомъ поступятъ сообразно высокому его достоинству.» За тѣмъ Государь обратился особо къ каждому изъ уполномоченныхъ, выказалъ лестное вниманіе Макдональду, обласкалъ Нея, и оставшись на-единѣ съ Коленкуромъ, повторилъ предложеніе—предоставить Наполеону владѣніе островомъ Эльбою—и обѣщалъ употребить всѣ зависящія отъ Него средства для доставленія Маріи-Луизѣ и сыну ея владѣнія въ Италіи. Въ заключеніе Своихъ словъ, Императоръ Александръ настоятельно требовалъ, чтобы для пользы самаго Наполеона переговоры съ нимъ были окончаны какъ можно скорѣе.

Выйдя отъ Государя, Коленкуръ сталъ готовиться къ отъѣзду въ Фонтенебло. Ней, окруженный Членами и министрами временнаго правительства, видя себя предметомъ самаго лестнаго вниманія, совершенно потерялъ голову. Мармонъ, также прибывъ къ Талейрану, былъ принятъ тамъ съ радушіемъ и уваженіемъ. Вмѣсто упрековъ, которыми прежде осыпали его товарищи-маршалы, онъ услышалъ похвалы своимъ подвигамъ въ послѣднюю кампанію и своей рѣшимости, оказавшей Бурбонамъ величайшую пользу. Сначала Мармонъ готовъ былъ отклонить отъ себя послѣднюю заслугу, но потомъ, ошеломленный восторженными поздравленіями и блистательными надеждами, принялъ ихъ вмѣстѣ съ справедливымъ порицаніемъ, помрачившимъ въ послѣдствіи всѣ остальные дни его ([26]).

Внезапно—среди радостныхъ возгласовъ, возбужденныхъ въ средѣ роялистовъ сдачею 6-го корпуса и окончательнымъ рѣшеніемъ Союзныхъ Монарховъ—разнесся слухъ о мятежѣ возникшемъ въ Версали между солдатами, кои, считая себя обманутыми, грозили истребить своихъ генераловъ. Хотя возстаніе нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, окруженныхъ войсками Союзи-

ковъ, не представляло большой опасности, однакоже могло нарушить спокойствіе въ Парижѣ. Никто не могъ лучше Мармона предупредить столкновеніе угрожавшее гибелью 6-му корпусу. Уступая общему желанію, маршалъ отправился въ Версаль, и пользуясь своимъ вліяніемъ на преданныя ему войска, возстановилъ въ нихъ порядокъ (27).

Вечеромъ 24-го марта (5-го апрѣля) наполеоновы уполномоченные возвратились въ Фонтенебло. Ней, обласканный временнымъ правительствомъ, ручался ему въ истребованіи отъ Наполеона безусловнаго отреченія отъ престола, и спѣша сдержать свое слово, пріѣхалъ прежде всѣхъ своихъ товарищей. Наполеонъ, уже зная объ отложеніи 6-го корпуса, изъявилъ благодарность маршалу за исполненіе даннаго ему порученія, но, вѣроятно разгадавъ его виды, не подалъ ему повода къ изложенію какихъ-либо мнѣній и совѣтовъ. Тѣмъ неменѣе однакоже Ней, самъ, приступивъ къ дѣлу, распространился на счетъ неизмѣнности рѣшенія Союзниковъ и восторга, съ коимъ Парижане были готовы встрѣтить надежду мира и Бурбоновъ; не менѣе велерѣчиво говорилъ онъ о разстройствѣ арміи, увѣряя, что нельзя было требовать отъ войскъ никакихъ новыхъ усилій; однимъ словомъ—онъ высказалъ правду, но высказалъ ее грубо, безъ уваженія къ великому человѣку впадшему въ несчастіе. Наполеонъ, выслушавъ его равнодушно, отвѣчалъ, что завтра онъ объявитъ свое окончательное рѣшеніе. По выходѣ отъ него, Ней тотчасъ послалъ Императору Александру письмо, въ которомъ, донося Государю, что онъ убѣдилъ Наполеона въ необходимости безусловнаго отреченія, просилъ, чтобы даны были приказанія Союзнымъ войскамъ — не тревожить на пути Императрицу Марію-Луизу и Короля ея сына, но способствовать ихъ прибытію къ Наполеону (*). Тогдаже маршалъ извѣстилъ Талейрана, что «Наполеонъ, убѣдясь въ опасности положенія, въ которое онъ поставилъ Францію, и потерявъ надежду спасти ее—казалось—рѣшился на безусловное отре-

(*) Письмо Нея къ Императору Александру хранится въ Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ. (Campagne de 1814. № 4,2).

ченіе» (Napoléon, convaincu de la position critique où il avait placé la France et de l'impossibilité où il se trouvait de la sauver lui-même, paraissait décidé à donner son abdication pure et simple). За тѣмъ маршалъ писалъ, что онъ надѣется доставить лично подлинный актъ сего отреченія. Оба письма Нея были отправлены въ одиннадцать съ половиною часовъ ночи.

Вскорѣ послѣ того прибыли въ Фонтенеблò Коленкуръ и Макдональдъ. Найдя Наполеона спящимъ и разбудивъ его, они разсказали все происшедшее въ Парижѣ, согласно съ Неемъ, но въ иномъ тонѣ. Выразивъ глубокое участіе въ судьбѣ развѣнчаннаго властителя, они однакоже не скрыли, что ему не оставалось болѣе ничего, какъ согласиться на безусловное отреченіе, и что, въ противномъ случаѣ, онъ нанесъ-бы вредъ самому себѣ и своему семейству, и подвергнулъ-бы Францію новымъ, невознаградимымъ бѣдствіямъ. Сначала Наполеонъ съ нетерпѣніемъ отвѣчалъ, что у него еще остается много средствъ, войска Вице-короля, Ожерò, Сюшè, Сульта и 50 тысячъ при себѣ (?), и отпустилъ своихъ уполномоченныхъ, сказавъ имъ: «увидимъ.... до завтра!» но чрезъ нѣсколько минутъ, пригласивъ Коленкура, вступилъ съ нимъ въ длинную бесѣду, говорилъ о благородной преданности Макдональда, упомянулъ снисходительно о слабости характера Нея, объ отложеніи Мармона, въ которомъ онъ былъ прежде совершенно увѣренъ.... «Впрочемъ, продолжалъ онъ -- маршалы, порицающіе съ негодованіемъ поступокъ Мармона, согласились-бы, не подвергая себя безчестію, пріобрѣсти такія-же правà на благосклонность Бурбоновъ.... О люди, люди! .. Повѣрьте мнѣ, Коленкуръ: мое поприще кончено. Да и къ чему послужило-бы мнѣ властвовать надъ людьми готовыми оставить меня? Я забочусь не о себѣ, а о Франціи, которую хотѣлъ возвысить и которая будетъ уничтожена, потеряетъ свои границы.... А можно было-бы все поправить!... У меня еще остается до полутораста тысячъ человѣкъ, но мнѣ пришлось-бы отступить за Луару, подвергнуть Францію еще большему разоренію, испытать вѣрность многихъ, которые, быть-можетъ, покажутъ себя не лучше Мар-

мона, и все это—чтобы продолжить владычество близкое къ паденію. У меня не достанетъ на то силъ.... Пройдетъ нѣсколько дней, и народъ возненавидитъ чужеземцевъ; Парижанамъ наскучитъ великодушіе Александра. Прибудутъ Бурбоны и вмѣстѣ съ ними извнѣ—миръ, внутри страны—междуусобіе.... Но въ настоящую минуту мое имя, мое оружіе, наводятъ страхъ.... Уступимъ необходимости»....

Наполеонъ также говорилъ объ ожидавшей его участи, изъявилъ согласіе принять островъ Эльбу и выразилъ желаніе обезпечить положеніе своего сына, Императрицы Іозефины, принца Евгенія и Королевы Гортензіи. «Все это будетъ сдѣлано безъ затрудненія—продолжалъ онъ. Но слѣдуетъ озаботиться о Франціи, объ арміи. Нельзяли расширить французскія границы? Вѣдь сила, которую отъ того получитъ Франція, будетъ въ рукахъ Бурбоновъ. Нельзяли обезпечить выгоды арміи? Чины, достоинства, содержаніе? Оставить войскамъ трехъ-цвѣтное знамя?....» Напрасно Коленкуръ старался доказать ему, что съ нимъ не станутъ вести переговоры о предметахъ столь важныхъ, столь близкихъ его сердцу, что представителями Франціи сдѣлались Члены временнаго правительства. Онъ утверждалъ, что это правительство не имѣло никакой силы, кромѣ той, которую ему доставляли остатки арміи, и когда Коленкуръ настаивалъ, чтобы онъ озаботился исключительно собою и своимъ семействомъ, Наполеонъ, выйдя изъ себя, вскричалъ: «вы хотите, чтобы я занимался этими жалкими денежными разсчетами? Похлопочите о моемъ семействѣ.... А мнѣ самому—не нужно ничего!.... Пусть дадутъ мнѣ пенсію инвалида, и того будетъ довольно!»

Утромъ 25-го марта (6-го апрѣля), Наполеонъ, написавъ актъ, заключавшій въ себѣ его безусловное отреченіе, приказалъ пригласить къ себѣ маршаловъ и объявилъ имъ свое окончательное намѣреніе. «Я покоряюсь моей судьбѣ — сказалъ онъ—покоритесь вашей, жить подъ владычествомъ Бурбоновъ и вѣрно служить имъ. Вы хотите спокойствія и будете имѣть его.. Но вы незнаете, сколько огорченій и опасностей найдете на вашихъ пуховыхъ постеляхъ.... Нѣсколько лѣтъ мира,

который вы купите такою дорогою цѣною, истребятъ изъ числа васъ болѣе, нежели самая отчаянная война» ([28]). Въ заключеніе этихъ словъ, Наполеонъ прочелъ слѣдующій актъ своего отреченія:

«Союзныя Державы объявили, что Императоръ Наполеонъ былъ единственнымъ препятствіемъ къ возстановленію мира въ Европѣ. Императоръ Наполеонъ, вѣрный данному имъ обѣту, объявляетъ, что онъ отказывается, за себя и своихъ наслѣдниковъ, отъ престоловъ французскаго и италійскаго, будучи готовъ пожертвовать всѣмъ, и даже жизнью, для пользы Франціи» ([29]).

Услышавъ сіи слова, сподвижники Наполеона бросились цѣловать его руки, благодарили его за принесенныя имъ жертвы, и повторяли, что низходя съ престола, онъ былъ болѣе великъ, нежели когда-либо. Наполеонъ видѣлъ, что маршалы спѣшили обратиться отъ его падшаго величія къ возникавшему величію Бурбоновъ, но не сказалъ ни слова въ укоръ ихъ нетерпѣнію. Въ туже ночь, съ 29-го на 30-е марта (съ 10-го на 11-е апрѣля), уполномоченные Наполеона вручили актъ его отреченія Императору Александру. Государь изъявилъ имъ Свою признательность, повторилъ обѣщаніе, что Наполеонъ и семейство его получатъ все должное, что графъ Нессельроде, и въ случаѣ надобности Онъ Самъ, будутъ отстаивать ихъ выгоды. Оставшись наединѣ съ Коленкуромъ, Александръ бесѣдовалъ съ нимъ откровенно, говорилъ съ прискорбіемъ объ участи Наполеона, съ негодованіемъ о приверженцахъ Бурбоновъ, и сказалъ, что послѣ всѣхъ безразсудныхъ войнъ Имперіи не менѣе будутъ опасны для общаго спокойствія безумные поступки роялистовъ ([30]).

Отреченіе Наполеона, успокоивъ всѣхъ недоброжелателей его, дало возможность высказаться чувствамъ подавленнымъ его желѣзною рукою. Не только враги его, но и люди, казавшіеся ему преданными, осыпанные его благодѣяніями, возстали на него, либо спѣшили изъявить покорность новымъ властителямъ. Порицая справедливо его войны, его завоевательные замыслы,

осыпали его гнусными клеветами, не хотѣли признать въ немъ никакихъ достоинствъ, и даже лишали его имени Наполеона, увѣряя, будтобы въ дѣйствительности онъ назывался «Николаемъ» (Nicolas) ([31]). Только-лишь въ войскахъ, между людьми наиболѣе потерпѣвшими отъ его славолюбія и наименѣе вознагражденными, оставались въ честь человѣчеству самоотверженіе и преданность. Забыты были всѣ понесенные труды и лишенія, умолкли всѣ жалобы, всѣ проклятія, которыми прежде осыпали Наполеона. Исчезла память минувшихъ золъ при видѣ великаго человѣка, оставленнаго царедворцами и высшими сановниками Имперіи. Его воины не могли—не надѣялись возстановить его владычество; имъ оставалось только принесть ему въ жертву послѣднія капли крови, пролитой въ бояхъ подъ его начальствомъ. Какъ только Наполеонъ появлялся на дворѣ замка, офицеры и солдаты, потрясая оружіемъ, привѣтствовали его торжественными восклицаніями и требовали, что-бы онъ велъ ихъ противъ непріятеля. Въ ночи съ 26-го на 27-е марта (съ 7-го на 8-е апрѣля), егеря и гренадеры Старой гвардіи прошли по улицамъ Фонтенебло̀, съ криками: «Vive l'Empereur! A bas les traitres!» (да здравствуетъ Императоръ! долой измѣнниковъ!). Наполеонъ, зная, что такія движенія не могли повести къ важнымъ послѣдствіямъ, поручилъ ближайшимъ къ нему лицамъ утушить безполезную вспышку. Но одинъ изъ офицеровъ, нераздѣлявшій восторга своихъ товарищей, донесъ объ этой манифестаціи въ Парижъ, присовокупивъ, что Наполеонъ ушелъ изъ Фонтенебло̀, чтобы стать во главѣ арміи шедшихъ изъ Италіи и Испаніи. Хотя это извѣстіе оказалось ложнымъ, однакоже побудило Союзниковъ ускорить развязку дѣла; къ тому-же въ это время ожидали въ Парижѣ графа д'Артуа, и какъ прибытіе его могло повредить интересамъ Наполеона и его семейства, то Императоръ Александръ далъ слово Коленкуру замедлить вступленіе Бурбоновъ въ Парижъ до заключенія конвенціи относившейся къ семейству эксъ-императора ([32]). Прежде всего озаботились подписаніемъ формальнаго перемирія, на основаніи коего демаркаціонная линія между французскою и Союзными арміями проходила по Сенѣ отъ

Фонтенебло̀ до Эссонны, и далѣе по рѣкѣ Эссоннѣ. За тѣмъ, 30-го марта (11-го апрѣля), составленъ и подписанъ—съ одной стороны уполномоченными Наполеона, а съ другой княземъ Меттернихомъ—такъ называемый—фонтенеблоскій трактатъ, опредѣлявшій судьбу Наполеона и Членовъ его семейства ([33]). Но Наполеонъ не только отказывался ратификовать сей трактатъ, но домогался, чтобы возвратили ему актъ отреченія. По возвращеніи уполномоченныхъ въ Фонтенебло̀, Наполеонъ, бесѣдуя съ Коленкуромъ, изъявилъ сожалѣніе, что его сыну не дали Тоскану, сказалъ, что имѣлъ намѣреніе основать огромное государство, отъ коего зависѣли-бы всѣ прочія, и сознался, что, будучи близокъ къ исполненію своей мечты, перешелъ за предѣлы возможнаго. Наполеонъ говорилъ много о своихъ маршалахъ и министрахъ, изъявляя совершенное равнодушіе къ тѣмъ, которые его оставили. «Ахъ, Коленкуръ, сказалъ онъ, нужно много снисходительности, чтобы судить о людяхъ, и еще болѣе, чтобы ими управлять.» Только-лишь о Фушѐ отозвался онъ съ негодованіемъ, говоря: «этотъ подлецъ все перемутитъ. Онъ меня столько-же ненавидитъ сколько боится, и хотѣлъ-бы, чтобы меня услали за Океанъ».

Въ продолженіи этой задушевной бесѣды, доложили о прибытіи флигель-адъютанта Императора Александра, полковника Орлова, привезшаго ратификацію трактата 30-го марта (11-го апрѣля). Наполеонъ, уклоняясь отъ подписанія столь тяжкаго для него документа, удержалъ при себѣ Коленкура. «Повѣрьте мнѣ, сказалъ онъ ему, что ежели-бы шло дѣло не о моемъ сынѣ, женѣ, сестрахъ и братьяхъ, Іозефинѣ, Евгеніи, Гортензіи, я разорвалъ бы этотъ трактатъ на тысячу кусковъ!.... И всѣ претерпѣваемыя мною униженія еще не послѣднія.... Мнѣ придется ѣхать чрезъ южныя провинціи, гдѣ такъ сильно возбуждены страсти. Пусть Бурбоны заставятъ убить меня, но быть предану оскорбленіямъ гнусной черни Юга.... Умереть на полѣ сраженія ничего не значитъ, но погибнуть въ грязи отъ такихъ рукъ!»....

Простясь съ Коленкуромъ, Наполеонъ вполнѣ предался мрачнымъ думамъ. Обсуждая свое положеніе, онъ видѣлъ себя от-

торгнутымъ отъ семейства, оставленнымъ ближайшими къ нему людьми, преслѣдованнымъ общею ненавистью; его ожидали на пути къ острову Эльбѣ, оскорбленія, быть-можетъ смерть— мучительная, поносная. Всего этого онъ могъ избѣгнуть.... добровольно разставшись съ жизнью. Не разъ случалось ему бесѣдовать съ своими приближенными о древнихъ, предупреждавшихъ грозившія имъ бѣдствія произвольною кончиною. Наполеонъ рѣшился послѣдовать ихъ примѣру. Еще въ 1812-мъ году, послѣ движенія къ Малоярославцу, гдѣ едва не захватили его казаки, онъ, опасаясь попасть въ плѣнъ, приказалъ своему хирургу (Yvan) приготовить порошокъ, подобный тому, коимъ отравилъ себя Кондорсѐ, и всегда носилъ его въ ладонкѣ на шеѣ. По возвращеніи во Францію, Наполеонъ снялъ ладонку, но сохранилъ приготовленный ядъ въ своей дорожной шкатулкѣ и принялъ его въ ночи на 31-е марта (12-е апрѣля). Но или крѣпкое сложеніе его выдержало это испытаніе, или ядъ отъ времени потерялъ свою силу: какъ-бы то ни было, онъ отдѣлался сильною рвотою, и послѣдствіемъ его отчаяннаго покушенія была только слабость, не позволявшая ему нѣсколько дней встать съ постели. Какъ только попеченіями близкихъ къ Наполеону лицъ миновала угрожавшая ему опасность, онъ, обратясь къ Коленкуру, сказалъ: «судьба рѣшила; мнѣ должно жить и ожидать, что̀ назначитъ мнѣ Промыслъ.» Затѣмъ, приказавъ позвать Мокдональда, онъ приписалъ свое ослабленіе желудочному недугу, которому былъ подверженъ въ дѣйствительности. Наполеонъ, пожавъ съ чувствомъ руку маршала, сказалъ ему: «вы благородный человѣкъ, и я хотѣлъ-бы выразить вамъ не на однихъ словахъ мою признательность. Но я не располагаю ни званіями—ни почестями; денегъ у меня также нѣтъ, и такая награда не была-бы достойна васъ. Но я могу предложить вамъ подарокъ, который, надѣюсь, будетъ пріятенъ вамъ. Вотъ сабля Мурадъ-бея, одинъ изъ трофеевъ абукирской битвы; я часто носилъ ее, сохраните эту саблю въ память нашихъ послѣднихъ сношеній и передайте ее вашимъ дѣтямъ.» Маршалъ глубоко тронутый, обнялъ бывшаго своего властителя и вскорѣ послѣ того отправился въ Парижъ. Бертье

также уѣхалъ, обѣщая возвратиться. «Я увѣренъ, что мы его больше не увидимъ» сказалъ Наполеонъ, простясь съ своимъ любимцемъ.

Въ тотъ-же день Коленкуръ убѣдилъ его подписать трактатъ 30-го марта (11-го апрѣля) и вручилъ сей документъ полковнику Орлову ([34]).

Въ продолженіи времени этихъ событій, все было спокойно въ Парижѣ Генералъ Сакенъ, назначенный, какъ уже сказано, генералъ-губернаторомъ столицы Франціи, соединялъ въ себѣ твердый характеръ съ глубокимъ знаніемъ свѣта и привлекательнымъ обращеніемъ. По вступленіи въ должность, онъ запретилъ тревожить и оскорблять кого-бы то ни было за политическія мнѣнія, либо за наружные кѣмъ-либо носимые знаки. Соблюдая строго дисциплину въ войскахъ и порядокъ въ городѣ, онъ снискалъ привязанность Парижанъ; при его появленіи постоянно раздавались восклицанія: «Vive le général Sacken!» Когда онъ пріѣзжалъ въ театръ и занавѣсъ былъ поднятъ, зрители требовали, чтобы снова началось представленіе ([35]). Его дѣятельность была изумительна: безпрестанно онъ принималъ просителей, осматривалъ госпитали и другія общественныя учрежденія, производилъ смотры войскамъ, вступавшимъ въ городъ и выступавшимъ изъ него, и велъ обширную переписку съ мѣстными властями. Народъ, успокоенный безпристрастіемъ и ласковостью чужеземнаго начальника, немедленно обратился къ обычнымъ занятіямъ; со втораго-же дня начались театральныя представленія, прерванныя боемъ подъ стѣнами Парижа, почтовая дѣятельность необыкновенно оживилась разсылкою сотней тысячъ писемъ, задержанныхъ въ почтамтахъ по два и по три года. Позволено было каждому въѣзжать въ городъ и выѣзжать кудабы то ни было, возобновлены выдачи суммъ изъ государственнаго банка ([36]) Продовольствованіе значительныхъ армій, собранныхъ на небольшомъ пространствѣ, представляло важныя затрудненія, и въ особенности когда полковникъ Бартелеми, дѣйствовавшій въ окрестностяхъ Дрё (Dreux), и другіе французскіе партизаны прервали сообщенія Парижа съ окрестною

страною. Но вскорѣ, по распоряженію французскаго военнаго министра, генерала Дюпона, были прекращены непріязненныя дѣйствія ([37]), и жизненные запасы стали прибывать въ изобиліи. Войскамъ дозволено было производить въ ближайшихъ къ нимъ селеніямъ реквизиціи провіанта и фуража; прочее-же все пріобрѣталось покупкою ([38]).

Вообще-же Союзныя войска, по свидѣтельству самихъ Французовъ, отличались ласковостью къ жителямъ страны. Да и могло-ли быть иначе, когда Самъ предводитель силъ Европы Императоръ Александръ подавалъ примѣръ христіянскихъ добродѣтелей—забвенія обидъ, состраданья къ друзьямъ и недругамъ. Въ продолженіи переговоровъ объ отреченіи Наполеона, когда еще не были опредѣлительно прекращены военныя дѣйствія, французскіе офицеры, пріѣзжавшіе въ Парижъ, скрывались и носили партикулярное платье, не смѣя являться въ мундирахъ на публичныхъ сборищахъ. Государь, по этому поводу, приказалъ обнародовать слѣдующее объявленіе: «Е. И. В. Всероссійскій Императоръ, узнавъ, что многіе изъ французскихъ военныхъ находятся въ Парижѣ, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ и для поправленія здоровья, разстроеннаго походами и ранами, полученными на полѣ чести, полагаетъ, что имъ не нужно скрываться. Во всякомъ случаѣ, Е. В. съ удовольствіемъ объявляетъ, отъ Своего и Своихъ союзниковъ имени, что сіи офицеры свободны, совершенно свободны, и что имъ, какъ и всѣмъ прочимъ французскимъ гражданамъ, предстоитъ обязанность способствовать мѣрамъ, которыя надлежитъ принять для благоденствія Франціи и всего Свѣта» ([39]). Заботясь, какъ и всегда, облегчить участь больныхъ и раненыхъ, Государь не дѣлалъ никакого различія между своими и непріятелями, и поручалъ осмотръ госпиталей, въ которыхъ лежали Французы, соотечественникамъ ихъ, состоявшимъ въ русской службы. «Я знаю, сказалъ онъ однажды—что такія порученія пріятны имъ.»

Императоръ Александръ щедро награждалъ французскихъ чиновниковъ, особенно имѣвшихъ попеченіе о русскихъ больныхъ и раненыхъ. Какъ многіе изъ Парижанъ обращались

къ Нему съ просьбою о помощи, то Онъ, не имѣя возможности достовѣрно развѣдать о ихъ положеніи, приказалъ разослать приходскимъ священникамъ деньги для раздачи, по ихъ усмотрѣнію, неимущимъ жителямъ столицы. Однажды парижскіе банкиры пожертвовали въ пользу нашихъ раненыхъ 8,600 франковъ, вырученныхъ отъ промѣна русскихъ ассигнацій. Государь, изъявивъ банкирамъ благоволеніе, приказалъ раздѣлить эти деньги на четыре части и раздать Русскимъ, Австрійцамъ, Пруссакамъ и Французамъ. Несмотря на неважность пожертвованной суммы, весьма замѣчательно основаніе, на которомъ ею воспользовались по-ровну свои и чужіе, союзники и бывшіе неприятели (40).

Въ послѣдствіи, когда мало по малу изгладилась память благодѣяній оказанныхъ человѣчеству Императоромъ Александромъ, нашлись люди, полагавшіе, что эти подвиги добра были сдѣланы изъ желанія пріобрѣсти популярность—изъ политическихъ разсчетовъ. Да послужитъ путеводною нитью для сильныхъ міра та политика, которая заставляетъ ихъ искать любви народа! Когда, за два тысячелѣтія предъ симъ, угасла жизнь Александра Великаго, жители Персіи горько оплакивали покорившаго ихъ завоевателя. Подобно тому, жители Парижа, покоренные великодушіемъ Александра Благословеннаго, видя Его въ средѣ своей, одного, безъ всякой свиты, трепетали за драгоцѣнную для нихъ жизнь Россійскаго Монарха. Генералъ Сакенъ безпрестанно получалъ письма, въ коихъ остерегали его на счетъ покушеній противъ Государя. Какъ эти письма, большею частью, были безъ подписи имени присылавшихъ ихъ лицъ, то нѣтъ повода приписывать ихъ какой-либо корыстной цѣли (41).

Въ Парижѣ, гдѣ мимолетныя впечатлѣнія ежедневныхъ событій быстро смѣняются одни другими, долго оставалось памятнымъ торжественное молебствіе, совершенное 29-го марта (10-го апрѣля), въ Свѣтлое Воскресенье, на площади Согласія (place dela Concorde). Въ сей день, для богослуженія былъ сооруженъ престолъ на мѣстѣ мученической смерти Людовика XVI. Съ ранняго, прекраснаго утра, были разставлены от-

борныя русскія войска на площади и вдоль Елисейскихъ-Полей. Императоръ Александръ, сопровождаемый блистательнымъ штабомъ Союзныхъ армій, французскими маршалами и генералами, при стеченіи огромнаго числа жителей, объѣхавъ войска, прибылъ на площадь. При совершеніи молебна, Государь, со всѣми окружающими Его, преклонилъ колѣна на мѣстѣ, гдѣ за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ пролита была кровь благодушнаго Монарха. Торжественные возгласы многолѣтія сопровождались гуломъ русскихъ орудій. По окончаніи молебствія Александръ пожаловалъ бывшему наставнику Своему Лагарпу, имѣвшему чинъ полковника, орденъ Св. Андрея Первозваннаго ([12]). Такъ Благословенный Монархъ, воздавъ успѣхи Свои Богу, спѣшилъ дать должную награду достойному мужу, развившему въ Его сердцѣ начала добра, на счастье Россіи и всего Свѣта.

Послѣ праздника Пасхи, Императоръ Александръ переѣхалъ изъ талейранова дома въ Елисейскій дворецъ (Palais-Elysée).

По отреченіи Наполеона, онъ былъ оставленъ почти всѣми своими сподвижниками. Изъ ближайшихъ къ нему лицъ остались вѣрны падшему величію только генералы Друо́ и Бертранъ и герцоги Виченцскій (Коленкуръ) и Бассано (Марè). Всѣ прочіе, подъ разными предлогами, уѣхали въ Парижъ.

Тамъ, въ ожиданіи прибытія Бурбоновъ, распоряжалось временное правительство. Немалаго труда стоило Талейрану умѣрять домогательства эмигрантовъ. Витроль, подъ вліяніемъ отжившихъ понятій прошлаго столѣтія, возставалъ, именемъ новыхъ властителей Франціи, противъ трехъ-цвѣтной кокарды, противъ притязанія, изъявленнаго Сенатомъ—облечь графа д'Артуа правами королевскаго намѣстника, и, наипаче всего, противъ конституціи, которою хотѣли оградить власть Короля. Талейранъ, невходя въ споръ съ жаркимъ роялистомъ, отвѣчалъ ему, что слѣдовало ѣхать неотлагательно къ принцу и пригласить его въ Парижъ, и что дѣло уладится по его прибытіи. Желая однакоже убѣдить Витроля въ основательности

требованій временнаго правительства, онъ испросилъ у Императора Александра, аудіенцію Витролю. Государь, выслушавъ заносчивыя предложенія представителя роялистской партіи, сказалъ ему, что Союзные Монархи не для того перешли черезъ Рейнъ, съ четырьмястами тысячъ человѣкъ, чтобы поработить Францію эмигрантамъ. «Мы послѣдуемъ—продолжалъ Онъ—мнѣнію Сената. Не заставьте насъ раскаяться въ томъ, что̀ нами сдѣлано въ пользу Бурбоновъ.» Витроль не смѣлъ противорѣчить столь рѣшительно выраженной волѣ Россійскаго Монарха, но остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. Отправясь на встрѣчу графу д'Артуа̀, онъ нашелъ принца въ Нанси и сопровождалъ его, вмѣстѣ съ роялистами, д'Эскаромъ, Полиньякомъ, Дама̀сомъ, и проч до за̀мка Ливри (Livry), въ двѣнадцати верстахъ отъ Парижа, гдѣ графъ д'Артуа̀ ночевалъ съ 30-го на 31-е марта (съ 11-го на 12-е апрѣля). На всемъ пути чрезъ разоренную страну встрѣчались принцу немногіе жители остававшіеся при своихъ родныхъ пепелищахъ; они радовались вѣстямъ о предстоявшемъ мирѣ, удивлялись возвращенію Бурбоновъ и были холодны къ принцу Шалонъ, во время проѣзда его, былъ почти пустъ; въ Мо, епископъ, префектъ, чиновники и почетнѣйшіе граждане уѣхали изъ города, чтобы не встрѣчать его. Не смотря однакоже на все это, находчивость и ласковость графа д'Артуа побѣдили общее равнодушіе, и роялисты надѣялись, что онъ будетъ принятъ съ восторгомъ въ Парижѣ. Витроль, получивъ на пути отъ Талейрана извѣстіе о принятіи и обнародованіи въ столицѣ конституціи, составленной сенатомъ, а также о всеобщемъ желаніи народа и Союзныхъ Монарховъ, чтобы принята была Бурбонами трехъ-цвѣтная кокарда, снова изъявилъ свое неудовольствіе на Талейрана, и хотя самъ принцъ старался успокоить его, однакоже онъ, plus royaliste que le Roi-même, (болѣе роялистъ нежели самъ Король), снова отправился въ Парижъ, чтобы отклонить требованія временнаго правительства. Вечеромъ 30-го марта (11-го апрѣля), Витроль посѣтилъ Талейрана и вступилъ съ нимъ въ продолжительную бесѣду, пылко отстаивая то, что̀ казалось ему существеннымъ дѣломъ для династіи Бурбоновъ.

Другой вопросъ—о кокардѣ—случайно рѣшился безъ всякаго затрудненія. Едва-лишь была обнародована конституція въ Парижѣ, какъ многіе роялисты отправились въ различныя стороны, распространяя вѣсть о возстановленіи королевскаго Дома и принявъ бѣлую кокарду, какъ эмблему соединенія всѣхъ Французовъ подъ общимъ знаменемъ Бурбоновъ. Нѣсколько изъ нихъ, прибывъ въ Руенъ (Rouen), явились къ маршалу Журдану, начальнику тамошняго военнаго округа. Журданъ, ненавидѣвшій Наполеона и расположенный къ Бурбонамъ, выказалъ готовность исполнить распоряженія сената и приказалъ своимъ войскамъ надѣть бѣлую кокарду. Когда-же пришло донесеніе о томъ въ Парижъ, 28-го марта (9-го арпѣля), парижская національная стража также получила приказаніе замѣнить трехъцвѣтную кокарду бѣлою и сначала была недовольна этимъ распоряженіемъ, но потомъ роялисты уладили дѣло, условясь, что графъ д'Артуà вступитъ въ столицу, въ трехъ-цвѣтномъ мундирѣ національной стражи и съ бѣлою кокардою. Чтоже касается до принятія графомъ д'Артуà, отъ имени Людовика XVIII-го, конституціи составленной сенатомъ, то сей вопросъ былъ предметомъ долгаго спора, пока Талейранъ, выведенный изъ терпѣнія, наконецъ сказалъ Витролю: «Entrez d'abord, et nous verrons ensuite.» (Вступите скорѣе, а потомъ—увидимъ.....).

На слѣдующій день, 31-го марта (12-го апрѣля), дорога и улицы, ведущія къ бондиской заставѣ, наполнились любопытными, въ ожиданіи графа д'Артуà. Въ одиннадцать часовъ утра, принцъ, окруженный многочисленною свитою роялистовъ, верхомъ, подъѣхалъ къ заставѣ и продолжалъ дальнѣйшее шествіе, сопровождаемый восклицаніями: Vive le Roi! Эти возгласы его свиты раздавались съ торжествомъ при встрѣчѣ съ сановниками Имперіи, и въ особенности съ тѣми изъ нихъ, которые принадлежали къ старинному дворянству. У самой заставы появились нѣсколько человѣкъ верхомъ, въ полной парадной формѣ, съ трехъ-цвѣтными султанами: это были представители военной славы Франціи: Ней, Мармонъ, Монсей, Коллерманъ, Серрюрьè. Роялисты также встрѣтили ихъ своими обычными восклицаніями, но едва-лишь въ народѣ раздался крикъ: «Voilà les maréchaux!»

(Вотъ маршалы!), какъ всѣ окружавшіе графа д'Артуà дали имъ дорогу и принцъ, выѣхавъ на встрѣчу маршаламъ, пожалъ каждому изъ нихъ руку. «Привѣтствую васъ—сказалъ онъ—васъ, которые во всѣхъ странахъ прославили Францію. Повѣрьте мнѣ, мой братъ и я, не переставали отдавать должное вашимъ подвигамъ.» Вскорѣ послѣ того Талейранъ, въ челѣ временнаго правительства, встрѣтя принца, привѣтствовалъ его краткою рѣчью. При входѣ въ церковь Божіей-Матери (Notre-Dame), графъ д'Артуà былъ принятъ почетнѣйшими лицами духовенства, и по окончаніи литургіи, отправился въ обиталище своихъ предковъ—Тюльери. Ласковость принца, его искреннее душевное волненіе, нѣсколько счастливыхъ выраженій—частью въ дѣйствительности имъ сказанныхъ, частью придуманныхъ на досугѣ ловкимъ Талейраномъ (*): все это произвело сильное вліяніе на впечатлительныхъ Парижанъ (43).

Оставалось обезпечить отъѣздъ Наполеона и его семейства изъ Франціи. И въ этомъ случаѣ, какъ прежде, при охраненіи частныхъ выгодъ Наполеона, явилъ живое участіе великодушный соперникъ его. Марія-Луиза, оставившая Парижъ по приказанію Наполеона, подвергалась большимъ опасностямъ не только со стороны Союзниковъ, но и Французовъ враждебныхъ бывшей Имперіи, и потому Государь приказалъ графу Шувалову отправиться въ Блуà и проводить Императрицу въ Орлеанъ. Дорогою туда внезапно появился на пути, по которому слѣдовали придворные экипажи Маріи-Луизы и свиты ея, казачій разъѣздъ Чернышева. Уже Донцы готовились броситься на богатую добычу, но графъ Шуваловъ остановилъ ихъ и благополучно проводилъ Императрицу въ Орлеанъ. Тамъ были получены достовѣрныя извѣстія о перемѣнѣ правительства во Франціи. Братья Наполеона и многіе сановники его Имперіи, испросивъ у графа Шувалова виды на проѣздъ въ Парижъ и другіе города, разсѣялись въ различныя стороны (44). Марія-

(*) Такъ на прим. слова сказанныя графомъ д'Артуà по прибытіи въ Парижъ: «il n'y a rien de changé; ce n'est qu'un Français de plus,» (все осталось по прежнему; только однимъ Французомъ стало болѣе) приписываютъ Талейрану и Бёньò (Beugnot).

Луиза съ сыномъ возвратилась въ Рамбульѐ, куда пріѣхалъ отецъ ея Императоръ Францъ, и оставалась тамъ до 11-го (23-го) апрѣля, а потомъ отправилась въ Вѣну. Мать Наполеона и кардиналъ Фешъ уѣхали въ Римъ, а братья наполеоновы въ Швейцарію.

Императрица Марія-Луиза, при выѣздѣ изъ Парижа, взяла съ собою остальныя суммы собственной казны Наполеона, всего до 18-ти милліоновъ франковъ, богатый серебряный сервизъ и коронные брилліанты. Изъ этихъ денегъ, 6 милліоновъ были посланы въ Фонтенебло̀, на жалованье арміи и другія издержки, 2 милліона находились въ экипажахъ Императрицы, а остальные 10 милліоновъ въ придворномъ обозѣ. Временное правительство, не имѣя никакихъ суммъ, сочло нужнымъ воспользоваться послѣдними деньгами. Чиновникъ Дюдонъ, отставленный по повелѣнію Наполеона, отправился въ Орлеанъ и захватилъ придворные фургоны, съ 10-ю милліонами франковъ, собственнымъ сервизомъ Наполеона и частью брилліантовъ Маріи-Луизы. Напрасны были всѣ представленія ея и усилія Союзныхъ коммисаровъ посланныхъ въ Орлеанъ; временное правительство нѐ возвратило ни суммъ, ни вещей, взятыхъ его агентомъ ([45]).

Императоръ Александръ, заботясь о безопасности Наполеона, при проѣздѣ его чрезъ южную Францію, первоначально хотѣлъ послать къ нему въ Фонтенебло̀ генерала Чернышева, но измѣнилъ Свое намѣреніе, сказавъ: «Наполеону, въ несчастіи, прискорбно будетъ видѣть того, кто находился при немъ въ эпоху его величія» ([46]). Отправляя графа Шувалова, въ качествѣ русскаго коммисара, для сопровожденія Наполеона на пути къ острову Эльбѣ, Государь сказалъ ему: «Я довѣряю вамъ важную обязанность. Вы будете строго отвѣчать за каждый волосъ упавшій съ головы Наполеона.»

Наполеонъ, по утвержденіи имъ трактата, заключеннаго въ Фонтенебло̀, долго оставался тамъ, въ надеждѣ, что свиданіе Императора Франца съ его дочерью послужитъ къ улучшенію судьбы ея и Короля Римскаго. Но это свиданіе, напротивъ того, повело къ отторженію отъ Наполеона его семейства. На-

конецъ, когда всѣ Союзные коммисары, русскій—графъ Шуваловъ, австрійскій—генералъ Коллеръ, англійскій—полковникъ Камбель и прусскій—генералъ Вальдебургъ-Трухсесъ, собрались въ Фонтенебло, назначенъ былъ выѣздъ Наполеона 8-го (20-го) апрѣля. Гвардейскій баталіонъ, долженствовавшій послѣдовать за нимъ на островъ Эльбу, отправился нѣсколькими днями ранѣе.

8-го (20-го), въ полдень, вся наполеонова гвардія построилась на дворѣ Бѣлаго-коня (Cour du Cheval-Blanc). Туда-же собрались немногіе офицеры и чиновники оставшіеся при Наполеонѣ отъ многочисленнаго, блестящаго двора его ([17]). Наполеонъ, спустившись съ лѣстницы, (escalier du Fer-à-Cheval), приказалъ гвардіи построиться кругомъ себя и произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Солдаты моей Старой гвардіи! Прощайте! Въ продолженіи двадцати лѣтъ, вы сопровождали меня на поприщѣ чести и славы. Въ послѣднее время, какъ и въ наиболѣе счастливыя времена, вы не преставали подавать примѣръ мужества и вѣрности. Съ такими людьми, какъ вы, наше дѣло еще не было проиграно, но я не хотѣлъ продолжать безконечную войну, быть-можетъ—возбудить междуусобную борьбу, которая могла-бы усугубить бѣдствія Франціи. Я пожертвовалъ собою отечеству; выже, друзья мои, продолжайте служить ему. Не жалѣйте о моей участи; мнѣ осталось призваніе—передать потомству великіе подвиги нами совершенные ... Прощайте, мои дѣти!.... Я хотѣлъ-бы прижать васъ всѣхъ къ моему сердцу, такъ дайте-же мнѣ обнять ваше знамя!» И подойдя быстрыми шагами къ генералу Пети, державшему знамя Старой гвардіи, Наполеонъ обнялъ его, поцѣловалъ знамя, при громкихъ возгласахъ и рыданіяхъ своихъ сподвижниковъ, и бросясь въ экипажъ, въ часъ по полудни, отправился съ генераломъ Бертраномъ по ліонской дорогѣ Впереди ихъ, въ другой каретѣ, ѣхахъ Друо, а позади—коммисары Союзныхъ Державъ и наполеонова свита. На первыхъ станціяхъ конвоировали поѣздъ отряды гвардейской кавалеріи, потомъ—казаки и австрійская кавалерія, а далѣе—Наполеонъ продолжалъ путь безъ эскорта. Отъ Фонтенебло до

Муленъ (Moulins) народъ провожалъ его восклицаніями: Vive l'empereur! нерѣдко прибавляя, при видѣ Союзныхъ коммисаровъ: à bas les étrangers! (Долой чужеземцовъ!) Далѣе до Ліона изрѣдка раздавались крики: Vive le Roi! Vivent les Bourbons! Въ Ліонѣ услышалъ Наполеонъ послѣднія привѣтствія: Vive l'empereur! На пути къ югу, они замѣнились восклицаніями: Vive le Roi! Vivent les alliés! A bas le tyran! A mort le tyran! (Да здравствуетъ Король! Да здравствуютъ Союзники! Долой тирана! Смерть тирану!). Въ Оргонѣ, Наполеонъ, будучи принужденъ переодѣться и пересѣсть въ другой экипажъ, чтобы избѣгнуть бѣшенства черни, изъявлявшей намѣреніе повѣсить его, былъ обязанъ спасеніемъ графу Шувалову и Коллеру, которые, выскочивъ изъ своей кареты, успѣли кое-какъ укротить волненіе народа. 16-го (28-го) апрѣля, Наполеонъ со всею свитою сѣлъ на англійскій фрегатъ *Undaunted* (Неустрашимый), а шесть дней спустя, 22-го апрѣля (4-го мая), вышелъ на берегъ въ Порто-Феррайо ([48]).

ГЛАВА XXV.

Бурбоны.

СОДЕРЖАНІЕ.

Графъ д'Артуà, отъ имени Короля, изъявляетъ согласіе на принятіе конституціи.—Конвенція, имъ заключенная, 11-го (23-го) апрѣля.—Свѣдѣнія полученныя Людовикомъ XVIII-мъ въ Гартвелѣ. Намѣренія его.—Людовикъ въ Лондонѣ. Прибытіе его во Францію и пребываніе его въ Компіенѣ. Прибытіе Императора Александра въ Компіень и свиданіе Его съ Королемъ. Сентъ-Уэнская декларація. Въѣздъ Короля въ Парижъ.

Сочувствіе Парижанъ къ Александру.

Сдача крѣпостей занятыхъ французскими гарнизонами. Расположеніе французской арміи на кантониръ-квартиры. Недовѣріе правительства къ войскамъ.

Во Франціи на развалинахъ наполеоновой Имперіи, возникало новое, стольже непрочное владычество Бурбоновъ.

Вечеромъ 2-го (14-го) апрѣля, графъ д'Артуà, принявъ въ Тюльери сенатъ, далъ обѣщаніе, что составленная имъ конституція будетъ одобрѣна Королемъ Людовикомъ XVIII. Впрочемъ объявленіе о томъ, написанное рукою Фушè и исправленное Талейраномъ, было измѣнено принцемъ, по совѣту Витроля, и напечатано въ Монитёрѣ въ такихъ выраженіяхъ, которыя давали Королю возможность неисполнить даннаго обѣщанія [1]. Желая, какъ можно скорѣе, избавиться отъ чужеземныхъ войскъ занимавшихъ Францію, графъ д'Артуà подписалъ, 11-го (23-го) апрѣля, конвенцію, составленную Талейраномъ и въ послѣдствіи послужившую основаніемъ мирнаго трактата между Союзными Державами и Франціей. Главныя условія этой весьма невыгодной для Французовъ сдѣлки были: выступленіе Союзниковъ изъ

Франціи, ограниченной предѣлами 1792 года, по мѣрѣ очищенія французскими войсками крѣпостей лежащихъ внѣ сихъ предѣловъ; уступка Французами крѣпостей на Рейнѣ въ продолженіи десяти дней; крѣпостей Италіи—въ 15, Испаніи—въ 20 дней; наиболѣе отдаленныя крѣпости положено было очистить къ 1-му іюня. Гарнизонамъ дозволялось выдти съ оружіемъ и обозами, взявъ съ собою по одному орудію на тысячу человѣкъ. Все-же прочее: артиллерію, военные и провіантскіе запасы, архивы, планы и карты, условлено передать въ цѣлости Союзникамъ. Всѣ плѣнные долженствовали быть обоюдно возвращены. Наконецъ—положено вознаградить гамбургскій банкъ за суммы похищенныя изъ него маршаломъ Даву. Полагаютъ, что французское правительство, вмѣстѣ съ уступкою болѣе пятидесяти крѣпостей, потеряло 11,000 орудій, арсеналы, наполненные оружіемъ и военными снарядами, литейные дворы, громадные запасы одежды и обуви, магазины, корабли стоявшіе въ гаваняхъ, вообще-же на сумму 1,200 милліоновъ франковъ ([2]).

По заключеніи перемирія, Союзныя войска, снявшись съ биваковъ, расположились на кантониръ-квартирахъ:

Главная армія: гвардія и резервы, за исключеніемъ австрійской гвардейской кавалеріи, въ Парижѣ, получая продовольствіе изъ департамента Сенъ-и Уазъ (Seine-et-Oise); 6-й корпусъ Раевскаго въ департаментѣ марнскомъ (Marne); 5-й графа Вреде въ вогезскомъ и мёртскомъ (Vosges, Meurthe); 4-й Кронъ-принца виртембергскаго въ іонскомъ и обскомъ (Yonne, Aube); 3-й Гіулая въ котъ-д' орскомъ (Côte d'Or); австрійская резервная кавалерія въ департаментѣ Верхней Марны (Haute-Marne).

Силезская армія: корпусъ графа Воронцова въ департаментѣ Уазы (Oise); Ланжерона въ энскомъ департаментѣ (Aisne); Сакена въ арденнскомъ (Ardennes); Іорка въ департаментѣ Па-де-Кале (Pas-de-Calais); Клейста въ соммскомъ (Somme); Бюлова въ сѣверномъ (Nord).

Южная армія въ департаментахъ: монбланскомъ (Mont-Blanc), Изѐрскомъ (Isère), Ронскомъ (Rhône), леманскомъ (Leman), саонскомъ (Saône) и луарскомъ (Loire). ([3]).

Народъ ликовалъ, радуясь миру, но вскорѣ явилось много недовольныхъ притязаніями возвратившихся на родину эмигрантовъ. Графъ д'Артуà дѣлалъ все возможное, чтобы заслужить общую преданность, и въ особенности ласкалъ военныхъ, нерѣдко приглашая къ себѣ маршаловъ и генераловъ находившихся въ Парижѣ. Тѣмъ не менѣе однакоже нетрудно было видѣть, что довѣренностью принца исключительно пользовались эмигранты, въ числѣ коихъ встрѣчались люди, готовые исполнять самыя безнравственныя порученія, съ корыстною цѣлью. Нѣсколько такихъ пройдохъ вызвались погнаться за супругою бывшаго Короля вестфальскаго, принца Іеронима, подъ предлогомъ отобранія въ пользу казны драгоцѣнныхъ вещей увезенныхъ ею изъ Парижа. Эта принцесса, дочь Короля Виртембергскаго, отличавшаяся высокими личными качествами, была задержана у Фоссаръ (Fossard), на пути въ Германію, и совершенно ограблена. Императоръ Александръ, узнавъ объ оскорбленіи нанесенномъ Его близкой родственницѣ, вопреки трактату 11-го апрѣля, потребовалъ удовлетворенія за сію обиду. Временное правительство немедленно возвратило принцессѣ захваченные чемоданы, но они оказались пусты. Въ числѣ пропавшихъ вещей были брилліанты стоившіе 1,500,000 франковъ. Когда-же потребовали къ отвѣту людей задержавшихъ принцессу, они отперлись отъ всего ими сдѣланнаго, угрожая, если ихъ не оставятъ въ покоѣ, объявить, какое порученіе имъ было дано временнымъ правительствомъ (4). Въ послѣдствіи, одинъ изъ этихъ негодяевъ увѣрялъ, будтобы ему было поручено убить Наполеона. Для прекращенія подобныхъ безпорядковъ и своеволія эмигрантовъ, желали многіе—и самъ графъ д'Артуà — чтобы, какъ можно скорѣе, прибылъ Людовикъ XVIII. Находясь еще въ Гартвеллѣ (Hartwell), Людовикъ получилъ извѣстія о современномъ положеніи дѣлъ отъ своего брата и Талейрана. Графъ д'Артуà сообщилъ Королю, что обязательства, принятыя его именемъ, были неопредѣлительны и предоставляли ему совершенную свободу дѣйствій. Съ другой стороны, Талейранъ увѣрялъ, что преданность народа къ Бурбонамъ неимѣла предѣловъ, но что нельзя было надѣяться на войска, совѣтовалъ

обнародовать воззваніе сообразное съ господствующими идеями, обласкать маршаловъ и стараться пріобрѣсть любовь солдатъ. Гораздо основательнѣе и достовѣрнѣе были свѣдѣнія сообщенныя однимъ изъ усердныхъ приверженцевъ Бурбоновъ, Г. Монтескю: какъ истый роялистъ, онъ выказалъ сильное негодованіе на сенаторовъ, дерзавшихъ предлагать условія законному властителю, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не скрылъ—ни важности обязательствъ принятыхъ графомъ д'Артуà, ни силы, которою обладалъ Сенатъ въ общественномъ мнѣніи. Онъ писалъ, что во Франціи еще оставались поборники идей порожденныхъ революціей, что другіе были преданы Имперіи, и что въ особенности войска враждовали законной династіи; что всѣ эти недовольные готовились поддерживать притязанія Сената, и потому слѣдовало, взявъ изъ составленной имъ конституціи все, что̀ окажется удобнымъ, утвердить сіи законоположенія, и проч. Первоначальныя извѣстія о переворотѣ низвергнувшемъ Наполеона поселили радость въ душѣ Короля-изгнанника, проведшаго на чужбинѣ лучшіе годы своей жизни и внезапно получившаго вѣнецъ прекрасной Франціи; его сердце, очерствѣвшее подъ гнетомъ бѣдствій, смягчилось свѣтлыми лучами радости. Онъ хотѣлъ признать безусловно всѣ постановленія Сената и приказалъ Г. Блакà (Blacas) изготовить актъ утвержденія конституціи; но впослѣдствіи внушенія эмигрантовъ, всосавшихъ съ молокомъ идеи противныя представительному образу правленія, заставили его уклониться отъ прежнихъ намѣреній. Узнавъ, что братъ его сохранилъ существенныя основанія законной власти, онъ рѣшился отстоять ихъ ([5]). Нѣсколько дней спустя, Людовикъ, желая воздать благодарность за великодушное гостепріимство англійскаго правительства, отправился въ Лондонъ и прибывъ туда 8-го (20-го) апрѣля, былъ встрѣченъ съ восторгомъ жителями британской столицы. Конечно Англичане, принявъ бѣлую кокарду въ продолженіи трехъ-дневнаго пребыванія Короля въ Лондонѣ и провожая его громкими восклицаніями, славили не вѣнценоснаго скитальца, нашедшаго у нихъ убѣжище, а Веллингтона, которому они приписывали весь успѣхъ войны, несмотря на то, что доселѣ ихъ полково-

децъ еще никогда не встрѣчался съ Наполеономъ на полѣ битвы. Но Людовику, принятому съ сочувствіемъ принцемъ-регентомъ, окруженному Членами его семейства и всею англійскою аристократіей, не могли выказаться вполнѣ гордость и самообольщеніе Джонъ-Буля. Когда принцъ-регентъ, поздравилъ его съ возвращеніемъ на французскій престолъ, какъ съ событіемъ счастливымъ не только для Франціи, но для Англіи, Европы, всего Свѣта, съ событіемъ, доставившимъ Англичанамъ семейную радость, Король, въ отвѣтъ ему, изъявилъ свою глубокую признательность за всѣ доказательства его дружбы, и окончилъ рѣчь, сказавъ принцу, что «возстановленіемъ своей фамиліи на престолѣ Франціи, онъ, послѣ Всевышняго Промысла, всего болѣе обязанъ его благоразумнымъ совѣтамъ, его благороднымъ усиліямъ и непоколебимому постоянству англійскаго народа» ([6]).

Конечно—Людовикъ XVIII былъ много обязанъ Англіи, давшей ему убѣжище тогда, когда онъ, преслѣдуемый подозрѣніями и ненавистью Республики и Имперіи, не находилъ пристанища во всей Европѣ. Но возстановленіемъ своимъ Король былъ обязанъ не Англіи, а преимущественно Россіи, отстоявшей самостоятельность — сперва свою собственную, а потомъ своихъ сосѣдей. И въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Бурбоны не поняли своего положенія.

Въ послѣдній день пребыванія въ Лондонѣ, Король вручилъ принцу-регенту высшій знакъ отличія французскаго королевства—голубую ленту ордена Св. Духа.

11-го (23-го) апрѣля, Людовикъ, въ сопровожденіи принца и почетнѣйшихъ представителей англійской аристократіи, прибылъ въ Дувръ, а на слѣдующій день отправился въ Кале съ флотомъ изъ 8-ми линейныхъ кораблей, нѣсколькихъ фрегатовъ и многихъ легкихъ судовъ. Самъ принцъ-регентъ и всѣ жители окрестной страны, съ бѣлыми кокардами на шляпахъ, оставались на берегу, махая бѣлыми платками, пока можно было видѣть французскаго Монарха. Герцогъ Кларенскій (*) про-

(*) Братъ принца регента.

вожалъ его до Кале и разстался съ нимъ при громѣ артиллеріи обѣихъ націй. По прибытіи на берегъ Франціи, Король былъ встрѣченъ несмѣтнымъ множествомъ народа съ слезами радости: онѣ были искренни, но—къ сожалѣнію—непродолжительны.

14-го (26-го) апрѣля, Король ночевалъ въ Булони, 15-го (27-го) въ Аббевилѣ, 16-го (28-го) въ Аміенѣ, а 17-го (29-го) вступилъ въ Компіень, гдѣ ожидали его знаменитѣйшіе люди Франціи. Тамъ, въ числѣ прочихъ, нашелъ онъ маршаловъ: Нея, Мармона, Бертьѐ, Удинò, Келлермана, Лефевра, Монсея. Бертьѐ, отъ имени своихъ товарищей, сказалъ ему: «маршалы, представители арміи, встрѣчаютъ отца, котораго Франція долго не знала къ несчастью своему, но теперь, будучи научена опытомъ и понесенными ею бѣдствіями, стремится къ нему съ радостнымъ восторгомъ, въ полной увѣренности найти спокойствіе, благоденствіе и славу, коими наслаждалась подъ державою Генриха IV и Людовика XIV. Предводители арміи спѣшатъ предложить свое сердце и свой мечъ, которыя, принадлежа Франціи, принадлежатъ законному Государю обновленной страны.» Король, обласкавъ маршаловъ и наговоривъ имъ много лестнаго вообще, обратился къ каждому изъ нихъ въ особенности, сказалъ нѣсколько словъ Лефевру о его подагрѣ, Мармону—о ранѣ имъ полученной подъ Саламанкою, представилъ ихъ всѣхъ поодиначкѣ своей племянницѣ, пригласилъ съ собою обѣдать и пилъ за здоровье арміи. Графъ д'Артуà также пріѣхалъ въ Компіень и былъ принятъ своимъ братомъ съ особеннымъ радушіемъ. Извѣстія, сообщенныя принцемъ, совершенно успокоили Короля, убѣдивъ его, что онъ могъ уклониться отъ безусловнаго принятія конституціи составленной Сенатомъ, отъ присяги, словомъ—отъ всего, чтò, въ его понятіяхъ, несогласовалось съ началами законной власти (7).

Въ числѣ прибывшихъ въ Компіень былъ также и Талейранъ. Сообразно съ прежнимъ своимъ донесеніемъ, опытный дипломатъ совѣтовалъ Королю *даровать отъ своего имени конституцію составленную Сенатомъ*. Туда-же явился Законодательный корпусъ (assemblée législative). Ораторъ, говорившій

отъ его имени, не сказалъ ни слова о конституціи. Сенатъ, напротивъ того, въ ожиданіи ея утвержденія, счелъ приличнымъ остаться въ Парижѣ Король, съ своей стороны, въ отвѣтѣ на адрессъ Законодательнаго корпуса, назвалъ депутатовъ «народными представителями,» вовсе неупомянувъ о Сенатѣ. Но сенаторы и поборники либеральныхъ учрежденій надѣялись достигнуть своей цѣли, имѣя могучую опору въ лицѣ Императора Александра. Еще въ то время, когда Король находился на пути въ Компіенъ, Александръ выслалъ ему на встрѣчу графа Поццо-ди-Борго, съ письмомъ, въ коемъ, прозрѣвъ будущность Дома Бурбоновъ, совѣтовалъ главѣ его соблюдать всевозможную умѣренность: «Votre Majesté subjuguera tous les coeurs, si Elle manifeste des idées libérales tendantes à maintenir et à raffermir les institutions organiques de la France.» (В. В. покорите сердца всѣхъ своихъ подданныхъ, сочувствуя либеральнымъ идеямъ, клонящимся къ утвержденію и упроченію законныхъ постановленій во Франціи) (8). Когда-же Поццо-ди-Борго, не успѣвъ въ своемъ порученіи, возвратился въ Парижъ, Императоръ Александръ Самъ отправился, въ Компіенъ. Король Людовикъ встрѣтилъ Россійскаго Монарха съ распростертыми объятіями, благодарилъ за помощь оказанную его семейству, но повторилъ нѣсколько разъ, что причиною великихъ событій, совершившихся въ послѣднее время, было вліяніе Всевышняго Промысла, и въ особенности могущество великаго начала «законности,» коего онъ былъ представителемъ. Замѣчанія Государя на счетъ современнаго состоянія Фрнаціи, совѣты Его—сдѣлать нѣкоторыя уступки духу времени, были выслушаны Людовикомъ разсѣянно, апатически; вмѣсто того, чтобы принять конституцію составленную сенатомъ, Король весьма неопредѣлительно выразилъ намѣреніе даровать народу права отъ своего имени (octroyer une charte). Весьма понятно, что Людовикъ XVIII тяготился зависимостью отъ Союзныхъ Монарховъ, и по тому желалъ возобновить отжившія традиціи вѣка Людовика XIV, но эти покушенія, нисколько не возвышая его въ глазахъ Государей возстановившихъ падшее владычество, возбуждали ихъ негодованіе. Въ особенности были неумѣст-

ны, и даже странны, мелочныя уловки, къ коимъ прибѣгалъ Король, выказывая притязанія представителя древнѣйшей европейской Монархіи. Шатобріанъ разсказываетъ — и находитъ *выспреннимъ* (sublime)—что Людовикъ XVIII, принимая у себя Императора Александра и Короля Прусскаго, вошелъ въ столовую залу первымъ и сѣлъ на почетномъ мѣстѣ. «Такимъ образомъ, продолжаетъ знаменитый писатель—безвѣстный, едва лишь успѣвшій возвратиться послѣ продолжительнаго изгнанія старецъ, въ качествѣ преемника Святаго Людовика, занималъ первое мѣсто (*) въ Европѣ!» Но этимъ неограничилось безразсудное поддержаніе достоинства французской короны: когда одинъ изъ придворныхъ служителей, поднося блюдо, подошелъ, прежде всѣхъ, къ Императору Александру, Людовикъ грозно вскричалъ: «подайте мнѣ, прошу васъ!» (à moi, s'il vous plait) (9).

Подобныя выходки не могли оскорбить Монарха, располагавшаго силами европейской коалиціи, но поселяли въ Немъ презрѣніе къ гордецу, неисправленному многолѣтними бѣдствіями. Гораздо болѣе негодованія въ душѣ Александра возбудилъ Король, отвергая упрямо предложенную сенатомъ конституцію. Послѣдствія показали, что Государь имѣлъ справедливые поводы ограждать отъ притязаній эмиграціи незыблемость престола и спокойствіе Франціи. По отъѣздѣ Его изъ Компіеня, Король отправился въ Сентъ-Уэнъ (S-t. Ouen), 19-го апрѣля (1-го мая). Говорятъ, будтобы Александръ былъ принужденъ сообщить ему, чрезъ Блака̀ (Blacas) и Монтескю, что если онъ не приметъ конституціи, либо, по крайней мѣрѣ, необнародуетъ воззванія о правахъ даруемыхъ имъ народу, то не будетъ впущенъ въ Парижъ. 20-го апрѣля (2-го мая), представлялись Королю Сенатъ, Законодательная Палата (въ другой разъ) и другія государственныя управленія. Людовикъ, исключительно занятый весь день ихъ пріемомъ, не успѣлъ составить требуемой декларации и поручилъ это дѣло Г. Блака̀. Въ ночи съ 20-го на 21-е апрѣля (съ 2-го на 3-е мая) былъ изготовленъ

(*) «За столомъ» замѣчаетъ Бернгарди.

сей документъ, преимущественно по идеямъ Витроля. Какъ Людовикъ желалъ вступить въ Парижъ на слѣдующій день, то, чтобы не нарушить его сна, декларація не была прочитана ему, а немедленно отправлена въ королевскую типографію, напечатана и разсѣяна во множествѣ экземпляровъ утромъ 3-го мая н. ст.

Въ началѣ этого акта было сказано:

«Призванные любовью народа на престолъ нашихъ предковъ и побуждаемые желаніемъ положить предѣлъ бѣдствіямъ народа, которымъ предназначено управлять намъ, мы обращаемся къ обоюдному довѣрію, столь необходимому для нашего спокойствія и для общаго блага.

«Разсмотрѣвъ внимательно проектъ конституціи предложенной Сенатомъ, въ совѣщаніе его 6-го апрѣля, мы пришли къ убѣжденію, что основанія сего проекта хороши, но что многія изъ заключающихся въ немъ положеній, на-скоро составленныя, не могутъ, въ своемъ настоящемъ видѣ, содѣлаться основными законами государства.

«Намѣреваясь установить Конституцію на свободныхъ началахъ, и не имѣя возможности принять предложенную намъ безъ исправленій, мы предполагаемъ собрать къ 10-му іюня Сенатъ и Законодательную Палату, для обсужденія Конституціи, составленной коммисіей изъ среды ихъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:»

Представительный образъ правленія, предоставленіе законодательной власти и права совѣщаній о всѣхъ государственныхъ дѣлахъ двумъ палатамъ: Сенату и Собранію депутатовъ отъ всѣхъ департаментовъ Франціи; отвѣтственность министровъ предъ палатами; опредѣленіе палатами налоговъ; огражденіе личной свободы и неприкосновенности частныхъ имуществъ; признаніе свободы печати, съ установленіемъ мѣръ необходимыхъ для общественнаго спокойствія; свобода вѣроисповѣданій; обезпеченіе государственнаго долга; сохраненіе военныхъ пенсій, чиновъ и титуловъ стараго и новаго дворянства, а также Почетнаго Легіона; одинаковый доступъ всѣмъ Французамъ ко всѣмъ военнымъ и гражданскимъ должностямъ, и проч.

Въ тотъ-же день, 3-го мая н. ст. Людовикъ XVIII вступилъ въ Парижъ. Отправясь изъ Сентъ-Уэнъ въ 11 часовъ утра, онъ ѣхалъ среди многочисленныхъ сборищъ народа, вышедшихъ ему на встрѣчу. Въ его коляскѣ, запряженной восемью лошадьми, сидѣла рядомъ съ нимъ герцогиня Ангулемская; противъ нихъ—принцы Кондѐ; по сторонамъ экипажа ѣхали верхомъ графъ д'Артуа̀ и герцогъ Беррп; позади слѣдовали маршалы; за ними—графъ Дама̀съ съ конною національною стражей и нѣсколько ротъ пѣшей императорской гвардіи. Парижане привѣтствовали Короля съ восторгомъ, герцогиню—съ сочувствіемъ внушеннымъ бѣдствіями царственной страдалицы ([10])

Переговоры о мирѣ между Франціей и Союзными Державами замедлились, потому что Король, несмотря на сентъ-уэнскую декларацію, отлагалъ обнародованіе Конституціи, а Императоръ Александръ не хотѣлъ оставить недовершеннымъ начатаго имъ дѣла — возрожденія Франціи, на новыхъ основаніяхъ, могшихъ служить порукою ея внутренняго спокойствія и мира Европы.

Народъ, небудучи посвященъ въ тайны великодушной политики Россійскаго Монарха, но сознавая цѣль ея, отдавалъ должную дань высокимъ душевнымъ качествамъ своего покровителя. Съ перваго дня своего пребыванія въ Парижѣ, Александръ покорилъ сердца Французовъ. Когда Онъ посѣтилъ въ первый разъ театръ оперы, назначено было представлять піесу: Triomphe de Trajan «(Траяново торжество). Передъ прибытіемъ Государя поднялся занавѣсъ. Актеръ, выйдя на сцену, сказалъ: «нечаянная болѣзнь одного изъ главныхъ артистовъ препятствуетъ намъ играть Траяна, и мы просимъ васъ въ замѣнъ принять Весталку.» Въ отвѣтъ на эти слова раздались крики: «Нехотимъ Весталки! Давайте Траяна!» Едва умолкъ шумъ, объявили публикѣ, что «скромность Императора Александра не позволяетъ Ему принять манифестаціи, готовившейся Ему въ Траянѣ. Послано донести Его Величеству о желаніи публики видѣть эту оперу: ожидаютъ Его отвѣта.» Чрезъ полчаса объявили, что «Императоръ соизволяетъ на перемѣ-

ну піесы и удостоитъ театръ Своимъ присутствіемъ.» При появленіи Государя, отъ шумнаго восторга зрителей—казалось—потряслось все зданіе театра, и эти изъявленія были повторяемы весь вечеръ. Во время антрактовъ публика заставляла знаменитаго актера Лаиса пѣть народную пѣсню: Vive Henry IV!» Актеръ, на голосъ этой пѣсни, пѣлъ слѣдующій куплетъ, вскорѣ сдѣлавшійся народнымъ во Франціи:

Vive Alexandre!
Vive ce roi des rois!
Sans rien prétendre,
Sans nous dicter des loix,
Ce prince auguste
A le triple renom
De héros, de juste,
De nous rendre un Bourbon!

Въ продолженіи представленія оперы «Весталки,» исполненнаго лучшими артистами, публика не пропускала ни одного слова, напоминавшаго торжество, воздаваемое Французами Русскому Монарху ([11]).

Писатели, художники, знаменитѣйшіе люди Франціи, на перерывъ славили великодушнаго побѣдителя. Всѣ желали Его видѣть; живописцы и ваятели спѣшили изобразить ликъ Монарха, Благословеннаго Россіей, торжествовавшею въ лицѣ Его, Европою—Имъ освобожденною, Франціей—нашедшею въ Немъ заступника. Только-лишь эмигранты, руководимые мелочными своекорыстными цѣлями, тяготились присутствіемъ Того, безъ чьего содѣйствія пришлось-бы имъ по прежнему скитаться на чужбинѣ. А, между тѣмъ, переворотъ происшедшій въ Парижѣ имѣлъ послѣдствіемъ покореніе всѣхъ крѣпостей занятыхъ французскими войсками. Гарнизонъ Сенъ-Дени сдался на капитуляцію въ день вступленія Союзниковъ въ Парижъ ([12]). Чрезъ нѣсколько дней также сдались Компіень и Суассонъ. Комендантъ венсенскаго за̀мка, генералъ Домениль, потерявшій ногу въ битвѣ при Бородинѣ, оборонялся долѣе, отвѣчая на требованія Союзниковъ—прислать ключи крѣпости: «отдайте мнѣ мою ногу; я отдамъ вамъ ключи, которые вы требуете.» Прочіе француз-

скіе гарнизоны также покорились—частью будучи принуждены къ тому оружіемъ Союзниковъ, частью признавъ правительство Бурбоновъ. Долѣе всѣхъ держались генералъ Лемарруà въ Магдебургѣ и маршалъ Даву въ Гамбургѣ (*).

Еще до прибытія Короля въ Парижъ, французская армія, значительно ослабленная побѣгами, была размѣщена по кантониръ-квартирамъ. Старая гвардія оставлена въ Фонтенеблò, Молодая—перешла въ Орлеанъ; гвардейская кавалерія расположилась въ Буржѣ (Bourges) Сомюрѣ (Saumur) и Анжерѣ (Angers); артиллерія въ Вандомѣ (Vendôme); 6-й корпусъ Мармона въ Руенѣ; 7-й корпусъ маршала Удинò и кавалерія Келлермана въ Эврё (Evreux); 11-й корпусъ Макдональда и кавалерія Мильгò въ Шартрѣ; 2-й корпусъ Жерара съ кавалеріей Сенъ-Жермена въ Неверѣ (Nevers). Поляки, остававшіеся во французской службѣ, по собственному ихъ желанію, ([13]) были предоставлены въ распоряженіе Императора Александра. Подобнымъ-же образомъ всѣ Кроаты были собраны въ Дижонѣ и присоединились къ австрійскимъ войскамъ, а Бельгійцамъ, собраннымъ въ Сенъ-Жерменъ (S-t.Germain), приказано явиться къ принцу Оранскому. Генералъ Мезонъ, по прежнему, остался начальникомъ войскъ во Фландріи. Даву, считавшійся упорнымъ поборникомъ Имперіи, получилъ предписаніе сдать команду надъ ввѣренными ему войсками генералу Жерару. Начальство надъ арміей возвращавшеюся изъ Италіи оставлено генералу Греньè, а надъ войсками въ Дофинè—маршалу Ожерò; наконецъ—обѣ арміи Сульта и Сюшè поручены послѣднему. Вообще-же при этихъ назначеніяхъ правительство старалось устранить приверженцевъ Наполеона и преимущественно руководилось недовѣріемъ къ арміи и всѣмъ военнымъ, простиравшимся до того, что въ день прибытія Короля въ Парижъ гвардейскіе гренадеры, занимавшіе посты въ тюлерискомъ дворцѣ, были смѣнены парижскою національною стражею ([14]).

Такъ на безоблачномъ горизонтѣ Франціи мало по малу собирались тучи, грозившія разразиться бурею и снова возмутить спокойствіе Европы.

(*) Осада и покореніе Гамбурга описаны въ главѣ XXVI-й.

ГЛАВА XXVI.

Окончательныя дѣйствія второстепенныхъ армій на главномъ театрѣ войны. Первый парижскій миръ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Дѣйствія со стороны Швейцаріи. Расположеніе войскъ обѣихъ сторонъ. Въ началѣ (въ половинѣ) февраля, наступленіе Ожеро. Мнѣніе Наполеона о его дѣйствіяхъ Подкрѣпленія ему посланныя.—Отступленіе графа Бубны къ Женевѣ. Наступленіе Французовъ. Опасное положеніе графа Бубны. Нерѣшительность Ожеро. Наступленіе *Южной* Союзной арміи принца гессенъ-гомбургскаго и отступленіе Ожеро. *Дѣло при Лимонѣ* и занятіе Ліона австрійскими войсками. Отступленіе Ожеро за Изѐру и Маршана къ Греноблю. Извѣстія о переворотѣ въ Парижѣ. Воззваніе Ожеро.

Дѣйствія въ Нидерландахъ. Число и расположеніе войскъ обѣихъ сторонъ. Затруднительное положеніе герцога саксенъ-веймарскаго.

Сдача Союзникамъ Горкума и Сасъ-де-Гента.

Покушеніе Мезона открыть сообщеніе съ Антверпеномъ. Отступленіе его къ Лиллю.

Неудачное нападеніе Грегама на Бергопцоомъ (Berg-op-Zoom).

Прибытіе подкрѣпленій къ герцогу саксенъ-веймарскому. Дѣйствія противъ крѣпости Мобёжа.—Мезонъ присоединяетъ къ своимъ войскамъ дивизію Рогѐ. Дѣло при Куртрѐ. Расположеніе обѣихъ сторонъ Перемиріе.

Осада Гамбурга Описаніе города и инженерныхъ работъ маршала Даву. Мѣры имъ принятыя для обороны Гамбурга. Число его войскъ. Обложеніе города войсками графа Беннигсена. *Дѣйствія подъ Гамбургомъ.* Положеніе Беннигсена. Состояніе французскихъ войскъ и жителей города. Переговоры. Сдача Гамбурга.—Замѣчанія на дѣйствія маршала Даву.

Первый парижскій миръ.

Дѣйствія со стороны Швейцаріи.

Еще 9-го (21-го) января, графъ Бубна съ 1-ою австрійскою легкою дивизіей отошелъ за рѣку Энъ (Ain), для надежнѣйшаго прикрытія Женевы (*).

(*) Глава IV-я.

Маршалъ Ожерò, ожидая прибытія двѣнадцати тысячъ человѣкъ изъ Каталоніи отъ Сюшè, оставался въ Ліонѣ, гдѣ между тѣмъ, онъ сформировалъ, изъ неимѣвшихъ работы фабричныхъ, нѣсколько баталіоновъ и присоединилъ къ нимъ національную стражу ближайшихъ департаментовъ. Несмотря на превосходство въ числѣ французскихъ войскъ, Австрійцы, въ началѣ февраля н. ст. заняли Шалонъ-на-Саонѣ и Маконъ и выдвинули форпосты къ Ліону.

Отрядъ генерала Цехмейстера, овладѣвъ городомъ Шамбери, дѣйствовалъ по направленію къ Греноблю (1).

Въ началѣ (въ половинѣ) февраля, Ожерò успѣлъ собрать часть назначенныхъ ему подкрѣпленій; тогда-же прибыли въ Ліонъ войска изъ Каталоніи: такимъ образомъ составилась такъ-называемая *ронская армія* (armée du Rhône), въ числѣ 27,000 человѣкъ, большею частью конскриптовъ; изъ этихъ войскъ, до 18,000 человѣкъ, подъ личнымъ начальствомъ Ожерò, находились въ окрестностяхъ Ліона; генералъ Маршанъ, съ 5,000 человѣкъ, у Гренобля; 4,000 человѣкъ по гарнизонамъ въ Ліонѣ и другихъ пунктахъ (2). Пользуясь превосходствомъ силъ, Французы перешли въ наступательное положеніе. Маршанъ двинулся къ Шамбери и послѣ упорнаго боя въ подземельѣ у Эшель (les Echelles), овладѣлъ симъ городомъ, 7-го (19-го) февраля. Другая французская колонна выбила Австрійцевъ изъ Макона (Macon) и заняла Бургъ (Bourg). Впрочемъ — раздробленіе на значительномъ пространствѣ войскъ Ожерò не позволило ему одержать болѣе рѣшительные успѣхи. Наполеонъ небылъ доволенъ его дѣйствіями, полагая, что маршалу, со всею массою его силъ, надлежало идти прямо къ Женевѣ и въ водскую область (pays de Vaud) и возбудить возстаніе противъ Союзниковъ во всѣхъ сосѣдственныхъ кантонахъ Швейцаріи. Военный министръ (Кларке) писалъ маршалу: «L'Empereur vous somme d'oublier vos 56 ans et de ne vous souvenir que des beaux jours de Castiglione.» (Императоръ требуетъ, чтобы вы, позабывъ ваши 56 лѣтъ, помнили только прекрасные дни Кастиліоне) (3).

Несмотря однакоже на эти понужденія, Ожерò не трогал-

ся съ мѣста изъ своей главной квартиры и держалъ въ бездѣйствіи главныя силы ронской арміи, оправдываясь тѣмъ, что, за исключеніемъ десяти тысячъ человѣкъ прибывшихъ изъ Испаніи, всѣ его войска состояли изъ конскриптовъ либо національной стражи, необученныхъ и плохо одѣтыхъ. Въ отвѣтъ на то, военный министръ писалъ: «S, M. pense qu'il est très indifférent que les bataillons de la réserve de Nismes soient mal habillés et mal équipés dès qu'ils ont des fusils. Elle me charge de vous dire que le corps du général Gérard, qui a fait de si belles choses sous Ses yeux, n'est composé que de conscrits à demi-nus. Il a en ce moment une division de 4 mille gardes nationaux en chapeaux ronds, en habits et vestes de paysans, et sans gibernes, armés de toutes sortes de fusils, dont il fait le plus grand cas, et il voudrait bien en avoir 30 mille.» (Его Вел. считаетъ неважнымъ, что баталіоны нимесскаго резерва плохо одѣты и экипированы, какъ только они имѣютъ ружья. Императоръ поручилъ мнѣ сообщить вамъ, что корпусъ генерала Жерара, особенно отличившійся въ его присутствіи, составленъ изъ полунагихъ конскриптовъ. Въ его арміи нынѣ состоитъ дивизія, изъ четырехъ тысячъ человѣкъ національной стражи, въ круглыхъ шляпахъ и крестьянскихъ блузахъ, безъ сумъ, съ разнокалиберными ружьями, которую онъ цѣнитъ весьма высоко; онъ желалъ-бы имѣть 30 тысячъ такихъ солдатъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ приказалъ усилить армію Ожерò новыми подкрѣпленіями. Маршалъ Сюшè получилъ предписаніе отрядить ему въ помощь еще одну дивизію въ 10 тысячъ человѣкъ. Принцу Боргѐзе поручено собрать въ Туринѣ отъ 6-ти до 8-ми тысячъ человѣкъ и выслать ихъ черезъ Альпы въ началѣ апрѣля; наконецъ, были немедленно отправлены изъ парижскаго пѣхотнаго депо въ Ліонъ 66 офицеровъ и 286 унтеръ-офицеровъ, для обученія баталіоновъ національной стражи (4).

Бездѣйствіе Ожерò дало Австрійцамъ возможность сосредоточить силы: бригада Шейтера, двинувшаяся къ Саонѣ, и далѣе къ Луарѣ, получила приказаніе собраться у Шалона (Chalons-sur-Saône) и присоединиться къ 2-му австрійскому корпусу принца Алоизія Лихтенштейна, блокировавшему Ок-

сонну (Auxonne) и Безансонъ; прочія-же войска графа Бубны отступили къ Женевѣ. Извѣстіе о сосредоточеніи маршаломъ Ожеро въ Ліонѣ тридцати-тысячной арміи заставили Союзниковъ собрать въ окрестностяхъ Дижона такъ-называемую *южную армію* подъ начальствомъ Наслѣднаго принца Филиппа гессенъ-гомбургскаго, долженствовавшую состоять изъ 1-го австрійскаго и части 2-го австрійскаго корпусовъ, 1-ой австрійской резервной дивизіи и 6-го германскаго корпуса, а также войскъ графа Бубны: вообще-же въ южную армію назначили до 50-ти тысячъ человѣкъ, но для сбора ея требовалось продолжительное время (5). Въ ожиданіи того, графъ Бубна расположился 14-го (26-го) февраля, для прикрытія Женевы, на позиціи у Сенъ-Жюльѣнъ, за однимъ изъ притоковъ Арвы; въ отрядѣ его было 9 баталіоновъ и 8 эскадроновъ, въ числѣ 5,600 человѣкъ, съ 29-ю орудіями (6).

Извѣстія объ отступленіи Австрійцевъ къ Женевѣ и настоятельныя понужденія военнаго министра наконецъ заставили маршала Ожерò двинуть главныя силы ввѣренной ему арміи по указанному направленію. Дивизія Мюньè была выслана отъ Нантуа (Nantua) чрезъ Лонъ-ле-Соньè къ Ніону, куда также предписано идти дивизіи Панетьè и кавалеріи Дижòна; а резервная бригада Бардè съ двумя баталіонами дивизіи Мюньè получила приказаніе переправиться черезъ Рону по мосту въ Беллегардѣ (Bellegarde), либо въ Сейсселѣ (Seyssel) и присоединиться къ войскамъ двигавшимся къ Женевѣ.

15-го (27-го) февраля, дивизія Маршана, подъ начальствомъ генерала Дессè (Dessaix), подошла къ позиціи занятой Австрійцами впереди Женевы. Въ продолженіи трехъ дней Французы нѣсколько разъ атаковали отрядъ Бубны, но Австрійцы отразили непріятеля, нанеся ему значительный уронъ. Тѣмъ не менѣе однакоже, какъ только бригада Бардè овладѣла фортомъ Эклюзъ и получила возможность двинуться съ орудіями и кавалеріей по ліонской дорогѣ къ Женевѣ, то войска Бубны снялись съ позиціи и отошли за Арву, разрушивъ всѣ мосты на сей рѣкѣ, 19-го февраля (3-го марта). На слѣдующій день, Французы подошли къ Женевѣ съ двухъ сторонъ: генералъ

Маршанъ съ юга, по дорогѣ изъ Шамбери, а генералъ Бардѐ (Bardet) по ліонской дорогѣ; тогда-же генералъ Мюньѐ (Musnier), двигавшійся къ Ніону (Nyon), съ содѣйствіемъ жителей страны, проложилъ себѣ путь чрезъ проходъ ле-Руссъ (les Rousses), заваленный снѣгомъ. Генералъ Маршанъ потребовалъ сдачу Женевы. Графъ Бубна отказалъ въ томъ, но опасаясь быть обложеннымъ со всѣхъ сторонъ и узнавъ о возстаніи жителей страны въ пользу Французовъ, выслалъ кавалерію по дорогѣ въ Ивердюнъ (Iverdun) и сталъ готовиться къ выступленію изъ Женевы. Но, между тѣмъ, Ожерѐ, считая корпусъ Маршана вмѣстѣ съ бригадою Бардѐ достаточно сильнымъ для овладѣнія Женевою, и предпринявъ идти къ Безансону противъ принца Алоизія Лихтенштейна, предписалъ генералу Мюньѐ обратиться назадъ къ Сенъ-Лоранъ и Шампаньоль. Графъ Бубна, узнавъ о томъ и выйдя изъ опасности потерять путь отступленія рѣшился остаться въ Женевѣ (7). Тогда-же прибыли къ нему нѣкоторыя подкрѣпленія, а въ началѣ марта н. ст. одновременно съ наступленіемъ главныхъ силъ Ожерѐ къ Лонъ-ле-Соньѐ (Lons-le-Sonnier), двинулись впередъ войска южной арміи по обѣ стороны Саоны, тремя колоннами: *правая*, фельдмаршалъ-лейтенанта Біанки, изъ его легкой дивизіи и части 1-го австрійскаго корпуса, чрезъ Шатильонъ-на-Сенѣ и Дижонъ, къ Шалону-на-Саонѣ; *средняя*, изъ дивизіи Вимпфена, къ Оксоннѣ; *лѣвая*, изъ 6-го германскаго корпуса, къ Доль (Dôle) Принцу Алоизію было предписано выслать для содѣйствія южной арміи часть войскъ блокировавшихъ Безансонъ (8).

Маршалъ Ожерѐ, собравъ у Лонъ-ле-Соньѐ около 15-ти тысячъ человѣкъ, предполагалъ освободить отъ блокады Оксонну и Безансонъ и двинуться далѣе на сообщенія Главной Союзной арміи, но встрѣтясь 20-го февраля (4-го марта), у Полиньи, съ авангардомъ Вимпфена, и узнавъ о появленіи Австрійцевъ у Луганъ (Louhans) къ зап. отъ Лонъ-ле-Соньѐ), не посмѣлъ идти къ Безансону, изъ опасенія быть отрѣзаннымъ отъ Ліона, а сосредоточилъ войска у Лонъ-ле-Соньѐ, отошелъ обратно къ Ліону, 25-го февраля (9-го марта), и намѣреваясь встрѣтить Союзниковъ съ фронта, предписалъ генералу Бардѐ перейти со

ввѣренною ему бригадою черезъ Рону и направиться во флангъ непріятелю къ Бургу, и далѣе къ Макону. На слѣдующій день, генералъ Мюньѐ, съ своею дивизіей, поддержанною двумя баталіонами національной стражи генерала Ремона (Remond) и 12-мъ гусарскимъ полкомъ полковника Кольбѐра, атаковалъ генерала Біанки у Макона, но былъ отраженъ съ урономъ (9).

4 (16) марта, Наслѣдный принцъ гессенъ-гомбургскій, сосредоточивъ силы на правой сторонѣ Саоны, у Макона, двинулся 6-го (18-го противъ маршала Ожерò, стоявшаго у Сенъ-Жоржъ (St. Georges), и обойдя непріятеля съ лѣваго фланга, заставилъ его отступить къ Лимонѐ (Limonest).

Позиція у Лимонѐ образуется крутыми высотами, между Саоною и долиною рѣки Азерги (Azergue), вдоль коей пролегаетъ дорога изъ Муленъ. За исключеніемъ большой маконской дороги, всѣ прочіе доступы къ позиціи состоятъ изъ тропинокъ, затруднительныхъ даже для движенія пѣхоты. Но Французы, въ числѣ 10-ти тысячъ, не могли удержаться на этой позиціи до прибытія другой дивизіи изъ Каталоніи, потому что съ одной стороны у нихъ недоставало войскъ для занятія дороги ведущей изъ Муленъ чрезъ Арбрель (Arbresle), а съ другой — бригада генерала Бардѐ, стоявшая по другую сторону Саоны, была не въ силахъ прикрыть Ліонъ отъ наступавшаго противъ ней отряда Гардегга (Hardegg). Тѣмъ неменѣе однакоже, Ожерò, не озаботясь заблаговременно привести Ліонъ въ оборонительное состояніе, былъ принужденъ принять сраженіе на позиціи у Лимонѐ, а для занятія арбрельской дороги отрядилъ къ башнѣ Салваньи (la tour de Salvagny) одинъ баталіонъ и 100 человѣкъ кавалеріи, въ ожиданіи прибытія туда изъ Ліона почетной гвардіи (gardes d'honneur).

8-го (20-го) марта, принцъ Филиппъ атаковалъ непріятельскую позицію. Имѣя въ виду обойти Французовъ съ лѣваго фланга, онъ оставилъ дивизію Гардегга и бригаду принца Кобургскаго по лѣвую сторону Саоны для демонстрацій противъ Бардѐ, а большую часть своихъ силъ еще наканунѣ послалъ вправо на муленскую дорогу. Ожерò, съ своей стороны, разгадавъ намѣреніе противника, расположилъ на высотахъ у Ли-

монѐ только дивизію Мюньѐ и бригаду Пушелонъ, съ 4 мъ гусарскимъ и 13-мъ кирасирскимъ полками; бригаду-же Эстева поставилъ лѣвѣе для связи праваго крыла съ бригадою Бёрмана, только-лишь прибывшею изъ Каталоніи, (*) и 12-мъ гусарскимъ полкомъ, расположенными на лѣвомъ крылѣ, подъ начальствомъ генерала Дижона (Digeon).

Съ разсвѣтомъ, Австрійцы двинулись противъ Французовъ, по правую сторону Саоны, двумя колоннами: *правая,* подъ начальствомъ Біанки, пройдя черезъ затруднительную тѣснину у Дорьё (Dorieux) и мимо Арбрель, утвердилась на лѣвомъ флангѣ непріятельской позиціи. Тогда-же *лѣвая* колонна, генерала Вимпфена, двинулась по шалонской дорогѣ, отрядивъ бригаду Мумба противъ лѣваго крыла позиціи. Генералы Мюньѐ и Панетьѐ, видя себя обойденными съ лѣваго фланга, тотчасъ отступили къ Ліону. Дижонъ, напротивъ того, не зная объ отступленіи праваго крыла и центра, перешелъ въ наступательное положеніе и удержалъ высланную противъ него дивизію Видрункеля до пяти часовъ по полудни. Дивизіи Моньѐ и Панетьѐ, отступивъ къ везскому предмѣстью (faubourg de Vaise), также атаковали преслѣдовавшія ихъ австрійскія войска и сражались съ перемѣннымъ успѣхомъ до наступленія ночи. Кавалерія Дижона, посланная для задержанія Австрійцевъ, уже достигшихъ предмѣстья Сенъ-Жюстъ (St. Just), кинулась на батарею, изрубила прислугу орудій, и опрокинувъ полкъ Гиллера (Hiller) на клермонской дорогѣ, захватила въ плѣнъ его командира и 360 офицеровъ и нижнихъ чиновъ. На пространствѣ между Саоною и Роною дѣйствія ограничились демонстраціями и неимѣли никакихъ рѣшительныхъ послѣдствій (10).

Какъ только, по прекращеніи боя, французскія войска расположились на бивакахъ, Ожеро, возвратясь въ городъ, собралъ совѣтъ, изъ префекта и членовъ ліонской думы (corps municipal). На вопросъ маршала—рѣшились-ли жители обороняться—меръ отвѣчалъ, что это было невозможно: по словамъ его, воо-

---

(*) Бригада Бёрмана состояла изъ трехъ баталіоновъ, въ числѣ 2,100 человѣкъ, съ шестью орудіями.

руженіе національной стражи состояло всего-на-все изъ тысячи плохихъ ружей, а жизненныхъ припасовъ въ городѣ едва имѣлось на четверо сутокъ, и непріятель, владѣя всѣми сухопутными и водяными сообщеніями, легко могъ прервать подвозы. Къ тому-же, по мнѣнію муниципальнаго совѣта, оборона города подвергнула-бы его жителей всѣмъ ужасамъ штурма, а разореніе его мануфактуръ нанесло-бы всей Франціи чувствительныя потери. Маршалъ, признавъ эти доводы основательными, рѣшился отступить на рѣку Изѣру (Isère), чтобы присоединить къ своей арміи дивизію Маршана и не позволить принцу гессенъ-гомбургскому открыть сообщеніе съ Веллингтономъ.

Въ полночь, вся артиллерія и обозы, соблюдая всевозможную тишину, прошли чрезъ городъ; за ними, въ два часа ночи, двинулись войска, а въ четыре арріергардъ, состоявшій изъ бригады Бардѐ.

На слѣдующій день, 9-го (21-го) марта, Австрійцы заняли Ліонъ—второй городъ Французской Имперіи. Золотые городскіе ключи, поднесенные Членами думы, были отправлены къ Императору Францу. Въ городѣ найдены: 22 орудія, 2,500 ружей, болѣе 20-ти тысячъ артиллерійскихъ снарядовъ и множество военныхъ припасовъ. Потери непріятеля убитыми и ранеными были весьма велики, но нигдѣ неопредѣлены въ точности. Со стороны-же Австрійцевъ, въ продолженіи 4—8 (16—20 марта, уронъ показанъ:

	офицеровъ.		нижнихъ чиновъ.
убитыми	14	—	374.
ранеными	44	—	1,459.
въ плѣнъ взятыми	10	—	316.
безъ вѣсти пропавшими . .	6	—	654.
всего	74	—	2,803.

Въ числѣ раненыхъ находился генералъ-маіоръ графъ Гаугвицъ (Haugwitz) ([11]).

По занятіи Ліона, авангардъ южной арміи тотчасъ двинулся вверхъ по Ронѣ и настигъ непріятеля въ 15-ти верстахъ отъ города, у Сенъ-Симфоріенъ (St. Symphorien). Вообще-же преслѣдованіе было слабо и Французы совершенно спокойно отсту-

пили 11-го (23-го) марта къ Валансъ (Valence). Принцъ гомбургскій ограничился высылкою отрядовъ въ различныя стороны и 13-го (25-го) только-лишь авангардъ его достигъ Сенъ-Валье (St. Vallier). Отступленіе Ожеро за рѣку Изѣру заставило Маршана также отойти отъ Женевы къ Греноблю. 30-го марта (11-го апрѣля), Австрійцы готовились атаковать Французовъ, но извѣстія, полученныя изъ Парижа о низложеніи Наполеона, заставили обѣ стороны открыть переговоры и заключить перемиріе. Нѣсколько дней спустя, Ожеро, узнавъ объ отреченіи Наполеона, приказалъ объявить въ приказѣ по войскамъ слѣдующее воззваніе:

«Вы разрѣшены отъ данной вами присяги; вы разрѣшены отъ нея именемъ націи, которой принадлежитъ верховная власть и отреченіемъ того, кто, принеся въ жертву своему нещадному властолюбію тысячи людей, неумѣлъ умереть какъ слѣдовало воину. Поклянемся въ вѣрности Людовику XVIII!» ([12]).

На югѣ, послѣ кровопролитнаго сраженія, 29-го марта (10-го апрѣля), при Тулузѣ, и занятія этого города войсками Веллингтона, послѣдовало перемиріе 7 (19) апрѣля.

Дѣйствія въ Нидерландахъ.

По выступленіи изъ Бельгіи корпуса Бюлова (*), дѣйствія въ сей странѣ были предоставлены 3-му корпусу Германскаго Союза, подъ начальствомъ владѣтельнаго герцога саксенъ-веймарскаго Карла-Августа, въ слѣдующемъ составѣ:

	батал	эскадр.	батар.	Число люд.
Войска Корол. Саксонскаго. .	27 —	15 —	$5^1/_2$ —	20,000 чел.
— Герцогствъ Сакс. . .	2 —	» —	» —	2,800 —
— — Ангальтск.	2 —	» —	» —	800 —
— Княжества Шварцб. .	1 —	» —	» —	650 —

Казачьи полки Быхалова и Ребреева.

Всего-же 25,000 человѣкъ съ 56-ю орудіями ([13]).

Въ началѣ (въ половинѣ) февраля, когда Бюловъ, съ главными силами 3-го прусскаго корпуса, двинулся въ помощь

(*) Глава X-я.

Блюхеру, отъ Монса къ Лану (Laon), герцогъ веймарскій успѣлъ собрать у Брюсселя только 15,000 человѣкъ пѣхоты и 2,200 кавалеріи съ 32-мя орудіями. Кромѣ того, Бюловъ оставилъ на время, для содѣйствія герцогу, Борстеля, съ 8,000 человѣкъ пѣхоты, 1,400 кавалеріи и 16-ю орудіями, у Турнѐ, и летучій отрядъ маіора Гельвига (Helwig) у Куртрѐ. Силы стоявшаго противъ Союзниковъ генерала Мезона не превышали 10-ти или 12-ти тысячъ человѣкъ ([14]), но онъ, отступивъ для сближенія къ древней границѣ Франціи, за Марку (Marque), пользовался содѣйствіемъ гарнизоновъ крѣпостей, которые, вмѣстѣ съ войсками оборонявшими Антверпенъ, вообще простирались до 30-ти тысячъ человѣкъ ([15]).

Положеніе герцога веймарскаго было довольно затруднительно. Располагая вмѣстѣ съ дивизіей Борстеля всего 27-ю тысячами человѣкъ, онъ долженъ былъ:

во 1-хъ, противодѣйствовать вылазкамъ антверпенскаго гарнизона,

во 2-хъ, удерживать корпусъ Мезона,

и въ 3-хъ, прикрывать сообщенія Бюлова съ Нидерландами ([16]).

8-го (20-го) февраля, герцогъ, оставя генерала Габленца, съ 2,000 человѣкъ пѣхоты и 300 кавалеріи, для содѣйствія англійскому генералу Грегаму (Graham) въ обложеніи Антверпена и Бергопцоома, перешелъ съ 8,000 саксонскихъ войскъ въ окрестности Ата. Въ тотъ-же день крѣпость Горкумъ покорилась прусской бригадѣ генерала Целинскаго; комендантъ ея, генералъ графъ Рампонъ съ 3,500 человѣкъ сдался военноплѣннымъ; 176 орудій, 2,000 пудъ (800 центнеровъ) пороха и большое количество снарядовъ и жизненныхъ припасовъ достались побѣдителямъ. Бригада Целинскаго перешла къ Мастрихту и двинулась въ слѣдъ за корпусомъ Бюлова. 9-го (21-го) фортъ Сасъ-де-Гентъ (Sas-de-Gent) сдался казачьему полковнику Быхалову, что̀ послужило къ удобнѣйшему сообщенію Союзниковъ съ Англіею.

Въ продолженіи около двухъ недѣлей, дѣйствія герцога противъ Мезона ограничились Малою войною. 14 (26), прибыла

въ Бриссель ангальтъ-турингская бригада, подъ начальствомъ генерала русской службы, принца Павла виртембергскаго. Войска эти были тотчасъ направлены къ Алосту и Дендермонде, для наблюденія за Антверпеномъ и Гентомъ.

21-го февраля (5-го марта), Мезонъ, имѣя въ виду открыть сообщеніе съ Антверпеномъ и присоединить къ своимъ войскамъ стоявшую тамъ дивизію Рогѐ, двинулся съ 7,000 человѣкъ отъ Куртрѐ къ Уденардъ; въ тоже время, Карнò долженъ былъ сдѣлать сильную вылазку по направленію къ Генту. Крѣпость Уденардъ тогда была занята тремя баталіонами и тремя эскадронами съ 10-ю орудіями Союзныхъ войскъ, подъ начальствомъ полковника Гобе (Hobe). Французы покушались овладѣть Уденардомъ, но были отражены и возвратились въ Куртрѐ. Неудача этого нападенія, открывъ слабость непріятеля, побудила герцога веймарскаго атаковать Мезона. Съ этою цѣлью, 23-го февраля (7-го марта), герцогъ, собравъ часть своего корпуса, повелъ нападеніе на французскія войска стоявшія впереди Куртрѐ, что̀ заставило Мезона отступить въ слѣдующую ночь къ Лиллю. Потери съ каждой стороны въ семъ дѣлѣ простирались до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ ([17]). Генералъ Карнò выслалъ часть антверпенскаго гарнизона по условленному направленію; французскія войска достигли Локерена (Lockeren), но получивъ свѣдѣніе объ отступленіи Мезона, возвратились въ Антверпенъ.

Генералъ Грегамъ, потерявъ надежду овладѣть симъ городомъ, обратилъ свои усилія противъ Бергопцоома (Berg–op–Zoom).

Эта крѣпость, при построеніи коей знаменитый Кёгорнъ (Coëhorn) истощилъ всѣ средства современнаго инженернаго искусства, не была однакоже безопасна отъ нападенія открытою силою: главный валъ, частью лишь обнесенный одеждою, и рвы покрытые льдомъ не могли служить надежными защитами. Четырехъ–тысячный гарнизонъ, ослабленный болѣзнями и побѣгами до 2,700 человѣкъ, былъ весьма недостаточенъ для обороны обширной крѣпости, требовавшей не менѣе 12,000 человѣкъ. Грегамъ, открывъ сношенія съ жителями и надѣясь

на ихъ содѣйствіе, назначилъ для нападенія ночь съ 24-го на 25-е февраля (съ 8-го на 9-е марта). Въ 10-мъ часу вечера, 4,800 человѣкъ англійскихъ войскъ, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Кука (Cooke), въ четырехъ колоннахъ, съ нѣсколькихъ сторонъ подошли къ крѣпости; въ головѣ ихъ шли бергопцоомскіе жители, служившіе проводниками. Двѣ колонны ворвались въ городъ и почти безъ урона заняли нѣсколько бастіоновъ; третья колонна, генерала Гура (Goore), которой слѣдовало, войдя въ городъ, устремиться къ антверпенскимъ воротамъ и впустить кавалерію, двинулась, вмѣсто того, къ бредаскимъ воротамъ и потеряла своего начальника; четвертая колонна, подъ личною командою генерала Кука, не успѣвъ перейти черезъ ровъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ разломанъ лёдъ, соединилась съ колонною Гура. Къ разсвѣту Англичане овладѣли всею лѣвою стороною гавани. Комендантъ крѣпости, генералъ Бизанѐ (Bizanet), замѣтя утомленіе атакующихъ войскъ, построилъ свой гарнизонъ въ три колонны, отрѣзалъ отступленіе Англичанамъ и заставилъ значительную часть ихъ отряда положить оружіе. Дѣло окончилось въ девять часовъ утра. Уронъ Англичанъ простирался: убитыми до 800 человѣкъ, въ числѣ коихъ были: генералы Гуръ и Кукъ (умершій отъ ранъ); ранеными и взятыми въ плѣнъ они потеряли 2,077 человѣкъ, и въ томъ числѣ генерала Скеррета (Skerret); со стороны Французовъ: убито 160 человѣкъ, ранено 300, въ плѣнъ захвачено въ началѣ боя 100 человѣкъ ([18]).

Герцогъ веймарскій, недозволивъ генералу Мезону открыть сообщеніе съ Антверпеномъ и усилиться дивизіей Рогѐ, не могъ однакоже дѣйствовать рѣшительно, потому что долженъ былъ охранять устроенную для Силезской арміи базу въ Нидерландахъ, и для достиженія сей цѣли—растянуть свою армію. Но положеніе дѣлъ измѣнилось, когда 28-го февраля (12-го марта) прибыли въ Брюссель подкрѣпленія для укомплектованія регулярныхъ саксонскихъ войскъ, и сверхъ того шесть баталіоновъ саксонскаго ландвера и два баталіона ангальтъ-дессаускаго контингента, всего-же 7,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Тилемана (Thielemann). Такимъ образомъ гер-

цогъ, усиливъ свой корпусъ, вмѣстѣ съ войсками Борстеля и казаками Быхалова, до 27,000 человѣкъ пѣхоты и 3,100 кавалеріи съ 47-ю орудіями, рѣшился повести нападеніе на крѣпость Мобёжъ, овладѣвъ которою, могъ обезпечить свои сообщенія съ Блюхеромъ. Обложеніе Мобёжа было поручено генералъ-лейтенанту Лекоку (Locoq); отрядъ генералъ-маіора Русселя 1-го (Ryssel) сталъ впереди Монса, для наблюденія Кондè и Валансіенъ; отрядъ генералъ-лейтенанта Борстеля у Бавѐ (Bavay), для наблюденія Валансіенъ, ле-Кенуа (le-Quesnoy) и Ландреси (Landrecis). Отдѣльный корпусъ генерала Тилемана занималъ Турнѐ; ему-же были подчинены летучіе отряды: полковника Быхалова у Гента, маіора ф. Гельвига (Hellwig) у Куртрѐ и маіора графа ф. Пюклера (Pückler) въ Брюгге ([19]).

9-го (21-го) марта, войска Лекока, усиленныя тремя баталіонами прусской бригады Целинскаго, подошли къ Мобёжу. Въ слѣдующую ночь были заложены, въ трехъ стахъ шагахъ отъ главнаго вала, три батареи: одна для 4-хъ двадцати-четырехъ-фунтовыхъ (англійскихъ пушекъ; другая—для 8-ми (также англійскихъ) мортиръ, и третья—для 6-ти двѣнадцати-фунтовыхъ орудій. Въ ночи съ 10-го на 11-е (съ 22-го на 23-е), открыто бомбардированіе, на которое непріятель отвѣчалъ огнемъ 30-ти орудій. Одна изъ французскихъ бомбъ попала въ пороховой погребокъ, слѣдствіемъ чего былъ взрывъ, разрушившій ближайшую осадную батарею; прочія-же двѣ продолжали дѣйствовать во весь день до вечера. Генералъ Лекокъ предложилъ коменданту крѣпости, генералу Шулеру (Schouler) сдаться, и покушался подкупить его, но не успѣлъ въ томъ. Какъ, между тѣмъ, Союзники истощили весь запасъ своихъ осадныхъ снарядовъ, то герцогъ приказалъ разоружить батареи. Лекокъ, усиленный отрядомъ Русселя и казачьимъ полкомъ Ребреева, получилъ предписаніе ограничиться блокадою крѣпости; состоявшіе-же при блокадномъ корпусѣ прусскіе баталіоны двинулись въ слѣдъ за своею бригадою къ Лану (Laon), на присоединеніе къ корпусу Бюлова ([20]).

Генералъ Мезонъ, отойдя къ Лиллю, не отказался однакоже отъ своего намѣренія—открыть сообщеніе съ войсками сто-

явшими у Антверпена. Утвердительно можно сказать, что онъ принялъ всѣ зависѣвшія отъ него средства для успѣха своихъ дѣйствій. Нѣсколько дней предъ выступленіемъ изъ Лилля, онъ разглашалъ, будтобы пойдетъ къ Мобёжу для освобожденія сей крѣпости отъ блокады; въ продолженіи 12-го (24-го) марта, войска, назначенныя въ экспедицію, были снабжены какъ жизненными и военными припасами, такъ и понтоннымъ паркомъ, необходимымъ при фланговомъ движеніи мимо превосходнаго въ силахъ Союзнаго корпуса, вдоль рѣки Лиса (Lys), на которой не было ни одного моста. На слѣдующій день, 13-го (25-го), въ 4 часа утра, Мезонъ, съ 6,000 человѣкъ пѣхоты, 1,100 кавалеріи и 20-ю орудіями ([21]), выступивъ отъ Лилля, опрокинулъ партизанскій отрядъ Гельвига у Менена (Menin), приказалъ настойчиво преслѣдовать его по дорогѣ къ Уденардъ, что-бы убѣдить Союзниковъ въ своемъ намѣреніи — перейти чрезъ Шельду, а самъ, вмѣсто того, занялъ Куртрѐ, и на другой день, 14-го (26-го), еще до разсвѣта, быстро двинулся къ Генту. Этотъ городъ тогда былъ занятъ казачьимъ полкомъ Быхалова и кадромъ баталіона бельгійскихъ инсургентовъ полковника Полиса. Казаки отступили съ боемъ къ селенію Мѐлле; а большая часть бельгійскаго баталіона, вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ, была захвачена въ плѣнъ ([22]).

Герцогъ веймарскій, полагая, что Мезонъ имѣлъ намѣреніе направиться къ Брюсселю, прибылъ туда 17 (29), а на слѣдующій день собралъ въ Алостѣ до 10,000 человѣкъ съ 30-ю орудіями, съ коими хотѣлъ встрѣтить непріятеля съ фронта; отрядъ генералъ-лейтенанта Тилемана, въ числѣ также до 10,000 человѣкъ, долженъ былъ двинуться отъ Уденарда во флангъ Мезону; отрядамъ полковника Эглофштейна и подполковника Тюмена поручено занять Турнѐ и Лёзъ (Leuze); партизаны Гельвигъ и Пюклеръ направились къ Куртрѐ. Но между тѣмъ Мезонъ, присоединивъ къ своимъ войскамъ, у Лёкерена, дивизію генерала Рогѐ, въ числѣ около 5,000 человѣкъ съ 14-ю орудіями, обратился назадъ къ Куртрѐ. Тогда-же генералъ Тилеманъ, получилъ приказаніе идти къ сему городу и задержать непріятеля, въ ожиданіи отряда графа Вальмоде-

на (который, прибывъ отъ Рейна въ Бельгію, уже находился на маршѣ отъ Алоста). Слѣдствіемъ того было дѣло при Куртрè, 19-го (31-го) марта; генералъ Тилеманъ, не зная достовѣрно о силахъ встрѣченнаго имъ непріятеля, не успѣлъ во-время уклониться отъ боя и потерпѣлъ пораженіе. Саксонцы, потерявъ до 600 человѣкъ и три орудія, отступили къ Уденарду и соединились тамъ съ ганноверскою дивизіей Вальмодена и съ бригадою Габленца, прибывшею отъ Антверпена. Мезонъ покушался овладѣть городомъ Турнè, но встрѣтивъ сильный отпоръ, отошелъ къ Лиллю (23).

Герцогъ веймарскій, усиливъ корпусъ войсками графа Вальмодена до 42½ баталіоновъ, 20½ эскадроновъ и 2-хъ казачьихъ полковъ, въ числѣ до 30,000 человѣкъ, съ 78-ю орудіями, выдвинулъ его къ древней границѣ Франціи. Генералъ Тилеманъ и летучій отрядъ Гельвига (12 батал. и 4½ эскадр. съ 16-ю орудіями) стали у Турнè; генералъ Лекокъ (14½ батал. 4 эскадр. 2 каз. полка съ 24-мя орудіями) у Монса; генералъ Габленцъ (9 батал. и 4 эскадр. съ 14-ю орудіями) у Ата; генералъ графъ Вальмоденъ (7 батал. и 8 эскадр. съ 24 мя орудіями) въ резервѣ, у Лессинъ. Наблюденіе Антверпена было поручено незадолго предъ тѣмъ прибывшимъ въ Бельгію шведскимъ войскамъ.

Несмотря однакоже на рѣшительное превосходство въ силахъ Союзнаго корпуса, Мезонъ, надѣясь на содѣйствіе нѣкоторыхъ изъ жителей Бельгіи, преданныхъ Французамъ, и желая снабдить провіантомъ Мобёжъ, выступилъ изъ Лилля и прибылъ 24-го марта (5-го апрѣля) въ Валансьенъ. Герцогъ веймарскій, имѣя въ виду слѣдить за движеніями непріятеля, выдвинулъ отрядъ Тилемана къ Бюри, Габленца къ Белёль (Beloeil, между Атомъ и Кондè) и Вальмодена къ Ату. Но въ слѣдъ за тѣмъ, Мезонъ, получивъ извѣстіе о переворотѣ происшедшемъ въ Парижѣ, возвратился въ Лилль (24).

31-го марта (12-го апрѣля), было заключено перемиріе и опредѣлена между войсками обѣихъ сторонъ демаркаціонная линія: отъ Мобёжа до Ландресси по теченію Самбры, далѣе де Мененъ (Menin) по границѣ сѣвернаго департамента (D -t

du Nord), вдоль большой дороги ведущей изъ Менен въ Туроутъ (Thourout), и оттуда по прямой чертѣ, между Остенде и Бланкенбергомъ, къ морю ([25]).

Осада Гамбурга.

Городъ Гамбургъ, знаменитый торговлею и богатствомъ, издревле былъ обнесенъ правильными укрѣпленіями (*). Съ запада, отъ Эльбы до Альстера, онъ былъ прикрытъ землянымъ валомъ съ девятью бастіонами, широкимъ и глубокимъ рвомъ и гласисомъ, впереди коего, на югозападной сторонѣ, сооруженъ правильный горнверкъ; альтонскія и даммсія ворота (Dammthor) защищены равелинами, а со стороны сѣверо-запада, на отлогой высотѣ, построенъ штерншанцъ, соединенный прикрытымъ путемъ съ главнымъ валомъ. Ломбартскій мостъ (Lombartsbrücke) на Альстерѣ соединялъ западную линію укрѣпленій съ восточною, состоящею изъ пяти бастіоновъ и двухъ равелиновъ, сооруженныхъ передъ воротами Каменными (Steinthor) и дейхскими (Deichthor). Къ востоку отъ горога, на возвышенной песчаной плоскости, между Альстеромъ и болотами Гаммельброока (Hammelbrook), находится обширное предмѣстье Сентъ-Георгъ, прикрытое валомъ съ исходящими и входящими углами; далѣе черезъ болота до эльбской плотины (Elbdamm) простиралась линія укрѣпленій, которая легко могла быть усилена вододѣйствіями. Наконецъ—южная линія укрѣпленій состояла изъ земляпаго вала небольшой профили, съ семью бастіонами, и широкаго водянаго рва. Отъ этой линіи чрезъ двѣ заставы, Броокъ-торъ и Зандъ-торъ, шли сообщенія съ низменнымъ островомъ Грасброокомъ (Grasbrook), на которомъ было построено нѣсколько люнетовъ. Вообще-же укрѣпленія Гамбурга въ то время, когда Наполеонъ ввѣрилъ маршалу Даву оборону этого города, находились въ плохомъ состояніи. Валъ былъ обращенъ въ общественное гульбище, брустверы снесены, бастіоны усажены деревьями, гласисы спланированы. Множество домовъ, магазиновъ, садовъ и аллей, на-

---

(*) *Планъ Гамбурга, Альтоны и Гарбурга.*

ходившихся внѣ города, дозволяли непріятелю приблизиться къ главному валу, не подвергаясь огню стоявшихъ на немъ орудій. Даву еще лѣтомъ 1813 года приступилъ къ возобновленію разрушенныхъ верковъ, построилъ нѣсколько новыхъ укрѣпленій, приказалъ снести всѣ постройки и вырубить деревья въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ главнаго вала; плотины на восточной сторонѣ города, а равно мосты на рѣкѣ Билле, были прикрыты блокгаузами и земляными укрѣпленіями. Наибольшія затрудненія представляло сооруженіе сообщенія между Гамбургомъ и Гарбургомъ, на пространствѣ 15,940 гамбургск. футовъ (4 верстъ и 140 сажен.). Мосты были построены на 855-ти парахъ свай; тамъ-же, гдѣ они прерывались теченіемъ Эльбы, служили для переправы черезъ рукава сей рѣки, Нордеръ-Эльбе и Зюдеръ-Эльбе, большіе паромы, прикрытые блокгаузами съ орудіями. Жители Гамбурга прозвали эти гигантскія постройки, сооруженныя руками ихъ и на счетъ города, Чортовымъ-мостомъ (Teufelsbrücke).

Гарбургъ, лежащій противъ Гамбурга, на лѣвомъ берегу Эльбы, господствуетъ надъ русломъ сей рѣки и надъ окрестною страною. Пятиугольная цитадель, съ прикрытымъ путемъ и двойнымъ водянымъ рвомъ, была возстановлена. Городъ, находящійся въ разстояніи около полуверсты (800 шаговъ) отъ цитадели, у подошвы высотъ Шварценберга, не былъ укрѣпленъ. Французы соорудили на господствующемъ пунктѣ высотъ большой шанецъ, обнесенный рвомъ съ палисадами, прикрытымъ путемъ и гласисомъ, и нѣсколько меньшихъ флешей и блокгаузовъ съ засѣками: эти укрѣпленія въ совокупности образовали двойную преграду прикрывавшую Гарбургъ, и вообще доступъ къ этому городу былъ возможенъ не иначе, какъ черезъ тѣснины находившіяся подъ перекрестнымъ огнемъ батарей и флешей ([26]).

Въ концѣ 1813 года, инженерныя работы еще не были окончаны, и еслибы Наслѣдный шведскій принцъ неотлагательно атаковалъ маршала Даву, то могъ-бы овладѣть Гамбургомъ. Но, вмѣсто того, принцъ, исключительно обративъ вниманіе на дѣйствія противъ Даніи, далъ возможность маршалу пригото-

виться къ упорной оборонѣ. Правда—Наслѣдный принцъ предлагалъ ему—очистить городъ, получивъ безпрепятственный пропускъ во Францію, но Даву рѣшительно отказалъ въ томъ, да еслибы онъ и согласился на предложеніе принца, то едвалибы Союзники признали выгоднымъ для себя свободное отступленіе тридцати тысячъ французскихъ войскъ. По крайней мѣрѣ, Чарльсъ Стевартъ (въ послѣдствіи маркизъ Лондондери) писалъ Кронъ-принцу, что свободное выступленіе Даву изъ Гамбурга во Францію помрачило-бы славу Сѣверной арміи.

Еще лѣтомъ 1813 года, въ продолженіи августа, Французы, не довольствуясь очищеніемъ пространства на пушечный выстрѣлъ кругомъ города, опустошили всю окрестную страну, за исключеніемъ мѣстъ назначенныхъ для фуражированія войскъ, Гаммельброока, островов̆ Бильвердера, Охсенвердера, Вильгельмсбурга, и нѣсколькихъ селеній. Даву, готовясь къ продолжительной оборонѣ, собралъ посредствомъ реквизицій большіе запасы хлѣба, пшена, соли, саго, дровъ, и въ особенности вина и водки; увѣряютъ, будтобы въ его погребахъ было не менѣе 10-ти милліоновъ бутылокъ винограднаго вина. Какъ всѣхъ огромныхъ запасовъ собранныхъ въ Гамбургѣ было недостаточно для продовольствованія многочисленныхъ жителей города, то 25,000 бѣднѣйшихъ гражданъ были выгнаны зимою, не успѣвъ даже взять съ собою необходимѣйшую одежду и обувь; въ числѣ ихъ были больные, дѣти, старики и женщины. Многіе изъ нихъ, не найдя себѣ пристанища въ Бергедорфѣ и Альтонѣ, были принуждены отправиться въ Любекъ и Бременъ. Подобныя жестокости были совершены безъ всякой необходимости, потому что въ Гамбургѣ оставались у жителей большіе запасы хлѣба; городскіе булочники предлагали дать подписку въ томъ, что у нихъ станетъ провіанта для всѣхъ гражданъ на шесть мѣсяцевъ.

Какъ жители Гамбурга не уплатили въ назначенный срокъ наложенной на нихъ денежной контрибуціи, да и самая контрибуція не могла-бы удовлетворить всѣмъ потребностямъ тридцати-тысячной французской арміи, то Даву насильственно захватилъ всѣ суммы издревле знаменитаго гамбургскаго банка.

Опустошеніе банка, начатое въ первой половинѣ ноября н. ст. 1813 года, окончилось совершеннымъ его истощеніемъ, 5-го (17-го) апрѣля 1814 года; вообще-же Французы забрали въ монетѣ и слиткахъ 7,500,000 банковыхъ марокъ (около 4-хъ милліоновъ рублей серебромъ).

Въ концѣ 1813 года, подъ начальствомъ Даву состояло до 40,000 человѣкъ, въ числѣ коихъ было до 4,000 больныхъ. Эти силы немогли считаться достаточными для обороны обоихъ укрѣпленныхъ городовъ и длинной линіи верковъ, ихъ прикрывавшихъ.

12-го (24-го) декабря, генералъ отъ кавалеріи графъ Беннигсенъ, съ частью своей арміи, въ числѣ 21,000 человѣкъ, съ 92-мя орудіями ([27]), смѣнивъ мекленбургскій ландверъ подъ Гамбургомъ, обложилъ сей городъ съ правой стороны Эльбы; тогда-же генералъ-лейтенантъ графъ Строгановъ, съ 5,100 человѣкъ при 36-ти орудіяхъ ([28]), обложилъ Гарбургъ. Въ половинѣ и въ концѣ января (въ концѣ января и въ началѣ февраля) прибыли къ Гамбургу два полка 13-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора де-Росси и ополченіе подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Толстаго, что̀ усилило армію Беннигсена до 33,000 человѣкъ съ 15-ю орудіями ([29]). Тогда-же корпусъ графа Вальмодена, въ числѣ 15,000 человѣкъ (*) съ 30-ю орудіями ([30]), смѣнилъ подъ Гарбургомъ войска графа Строганова выступившія къ Рейну. Очевидно, что войска, блокировавшія Гамбургъ съ обоихъ береговъ Эльбы, всего до 45,000, а въ послѣдствіи, по выступленіи войскъ Вальмодена къ Рейну, отъ 35,000 до 40,000 человѣкъ, разобщенныя широкою рѣкою и другими естественными преградами, были весьма растянуты. Не смотря однакоже на то, они безпрестанно нападали на внѣшніе посты непріятеля. 8-го (20-го) января, были поведены одновременно двѣ атаки: войска графа Строганова, наступавшія по лѣвую сторону Эльбы, овладѣвъ селеніями кругомъ Гарбурга и однимъ изъ блокгаузовъ, ворвались въ городъ, и хотя неудержались въ немъ, однакоже загвоздили девять тя-

(*) Войска графа Вальмодена подходили къ Гамбургу по частямъ.

желыхъ орудій и взяли въ плѣнъ 800 человѣкъ. Генералъ Жемчужниковъ, съ Нижегородскимъ и Орловскимъ полками, атаковалъ со стороны Охсенвердера островъ Вильгельмсбургъ, разорилъ одно изъ французскихъ укрѣпленій и захватилъ въ плѣнъ 500 человѣкъ.

Вслѣдъ за тѣмъ графъ Беннигсенъ, присоединивъ къ своимъ войскамъ два полка 13-й пѣхотной дивизіи, снова атаковалъ непріятеля, на правой сторонѣ Эльбы 13-го (25-го) января (*). Генералъ-маіоръ Гогель, съ 5-мъ и 42-мъ егерскими полками, овладѣлъ укрѣпленнымъ постомъ Гамомъ (Ham); генералъ Жемчужниковъ, съ своею бригадою, занялъ съ боя укрѣпленія Моорфлета (Moorfleth); съ такимъ-же успѣхомъ дѣйствовали Великолуцкій и Галицкій полки генерала де-Росси, направленные для развлеченія вниманія Французовъ, со стороны Вандсбека (Wandsbeck). Несмотря на сильную мятель, Русскіе овладѣли всѣми атакованными пунктами и преслѣдовали непріятеля на разстояніе картечнаго выстрѣла отъ главнаго вала. Потери его простирались убитыми до 400 и плѣнными до 300 человѣкъ.

Генералъ Беннигсенъ, усилясь ополченіями графа Толстаго и получивъ отъ Наслѣднаго шведскаго принца извѣстіе, что большая часть корпуса Вальмодена, смѣнившаго войска графа Строганова, 14 го (26-го) января, подъ Гарбургомъ, должна была вскорѣ выступить къ Рейну, предпринялъ рѣшительное нападеніе на Вильгельмсбургъ, чтобы прервать сообщеніе между Гамбургомъ и Гарбургомъ. Генералу Ареншильдту, за отсутствіемъ графа Вальмодена командовавшему его корпусомъ, было предложено содѣйствовать этому нападенію. 28-го января (9-го февраля), въ 4 часа утра, русскія войска двинулись къ Вильгельмсбургу тремя колоннами: первыя двѣ, генераловъ Эмме и графа Толстаго, подъ общимъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Дохтурова, со стороны Охсенвердера, а третья, генералъ-лейтенанта Маркова, отъ Ніенштедта (Nienstädt, ниже Альтоны), по льду рѣки Эльбы, на встрѣчу двумъ прочимъ. Одно-

(*) Въ день рожденія Императрицы Елисаветы Алексѣевны.

временно съ тѣмъ, генералъ Арентшильдтъ долженъ былъ атаковать укрѣпленія Гарбурга. Войска графа Беннигсена выступили до разсвѣта. Колонна генерала Эмме овладѣла шанцемъ на Моорвердерѣ и напала въ расплохъ на отрядъ генерала Остена, который былъ раненъ и захваченъ въ плѣнъ; напротивъ того, войска графа Толстаго, задержанныя внезапною оттепелью и наводненіемъ, не могли принять участія въ нападеніи. Колонна Маркова достигла большаго моста (Teufelsbrücke), но будучи встрѣчена сильнымъ огнемъ стоявшихъ тамъ батарей, не успѣла войти въ связь съ войсками Дохтурова и прервать сообщеніе между Гамбургомъ и Гарбургомъ. Тѣмъ не менѣе однакоже непріятель понесъ большой уронъ; въ плѣнъ захвачено 16 офицеровъ и 700 нижнихъ чиновъ; 12 орудій, 60 боченковъ пороха, 50 тысячъ патроновъ и значительное количество жизненныхъ припасовъ достались побѣдителямъ, которыхъ потери вообще простирались до 600 человѣкъ ([31])

Нападенія на Вильгельмсбургъ, съ цѣлью прервать сообщеніе между городами занятыми непріятелемъ, были возобновлены еще нѣсколько разъ, именно: 5-го (17-го), 11-го (23-го), 12-го (24 го), 16-го (28-го) февраля и въ послѣднихъ числахъ сего мѣсяца (въ первой половинѣ марта по н. ст.). Даву, потерявъ множество людей, отказался отъ обороны Вильгельмсбурга и ограничился занятіемъ постовъ между Гамбургомъ и Гарбургомъ. Графъ Беннигсенъ также нехотѣлъ удерживаться въ Вильгельмсбургѣ, изъ опасенія ослабить свою армію, но продолжалъ тревожить Французовъ безпрестанными нападеніями.

Въ началѣ (во второй половинѣ) февраля, графъ Вальмоденъ, съ бригадою россійско-германскаго легіона и ганноверскимъ егерскимъ баталіономъ, въ числѣ около 5,500 человѣкъ пѣхоты и 2,000 кавалеріи, съ 24-мя орудіями ([32]), выступилъ къ Дюссельдорфу. По отбытіи этихъ войскъ остались подъ Гамбургомъ 2,000 человѣкъ съ 10-ю орудіями ганзеатическихъ войскъ, поддержанные вновь сформированною ганноверскою дивизіей, въ числѣ 7,000 человѣкъ съ 6-ю орудіями, подъ общимъ начальствомъ генералъ–маіора Ліона (Lyon). Когда–же и эти войска въ половинѣ апрѣля н. ст. двинулись къ Рейну, обложеніе Гарбурга

было поручено графу Толстому, съ двумя полками 13-й пѣхотной дивизіи, двумя кавалерійскими и большою частью ополченія, въ числѣ 12,000 человѣкъ съ 36-ю орудіями ([33])

Въ половинѣ (въ концѣ) марта, когда по случаю оттепели, было прервано сообщеніе между различными частями беннигсеновой арміи, Даву съ большею частью своихъ войскъ перешелъ въ Гарбургъ и производилъ оттуда безпрестанныя вылазки. Положеніе графа Беннигсена было весьма зартуднительно: Русскіе были предоставлены своимъ собственнымъ средствамъ. Когда артиллерія большаго калибра, захваченная въ Глюкштадтѣ, слѣдовала оттуда въ Любекъ, Беннигсенъ просилъ Наслѣднаго шведскаго принца дать ему эти орудія для дѣйствія противъ Гамбурга, но принцъ отклонилъ его предложеніе. Напрасны также были домогательства русскаго главнокомандующаго о дозволеніи ему устроить въ Любекѣ госпиталь на 600 человѣкъ больныхъ и раненыхъ его арміи. Шведскій комендантъ въ семъ городѣ отвѣчалъ, что онъ будетъ защищать его отъ всѣхъ подобныхъ покушеній, хотя никто изъ Русскихъ не думалъ дѣйствовать силою ([34]). Наслѣдный шведскій принцъ предлагалъ маршалу Даву, со всѣми ввѣренными ему войсками, свободное отступленіе во Францію, однакоже Беннигсенъ, зная непремѣнную волю Императора Александра—чтобы всѣ французскіе гарнизоны оставались военно-плѣнными до заключенія мира, требовалъ отъ Даву сдачу его корпуса ([35]).

Положеніе французскихъ войскъ обложенныхъ въ Гамбургѣ, благодаря мѣрамъ принятымъ маршаломъ, было довольно сносно. Ни въ хлѣбѣ, ни въ фуражѣ, неоказывалось недостатка, но рогатаго скота было мало, и потому Даву кормилъ войска лошадинымъ мясомъ, приказывая приправлять его перцемъ, инбиремъ, и другими пряностями, и подавать къ собственному своему столу ежедневно по два блюда приготовленныя изъ конины. Каждый солдатъ получалъ въ день по бутылкѣ (litre) вина, а тѣ изъ нихъ, которые стояли на передовыхъ постахъ, двойную порцію. Войска, и въ особенности природные Французы, сознавая заботливость о себѣ своего начальника, были ему преданы и готовы обороняться до послѣдней крайности.

Напротивъ того, жители города терпѣли во всемъ крайнюю нужду. Каждый изъ нихъ долженъ былъ довольствоваться заблаговременно запасеннымъ хлѣбомъ. Все прочее было конфисковано въ пользу войскъ. Не было ни трактировъ, ни ресторацій. Почти всѣ мастеровые ушли изъ Гамбурга, и только-лишь двумъ или тремъ тысячамъ человѣкъ рабочихъ дозволили остаться въ городѣ и отпускали имъ изъ магазиновъ хлѣбъ, служившій для пропитанія ихъ семействъ. Опасаясь, чтобы извѣстія о невзгодахъ французскихъ армій не подавили духъ гарнизона, Даву распускалъ ложные слухи о побѣдахъ Французовъ и строго запретилъ всякія сборища, всякіе толки о политикѣ и военныхъ дѣйствіяхъ. За этимъ зорко наблюдала полиція, но, не смотря на то, войска знали о всемъ происходившемъ во Франціи изъ газетъ, получаемыхъ съ форпостовъ, либо чрезъ альтонскихъ жителей.

1-го (13 го) апрѣля, графъ Беннигсенъ, чрезъ датскаго подполковника Обѐра (Aubert), извѣстилъ маршала Даву о занятіи Союзниками Парижа, прекращеніи военныхъ дѣйствій и признаніи Людовика XVIII властителемъ Франціи. Даву отвѣчалъ «Только-лишь получилъ я ваше письмо отъ 13-го апрѣля, въ коемъ вы сообщаете мнѣ извѣстіе о событіяхъ происшедшихъ во Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, датскій подполковникъ Оберъ далъ мнѣ знать, что вы не считаете уже себя въ непріязненномъ положеніи къ французской націи. Въ отвѣтъ на вашъ отзывъ могу только извѣстить васъ о его полученіи. Согласно съ законами чести, не считаю себя освобожденнымъ отъ данной мною присяги несчастіями понесенными моимъ Государемъ» ([36]).

7-го (19-го) апрѣля, прусскій капитанъ Гейницъ вручилъ графу Беннигсену депешу временнаго французскаго правительства, на имя маршала Даву ([37]). Беннигсенъ послалъ къ нему двухъ офицеровъ, полковника Бушъ-Мюниха (Bouche-Munich) и штабсъ-капитана князя Голицына, съ этою депешею и съ письмомъ къ маршалу, въ которомъ предлагалъ прекратить враждебныя дѣйствія ([38]). Даву не согласился принять парламентеровъ, и потому обѣ помянутыя бумаги были доставлены ему чрезъ подполковника Обѐра. Маршалъ обѣщалъ дать отвѣтъ

чрезъ двадцать четыре часа, въ продолженіи коихъ собралъ военный совѣтъ, но еще прежде истеченія сего срока приказалъ открыть пальбу по русскимъ войскамъ. Между тѣмъ, графъ Беннигсенъ приказалъ сдѣлать нѣсколько бѣлыхъ знаменъ, съ гербами французскаго королевства и съ именемъ Людовика XVIII, и поставить ихъ впереди аванпостовъ, такъ, чтобы можно было ясно видѣть ихъ съ укрѣпленій Гамбурга и Гарбурга. Маршалъ, тогда находившійся въ штерн-шанцѣ, усмотрѣвъ бѣлое знамя, послалъ парламентера объявить, что если сей-же часъ не уберутъ его, то онъ прикажетъ стрѣлять по немъ и атаковать ближайшія войска. Генералъ Булатовъ отвѣчалъ парламентеру, что онъ будетъ ожидать его канонаду и нападеніе. «Пусть только прикажутъ мнѣ! Я поставлю знамя на валу вашего штерн-шанца»—сказалъ онъ. Французы сдѣлали только одинъ выстрѣлъ по бѣлому знамени; вслѣдъ за тѣмъ усилились побѣги изъ города, въ особенности-же было много голландскихъ дезертировъ. Генералу Беннигсену даже удалось открыть сношенія съ ближайшими сподвижниками Даву. 10-го (22-го) апрѣля, одинъ изъ гамбургскихъ гражданъ Ренвиль (Rainville), нѣкогда бывшій адъютантомъ генерала Дюмурьѐ, явился въ Союзный лагерь, отъ имени Луазона (Loison), старшаго изъ французскихъ генераловъ въ Гамбургѣ, съ просьбою исходатайствовать ему отъ французскаго правительства начальство надъ войсками Даву, что̀ подало-бы ему возможность арестовать маршала и сдать Союзникамъ оба города. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ знать графу Беннигсену о намѣреніи Даву произвести сильную вылазку и атаковать Союзныя войска на нѣсколькихъ пунктахъ ([39]).

Въ ночи съ 16-го на 17-е (съ 28-го на 29-е) апрѣля одинъ изъ родственниковъ маршала Даву, прибывъ въ Гамбургъ, привезъ Монитёръ и Журналъ преній (Journal des Debats) съ 28-го марта по 20-е апрѣля н. ст. изъ коихъ маршалъ, наконецъ убѣдясь въ достовѣрности переворота происшедшаго въ Парижѣ, объявилъ, на слѣдующій день, въ приказѣ по войскамъ, объ учрежденіи временнаго правительства, низложеніи Наполеона, возшествіи Людовика XVIII на престолъ его предковъ и добровольномъ безусловномъ отреченіи бывшаго Императора

Французовъ. Въ томъ-же приказѣ было предписано: водрузить бѣлое знамя на всѣхъ укрѣпленіяхъ Гамбурга и Гарбурга, замѣнить трехъ-цвѣтную кокарду бѣлою и продолжать защиту обоихъ городовъ отъ имени Короля Людовика XVIII. Въ заключеніе сказано: «Желаніе Французовъ, освященное постановленіями сената и законодательной палаты, а равно присоединеніемъ сановниковъ, сословій, управленій и арміи, призвало на престолъ Франціи династію Бурбоновъ. Поклянемся нашему Королю на вѣрность и повиновеніе.»

Чтобы избѣгнуть переговоровъ о сдачѣ, Даву, въ тотъ-же день, 17 (29) апрѣля, извѣстивъ графа Беннигсена, что гарнизонъ Гамбурга присягнулъ на вѣрность Людовику XVIII, просилъ увѣдомить его: «намѣренъ-ли русскій главнокомандующій продолжать противъ королевскихъ войскъ непріязненныя дѣйствія веденныя имъ противъ войскъ Императора Наполеона?» и снабдить формальнымъ пропускомъ штабъ-офицера, долженствовавшаго отправиться въ Парижъ, для донесенія графу д'Артуà о присягѣ Королю гамбургскаго гарнизона.

Графъ Беннигсенъ отвѣчалъ, что «онъ не ожидалъ подобнаго запроса,» и что всѣ войска, присягнувшія на вѣрность Королю Людовику XVIII, считаются союзниками Русскихъ.

23-го апрѣля (5-го мая), прибылъ въ Гамбургъ генералъ Фушè (Foucher), въ качествѣ королевскаго коммисара, для сдачи Беннигсену Гамбурга и Гарбурга. Даву, получивъ повелѣніе передать начальство надъ войсками дивизіонному генералу Жерару (Gérard), отправился во Францію, преслѣдуемый ненавистью своихъ непріятелей. Но Исторія, болѣе справедливая нежели сужденія современниковъ, скажетъ, что постоянство, мужество и основательность мѣръ, принятыхъ маршаломъ для защиты Гамбурга, заслуживаютъ удивленіе. Онъ исполнилъ свой долгъ, оборонялъ ввѣренный ему постъ до послѣдней крайности и можетъ быть поставленъ въ примѣръ каждому комендanту обложенной крѣпости. Упрекали его въ томъ, что онъ не предпринялъ пробиться чрезъ облагавшія его войска, составленныя изъ разноплеменныхъ ополченій и растянутыя на значительномъ пространствѣ. Но едвали удалось-бы ему пройти обшир-

ную страну, занятую Союзными войсками, и достигнуть предѣловъ Франціи.—Его суровое обхожденіе съ жителями отчасти оправдывается не только обычными пріемами Французовъ въ завоеванныхъ ими странахъ, но и самою необходимостью. Изъ всѣхъ наполеоновыхъ маршаловъ, одинъ лишь Даву сохранялъ въ ввѣренныхъ ему войскахъ строгую дисциплину и обуздывалъ по возможности грабительства и насилія своихъ подчиненныхъ.

Съ 13-го (25-го) на 18-е (30-е мая, Французы, въ нѣсколькихъ эшелонахъ, очистили Гамбургъ. Показанія на счетъ числа выступившихъ войскъ весьма различны: по русскимъ источникамъ, ихъ было около 21,500 человѣкъ, а по свидѣтельству Плото 12,300; въ госпиталяхъ осталось 4,800 человѣкъ.

19-го (31-го) мая, Беннигсенъ вступилъ въ Гамбургъ. Войска его оставались по квартирамъ въ Голштиніи до глубокой осени (40).

Одновременно съ покореніемъ Гамбурга, совершились въ Парижѣ два дѣла первостепенной важности: заключеніе мира между Франціей и Союзными Державами и обнародованіе уложенія (конституціи).

По вліянію Меттерниха, Союзники условились между собою сперва постановить условія мира съ Франціею, а потомъ уже приступить къ опредѣленію взаимныхъ отношеній между собою. Рѣшено было—войти въ соглашеніе съ Франціею неотлагательно въ Парижѣ, а прочія распоряженія предоставить конгрессу собранному въ одной изъ главныхъ столицъ Европы. Изъ уваженія къ Австріи, принявшей, не смотря на родственныя связи Императора Франца съ Наполеономъ, участіе въ общемъ дѣлѣ, постановили созвать конгрессъ въ Вѣнѣ.

Такое рѣшеніе, сообразное съ видами Союзныхъ Державъ, нежелавшихъ допустить вмѣшательство Франціи въ предположенное ими размежеваніе Европы, оправдалось въ послѣдствіи затрудненіями возбужденными французскимъ правительствомъ на вѣнскомъ конгрессѣ. Да и сами Французы нетерпѣливо желали очищенія своей страны отъ чужеземныхъ войскъ, коихъ

присутствіе оскорбляло гордость и дорого стоило «великой націи,» а выступленію Союзниковъ должно было предшествовать заключеніе мира.

Договоръ 18-го (30-го) мая между Франціею и Союзными Державами, заключалъ въ себѣ слѣдующія главныя условія.

По вопросу о границахъ, Франція была введена въ предѣлы 1792 года (§ 2.), съ присоединеніемъ небольшихъ частей на сѣверѣ и сохраненіемъ Мюльгаузена, Монбельяра, Авиньона и части Савоіи съ городомъ Шамбери, всего-же до полутораста квадратныхъ миль (§ 3). Судоходство по Рейну, до самаго устья сей рѣки въ море, признано свободнымъ (§ 5). Голландія была возстановлена и увеличена присоединеніемъ къ ней Бельгіи, а Германія составлена изъ независимыхъ государствъ, союзныхъ между собою (§ 6). Англія сохранила Мальту, но обязалась возвратить Франціи отнятыя у ней колоніи, за исключеніемъ однакоже Иль-де-Франса, Табаго, острова Св. Луціи и испанской части острова Сенъ-Доминго (§§ 8, 9, 10 и 11-й).

Король Фридрихъ-Вильгельмъ домогался, чтобы не только уничтожено было принятое Пруссіею на себя обязательство—уплатить Наполеону 140 милліоновъ франковъ остальной военной контрибуціи—на что̀ Франція изъявила согласіе, но чтобы, сверхъ того, французское правительство, въ возвратъ за содержаніе наполеоновыхъ войскъ въ 1812 году, выдало Пруссіи 132 милліона. Несмотря на недоразумѣнія, возникшія между Императоромъ Александромъ и Бурбонами, Государь убѣдилъ Короля Прусскаго отказаться отъ притязаній столь-же оскорбительныхъ, сколько и тягостныхъ для Франціи (§ 18), но французское правительство обязалось выплатить всѣ суммы должныя Союзнымъ Державамъ, либо ихъ подданнымъ, на основаніи законныхъ документовъ (§ 19), что̀, по общей ликвидаціи, составило 25 милліоновъ франковъ.

Наконецъ—положено, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, собрать конгрессъ въ Вѣнѣ (§ 32).

По секретнымъ статьямъ сего-же трактата, постановлено: во 1-хъ, чтобы Франція признала распоряженія Союзниковъ на

счетъ уступленныхъ ею владѣній; во 2-хъ, увеличить владѣнія Короля Сардинскаго; въ 3-хъ, установить свободу плаванія по Рейну и Шельдѣ; въ 4-й статьѣ было сказано: «французское правительство, на основаніи секретной статьи конвенціи 23-го апрѣля, обязавшись принять всевозможныя мѣры для возвращенія гамбургскому банку взятыхъ изъ него денегъ, обѣщается произвести строжайшее изслѣдованіе для отысканія сихъ суммъ и для судебнаго преслѣдованія тѣхъ, которые ими воспользовались.» По статьѣ 5-й, Союзныя Державы объявили, что, при отказѣ ихъ отъ всякаго вознагражденія со стороны Франціи, само собою разумѣется, что Франція также не будетъ требовать никакихъ уплатъ по дотаціямъ, доходамъ Почетнаго Легіона, сенаторскимъ пенсіямъ, арендамъ, и другимъ обязательствамъ, лежавшимъ на уступленныхъ ею владѣніяхъ. Особыми секретными статьями постановлено: 1) для ликвидаціи взаимныхъ разсчетовъ между Франціей и герцогствомъ варшавскимъ, назначить коммисію, составленную изъ русскихъ и французскихъ чиновниковъ; 2) Франція, въ отношеніи къ Англіи, обязалась: содѣйствовать на вѣнскомъ конгрессѣ уничтоженію торга невольниками; уплатить долги плѣнныхъ Французовъ въ Англіи; отмѣнить запрещеніе, наложенное въ 1792 году, по взысканію суммъ должныхъ во Франціи Англичанамъ, и открыть переговоры о торговомъ трактатѣ; 3) наконецъ, въ отношеніи къ Пруссіи, были отмѣнены всѣ явныя и тайныя обязательства, взаимно принятыя между обѣими Державами со времени Базельскаго трактата (41).

О предметахъ изящныхъ искусствъ, завоеванныхъ Наполеономъ, вмѣстѣ съ странами покоренными его оружіемъ, и украшавшихъ французскіе музеи, не было и рѣчи. Императоръ Александръ, съ первыхъ дней Своего пребыванія въ Парижѣ, выразилъ намѣреніе—оставить ихъ въ столицѣ Франціи, гдѣ они были наиболѣе доступны для всей Европы. Государь, посѣтивъ въ первый разъ Наполеоновъ музей, замѣтилъ, что на нѣкоторыхъ подножіяхъ небыло статуй, и указавъ на одно изъ нихъ сопровождавшему Его, главному директору сего хранилища, знаменитому Денону, спросилъ: «что здѣсь прежде

стояло?»—«Аполлонъ Бельведерскій,» отвѣчалъ Денонъ.—«Гдѣ онъ теперь?» продолжалъ Александръ.—«Опасность, угрожавшая Парижу—сказалъ Денонъ—заставила насъ оптравить нѣкоторые предметы въ Орлеанъ.»—«Еслибы вы оставили Аполлона въ Парижѣ, возразилъ Государь, то, увѣряю васъ, никто неприкоснулся-бы къ нему, но теперь, если казаки возмутъ его на дорогѣ, онъ будетъ нашею законною добычею» ([12]).

Въ продолженіи переговоровъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ заключеніе 18-го (30-го) мая договора, извѣстнаго подъ названіемъ перваго парижскаго трактата, особая коммисія занималась составленіемъ уложенія (конституціи). Союзные Монархи, и преимущественно Императоръ Александръ, желали, чтобы это дѣло было окончано до ихъ отъѣзда, считая себя какъбы отвѣтственными предъ тѣми, которые приняли ихъ сторону, въ надеждѣ быть обезпеченными отъ притязаній эмигрантовъ. Сначала было условлено обнародовать уложеніе одновременно съ мирнымъ трактатомъ, потомъ Союзники согласились отсрочить объявленіе сего акта до 4-го іюня н. ст. Въ совѣтѣ Короля предлагали отложить его еще на нѣсколько дней, но когда министры иностранныхъ Дворовъ дали знать, что войска ихъ, остававшіяся въ Парижѣ, выступятъ оттуда не прежде, какъ по исполненіи обязательствъ принятыхъ Людовикомъ XVIII въ Сентъ-Уэнѣ, Король назначилъ торжественное засѣданіе сената и законодательнаго собранія, для обнародованія конституціи, какъ было условлено, на 4-е іюня ([43]). Наканунѣ этого дня, Императоръ Александръ отправился въ Лондонъ. Караулы въ Парижѣ были сданы русскими войсками національной стражѣ. Генералъ Сакенъ сложилъ съ себя званіе генералъ-губернатора французской столицы. Городовое правленіе поднесло ему, въ знакъ признательности, ружье, пару пистолетовъ и шпагу, съ надписями: на одной сторонѣ: «Paix de 1814» (Миръ 1814 года), а да другой: la Ville de Paris au Général Sacken» (Городъ Парижъ Генералу Сакену). Незадолго до своей смерти, Сакенъ поднесъ полученное имъ отъ Парижа оружіе Московской Оружейной Палатѣ ([44]).

Войска русскія возвращались въ отечество по опредѣлен-

нымъ маршрутамъ (45), получая на маршѣ жизненные припасы отъ страны, изъ заблаговременно-устроенныхъ магазиновъ (46), по тарифу, составленному генералъ-интендантомъ Канкринымъ и утвержденному главнокомандующимъ Барклаемъ де-Толли (47).

Въ продолженіи двухъ-мѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ, Александръ возвратилъ Франціи двѣсти тысячъ плѣнныхъ, примирилъ ее съ Европою, возстановилъ владычество Бурбоновъ, обезпечилъ судьбу Своего врага и принялъ мѣры для охраненія спокойствія въ странѣ, которой войска опустошили огнемъ и мечемъ Россію.

Таковы были ближайшія послѣдствія борьбы, начатой Наполеономъ на берегахъ Нѣмана—оконченной Императоромъ Александромъ въ Парижѣ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Вмѣсто.*	*Слѣдуетъ.*
1	1 снизу	1813 г.	1814 г.
7	11 —	спископство	епископство
9	15 сверху	прицемъ	принцемъ
11	13 —	динистіи	династіи
13	15 снизу	трудно	трудно.
14	8 —	человѣкъ»	человѣкъ».
20	13 сверху	въ присутстіи	въ присутствіи
23	15 снизу	обнароданную	обнародованную
23	4 —	въ упадкѣ	въ упадкѣ.
24	6 сверху	императому	императору
36	7 —	войскамн	войсками
51	20 —	обстоятельсвта	обстоятельства
57	13 и 14 снизу	низверягать	низвергать
59	2 —	Дубса-	Дубса,
66	15 —	Reimersberd	Reimersberg
71	9 сверху	явваря	января
74	8 —	Мартье	Мортье
74	9 снизу	кавалеріи	кавалеріи
75	11 сверху	Витгеншнейна	Витгенштейна
76	4 —	быль	былъ
98	11 —	непріятемя	непріятеля
125	2 —	батареи	батареи.
134	14 —	Вигри	Витри
137	15 снизу	Шварценберъ	Шварценбергъ
139	11 —	во̀-все	оно во̀-все
140	17 сверху	виртембергскй	виртембергскій
150	4 снизу	исполнится	исполниться
153	5 —	при Шампоберѣ	при Шампоберѣ,
166	14 —	Мармопа,	Мармона,
169	15 сверху	городъ	городъ.
204	8 снизу	русссихъ	русскихъ
227	11 и 12 —	дѣйсвовать	дѣйствовать
233	14 сверху	приказалъ	приказалъ ему
235	11 снизу	прерkащенія	прекращенія
235	5 —	нзъ	изъ

Стран.	*Строка.*	*Вмѣсто.*	*Слѣдуетъ*
237	13 сверху	ue	ne
262	5 снизу	Люзиньи	Люзиньи.
274	18 сверху	Л'Эритьè	л'Эритьè
281	14 снизу	Витгештейна	Витгенштейна
283	4 —	Л'Эритьè	л'Эритьè
293	11 сверху	(Gué-a-Tremes)	(Gué-à-Tremes)
302	7 снизу	Нѣкоторыя	Нѣкоторые
320	7 сверху	помошь	помощь
321	17 снизу	генерелъ-маіоръ	генералъ-маіоръ
321	5 —	калъ	какъ
323	18 —	кавалерію	кавалерію.
333	13 сверху	французской	французской
335	2 —	Самилли	Семилли
340	5 —	Іоркъ	Іоркъ.
342	6 —	непріятеля	непріятеля.
376	12 —	бталіоновъ	баталіоновъ
378	17 снизу	у Тренель	у Тренель.
399	16 —	стоихъ	своихъ
404	4 сверху	Nàpoléon	Napoléon
405	3-4 снизу	Фолькмапа	Фолькмана.
406	17 сверху	Арси	Арси.
407	2 снизу	наполеонъ	Наполеонъ
410	16 —	по немъ рѣку, частью черезъ	пò немъ черезъ рѣку, частью
410	9 —	miexu	mieux
414	5 —	конгресса	конгресса.
458	15 и 16 сверху	п. ст.	н. ст
460	1 —	Шалейрана	Талейрана
475	17 снизу	Шварценбера	Шварценберга
485	13 —	эскадрономъ	эскадронамъ
491	7 сверху	(26\-го	(26-го)
544	19 —	ядромъ	ядромъ.